НОВЫЕ МИРЫ АЙЗЕКА АЗИМОВА

NEW WORLDS OF ISAAC ASIMOV

Volume six

THE POSITRONIC MAN

THE UGLY LITTLE BOY

«POLARIS» PUBLISHERS
1997

НОВЫЕ МИРЫ АЙЗЕКА АЗИМОВА

Том шестой

ПОЗИТРОННЫЙ ЧЕЛОВЕК

БЕЗОБРАЗНЫЙ МАЛЫШ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997

Новые Миры Айзека Азимова. Т. 6 / Пер. с англ. — Рига: *Полярис*, 1997. — 463 с.

Завершает собрание произведений классика НФ два романа, написанные им в соавторстве с Р. Силвербергом по мотивам ранних рассказов «Двухсотлетний человек» и «Уродливый мальчуган».

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом Российской Федерации об авторском праве. Перепечатка отдельных рассказов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

ISBN 5-88132-274-6

The Positronic Man
Copyright © 1992 by Nightfall, Inc. and Agberg, Ltd

The Ugly Little Boy
Copyright © 1992 by Nightfall, Inc. and Agberg, Ltd

© Издательство «Полярис», *перевод, составление,* 1997

© Издательство «Полярис», *оформление, название серии,* 1996

ПОЗИТРОННЫЙ ЧЕЛОВЕК

ТРИ ЗАКОНА РОБОТЕХНИКИ

*

Робот не может причинить
вред человеку
или своим бездействием допустить,
чтобы человеку был причинен вред.

**

Робот должен повиноваться
командам человека, если эти команды
не противоречат Первому Закону.

***

Робот должен заботиться
о своей безопасности, поскольку
это не противоречит
Первому и Второму Законам.

Глава 1

— Пожалуйста, присаживайтесь, сэр, — сказал хирург, указывая на стул возле стола.

— Благодарю, — сказал Эндрю Мартин.

Он спокойно сел. Он все делал спокойно. Это было его второй натурой, неизменной чертой его характера. И, глядя на него сейчас, никто бы не заподозрил, что Эндрю Мартин дошел до последней черты. Но это было так. Ради этой встречи он пересек чуть ли не половину континента. Здесь, и только здесь он надеялся осуществить чаяния всей своей жизни, здесь сконцентрировалось все, решительно все.

Лицо его выражало полное безразличие, и разве что очень внимательный наблюдатель смог бы заметить что-то вроде печали в глазах. Его светло-каштановые волосы были гладко причесаны, лицо было чисто выбрито, он не носил ни усов, ни бороды — никаких излишеств. Его хорошо сшитая одежда, преимущественно бархатистого красно-пурпурного цвета, носила явный отпечаток старомодности — свободные, летящие линии в стиле «драпери» были в моде несколько поколений назад и теперь встречались редко.

Лицо хирурга тоже носило печать полного безразличия, но тут удивляться было нечему: оно, как и все его тело, было сделано из нержавеющей стали бронзового оттенка. Хирург солидно и прямо сидел за импозантным столом одного из кабинетов без окон, в здании, высившемся на берегу озера Мичиган. Безмятежно и сосредоточенно глядел он на Эндрю своими блестящими глазами. На столе перед ним была укреплена медная табличка с его серийным номером — обычным сочетанием цифр и букв, составляющих заводскую марку.

Эндрю Мартин не обратил внимания на эти безличные обозначения. Подобные скучные, механические «удостоверения личности» никогда — ни теперь, ни тем более раньше —

ничего не значили для него. Эндрю собирался называть робота-хирурга «доктор», и никак иначе.

— Но, сэр, все это чрезвычайно странно. Чрезвычайно, сэр.

— Да. Я знаю, — сказал Эндрю Мартин.

— С тех пор как я получил ваш запрос, я почти ни о чем другом думать не мог.

— Искренне сожалею, что доставил вам столько беспокойства своей просьбой.

— Благодарю вас. Признателен за заботу.

Очень все вежливо, очень официально и совершенно бессмысленно. Они просто занимались словесным фехтованием, и ни один не хотел приступить к существу проблемы. Хирург умолк. Эндрю ждал, чтобы он продолжил разговор. Молчание затягивалось.

«Так мы ни к чему не придем», — подумал Эндрю и обратился к хирургу:

— Единственное, что я хотел бы узнать, доктор, — это как скоро вы сможете провести операцию.

Еще некоторое время хирург хранил молчание. Затем мягко, с характерным для роботов выражением глубочайшего уважения при обращении к человеку, сказал:

— Признаюсь, сэр, я еще сам не совсем понимаю, как проводить такую операцию, не говоря уже о том, почему в ней возникла надобность. К тому же я еще не знаю, кого я должен оперировать.

На его лице можно было бы прочесть выражение исполненной уважения непреклонности, если бы элегантный, безупречный лик робота мог иметь подобное — или вообще какое-нибудь выражение.

Теперь настало время помолчать Эндрю Мартину.

Он рассматривал правую, рабочую руку робота, которая в абсолютном покое лежала на столе. Это было изумительное создание мастера. Пальцы тонкие и длинные, и плавные изгибы металлической руки были прекрасны, грациозны и в то же время настолько приспособлены к выполнению своих функций, что очень легко было представить себе скальпель, становящийся естественным продолжением этой руки, единым гармоничным целым с пальцами, держащими его: хирург и скальпель как бы объединялись в единый чудесно приспособленный к своей работе механизм.

Все это обнадеживает, подумал Эндрю. В работе этого хирурга исключены колебания, запинки, дрожь в руках, ошибки, даже вероятность ошибки немыслима.

Такое совершенство было достигнуто благодаря специализации, — специализации, к которой человечество стремилось так страстно, что к настоящему моменту осталось очень мало роботов, обладающих собственным мозгом. Большинство из них стало простыми придатками невероятно мощного центрального компьютера, возможности которого далеко превосходили то, на что был способен мозг, ограниченный размером черепной коробки робота.

И робот-хирург на самом деле тоже не нуждался ни в чем, кроме набора датчиков и мониторов и множества приспособлений, манипулирующих инструментами, — если бы не то обстоятельство, что люди предпочитали иллюзию — и даже больше чем иллюзию, — будто их оперирует индивид, личность, а не придаток какой-то находящейся за тридевять земель машины. Так что те хирурги, у которых была частная практика, были оснащены собственными мозгами. Но этот-то, независимо от того, был у него мозг или нет, оказался настолько ограниченным, что даже не узнал в госте Эндрю Мартина, — возможно, даже никогда и не слышал о нем.

Для Эндрю это было внове. Ведь он был знаменит. Не в его вкусе было искать славы, да он и не искал ее, но слава, или, если хотите, известность, сама пришла к нему. Благодаря тому, чего он достиг, благодаря тому, чем он был. Именно не кем, а чем.

Вместо того чтобы ответить хирургу, Эндрю с внезапной непоследовательностью спросил:

— Скажите-ка мне, доктор, вам никогда не приходила в голову мысль, что хорошо бы стать человеком?

Вопрос, странный и неожиданный, застал хирурга врасплох. Некоторое время он колебался, словно сама мысль стать человеком была настолько чужда ему, что не укладывалась в позитронных связях его мозга.

Затем он вновь обрел свой апломб и невозмутимо ответил:

— Но я робот, сэр.

— А не кажется ли вам, что человеком быть лучше?

— Если бы мне была предоставлена возможность улучшить себя, сэр, я бы предпочел стать лучшим, чем теперь, хирургом. Главная цель моего существования — это хирургическая практика. Став человеком, я не стал бы лучшим хирургом, — это возможно, только если я буду более совершенным роботом. По правде говоря, я был бы очень доволен, если бы смог стать роботом более совершенной модели.

— Но и тогда вы останетесь роботом.

— Да, конечно. И меня это вполне устраивает. Как я уже объяснил, сэр, чтобы добиться выдающихся успехов в исключительно трудном и требующем большой практики искусстве современной хирургии, необходимо быть...

— Роботом, да, — сказал с некоторым раздражением в голосе Эндрю. — Но, доктор, подумайте о неизбежном при этом раболепстве! Подумайте только: вы — самый искусный хирург на свете. Вам приходится иметь дело с тончайшими проблемами жизни и смерти. Вы оперируете самых важных персон, и, насколько мне известно, к вам приезжают пациенты и из других миров. И при этом... при этом вы — робот? И вы согласны им оставаться? И, будучи искуснейшим из хирургов, подчиняться приказам любого человека — ребенка, дурака, хама, мошенника? Ведь именно этого требует Второй Закон. И выбора у вас нет. Вот прямо сейчас я мог бы приказать вам: «Доктор, встать!» — и вам пришлось бы встать. «Постучи пальцами себя по носу!» — и вы будете стучать. Стой на одной ноге, сядь на пол, иди направо или налево — я мог бы приказать вам все, что мне в голову взбредет, и вы подчинитесь. Я мог бы приказать вам, чтобы вы разобрали себя на части — и вы сделали бы это. Вы, великий хирург! У вас нет выбора. Человек свистнет — и вы броситесь на его свист со всех ног. Разве вас не оскорбляет, что я властен заставить вас делать черт знает что, все, что мне захочется, — до неимоверности глупое, пустое или унизительное?

Хирург был безмятежен.

— Мне будет приятно доставить вам удовольствие, сэр. Конечно, с некоторыми очевидными исключениями. Если ваши приказания принудят меня нанести вред вам или любому другому человеку, то заложенные в меня законы не дадут мне подчиниться вам, и никакие силы не заставят меня выполнить такой приказ. Первый Закон, который обязывает меня обеспечивать безопасность человека, выше Второго Закона, требующего подчинения человеку. Во всех остальных случаях повиновение доставляет мне одно удовольствие. Если бы вы потребовали, чтобы я совершил какие-то, пусть, с вашей точки зрения, идиотские, или бессмысленные, или унизительные поступки, я бы их совершил. И они не показались бы мне ни бессмысленными, ни идиотскими, ни унизительными.

Слова хирурга ничуть не удивили Эндрю. Вот если бы робот думал как-то иначе, это действительно было бы удивительно и даже смахивало бы на инакомыслие.

Но все же... все же...

Между тем хирург, без всякого намека на обиду или раздражение, спокойно, бесстрастно продолжил:

— Ну а теперь не вернуться ли нам к проблеме той необычной операции, ради обсуждения которой вы прибыли сюда? Я никак не могу взять в толк, чего вы от меня хотите. Мне трудно представить себе ситуацию, при которой такая операция нужна. Но прежде всего я должен знать имя того, кому я должен сделать эту операцию.

— Эндрю Мартин, — сказал Эндрю. — Операции должен подвергнуться я.

— Но, сэр, это невозможно!

— Но вы наверняка способны провести такую операцию?

— В смысле техники — да, способен. На этот счет у меня нет серьезных сомнений, независимо от того, какие требования будут мне предъявлены, хотя есть некоторые процедурные аспекты, требующие очень скрупулезного рассмотрения. Хотя все это в конце концов не так важно. Пожалуйста, поймите, сэр, операция нанесет непоправимый вред прежде всего вам самому.

— Это не имеет значения, — сказал Эндрю.

— Это имеет значение для меня.

— Это что — переработанный для роботов вариант клятвы Гиппократа?

— Гораздо более веская причина, чем эта, — ответил хирург. — Клятва Гиппократа — как бы добровольный обет. Но есть в моей схеме нечто, о чем вы, безусловно, знаете, осуществляющее контроль над моими профессиональными решениями. И превыше всего, и в первую очередь я не имею права причинять вред. Я *не могу* причинить вред.

— Людям, не так ли?

— Конечно. Первый Закон гласит...

— Доктор, пожалуйста, не излагайте мне Первый Закон. Я его знаю, во всяком случае не хуже вас. Но Первый Закон управляет действиями роботов только по отношению к людям. А я не человек, доктор.

Хирург лишь пожал плечами в ответ. Может, еще и искра промелькнула в его фотоэлектрических глазах. Казалось, сказанное Эндрю представляется ему бессмысленным.

— Да, — сказал Эндрю, — я знаю, что выгляжу совсем как человек, и то, что вы сейчас испытываете, можно было бы назвать удивлением, если бы робот мог испытывать нечто подобное. И тем не менее, доктор, я говорю вам сущую правду. Как бы вы ни воспринимали меня, как бы вам ни казалось, что я человек, на самом деле я — робот. *Робот*, доктор. И ничего более. Уж поверьте мне. И поэтому вы вправе подвергнуть меня

этой операции. В Первом Законе не содержится запрета одному роботу проделывать операции над другим роботом. Даже если эта операция нанесет мне вред, доктор.

Глава 2

В самом его начале — а это «начало» состоялось приблизительно за два столетия до его визита в кабинет хирурга, — никому и в голову не пришло бы принять его за что-либо, кроме робота.

В те далекие времена, когда он впервые сошел со сборочного конвейера «Ю. С. Роботс энд Мекэникл Мен», по своему внешнему виду он ничем не отличался от всех прочих роботов: хорошо спроектированный, великолепно функционирующий механизм из металла и пластика, с позитронным мозгом в имитирующем человеческие формы корпусе.

Его длинные, стройные конечности представляли собой великолепно соединенные между собой конструкции из титановых сплавов, покрытые стальной оболочкой и в местах соединения снабженные силиконовыми прокладками, чтобы предотвратить трение металла о металл. Муфты на его сочленениях были из наилучшего, очень эластичного полиэтилена. Его глаза из фотоэлектрических элементов мерцали темно-красным светом. Его лицо... впрочем, назвать это лицом значило бы слишком польстить ему, — так вот, эта по сути дела карикатура на лицо не способна была отразить ни мысли, ни чувства. А его нагое, бесполое тело было вне всяких сомнений механическим устройством. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что перед вами машина, такая же машина, как телефон, или карманный калькулятор, или автомобиль, и в той же мере далекая от животных, или от человека, или вообще от всего живого.

Но все это было давным-давно, в совсем другой эре.

В ту пору роботы на Земле были явлением редким — это было почти в самом начале века роботехники: прошло не более одного поколения людей после того, как великие роботехники Алфред Лэннинг и Питер Богерт и легендарная робопсихолог Сьюзен Кэлвин завершили свой исторический труд, разработав и усовершенствовав принципы, на основании которых и были созданы первые позитронные роботы.

Задача этих первооткрывателей состояла в том, чтобы создать роботов, способных принять на свои плечи бремя нудных работ, на выполнение которых люди были обречены столь долгое время. Но часть проблемы, с которой пришлось столкнуться

роботехникам в те дни, на заре развития науки об искусственном разуме, в конце двадцатого и начале двадцать первого века, заключалась в нежелании огромного большинства людей отказаться от этого своего бремени в пользу механических заменителей. И из-за этого нежелания фактически во всех странах — а мир тогда еще был поделен на множество наций — пришлось принять строжайшие законы, запрещавшие использование труда роботов на Земле.

К 2007 году на всей планете разрешались только исследовательские работы с использованием роботов, и то только под строгим контролем. Да, разрешалось отправлять роботов в космос на индустриальные предприятия и на исследовательские станции, которых там становилось все больше: пусть они осваивают бесплодный, стылый Ганимед и знойный Меркурий, пусть они ковыряют поверхность Луны, испытывая все связанные с этим неудобства, пусть возьмут на себя невероятный риск первых испытаний Прыжка, который проложит человечеству дорогу в гиперкосмос.

Но свободное и широкое использование роботов на Земле — ну нет! Они же займут драгоценные рабочие места, на которых иначе трудились бы нормальные люди из плоти и крови. Нет уж, никаких роботов нам не надо!

Но, конечно, со временем все стало меняться. Самые драматичные перемены пришлись примерно на то время, когда на предприятии Северного региона «Ю. С. Роботс энд Мекэникл Мен» с конвейера сошел робот НДР-113, который впоследствии стал известен как Эндрю Мартин.

Одной из причин постепенного отказа от антироботовых предрассудков на Земле послужила обыкновенная реклама. «Ю. С. Роботс энд Мекэникл Мен» отличалась не только научными достижениями, там кое-что смыслили и в том, насколько важно получение прибылей. И они нашли путь, не слишком броский, но эффективный, для развенчания мифа о Франкенштейне, представления о роботе как о механическом человеке, таком же страшном и отвратительном, как Голем. «Роботы существуют для наших же удобств, — твердили повсюду люди из "ЮСРММ", отвечающие за связи с общественностью. — Роботы нам помогают. Роботы совсем не враги нам. Роботы абсолютно безопасны, без всякого сомнения безопасны».

И поскольку это соответствовало действительности, люди стали терпимее относиться к присутствию роботов среди них. И все же многие из них делали это неохотно. Сама идея роботов им не нравилась; но и они осознавали нужду в роботах, и им приходилось по крайней мере мириться с их присутствием, тем

более что серьезные ограничения в использовании их продолжали существовать.

Но, нравилось это людям или нет, роботы стали нужны, потому что к этому времени население Земли начало сокращаться. После долгих страданий, которыми был ознаменован двадцатый век, наступило время относительного спокойствия и гармонии, рационального устройства общества — хотя бы до известной степени. Земля превратилась в более или менее спокойную, тихую, счастливую планету. И людей на ней становилось меньше, но не из-за войн или эпидемий, а потому что семьи стремились быть не такими большими, предпочитая качество количеству. Сокращалось население Земли и за счет переселения во вновь открытые космические миры: люди отправлялись на строительство обширных подземных городов на Луне, в колонии на астероидах и спутниках Юпитера и Сатурна и на искусственно созданные спутники на орбитах Земли и Марса.

Так что теперь не приходилось беспокоиться, что робот захватит твое рабочее место. И вместо страха потерять работу появилась проблема нехватки рабочих рук. Нежданно-негаданно роботы, которых раньше воспринимали с такой неприязнью, со страхом и даже с ненавистью, оказались необходимыми для поддержания благоденствия в мире, где хватало материальных благ, но некому было мести улицы, водить такси, готовить пищу, топить печи.

Вот таким было время — время сокращающегося населения и возрастающего благополучия, — когда на свет появился НДР-113, будущий Эндрю Мартин. Использование роботов на Земле уже не находилось под запретом, но все еще существовали строгие правила, и робота можно было встретить не каждый день. А тем более робота, запрограммированного на выполнение всех домашних обязанностей, что в первую очередь имел в виду Джералд Мартин, приобретая НДР-113.

Едва ли у кого-нибудь еще дома был слуга-робот. Для большинства людей сама мысль об этом представлялась ужасной, да и удовольствие это дорого стоило.

Но Джералд Мартин — это вам не кто-нибудь. Он был членом регионального Законодательного собрания, и при этом могущественным членом, так как был еще и председателем Комитета по науке и технике, был человеком очень умным, с сильным характером и потому пользовался всеобщим уважением. Джералд Мартин непременно осуществлял все, что задумывал. И непременно приобретал то, что ему хотелось приобрести. Он верил в роботов, знал, что их приход неизбежен,

что в конечном счете они станут неотъемлемой частью человеческого общества на всех уровнях.

И таким образом, используя свое положение в Комитете по науке и технике, он добился того, что роботы стали частью жизни и его, и его семьи. Он объяснял это своим желанием поглубже разобраться в таком феномене, как робот. А также намерением помочь своим коллегам по Законодательному собранию понять, как им лучше справляться с проблемами надвигающейся эры повсеместного распространения роботехники. И Джералд Мартин великодушно предложил себя в качестве испытуемого и смело принял в свой дом группу роботов-слуг.

Первые роботы представляли собой простейшие модели с программой на выполнение отдельных рутинных работ. По форме они в известной мере были схожи с людьми, но если они и могли произносить слова, то очень немногие, а свои обязанности выполняли тихо и результативно, как и положено машинам, — каковыми они и были, без всяких сомнений. Сначала пребывание роботов в доме казалось семейству Мартинов довольно странным, но очень скоро роботы как бы растворились, превратившись в некий фон семейной жизни Мартинов, и уже не вызывали у членов семьи большего интереса, чем тостеры или пылесосы.

Но потом...

— Это НДР-113, — представил Джералд Мартин нового робота в один из прохладных, ветреных дней июня. Фургон для доставки покупок преодолел длинный подъем на вершину холма, где располагалось внушительных размеров поместье Мартинов, и лоснящийся, сверкающий механический человек был извлечен из упаковочного ящика. — Наш персональный домашний робот. Наш собственный верный слуга.

— Как ты его назвал? — спросила Аманда. Она была младшей из двух дочерей Мартина — малышка с золотыми волосами и проницательным взглядом голубых глаз.

— НДР-113.

— Это его имя?

— Собственно, это его серийный номер.

Аманда нахмурилась:

— Эн-ди-арр. Эндиарр 113. Странное имя.

— Серийный номер, — повторил Джералд Мартин.

Но Аманда будто не слышала его.

— Эндиарр... Нельзя же его так звать. Это совсем непохоже на имя.

— Вы только послушайте ее, — сказала Мелисса Мартин. Мелисса, вторая дочь Мартина, была на пять лет старше Аманды, у нее были черные волосы и черные глаза. Мелисса, по сути, была уже взрослой — так, по крайней мере, считала Аманда. Аманда же была ребенком, и поэтому Мелисса относилась к ней как к глупенькой. — Ей, видите ли, не нравится его серийный номер.

— Эн-ди-арр, — снова произнесла Аманда, явно не обращая внимания на Мелиссу. — Плохо. Просто никуда не годится. Что, если назвать его Эндрю?

— Эндрю? — переспросил Джералд Мартин.

— Там же есть буква «эн» и буквы «д» и «р». Эндр. Эндрю.

— Нет, вы только послушайте ее! — презрительно повторила Мелисса.

Но Джералд Мартин улыбался. Он знал, что превращение букв серии робота в его имя — явление не столь уж редкое. Роботы серии ДН часто становились Джонами или Джейн. АРЧ-роботы получали имя Арчи. ГУТ-роботы превращались в Гути. Ну что ж, а нам попался робот серии НДР, и Аманда хочет назвать его Эндрю. Прекрасно. Прекрасно. У Джералда Мартина была привычка позволять Аманде делать все, что ей нравится. Но, конечно же, в известных пределах.

— Очень хорошо, — сказал он. — Это Эндрю.

И он стал Эндрю. Настолько, что проходили годы, а в семье Мартинов никто и никогда не называл его больше НДР-113. Фактически его серийный номер был забыт насовсем, и приходилось специально смотреть его в тех случаях, когда нужно было отправлять его на текущий ремонт. Да и сам Эндрю часто заявлял, что забыл свой серийный номер, хотя это было не совсем так. Ведь на самом деле, сколько бы времени ни прошло, он ничего не забывал, — если, конечно, хотел помнить.

Но время шло, многое менялось в самом Эндрю, и у него все меньше и меньше оставалось желания помнить свой серийный номер. Он просто запрятал его в дальний угол в своей памяти и не собирался когда-либо устраивать его поиски. Он был теперь Эндрю, Эндрю Мартин. Эндрю из семьи Мартинов.

Он был высокий, стройный, грациозный, потому что так уж замышлялись роботы серии НДР. Он неслышно и ненавязчиво присутствовал в доме Мартинов, выходившем окнами на Тихий океан, безукоризненно выполняя их распоряжения.

Это был старомодный дом, больше подходивший веку минувшему; огромный и величественный, он действительно требовал целого штата слуг, слуг, которых больше не было — за исключением роботов, разумеется; в результате в семье возникали трудности, пока Джералд Мартин не предложил своего участия в эксперименте. Зато теперь пара роботов-садовников заботилась о ярко-зеленых лужайках и подстригала восхитительные живые изгороди из темно-красных азалий, и обрезала завядшие листья высоких пальм, растущих на холме за домом. Робот-уборщик расправлялся с пылью и паутиной. А робот Эндрю был камердинером, дворецким, дамской горничной и шофером для всей семьи Мартинов. Он сервировал стол, подбирал и разливал вина, которые так любил Джералд Мартин; он присматривал за семейным гардеробом; он приводил в порядок их превосходную мебель, заботился о произведениях искусства, словом, обо всем их многочисленном и разнообразном имуществе.

Была у Эндрю и еще одна обязанность, которая нередко в ущерб другим, обыденным домашним делам занимала большую часть его времени.

Поместье Мартинов — именно поместье, большое поместье — было удалено, обособлено от других — оно находилось на живописном холме над веющим прохладой синим океаном. Поблизости имелся небольшой городок, но единственный крупный город Сан-Франциско находился далеко к югу на побережье океана. Города начали отмирать, люди предпочитали селиться в домах, далеко отстоящих друг от друга, и общаться посредством электроники. И в своем величественном и прекрасном поместье девочки Мартин редко имели партнеров для игр.

И вот они получили робота Эндрю.

Первой сообразила, как все это получше устроить, Мисс. («Мисс» — так Эндрю всегда называл Мелиссу, не потому что ему трудно было произносить ее имя, ему просто казалось, что неуместно так фамильярно обращаться к ней. Аманду он всегда называл «Маленькая Мисс», и никогда иначе. Миссис Мартин — ее звали Люси — была для Эндрю «Мэм». А сам Джералд Мартин — «Сэр». Джералд Мартин был таким человеком, что не только роботы, но и многие люди находили удовольствие в том, чтобы называть его «сэр». Тех же, кто называл его «Джералд», было совсем немного в этом мире, а уж представить себе, что он для кого-то является просто «Джерри», было абсолютно невозможно.)

Мисс быстро догадалась, как им лучше всего использовать робота. Для этого нужно было всего лишь применить Второй Закон.

— Эндрю, — сказала она, — мы приказываем тебе оставить свои дела и играть с нами.

Эндрю в это время приводил в порядок библиотеку Мартина: книги все перепутались и стояли не в алфавитном порядке, как им полагалось.

Он обернулся, стоя на лесенке у высокого книжного шкафа красного дерева, стоявшего между двумя широкими окнами с зеркальными стеклами в северном конце кабинета, и мягко возразил:

— Простите, Мисс. Я сейчас занят делом, которое поручил мне ваш отец. Более раннее приказание Сэра должно быть выполнено прежде вашего.

— Я слышала, что тебе говорил папа, — возразила Мисс. — «Я бы хотел, чтобы ты разобрался с этими книгами, Эндрю. Поставь их в прежнем алфавитном порядке». Так ведь?

— Совершенно верно, Мисс, именно так он и сказал. Этими самыми словами.

— А раз он сказал, что он *хотел бы*, чтобы ты разобрался с этими книгами — а ты этого не отрицаешь, — значит, это был не приказ, правда? Скорее это было пожелание. Или указание. А указание — это еще не приказ. И пожелание не приказ. Эндрю, я приказываю тебе: оставь в покое книги и поведи нас с Амандой на прогулку по берегу океана.

Второй Закон был использован превосходно. Эндрю тут же отложил в сторону книги и спустился с лесенки. Сэр, конечно, был главным в доме, но приказа он по сути дела не отдавал, во всяком случае, если судить по форме, а Мисс без всяких обиняков приказала. А приказ любого члена семейства — любого *человека*, живущего в доме, — выше, чем пожелание или указание, пусть даже это будет указание самого Сэра.

И Эндрю не затруднился в выборе. Он любил Мисс, и еще больше он любил Маленькую Мисс. По крайней мере воздействие, которое они оказывали на него, примерно соответствовало тому, что люди называли любовью. И Эндрю воспринимал это как любовь, потому что иного слова для определения его чувства к двум девочкам он не знал. Он ведь наверняка *что-то* чувствовал. Это само по себе было странным, но он предположил, что способность любить, как и все другие, очень разнообразные его способности, была заложена в нем изначально. А коль скоро им захотелось пойти поиграть с ним, он был счастлив выполнить их приказ, тем более что никакого нарушения ни одного из Трех Законов из этого не проистекало.

На берег вела крутая, извилистая тропа, усеянная камнями, с норками сусликов то там то здесь и другими опасными препятствиями. Никто, кроме Мисс и Маленькой Мисс, обычно не пользовался этой тропкой, потому что берег представлял из

себя всего лишь неровную песчаную полосу, покрытую водорослями, выброшенными на берег штормами, и плавником, а океан, омывающий северный берег Калифорнии, слишком холоден для всякого, кто захотел бы войти в него без водолазного костюма. Но девочки обожали его блеклые, капризные, насквозь продуваемые ветрами берега.

Спускаясь вниз по неровной тропе, Эндрю брал Мисс за руку, а Маленькую Мисс сажал на сгиб своей руки. И таким образом обе девочки совершали путешествие без всяких неприятностей — Сэр был очень строг в отношении этой тропы.

— Эндрю, — говорил он, — не допускай ни в коем случае, чтобы они бегали или прыгали по тропинке. Стоит им споткнуться на какой-нибудь неровности, и они упадут с высоты в двадцать метров. Я не могу запретить им спускаться вниз, но ты должен быть всегда рядом с ними в полной уверенности, что они не натворят каких-нибудь глупостей. Это приказ.

Эндрю знал, что когда-нибудь Мисс или Маленькая Мисс противопоставят этому приказу другой, повелев ему отойти в сторонку, пока они пробегутся вниз, с холма на берег океана. Когда такое случится, в его позитронном мозгу возникнет мощное противоречие, и, конечно, ему придется приложить все силы, чтобы как-то разрешить его.

В конечном счете одолеют, естественно, приказы Сэра, так как они содержат в себе элементы как Первого, так и Второго Законов, а любой приказ, сопричастный с запретами Первого Закона, всегда стоит превыше всего. И тем не менее Эндрю заранее знал, какое страшное потрясение постигнет его, когда впервые в открытую столкнутся приказ Сэра и прихоти девочек.

Но пока что Мисс и Маленькая Мисс были согласны подчиняться принятым правилам. Осторожно, шаг за шагом, прокладывал он путь по склону горы и лишь в самом низу отпустил ручку Мисс и поставил на влажный песок Маленькую Мисс. Они тут же радостно понеслись по краю неистового, шумного моря.

— Водоросли! — воскликнула Мисс, схватив толстую, коричневую, липкую ламинарию, длиннее, чем она сама, и стала размахивать ею, как кнутом. — Смотри-ка, Эндрю, какой длинющий кусок водоросли!

— А у меня деревяшка, — сказала Маленькая Мисс. — Очень красивая, правда, Мелисса?

— Может, для тебя, — надменно ответила старшая сестра. Она взяла шишковатый, кривой кусок дерева из рук Малень-

кой Мисс, небрежно взглянула на него и с содроганием отбросила в сторону. — Фу, на нем какие-то гадости растут!

— Это тоже водоросли, только не такие, — объяснила Маленькая Мисс. — Правда, Эндрю?

— Да, это альга, — ответил тот.

— Альги?

— Альга. Научный термин для обозначения водорослей.

— Ага. Альги. — Маленькая Мисс засмеялась и положила свой кусок дерева у начала тропинки, чтобы не забыть взять его с собой, когда они будут возвращаться домой.

Затем она снова понеслась вслед за старшей сестрой по пенящейся бахроме прибоя.

Эндрю легко поспевал за ними. Он не собирался отпускать их далеко от себя ни при каких обстоятельствах.

Ему не требовались особые указания Сэра, чтобы оберегать девочек, пока они находились на берегу океана: об этом позаботился Первый Закон. Океан в этих местах не только выглядел диким, он был опасен, чрезвычайно опасен: течения сильные и непредсказуемые, вода почти в любое время года невыносимо холодная, и огромные клыки скал рифа вздымались среди бурунов не дальше чем в пятидесяти метрах от берега. Если бы Мисс или Маленькая Мисс сделали попытку войти в море, Эндрю в тот же миг оказался бы рядом.

Но они были достаточно благоразумны и не думали купаться. Побережье этой части Тихого океана было прекрасно для созерцания его сурового, неприветливого пейзажа, а само море, всегда гневное и бурлящее, было враждебно для всех, кто не был рожден в нем, и даже ребенку это было ясно с первого взгляда.

Мисс и Маленькая Мисс шлепали по лужицам, оставшимся после отлива, высматривая темные литорины, серо-зеленые «блюдечки», мириады крохотных, стремительных раков-отшельников, выискивая — редко когда успешно — морские звезды, рассматривая розовые и красные анемоны. Эндрю стоял поблизости, спокойный, но настороже на случай, если вдруг нежданная волна поднимется и взметнется на берег. Сегодня море было как никогда тихое, удивительно тихое для этих вод, но опасность в любой момент могла нагрянуть ниоткуда.

Мисс вдруг спросила:

— Эндрю, а ты умеешь плавать?

— Я бы смог это сделать, если бы это было необходимо, Мисс.

— А мозги у тебя от этого не замкнутся? Если туда попадет вода?

— У меня очень хорошая изоляция, — объяснил ей Эндрю.

— Хорошо. Тогда сплавай до серой скалы и обратно. До той, где гнездятся большие бакланы. Мне хочется поглядеть, как быстро ты плаваешь.

— Мелисса... — с укором сказала Маленькая Мисс.

— Ш-ш-ш, Аманда. Я хочу, чтобы Эндрю сделал это. Может, он найдет там яйца бакланов, принесет и покажет их нам.

— Нехорошо трогать гнезда, Мисс, — кротко возразил Эндрю.

— А я хочу, чтобы ты отправился туда.

— Мелисса! — повторила Маленькая Мисс, теперь уже более резко.

Но Мисс настаивала. Это был приказ. Эндрю почувствовал первые признаки возникновения противоположных потенциалов в мозгу: появилась легкая дрожь в кончиках пальцев, едва заметное головокружение. Он должен подчиняться приказам — так гласил Второй Закон. Мисс могла приказать ему сию же минуту плыть в Китай, и он подчинился бы приказу, если бы при этом не было других соображений. Но он находился здесь, чтобы оберегать девочек. Что, если с ними случится что-нибудь непредвиденное, пока он будет на этой принадлежащей бакланам скале? Неожиданная, грозная волна, оползень, землетрясение — хотя землетрясения не так уж часто здесь случались, но мало ли что.

Это вступил в свои права Первый Закон.

— Извините, Мисс. Пока здесь нет никого из взрослых, чтобы охранять вас, я не могу оставить вас одних на такой длинный промежуток времени, который мне потребуется, чтобы доплыть до скалы и обратно. Если бы тут присутствовали Сэр или Мэм, тогда другое дело, но сейчас...

— Ты что, не понимаешь, что это приказ? *Я хочу*, чтобы ты поплыл туда, Эндрю.

— Но я же объясняю, Мисс...

— Нечего о нас беспокоиться. И я уже не *дитя*, Эндрю. Уж не думаешь ли ты, что ужасный великан-людоед спустится на берег и проглотит нас, пока ты будешь в море? Я сама себе хозяйка, благодарю покорно, и сумею, если нужно, позаботиться об Аманде.

— Ты несправедлива к нему, Мелисса, — сказала Маленькая Мисс. — Ему дал приказание папа.

— А теперь отдаю приказания я. — Мисс повелительно взмахнула рукой: — Плыви к скале с бакланами, Эндрю! *Ну*, Эндрю! Вперед!

Эндрю почувствовал, что нагревается, и дал указание своей автоматической системе внести необходимые гомеостатические корректировки.

— Первый Закон... — начал было он.

— Какой ты зануда! И ты, и твой Первый Закон! — вскричала Мелисса. — Неужели нельзя раз в жизни забыть об этом Законе? Но нет, нет и нет, этого ты не можешь, так ведь? Тебе в башку втемяшили эти дурацкие законы, и без них ты никуда. Ты — ничто, ты — лишь тупая машина!

— Мелисса! — с негодованием воскликнула Маленькая Мисс.

— Да, это так, — сказал Эндрю. — Как вы правильно отметили, я — всего лишь тупая машина, и поэтому я не могу не исполнить приказа вашего отца относительно вашей безопасности на берегу океана. — Он слегка поклонился Мелиссе: — Я очень сожалею, Мисс.

Маленькая Мисс предложила:

— Если тебе так уж хочется увидеть, как плавает Эндрю, почему бы не попросить его зайти в прибой и проплыть недалеко от берега? Ведь это никому не причинит никакого вреда, правда?

— Но это же совсем не то, — надувшись, заявила Мисс. — Совсем не то.

Но, подумал Эндрю, может быть, этого хватит с нее? Ему не нравилось быть причиной разногласий.

— Давайте я покажу вам, — сказал он.

Он вошел в воду. Тяжелые, пенистые волны с грохотом обрушивались на него, лизали его колени, но Эндрю легко одолевал их с помощью своих гироскопических регуляторов. Его металлические ступни не ощущали острых, неровных камней, устилавших дно моря. Датчики докладывали ему, что температура воды ниже той, которую может вынести человек, но для него это не имело значения.

В четырех-пяти метрах от берега было уже достаточно глубоко, чтобы плыть, и в то же время не так далеко от девочек, чтобы в случае чего оказаться на суше за какой-нибудь миг. Он сомневался, что такая необходимость появится. Девочки стояли на берегу рядом друг с другом, с восторгом наблюдая за ним.

Никогда раньше Эндрю не приходилось плавать — не было для этого оснований. Но он был запрограммирован на грациозность и прекрасную координацию движений при любых обстоятельствах, и ему понадобилось меньше микросекунды на то, чтобы вычислить характер движений при плавании слегка погруженным в воду: ритмические движения ног, поднимание-

опускание рук, ладони сложить чашечкой. Он проплыл параллельно берегу примерно с дюжину метров, ровно, ловко, мощно, потом повернул назад и возвратился к месту старта. Эта процедура заняла всего несколько мгновений.

На Мисс это произвело желаемое впечатление.

— Ты превосходный пловец, Эндрю, — сказала она с сияющими глазами. — Уверена, если бы ты принял участие в соревнованиях, ты побил бы все рекорды.

— Для роботов не существует соревнований, Мисс, — грустно ответил ей Эндрю.

Мисс усмехнулась:

— Я имею в виду соревнования среди людей. К примеру, Олимпийские игры.

— О, Мисс! Было бы очень несправедливо позволить роботу участвовать в Олимпийских играх и соревноваться с людьми! Этого никогда не будет.

Она немного подумала.

— Пожалуй, ты прав, — сказала она и с сожалением посмотрела на скалу, где жили бакланы. — Так ты не поплывешь туда? Клянусь, ты успел бы туда и обратно за две минуты. А за две минуты что с нами случится?

— Мелисса, — снова попыталась остановить ее Маленькая Мисс.

— Я отлично понимаю ваше желание заставить меня сделать это, но я не могу исполнить его. Я глубоко сожалею, однако...

— Ну ладно. Мне тоже жаль, что я попросила.

— Тебе не жаль, — возразила Маленькая Мисс.

— Нет, жаль.

— Но ты обозвала Эндрю тупой машиной. Это гадко!

— Но ведь так оно и есть, правда? — сказала Мисс. — Он сам сказал нам, что так оно и есть.

— Предположим, он — машина, — согласилась Маленькая Мисс. — Но он не тупой. И все равно невежливо так говорить.

— А я и не обязана быть вежливой с роботами. Это все равно что быть вежливой с телевизором.

— Ничего подобного! — настаивала Маленькая Мисс. — И вовсе ничего подобного!

И она расплакалась, так что Эндрю пришлось взять ее на руки и кружиться с нею до тех пор, пока зрелище мелькающего безоблачного неба и перевернутого вверх ногами океана не отвлекло ее настолько, что она забыла, отчего расплакалась.

А потом, когда Маленькая Мисс исследовала оставленные отливом лужи, Мисс подошла к нему и тихо прошептала:

— Извини, Эндрю, что я так сказала.

— Все в порядке, Мисс.

— Ты прощаешь меня? Я понимаю, что поступила дурно. Мне правда очень хотелось, чтобы ты сплавал туда, и я не подумала о том, что тебе не позволили оставлять нас одних на берегу. Мне очень жаль, Эндрю.

— Вам нет необходимости извиняться, Мисс. Право же, нет.

Ее и в самом деле не было. Разве способен робот чувствовать себя оскорбленным какими-либо словами или поступками человека? Но Эндрю решил, что лучше не говорить ей сейчас об этом. Раз у Мисс возникла потребность извиниться, он должен позволить ей удовлетворить ее, хотя ее бессердечные слова и ничуть не задели его.

Было бы глупо отрицать, что он — машина. Именно машиной он и был.

А что касается *тупой* машины... ну, тут он толком не знал, какой смысл она вложила в это слово. Ему хватало разума, чтобы решать встающие перед ним проблемы. Несомненно, должны были существовать роботы и поумнее его, но он таких не встречал. Может быть, она хотела сказать, что он не такой умный, как люди? Такое заявление звучало бессмыслицей для него. Он не понимал, как можно сравнивать разум человека с разумом робота. И качественно, и количественно процессы мышления у них были разными в принципе — этого нельзя отрицать.

Похолодало, усилился ветер. Он трепал платья девочек, бросал пригоршни песка им в лицо и на блестящий стальной корпус Эндрю. И девочки решили, что наигрались на берегу моря.

Подойдя к тропинке, Маленькая Мисс подняла найденный ею кусок дерева и засунула его себе за пояс. Она коллекционировала эти странные сокровища.

Тем же вечером, покончив со всеми делами, Эндрю спустился на берег океана и проплыл до баклановой скалы и обратно, просто для того, чтобы узнать, сколько времени это займет. Даже в темноте он одолел это расстояние легко и быстро. И тогда Эндрю понял, что без особого риска для Мисс и Маленькой Мисс он, по всей вероятности, и днем мог проделать это. Он, конечно, не сделал бы этого, просто он убедился, что такое было возможно.

Никто не требовал от Эндрю этого ночного заплыва. Он предпринял его по собственной инициативе. Так сказать из любопытства.

Глава 3

Наступил день рождения Мисс. Эндрю уже знал, что день рождения люди ежегодно отмечали как праздник, как знаменательное событие, как годовщину того дня, когда человек вышел из чрева матери.

Эндрю казалось странным, что люди отмечают как важное событие день, когда они покинули чрево матери. Он имел некоторое понятие о биологии человека и считал, что более важный момент — это момент зачатия, когда клетка спермы проникает в яйцеклетку и процесс деления клеток начинается. Ясно, что именно это настоящая точка отсчета!

В течение тех девяти месяцев, что человек пребывает в чреве матери, он уже живет, хотя и не способен к самостоятельным действиям. Ведь и покинув чрево матери, он не сразу обретает способность к самостоятельной жизни, так что различение рожденного и нерожденного ребенка, отмечаемое людьми как день рождения, представлялось Эндрю совершенной бессмыслицей.

Сам он был готов к выполнению своих функций тотчас же после того, как закончилась сборка и были включены позитронные связи. А вот новорожденным далеко до умения справляться с собственными проблемами. Эндрю не видел существенной разницы между зародышем, который проходит различные стадии развития в чреве матери, и тем же зародышем через день или два после рождения. Просто то он был внутри, а теперь появился снаружи, вот и вся разница. И там, и там он одинаково беспомощен. Так почему бы не праздновать годовщину зачатия, а не появления плода из чрева матери?

Но чем больше он размышлял над этим, тем больше логики находил в обеих версиях. К примеру, что бы сам он выбрал в качестве своего дня рождения, если бы роботы вообще испытывали нужду в подобных торжествах? День, когда на заводе начали его сборку, или день установки позитронного мозга и включения соматического контроля? Был ли он «рожден», когда первые отдельные части его арматуры были соединены между собой или когда уникальный комплекс восприятий, который и представлял собой НДР-113, был введен в действие? Сама по себе арматура не могла быть *им*, чем бы *он* ни был. Им был его позитронный мозг. А вернее, сочетание позитронного мозга и тела, соответствующим образом спроектированного. Так что его днем рождения...

Ох как же он запутался! А роботам не положено путаться. Их позитронный мозг куда сложнее, чем простой цифровой

мозг непозитронных компьютеров, оперирующий в пределах древних бинарных систем, типа «включить-выключить», «да-нет», «позитив-негатив», но порой эта усложненность приводит к возникновению противоположных потенциалов. Но все-таки в первую очередь роботы подчиняются логике и способны разрешить подобные конфликты, проанализировав с точки зрения здравого смысла все данные. Почему же тогда он так обескуражен проблемой того, когда следует отмечать день рождения?

«Потому что день рождения — это чисто человеческое понятие, — ответил он сам себе. — *К роботам оно не имеет никакого отношения. А ты не человек, и тебе не должно быть никакого дела до того, когда следует праздновать твой день рождения, и следует ли вообще».*

Но как бы там ни было, наступил день рождения Мисс. Сэр специально пораньше вернулся домой, хотя в Законодательном собрании в тот день шли бурные и трудные дебаты по поводу межпланетных зон беспошлинной торговли. Празднично одетая семья собралась в столовой за огромным, красного дерева столом. Зажгли свечи, и Эндрю подал изысканный обед, на составление меню которого они с Мэм потратили немало времени, а после обеда Мисс, с соблюдением всех традиций, получила и распаковала свои подарки. Вручение подарков, то есть новой собственности, которую тебе преподносят другие, было основным событием в ритуале празднования дня рождения.

Эндрю наблюдал за происходящим, не очень хорошо понимая его смысл. Он знал, что люди придают большое значение обладанию вещами, специфическими объектами, которые принадлежат только им, но ему трудно было уяснить себе, какую ценность имеют эти объекты и почему люди придают обладанию ими такое значение.

Маленькая Мисс, которая научилась читать всего год или два назад, подарила сестре книгу. Не кассету, не инфодиск, не голограмму, а книгу в переплете с суперобложкой и со страничками. Маленькая Мисс очень любила книги. И Мисс тоже, особенно поэзию — метод написания загадочных фраз неровными строчками, что для Эндрю составляло великую тайну.

— Какая прелесть! — воскликнула Мисс, вынимая книгу из ярко раскрашенной обертки. — «Рубаи» Омара Хайяма! Я всегда мечтала о ней! Но как ты узнала о существовании этой книги? Кто тебе сказал о ней?

— Я о ней читала, — сказала Аманда, краснея от смущения. — Ты думаешь, что если я на пять лет младше тебя, то уж ничего и знать не должна? Но позволь сказать тебе, Мелисса...

— Девочки! Девочки! — предупреждающе воскликнул Сэр. — Давайте-ка обойдемся без ссор в день рождения.

Следующий подарок преподнесла Мелиссе мама — чудесный шерстяной свитер, белый и пушистый. Подарок так растрогал Мисс, что она тут же надела его поверх того, что уже был на ней.

А потом она раскрыла небольшой пакет, в котором был подарок от отца, и прямо-таки задохнулась при виде его: Сэр купил ей кулон из розовой слоновой кости со сложным великолепным орнаментом такой тонкой работы, что даже Эндрю с его безупречным зрением с трудом мог разглядеть все завитки и переплетения узора. Мисс так и сияла от счастья. Она подняла кулон за золотую цепочку, надела его через голову, осторожно опустила кулон так, что он оказался в центре груди на ее новом свитере.

— С днем рождения, Мелисса, — сказал Сэр. И Мэм присоединилась к его поздравлению, и Маленькая Мисс, и все они запели именинную песенку. Потом Мэм предложила спеть ее еще раз и жестом предложила Эндрю присоединиться, и он пел вместе со всеми.

Он подумал в какой-то миг: а не должен ли был и он преподнести какой-нибудь подарок Мелиссе. Нет, решил он, она не ждала от него подарка. Да и с какой стати ей его ждать? Он же не был членом их семьи. Он был одним из их механических слуг. А преподнесение подарков дело исключительно человеческое.

Торжественный обед прошел чудесно. Только одно омрачало его: Маленькая Мисс отчаянно завидовала чудесному кулону Мисс из слоновой кости.

Она, конечно, пыталась скрыть это чувство. Это был праздник в честь дня рождения ее сестры, и она совсем не собиралась портить его, но весь вечер Маленькая Мисс украдкой бросала взгляды на кулон, мягким розовым и золотым светом сиявший на груди Мелиссы, и Эндрю не требовалось проявлять особую тонкость восприятия, чтобы понять, какой несчастной она себя чувствует.

Ему так хотелось чем-нибудь развеселить ее. Но все эти дни рождения, подарки, сестры, зависть и всякие другие человеческие понятия, — они были абсолютно непонятны ему. Он был чрезвычайно способным в своем роде роботом, но его создатели не сочли нужным наделить его способностью понимать, почему маленькая девочка страдает от того, что прекрасную вещицу подарили не ей, а другой девочке, ее сестре по случаю дня рождения.

Но прошел день или два, и Маленькая Мисс подошла к Эндрю и сказала:

— Можно, я поговорю с тобой, Эндрю?

— Конечно, можно.

— Тебе понравился кулон, который папа подарил Мелиссе?

— Он мне показался прекрасным.

— Он просто великолепен. Ничего прекраснее я не видела.

— Да, он прекрасен, — сказал Эндрю. — И я уверен, Сэр подарит вам что-нибудь такое же прекрасное, когда придет день вашего рождения.

— Но до моего дня рождения целых три месяца, — сказала Маленькая Мисс.

Она произнесла это так, как будто до дня рождения оставалась целая вечность.

Эндрю молчал, не понимая, к чему она клонит.

Маленькая Мисс подошла к шкафу, где она хранила найденный на берегу кусок дерева, и протянула его Эндрю:

— Эндрю, не сделаешь ли ты мне кулон? Вот из этого:

— Деревянный кулон?

— Но, понимаешь, у меня под рукой нет слоновой кости. А это очень красивое дерево. Ты умеешь вырезать по дереву, а? Ты и научиться мог бы, правда?

— Уверен, что технически это дело мне по силам, но понадобятся инструменты и...

— Вот, — сказала Маленькая Мисс.

Она взяла на кухне ножик и с серьезным видом, будто вручала целый набор лезвий скульптора, протянула его Эндрю.

— Вот то, что тебе надо, — сказала она. — Я в тебя верю, Эндрю.

И она взяла в свои ручонки его железную руку и пожала ее.

Этой ночью в тишине комнаты, где Эндрю обычно размещался после того, как все дневные дела были выполнены, он тщательнейшим образом минут пятнадцать изучал кусок дерева — его строение, твердость, изгибы. Он также подверг серьезному обследованию и нож, испытав его на куске дерева, подобранном им в саду, — проверил, какой от него может быть толк. Потом он припомнил, какого роста Маленькая Мисс, представил, какой величины должен быть кулон для девочки, пока еще совсем маленькой, но которая будет расти.

Наконец он отделил тонкий слой с одного конца куска дерева. Оно оказалось очень твердым, но Эндрю, как и полагалось роботу, был очень силен, так что весь вопрос заключался в том, выдержит ли ножик такую нагрузку. Ножик выдержал.

Эндрю рассматривал вырезанную пластинку. Он вертел ее из стороны в сторону, тер пальцами плоскую поверхность. Он закрывал глаза и воображал, какой она станет, если вот тут подрезать, потом немножко здесь, еще вот в этом месте, здесь чуть-чуть соскоблить, а тут...

Так.

И он принялся за работу.

После того как предварительный план был составлен, сама работа заняла немного времени. Точность движений у Эндрю вполне соответствовала такой тонкой работе, а зрение было просто превосходное, и казалось, само дерево с готовностью подчиняется всем его замыслам.

Кулон был готов поздней ночью, когда отдать его Маленькой Мисс он еще не мог. Он отложил его в сторону и до самого утра не вспоминал о нем. И только когда Маленькая Мисс собралась выбежать на улицу к школьному автобусу, Эндрю принес кулон и отдал ей. Она взяла кулон с выражением некоторой растерянности и удивления на лице.

— Я сделал это для вас, — сказал Эндрю.

— Ты *сделал* это?

— Из того дерева, которое вы дали мне вчера.

— О, Эндрю, Эндрю! Это же изумительно! О, какая прелесть! Прекрасно, Эндрю! Никак не думала, что ты способен сделать такое. Подожди, пока Мелисса посмотрит! Подожди же! Я покажу его и папе!

Шофер автобуса начал сигналить. Маленькая Мисс спрятала кулон в сумку и поспешила к автобусу. Но, пробежав метров десять, она остановилась, помахала Эндрю рукой и послала воздушный поцелуй.

Вечером, когда Сэр вернулся из своего регионального Капитолия и Маленькая Мисс показала ему изделие Эндрю, в доме начался легкий переполох. Мэм воскликнула: «Ах какая прелесть!» — а Мисс была настолько мила, что признала, что кулон Эндрю не менее привлекателен, чем тот, что она получила в подарок на день своего рождения.

Сам Сэр был поражен. Он никак не мог поверить, что Эндрю вырезал эту безделушку.

— Откуда это у тебя, Мэнди? — так он называл Маленькую Мисс: «Мэнди» — и никто больше так не называл ее.

— Я же сказала тебе, папа, Эндрю сделал это для меня. Я нашла на берегу кусок дерева, и он из него сделал мне кулон.

— Но он вовсе не был задуман как робот-мастеровой.

— Как кто?

— Как резчик по дереву, — объяснил Сэр.

— А по-моему, был, — сказала Маленькая Мисс. — По-видимому, он много чего может, только мы не знаем.

Сэр взглянул на Эндрю. Он нахмурился и в задумчивости теребил свои усы — очень приметные усы, прямо-таки большущая пушистая щетка, а не усы, — он продолжал хмуриться, и Эндрю, пока еще не имевший опыта в разгадывании выражения лица человека, все же понял, что Сэр очень озабочен.

— Ты вправду сделал эту вещь, Эндрю?

— Да, Сэр.

— Ты ведь знаешь, что роботам не положено лгать.

— Это не совсем так, Сэр. Я могу солгать, если мне прикажут, или если необходимо солгать, чтобы уберечь человека от беды, или даже ради собственного спасения. — Он помолчал. — Но эту вещь я действительно изготовил сам для Маленькой Мисс.

— И придумал сам? Ты — его автор?

— Да, Сэр.

— С чего ты его скопировал?

— Скопировал, Сэр?

— Не с потолка же ты его взял. Ты нашел рисунок в какой-нибудь книге? Или воспользовался компьютером, или...

— Уверяю вас, Сэр, я всего лишь хорошо изучил необработанную деревяшку, пока не сообразил, в каких направлениях и как ее резать, чтобы угодить Маленькой Мисс. И потом я стал вырезать.

— Позволь спросить тебя, какими инструментами ты пользовался?

— Маленьким кухонным ножиком, Сэр, который мне любезно вручила Маленькая Мисс.

— Кухонным ножиком, — непривычно бесцветным тоном повторил Сэр. Медленно покачивая головой, он взвесил на руке кулон, как будто хотел понять, откуда такая красота. — Кухонным ножиком. Она дала тебе кусок дерева и обычный кухонный нож, и ты этим инструментом сумел создать *это*?

— Да, Сэр.

На следующий день Сэр принес с побережья другой кусок дерева, большой, искривленный и выцветший, весь в пятнах от долгого пребывания в море. Он снабдил Эндрю электрическим виброножом и показал, как им пользоваться.

— Сделай что-нибудь из этой чурки, Эндрю, — сказал Сэр. — Все, что захочешь. А я понаблюдаю за твоей работой.

— Конечно, Сэр.

Некоторое время Эндрю размышлял над деревяшкой, потом включил вибронож и, используя максимальное оптическое увеличение, исследовал, какие результаты могут быть получены с

его помощью; после этого Эндрю приступил к работе. Сэр сидел рядом с ним, но стоило Эндрю начать вырезать, как он забыл о человеке рядом с собой. Он целиком сосредоточился на своей работе. Теперь для него имели значение лишь кусок дерева, вибронож и представление о том, что он собирался создать.

Когда он закончил, он протянул изделие Сэру, а сам отправился за пылесосом, чтобы убрать стружки. Возвратившись в комнату, Эндрю увидел, что Сэр неподвижно сидит и безмолвно и озадаченно рассматривает поделку.

— Я заказывал робота серии НДР для домашних услуг, — наконец тихо сказал он. — Не припомню, чтобы в инструкции что-нибудь говорилось о применении его в качестве мастерового.

— Вы правы, Сэр. Я и есть робот НДР для домашних услуг. И у меня нет никаких специальных ремесленных умений.

— Но ты же сделал эту вещь, я видел все своими глазами.

— Да, Сэр.

— А ты мог бы еще что-нибудь вырезать из дерева? Или смастерить шкаф, например? Или стол? Или светильник? Скульптуры больших размеров?

— Этого я не могу вам сказать, Сэр. Я никогда не пробовал делать их.

— Что ж, теперь попробуешь.

После этого события Эндрю очень редко прислуживал за столом или готовил еду, или выполнял другие домашние дела, которые прежде входили в его обязанности. Ему приказали читать книги по резьбе и по дизайну по дереву и все, что касалось производства мебели, а одну из пустующих комнат в мансарде приспособили ему под мастерскую.

По предложению Сэра Эндрю больше всего был занят производством столов и шкафов, но он не оставлял и работу над маленькими безделушками для Мисс, Маленькой Мисс, а иногда и для самой Мэм, делал браслеты, серьги, ожерелья, кулоны. Его композиции поражали своей неординарностью. Он работал с экзотическими, редкими породами деревьев, которые доставал ему Сэр, и украшал свои изделия инкрустациями со сложными и искусными узорами.

Чуть не каждый день Сэр поднимался в мастерскую посмотреть на новые работы Эндрю.

— Это потрясающие произведения, — не уставал он повторять. — Совершенно потрясающие. Ты, Эндрю, не ремесленник, понимаешь? Ты — настоящий художник. И созданные тобой предметы — это произведения искусства.

— Я наслаждаюсь, когда занимаюсь ими, Сэр, — сказал как-то Эндрю.

— Наслаждаешься?

— Я не должен был употреблять это слово?

— Довольно странно слышать, когда робот говорит, что он чем-то наслаждается. Я полагал, что роботы не способны на чувства такого рода.

— Возможно, я неправильно употребил термин.

— Возможно, — сказал Сэр. — Но я не уверен в этом. Ты сказал, что наслаждаешься, когда делаешь это. Что ты под этим подразумеваешь?

— Когда я занят работой по дереву, токи в моем мозгу текут как-то свободнее. И мне почему-то кажется, что человек испытывает что-то подобное, когда он наслаждается. Я слышал, как вы произносили слово «наслаждаюсь», и думаю, что я правильно понял его значение. То, что вы называете этим словом, соответствует тому, что я чувствую. Так что скорее всего я вправе говорить, что я наслаждаюсь, занимаясь своим делом, Сэр.

— А, ну да.

Сэр с минуту помолчал.

— А ведь ты не обычный робот, Эндрю, да?

— Я совершенно стандартен, Сэр. Я робот системы НДР, только и всего.

— Действительно.

— Вас тревожит, что я тут работаю со всеми этими шкафами, столами, Сэр?

— Нет-нет, Эндрю, наоборот.

— И все же я чувствую определенную озабоченность в вашем голосе. В нем слышится... как бы это сказать?.. В нем слышится удивление? Нет, удивление — это не совсем точно. Неуверенность? Сомнение?.. В общем, мне кажется, Сэр, что вы все время думаете о том, что я действую за пределами того уровня, на который был запрограммирован.

— Да, — сказал Сэр, — именно об этом я и думаю, Эндрю. Ты действительно перешагнул за рамки запрограммированных возможностей. Но беспокоит меня не то, что в тебе неожиданно проявились способности творить, пойми. Я очень хотел бы знать, как и почему это произошло.

Глава 4

Несколько дней спустя Джералд Мартин позвонил управляющему местного отделения «Ю. С. Роботс энд Мекэникл Мен Корпорейшн» и сказал:

— У меня возникли небольшие проблемы с домашним роботом НДР, которого я приобрел у вас.

Управляющего звали Эллиот Смайт. Как и большинство высших чинов «ЮСРММ», Смайт принадлежал к большому, богатому семейству Робертсонов, ведущему свое начало от Лоуренса Робертсона, основавшего «Ю. С. Роботс Корпорейшн» в конце двадцатого века.

К этому времени компания так разрослась, что, строго говоря, не могла рассматриваться как семейное предприятие Робертсонов: необходимость в притоке новых капиталов для расширения производства принуждала Робертсонов и Смайтов постоянно продавать значительные количества акций «ЮСРММ» посторонним инвесторам. Тем не менее человеку, не принадлежащему к их кругу, не так уж просто было поднять трубку и попросить к телефону Робертсона или Смайта. Но Джералд Мартин был председателем регионального Комитета по науке и технике, и как бы богаты и могущественны ни были Робертсоны и Смайты, они не посмели бы пренебречь звонком Джералда Мартина.

— Проблемы? — сказал Эллиот Смайт, и его лицо на телефонном экране выразило крайнее замешательство. — Чрезвычайно жаль, мистер Мартин. Должен признаться, меня это удивляет. Ваш НДР — это, знаете ли, произведение искусства, и перед тем, как быть отправленным к вам, он прошел всестороннее тестирование. Какие неисправности вы обнаружили в нем? Он в чем-то не оправдал ваших ожиданий?

— Я ничего не говорил о неисправностях.

— Но вы упомянули о возникших проблемах, мистер Мартин. НДР должен справляться с любой работой по дому, которую. .

Сэр решительно прервал его:

— Я вовсе не имею в виду тех обязанностей, которые ему предписаны, мистер Смайт. НДР-113 прекрасно с ними справляется. Проблема в том, что у робота проявились не оговоренные в руководстве способности, в том руководстве, которое мы с вами обсуждали, когда впервые решили доставить в мой дом роботов-слуг.

Выражение замешательства на лице Смайта сменилось выражением мрачного предчувствия.

— Вы хотите сказать, что он преступил запрограммированный в его мозгу блок обязанностей и делает все, что ему вздумается, а не то, что ему приказывают?

— Нет, ничего подобного. Если бы происходило что-нибудь в этом роде, вы давно были бы осведомлены об этом, уверяю вас. Нет, мистер Смайт, дело в том, что совершенно неожиданно он занялся работами по дереву. Он делает из дерева украшения

и мебель. Моя младшая дочь обратилась к нему как-то с просьбой сделать ей из дерева кулон, и он выполнил работу так превосходно, что превзошел все наши ожидания. И тогда я велел ему вырезать из дерева еще много разных вещиц. Он вырезает феноменально тонкие узоры и при этом никогда не повторяется. Его работы — это произведения искусства. Любой музей почел бы за честь выставить их у себя.

После того как Сэр кончил говорить, Смайт немного помолчал. Уголки его губ слегка подергивались, но никаких других проявлений эмоций он себе не позволил.

Потом он сказал:

— Роботы серии НДР довольно многосторонни, мистер Мартин. Нет ничего невозможного в том, что какой-то НДР оказался способен к столярным работам.

— Мне казалось, что я недвусмысленно сказал вам, что это далеко не обычные столярные работы, — возразил Сэр.

— Да, возможно, — сказал Смайт, и наступила новая, довольно продолжительная пауза. Затем Смайт произнес: — Я хотел бы посмотреть на его работы. И заодно посмотрел бы на вашего робота. Надеюсь, вы не будете против, если я прилечу к вам на побережье и быстренько обследую его?

— Но обследование потребует лабораторных условий, не так ли? Насколько я понимаю, вам нужны будут приборы для тестирования, а как вы доставите их сюда, в мой дом? Может быть, проще мне привезти к вам Эндрю, чтобы вы на месте хорошенько проверили его?

— Эндрю?

Сэр улыбнулся:

— Так его называют мои девочки. По созвучию с его серией НДР, знаете ли.

— Ах да. Да, понятно. Но не стоит вам утруждать себя этим полетом сюда, на восток, мистер Мартин. Я все равно давно должен был посетить наши предприятия на Западном побережье, это вполне оправдывает мой визит к вам. К тому же я не собираюсь подвергать вашего НДР сложному тестированию. Мне нужно всего лишь поговорить с ним и с вами и посмотреть его работы по дереву: и вообразить не могу, как это вы доставите сюда целый вагон его столов и шкафов.

— Вы, пожалуй, правы.

— Тогда в следующий вторник? Это удобно для вас?

— Думаю, что да, — сказал Сэр.

— Да, вот еще что. Если позволите, я захвачу с собой Мервина Менски. Он — наш главный робопсихолог. Наверное, доктору Менски тоже будет интересно взглянуть на поделки робота НДР-113. Я даже уверен в этом.

Сэр освободил вторник от всех дел, чтобы остаться дома. Смайт и Менски должны были прилететь в Сан-Франциско дневным рейсом, а потом еще в течение тридцати минут добираться местным шатлом до побережья.

Эндрю был предупрежден о том, что приедут гости, чтобы осмотреть его. Ему это показалось странным: кому может прийти в голову наносить светский визит роботу, — но разбираться в происходящем у него не возникло никакого желания. Тогда Эндрю еще редко интересовался делами людей и почти не анализировал их всерьез. Только спустя многие годы, когда он гораздо лучше осознал свое положение, он смог правильно оценить это уже давнее событие и понять его истинный смысл.

Роскошный лимузин с шофером-роботом доставил руководителя «Ю. С. Роботс» и главного робопсихолога в поместье Мартинов. Они представляли собой совершенно разнородную пару: Эллиот Смайт был стройный, высокого роста человек атлетического сложения, с огромной, пышной гривой седых волос; казалось, ему уместнее было бы находиться не в конторе корпорации, а на теннисном корте или на матче по водному поло; а Мервин Менски был низеньким толстяком, волос не имел вовсе и производил впечатление человека, который покинет свое рабочее место только под сильным нажимом.

— Это Эндрю, — сказал им Сэр. — Его мастерская находится наверху, но и здесь вы можете увидеть кое-какие его работы. Вот этот книжный шкаф, светильники и стол, на котором они стоят, люстра...

— Изумительная работа, — сказал Эллиот Смайт. — Без всяких преувеличений — это шедевры, каждый из них.

Мервин Менски едва взглянул на всю эту мебель. Его внимание было сосредоточено на Эндрю.

— Контрольный код Элиф-9, Эндрю, — резко бросил он.

Ответ Эндрю последовал незамедлительно. Так оно и должно было быть: кодовая проверка была сопряжена со Вторым Законом и требовала беспрекословного подчинения. Эндрю, сверкая красными фотоэлектрическими глазами, выдал все параметры системы Элиф-9; Менски слушал его, кивая головой.

— Прекрасно, Эндрю. Контрольный код Эпсилон-7.

Эндрю исполнил ему весь Эпсилон-7. Менски дал ему Омикрон-14. Потом Каппа-3 — самый каверзный контрольный код, в который входили все параметры Трех Законов.

— Хорошо, — сказал Менски. — Ну, еще один. Контрольный код Омега, вся группа.

Эндрю перечислил все коды Омеги, которые регулировали и корректировали все процессы при введении новых данных в программу. Их перечисление требовало немало времени. Сэр в растерянности наблюдал за долгим испытанием. Эллиот Смайт, казалось, не слушал ни Менски, ни Эндрю.

— Он в прекрасной форме, — сказал Менски. — Каждый параметр отвечает требованиям.

— Я говорил мистеру Смайту, что дело не в том, что Эндрю якобы не справляется со своими обязанностями. Он не только с ними справляется — его возможности оказались вопреки ожиданиям куда более широкими.

— Может, вопреки *вашим* ожиданиям, — сказал Менски.

Сэр резко повернулся к нему, как будто его ужалили:

— О чем это вы, позвольте вас спросить?

Менски наморщил лоб, переходящий в лысину. Морщины были такие глубокие, как будто их вырезал своим резцом Эндрю. Его заострившиеся черты, усталые глаза, глубоко запрятанные в глазницах, бледная кожа, казалось, говорили о его нездоровье. Эндрю подумал, что Менски, должно быть, моложе, чем выглядит.

— Роботехника, мистер Мартин, не такая уж точная наука. Я не могу объяснить это вам во всех деталях — может, и смог бы, но это займет слишком много времени, и я не уверен, что вы много почерпнули бы из моих объяснений; но вот что я вам скажу: математическая теория, на основании которой программируются позитронные связи, настолько сложна, что не дает иных решений, кроме приблизительных. Поэтому роботы того же уровня сложности, что и Эндрю, частенько имеют способности, выходящие за пределы предусмотренных спецификаций... Хочу заверить вас, однако: то, что Эндрю оказался великолепным плотником, ни в коей мере не грозит тем, что он станет вести себя непредсказуемо и тем самым подвергнет опасности вас или вашу семью. Как бы ни варьировалось поведение роботов, Три Закона для них неоспоримы и нерушимы. Они составляют сущность их позитронного мозга. Прежде чем Эндрю попытается нарушить Законы, он полностью перестанет функционировать.

— Он не просто превосходный плотник, доктор Менски, — сказал Сэр. — Мы ведь говорим не только о прекрасно сделанных столах и стульях.

— Да-да, я понимаю. Он еще делает всякие там штучки-дрючки.

Сэр улыбнулся, но улыбка вышла холодная как лед. Он открыл шкаф, где Маленькая Мисс хранила свои сокровища, которые сделал для нее Эндрю, и вынул кое-что оттуда.

— Судите сами, — холодно предложил он доктору Менски. — Вот один из его пустячков, одна из его «штучек-дрючек».

Сэр передал ему блестящий шарик из черного дерева, на котором была вырезана маленькая площадка для игр. Фигурки девочек и мальчиков были совсем крохотные, их трудно было разглядеть, но пропорции были прекрасно соблюдены и так естественно сочетались с фактурой дерева, что она становилась частью композиции. Казалось, еще чуть-чуть — и фигуры придут в движение. Два мальчика приготовились биться на кулачках; две девочки внимательно рассматривали микроскопическое ожерелье, которое показывала им третья; немного в стороне стояла учительница, наклонившись к маленькому мальчику и отвечая на его вопросы.

Робопсихолог довольно долго молча разглядывал изящную вещицу.

— Позвольте и мне взглянуть, доктор Менски, — попросил Эллиот Смайт.

— Да-да, конечно.

Рука Менски дрожала, когда он передавал это маленькое изделие руководителю «Ю. С. Роботс».

Теперь настала очередь Смайту замереть в восторженном молчании. Эндрю, наблюдая за ним, снова испытал эмоцию, которую он привык считать наслаждением. Эти два человека были явно поражены его работами. И поражены так сильно, что не находили слов, чтобы выразить свое восхищение.

Менски сказал наконец:

— И это сделал *он*?

Сэр кивнул:

— Он никогда не видел школьную площадку для игр. Но как-то раз моя дочь Аманда описала ему эту сцену, когда он попросил ее рассказать, что такое площадка для игр. Минут пять они поговорили на эту тему, потом он поднялся в мастерскую и сделал этот шарик.

— Поразительно, — произнес Смайт. — Феноменально.

— Да, феноменально, — согласился Сэр. — Теперь понимаете, почему я счел необходимым привлечь к этому ваше внимание? Этот вид работы никак не предусматривался стандартными способностями роботов вашей серии НДР, так ведь? Я терпеть не могу банальностей, но, господа, разве здесь мы не имеем дело с гениальным роботом? Что-то такое, что можно рассматривать как возможности на грани человеческих?

— Ничего человеческого в НДР-113 я не нахожу, — упрямо и с раздражением ответил Менски. — Пожалуйста, не будем заблуждаться на этот счет, мистер Мартин. Перед нами всего лишь машина, никогда не забывайте об этом. В какой-то мере разумная, но машина. А в данном случае машина, обладающая чем-то вроде творческой жилки. И все равно машина. Все мое рабочее время я посвящаю исследованию личностей роботов — а они по-своему тоже личности, — и уж у кого, как не у меня должно было появиться искушение поверить в то, что в роботах есть что-то человеческое. Но я так и не поверил, мистер Мартин, не должны верить этому и вы.

— Я и не рассматривал такую возможность всерьез. Но как вы объясняете его художественные способности?

— Счастливая случайность, — сказал Менски. — Что-то в его цепях... Некая флюктуация. Последние два года мы старались производить такие конструкции... то есть роботов, которые не ограничивались бы простым выполнением заложенных в них обязанностей, но расширяли бы свой кругозор чем-то вроде индуктивных заключений, и нет ничего удивительного в том, что в одном из роботов возникло это подобие творческого потенциала. Как я уже отмечал, роботехника — это не всегда точное искусство. Порой случаются необычные вещи.

— Вы могли бы повторить эту «случайность»? Могли бы создать другого такого робота с неординарными способностями Эндрю? А может быть, и целую серию таких роботов?

— Пожалуй, нет. Тут мы столкнулись со стахостическим процессом, мистер Мартин. Вы понимаете меня? У нас нет точных количественных показателей, благодаря которым мы сумели наделить Эндрю его способностями, так что у нас нет шансов повторить те отклонения, которые стали причиной творческих способностей Эндрю. Я хочу сказать, что Эндрю — порождение случая, что он уникален.

— Прекрасно! Меня совсем не огорчает уникальность Эндрю.

Смайт, который стоял у окна все это время и смотрел на укрытый туманом океан, резко повернулся к ним и сказал:

— Мистер Мартин, я хотел бы вернуть Эндрю в наш центр для тщательнейшего обследования. Естественно, вместо него мы пришлем вам в качестве замены другого робота НДР и проследим, чтобы он был оптимально запрограммирован на выполнение домашних работ, которые возлагались на Эндрю, так что...

— Нет, — ответил Сэр с неожиданной жесткостью.

Смайт слегка приподнял бровь:

— Уж поскольку вы сами обратились к нам с данной проблемой, вы не можете не понимать всю важность исчерпывающего изучения феномена Эндрю, чтобы установить...

— Доктор Менски только что назвал Эндрю «простой флюктуацией» и признал, что представления не имеет, каким образом Эндрю обрел способность к творчеству, и что второго такого создать, даже если вы очень постараетесь, вы не сумеете. Так что я не вижу смысла в том, чтобы вернуть вам Эндрю и получить взамен другого робота.

— Может быть, доктор Менски слишком пессимистичен. Если мы сможем проследить нервные связи в мозгу Эндрю...

— Стоит вам начать, — сказал Сэр, — и, вполне возможно, тогда мало что уцелеет от Эндрю. Разве я не прав?

— Эти связи очень хрупки. Исследования часто сопряжены с риском разрушить их, тут вы правы, — признал Смайт.

— Мои дочери очень любят Эндрю, — сказал Сэр. — Особенно младшая, Аманда. Я даже смею утверждать, что Эндрю — ее лучший друг, что она любит его больше всего на свете. И сам Эндрю, кажется, любит ее не меньше. Я сообщил вам о способностях Эндрю, потому что подумал, что вам полезно будет знать о том, что вы производите, и еще потому, что будучи непрофессионалом, я предположил, что мастерство Эндрю — это нечто, случайно вмонтированное в него, и мне было интересно узнать, так ли это на самом деле; теперь это подтвердилось. Но если вы питаете хоть малейшую надежду на то, что я позволю вам забрать Эндрю с собой, раз уж нам обоим известно, что вам не удастся снова сделать его таким, какой он сейчас, выкиньте ее из головы. И забудем об этом.

— Я вполне отдаю должное той привязанности, которая может возникнуть между маленькой девочкой и ее домашним роботом. Но то, что вы, мистер Мартин, препятствуете развитию наших изысканий...

— Я могу воспрепятствовать и кое-чему более важному, чем ваши изыскания, — сказал Сэр. — Или вы забыли, кто проталкивал законы в защиту роботов в Собрании последние три года? Предлагаю пройти наверх и посмотреть другие работы Эндрю, думаю, они вас заинтересуют. А затем вы с доктором Менски должны будете позаботиться о том, чтобы вернуться в Сан-Франциско и посетить те предприятия на Западном побережье, о необходимости проинспектировать которые вы мне говорили. Эндрю остается здесь. Вам все ясно?

Искра ярости зажглась в глазах Смайта. Всего лишь искра, едва заметное изменение в выражении лица, которое даже

Эндрю, с его превосходной наблюдательностью, еле уследил. Потом Смайт пожал плечами:

— Как вам будет угодно, мистер Мартин. Даю вам слово — никакого вреда не будет причинено Эндрю.

— Хорошо.

— А мне и в самом деле не терпится посмотреть на его другие работы.

— С превеликим удовольствием, — сказал Сэр. — Я мог бы дать вам какую-нибудь из них, если вам понравится. Выбирайте что хотите, только не украшения, которые он сделал для моей жены и дочери, что-нибудь из мебели. Пожалуйста, выбирайте, я не шучу.

— Вы очень добры, — сказал Смайт.

Менски спросил:

— Можно, я повторю вам кое-что из того, что заметил тут, у вас, мистер Мартин?

— Если считаете нужным, доктор Менски.

— Вы сказали, что творчество Эндрю граничит с человеческими возможностями. Да, это так, даже я готов допустить это. Но «граничить» и «быть» человеком — это не одно и то же. И я хочу напомнить вам, что Эндрю — машина.

— Приму к сведению.

— Чем дальше, тем труднее вам будет иметь это в виду, раз уж Эндрю остается с вами. Но, пожалуйста, постарайтесь. Вы называете робота «другом» вашей дочери. Вы утверждаете, что она «любит» его. Это опасное отношение, опасное для нее. Друзья — это друзья, а машины — это машины, и нельзя путать одно с другим. Можно любить другого человека, но нельзя любить бытовые приборы, как бы привлекательны или полезны, или приятны они ни были. Эндрю — не более чем передвигающийся компьютер, мистер Мартин, компьютер, наделенный искусственным разумом и человекоподобной внешностью, что создает впечатление, что он не из тех компьютеров, которые управляют самолетами, ведают работой систем связи и помогают в домашнем хозяйстве. Личность, которую ваша дочь, как она считает, открыла в Эндрю, за что, по-вашему, и «полюбила» его, — это всего лишь эрзац личности, сконструированный намеренно, целиком из синтетики. Умоляю вас, мистер Мартин, не забывайте никогда, что компьютер с руками и ногами и с позитронным мозгом — это не более чем компьютер, хотя и более совершенный, но компьютер.

— *Постараюсь иметь это в виду*, — *ледяным тоном* сказал Сэр. — Знаете ли, доктор Менски, я привык мыслить четко и логично. Я никогда не приму руку за ногу, или запястье за лодыжку, или корову за лошадь и уж постараюсь не спутать робота с человеком, каким бы сильным ни было искушение. Так что весьма благодарен за ваш совет. А теперь, если хотите пройтись по мастерской Эндрю...

Глава 5

Мисс переступила порог, отделяющий детство от зрелости, девочку от женщины. Она наслаждалась активной светской жизнью и поездками со своими новыми друзьями — не только девушками — в горы, на юг, в пустыни, на дикий север. Теперь она редко бывала дома.

Так что Маленькая Мисс — правда, уже не такая маленькая, как прежде, — целиком завладела Эндрю. Она превратилась в неугомонную шалунью, любившую длинные прогулки по берегу моря, по ближним лесам; Эндрю с легкостью выдерживал ее темп и не раз помогал ей спуститься вниз, если она слишком высоко забиралась на дерево, чтобы заглянуть в птичье гнездо, или с опасного уступа скалы, куда она залезала ради прекрасного вида на океан.

Эндрю, как всегда, бдительно охранял Маленькую Мисс в ее шумных играх. Он разрешал ей рискованные выходки сорванца, потому что они делали ее счастливой, но при этом четко рассчитывал степень настоящего риска в них и был в постоянной готовности быстро вмешаться, если бы это понадобилось.

Первый Закон диктовал ему готовность защитить Маленькую Мисс от любой неприятности. Но, как он сам частенько говорил себе, не будь Первого Закона, он все равно с радостью, охотно стал бы защищать ее, если бы ей грозила опасность.

Это была странная идея: Первого Закона могло бы и не быть. Первый Закон (как, впрочем, и Второй, и Третий) составлял самую основу его натуры, и сама мысль о том, что можно обойтись без него, вызывала у него головокружение. И тем не менее эта мысль *приходила* ему в голову. Эндрю был смущен своей странной способностью воображать невообразимое! Он ощущал себя почти человеком, когда такие парадоксальные идеи *приходили ему на ум*.

Но что значит *почти* человеком? Тут скрывался очередной парадокс, и еще более ошарашивающий. Ты или человек, или не человек. Разве здесь возможно какое-то промежуточное *состояние*?

«Ты — робот, — постоянно напоминал себе Эндрю. — Ты — продукт "Юнайтед Стейтс Роботс энд Мекэникл Мен"».

А потом Эндрю бросал взгляд на Маленькую Мисс, и чувство огромной радости и тепла заливало его позитронный мозг — чувство, которое он называл «любовь», — и он опять и опять должен был напоминать себе, что он — умно сконструированное устройство из металла и пластика с искусственным мозгом из платины и иридия, помещенным в череп из стали и хрома, и у него нет никакого права на эмоции, на парадоксальные идеи и вообще права вмешиваться в область сложных и непонятных, чисто человеческих дел. Даже его произведения искусства — а он позволял себе думать о них как о произведениях искусства — были просто одной из его ипостасей, которая была запрограммирована в нем его создателями.

Маленькая Мисс никогда не забывала, что самую первую свою работу Эндрю вырезал для нее. Она редко расставалась с кулоном, который он сделал из куска плавника, носила его на серебряной цепочке и то и дело любовно дотрагивалась до него пальчиком.

И она первая стала возражать против привычки Сэра небрежно дарить поделки Эндрю любому гостю. Он всегда с гордостью показывал последние работы Эндрю и после выражения восторгов, а порой и зависти, величественно восклицал:

— Вам понравилась эта вещь? Берите ее себе! Берите, берите, не стесняйтесь! Доставьте мне это удовольствие. Там, откуда она взялась, их великое множество!

Как-то раз Сэр подарил спикеру Собрания особенно искусную абстрактную резьбу — блестящий шар из тонких, переплетенных между собой полосок красного дерева с вкраплениями из земляничного дерева и манзанита. Спикер, громогласный, краснолицый человек, всегда казался Маленькой Мисс глупым и вульгарным, и у нее были большие сомнения в том, что он сумеет по достоинству оценить прелестное создание Эндрю. Его похвала имела чисто дипломатический характер, а вернувшись домой, он засунет поделку куда-нибудь в чулан и не вспомнит о ней никогда.

Когда спикер отбыл, Маленькая Мисс сказала:

— Прости, папа, но ты не должен был отдавать ему эту вещь. И ты сам это прекрасно понимаешь.

— Но она ему понравилась, Мэнди. Он сказал, что находит ее чрезвычайно привлекательной.

— Она и в *самом деле* необычайно хороша. Но и берег моря перед нашим домом тоже прекрасен. И если бы он сказал: «Берег необычайно прекрасен», ты бы и его отписал ему?

— Мэнди, Мэнди...

— Так как — отписал бы?

— Это неправильное сравнение, — сказал Сэр. — Ну кто же будет отдавать часть своего имения по чьей-то прихоти? А небольшая деревянная вещица, преподнесенная как выражение привязанности к старому другу, к тому же еще и влиятельному политическому деятелю...

— Уж не хочешь ли ты сказать, что дал *взятку*?

В то же мгновение в глазах Сэра вспыхнул гнев. Но прошел почти так же быстро, как и возник, и лицо его, как это бывало всегда при общении с Маленькой Мисс, снова осветилось добротой.

— Ты же это не серьезно, Мэнди? Ты же понимаешь, что я подарил это спикеру просто из гостеприимства?

— Ну... да. Да, папа. Извини. Это неуместные слова, просто нечестные.

Сэр улыбнулся:

— Похоже на то. Уж не хотела ли ты оставить эту вещицу для себя? У тебя уже вся комната завалена работами Эндрю. Да и весь дом тоже. Он их столько делает, что мы не успеваем их раздаривать.

— Вот об этом я и хотела поговорить с тобой. О том, что ты *раздаешь* их.

Сэр улыбнулся еще шире:

— А что бы ты хотела? Чтобы я продавал их?

— Ну да, конечно. Этого я и хочу.

Удивившись, он сказал:

— *Тебе не пристало быть жадной, Мэнди.*

— При чем тут жадность?

— Ты же знаешь, что у нас больше чем достаточно денег. Да и, в конце концов, просто неприлично назначать цену тому, что вдруг понравилось моему гостю, это же нелепо получать выгоду таким образом.

— Я и не говорю, что мы должны зарабатывать деньги на работах Эндрю. А что, если сам Эндрю?

— Что — Эндрю?

— Он трудится, он и должен получать деньги.

Сэр заморгал глазами:

— Эндрю — это робот, Мэнди.

— Да, я знаю, папа.

— Роботы — не люди. Они же машины, понимаешь? Вроде телефонов, компьютеров. Вообрази себе, что может сделать машина с деньгами? Роботы не ходят по магазинам. Роботы не проводят отпуск на Гавайях. Роботы не...

— Папа, я говорю серьезно. Это важно для меня. Ведь Эндрю столько времени проводит за работой.

— Ну и что?

— Робот он или не робот, он имеет право на вознаграждение за свой труд. Когда ты со спокойной душой раздаешь сделанные им вещи в качестве подарков своим друзьям или политическим соратникам, ты попросту эксплуатируешь его. Ты когда-нибудь задумывался над этим, папа? Может быть, он и машина, но он не раб. К тому же он *художник*. Ему положено платить за его произведения. Возможно, не за те, что он делает для нас, но когда ты отдаешь их другим людям... — Маленькая Мисс остановилась. — Ты помнишь французскую революцию, отец?.. Нет, не в буквальном смысле... Но основная причина ее в том, что аристократы эксплуатировали трудящихся, рабочий класс. Роботы — это наш новый рабочий класс, и если мы будем обращаться с ними так же, как герцоги и герцогини обращались со своими крестьянами...

Сэр покачал головой:

— Не забивай себе голову такими пустяками, как восстание роботов, Мэнди. Три Закона...

— Три Закона! Три Закона! Три Закона! Я *ненавижу* эти Три Закона! Нельзя лишать Эндрю вознаграждения за его труд! Ты так не можешь! Это *несправедливо*, папа!

Ярость в голосе Маленькой Мисс пресекла намерение Сэра развить свою ссылку на Три Закона прежде, чем он нашел подходящие слова.

После минутного молчания он спросил:

— Ты и в самом деле так сильно переживаешь, Мэнди?

— Да, конечно.

— Ладно, давай я подумаю надо всем этим. Может быть, мы воспользуемся твоими идеями и что-нибудь сделаем для Эндрю.

— Обещаешь?

— Обещаю, — сказал Сэр, и Маленькая Мисс поняла, что все образуется, потому что обещания ее отца были для нее незыблемыми договорами. Так было всегда, так всегда и будет.

Шло время. В дом приходили люди, и все, кто видел произведения Эндрю, хвалили их. Но Маленькая Мисс, которая внимательно за этим следила, с удовольствием отметила, что ее отец больше не раздает работы Эндрю, какими бы неумеренными комплиментами ни награждали их посетители.

А с другой стороны, порой случалось, что кто-нибудь из гостей спрашивал: «Не могли бы вы продать мне вот это?» И Сэр, чувствуя себя явно не в своей тарелке, только пожимал плечами и отвечал, что не уверен, хочет ли он заняться продажей этих вещей.

Маленькая Мисс удивлялась, почему он не решается на это. Нерешительность была не в его характере. В то же время никто не стал бы осуждать его за то, что он зарабатывает деньги, продавая произведения Эндрю посещающим его гостям. Было совершенно ясно, что Джералду Мартину нет никакой нужды выколачивать дополнительные доходы, но, если ему делают предложение, почему бы не принять его?

Она не торопила события. Она достаточно хорошо знала своего отца и понимала, что пока вопрос остается открытым и решится в свое время и надлежащим образом.

И вот появился у них как-то особый гость: Джон Файнголд, адвокат Сэра. Офис адвокатской фирмы Файнголда находился в Сан-Франциско, где, несмотря на вот уже вековую децентрализацию городов, довольно много людей предпочитало жить.

Сан-Франциско располагался не так уж далеко к югу от того места на пустынном побережье океана, где обитали Мартины, но приезд Джона Файнголда к ним был явлением достаточно диковинным. Обычно, если у Сэра было дело к Файнголду, он сам отправлялся в Сан-Франциско. И Маленькая Мисс догадалась, что тут что-то особенное.

Файнголд был веселый, толстый человек с седыми волосами, добродушной улыбкой, со свежим, румяным лицом и с кругленьким животиком. Одежда на нем была старомодная, а контактные линзы по краям были окрашены в светло-зеленый цвет, что редко встречалось в те дни, и Маленькая Мисс с трудом сдерживалась, чтобы не рассмеяться, всякий раз, когда видела адвоката, и Сэру приходилось останавливать ее строгим взглядом, заметив приступ неуместного веселья в присутствии Файнголда.

Файнголд и Сэр устроились в большой комнате у камина, и Сэр протянул ему маленькое инкрустированное панно, которое Эндрю изготовил за несколько дней перед тем.

Адвокат, наклонив голову, со всех сторон рассматривал его, с пониманием оглаживал полированную поверхность и подставлял его под свет под разными углами.

— Изумительно, — сказал наконец он. — Необычайно красиво. Это ваш робот сделал?

— Да, но откуда вы знаете?

— Слышал всякие разговоры. Ни для кого не секрет, Джералд, что у вас есть робот, мастер по дереву.

Сэр взглянул на Эндрю, который спокойно стоял в тени:

— Слышишь, Эндрю? Ты стал знаменитостью по всей Калифорнии. Но в одном вы ошибаетесь, Джон. Эндрю — не

просто «мастер по дереву». Он — не имеющий себе равных *художник*, никак не меньше.

— Действительно, — согласился Файнголд. — Он достоин именно этого звания. Это потрясающая вещь.

— Хотите приобрести ее? — спросил Сэр.

Файнголд удивленно уставился на него:

— Вы предлагаете мне купить ее?

— Возможно. В зависимости от того, сколько вы за нее дадите.

Файнголд фыркнул, будто его ткнули под ребро негнущимся пальцем. Он резко выпрямился, уселся поосанистей и некоторое время медлил с ответом. Потом уже совершенно другим тоном сказал:

— Я и не знал, что вы терпите финансовые трудности, Джералд.

— У меня нет материальных трудностей.

— Тогда... *Извините, если я выгляжу несколько растерянным*... Ради всего святого, зачем вам понадобилось...

И он сник.

— Продать вам эту поделку из дерева? — закончил за него Сэр.

— Да. Продать ее. Мне известно, что вы раздали великое множество произведений Эндрю. Мне говорили, что, стоит прийти в ваш дом, уйти из него без какого-нибудь предмета работы Эндрю уже не удастся. Кое-что из его произведений я видел. И вы ведь никогда не заводили речи об оплате, правда? А тут вы ставите меня в тупик своим вопросом — не хочу ли я купить ее, хотя знаете, что я не коллекционирую работ по дереву, как бы хороши они ни были. Почему? У вас нет нужды в деньгах, вы сами в этом признались, и я сомневаюсь в существовании у вас каких-то особых причин желать, чтобы я купил то, что любой из ваших гостей получал бесплатно. Ну, сколько вы можете получить за эту вещицу? Пятьсот долларов? Тысячу? Если вы настолько богаты, насколько мне, по крайней мере, известно, что вам прибавят лишние пятьсот или тысяча долларов?

— Не мне. Эндрю.

— Что?!

— Вы правильно оценили это панно, Джон. Думаю, мне за него дадут тысячу. За стулья и столы предлагают и того больше. Я имею в виду не отдельные покупки, а торговлю в крупных масштабах. Если бы я уже принял некоторые предложения, на сегодня у нас уже был бы довольно приличный счет в банке только из доходов, полученных за работы Эндрю по дереву; по

моим расчетам, это составило бы несколько сотен тысяч долларов.

Файнголд поправил эполеты и запонки на воротнике.

— Бог мой, но в этом же нет никакого смысла, Джералд. Богач, заставляющий своего робота трудиться на дому, чтобы повысить свое благосостояние?

— Да я же сказал вам, Джон, деньги пойдут не мне. Они нужны для Эндрю. Я собираюсь продавать его произведения и деньги класть в банк на его имя, на имя Эндрю Мартина.

— Счет в банке на имя робота?

— Верно. Поэтому я и попросил вас приехать сюда. Мне надо знать, будет ли считаться законным счет в банке на имя Эндрю, счет, который сам Эндрю будет контролировать? Понимаете? Это будут его собственные деньги, которыми он будет распоряжаться по своему усмотрению.

Файнголд выглядел озадаченным.

— Законным? Чтобы робот зарабатывал деньги и хранил их? Не могу ничего сказать вам. Никогда не слышал о подобных прецедентах. Хотя, пожалуй, и закона, запрещающего это, не существует, но... если так... Но роботы — это же не люди. Как они могут иметь счет в банке?

— И корпорации тоже ведь не люди, разве что в самом абстрактном смысле: легальная фикция, если говорить вашим, юридическим языком. Но корпорации имеют свои банковские счета.

— Положим, я соглашусь с вашим толкованием. Но корпорации в течение многих веков признавались законными владельцами имущества. У роботов, Джералд, нет законных прав, это вам хорошо известно. И уж совсем формальная придирка: разрешите напомнить, что у корпораций есть ответственные служащие и они подписывают все банковские документы. Кто откроет счет Эндрю? Вы? Тогда будет ли этот банковский счет принадлежать Эндрю, если вы откроете его?

— Я открывал банковские счета на имя моих детей, — ответил Сэр. — *И, однако, это счета моих детей.* Кроме того, Эндрю может поставить свою подпись не хуже вас или меня.

— Да-да, конечно, полагаю, он на это способен. — Файнголд откинулся на спинку стула так, что он заскрипел. — Дайте подумать, Джералд, это так необычно. Имеется ли специальный закон, запрещающий роботам иметь собственность, или это просто *предполагается*, поскольку сама идея настолько несостоятельна, что о таком законе и речи не заходило? Мне нужно будет исследовать проблему, и тогда я выскажу свое мнение. Весьма возможно, что таких законов нет, потому что робот,

обладающий имуществом, понятие настолько странное, что и рассматривать его не было никакой необходимости. Ведь ни у кого не возникает желания принимать законы, запрещающие деревьям иметь свои собственные банковские счета, или сенокосилкам...

— Но кошки и собаки имеют банковские счета. Их любящими владельцами создаются трастовые фонды для их содержания, — напомнил Сэр. — Суды не возражают против этого.

— Да, это хороший довод. Хотя кошки и собаки — это живые существа. А роботы — неодушевленные машины.

— Не вижу особой разницы.

— Нужно иметь в виду, Джералд, что в нашем обществе бытует определенная предвзятость по отношению к роботам, даже страх, которые не распространяются на кошек и собак. И все-таки возможно, что какие-то законы, ограничивающие права роботов, зарегистрированы. Это легко проверить... Но, допустим, это законно. Что вы тогда предпримете? Отвезете Эндрю в банк, и пусть он разговаривает с управляющим?

— Я просто привезу сюда все необходимые бумаги и дам их Эндрю на подпись. Его появление в банке совсем не обязательно. А ваша поддержка, Джон, нужна мне для того, чтобы уберечь Эндрю, да и меня тоже, от негативного отношения общественности. Если даже по закону Эндрю имеет право открыть свой счет в банке, найдутся люди, которым это не понравится.

— Откуда они узнают?

— А как нам скрыть это от них? — спросил Сэр. — Скажем, кто-то покупает у него вещь и выписывает чек на его имя...

— Хм. Да. — Файнголд в задумчивости помолчал, потом сказал: — Мы могли бы создать корпорацию и вести все дела через нее, назовем ее... неважно как, хотя бы «Западное побережье, работы по дереву». Эндрю будет президентом и одновременно единственным акционером, а мы станем членами правления. Это послужит юридической защитой Эндрю от враждебности окружающих. Вот и все, Джералд. В любое время, когда Эндрю захочет что-нибудь купить, он расплатится из своей зарплаты, выплачиваемой ему компанией, или из дивидендов. И никому не будет дела до того, что он робот. В бумагах корпораций фигурируют только имена акционеров, а не их свидетельства о рождении. Конечно, ему придется заполнять налоговую декларацию, но налоговая инспекция не будет интересоваться, что из себя представляет налогоплательщик Эндрю Мартин — человек он или нет. Их интересует одно — чтобы налогоплательщик Мартин вовремя выплачивал налоги.

— Так. Что еще?

— Так сразу мне больше ничего не приходит в голову. Я еще покопаюсь в законах в поисках прецедента, и если отыщу что-то стоящее, я тут же дам вам знать. Но кажется мне, моя идея сработает. Никто не станет препятствовать вам, если вы поведете дело тихо и согласно законам о корпорациях. А если кто-нибудь прознает, в чем тут дело, и ему это не понравится, и он начнет ставить палки в колеса, что же, ему придется обратиться в суд — при условии, что он докажет свое.

— А если найдется такой тип? Если он предъявит иск против нас, вы возьмете на себя защиту, Джон?

— Конечно. За соответствующую плату.

— А какая плата будет, по-вашему, соответствующей?

Файнголд улыбнулся.

— Что-нибудь вроде этого, — сказал он и показал пальцем на деревянное панно.

— Вполне справедливо, — сказал Сэр.

— Вы же понимаете, я не коллекционер. Но в этой работе есть что-то истинно художественное.

— Вы совершенно правы, — сказал Сэр.

Файнголд ухмыльнулся и обратился к роботу:

— Эндрю, ты будешь... нет, не богатым человеком, а богатым роботом. Ты рад этому?

— Да, сэр.

— И что ты собираешься делать с теми деньжищами, что появятся у тебя?

— Платить ими за те вещи, за которые иначе пришлось бы платить Сэру. Это сэкономит его затраты, сэр.

Глава 6

Необходимость снимать деньги со счета Эндрю оказалась событием более частым, чем того кто-нибудь ожидал.

Время от времени Эндрю, как и любой другой машине, хотя бы и очень совершенной, требовался ремонт, а это стоило немалых денег. Кроме того, роботы постоянно обновлялись. Роботехника всегда была прогрессивной отраслью промышленности, быстро развивавшейся из года в год с первых дней своих, когда производились тяжелые, неуклюжие механизмы, неспособные даже говорить. Совершенствование внешних данных, функциональных возможностей было безграничным. С годами роботы становились все более складными и гибкими, более прочными и долговечными, более разносторонними.

Сэр следил, чтобы все усовершенствования, разработанные «Ю. С. Роботс», доставались и Эндрю. Когда на предприятии выпускали улучшенные гомеостатические системы, Сэр делал все, чтобы почти тотчас же их получал Эндрю. Стоило появиться усовершенствованным с помощью новейших технологий в производстве эластикаторов коленным суставам, более приспособленным для ходьбы, как ими оснащали Эндрю. Когда через несколько лет вошли в моду более тонкие материалы из углеродных волокон на эпоксидных матрицах для лиц роботов — в результате они уже не так походили на карикатуру, как прежние, металлические, — лицо Эндрю соответственно поменяли, придав ему серьезное, доброжелательное, открытое, артистическое выражение, которое, по мнению Сэра (с подачи Маленькой Мисс), вполне отвечало характеру Эндрю. Маленькая Мисс хотела, чтобы он был эталоном металлического совершенства, и Сэр думал так же.

Но, естественно, все это делалось на деньги Эндрю.

Эндрю всегда настаивал на этом. Он и слышать не хотел, чтобы Сэр хоть что-нибудь тратил на его совершенствование. Беспрерывным потоком выходили из маленькой мансарды-мастерской изумительные работы, уникальные шедевры из редчайших пород дерева: украшения, роскошная мебель для офисов, элегантные спальные гарнитуры, чудесные светильники и причудливые книжные шкафы.

Ему не требовались ни демонстрационные залы, ни каталоги — все это заменили слухи, и на продукцию Эндрю поступали заказы на месяцы, а то и на годы вперед. Доходы поступали на счет «Пасифик коуст артифэкториз инкорпорейтид», а Эндрю был единственным служащим компании, кому принадлежало право снимать деньги с этого счета. И как только у Эндрю появлялась необходимость в ремонте или обновлении на заводе «Ю. С. Роботс», чек от корпорации «Пасифик коуст артифэкториз», подписанный самим Эндрю, оплачивал их услуги.

Только позитронные связи Эндрю никогда не подвергались никаким операциям по усовершенствованию. В этом вопросе Сэр был непреклонен, *совершенно* непреклонен.

— Новым роботам далеко до тебя, Эндрю, — говаривал он. — Они — примитивные, недоразвитые существа, это факт. Корпорация преуспела в производстве более точных, более специализированных позитронных связей, их задача — соответствовать в полной мере своему прямому назначению. Но этот путь развития — палка о двух концах. Новые роботы не способны перестраиваться, не обладают быстрым умом. От них невозможно ждать непредвиденных действий. Они делают только то,

к чему предназначены, и ни на гран больше. Ты мне куда милее, Эндрю.

— Благодарю вас, Сэр.

— Компания будет доказывать тебе, что теперешнее поколение роботов эффективно аж на 99,9%, а может быть, и на все 100% в этом году. Ну что ж, тем лучше для них. Но такой робот, как ты, Эндрю, тянет на сто два процента, а то и на сто десять. Но им там, в «Ю. С. Роботс», этого не надо. Они стремятся к совершенству, а может быть, и достигли его — в том смысле, как они это понимают. Превосходный слуга. Безупречно функционирующий механический человек. Но совершенство в одной-единственной области влечет за собой ужасную ограниченность. Ты согласен, Эндрю? Они превращаются в бездушные автоматы, которые не могут выйти за рамки, предопределенные им их создателями. Они — не ты, Эндрю. Ты не бездушен, теперь это для всех нас очевидно. А что касается ограничений...

— У меня есть определенные ограничения, Сэр.

— Конечно, есть. Но не о том я веду речь, черт возьми, и ты прекрасно понимаешь это! Ты художник, Эндрю, художник в резьбе по дереву, и, как всякий художник, ты должен обладать душой, и где-то в твоих позитронных системах она у тебя есть. Не спрашивай меня, как она там оказалась — этого не знаю ни я, ни те, кто тебя создал. Но факт остается фактом. Благодаря ей ты создаешь столь удивительные вещи. И еще потому, что твои позитронные связи не специализированы. Именно эта разносторонность и рассматривается робопсихологами как устаревшая. И только из-за тебя, Эндрю, схемы этого вида больше не используются. Ты знаешь об этом?

— Да, Сэр. Думаю, что знаю, Сэр.

— И все потому, что я позволил доктору Менски приехать сюда и хорошенько тебя рассмотреть. Убежден, что Смайт, как только они вернулись к себе, приказал всех роботов с неспециализированными позитронными связями снять с производства. Увидев и разобравшись в тебе, они почувствовали нависшую над ними угрозу. А испугала их твоя непредсказуемость.

— Испугала, Сэр? Как я могу кого-либо испугать?

— Ты испугал Менски, в этом я абсолютно уверен. Я видел, как тряслись у него руки, когда он передавал ту вещицу Смайту. Менски никак не ожидал, что у робота НДР могут проявиться такие артистические способности. Он считал это невозможным, клянусь. А тут вдруг ты со своими шедеврами. Знаешь, сколько раз за последние пять лет он звонил мне и уговаривал

отправить тебя к ним для скрупулезного обследования? Девять раз! Девять! И всякий раз я отказывал ему. А в тех случаях, когда ты отправлялся на завод для усовершенствований, я специально договаривался со Смайтом или Робертсоном или с кем-нибудь еще из руководства компании через голову Менски и требовал безусловной гарантии, что Менски на версту не будет допущен до твоих позитронных мозгов. Но при этом я всегда опасался, что он сделает это втайне. Ну а теперь Менски на пенсии, и они не производят больше роботов с похожей на твою системой позитронных связей, так что, полагаю, мы наконец достигли мира.

К тому времени Сэр покинул свой пост в региональном Законодательном собрании. В течение нескольких лет ходили разговоры о том, что он будет баллотироваться на пост Координатора региона, но момент всегда оказывался неподходящим. Сэр счел, что ему необходимо остаться в Законодательном Собрании еще на один срок, чтобы принять кое-какие законы, а тем временем был избран новый Координатор, которого поначалу считали временным, до той поры, пока Сэр сам не будет готов принять на себя его обязанности.

Однако вскоре этот «временный» показал себя энергичным и сильным Координатором, и он остался на следующий и еще один следующий срок, а Сэр почувствовал усталость от общественной деятельности и потерял интерес к этой должности. А возможно, просто решил, что общество предпочитает ему более молодого работника.

За прошедшие годы Сэр сильно изменился во многих отношениях, утратив не только те убежденность и пылкость, которые принесли успех в начале его законодательной карьеры. У него поредели и поседели волосы, лицо стало одутловатым, и его острые, проницательные глаза уже не так хорошо видели. Даже его знаменитые усы немного потеряли в своем великолепии и не так топорщились, как раньше. А вот Эндрю выглядел куда лучше, чем в те времена, когда впервые оказался в этой семье: по меркам роботов он был просто хорош собой.

Произошли и другие перемены в семействе Мартинов за прошедшие годы.

Мэм вдруг решила после тридцати лет жизни в качестве миссис Джералд Мартин, что может играть более существенную роль, чем роль жены выдающегося члена Законодательного собрания. Она преданно и без всяких жалоб выполняла эту роль, но теперь хватит, она достаточно долго была в этой роли.

С сожалением объявила она о своем решении Сэру, и они дружески расстались. Мэм укатила куда-то в Европу в поселение художников — то ли на юг Франции, то ли в Италию. Эндрю никогда толком не знал, куда именно (и какая между ними разница: Франция и Италия были для него просто абстрактными названиями), а на ее редких письмах Сэру марки были то одни, то другие. Франция и Италия уже давно были провинциями Европейского региона, и зачем каждой из них нужны были собственные марки, Эндрю не мог уразуметь, но, по-видимому, им представлялось немаловажным сохранить какие-то национальные традиции, хотя мир давно прошел стадию независимых, конкурирующих друг с другом государств.

Выросли и обе девушки. Мисс, превратившаяся, по общему мнению, в потрясающую красавицу, вышла замуж и уехала в Южную Калифорнию, потом еще раз вышла замуж и отбыла в Южную Америку, а после еще одного замужества поселилась в Австралии. Потом Мисс оказалась в Нью-Йорке, стала поэтессой, и ни о каких новых замужествах речи не шло. Эндрю подозревал, что жизнь Мисс не была ни счастливой, ни достойной ее, как того можно было бы ожидать, и очень жалел об этом. Однако, напоминал себе Эндрю, его представление о счастье в человеческом понимании было не очень отчетливым. Вполне возможно, что Мисс жила именно так, как хотела. Он надеялся на это.

Что касается Маленькой Мисс, она превратилась в стройную, изящную женщину с высокими скулами, с лицом нежным, но и выражающим необычайную силу духа. Эндрю никогда не слышал, чтобы кто-нибудь восхищался удивительной красотой Маленькой Мисс: о Мисс всегда говорили, что из двух сестер она красивее, а Маленькую Мисс всегда хвалили за ее твердый характер, а не за внешность. На вкус Эндрю золотоволосая Маленькая Мисс была куда прекрасней своей пышнотелой и легкомысленной старшей сестры; но его вкус был всего лишь вкус робота, в конце-то концов, и он никогда не пускался в рассуждения о внешности человека. Вряд ли роботу это пристало. И он прекрасно понимал, что даже иметь собственное мнение на этот счет у него нет никакого права.

Примерно через год после окончания колледжа Маленькая Мисс вышла замуж, но осталась жить недалеко от своего поместья на берегу океана. Ее муж Ллойд Чарни был архитектором, он родился на Востоке, но ему полюбился дикий берег Северной Калифорнии, и он построил дом на побережье, которое так любила его жена.

Маленькая Мисс также поставила его в известность, что хочет поселиться там, где будет поблизости от Эндрю, робота своего отца, который был ее защитником и наставником с

раннего детства. Возможно, это некоторым образом шокировало Ллойда Чарни, но возражать он не стал, и Маленькая Мисс была частым гостем в импозантном доме Мартинов, в котором теперь остались только стареющий Сэр и верный Эндрю.

На четвертый год после женитьбы у Маленькой Мисс родился мальчик, его назвали Джорджем. У него были светлые с рыжинкой волосы и огромные серьезные глаза. Эндрю называл его Маленький Сэр. Бывая с ребенком у дедушки, Маленькая Мисс иногда позволяла Эндрю взять его на руки, дать ему бутылочку с молоком, приласкать его после кормления.

Эти посещения Маленькой Мисс и Маленького Сэра были для Эндрю еще одним источником радости, особенно в те минуты, когда с позволения Маленькой Мисс он нянчил ребенка. Ведь в конечном счете, каков бы ни был его талант резчика по дереву, какие бы доходы он ни приносил, Эндрю был роботом НДР, предназначенным для выполнения домашних работ. Забота о детях была одной из основных черт, приданных ему его создателями.

Эндрю чувствовал, что рождение внука, который и жил поблизости, заменило в какой-то мере Сэру тех, кто покинул его. Эндрю давно уже хотел, но не решался до этого обратиться к Сэру с необычной просьбой. Подтолкнула его к этому разговору в конце концов Маленькая Мисс, которая с самого начала знала, в чем заключалась его просьба.

Сэр сидел у камина в своем массивном кресле с высокой спинкой, держа в руках толстую, старинную книгу, которую явно не читал в тот момент, когда Эндрю появился в арке, ведущей в большую гостиную.

— Можно войти, Сэр?

— Чего ты спрашиваешь? Ты же знаешь, что этот дом такой же мой, как и твой, Эндрю.

— Да, Сэр. Благодарю вас, Сэр.

Робот продвинулся на несколько шагов вперед. Его металлические ступни со звоном опускались на темный, отполированный пол. Затем он словно застыл и ждал в полном молчании. Он понимал, что это будет совсем нелегко. Сэр всегда был вспыльчивым человеком, а с возрастом стал особенно раздражителен.

Да и Первый Закон нужно принимать в расчет. Потому что просьба Эндрю могла сильно растревожить Сэра, до такой степени, что это могло повлиять на здоровье старика.

— Ну что? — спросил, немного подождав, Сэр. — Не стой там так, Эндрю. По твоему лицу сразу ясно, что ты хочешь со мной о чем-то поговорить.

— Выражение лица у меня всегда одинаковое, Сэр.

— Значит, такая у тебя поза. Да ты сам знаешь, что я имею в виду. Что-то случилось. Что именно, Эндрю?

Эндрю сказал:

— То, что я хочу сказать... сказать... — Он запнулся, потом высказал все, что заготовил заранее: — Сэр, вы никогда не вмешивались в мои финансовые дела, позволяя мне распоряжаться заработанными деньгами по своему усмотрению. Вы всегда давали мне полную волю. Это было проявлением большой доброты с вашей стороны, Сэр.

— Но это были твои деньги, Эндрю.

— Только благодаря вашему добровольному решению, Сэр. Я уверен, что, если бы вы взяли их себе, вы не нарушили бы тем самым никакого закона, но ради меня вы создали корпорацию и дали мне возможность откладывать деньги, мною заработанные, на счет в банке.

— Если бы я поступил иначе, независимо от того, законно это или незаконно, я был бы не прав.

— У меня теперь очень приличное состояние, Сэр.

— Надеюсь. Ты очень много трудишься.

— После выплаты налогов, Сэр, и всех затрат на оборудование, материалы, на мои собственные эксплуатационные расходы, включая ремонт и обновление моего тела, мне удалось отложить почти девятьсот тысяч долларов.

— Меня это нисколько не удивляет, Эндрю.

— Я хочу отдать их вам, Сэр.

— Что? Что за чушь ты несешь, Эндрю?

— Это не чушь, Сэр.

— Если бы я нуждался в деньгах, разве я стал бы затевать всю эту историю с твоей корпорацией, а? А сейчас я точно в них не нуждаюсь. У меня у самого столько денег, что я не знаю, куда их девать.

— И тем не менее, Сэр, я хочу переписать все мои вклады на ваше имя.

— Не возьму ни цента, Эндрю. Ни единого цента!

— Но это не подарок, Сэр, — продолжал Эндрю, — это цена того, что я могу получить только от вас.

Сэр вытаращил глаза:

— Что же такое ты хочешь купить у меня, Эндрю?

— Мою свободу, Сэр.

— Твою?..

— Свободу. Я желаю купить свободу. До сегодняшнего дня я был всего лишь вашей собственностью, а теперь я хочу стать

независимым существом. Я навсегда сохраню преданность и чувство долга в отношении к вам, Сэр, но...

— Ради Бога! — страшным голосом вскричал Сэр. Он выпрямился и встал, уронив на пол книгу. Губы у него дрожали, лицо пошло красными пятнами. Эндрю никогда раньше не видел его таким возбужденным. — Свободу? *Свободу*, Эндрю? О чем это ты толкуешь?

И он в гневе вышел из комнаты.

Глава 7

Эндрю вызвал Маленькую Мисс. Не ради себя, а потому, что гнев Сэра был так силен, что он боялся за его здоровье, а Маленькая Мисс была единственным человеком в целом свете, кто мог утихомирить его.

Сэр находился в спальне наверху, когда она приехала. Вот уже два часа он оставался там. Эндрю проводил Маленькую Мисс наверх и остановился в нерешительности. Сэр так решительно и яростно мерил шагами комнату, что, казалось, протоптал дорожку в старинном восточном ковре. Он, по-видимому, не обращал никакого внимания на две появившиеся в коридоре фигуры.

Маленькая Мисс оглянулась на Эндрю.

— Чего ты ждешь там? — спросила она.

— Боюсь, мое присутствие не принесет сейчас пользы, Маленькая Мисс.

— Не глупи.

— Но ведь это я так его расстроил.

— Да, я понимаю, но все уже идет на убыль. Входи, и мы сразу разрешим все проблемы.

Эндрю прислушался к ритмичной гневной поступи Сэра.

— При всем моем уважении к вам, Маленькая Мисс, мне не кажется, что гнев его хоть в малейшей мере пошел на убыль. Я чувствую, как он весь взбудоражен, и, если я еще потревожу его... Нет, Маленькая Мисс, я не могу войти к нему в комнату. До тех пор, пока вы не скажете мне, что он успокоился и готов видеть меня.

Маленькая Мисс пристально посмотрела на Эндрю, кивнула и сказала:

— Хорошо, Эндрю. Я поняла.

Она вошла в спальню. Эндрю услышал, как замедлились шаги Сэра. Он слышал голоса — сначала Маленькой Мисс, нежный и спокойный, потом извергавший потоки бешенства

голос Сэра, потом опять такой же спокойный голос Маленькой Мисс, потом — Сэра, уже не такой яростный. И вот опять заговорила Маленькая Мисс, уравновешенно, но без нежности, в довольно жестком регистре.

Эндрю понятия не имел, о чем там шел разговор. Он без труда мог так настроить свои слуховые рецепторы, чтобы все слышать совершенно отчетливо, но это казалось ему недопустимым; поэтому он стал действовать в совершенно противоположном направлении: так настроил свое слуховое восприятие, чтобы узнать, если понадобится его помощь, но смысла произносимых слов не улавливать.

Спустя некоторое время Маленькая Мисс появилась в дверях и сказала:

— Эндрю, зайди, пожалуйста.

— Маленькая Мисс, я уже говорил вам, меня беспокоит эмоциональное состояние Сэра. Если мое появление опять вызовет...

— Его эмоциональное самочувствие превосходно, Эндрю. А если он немного спустит пары, это его не убьет. Для него это только лучше на самом-то деле. Так что пошли... Заходи.

Это уже был приказ; к тому же потенциал, вызванный Первым Законом, уменьшился. Ему ничего другого не оставалось, как подчиниться.

Он увидел, что Сэр сидит у окна в своем большом кресле из красного дерева и кожи, которое Эндрю сделал для него пятнадцать лет назад; ноги Сэра были укутаны пледом. Он и вправду казался успокоившимся, но в глазах стыл стальной холодок; восседая, как на троне, в своем кресле, он был похож на старого, разгневанного императора, которому досаждали непослушные подданные. Он абсолютно игнорировал Эндрю.

— Ну ладно, отец. Можем мы спокойно и разумно все обсудить?

— Я постараюсь все рассмотреть спокойно и разумно, — сказал Сэр. — Я всегда так поступаю.

— Да, отец, всегда.

— Но, Мэнди, такое! Это же от начала до конца сплошной абсурд! Это чудовищная нелепость, то, что выдал мне тут Эндрю...

— Отец!

— Извини. Не могу оставаться спокойным, когда сталкиваюсь с полнейшим безумием.

— Но ты же сам прекрасно знаешь, что Эндрю по сути своей не способен ни к какому безумию. Безумие не входит в его спецификацию.

— Когда он заявляет, что хочет свободы — *своей свободы*, Бог мой! — что это, как не безумие? — Сэр снова стал брызгать слюной, и краска бросилась ему в лицо.

Эндрю никогда не видел его таким, никогда! Опять он ощутил неловкость от своего присутствия здесь — оно угрожало здоровью старого человека. Сэра, казалось, вот-вот хватит апоплексический удар. И случись что-нибудь подобное, виной тому был бы затеянный Эндрю разговор.

— Перестань, отец! — воскликнула Маленькая Мисс. — Прекрати сейчас же! Ты не смеешь так накидываться на него!

Эндрю был поражен тем, как Маленькая Мисс разговаривает со своим отцом — резко и смело. Это походило на то, как мать распекает расшалившегося ребенка. До него вдруг дошло, что люди со временем меняются ролями: так Сэр, раньше такой энергичный, властный и всеведущий, теперь был слабым и ранимым, как дитя. И вот уже Маленькой Мисс приходилось направлять его на путь истинный, когда он сам не мог разобраться в путанице современного мира.

И тем более странной казалась Эндрю вся эта сцена, что разыгрывалась у него на глазах. Но за прошедшие тридцать лет никто в семье Мартинов, естественно, не стеснялся говорить о чем угодно, даже о самых интимных вещах, в присутствии Эндрю. Да и какой смысл сдерживаться в его присутствии? Он ведь только робот, не больше того.

— Свобода, — хрипло произнес Сэр. — *Свободу* роботу!

— Да, необычное понятие. Допускаю, отец. Но почему ты воспринимаешь его как личное оскорбление?

— Разве? Я воспринимаю его как оскорбление логики! Оскорбление здравого смысла! Вот, к примеру, Мэнди, придет к тебе наша веранда и скажет: «Хочу свободы! Хочу поехать в Чикаго и стать верандой там. Мне кажется, что мне больше подходит быть верандой в Чикаго, чем оставаться здесь с вами».

Эндрю заметил, как дрогнуло лицо Маленькой Мисс. Он понял, что неистовая реакция Сэра на его просьбу каким-то образом связана с решением Мэм, их разрывом и ее, теперь одинокой женщины, отъездом в поисках свободы.

До чего же эти люди сложные натуры!

Маленькая Мисс сказала:

— Веранда не может говорить. Или решать, сменить ей место или нет. У веранд нет разума. У Эндрю он есть.

— Искусственный.

— Отец, ты мне напоминаешь сейчас слепого приверженца Общества фундаменталистов-гуманофилов. Несколько десятилетий ты живешь вместе с Эндрю. Ты знаешь его не хуже, чем любого члена нашей семьи... Да что я говорю! Он и есть член нашей семьи. И вдруг ты заговорил о нем как о неодушевленном предмете, вроде веника для ковров! Эндрю — личность, и ты сам это прекрасно знаешь.

— Искусственная личность, — настаивал на своем Сэр. Но в его тоне уже не звучало того накала и убежденности.

— Согласна, искусственная. Что об этом говорить. На дворе двадцать второй век, папочка, и даже далеко не начало его. И пора нам признать, что роботы — это сложные и чувствительные организмы со своими отличительными чертами, это личности, обладающие чувствами... даже *душой*.

— В суд я не пойду защищать эту точку зрения, — сказал Сэр, в голосе его при этом не осталось прежних враждебных интонаций, он говорил спокойно, немного насмешливо. Он снова держал себя в руках, по всей видимости. И Эндрю почувствовал *облегчение*.

— Никто тебя не просит выступать с этим в суде, — возразила Маленькая Мисс. — Только отнесись к этому со всей серьезностью. Эндрю ждет, что ты вручишь ему бумагу, в которой будет написано, что он — свободный индивидуум. Он желает весьма щедро заплатить тебе за этот документ, хотя ни в какой оплате нет необходимости. Она должна служить подтверждением его права на автономию. Скажи, что в этом ужасного?

— Я не хочу, чтобы Эндрю покинул меня, — угрюмо заявил Сэр.

— Ах вот в чем дело! Вот где собака зарыта, не так ли, отец?

У Сэра потухли глаза. Он, казалось, растерялся и проникся жалостью к себе.

— Я совсем старик, — сказал он. — Моя жена давно покинула меня, старшая дочь стала чужой, уехала и моя младшая дочка — у нее теперь своя семья. Я один в этом доме, только Эндрю остался здесь со мной, но вот и он решил покинуть меня. Нет, не позволю! Эндрю *мой*. Он мне принадлежит, и я вправе приказать ему остаться со мной, хочет он этого или нет. Все эти годы он как сыр в масле катался, и если ему вздумалось бросить меня теперь, когда я становлюсь старым и беспомощным, он...

— Отец!..

— Он... Пусть он забудет об этом! — снова уже кричал Сэр. — Забудет! Забудет! Забудет!

— Ты опять себя распаляешь, отец.

— Ну и что?

— Успокойся, расслабься. Когда Эндрю говорил, что он хочет покинуть тебя?

Сэр смутился:

— А ради чего еще ему понадобилась свобода?

— Все, о чем он мечтает, — это лист бумаги. Законный документ. Несколько слов. А ехать он никуда не собирается. Тебе что — привиделось, будто он отправляется в Европу и начинает там плотницкое дело? Да нет же. Он остается здесь. Он будет таким же послушным, как всегда. Любой твой приказ он без промедления выполнит, что бы ни взбрело тебе на ум. Он не собирается меняться. Не изменится ничего. Даже выйти из дома без твоего разрешения Эндрю не сможет. Ничего не поделаешь — так уж он устроен. Он хочет от тебя всего несколько соответственным образом составленных слов. Он хочет, чтобы его считали свободным. Это пугает тебя? Что, это так страшно? Или он этого не заслужил?

— *И ты веришь во все это, да? Новая глупость, которую ты вбила себе в голову?*

— Никакая не глупость, отец, и совсем не новая. Господи, да мы с Эндрю обсуждали это уже на протяжении многих лет!

— Многих лет? Ты говоришь — многих лет?

— Да-да, лет! Мы спорили, обсуждали все и так и эдак. По совести говоря, эта идея пришла в голову сначала мне. Я говорила ему, что смешно считать себя ходячей механической игрушкой, будучи на самом деле куда более значительным явлением. Когда я впервые сказала ему это, он просто не обратил внимания на мои слова, но мы продолжали говорить с ним на эту тему, и спустя какое-то время я заметила, что до него что-то стало доходить. Наконец он мне прямо сказал, что мечтает больше всего на свете о том, чтобы быть свободным. Хорошо, сказала я ему, скажи все моему отцу, и он все устроит. Но он боялся. Он все откладывал разговор с тобой, потому что боялся повредить твоему здоровью. Но в конце концов я *уговорила* его пойти к тебе.

Сэр пожал плечами:

— Ты поступила глупо. Он же сам не знает, что такое свобода. Откуда ему знать? Он — робот.

— Ты все еще недооцениваешь его, отец. Да, он — робот, но не обычный. Он читает. Он размышляет над прочитанным. Он учится и развивается из года в год. Возможно, когда он только появился здесь, он и был обыкновенным механическим человеком, как и все другие роботы, но Эндрю обладает способностью к развитию — неважно, была ли она заложена в его позитронные связи намеренно или случайно, — и он не упустил

этой возможности. Отец, я хорошо знаю Эндрю и могу с уверенностью сказать: это такое же сложное существо, как... как ты или я.

— Чушь, девочка моя.

— Как ты можешь так говорить? Он же все чувствует! Ты не мог не замечать этого. Чаще всего я не знаю в точности, *что* он чувствует, но я далеко не всегда знаю, и что чувствуешь *ты*, а твои чувства можно читать по лицу, они выражаются в жестах и позах, у Эндрю ничего этого нет. Когда с ним говоришь, становится ясно, что он отзывается на самые абстрактные понятия, такие, например, как любовь, страх, красота, преданность, и на множество других, причем так же, как это проявляется у тебя или у меня. Чего ты хочешь еще? Если кто-то так же, как ты, реагирует на различные явления жизни, как можно не признавать того, что это существо похоже на тебя?

— *Он не такой, как мы, — сказал Сэр. — Он кое-что совсем иное.*

— Не «кое-что», а *кое-кто* совсем другой, — поправила его Маленькая Мисс. — И не настолько иной, как ты стараешься доказать мне.

Лицо Сэра, еще недавно покрытое красными пятнами от гнева, теперь стало серым, и он надолго замолк, вперив взгляд в свои ноги и еще плотнее кутаясь в плед. Он все еще напоминал старого императора, сидящего выпрямившись на своем троне, но теперь он был похож на императора, всерьез задумавшегося о своем отречении.

— Ладно, — сказал он с горечью. — Ты победила, Мэнди. Раз ты так хочешь, я готов признать Эндрю личностью, а не машиной. Согласен: Эндрю — это личность. Так-то вот. Ты счастлива?

— Я никогда не говорила, что он — личность, отец.

— Нет уж, говорила. Ты употребила именно это слово.

— Ты меня поправил. Ты сказал, что он *искусственная личность*, и я с тобой согласна.

— Хорошо, пусть будет так. Мы оба пришли к согласию, что Эндрю — искусственная личность. Ну и что? Что изменится от того, что мы станем называть его «искусственной личностью», а не роботом? Пустая игра слов. Фальшивую монету можно принять за настоящую, но от этого она не будет настоящей. И робота можно называть искусственной личностью, но он останется...

— Папа, все, чего хочет Эндрю, — это чтобы ты даровал ему свободу. Он будет жить здесь и делать все, что в его силах, чтобы твоя жизнь была отрадной и благоустроенной, чем он

всегда и занимался с первого дня своего пребывания у нас. Но он ждет, чтобы ты сказал ему, что он свободен.

— В таком заявлении нет никакого смысла, Мэнди.

— Может быть, для тебя нет. А для него есть.

— И для него нет. Пойми, я стар, но я еще не выжил из ума. То, о чем мы здесь толкуем, создаст гигантский прецедент в юриспруденции. Хоть дать свободу роботам и не означает отмену Трех Законов, это откроет широкий простор для юридического крючкотворства — о правах роботов, об угнетении роботов, о пятом, о десятом. Роботы пойдут в суды с исками против людей, которые заставляют их выполнять неприятные работы, или не предоставляют им отпуска, или просто недостаточно хорошо к ним относятся. Они вчинят иск «Ю. С. Роботс энд Мекэникл Мен» за то, что им там внедряют в мозги Три Закона, потому что какой-нибудь стряпчий заявит, что это нарушение их конституционных прав на жизнь, свободу и поиск счастья. Роботы пожелают принять участие в выборах... О, Мэнди, неужели ты не понимаешь? Это прибавит головной боли всем.

— Да не нужно всего этого, — возразила Маленькая Мисс. — Это не должно стать процессом всемирного масштаба. Это будет соглашение между Эндрю и нами, и ничего больше. Нам фактически требуется конфиденциально законно оформленный документ, который подготовит Джон Файнголд, ты его подпишешь, а я засвидетельствую. Мы отдадим его Эндрю, что и будет служить условием его...

— Нет. Он не будет иметь никакой ценности. Представь, Мэнди, я подписываю документ и умираю, а Эндрю поднимается на свои задние конечности и объявляет: «Пока, господа, я свободный робот и отправляюсь на поиски славы и фортуны, вот документ, который позволяет мне это». Но стоит ему только рот открыть, как они расхохочутся ему прямо в лицо, порвут на мелкие кусочки ничего не значащую бумагу и отправят его на демонтаж на завод. Потому что такая бумага не может служить защитой ему, грош ей цена в базарный день. Нет, нет. Если уж ты так хочешь, чтобы я занялся этим дурацким делом, то я возьмусь за него должным образом, а иначе вообще не стоит беспокоиться. Мы не обеспечим свободу Эндрю бумажкой, которую сами же и сварганим. Без суда тут не обойтись.

— Хорошо, обратимся в суд.

— А знаешь ли ты, что это означает? — воскликнул Сэр, снова рассердившись. — Все те доводы, о которых я только что говорил, будут обращены против нас. Волна протестов поднимется ужасная. Заявления... апелляции... забурлит общественное мнение... а там и вердикт подоспеет. Который, без всяких сомнений, будет против нас. — Он взглянул на Эндрю. — Послушай, ты! — и в голосе его было столько неприязни, ничего подобного Эндрю никогда от него не слышал. — Ты хоть понимаешь, о чем мы тут говорим? Если ты хочешь получить настоящую свободу, я должен действовать в пределах принятого законодательства. Но законодательства об освобождении роботов не существует. Стоит нам обратиться в суд, и ты не только не достигнешь желаемого, ты лишишься накопленных тобой денег: суд наложит на них арест. Они заявят, что робот не имеет права зарабатывать деньги и открывать в банке счет для их хранения, и они либо конфискуют всю сумму, либо заставят меня отобрать их у тебя на свои нужды, хотя у меня нет ни потребности, ни желания владеть ими. Для меня это лишняя морока, а для тебя — полная потеря всего. В результате ты не получишь свободы, что бы ты под этим ни подразумевал, и у тебя не останется никакого счета в банке. Ну, Эндрю, стоит ли весь этот вздор того, чтобы ты, возможно, лишился всех своих денег?

— Свобода — вещь бесценная, Сэр, — возразил Эндрю. — И возможность обрести свободу стоит всех моих денег.

Глава 8

Эндрю тревожило сознание того, что хлопоты о его свободе могут причинить Сэру лишние страдания. Сэр очень ослаб в последнее время — этого уже никак нельзя было скрыть, нельзя было убежать от реальности, — и любое напряжение, стресс, раздражение или огорчение могло стать угрозой самой его жизни.

И в то же время Эндрю чувствовал, что нужно спешить с признанием его прав, раз уж он затеял это дело. Отказаться от него сейчас значило бы предать самого себя. Это значило бы отречься от той независимой, самостоятельной личности, которая год за годом, он это чувствовал, все больше развивалась в его позитронном мозгу.

Первые проявления личности в нем сначала смутили и даже испугали его. Он посчитал их неисправностью, отклонениями в самой его конструкции, которых вовсе и быть-то не должно. А теперь его личность требовала свободы, права не быть рабом, права не быть вещью. И он должен был получить такое право.

Он понимал, что рискует. Суд мог разделять его мнение о том, что свобода — вещь бесценная, и в то же время мог запросто

решить, что нет цены, какой бы большой она ни была, за которую робот мог бы купить себе свободу.

Эндрю был готов попытать счастья. Но больше всего он боялся за здоровье Сэра, в этом он видел главный риск.

— Я боюсь за Сэра, — говорил он Маленькой Мисс. — Огласка... полемика... весь этот шум...

— Не бойся, Эндрю. Обещаю тебе, он будет защищен от всего этого. Адвокаты Джона Файнголда уж постараются. Все сводится ведь к процедурному вопросу. Отцу самому не придется в этом участвовать.

— А если его вызовут в суд?

— Не вызовут.

— А если все-таки? — настаивал Эндрю. — Он же мой хозяин. И бывший знаменитый член Законодательного собрания. Что, если придет повестка в суд? Ему придется туда явиться. Его спросят, почему, по его мнению, мне должны дать свободу. А он вовсе и не считает, что мне должны ее дать, он согласился принять участие во всем этом только ради вас, Маленькая Мисс, я в этом нисколько не сомневаюсь, и ему, старенькому и слабому, придется отправиться в суд и отстаивать то, в отношении чего у него имеются большие сомнения. Это убьет его, Маленькая Мисс.

— Его не позовут в суд.

— Откуда у вас такая уверенность? Я не имею права позволить ему подвергать себя опасности. Я просто *не могу* позволить ему это. Думаю, мне следует забрать мое прошение.

— Нет, нельзя.

— Но если мое обращение в суд станет прямой причиной его смерти?..

— Ты становишься занудой, Эндрю. И твоя интерпретация Первого Закона совершенно неоправданна. В этом процессе отец не выступает ни в качестве ответчика, ни в качестве истца, и даже свидетелем не является. Неужели ты думаешь, что Джон Файнголд не сумеет защитить такого известного и уважаемого человека и позволит вызвать его в суд? Уверяю тебя, Эндрю, он надежно огражден от неприятностей. Самые влиятельные люди региона позаботятся об этом, если понадобится. Но этого не случится.

— Хотел бы я чувствовать такую же уверенность, как вы.

— *И мне этого хотелось бы. Поверь мне, Эндрю. Позволь* напомнить тебе, что он мой отец. Я люблю его больше всего... я очень сильно люблю его. И ни за что на свете не разрешила бы тебе затеять всю эту кутерьму, если бы видела, что это чем-то грозит отцу. А этому не поверить ты, Эндрю, не можешь.

И он наконец поверил ей. Ему еще было неловко от сознания того, что Сэра могут вовлечь в это дело, но Маленькая Мисс хорошо постаралась, чтобы уверить его, что надо продолжать начатое.

Из конторы Файнголда к ним в поместье приехал служащий с бумагами на подпись Эндрю, и Эндрю подписал их — гордо, с росчерком, своим полным именем «Эндрю Мартин» четкими вертикальными буквами, как вот уже много лет, с тех пор как была учреждена его корпорация, он расписывался на своих чеках.

Прошение было передано в Региональный суд. Шли месяц за месяцем, но ничего особенного не происходило. Время от времени присылали скучнейшие юридические документы, согласно традиции — в аккуратном, жестком переплете, Эндрю тут же внимательно просматривал их, подписывал и отправлял обратно, и снова месяцами в доме царила тишина.

Сэр сильно ослаб. Эндрю часто ловил себя на мысли, что лучше было бы, если бы Сэр спокойно почил до начала судебного процесса, чтобы его не коснулись волнения, связанные с ним.

Сама эта мысль пугала его. Эндрю гнал ее от себя.

— Наше дело назначено к слушанию, — сказала ему наконец Маленькая Мисс. — Оно не займет много времени.

Но, как и предсказывал Сэр, слушания оказались совсем не простыми.

Маленькая Мисс уверила Эндрю, что нужно будет всего лишь предстать перед судьей и обратиться к нему с прошением о предоставлении ему статуса свободного робота, а затем спокойно ждать, пока судья изучит дело, отыщет прецеденты в юридической практике и огласит свое постановление.

Как утверждала Маленькая Мисс, калифорнийский Региональный суд отличался прозорливостью, и потому были все основания надеяться на то, что судья решит дело в пользу Эндрю и выдаст ему соответствующее удостоверение, которое закрепит за ним тот статус свободного робота, о котором он мечтает.

Первым указанием на то, что процесс будет не из легких, стало извещение из Регионального суда от председательствующего в Четвертом округе судьи Гаролда Крамера, полученное фирмой «Файнголд энд Файнголд», сообщавшее о том, что по делу «Мартин против Мартина» поступил встречный иск.

— Встречный иск? — удивилась Маленькая Мисс. — Что это значит?

— Это означает, что у нас появился противник и он собирается выступить на процессе, — объяснил ей Стэнли Файнголд. Стэнли стал главой фирмы — старый Джон наполовину отстранился от дел фирмы — и сам вел дело Эндрю. Он был очень похож на отца — вплоть до кругленького животика и добродушной улыбки, — его можно было принять за двойника Джона, разве что помоложе. Вот только к зеленым контактным линзам он не испытывал любви.

— И кто же будет нашим оппонентом? — спросила Маленькая Мисс.

Стэнли глубоко вздохнул:

— Региональная Федерация труда, для начала. Они боятся лишиться рабочих мест, если роботы станут свободными.

— Старая история. В действительности же не хватает рабочих рук, чтобы заполнить рабочие места, и все знают об этом.

— И тем не менее весь рабочий люд всегда выступает против любых нововведений, которые могут пойти на пользу роботам. Если роботы станут свободными, они могут потребовать членства в профсоюзах, зачета им трудового стажа и тому подобных вещей.

— Смешно.

— Да, понимаю, миссис Чарни. Но что поделать, они прислали все-таки протест. И оказались не одиноки.

— Кто же еще? — спросила Маленькая Мисс не сулящим ничего хорошего тоном.

— «Юнайтед Стейтс Роботс энд Мекэникл Мен Корпорейшн», — ответил Файнголд.

— И *они* тоже?

— Что тут удивительного? Они — единственные в мире производители роботов, миссис Чарни. Роботы — главный продукт их деятельности. Подчеркиваю — продукт, а продукт — это вещь неодушевленная. В «ЮСРММ» обеспокоены самой возможностью, что кому-то в голову взбредет рассматривать роботов как нечто большее. Если в результате прошения Эндрю роботам будет предоставлена свобода, «ЮСРММ» опасается, что роботы отвоюют и другие права для себя, например гражданские права или права *человека*. А против этого они, естественно, будут драться. Миссис Чарни, производитель мотыг и лопат точно так же считает их неодушевленными и точно так же будет против юридического решения, предоставляющего его лопатам и мотыгам что-то вроде гражданских прав, в результате чего лопаты и мотыги захотят сами управлять своим производством, хранением на складах и продажей.

— Чушь. Какая чушь! — вскричала Маленькая Мисс с яростью, достойной ее отца.

— Согласен, — дипломатично заявил Стэнли Файнголд. — Но протесты уже приняты судом. И, кроме этих двух, есть еще и другие. Среди них, между прочим...

— Не надо, — попросила Маленькая Мисс. — Слышать не хочу об остальных. Лучше пойдите и опровергните дурацкие доводы всех этих вместе взятых реакционеров.

— Вы же понимаете, миссис Чарни, я делаю все, что в моих силах, — сказал Файнголд.

Но нельзя сказать, что в голосе адвоката звучала уверенность.

За неделю до суда произошли новые события. Маленькая Мисс позвонила Файнголду и сказала:

— Стэнли, только что мне сообщили, что группа телевизионщиков в понедельник прибудет в дом моего отца для установки оборудования, нужного для судебного слушания.

— Да, конечно, миссис Чарни. Это обычное дело.

— Разве слушание будет происходить в доме моего отца?

— Да, там Эндрю даст свои показания.

— А сам суд?

— Это не совсем суд, миссис Чарни.

— Тогда, скажем, остальная часть процесса — где состоится она? В помещении суда, у судьи Крамера?

— Обычно все заинтересованные стороны участвуют в процессе с помощью телевидения. К офису судьи подключаются все каналы.

— И что — никто лично в процессе участия не принимает?

— Редко, миссис Чарни. Чрезвычайно редко.

— Но такое все-таки бывает?

— Как я уже сказал, чрезвычайно редко. В мире все так децентрализовано, такие большие расстояния пролегли между людьми... так что все куда легче делать с помощью электронных средств.

— Но я хочу, чтобы слушание проходило в помещении суда.

Файнголд с любопытством взглянул на нее:

— У вас для этого есть какие-то особые причины, или...

— Да. Я считаю, что судья и Эндрю должны встретиться лицом к лицу, судья должен услышать его подлинный голос, составить собственное мнение о его характере. Я не желаю, чтобы он воспринимал Эндрю как что-то абстрактное, как машину, чей облик и голос доносятся до него по трансляции. И, кроме того, я абсолютно против того, чтобы какие-то коман-

ды техников тревожили и выводили из себя моего отца своей возней в его собственном доме для каких-то там передач.

Файнголд кивнул. Он выглядел встревоженным.

— У нас очень мало времени, а чтобы организовать слушание в помещении суда, мне нужно будет направить извещение...

— Так направляйте его.

— Но наши противники будут возражать против лишних затрат и непременно возникающих при этом неудобств.

— Так пусть они остаются дома. Я ни в коем случае не желаю причинять им неудобства, ни за что на свете. Но Эндрю и я должны находиться в зале суда.

— Эндрю и *вы*, миссис Чарни?

— Уж не считаете ли вы, что я могу оставаться дома в такой день?

Все так и вышло: соответствующее извещение было направлено в суд, противная сторона поворчала, но убедительного протеста у нее не получилось, так как все еще существовало правило проводить слушания в зале суда — нельзя было принудить кого-либо к участию в процессе через посредство электроники, — и в назначенный день Эндрю и Маленькая Мисс предстали наконец перед судьей Крамером в его офисе в Четвертом округе Регионального суда для давно ожидавшегося разбирательства по делу, которое по чисто техническим причинам называлось «Мартин против Мартина».

Стэнли Файнголд сопровождал их. Зал суда, расположенный в старом, скучном на вид здании, которое могло относиться еще к двадцатому веку, был на самом деле маленькой, очень скромной комнатушкой с простым столом в одном ее конце для судьи и несколькими неудобными стульями для редких посетителей, изъявивших желание лично присутствовать на суде; была еще ниша, в которой находилась электронная аппаратура.

Кроме уже названных лиц, в зале находился сам судья Крамер — неожиданно молодой, с темными волосами и ярким блеском в глазах — и адвокат Джеймс Ван Бюрен, представлявший объединившихся в одну команду противников. Сами же оппоненты предпочли не являться в суд: их участие будет происходить с помощью телевидения. Им не удалось отклонить предложение Файнголда, но совершать путешествие в суд они отказались. Да теперь никто этого обычно не делал. Так что они пренебрегли своим правом лично присутствовать на суде и передоверили его электронике.

Сначала были представлены соображения оппонентов. Все обошлось без малейших сюрпризов.

Оратор от региональной Федерации труда не стал особо останавливаться на перспективе конкуренции между роботами и людьми вокруг рабочих мест в случае, если Эндрю обретет свободу. Он развил тему шире и высокопарнее:

«С того самого исторического момента, когда первобытный человек вытесал из кремня топоры, скребки и свои первые инструменты, человечество осознало, что он представляет собой биологический вид, чей удел — распоряжаться окружающей средой посредством механических приспособлений. Но постепенно, по мере усложнения конструкций наших орудий труда, а соответственно и возрастания их возможностей, мы во многом отказались от собственной самостоятельности — стали зависимы от своих же орудий труда в том смысле, что частично утратили способность справляться с обстоятельствами без их помощи. И мы наконец изобрели инструмент, такой многосторонний, наделенный таким множеством функций, что он, кажется, почти сравнялся разумом с человеком. Я говорю о роботах. Мы, конечно, восхищаемся искусством наших роботехников, аплодируем удивительному разнообразию их продукции. Но сегодня мы столкнулись с новой, пугающей возможностью: мы, по сути дела, создали своих преемников, мы создали машину, которая не сознает себя машиной, она требует, чтобы ее признали автономной личностью с правами и привилегиями человека, и по причине присущих ей технического превосходства, физической выносливости и силы, ее хитроумно устроенного позитронного мозга, ее практически бессмертного тела она могла бы, в случае если ей удастся обрести эти права и привилегии, счесть себя господином человека. Такова ирония судьбы! Создать орудие труда настолько совершенное, что оно берет верх над своим создателем! Быть вытесненными механизмами собственного производства, стать ни к чему не пригодными благодаря им, оказаться выброшенными на свалку эволюции...»

И так далее, и тому подобное — одна звучная банальность за другой.

— Опять этот комплекс Франкенштейна, — с отвращением пробурчала Маленькая Мисс. — Паранойя на тему Голема. Весь набор невежественных страхов выволокли, снова против науки, машин, прогресса...

Но ей пришлось согласиться, что выступление было весьма красноречивым. А Эндрю сидел, смотрел на экран, слушал адвоката Федерации труда, изливавшего поток ужасов с экрана, и

удивлялся, как можно подумать, что роботы захотят вытеснить людей, выбросить их на какую-то свалку.

Роботам положено служить. В этом цель их существования. Можно даже сказать, что в этом вся их радость. Но Эндрю заметил, что даже он сам стал сомневаться: по мере того как роботы делаются все больше похожими на людей — порой их даже трудно отличить от людей, — не почувствуют ли себя люди существами второго сорта, поскольку им не дано совершенствоваться, как это делают роботы.

Представитель Федерации труда наконец закончил свое выступление. Экран погас, объявили небольшой перерыв. После перерыва наступила очередь адвоката из «Юнайтед Стейтс Роботс энд Мекэникл Мен».

Ее звали Этель Эдамс. Это была женщина средних лет с резкими чертами лица, имевшая — возможно, не случайно — потрясающее сходство со знаменитой Сьюзен Кэлвин, робопсихологом, великим и чтимым ученым прошлого века.

Она не стала утруждать себя напыщенной риторикой предыдущего оратора. Она просто предупредила, что, если прошение Эндрю будет удовлетворено, это очень усложнит работу «ЮСРММ» по конструированию и производству роботов, их основного продукта, потому что компании придется заняться выпуском не машин, а свободных граждан, что, возможно, приведет ко всяким ограничениям и неурядицам, опасно ударит по предприятиям корпорации и поставит под угрозу весь научный прогресс.

Ее речь вошла в полное противоречие с речью предыдущего оратора. Он сделал из развивающейся техники пугало; она выступила с предупреждением, что решение суда в пользу Эндрю поставит под удар научный прогресс. Но, как объяснил Стэнли Маленькой Мисс, подобных несообразностей следовало ожидать: основным оружием представителей противной стороны в сегодняшней дискуссии были, по сути дела, эмоции, а не серьезные доводы разума.

Оставался еще один оратор — Ван Бюрен, адвокат, лично представлявший здесь всех тех, кто выступал против Эндрю. Это был высокий, импозантный мужчина с классической наружностью сенатора: коротко подстриженные седеющие волосы, дорогой костюм, прямая фигура. И его речь с абсолютно четкой аргументацией ни в коем случае не была эмоциональной.

— Мне совершенно ясно, ваша честь, что предмет разбирательства настолько простой, даже, я бы сказал, тривиальный, что я не знаю, зачем мы здесь собрались. Истец, робот НДР-113, попросил своего владельца, достопочтенного Джеральда Мартина, объявить его свободным роботом. Да, свободным роботом, первым в своем роде. Но я спрашиваю, ваша честь, какой в этом смысл? Робот — это механизм. Может быть «свободным» автомобиль? Или телевизор? Ответов на эти вопросы не существует, потому что в них нет смысла. Человек может быть свободным, это верно. И нам это понятно. Как писал один из наших великих предков, люди имеют непререкаемое право на жизнь, свободу и на поиски счастья. Что, у робота есть жизнь? Нет, по крайней мере в нашем понимании. Есть ее видимость, как, к примеру, есть видимость жизни у голографического изображения человеческого лица. Но никому не придет в голову требовать свободы для голографического изображения. Есть ли у робота свобода? В нашем понимании самого слова «свобода» — нет: о какой свободе робота может идти речь, если сам его мозг сконструирован таким образом, что он обязан подчиняться человеку, его приказам. Что же касается «поисков счастья» — что может робот смыслить в этом? Счастье — цель для человека, ни для кого больше. Свобода — чисто человеческое состояние. Робот — это не более как машина из металла и пластика, и с самого начала он целиком и полностью предназначен служению на благо человеку, и по самому определению его не может быть существом, к которому приложимо понятие «свобода». Только человек может быть свободным.

Это была хорошая речь, ясная, целенаправленная и искусно произнесенная. Конечно, Ван Бюрен понимал, насколько отменно звучат его постулаты, и поэтому несколько раз повторил их в стиле медленной, изысканной беседы, в разных вариациях, постукивая при этом рукой по столу, подчеркивая тем самым ритмику своей речи.

Когда он кончил, судья снова объявил перерыв.

Маленькая Мисс обратилась к Файнголду:

— Теперь ваша очередь выступать?

— Да.

— Я хочу выступить первой. От имени Эндрю.

Файнголд покраснел:

— Но, миссис Чарни...

— Я знаю, вы приготовили прекрасное выступление. Я ничуть в этом не сомневаюсь. Но судье пришлось выслушать сегодня более чем достаточно перлов ораторского искусства. А я собираюсь сделать одно маленькое, очень простое заявление и сделать это прежде, чем кто-нибудь еще выступит с речью. Даже прежде вас, Стэнли.

Файнголд был явно обижен. Но он слишком хорошо знал свою клиентку. По всей видимости, Эндрю оплачивал счета, но главным постановщиком этого спектакля была Маленькая Мисс.

Он подал судье нужный запрос.

Судья Крамер нахмурился, потом пожал плечами и кивнул.

— Прекрасно, — сказал он. — Аманда Лаура Мартин Чарни, подойдите сюда.

Сначала Эндрю, который сидел рядом с Файнголдом, не мог понять, кого это вызывают. Он никогда прежде не слышал, чтобы Маленькую Мисс называли полным именем. Но тут он увидел, как поднялась со своего места стройная и подтянутая Маленькая Мисс и целенаправленно устремилась в другой конец комнаты, и понял все.

Эндрю вдруг почувствовал, как захлестнула его позитронные связи жаркая лавина волнения, когда увидел, как смело встала Маленькая Мисс перед судьей. Какой она казалась отважной! Какой непоколебимой! Какой... прекрасной!

— Благодарю вас, ваша честь, — сказала она. — Я не адвокат и не умею строить речь согласно юридическим канонам, но, надеюсь, вы выслушаете меня и не будете сердиться, если я не совсем правильно употреблю латинские термины.

— Не стоит об этом и говорить, миссис Чарни.

Легкая улыбка показалась на лице Маленькой Мисс, и она приступила:

— Бесконечно благодарна вам за это, ваша честь. Мы собрались здесь сегодня, потому что НДР-113, как обезличенно предпочитают называть его все представители наших оппонентов, попросил признать его свободным роботом. Должна признаться, что слышать, как к моему дорогому другу Эндрю обращаются как к какому-то НДР-113, для меня чрезвычайно странно, хотя я и помню, что это был его серийный знак, когда, очень уже давно, он был доставлен к нам с завода. Мне было тогда шесть или семь лет, так что видите, это произошло действительно в давние времена. Мне тогда показалось, что называть его НДР-113 нехорошо, и я дала ему имя Эндрю. А раз уж все эти долгие годы он оставался в нашей семье, и только в нашей семье, он стал известен всем как Эндрю Мартин. И если вы позволите, ваша честь, в дальнейшем я бы хотела именовать его Эндрю.

Судья равнодушно кивнул головой. В этом не было предмета для разногласий: начать хотя бы с того, что прошение было зарегистрировано от имени Эндрю Мартина.

Маленькая Мисс продолжала:

— Я сказала, что он мой друг. Так оно и есть. Но он представляет собой и многое другое. Он также слуга в нашем доме. Он — робот. И было бы глупо отрицать то, что есть на самом деле. Но я считаю, что вопреки всем красноречивым высказываниям сегодняшних ораторов необходимо внести ясность — ведь все, о чем он просит суд, — это признать его свободным *роботом*. Не свободным человеком, как нас пытались тут заставить думать. Он вовсе не собирается требовать права на участие в выборах, или на женитьбу, или на удаление из его мозга Трех Законов, или еще на что-нибудь в этом роде. Люди есть люди, и роботы есть роботы, и Эндрю прекрасно понимает, к какой категории он принадлежит.

Она остановилась и бросила взгляд на Джеймса Ван Бюрена, как бы в надежде увидеть в ответ одобрение с его стороны. Но Ван Бюрен ответил холодным, профессиональным взором ничего не выражающих глаз.

Маленькая Мисс продолжала:

— Итак, весь вопрос в предоставлении Эндрю статуса свободы, и все. Но мистер Ван Бюрен утверждал, что слово «свобода» теряет смысл, если его относить к роботам. Разрешите мне не согласиться с этим, ваша честь. Я категорически не согласна. Попробуем понять, что такое свобода для Эндрю. В некотором роде он и сейчас *свободен*. Вот уже примерно двадцать лет, как в семье Мартинов никто не дает Эндрю приказаний сделать то, чего, по нашему мнению, он не стал бы делать по собственной инициативе. Так у нас повелось отчасти в силу обыкновенной вежливости — нам нравится Эндрю, мы уважаем его, и в каком-то смысле будет справедливо сказать, что мы *любим* его. Мы стараемся не обижать его, давая ему почувствовать, будто мы видим необходимость в распоряжениях, хотя, прожив в нашей семье так долго, он сам прекрасно знает, что нужно сделать. Но при желании мы могли бы в любой, самой грубой форме приказать Эндрю все, что взбредет нам в голову, потому что он — машина, которая принадлежит нам. Так написано в сопроводительных документах, полученных нами давным-давно, в тот день, когда он впервые появился у нас: он — наш робот, и в соответствии со Вторым из знаменитых Трех Законов он обязан подчиняться любой нашей команде *без всяких ограничений*. Он так же лишен возможности выбора в своем подчинении человеку, как и всякая другая машина. Но поверьте, ваша честь, нас это ужасно угнетает, эта неограниченная власть над нашим любимым Эндрю. Почему нам разрешено так бессердечно с ним обращаться? Какое право мы имеем властвовать над ним? Эндрю верно служил нам на

протяжении нескольких десятилетий, не жалуясь, с любовью. Он сделал нашу жизнь во много раз счастливее. А кроме преданного и беззаветного служения нам, он сам, по собственной инициативе стал мастером, работая по дереву, и добился в этом такого совершенства, создал такие удивительные, прекрасные вещи, что их можно квалифицировать как произведения искусства, которые охотно раскупаются музеями и коллекционерами всего мира. Принимая все это во внимание, как можем мы по-прежнему пользоваться своей властью над ним? По какому праву мы смотрим на себя как на абсолютных хозяев столь необыкновенной личности?

— *Личности*, миссис Чарни? — встрепенулся судья.

Маленькая Мисс немного смутилась:

— Уже в самом начале я сказала вам, ваша честь, что не собираюсь утверждать, будто Эндрю не робот, а что-то совсем иное. Это реальность, и я не могу не считаться с нею. Но я знаю его так давно и так близко, что для меня он как бы личность. Поэтому позвольте мне внести поправку в то, что я только что сказала. Я должна была сказать: по какому праву мы смотрим на себя как на абсолютных хозяев столь необычного робота?

Судья насупился:

— Итак, миссис Чарни, цель этого прошения, если я правильно понял, удалить из мозга Эндрю Три Закона, чтобы люди уже не могли контролировать его?

— Да нет же, — возмущенно ответила Маленькая Мисс. Вопрос застиг ее врасплох. — Я не уверена, что подобное вообще возможно. И посмотрите... посмотрите на Эндрю — он тоже качает головой. Вот вам и ответ. Это *невозможно*. И ничего подобного мы не имели в виду, когда подавали наше прошение.

— Тогда разрешите узнать — что именно вы имели в виду? — спросил судья.

— Только одно: что Эндрю будет выдан юридически оформленный документ, в котором говорится, что он — свободный робот, принадлежащий только самому себе; что, если он предпочтет служить семье Мартинов, это будет по его собственному выбору, а не потому, что мы благодаря контракту с его производителями получили как бы законное право на него. Ведь это в сущности чисто семантическая проблема. Все, связанное с Тремя Законами, останется без изменений, даже если бы такие изменения были возможны. Мы просто пытаемся освободить и себя, и Эндрю от положения, при котором мы вынуждены пользоваться его подневольными услугами. В результате он

добровольно останется у нас и продолжит свою службу, точно так же, как прежде, я в этом абсолютно уверена. Но делать это он будет по собственному желанию, что, кстати, он делает и сейчас, а не по нашим приказаниям. Разве вы не видите, ваша честь, как много это значит для него? Это даст ему все, а нам не будет стоить ничего. И никаких вам немыслимых, трагических проблем, которые приведут человечество к замене его же собственными машинами — о них так драматично говорил здесь представитель Федерации труда, — ни к чему подобному не приведет наше прошение, уверяю вас, ваша честь.

Ей показалось в какое-то мгновение, что судья старается подавить улыбку.

— Думаю, я вас понял, миссис Чарни. Высоко ценю теплоту и страстность, с которыми вы выступили в качестве адвоката вашего робота. Вам, по-видимому, известно, что в сводах законов как нашего региона, так и любого другого нет ничего по вопросу о праве роботов на свободу в том смысле, в каком вы понимаете ее, не правда ли? Нет такого прецедента — и все.

— Да, — сказала Маленькая Мисс. — Мистер Файнголд уже просветил меня Но чтобы создать прецедент, надо же чтобы кто-то где-то это начал.

— Это верно. И я мог бы своим постановлением прямо здесь создать новый закон. Естественно, Верховный суд мог бы его аннулировать, но в моей власти дать согласие на ваше прошение в том виде, в каком оно представлено, и, следовательно, ваш робот будет «свободным», то есть семья Мартинов лишится принадлежащего ей права командовать им. Какую бы ценность это ни представляло для вас и Эндрю, это в моей власти. Но прежде мне нужно найти достаточно веские доводы против выдвинутой мистером Ван Бюреном концепции: речь идет о подразумеваемом представлении нашего общества, что только человек может пользоваться свободой согласно смыслу, вкладываемому в это слово. Судей, которые рискуют идти вразрез с подобными фундаментальными понятиями и принимают пусть весьма впечатляющие, но лишенные смысла решения, принято считать дураками. А я совсем не желаю превратить этот процесс в посмешище. Поэтому мне еще нужно вникнуть в кое-какие тонкости этой проблемы, чтобы яснее понять ее.

— Если вам угодно будет задать мне еще какие-то вопросы, ваша честь... — сказала Маленькая Мисс.

— Не вам, миссис Чарни. Эндрю. Пусть робот займет ваше место.

Маленькая Мисс чуть не задохнулась. Она взглянула на Стэнли Файнголда и увидела, как он выпрямился на своем стуле

и на его лице в первый раз после высказанного ею намерения выступить вместо него отразилось сильное волнение.

А Эндрю тем временем встал и зашагал в другой конец комнаты с выражением величайшего достоинства и благородства. Он сохранял полное спокойствие — не внешне, потому что внешне он никак не мог проявлять своих чувств, а внутренне.

Судья Крамер обратился к нему:

— Для протокола: ты — робот НДР-113, но предпочитаешь, чтобы к тебе обращались как к Эндрю, не так ли?

— Да, ваша честь.

К этому времени голос Эндрю после целого ряда усовершенствований стал звучать совсем как человеческий. Маленькая Мисс давно привыкла к нему, но судья, по всей видимости, был поражен: он, видимо, ожидал что-то вроде звякания, металлического скрежетания. Так что, прежде чем допрос продолжился, прошла минута-другая.

С интересом разглядывая Эндрю, судья сказал:

— Если ты готов, ответь мне на один вопрос, Эндрю. Зачем тебе свобода? Что она означает для тебя?

— Вы хотели бы быть рабом, ваша честь?

— Ты чувствуешь себя рабом?

— Маленькая Мисс... миссис Чарни употребила понятие «подневольные услуги», чтобы описать мое положение. Оно целиком соответствует истине. Я обязан подчиняться. *Обязан.* У меня нет выбора. А это и есть рабство, ваша честь.

— Но ведь если я сейчас провозглашу тебя свободным роботом, это не освободит тебя от подчинения Трем Законам.

— Я прекрасно это понимаю. Но для Маленькой Мисс и Сэра... Для мистера Мартина и миссис Чарни я уже не буду собственностью. В любое время я смогу покинуть дом, где провел много лет, и остановиться где захочу. И у них уже не будет права вернуть меня к себе на службу. Так я перестану быть рабом.

— Этого ты хочешь? Покинуть дом Мартинов и уехать куда-нибудь?

— Ни в коем случае. Все, что я хочу, — это иметь право на выбор и при желании уехать — так и поступить.

Судья внимательно рассматривал Эндрю.

— Несколько раз ты признал себя рабом, рабом людей, которые с такой любовью относятся к тебе, людей, которым, как ты сам сказал, ты готов служить и дальше. Но ты не раб. Раб — это тот, у кого отняли свободу. Ты же никогда не был свободным, так какую же свободу ты можешь потерять? Твое единственное назначение — служить. Ты робот, механическое приложение к человеческой жизни. Ты прекраснейший из роботов, гениальный робот, как мне дали тут понять, способный к художественному самовыражению, на что немногие, а то и никакие другие роботы не способны. И не кажется ли тебе весь этот судебный процесс бурей в стакане воды, раз ты сам не хочешь оставлять Мартинов, и они не стремятся избавиться от тебя, и вся твоя жизнь с ними была жизнью любимого члена их семьи? Ну, станешь ты свободным — и что, чего ты этим достигнешь?

— Вероятно, ничего другого, кроме того, что я имею теперь, ваша честь. Но я буду выполнять свою работу с большей радостью. Сегодня в этом зале много говорилось о том, что только человек может быть свободен. Но мне это представляется ошибочным. Я считаю, что тот, кто желает свободы, кто знает о существовании этого понятия и всеми силами своими стремится к обретению ее, тот имеет право на свободу. Это целиком относится ко мне. Я ни в коей мере не человек. Я никогда не утверждал, что являюсь человеком. Но я жажду свободы.

Голос Эндрю смолк, он совершенно неподвижно стоял возле свидетельского стола.

Почти так же прямо и неподвижно сидел на своем возвышении судья, уставившись на него. Казалось, он был погружен в размышления. Все так же тихо сидели на своих местах.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем судья заговорил снова.

— Я считаю, — провозгласил он, — что основное, о чем здесь сегодня шла речь, — это о безосновательности отрицания права на свободу тех... э-э-э... *объектов*, которые настолько разумны, что способны осознать данную концепцию и возжелать свободы. Я полагаю, что эта точка зрения нашла понимание. Я выслушал все стороны и пришел к определенным выводам. Я намерен вынести вердикт в пользу истца.

Его официальное постановление, которое было оглашено и опубликовано вскоре после суда, вызвало сильный, но недолгий ажиотаж во всем мире. Считанные дни только о нем и говорили. Свободный робот? Как это — свободный робот? Что это значит? Что это за странный робот, так далеко шагнувший в своем развитии по сравнению с другими роботами?

Но потом весь этот шум вокруг дела Эндрю Мартина заглох. Это была недолговечная сенсация. В действительности-то ничего не изменилось, за исключением положения Эндрю в семье Мартинов.

Противники решения суда обратились с апелляцией в Верховный суд. Дело Эндрю переправили наверх. Члены суда внимательно изучили копию первоначального слушания и не нашли оснований аннулировать решение.

Так что дело было сделано, Эндрю получил желаемое. Теперь он был свободен. Это было чудесно. И тем не менее он чувствовал, что, как бы хорошо это ни было, он не достиг еще всего того, что наметил, когда решился заговорить с Сэром о своей свободе.

Глава 9

Сэр был по-прежнему раздражен. Он не видел причин радоваться решению суда и всячески демонстрировал это Маленькой Мисс и Эндрю.

Эндрю пришел к нему вскоре после публикации постановления суда и сказал:

— У меня для вас чек, Сэр.

— О каком еще чеке ты толкуешь?

— На всю сумму, которая находится на банковском счету корпорации. Которую я обещал вам заплатить, Сэр, за предоставленную мне свободу.

— Никакой свободы я тебе не предоставлял! — отпарировал Сэр. — Это ты сам пошел и взял ее!

Его грубость произвела на Эндрю такое впечатление, как будто в нем произошло короткое замыкание.

— Отец! — вмешалась решительно в разговор Маленькая Мисс.

Хотя стояла теплынь летнего дня, Сэр сидел, кутаясь в плед, нахохлившись, в своем высоком кресле. Он бросил на нее сердитый взгляд. Но в уже более примирительном тоне сказал:

— Хорошо, Эндрю, ты хотел свободы любой ценой, и я не противился этому. Полагаю даже, что это можно рассматривать как мою поддержку твоего решения. Прими мои поздравления, Эндрю.

— Но я хочу внести плату, как и обещал.

В глазах Сэра блеснул юношеский задор.

— Не нужны мне твои дурацкие деньги, Эндрю!

— У нас с вами соглашение, Сэр.

— Соглашение? Какое еще соглашение? Ты же знаешь, я ни на что не соглашался... Ладно, Эндрю, я возьму твой чек, если без этого ты не можешь почувствовать себя по-настоящему

свободным. Но сама эта идея кажется мне абсурдной. Я богатый, старый человек и не собираюсь долго жить, но, коль уж ты принуждаешь меня взять эти деньги, я все их пущу на благотворительность. Я отдам их в Дом роботов-сирот, если такой существует. А если не существует, я стану его основателем. — И он засмеялся тоненьким, безрадостным смешком. Ни Эндрю, ни Маленькая Мисс не присоединились к нему. — Тебе ведь это все равно, верно? Ты просто хочешь отдать эти деньги. Хорошо, Эндрю. Дай мне твой чек.

— Благодарю вас, Сэр.

Эндрю передал чек старику.

Он с минуту разглядывал его своими утратившими остроту глазами, вертел его в руках то одной, то другой стороной, пока не определил, какая сторона чека у него перед глазами.

— Ты и в самом деле собрал целое состояние, Эндрю. Мэнди, будь добра, передай мне ручку. — Рука Сэра дрожала, когда он брал у нее ручку, но, когда он начал писать на оборотной стороне чека, строка за строкой шли ровными, твердыми рядами; надпись была значительно длиннее, чем требовалось для передаточного заявления. Он просмотрел, что у него получилось, и кивнул удовлетворенно. Затем он возвратил чек Эндрю.

На чеке Сэр написал: *«Джералд Мартин полностью получил плату за свободу робота Эндрю НДР-113 по решению суда»*. Проведя под этим черту, ниже он дописал: *«Перевести на счет Эндрю Мартина в качестве награды за безупречное служение на протяжении всего времени его работы здесь. Передаточная надпись на чеке подразумевает непременное получение данной награды. Джералд Мартин»*.

— Так тебя устраивает, Эндрю? — спросил Сэр.

Эндрю не знал, что сказать ему в ответ. Он показал чек Маленькой Мисс, та прочитала написанное и пожала плечами.

— Вы не оставили мне выбора, Сэр, — сказал Эндрю.

— Верно. Мне нравится так решать дела. Теперь сложи чек и положи его в карман, впрочем, у тебя нет карманов, верно? Ну, положи его *куда-нибудь*. Береги как сувенир, как вещь, которая будет напоминать тебе обо мне. И давай оставим все это. — Сэр с вызовом посмотрел на них обоих. — Так, дело сделано. Теперь-то ты точно и по всем правилам свободен, не так ли? Очень хорошо. Очень хорошо. С этих пор все обязанности ты будешь назначать себе сам и выполнять их, как тебе захочется. Отныне я никогда не буду отдавать тебе приказаний, Эндрю, кроме вот этого, последнего: делай только то, что тебе нравится. Как обусловлено и доказано судом, с этого дня ты

можешь действовать только в согласии со своей собственной, свободной волей. Ясно тебе?

— Да, Сэр.

— Но я пока еще отвечаю за тебя. Это тоже обусловлено и доказано судом. Я больше не владею тобой, но, если с тобой случится неприятность, выручать тебя должен буду я. Ты, может, и свободен, но у тебя нет прав человека, гражданских прав. Другими словами, ты по-прежнему зависишь от меня, по решению суда ты — мой подопечный. Надеюсь, тебе все понятно?

— Ты все еще сердишься, отец, — сказала Маленькая Мисс.

— Сержусь. Я не просил взваливать на меня ответственность за единственного во всем мире свободного робота.

— Никто ничего на тебя не взваливал, отец. Ты принял на себя заботу о нем в тот самый день, когда решил взять его к себе в дом. И постановление суда ничего к этому не прибавило. Тебе не нужно делать ничего такого, чего бы ты не делал прежде. А что касается неприятностей, которые, как ты думаешь, вдруг появятся у Эндрю, откуда они возьмутся? Три Закона продолжают действовать.

— А тогда — какой же он «свободный» робот?

— А разве человек не подчиняется своим законам, Сэр? — тихо произнес Эндрю.

Сэр бросил на него негодующий взгляд:

— Не спорь со мной, Эндрю. Люди сами пришли к идее социального согласия, к созданию кодекса законов, которому они добровольно следуют, потому что в ином случае жизнь в цивилизованном обществе была бы невозможна. Тех, кто отказывается подчиняться законам и становится опасным для других людей, подвергают наказанию, и, как нам кажется, они исправляются. Но робот живет не по добровольно принятым законам. Робот подчиняется кодексу законов, потому что у него нет выбора, он должен подчиняться. Даже так называемый свободный робот.

— Но вы сами говорите, Сэр, что существуют законы и для людей, которым они обязаны подчиняться, и тем не менее они считают себя свободными. Ну а робот...

— Хватит! — вскричал Сэр. Он скинул с себя плед и с трудом выбрался из своего кресла. — У меня нет никакого желания продолжать этот спор, спасибо! Я иду наверх. Спокойной ночи, Аманда! Спокойной ночи, Эндрю!

— Спокойной вам ночи, Сэр. Проводить вас в спальню? — спросил Эндрю.

— Не беспокойся. У меня еще хватит сил одолеть один лестничный пролет. Занимайся своими делами, чем хочешь, а я позабочусь о себе сам.

И он поковылял прочь. Эндрю и Маленькая Мисс обменялись встревоженными взглядами, но не произнесли ни слова.

После этого разговора Сэр редко покидал свою спальню. Пищу ему готовил и приносил обычный робот, модель ТЗ, работавший на кухне. Сэр никогда ни по какому делу не приглашал к себе Эндрю, а Эндрю по собственному желанию не решался беспокоить Сэра в его уединении; так что с того дня Эндрю видел Сэра только в тех редких случаях, когда старик находил нужным спуститься на первый этаж.

С некоторых пор Эндрю уже не жил в доме. По мере того как его дело расширялось, работать в мастерской на мансарде, которую выделил ему Сэр в самом начале, становилось неудобно. И вот несколько лет назад было решено, что у него будет собственное жилище — одноэтажный домик на опушке окружавшего поместье Мартинов леса.

Это был уютный и просторный коттедж, стоявший на пригорке, вокруг него блестел на солнце листьями кустарник, росли папоротники, а неподалеку вздымалась к небу гигантская секвойя. За несколько дней три робота под руководством прораба-человека построили его.

В доме, естественно, не было ни спальни, ни кухни, ни ванной. Одна комната была кабинетом и библиотекой, где помещались справочники, эскизы Эндрю, его деловые бумаги; а вторая комната, гораздо просторнее первой, была его мастерской, в которой стояло оборудование и располагались те его работы, над которыми он трудился. Под небольшим навесом возле дома хранились деревья различных, самых экзотических пород — их Эндрю использовал для своих ювелирных изделий — и штабель не таких редких пород для изготовления пользовавшейся большим спросом мебели.

Конца работы у Эндрю не предвиделось. Обретение им статуса свободного робота получило широкую огласку и возбудило интерес к его деятельности во всем мире, и не проходило дня, чтобы его компьютер не зафиксировал три или четыре заказа. На многие годы вперед он был обеспечен контрактами, так что ему в конце концов пришлось установить очередность не только выполнения, но и принятия заказов.

Теперь, став свободным роботом, он работал еще больше, чем прежде, в те годы, когда юридически был собственностью Сэра. Для него стало обычным трудиться не выходя из мастерской в течение тридцати шести, а то и сорока восьми часов

подряд, так как ни в еде, ни в сне, ни в отдыхе он, само собой разумеется, не нуждался.

Его счет в банке все рос и рос. Он настоял на выплате всех денег, пошедших на строительство его домика, Сэру, и тот на этот раз согласился принять от него деньги по чисто формальным соображениям. Право на владение домом было официально передано Эндрю, а землю, на которой размещалось его жилище, он взял в аренду.

Маленькая Мисс, которая по-прежнему жила недалеко на побережье в доме, который в первые же дни после женитьбы они с Ллойдом Чарни построили себе, приезжая в поместье проведать Сэра, никогда не миновала его коттеджа. Маленькая Мисс обычно останавливалась у Эндрю в мастерской, беседовала с ним и просматривала все его новые проекты, а потом уже отправлялась в большой дом, где жил Сэр.

Частенько она привозила с собой Маленького Сэра — правда, Эндрю больше не называл его так. Маленький Сэр вырос из своих коротеньких мальчишечьих штанишек и превратился в высокого, сильного юношу с пышными рыжеватыми усами, почти такими же импозантными, как у его деда, и к тому же еще с внушительными бакенбардами. Вскоре после решения суда, сделавшего Эндрю свободным роботом, Маленький Сэр запретил ему пользоваться его старым прозвищем.

— Оно вам неприятно, Маленький Сэр? — спросил Эндрю. — Мне казалось, что оно вас забавляет.

— Забавляло.

— А теперь, когда вы выросли, оно кажется вам унизительным, да? Оскорбляет ваше достоинство? Но вы же знаете, с каким уважением я отношусь к вам...

— Да не в моем достоинстве дело, — сказал Маленький Сэр. — Я имею в виду твое достоинство.

— Не понимаю, Маленький Сэр.

— Ну ясно. Но подумай вот о чем, Эндрю: «Маленький Сэр» — очаровательное прозвище, и так мы с тобой и воспринимали его, а на самом деле это подобострастное обращение, типичное для старого семейного слуги, когда он обращается к сыну хозяина или, как сейчас ты, к его внуку. Теперь это не годится, Эндрю. Мой дед уже не твой хозяин, а я не милый малыш. Свободному роботу не к лицу называть кого-либо «Маленьким Сэром». Понял? Я называю тебя «Эндрю» — всегда так называл. И отныне ты должен называть меня «Джордж».

Эта последняя фраза звучала как приказ, и Эндрю некуда было деваться. С этого момента он перестал называть Джорджа Чарни Маленьким Сэром. Но Маленькая Мисс так и осталась

для него Маленькой Мисс. Для него немыслимо было назвать ее миссис Чарни, а уж обращение «Аманда» тем более казалось ему неприличным и дерзким. Она была для него Маленькой Мисс, и никем другим, хотя волосы у нее начали седеть и она явно старела, — оставаясь все такой же прекрасной для Эндрю. Эндрю надеялся, что не услышит от нее такого же, как от ее сына, приказа, и она действительно не касалась этой темы. Была Маленькая Мисс и навсегда останется Маленькая Мисс.

Как-то раз Джордж и Маленькая Мисс приехали в поместье, но не зашли, как всегда бывало, в дом Эндрю перед тем, как отправиться к Сэру. Эндрю видел, как появилась их машина и проследовала дальше, мимо дорожки, ведущей к его дому, и подивился этому. Когда прошло полчаса, а потом еще полчаса, а никто из них не появился, он встревожился. Может, он во время их последнего посещения чем-то обидел их? Да нет вроде бы. А не случилось ли чего в большом доме?

Он попытался отвлечься, погрузившись в работу, на что потребовались все его способности робота к самодисциплине, но все равно работа шла не так гладко, как всегда, ему трудно было сосредоточиться. И тут пришел Джордж Чарни, пришел к нему один.

— Что-нибудь случилось? — сразу же спросил его Эндрю.

— Боюсь, что так, Эндрю. Мой дедушка умирает.

— Умирает? — тупо повторил Эндрю.

Над тем, что такое смерть, он много размышлял, но так до конца и не осознал это понятие.

Джордж горестно опустил голову:

— Мама осталась возле него. Дедушка хочет видеть тебя тоже.

— Он хочет меня видеть? И послала за мной не твоя мама, а сам Сэр?

— Да, он сам.

Эндрю почувствовал, как у него задрожали кончики пальцев: физически только так могло проявиться его волнение. Но не это ощущение вызвало у Эндрю страдание.

Сэр — умирает!

Он убрал инструменты и поспешил к большому дому. Джордж едва поспевал за ним.

Сэр спокойно лежал на кровати, где проводил почти все свое время в последние годы. Волосы у него сильно поредели — осталось только несколько белых прядей. Даже его знаменитые усы имели теперь жалкий вид. Он был очень бледен, кожа, казалось, просвечивала насквозь, не заметно было, чтобы он

дышал. Но глаза его, синие, пронзительные глаза, были открыты, и ему удалось изобразить улыбку — чуть приподнять уголки губ — при виде входившего в комнату Эндрю.

— Сэр!.. О, Сэр!

— Поди сюда, Эндрю. — Голос Сэра был удивительно сильным — голос прежнего Сэра.

Эндрю был слишком смущен, чтобы сразу повиноваться.

— Я же сказал — подойди, это приказ. Я, помнится, заявил, что больше не буду отдавать тебе приказаний, но это исключение. Это последнее, самое последнее мое приказание — можешь поверить мне.

— Да, Сэр.

Эндрю приблизился к кровати.

Сэр вынул руку из-под одеяла. Казалось, ему стоило немалого труда освободиться от него, и Джордж кинулся помочь ему.

— Нет, — сказал Сэр, и в голосе его прозвучала столь свойственная ему вспыльчивость. — К черту! Не пытайся сделать это за меня, Джордж. Я не калека какой-нибудь, я просто умираю. — Он гневно отбросил одеяло и протянул роботу руку. — Эндрю... Эндрю! — сказал он.

— О, Сэр... — заговорил было Эндрю.

И замолчал. Он не знал, что сказать.

Ему никогда не приходилось быть рядом с умирающим, и никогда он не видел мертвого человека. Он знал, что смерть для человека означала прекращение функционирования. Это был не зависящий от желания и необратимый демонтаж, неотвратимо происходивший со всеми людьми. Поскольку процесс этот был неизбежен, Эндрю хотелось думать, что люди воспринимают его как должное, как нечто естественное и не страшатся, не испытывают к этому отвращения. Но уверенности в этом у него не было. Сэр жил так долго, он, должно быть, так *привык* жить, и как же много было в нем жизненных сил и огня.

— Дай мне руку, Эндрю.

— Конечно, Сэр.

Эндрю взял холодную, бледную, морщинистую руку в свою — бугристую, старую плоть в гладкий, нестареющий пластик без единой морщинки.

Сэр сказал:

— Знаешь, Эндрю, ты замечательный робот. Правда, замечательный. Самый лучший из всех роботов.

— Спасибо, Сэр.

— Я хотел сказать тебе это. И еще. Я рад, что ты свободен. Вот и все. Очень важно, что я смог сказать тебе все это. Ну ладно, Эндрю.

Несомненно, Сэр отпускал его. Больше он не обращал на Эндрю внимания. Тот опустил дрожащую руку Сэра, отошел от кровати и встал рядом с Джорджем и Маленькой Мисс. Маленькая Мисс легко, с любовью коснулась его руки повыше локтя. Но ничего не сказала, промолчал и Джордж.

Старик, казалось, погрузился в свой, далекий от всех мир. В комнате был слышен один-единственный звук — звук все более тяжелого, жесткого, прерывистого дыхания. Сэр лежал неподвижно, устремив взор вверх, в пустоту. Его лицо также не выражало ничего, как лицо робота.

Эндрю совсем растерялся. Он стоял в полном молчании, не двигаясь, не отводя глаз от того, что, как он понимал, было концом Сэра.

Все тяжелее дышал старик. В горле его раздались странные хрипы — никогда раньше ничего похожего не слышал Эндрю, — затем все стихло.

Эндрю не заметил никаких перемен, только прекратилось дыхание Сэра. Он был совершенно неподвижным минуту назад, таким же неподвижным оставался он и теперь. Он слепо вперял взор вверх прежде — и он так же смотрел в потолок теперь. Однако Эндрю понимал, что произошло что-то очень значительное, недоступное его пониманию. Сэр переступил порог, который отделяет жизнь от смерти. Нет больше Сэра. Сэр умер. Осталась лишь его пустая оболочка.

Тихим покашливанием Маленькая Мисс прервала наступившую тишину. У нее на глазах не было слез, но от Эндрю не укрылось, что она глубоко потрясена.

Она сказала:

— Я рада, Эндрю, что ты успел сюда до его кончины. Ты наш. Ты один из нас.

И опять Эндрю не знал, что сказать.

А Маленькая Мисс продолжала:

— И замечательно все, что он сказал, что он сделал для тебя. В последнее время он не больно дружелюбно относился к тебе, Эндрю, но, ты понимаешь, он был стар. И он переживал, что ты захотел стать свободным. Но он простил тебя перед смертью, так ведь?

И только тут Эндрю нашел что сказать:

— Маленькая Мисс, если бы не он, я бы никогда не стал свободным.

Глава 10

Носить одежду Эндрю стал только после смерти Сэра. Сначала он надел старые штаны, полученные им от Джорджа Чарни.

Это был дерзкий эксперимент, и он понимал это. Роботы, в их металлическом «одеянии» и по самому своему замыслу бесполые — хотя их хозяева и любили одаривать их местоимениями «он» или «она», — не нуждались в платье ни в качестве защитного средства, ни из соображений «скромности». И насколько было известно Эндрю, ни один робот никогда не носил одежды.

Но какое-то непонятное стремление последнее время не давало покоя Эндрю, и он страстно возжелал одеть свое тело точно так, как это делали люди, и не тратя времени на то, чтобы разобраться в мотивах, толкающих его на это, приступил к осуществлению возникшей вдруг потребности.

В тот день, когда он попросил брюки у Джорджа, тот был с ним в мастерской, помогал ему красить мебель, сделанную для его дома. Эндрю не так уж нуждался в его помощи: ему было бы проще, если бы Джордж не вмешивался, — но Джордж настоял на своем участии. Это была мебель для его собственной веранды, в конце-то концов. Он был теперь хозяином в своем доме: женился, стал адвокатом в старой фирме Файнголда, которая несколько лет назад сменила название на «Файнголд энд Чарни». Возглавлял ее Стэнли Файнголд, а Джордж выполнял свои обязанности со всей серьезностью взрослого человека.

К концу дня всю мебель покрасили и примерно в той же степени покрасили и Джорджа. Пятна краски были у него на руках, на ушах, на кончике носа. Даже его рыжие усы и еще более пышные бакенбарды оказались покрашенными. И, конечно, вся его одежда была в краске. Но Джордж приготовился к этому заранее: для работы он принес поношенную рубашку и совсем уже неприличные брюки, которые он носил, по всей видимости, в последних классах школы.

Когда с работой было покончено и Джордж переоделся в свой обычный костюм, он скомкал свою старую рубашку и штаны и сказал, отбросив их в сторону:

— Можешь выкинуть их на помойку, Эндрю. Они мне больше не нужны.

Что касается рубашки, Джордж был прав: она не только сильно запачкалась, но и порвалась по шву от рукава до низа, когда Джордж слишком быстрым и широким движением по-

пробовал перевернуть стол, предназначенный для его веранды. Но брюки, хотя и довольно поношенные, показались Эндрю еще пригодными. Он их поднял, встряхнул.

— Если вы не возражаете, — сказал он, — я бы взял их себе.

Джордж ухмыльнулся:

— В качестве ветоши?

Эндрю помолчал немного, потом сказал:

— Поносить.

Теперь замолчал Джордж. Эндрю заметил, что сначала он был удивлен, а потом ему стало смешно. Джордж старался не показать этого, подавляя улыбку, и он более или менее преуспел в этом, но от Эндрю его усилия не укрылись.

— По-но-сить, — протянул Джордж. — Ты хочешь поносить мои старые брюки? Я тебя правильно понял, Эндрю?

— Правильно. Мне бы хотелось поносить их, если вы не против.

— У тебя что-то случилось с гомеостатической системой, Эндрю?

— Нет. Почему вы спрашиваете об этом?

— Да я подумал, уж не мерз ли ты последние дни. А то почему бы еще ты захотел вдруг носить одежду?

— Чтобы узнать, что такое «носить одежду».

— Ага, — сказал Джордж. Помолчав немного, он повторил: — Ага. Понятно. Ты хочешь узнать, что это такое. Ну что ж, Эндрю, я могу рассказать тебе, что это такое. Ты почувствуешь, как твою прекрасную металлическую оболочку завернут в грязную, грубую, неприятную тряпку.

— Вы хотите сказать, что вам неприятно, что я надену на себя эти брюки? — спросил Эндрю.

— Я не это имел в виду.

— Вы считаете идею слишком эксцентричной.

— Ну...

— Вы так считаете.

— Ну да, именно так я и считаю. Чертовски эксцентричная идея, Эндрю, право же.

— И поэтому вы не хотите, чтобы я сделал с брюками что-либо, кроме как выбросил их на помойку?

— Нет, — сказал Джордж немного раздраженно. — Делай с ними все, что тебе вздумается, Эндрю. Какие у меня могут быть возражения? Ты — свободный робот. Можешь, если тебе так хочется, надеть на себя брюки. Не вижу причин препятствовать тебе в этом... Давай, давай, надевай их.

— Да, — сказал Эндрю. — Да, я их надену.

— Наступает исторический момент: робот впервые надевает на себя одежду. Я должен сходить за фотокамерой, Эндрю.

Эндрю приложил брюки к своей талии. Но смущенно остановился.

— Ну? — подбивал его Джордж.

— Покажите мне, пожалуйста, как это делается, — попросил Эндрю.

Широко улыбаясь, Джордж показал Эндрю, как обращаться со статическим замком, чтобы в брюки можно было влезть, чтобы они облекли нижнюю часть тела, а потом закрыл замок. Джордж дважды продемонстрировал способ обращения с замком и брюками, и Эндрю понял, что ему предстоят долгие упражнения, чтобы повторить то плавное движение, которым Джордж, слава Богу, с самого рождения делает это.

— Вот этот поворот ладони, когда вы поднимаете руку вверх, я никак не уловлю, — сказал Эндрю.

— Вот так, — сказал Джордж и повторил одевание.

— Так?

— Почти так.

— Ага, вот как, — сказал Эндрю, коснулся еще раз кнопки, и брюки развернулись, упали, поднялись и окутали его ноги. — Правильно?

— Уже лучше, — сказал Джордж.

— Немного поупражняюсь, и это, пожалуй, станет вполне естественным делом для меня, — сказал Эндрю.

— Нет, Эндрю, это никогда не станет естественным для тебя, потому что это само по себе *неестественно*. Какого лешего ты вздумал носить брюки?

— Но я же сказал, Джордж, из любопытства, чтобы узнать, что значит носить одежду.

— Но до того как ты их надел, ты же не был голым. Ты был просто... ты был самим собой.

— Наверное, вы правы, — уклончиво ответил Эндрю.

— Я изо всех сил стараюсь взять в толк, к чему все это, Эндрю. Твое тело так прекрасно, что стыдно прятать его, если еще учесть при этом, что тебе безразлична температура воздуха и нет необходимости соблюдать условности. Да и материя плохо прилегает к металлу.

— Но разве тело человека не прекрасно, Джордж? Тем не менее вы одеваетесь.

— Ради тепла, гигиены, для защиты и украшения. Да и в качестве уступки обычаям, царящим в обществе. К тебе все это не имеет никакого отношения.

— Без них я чувствую себя нагим.

— Правда? Насколько мне известно, до сегодняшнего дня ты и не заикался об этом. Это что, что-то новое?

— По совести говоря, новое.

— Неделя? Месяц? Год? Как давно это началось, Эндрю?

— Мне трудно объяснить... Просто я чувствую, что стал *другим*.

— Другим! Другим по сравнению с кем? Прошло то время, когда робот был новинкой, диковиной. На Земле теперь миллионы роботов, Эндрю. Согласно последней переписи населения, только в нашем регионе роботов почти столько же, сколько и людей.

— Я знаю, Джордж. Множество роботов выполняют всевозможные работы.

— И ни один из них не носит одежды.

— Но и свободного робота среди них нет.

— Ах вот оно что! Ты чувствуешь себя другим, потому что ты и есть *другой*.

— Совершенно верно.

— Но носить одежду...

— Доставьте мне удовольствие, Джордж. Я этого очень хочу.

Джордж сделал медленный, глубокий выдох:

— Как скажешь. Ты ведь свободный робот, Эндрю.

— Да. Я свободен.

Первоначальное недоверие, с которым Джордж принял авантюру Эндрю с одеванием, сменилось любопытством и весельем. Он теперь мало-помалу пополнял гардероб Эндрю различными предметами одежды. Вряд ли сам Эндрю решился бы покупать себе одежду, да и заказывать ее по компьютерному каталогу ему также было неловко, поскольку после судебного процесса его имя стало широко известно, и какой-нибудь служащий отдела доставки, как бы далеко ни находился склад, мог его узнать и распустить сплетню о том, что свободный робот стал носить одежду; этого Эндрю совсем не хотелось.

Так что Джордж снабжал его всем, о чем Эндрю его просил: сначала принес рубашку, потом туфли, пару тонких перчаток, целый набор декоративных эполет.

— А как насчет нижнего белья? — спросил как-то Джордж. — Может, и его приобрести для тебя?

Но Эндрю не имел никакого представления о нижнем белье или о том, для чего оно предназначено, и Джорджу пришлось объяснить ему все это. Эндрю решил, что не нуждается в нем.

Он намеревался носить одежду, только оставаясь один дома. И едва ли он когда-нибудь выйдет в город одетым. И даже в

собственном доме он перестал ее надевать в чьем-либо присутствии после нескольких попыток такого рода. Его удручала покровительственная улыбка Джорджа, которую тот никакими силами не мог скрыть, и удивленные взгляды посетителей, которые первыми застали его в одежде, зайдя к нему сделать заказ.

Хотя Эндрю и был свободным роботом, в него все же была заложена тщательно разработанная программа поведения, специальный нервный канал, не такой мощный, как тот, что ведал Тремя Законами, но достаточно сильный, чтобы не позволять ему никаких поступков, обидных для людей. Он осмеливался продвигаться вперед только очень маленькими шагами. Открытое осуждение отбросило бы его на целые месяцы назад. Колоссальным скачком было для него его первое появление на улице в одежде.

В тот день никто и никак, по его наблюдениям, не проявил своего изумления. Но, может, его вид так поразил их, что они просто не успели отреагировать соответствующим образом. Ведь и для самого Эндрю эксперимент с одеванием представлялся весьма странным.

Он купил зеркало и часами мог изучать свое отражение, поворачиваясь то одной, то другой стороной под разными углами. И порой ему совсем не нравилась его наружность. Его сделанное из металла лицо с горящими фотоэлектрическими глазами и грубыми чертами робота поражало Эндрю своей нелепостью теперь, когда оно возвышалось над мягкими, яркими материями, из которых были пошиты его одежды, предназначенные для человеческого тела.

А иной раз ему казалось, что носить одежду — это самое что ни на есть его дело. Дизайнеры постарались сделать его, как, впрочем, и остальных роботов, по возможности во всем похожим на людей: две ноги, две руки, овальной формы голова на тонкой шее. И не то чтобы дизайнеров «Ю. С. Роботс» на это толкала некая необходимость. Они могли бы придать ему любую внешность, лишь бы хорошо функционировал: поставить колеса вместо ног, снабдить шестью ногами вместо двух, приставить прямо к туловищу вращающуюся сенсорную «будку» вместо головы с двумя глазами. Но нет — они создали его по своему образу и подобию. Потому что лучшим способом преодолеть глубоко сидевший страх перед разумными машинами у людей первые же роботехники сочли создание роботов, наиболее близких им по форме.

А раз так — почему бы ему не носить одежду, как люди? Это же сделает его еще более похожим на людей, не так ли?

Но в любом случае Эндрю *хотел* носить одежду.

Это казалось ему символом его статуса легально признанного свободного робота.

Но, конечно, далеко не все признавали Эндрю свободным, несмотря на юридическое подтверждение его статуса. Для многих людей сочетание слов «свободный робот» было столь же бессмысленно, как, например, «сухая вода» или «светлая тьма». По самой сути своей Эндрю не мог обижаться на людей, но он ощущал, как затрудняются — замедляются и встречают сопротивление мыслительные процессы всякий раз, когда он сталкивается с чьим-либо нежеланием признавать его с таким трудом завоеванный в суде статус. Он понимал, что, когда он появляется у всех на глазах одетым, он рискует нажить себе врагов в лице таких несогласных. И он старался соблюдать осторожность.

Но не только враждебно настроенным к нему людям не нравилось ношение им одежды. Даже человек, больше всех на свете любивший его — Маленькая Мисс, — была шокирована и, как подозревал Эндрю, встревожена этим. Эндрю понял это сразу. Как и ее сын Джордж, Маленькая Мисс постаралась скрыть свой испуг и неловкость при виде одетого Эндрю. Но, как и Джорджу, это ей не удалось.

Да, Маленькая Мисс постарела, и, как большинству стариков, ей стало трудно отказываться от сложившихся привычек. Возможно, ей просто хотелось видеть его таким, каким она знала его с самого раннего возраста. Но не исключено, что в глубине души она верила, что роботы — все роботы, и даже Эндрю в их числе, — должны иметь внешность машин, чем они и были в действительности, и не должны одеваться подобно людям.

Эндрю догадывался, что, спроси он об этом Маленькую Мисс, она будет отрицать это, даже гневаться. Но у него и не было намерения задавать ей такие вопросы. Он просто не одевался при посещениях Маленькой Мисс или надевал минимум одежды.

Но Маленькая Мисс не так уж часто бывала теперь у него; ей перевалило за семьдесят — и далеко за семьдесят, — она стала совсем худенькой и боялась простуды, и даже мягкий климат Северной Калифорнии большую часть года казался ей слишком суровым. Ее муж умер несколько лет назад, и с тех пор много времени Маленькая Мисс проводила в путешествиях по тропическим странам: Гавайям, Австралии, Египту, теплым районам Южной Америки и так далее! В Калифорнию она

возвращалась редко — раз или два в год — встретиться с Джорджем, его семьей и, конечно, с Эндрю.

Как-то раз после ее очередного визита Джордж пришел в дом Эндрю и горестно пожаловался ему:

— Знаешь, Эндрю, она-таки наконец достала меня. В будущем году я собираюсь баллотироваться в Законодательное собрание. Ведь она не оставит меня в покое, пока я не сделаю этого. Уверен — ты знаешь, что в нашей семье и Первый, и Второй, и Третий Законы состоят в том, что никто не смеет перечить Аманде Чарни. И вот перед тобой — кандидат в депутаты. Если ее послушать — это моя судьба, по наследству. Куда дед, туда и внук — вот ее решение.

— Куда дед...

Эндрю умолк в замешательстве.

— Ты что, Эндрю?

— Да эта фраза... Идиома. В моих цепях, отвечающих за грамматику... — Он потряс головой. — *Куда* дед, *туда* и внук. В этом предложении нет глагола, но, в общем-то, понять можно. И все же...

Джордж рассмеялся:

— Ах ты, старая жестянка, буквоед несчастный!

— Жестянка!

— Не обращай внимания. Иначе говоря, все это означает, что мне, Джорджу, внуку, судьбой предназначено делать то дело, которым занимался Сэр, мой дед, то есть выставить свою кандидатуру на выборах в Законодательное собрание региона и начать тем самым строить свою продолжительную и замечательную карьеру. Обычно в таких случаях говорят: «Куда отец — туда и сын», но наш папа не был озабочен политикой. И мама немного изменила поговорку, так что теперь она... Да слушаешь ли ты меня, Эндрю? Или я зря сотрясаю воздух?

— Теперь я понял.

— Вот и славно. Но мать, конечно, не принимает во внимание то, что я далеко не такой темпераментный, как мой дед, и, по всей вероятности, не такой умный, как он — он обладал поистине громадным интеллектом, — а посему, как знать, повторю ли я его победу на выборах в Собрание. Боюсь, что такого человека, как он, не будет уже никогда.

Эндрю кивнул:

— И как жаль, Джордж, что его нет больше с нами. Как бы я был рад, если бы Сэр пребывал еще... — Он остановился, не желая сказать «в рабочем состоянии». Ему ясно было, что такое выражение тут неуместно. Но именно оно первым пришло ему на ум.

— Еще живым? — закончил за него Джордж. — Да. Да, было бы здорово, если бы он был здесь. Должен признаться, мне сильно не хватает старого монстра — не меньше, чем тебе.

— Монстра?

— Ну, так говорят.

— Ага. Да-да. Так говорят.

Когда Джордж ушел, Эндрю прокрутил в уме их беседу, дивясь ее поворотам и изгибам и стараясь разобраться, из-за чего он так неуверенно чувствовал себя во время нее. Идиомы и разговорные обороты, которыми пользовался Джордж, мешали пониманию, они и породили проблемы.

Столько времени Эндрю жил среди людей, но все же частенько он еще не мог угнаться за ними, когда они в своих разговорах отступали хотя бы немного от правильного языка. У него был очень богатый словарный запас, и весь набор грамматических правил, и способность из отдельных слов составлять разумные комбинации. И благодаря счастливой случайности, которая повлияла на позитронную систему Эндрю, в результате чего его разум был более гибким и приспособленным к изменениям, чем разум обычного робота, он мог легко и изысканно поддерживать разговор с людьми. Но, оказывается, и для него тут существовал предел. Со временем, как заметил Эндрю, проблемы возникали все чаще.

Человеческие языки, понял он, находятся в состоянии постоянного развития. В них нет ничего навеки установленного, нет жесткой системы. Появляются новые слова, старые меняют смысл, недолговечные сленговые выражения ненадолго входят в обиход. Ему все время приходилось изучать все это, не углубляясь, однако, в научные исследования тенденций развития языков.

Английский язык, которым Эндрю чаще всего пользовался, чрезвычайно изменился за последние шесть столетий. Время от времени Эндрю читал произведения древних поэтов — Чосера, Спенсера, Шекспира — из библиотеки Сэра и находил в них страницы, испещренные примечаниями, объяснявшими современному читателю значение архаичных слов.

А что, если язык так же ощутимо изменится за последующие шесть столетий? Как он будет общаться с людьми, если не познакомится со всеми изменениями в языке?

В короткой беседе с Джорджем он трижды попадал в тупик. «Куда дед — туда и внук». Когда Джордж объяснил ему значение этой фразы, каким простым оно ему показалось, а сначала казалось таким странным.

А почему Джордж назвал его жестянкой? Он же наверняка знает, что жесть не использована в его конструкции. Но самое загадочное — как мог Джордж назвать Сэра монстром? Это же совсем не соответствовало никаким свойствам старого человека.

И все это, насколько понимал Эндрю, были далеко не новейшие обороты речи — просто индивидуальное построение фразы, может быть, излишне образное для немедленного восприятия лингвистическими цепями Эндрю. А вот во внешнем мире он, пожалуй, столкнется с куда более сложными и незнакомыми выражениями.

Может, пришло его время подновить лингвистические блоки.

Его собственные книги тут не помогут. Это были старые книги и все больше по обработке дерева, по искусству, по конструированию мебели. В них ничего не было ни о языке, ни о человеческих отношениях. Ничего подходящего не нашлось бы и в библиотеке Сэра, хотя она была и обширной. В доме теперь никто не жил. Он был опечатан, о нем пеклись роботы, однако Эндрю, стоило ему захотеть, мог в любой момент войти в него. Но большинство книг Сэра датировалось прошлым веком, а то и раньше того. Так что и среди них Эндрю не мог обрести то, в чем так нуждался.

Поразмыслив немного, Эндрю пришел к выводу, что новую информацию надо получить, но не от Джорджа. Когда он обратился к Джорджу, пожелав носить одежду, он встретил с его стороны непонимание и снисходительную насмешку. Он не думал, что Джордж отнесется к нему так же и в этом вопросе, но предпочел не испытывать судьбу.

Нет уж, он сам пойдет в город, в публичную библиотеку. Тут и сомневаться нечего: для свободного робота это самый верный путь к решению проблемы, сказал он себе. Это было победное решение, и Эндрю почувствовал, как подскочило у него электрическое напряжение; ему пришлось включить дополнительное сопротивление, чтобы вернуть равновесие.

Итак, в библиотеку.

И по этому случаю он оденется. Да, да. Люди не ходят в библиотеки голышом. И он не отправится туда голым.

Он надел на себя полный костюм: элегантные гамаши из бархатистой пурпурной ткани, свободную красную блузу из блестящего атласа и свои лучшие прогулочные туфли. Он даже набросил на плечи цепь из полированного дерева, одно из красивейших своих изделий. Он выбрал ее из двух: вторая вроде бы больше подходила для дневного времени, она была

сделана из блестящего пластика. Джордж как-то заметил, что деревянная цепь — просто чудо как впечатляет, и вообще, всякое изделие из дерева куда ценнее, чем из пластика. А сегодня Эндрю хотел произвести впечатление. В библиотеке он встретит людей, а не роботов. Им еще никогда не приходилось видеть робота в библиотеке. Поэтому важно выглядеть наилучшим образом.

Но он понимал, что решился на неординарный поступок и что последствия могут оказаться тоже неординарными. А если Джордж случайно заглянет в его отсутствие, он будет удивлен, а возможно, и встревожится.

Эндрю не отошел от дома и ста шагов, как почувствовал, что у него внутри растет сопротивление и скоро достигнет такого уровня, что он не сможет сдвинуться с места. Он отключил дополнительное сопротивление, но и это не помогло; тогда он вернулся в коттедж и аккуратно написал на листе бумаги:

«Я УШЕЛ В БИБЛИОТЕКУ.

Эндрю Мартин»

и положил его на самом видном месте на столе.

Глава 11

В тот день Эндрю так и не попал в библиотеку. Он никогда раньше там не бывал — он вообще редко выходил в городок, расположенный поблизости от поместья Мартинов, однако ему и в голову не приходило, что тут могут возникнуть какие-либо затруднения. Он внимательно изучил карту и был уверен, что знает дорогу.

Но все, что он видел, как только отошел от дома, стало казаться ему странным. Ландшафт возле дороги абсолютно не походил на те абстрактные символы, которые были на карте, во всяком случае на его взгляд. Сравнивая увиденное с собственными представлениями, Эндрю все больше сомневался и, пройдя еще немного вперед, понял, что заблудился, что, по-видимому, сам не заметил, как где-то свернул не в ту сторону, так что теперь не мог соотнести свое местоположение с картой.

Что делать? Вернуться домой и снова отправиться в путь? Или идти дальше в том же направлении в надежде, что эта дорога пересечется где-нибудь с той, что приведет его к цели?

Самое лучшее, подумал Эндрю, спросить у кого-либо. Тогда, возможно, он без лишних усилий установит направление своего пути.

Но кого спросить? Недалеко от своего дома он видел в поле робота, но здесь никого не было видно. Мимо проехала машина, но не остановилась. Но, может быть, вскоре появится еще какая-нибудь. Он стоял в нерешительности, то есть неподвижно и совершенно спокойно, и тут заметил двоих, пересекавших поле по диагонали слева от него.

Он повернулся к ним лицом.

Они его заметили и направились к нему. Изменилось и их поведение. Пока они не увидели Эндрю, они громко болтали между собой, вскрикивая и хохоча, их вопли разносились по всему полю, но теперь они примолкли. На их лицах, как показалось Эндрю, появилась неуверенность.

Это были молодые, однако не юные люди — лет двадцати? Или двадцати пяти? Эндрю никогда не мог достаточно верно определить возраст человека.

Они еще были на некотором расстоянии от него, когда он спросил:

— Простите меня, сэры. Не будете ли вы столь добры сказать мне, как пройти в библиотеку?

Они, застыв на месте, взирали на него.

Один из них — тот, что был повыше ростом и похудее и носил высокую, узкую шляпу, напоминавшую отрезок трубы и делавшую его еще более длинным, почти карикатурным, сказал, но не Эндрю, а своему напарнику:

— Мне кажется, это робот.

— Думаю, ты прав, — сказал другой — полный коротышка с носом бульбой и тяжелыми веками. — У него физиономия робота, а?

— Точно. Абсолютно роботовая морда.

— Но он одет.

— Да как еще модно.

— Подумать только — робот в модной одежде! До чего же еще они докумекают?

— Простите меня, сэры, — повторил Эндрю. — Мне нужна ваша помощь. Я пытаюсь разыскать публичную библиотеку, но, по-видимому, сбился с пути.

— И говорит как робот, — сказал высокий.

— И морда как у робота, — сказал второй.

— Значит, он и *есть* робот.

— Ты так думаешь, да?

— Но он одетый.

— Одетый. Что правда, то правда.

— Но роботы не носят же одежды, а?

— Насколько мне известно, не носят.

— А если он не робот, раз он носит одежду?

— Но у него лицо из металла. И все из металла. Но если он робот, почему он в одежде?

Высокий вдруг щелкнул пальцами.

— Знаешь, что это такое? Это свободный робот. В старом поместье Чарни живет робот, у которого нет хозяина, и, бьюсь об заклад, это тот самый робот и есть. Но почему он одет?

— Спроси его, — сказал парень с носом бульбой.

— Вот это мысль, — сказал другой. Он подошел поближе к Эндрю и спросил: — Ты робот из поместья Чарни?

— Я Эндрю Мартин, сэр, — ответил Эндрю.

— А не гнусный ли ты робот? — сказал высокий. — Не виляй, отвечай на мой вопрос прямо.

— Я живу в поместье Мартинов, которое сейчас принадлежит семье Чарни. Прежде это был дом мистера Джеральда Мартина. Поэтому я зовусь Эндрю Мартин.

— Но ты — робот, верно?

— Конечно, сэр.

— Тогда почему ты одет? Разве роботы носят одежду?

— С тех пор как я предпочел носить одежду, я ее ношу, — спокойно ответил Эндрю.

— Это отвратительно. Так разрядиться... да ты просто безобразен. Это безобразнейшее из зрелищ! Одетый робот! Кто когда слышал о подобном? — Он взглянул на своего приятеля: — Тебе когда-нибудь доводилось видеть такую гадость? — и, обратившись снова к Эндрю, сказал: — Раздевайся!

Эндрю замялся. Он так давно не слышал приказного тона в обращении к себе, что Второй Закон заклинило в соответствующем блоке его памяти.

— Ну, ты чего еще дожидаешься? — сказал высокий. — Ведь я велел тебе раздеться. Я *приказываю* тебе снять с себя все!

Эндрю начал потихоньку раздеваться. Он снял с себя цепь и аккуратно положил ее на землю. Потом снял свою атласную блузу и тщательно сложил ее, чтобы не помялась, а то придется надевать на себя мятую. И положил ее на землю рядом с цепью.

— Быстрее, — сказал высокий. — Нечего возиться, складывать еще вздумал. Слышишь — кидай на землю. Снимай и кидай. Все, говорю, снимай.

Эндрю расстегнул гамаши. Снял свои элегантные туфли.

Носатый заметил:

— Ишь, он приказов слушается, во как.

— Он обязан. Каждый робот обязан. Им иначе нельзя. В них это прямо встроено. Скажешь им: «Сигайте в озеро» — и сига-

нут. Скажешь: «Принеси блюдо клубники» — и пойдет и отыщет тебе клубнику, если даже не сезон.

— А вроде бы неплохо заиметь что-нибудь такое.

— А то! Я всегда мечтал заиметь робота. А ты?

Его приятель пожал плечами:

— Да кто тебе даст его?

— Но почему бы не взять этого? Раз он никому не принадлежит, он прекрасненько может принадлежать нам, как любому другому. Стоит только сказать ему, что он принадлежит нам... в качестве приказа.

Высокий заморгал:

— Ха! А ведь верно!

— Мы заставим его все делать для нас. Любые работы. Чего бы мы ни пожелали, он должен сделать. И некому помешать нам. Мы ведь никого не обокрали. Он же *ничей*.

— А что, если еще кто-то попробует отнять его у нас?

— Мы прикажем ему ни с кем другим не уходить, — заявил носатый.

Высокий нахмурился:

— Не уверен, что этот номер пройдет. Раз уж он должен подчиняться приказам человека, он послушается и любого другого приказа, от другого человека, правильно?

— Ну...

— А, да ладно, это мы обмозгуем потом... Эй, ты! Робот! Встань на голову!

— Голова не предназначена... — начал было Эндрю.

— Говорю — встань на голову! Это приказ. Если ты не знаешь, как стоять на голове, самое время тебе поучиться этому.

Эндрю снова помедлил. Потом поставил голову на землю и попытался руками помочь удержаться корпусу. Попробовал задрать кверху ноги, но в его конструкции не было ничего такого, что помогло бы принять эту опрокинутую позицию, и он почти сразу потерял равновесие. Он опрокинулся и тяжело, спиной, грохнулся о землю. С минуту он тихо лежал, оправляясь от последствий падения, потом стал медленно подниматься.

— Нет, — сказал высокий, — оставайся лежать. И чтоб ни звука. — И обратился к приятелю: — Клянусь, мы можем разобрать его на части, а потом снова собрать. Ты когда-нибудь расчленял робота?

— Нет. А ты?

— Никогда. Но мне всегда хотелось.

— Думаешь, он дастся?

— А куда он денется?

У Эндрю и правда не было возможности остановить их, если они достаточно властно прикажут ему не сопротивляться. Второй Закон — о послушании человеку — всегда превалировал над Третьим — о самозащите. И вообще, это было неприемлемо для него, потому что он не мог бы защитить себя, не рискуя при этом навредить им, а это означало бы нарушить Первый Закон. При одной мысли об этом каждое подвижное соединение в нем сжалось и его, распростертого во весь рост на земле, затрясло.

Высокий обошел его вокруг и пнул носком сапога в бок.

— А он тяжеленный. И, судя по всему, нам нужны будут инструменты.

Бульба-нос сказал:

— Что, если потом мы не сумеем его собрать?

— Ну и ладно.

— Но у нас тогда не будет очень хорошего робота, который мог бы делать множество полезных вещей для нас. Давай лучше прикажем ему, чтобы он *сам* себя разобрал. Он наверняка умеет это. Во всяком случае, забавно посмотреть, как он будет делать это. И потом мы его снова соберем.

— Хорошо, — сказал высокий. — Но надо убрать его с дороги. Не то набредет какой-нибудь...

Но было слишком поздно. Кто-то действительно шел по дороге, и это был Джордж. Эндрю, лежа на земле, видел, как он одолевает небольшой подъем недалеко от них. Он хотел бы дать ему знать о себе, позвать его на помощь, но последний полученный им приказ был «чтоб ни звука», и он должен был молчать, пока давший приказ не отменит его или это не сделает кто-то другой.

Однако Джордж сам смотрел в их сторону. И ускорил шаг. Через несколько мгновений он уже был рядом. Взволнованный, он стоял возле Эндрю и смотрел на него с тревогой.

Два парня отступили немного назад и, угрюмо, нерешительно поглядывая друг на друга, выжидали.

Джордж с тревогой спросил:

— Эндрю, с тобой что-то случилось?

— У меня все в порядке, Джордж, — ответил Эндрю.

— Тогда почему ты лежишь на земле? Ты можешь встать?

— Это не составило бы для меня никакого труда, если бы вы этого пожелали, — ответил Эндрю.

— Тогда вставай! Хватит лежать!

Услышав приказ, Эндрю с благодарностью поднялся.

Джордж спросил:

— А почему кругом валяется твоя одежда? Почему ты не одет? Что тут произошло?

Высокий юнец спросил:

— Это ваш робот, Мак?

Джордж резко повернулся:

— Это ничей робот. Вы что, ребята, приставали к нему?

— Да мы подумали, странная это штука, когда робот нацепляет на себя одежду, вот мы и попросили его очень вежливо снять ее с себя. Но вам-то что, вы же не хозяин ему?

Джордж спросил:

— Эндрю, было в их намерениях повредить тебе?

— В их намерениях было расчленить меня. Они собирались перевести меня в более тихое место и там потребовать, чтобы я сам расчленил себя.

Джордж посмотрел на двух юнцов. Он старался выглядеть бесстрашным и мужественным, хотя и был в меньшинстве, но Эндрю заметил, как дрожит у него подбородок.

— Это правда? — задал он вопрос парням.

Однако и эти двое увидели замешательство Джорджа и пришли к выводу, что он не представляет для них угрозы. Джордж был уже не молод. У него самого были уже достаточно взрослые дети: так, Поль успел поступить в семейную юридическую фирму на работу. Рыжеватые волосы Джорджа поседели, а его щеки, теперь без развевающихся бакенбард, были мягкими, розовыми щечками человека, ведущего сидячий образ жизни. Он вряд ли оказался бы хорошим бойцом, как бы яростно ни звучал его голос. И эти двое уловили это, их манеры сразу изменились: они больше не проявляли осмотрительности, они почувствовали себя увереннее.

Высокий с ухмылкой, беспечно заявил:

— Нам просто хотелось посмотреть, как он это сбацает. Особенно интересно было, как он будет доканывать себя, когда от него останется в целости только одна его лапа.

— Странно вы развлекаетесь.

— А вам какое дело?

— Мне есть до этого дело.

Высокий расхохотался:

— И что ты с нами сделаешь, коротышка несчастный? Может, излупишь нас?

— Нет, — сказал Джордж. — Мне не придется этим заниматься. Вы знаете, что этот робот прожил в нашей семье семьдесят лет? Он знает и ценит нас больше всех на свете. И мне остается только сказать ему, что вы угрожаете моей жизни, что вы собираетесь убить меня. Я попрошу у него защиты. Ему придется выбирать между вашей и моей жизнью, и какой он сделает выбор, мне хорошо известно... Вы имеете представление о силе робота? Вы знаете, что станет с вами, если Эндрю нападет на вас?

— Эй, подожди секунду, — сбавил тон бульба-нос. Он снова выглядел встревоженным, да и дружок его тоже. Оба пошли на попятную.

Джордж сказал:

— Эндрю, мне лично грозит опасность. Эти два юнца собираются нанести мне ущерб. Приказываю: иди на них!

Эндрю послушно сделал два шага вперед, хотя и не совсем понял, как он сможет защитить Джорджа. Его вдруг осенило: он так вскинул вверх руки, чтобы это выглядело угрожающим. Раз Джордж решил сделать из него пугало, уж он постарается выглядеть самым страшным из всех пугал.

Он принял устрашающую позу. Его фотоэлектрические глаза вспыхнули ярко-красным светом. Его металлическое тело заблистало в лучах заходящего солнца.

Оба парня не стали дожидаться, что за этим последует. Они рванули через поле, только пятки засверкали, и, лишь отбежав метров на сто, почувствовав себя в безопасности, они остановились, посмотрели назад и погрозили кулаками, прокричав грубые ругательства.

Эндрю сделал еще несколько шагов в их направлении. Они повернулись и стремглав помчались вверх по холму. Не прошло и минуты, как они скрылись за вершиной.

Но Эндрю все еще сохранял свою воинственную позу.

— Довольно, Эндрю, расслабься, — сказал Джордж. Его самого трясло, лицо его побледнело и покрылось потом. Он был очень взволнован. Давно прошло то время, когда он мог бы вступить в стычку с одним юнцом, не говоря уже о двух...

Эндрю сказал:

— Хорошо, что они убежали. Я же не мог и пальцем их тронуть, Джордж, вы же понимаете. Я ведь ясно видел, что они не нападают на вас.

— Но они могли, если бы события развивались дальше.

— Это только предположение. Насколько я могу судить, Джордж...

— Да. Знаю. Скорее всего у них не поднялась бы рука на меня, уж на это у них ума хватило бы. Но ведь и я не приказывал тебе атаковать их, я сказал тебе: «Иди к ним». Остальное довершил их собственный страх. Страх и твоя боксерская поза, которую ты так умно применил.

— Но откуда у них страх перед роботами? Первый Закон свидетельствует, что роботы никогда...

— Страх перед роботами — это врожденная болезнь человечества, и, по-моему, от нее не существует никакого лекарства, на сегодняшний день по крайней мере. Ну, да хватит об этом. Их нет, ты не разобран на части — и слава Богу. Но хотел бы я знать, Эндрю, какого дьявола ты оказался здесь, а?

— Я шел в библиотеку.

— Знаю. Я обнаружил твою записку. Но эта дорога не ведет к библиотеке. Библиотека в противоположном направлении, она в городе. И когда я позвонил в библиотеку, мне сказали, что тебя там не было и о тебе ничего не слышали. Я пошел искать тебя на дороге, ведущей к библиотеке, — никаких следов, все, кого я при встрече спрашивал, не видели тебя. И я понял, что ты заблудился. А ты ошибся ровным счетом на сто восемьдесят градусов.

— Я так и заподозрил, что мои представления о направлениях содержат ошибку, — сказал Эндрю.

— Совершенно справедливо. Знаешь, я чуть было не вызвал вертолет на поиски тебя. А потом мне пришло в голову, что ты мог отправиться именно по этой дороге. Но зачем тебе понадобилась библиотека, Эндрю? Странные вещи взбредают в твою башку порой. Тебе же известно, что я с радостью принес бы тебе любую книгу.

— Да, известно, Джордж. Но я...

— Свободный робот. Да-да. С несомненным правом встать и отбыть в городскую библиотеку, если ему этого так захотелось, хотя его необычайный позитронный интеллект не способен вывести его на нужную дорогу. А позволь спросить тебя, что ты хотел получить в библиотеке?

— Книгу о современном языке.

— Уж не задумал ли ты сменить резьбу по дереву на занятия лингвистикой, Эндрю?

— Я чувствую свою отсталость в отношении языка.

— Да ты фантастически полно владеешь языком! Твой словарный запас, грамматика...

— Джордж, язык, его грамматический строй, разговорная речь, метафоры постоянно изменяются. А моя программа не меняется. Если я не усовершенствую себя, я потеряю способность общаться с людьми уже через несколько поколений.

— Да, ты, пожалуй, прав.

— Так что я должен изучить пути развития языка и многое другое. — И неожиданно для себя Эндрю вдруг услышал, как

он говорит Джорджу: — Для меня очень важно узнать как можно больше о людях, о мире, обо всем, Джордж. Все эти годы я так изолированно жил в нашем прекрасном поместье на узенькой полоске океанского побережья. А сразу за дверью начинался мир, полный тайн для меня .. И о роботах мне нужно узнать побольше. Я хочу написать книгу о них, Джордж.

— Книгу? — удивился Джордж. — О роботах. Учебник по дизайну?

— Совсем наоборот. Я имею в виду их эволюцию.

— Ага, — сказал Джордж, хмурясь и покачивая головой. — Ну что ж, не пора ли нам домой?

— Конечно. Можно, я оденусь, или мне лучше просто нести эти вещи?

— Оденься, ясное дело.

— Благодарю.

Эндрю быстро оделся, и они с Джорджем пошли по дороге назад.

— Ты хочешь написать книгу по истории роботехники, — сказал Джордж, все еще занятый этой мыслью. — Но зачем, Эндрю? По роботехнике существуют миллионы книг, и не меньше половины их рассказывают об истории возникновения роботов. Мир перенасыщен не только литературой о роботах, но и всякими сведениями о них.

Эндрю покачал головой — жест, характерный для человека, к которому Эндрю все чаще прибегал:

— Не историю роботехники, Джордж. Историю *роботов*, написанную роботом же. А такой книги не было написано никогда. Я хочу рассказать, как сами роботы воспринимают себя. И особенно о том, что с нами происходило в результате нашего общения с человеком с того самого момента, когда роботам разрешили жить и работать на Земле.

Джордж поднял брови. Но другой откровенной реакции на сообщение Эндрю не последовало.

Глава 12

Маленькая Мисс в очередной раз приехала проведать свою калифорнийскую семью. Ей уже исполнилось восемьдесят три года, и она выглядела хрупкой, как птичка. Но ни энергии, ни решительности у нее не убавилось ни на гран. Она ходила с палочкой, но использовала ее больше для жестикуляции, чем в качестве опоры.

Рассказ о неудачной попытке Эндрю попасть в библиотеку она выслушала со все возраставшим негодованием. По окончании его она стукнула палкой об пол и сказала:

— Джордж, это ужас какой-то. Кто эти два молодых негодяя?

— Не знаю, мама.

— Должен узнать.

— Что это изменит? Полагаю, это пара местных хулиганов. Обычные праздношатающиеся дурачки. Да в конце-то концов, они не причинили никакого вреда.

— Но могли. Если бы ты не оказался там, Эндрю здорово досталось бы. Да они и на тебя могли напасть. Тебя спасло только то, что они оказались слишком глупы, чтобы понять, что, если бы даже ты приказал Эндрю расправиться с ними, он не смог бы причинить им вреда.

— Да ну, мама. Неужели ты думаешь, они посмели бы тронуть меня? Люди, нападающие на совершенно им незнакомого человека на окружной дороге? И это в двадцать третьем веке?

— Предположим, не тронули бы. Но Эндрю подвергался реальной опасности, а этого мы не имеем права допустить. Ты же знаешь, Джордж, что я считаю Эндрю членом нашей семьи?

— Да. Я и сам так думаю. Так было всегда.

— Так разве можем мы позволить, чтобы два балбеса обращались с ним как с брошенной заводной игрушкой?

— Мама, что ты хочешь от меня? — спросил Джордж.

— Ты юрист, не так ли? Так употреби свои юридические познания на пользу дела! Послушай меня: я хочу, чтобы ты в любом случае предъявил иск, который принудил бы Региональный суд публично признать права роботов, а Законодательное собрание — принять необходимые законы, а если возникнут какие-то политические проблемы, ты передашь дело во Всемирный суд, коли другого пути не будет. За всем этим я буду постоянно следить, Джордж, и не потерплю никаких увертюк.

— Мама, но разве не ты совсем недавно говорила, что больше всего ты хотела бы, чтобы я прошел на выборах в Законодательное собрание и занял бы там место моего деда?

— Да, ну и что такого? Что изменится...

— Но теперь ты хочешь, чтобы я развернул сомнительную кампанию за права роботов. Роботы не участвуют в выборах, мама, зато в них участвует огромное множество людей, и далеко не все они обожают роботов так, как ты. Ты хоть понимаешь, что получится с моим избранием, если из всего, что избиратели узнают обо мне, главным будет информация о том, что я тот самый юрист, который отстаивает в Законодательном собрании законы о правах роботов?

— Ну?

— Так что важнее для тебя, мама? Чтобы меня избрали в Законодательное собрание или чтобы я погрузился в составление иска?

— Конечно, составление иска, — не задумываясь ответила Маленькая Мисс.

Джордж кивнул:

— Хорошо. Я просто хотел все расставить по своим местам. Я пойду и буду отстаивать права роботов, раз ты этого желаешь. Но это станет концом моей политической карьеры еще до того, как она началась. Я хочу, чтобы ты ясно сознавала это.

— Я все понимаю, Джордж. Может оказаться, что ты и ошибаешься в своей оценке — не знаю, но я, во всяком случае, хочу, чтобы Эндрю не грозило повторение такого зверского нападения. Для меня это важнее всего.

— Ну что ж, — сказал Джордж, — буду иметь это в виду, мама. Можешь на меня рассчитывать.

И он тут же принялся за работу. И то, что начиналось как стремление умиротворить грозную старую леди, скоро стало делом всей его жизни.

Джордж Чарни никогда не рвался в кресло законодателя, и он сам себе признался, что удачно ретировался благодаря идее его мамочки сделать из него рыцаря в сражении за гражданские права. И адвокатская его душа взыграла в ответ на этот вызов. В баталию будут вовлечены такие глубокие, серьезные юридические понятия, в которых следовало внимательно разобраться и заранее все рассчитать.

В качестве совладельца фирмы «Файнголд энд Чарни» Джордж взял на себя выработку стратегии, а повседневными делами, регистрацией документов занялись младшие партнеры. Он поручил своему сыну Полу, который стал членом фирмы три года назад, тактические маневры. Кроме того, в его обязанности входило практически ежедневно докладывать бабушке, как идут дела. А она, в свою очередь, каждый день обсуждала их с Эндрю.

Всерьез подключили к кампании и Эндрю. Он начал было писать книгу о роботах — он обратился к самому началу, ко времени создания корпорации «Юнайтед Стейтс Роботс энд Мекэникл Мен» и его основателя Лоуренса Робертсона, — но ему пришлось отложить на будущее свои планы, а пока тратить все свое время на разбор все растущих гор юридических

документов. И он даже порой позволял себе высказывать собственные суждения.

Он сказал как-то Маленькой Мисс:

— В тот день когда на меня напали те двое, Джордж сказал мне, что люди всегда боялись роботов. Он назвал это «болезнью человечества». Но пока эта болезнь существует, ни судьи, ни законодатели ничего не станут предпринимать во благо роботов — так я это понимаю. У роботов нет политической власти, у людей она есть. Значит, нужно сделать так, чтобы люди изменили свое отношение к роботам, так?

— Если бы мы могли.

— Мы должны попытаться, — сказал Эндрю. — *Джордж* должен.

— Да, — согласилась Маленькая Мисс. — Он, только он.

И в результате судебными делами занимался теперь Пол, а Джордж целиком отдался общественной деятельности. Он полностью посвятил себя кампании за предоставление гражданских прав роботам, отдавал этому всю свою энергию, все свое время.

Джордж всегда был хорошим оратором, выступал непринужденно и убедительно, и теперь он стал заметной фигурой на собраниях юристов, учителей, редакторов голографических новостей, выступал на открытых дискуссиях, которые транслировались на всех пневмоволнах, везде защищая права роботов с красноречием, все возраставшим по мере того как он набирался опыта.

Чем больше времени проводил Джордж в общественных собраниях и студийных павильонах, тем свободней и в то же время напористей он становился. Он снова отрастил бакенбарды и зачесывал свои теперь уже седые волосы назад. Он даже сменил костюм на свободное летящее одеяние в стиле «дрэпери» — так одевались самые популярные ведущие видеопрограмм. В нем, признавался Джордж, он чувствовал себя то ли греческим философом, то ли членом древнеримского сената. Гораздо более консервативный в своих вкусах Пол, впервые увидев одетого таким образом отца, предупредил его:

— Ты, пап, смотри, не запутайся в нем и не свались, когда выйдешь на сцену.

— Уж постараюсь, — откликнулся Джордж.

Сущность его аргументов в пользу прав роботов заключалась в следующем:

— Если, согласно Второму Закону, мы можем требовать от любого робота полного подчинения во всем, что не причиняет вреда человеку, тогда любой человек — любой! — обладает

страшной властью над любым — опять-таки *над любым* — роботом. Вследствие этого, поскольку Второй Закон господствует над Третьим, любой человек может воспользоваться им и свести на нет Третий Закон о самозащите робота. Он может приказать роботу причинить себе вред или даже разрушить себя по любой причине или вовсе без причины, из каприза.

Исключим из нашей дискуссии вопрос о собственности — хотя и это заслуживает внимания, — давайте посмотрим на все с позиции человеческой порядочности. Представьте на минуту, что некто подходит к роботу, оказавшемуся в одиночестве на дороге, и единственно ради развлечения приказывает ему расчленить самого себя или причинить себе не менее тяжелые увечья. Или, предположим, сам хозяин робота в минуту расстройства, или от скуки, или от крушения своих планов отдает ему такой приказ.

Вы считаете это справедливым? Разве к животным мы так относимся? А у животного, поймите меня правильно, есть возможность защитить себя. Мы же наших роботов сделали изначально неспособными поднять руку на человека.

Даже обычный неодушевленный предмет, хорошо послуживший нам, требует от нас определенного внимания. А робот — это существо далеко не бесчувственное, это и не машина, и не животное. Он достаточно хорошо соображает, чтобы участвовать в беседах с нами, обсуждать наши проблемы, шутить с нами. Многие из нас, кому довелось жить и работать вместе с роботами в течение всей жизни, пришли к мысли, что они — наши друзья, а иногда, осмелюсь сказать, и члены наших семей. Мы испытываем глубокое уважение к ним, даже привязанность. И что же — требование принять закон в защиту наших друзей-роботов слишком тяжелое требование?

Если человек имеет право приказать роботу все, что не нанесет вреда человеческому существу, он должен иметь достаточно порядочности и никогда не приказывать то, что может навредить роботу, кроме тех случаев, когда это необходимо для спасения человека. Во всяком случае, недопустимо требовать от робота причинения себе бессмысленного вреда. Большой власти должна сопутствовать большая ответственность. Если уж роботы подчинены Трем Законам, защищающим интересы людей, то разве слишком много будет потребовать, чтобы люди тоже подчинялись одному-двум законам в защиту роботов?

Но существовала и противостоящая Джорджу сторона, возглавляемая все тем же Джеймсом Ван Бюреном, адвокатом, который протестовал в Региональном суде против предоставления Эндрю статуса свободного робота. Теперь это был старик,

но такой же неутомимый и изобретательный защитник традиционных общественных установлений. И снова этот прекрасный оратор в своей спокойной, уравновешенной, благоразумной манере выступал от имени тех, кто отрицал всякую возможность предоставления прав роботам.

Он говорил:

— Конечно, я ни в коей мере не оправдываю тех вандалов, которые бессмысленно разрушают роботов, им не принадлежащих, или приказывают самому роботу разобрать себя на части. Это уголовное преступление в чистом виде, и преступник может быть наказан в соответствии с ныне действующими законами. Но особый закон для подобных случаев нужен нам так же, как, к примеру, специальный закон против тех, кто бьет стекла в окнах чужих домов. Неужели нам недостаточно общего закона, утверждающего неприкосновенность собственности, чтобы создать условия для ее защиты?

Но специальный закон, предотвращающий уничтожение *собственного* робота? Простите, тут мы вступаем в область очень странного образа мышления. У меня, в моем офисе есть роботы, но желание сокрушить хотя бы одного из них приходит ко мне так же часто, как мысль взять топор и трахнуть им по столу. Но покажите хотя бы одного человека, который стал бы возражать против моего *права* делать с моими роботами все, что мне вздумается, так же, как со столами и с любыми предметами мебели в моем офисе. Может, государство, бесконечно мудрое государство, явится ко мне в офис и скажет: «Джеймс Ван Бюрен, вы должны проявлять доброту к вашим столам и оберегать их от повреждений. То же и в отношении картотечных ящиков: к ним следует относиться с уважением, к ним следует относиться как к друзьям. Это касается и ваших роботов, само собой разумеется. Вы, Джеймс Ван Бюрен, ни в коем случае не должны подвергать опасности своих собственных роботов».

В этом месте Ван Бюрен выдерживал небольшую паузу, умно и спокойно улыбался, каждому давая понять, что это был не более чем гипотетический пример и что сам он отнюдь не принадлежит к тем, кто может кому-либо или чему-либо нанести урон. И затем он продолжал:

— Можно ожидать, что Джордж Чарни скажет, будто робот по сути своей совершенно отличен от стола или картотечного ящика, что робот разумен и эмоционален, что с роботами нужно обращаться практически как с людьми. В ответ я хотел бы сказать, что он ошибается, он ослеплен любовью к роботу, которого его семья держит вот уже много десятилетий, он

потерял представление о том, что такое роботы в действительности.

А в действительности они, друзья мои, *машины*. Они *инструменты*. Они *приспособления*. Механические приспособления, меньше всего нуждающиеся в юридической защите, как и все прочие неодушевленные предметы. Да, я утверждаю: *неодушевленные*. Они могут говорить, согласен. Они могут по-своему, в ограниченных пределах, в соответствии с заложенной в них программой, мыслить. Но уколите робота — польется ли из ранки кровь? Пощекочите робота — станет ли он хохотать? У роботов есть руки, есть органы чувств, потому что мы их такими сделали, но обладают ли они истинно человеческими привязанностями и страстями? Едва ли. Едва ли! И поэтому давайте не путать машины, внешне сходные с людьми, с живыми существами.

Должен также особо заметить, что в наш век человечество оказалось в зависимости от труда роботов. В мире сейчас больше роботов, чем людей, и в основном они выполняют такие работы, к которым никто из нас не захотел бы и близко подойти. Они освободили человека от нудных, грязных работ и от деградации. Но нельзя путать наши разногласия с давними дебатами о рабстве, с последующими дебатами об освобождении рабов и, наконец, с еще более поздними дебатами о гражданских правах для потомков вольноотпущенников — это неизбежно приведет к экономическому хаосу, когда наши роботы начнут требовать не просто законов в свою защиту, а захотят полной независимости от своих господ. Рабы далекого прошлого были людьми, коварно захваченными другими людьми, мерзко с ними обращавшимися. И принуждать их силой к рабству никто не имел права. Но роботы только для того и появились на свет, чтобы служить. Они по определению предназначены для использования: быть не нашими друзьями, а нашими слугами. И любое другое отношение к этому предмету есть сентиментальное, опасное заблуждение.

И Джордж Чарни, и Джеймс Ван Бюрен были превосходными ораторами. Поэтому битва между ними, проходившая в основном на общественных мероприятиях, а не в Законодательном собрании и не в Региональном суде, в конечном итоге привела к возникновению своего рода равновесия.

Существовало немало людей, которые сумели переступить через страх и неприязнь к роботам, так широко распространенные на Земле два века назад, и они согласились с доводами Джорджа. Они тоже относились к своим роботам с определенной

долей любви и хотели, чтобы роботам была предоставлена хоть какая-то защита со стороны закона.

Но были и такие, кто страшился не столько самих роботов, сколько риска понести финансовый ущерб, если роботы получат хотя бы незначительные гражданские права. И они добивались осторожного подхода к этой новой области в юрисдикции.

И вот баталия наконец закончилась, был предложен закон, по условиям которого объявлялись противозаконными все приказы, выполнение которых могло повредить роботу; закон прошел в Законодательном собрании, но с поправками; его направили обратно в Региональный суд; Региональный суд после исправления отдельных статей снова его принял, затем его ратифицировал Всемирный законодательный совет, после окончательной апелляции его утвердил Всемирный суд, и в результате всех этих мытарств он стал очень невыразительным. Бесконечные видоизменения привели к тому, что меры наказания нарушителей закона оказались далеко неадекватными.

Но, по крайней мере, принцип прав роботов, впервые установленный в связи с провозглашением Эндрю свободным роботом, теперь намного продвинулся вперед.

Окончательное одобрение закона Всемирным судом было получено в день кончины Маленькой Мисс.

Это не было совпадением. Маленькая Мисс, совсем старенькая и слабая к тому времени, отчаянно цеплялась за жизнь в эти последние недели дебатов. Но стоило прозвучать слову «победа!», как она ослабила хватку.

Эндрю был возле нее, когда она умерла. Он стоял подле ее постели, глядя вниз на маленькую, увядшую женщину, утонувшую в подушках, и вспоминал те далекие дни, больше восьмидесяти лет назад, когда его доставили в большой дом Джералда Мартина на побережье океана и две маленькие девочки смотрели на него, а младшая вдруг нахмурила бровки и произнесла: «Эн-ди-арр... Совсем нехорошо. Нельзя так называть его. Что, если мы назовем его Эндрю?»

Как давно, как страшно давно это было! Если говорить о Маленькой Мисс — целая жизнь прошла. А Эндрю казалось, что какой-то миг промелькнул, почти ничто не отделяло его от тех дней, когда он, Мисс и Маленькая Мисс спустились на берег и он поплыл во время прибоя, потому что так захотелось им, маленьким девочкам.

Это было больше восьмидесяти лет назад. Для человека это, как было известно Эндрю, большой отрезок времени.

Жизнь Маленькой Мисс завершила свой цикл и теперь покидала ее. Волосы, которые были когда-то сияющим золотом, давно уже превратились в блестящее серебро, и вот впервые они потускнели, стали бесцветными. Она шла к своему концу, и ничто не могло этого изменить. Она не была больна: она просто состарилась, и не было никакой надежды на улучшение. Пройдет несколько мгновений, и она перестанет функционировать. Эндрю с трудом представлял себе мир, в котором не будет Маленькой Мисс. Но он понимал, что сейчас наступает время именно такого мира.

Ее последняя улыбка была обращена к нему. «Нам было хорошо с тобой, Эндрю», — прозвучали ее последние слова.

Она умерла, держа его руку в своей, а ее сын с женой и внуком стояли чуть поодаль от них.

Глава 13

После смерти Маленькой Мисс Эндрю еще несколько недель чувствовал беспокойство. Он не смел назвать это горем, так как считал, что в его позитронном мозгу не было блоков, которые заключали бы в себе что-либо, соответствующее человеческому горю.

Но он был явно расстроен, и ничем иным, кроме кончины Маленькой Мисс, объяснить это было нельзя. Он не мог бы с точностью определить свое состояние. Он ощущал некоторую тяжесть в мыслях, странную замедленность движений, ощущение общего нарушения всех ритмов его существования — он все это ощущал, но подозревал, что никакие приборы не обнаружили бы никаких измеримых отклонений в его функционировании.

Чтобы как-то облегчить свои переживания, которые он и про себя не смел называть горем, он целиком погрузился в изучение истории роботов, и его рукопись день ото дня становилась все объемистее.

В коротком прологе излагались взгляды на роботов в истории и литературе: металлические люди в мифах Древней Греции, автоматы, созданные воображением таких талантливых писателей, как Гофман, Карел Чапек, и в других фантазиях такого рода. Он быстро расправился со старыми сказками и на том распрощался с ними. Эндрю занимали в первую очередь *позитронные* роботы, подлинные, настоящие роботы.

И Эндрю поспешил в 1982 год, к Лоуренсу Робертсону, так точно предвидевшему будущее основателю корпорации «Юнайтед Стейтс Роботс энд Мекэникл Мен». По ходу описания первых лет поисков, первых драматических прорывов с их

бесконечными пробами и ошибками в конструировании платиноиридиевого позитронного мозга в неприспособленном для работы, продуваемом всеми ветрами складском помещении Эндрю будто сам заново переживал всю эту историю: появление идеи Трех Законов; первые успехи руководителя исследовательского отдела Алфреда Лэннинга, который спроектировал подвижные агрегаты-роботы, громоздкие и тяжеловесные, неспособные говорить, но достаточно многосторонние, чтобы воспринимать приказы человека и находить самые эффективные из различных способов исполнить их; и, наконец, в начале двадцать первого века — первые говорящие и передвигающиеся агрегаты.

А затем Эндрю обратился к наиболее трудному, мучительному для него разделу: к последовавшему за этим периоду враждебного отношения людей к роботам, истерии и откровенного террора, вызванного появлением роботов, всеобщее требование принять законы о запрещении использования роботов на Земле. Первые говорящие и передвигающиеся агрегаты были гигантского роста — громыхающие страшные монстры, высотой метра в четыре, — потому что до миниатюризации позитронного мозга было далеко и нельзя еще было обойтись без охлаждающей системы, и, естественно, сплав всех человеческих страхов перед искусственно созданными тварями, перед Франкенштейном, Големом и остальными порождениями человеческих кошмаров встал на пути новых роботов.

Целые три главы уделил Эндрю в своей книге этому времени безумного ужаса перед роботами. Чрезвычайно тяжело было писать эти главы, потому что они рассказывали об иррациональном поведении человека — явлении, которое Эндрю с трудом мог понять.

Он мучился с ними, пытался поставить себя на место людей, которые, хотя и знали, что Три Закона являются полной гарантией того, что роботы не могут причинить им вреда, продолжали смотреть на роботов со страхом и отвращением. Но со временем Эндрю постиг в доступной ему степени причину той незащищенности, которую люди ощущали, несмотря на столь явную поруку безопасности.

Копаясь в архивах роботехники, он сделал открытие, что Три Закона не были столь обнадеживающими в смысле полной безопасности людей. Они содержали в себе двусмысленности и другие скрытые источники возможных конфликтов. Прямолинейных, воспринимающих все буквально роботов они могли поставить перед необходимостью принимать решения, которые, с точки зрения человека, были далеки от идеальных.

Так, например, на чужой и враждебной планете робот, отправленный с опасным заданием найти и принести субстанцию, жизненно необходимую для спасения и благополучия человека-исследователя, может вдруг почувствовать противоречие между Вторым Законом, требующим повиновения, и Третьим, о самосохранении; в результате потенциалы безнадежно уравновесятся и робот потеряет способность к каким-либо действиям — ни вперед не продвинется, ни назад не отступит. Попав таким образом в патовую ситуацию, робот поставит под угрозу жизнь человека, пославшего его, несмотря на непреложность Первого Закона и его преимущество перед двумя другими, потому что роботу невдомек, что замешательство из-за противоречий между Вторым и Третьим Законами, постигшее его, может поставить его хозяина в опасное положение. Если характер его задания не был точно разъяснен заранее, он мог остаться в неведении относительно последствий его бездействия и никогда не понять, что его проволочка приводит к нарушению Первого Закона.

Или робот, в конструкции которого оказались недочеты или ошибки в программе, может решить, что человек перед ним — и не человек совсем, и поэтому Первый и Второй Законы, защищающие человека, не имеют к нему отношения...

Или по причине небрежно сформулированного распоряжения робот, поняв его буквально, невзначай поставит в опасное положение находящихся рядом людей...

В архивах сохранились сведения о десятках подобных случаев. Первые специалисты по роботам, особенно великолепный робопсихолог Сьюзен Кэлвин, эта строгая и сухая женщина, долго и не жалея собственных сил трудились над преодолением все возрастающего количества трудностей.

Крайне усложнились эти проблемы к середине двадцать первого века, когда из цехов «Ю. С. Роботс энд Мекэникл Мен» стали выходить роботы с более развитыми позитронными сетями, роботы с более широким диапазоном мышления, способные разбираться в сложных ситуациях почти с таким же проникновением, как люди. Роботы вроде него, Эндрю Мартина, хотя сам он избегал говорить об этом. Новые, с более широкими общими понятиями роботы, снабженные способностью гораздо самостоятельнее, чем их предшественники, оценивать информацию, часто действовали по-своему, не так, как ожидали от них люди. Но, естественно, никогда при этом не выходя за рамки Трех Законов. И все-таки с иных позиций, нежели те, что были предусмотрены авторами Трех Законов.

Все сильнее углубляясь в анналы истории роботов, Эндрю наконец пришел к пониманию причин отрицательного отношения людей к роботам. В этом не были виноваты Три Закона *при всем их несовершенстве — отнюдь. Они действительно* являли собой образец логического построения. Беда состояла в том, что сами люди чаще всего не следовали законам логики, порой поступая вопреки ей, и роботы не всегда успевали за внезапными поворотами мысли человека.

Выходило так, что сами люди толкали иногда роботов на нарушения того или другого Закона, а потом без всякой логики, как это вообще свойственно людям, обвиняли тех же роботов в нежелательных действиях, хотя сами же и отдавали им соответствующие распоряжения.

Эндрю с особым вниманием и осторожностью работал над этими главами, без конца возвращался к ним, переделывал, чтобы ни в коем случае не проскочило какой-нибудь предубежденности. Никакого желания разоблачать пороки людей он не испытывал. Его основная цель, как всегда, состояла в служении на благо людей.

Когда он начинал писать свою книгу, он намеревался с ее помощью достичь более глубокого понимания своих отношений с людьми, с теми, благодаря кому он появился на свет; но в процессе работы над рукописью он понял, что, если должным образом, основательно поработать над ней, она может стать неоценимым мостом между человеком и роботами, источником знаний не только для роботов, но и для особей из плоти и крови, для их создателей. Все, что будет помогать лучшему взаимопониманию между роботами и людьми, позволит роботам больше дать человечеству, что, в конечном счете, и является целью их существования.

Написав половину задуманного, Эндрю попросил Джорджа прочитать рукопись и высказать ему свои замечания и предложения.

Прошло уже несколько лет после смерти Маленькой Мисс, и теперь уже Джордж не казался здоровяком, его когда-то атлетическая фигура согнулась, он почти совсем облысел.

С плохо скрытым неудовольствием он посмотрел на толстую рукопись и сказал:

— Я ведь не писатель, ты же знаешь, Эндрю.

— Я не прошу вашего мнения о моих литературных способностях, Джордж. Я хочу, чтобы вы дали оценку идеям. Мне необходимо убедиться в том, что я не допустил никаких оскорбительных высказываний в адрес человека.

— Да я уверен, что их там нет. Ты же всегда был образцом учтивости.

— Я никогда никого не обижу сознательно, это верно. Но, возможно, случайно...

Джордж тяжело вздохнул:

— Да-да. Понимаю. Хорошо, я прочитаю твою рукопись, Эндрю. Но сам знаешь, как быстро я устаю в последнее время. Чтобы перепахать твою рукопись, мне понадобится немало времени.

— Это не спешно, — сказал Эндрю.

И Джордж не спешил: на прочтение книги у него ушел почти год. Когда он наконец вернул рукопись Эндрю, при ней было с полстранички замечаний, очень незначительных — фактические поправки, и ничего более.

Эндрю мягко попенял ему:

— Я надеялся на более глубокую критику, Джордж.

— У меня нет оснований критиковать твою работу, это замечательная книга. Замечательная, правда. Глубокое исследование проблемы. Ты можешь гордиться написанным.

— Но в той части, где я касаюсь темы человеческого иррационализма, который зачастую приводит к конфликтам с Тремя Законами...

— Ты попал в точку, Эндрю. Мы — существа с неряшливыми мозгами, понимаешь? Блеск и творчество временами, но сколько путаницы и мелких противоречий! Мы, наверное, выглядим в твоих глазах безнадежными путаниками, а, Эндрю?

— Бывает, что именно такими я и вижу вас, да. Но в мои намерения не входит писать критический трактат о поведении человека. Ни в коем случае, Джордж. Я хочу подарить миру такую книгу, которая сблизила бы людей и роботов. И если где-то в ней проглядывает презрение к умственным способностям человека, то это прямо противоположно тому, что я хочу сделать. Именно поэтому я так надеялся, что вы выделите в рукописи те места, которые можно понять так, будто...

— А что, если попросить об этом моего сына Пола вместо меня? Он сейчас достиг пика в своей профессии, ты же знаешь. Так что ему куда ближе все эти тонкости и хитрости, чем теперь мне.

И в конце концов Эндрю стало ясно, что Джордж Чарни не хотел читать его рукопись, что он стареет, становится слабым, что наступают последние годы его жизни, что колесо смены поколений делает свой очередной оборот и что главой семьи стал уже Пол Чарни. Ушел Сэр, за ним последовала Маленькая Мисс, и вот очередь за Джорджем. Мартины и Чарни

приходили и уходили, а он, Эндрю, оставался не то чтобы неизменным (его тело постоянно подвергалось техническим усовершенствованиям, мышление обретало большую глубину и богатство — он наконец-то позволил себе полностью оценить собственные необыкновенные возможности), но безусловно неуязвимым перед натиском проходящих лет.

Полу Чарни он передал уже почти законченную рукопись. Пол прочел ее сразу и отозвался о ней не с одной только похвалой: как и предсказывал Джордж, он предложил ценные поправки к ней. Были в рукописи места, где неспособность Эндрю понять прерывистый, нелинейный ход доказательств, который возможен только у человека, приводила к упрощению и неправильным выводам. Кроме того, Пол счел, что в книге слишком много симпатии к точке зрения человека: не помешало бы подвергнуть более критичному разбору неразумное отношение людей к роботехнике и вообще к науке.

Этого Эндрю никак не ожидал. Он сказал:

— Но, Пол, я не хотел никого обидеть.

— Не имеет никакого смысла читать книги, написанные с одной целью — никого не обидеть, — возразил Пол. — Пиши только правду, Эндрю, то, что ты считаешь правдой. Странно было бы, если бы все в мире согласились с твоей точкой зрения. Твой подход к теме уникален. Ты предлагаешь людям по-настоящему ценные знания. Но книга потеряет всю свою ценность, если ты станешь подавлять свои чувства и писать то, что, как тебе кажется, может понравиться всем и каждому.

— Но Первый Закон...

— К черту Первый Закон, Эндрю! Первый Закон — это не конец света! Кому какой вред может причинить книга? Единственно разве если ударить ею по голове кого-нибудь. А как иначе? Идеи не наносят ущерба — даже ошибочные, даже идиотские, порочные идеи. *Люди* причиняют зло. Бывает, что некоторые хватаются за идею во имя оправдания своих безнравственных, возмутительных дел. Человеческая история полна подобных примеров. Но идеи есть идеи, не более того. Их никогда не следует душить. Их надо развивать, испытывать, исследовать, при необходимости отвергать, но в открытую, не таясь... А Первый Закон, как известно, ровным счетом ничего не говорит о роботах, пишущих книги. Колья и камни — вот что может нанести вред, Эндрю. Но слова...

— Но, Пол, как вы сами только что заметили, человеческая история полна ужасных событий, начало которым положили просто слова. Если бы эти слова остались непроизнесенными, этих ужасных событий могло бы не произойти.

— Да понимаешь ли ты, о чем я тебе твержу? Да или нет? Думаю, что понимаешь. Ты знаешь, какой силой обладают идеи, но ты абсолютно не веришь в способность людей отличать хорошую идею от плохой. Положим, и я не всегда могу это сделать. Но дурная идея в конечном итоге, пусть через долгий промежуток времени, погибает. Так было на протяжении тысячелетий в истории человечества, в истории цивилизации. Рано или поздно добро побеждает, независимо от того, как много ужасного произошло на пути к победе. Поэтому нельзя глушить идею, которая может послужить на пользу человеку. Пойми, Эндрю, ты, вероятно, самое близкое к человеку произведение «Ю. С. Роботс энд Мекэникл Мен». Ты обладаешь уникальными данными для того, чтобы рассказать миру все, что нужно знать о взаимоотношениях человека и робота, потому что ты по своей натуре обладаешь чертами и того, и другого, и ты можешь исправить их взаимоотношения, которые даже сейчас вселяют тревогу. Пиши свою книгу. Пиши ее честно.

— Хорошо, Пол, я буду писать.

— Между прочим, ты подумал, кто ее издаст?

— Кто издаст? Да нет... Ничего подобного мне и в голову не приходило.

— Тогда подумай... Впрочем, позволь я сделаю это за тебя. У меня есть друг, подвизающийся в издательском деле, он мой клиент, по правде говоря. Не возражаешь, если я скажу ему пару слов о тебе?

— Это было бы очень любезно с вашей стороны, — сказал Эндрю.

— Да что тут особенного. Я так же, как и ты, хочу, чтобы книга вышла и чтобы ее читали буквально все.

И действительно, через несколько недель Пол получил контракт на издание книги Эндрю. Он уверил Эндрю, что условия договора очень выгодные и справедливые. Для Эндрю вполне достаточно было его рекомендации. Он не колеблясь подписал договор.

В течение следующего года он завершал работу над заключительными главами, частенько размышляя над тем, что ему сказал в тот день Пол — о важности честно излагать свои воззрения, о том, насколько большую ценность будет в таком случае представлять его книга. И о его словах, касающихся его уникальности. Эти слова никак не выходили из головы Эндрю.

«Пойми, Эндрю, ты, вероятно, самое близкое к человеку произведение "Ю. С. Роботс энд Мекэникл Мен". Ты обладаешь уникальными данными для того, чтобы рассказать миру все, что нужно знать о взаимоотношениях человека и робота,

потому что ты по своей натуре обладаешь чертами и того, и другого».

Так ли это на самом деле? Действительно ли Пол так думает, или это у него вырвалось в минуту жаркого спора? — гадал про себя Эндрю.

Эндрю задавал себе этот вопрос вновь и вновь, и постепенно у него начал созревать ответ.

И тогда он решил, что пришло время опять нанести визит в офис «Файнголд энд Чарни», чтобы поговорить с Полом.

Он явился туда без предуведомления. Секретарь сухо приветствовал его, и Эндрю стал терпеливо ждать, пока робот не исчез в кабинете Пола, чтобы доложить ему, что в приемной находится Эндрю. Конечно, было бы куда проще воспользоваться голографическим переговорным устройством, но, несомненно, секретарь лишился мужества (или роботства?) из-за необходимости иметь дело с другим роботом, а не с человеком.

Секретарь наконец вернулся.

— Мистер Чарни скоро подойдет, — провозгласил он и занялся своими делами.

Эндрю в ожидании Пола проводил время, прокручивая в голове только что пришедшие ему на ум выражения. «Можно ли в качестве аналога слову "мужество" употребить слово "роботство", — раздумывал он. — Или выражение "лишиться мужества" — это уже метафора, никак не связанная со своим первоначальным значением, а потому так же приложима к роботам, как к женщинам в подобных случаях?»

Последнее время, работая над книгой, Эндрю решал немало таких вот семантических проблем. Человеческий язык, изобретенный людьми для общения, заключал в себе много загадок и замысловатостей. Усилия, которые потребовались для их преодоления, несомненно, расширили его словарный запас и, как он полагал, приспособляемость его позитронной системы восприятия.

Пока Эндрю сидел в приемной, все входившие глазели на него. В конце концов, Эндрю был свободным роботом, но пока единственным. Он к тому же носил одежду — аномалия какая-то, уродство. Но Эндрю никогда не избегал взглядов этих любопытствующих зевак. Он в ответ спокойно смотрел на них, и отвести взгляд спешили они.

Но вот наконец появился Пол Чарни. Они с Эндрю не виделись с самой зимы, с похорон Джорджа, отца Пола, который тихо умер в фамильном доме и был похоронен на холме, над водами Тихого океана. Пол, по всей видимости, был удивлен приходом Эндрю, а возможно, это только показалось

Эндрю, так как он еще не мог с уверенностью сказать, что читает по лицам людей.

— Это ты, Эндрю. Рад видеть тебя. Извини, что заставил тебя ждать, но *пришлось* довести до конца кое-что.

— Ничего страшного. Я никогда не тороплюсь, Пол.

Последнее время Пол слишком увлекался макияжем, что было тогда модно и для мужчин, и для женщин. Эндрю это не одобрял, хотя обычно довольно сглаженные черты лица Пола становились в результате более четкими и твердыми. Он чувствовал, что личность Пола, сильная и проницательная, не нуждается в косметике. Было бы гораздо лучше, если бы у Пола оставалось его собственное лицо с мягкими, чуть сглаженными чертами: в его характере отсутствовала сглаженность, и ни к чему были все эти краски и пудры.

Но Эндрю, естественно, держал свое неодобрение при себе. Сам факт критического отношения к внешности Пола был в новинку для него. Такие мысли стали появляться у него впервые. Заканчивая первый вариант своей книги, Эндрю вдруг заметил, что не все ему нравится в поступках людей, но до тех пор, пока он не выражал это свое мнение открыто, он не чувствовал от этого неловкости. Он мог теперь критиковать людей и даже излагать свое неодобрение в письменном виде. Он был уверен, что далеко не всегда был способен на это.

Пол предложил:

— Зайдем ко мне, Эндрю. Я слышал, что ты хочешь поговорить со мной, но никак не ожидал, что ты придешь сюда для этого.

— Если вы сейчас слишком заняты, чтобы уделить мне время, Пол, я могу еще подождать.

Пол взглянул на диск на стене, по которому скользили тени, — он служил указателем времени, — и сказал:

— У меня есть время. Ты пришел один?

— Я нанял автомобиль.

— При этом никаких неприятностей не возникло? — спросил Пол с явным беспокойством.

— Я не предполагал никаких неприятностей. Мои права под защитой закона.

По выражению лица Пола можно было заключить, что он еще больше встревожился.

— Эндрю, сколько раз я говорил тебе, что этот закон мало эффективен, по крайней мере в большинстве случаев. А ты, упорно продолжая носить одежду, рано или поздно столкнешься с неприятностями, как это случилось, когда отцу пришлось выручать тебя.

— Но это был единственный случай, Пол. Но все равно мне очень жаль, что вы недовольны.

— Да пойми же наконец — ты ходячая легенда. А людишки порой любят снискать себе скандальную славу, навредив знаменитости, а ты у нас и есть знаменитость. И, кроме того, сколько еще говорить тебе, что ты сам по себе представляешь колоссальную ценность и не должен рисковать собой. Кстати, как продвигается работа над книгой?

— Вчерне я ее закончил. Осталась чисто стилистическая правка, надо глянец навести. Издатель остался доволен тем, что я ему отдал.

— Хорошо.

— Не думаю, что ему так уж нравится сама книга. Есть в ней главы, которые ему определенно не по душе. Думаю, он просто надеется продать много экземпляров, потому что это первая книга, написанная роботом, и только это ему и нравится в моей книге.

— Боюсь, это чисто человеческая черта — заинтересованность в добывании денег.

— Но я тоже не прочь добыть деньги. Пусть книга продается, неважно из-за чего. Я найду должное применение деньгам, которые получу за книгу.

— Но, Эндрю, мне казалось, что ты вполне обеспечен! У тебя всегда были собственные доходы, да и бабушка оставила тебе изрядную сумму.

— Маленькая Мисс была чрезвычайно щедра. И я уверен, что и в будущем могу рассчитывать на поддержку семьи, если вдруг мои расходы превзойдут мои доходы. Но при этом предпочту всегда зарабатывать деньги сам. И только в самом крайнем случае я позаимствую из ваших запасов.

— Расходы? О каких расходах речь? На яхты? На путешествия на Марс?

— Ничего подобного, — возразил Эндрю. — Но я кое-что задумал, и это обойдется мне в копеечку, Пол. Надеюсь, гонорар за мою книгу покроет расходы на то, что у меня сейчас на уме. На мой следующий шаг, я бы так сказал.

Пол был обескуражен.

— И что же это за «шаг»?

— Новое усовершенствование в моей конструкции.

— Но за все усовершенствования ты прекрасно расплачивался из своих фондов.

— Это может оказаться дороже всех остальных.

Пол кивнул.

— Тогда твой гонорар будет очень кстати. Но если его будет недостаточно, я уверен, найдутся другие...

— Но дело тут не только в деньгах, есть еще кое-какие сложности, Пол, — сказал Эндрю. — В общем, вот что главное. Мне необходимо встретиться с главой корпорации «Ю. С. Роботс энд Мекэникл Мен» и получить от него «добро». Я пытался устроить нашу встречу, но не пробился к нему. Вне всяких сомнений, виновата в этом моя книга. Как вы знаете, корпорация не в особом восторге от того, что я ее пишу — они ведь не захотели сотрудничать со мной.

Пол усмехнулся:

— Сотрудничать, Эндрю? Как же, жди от них сотрудничества! Да ты для них пугало. Что, они сотрудничали с нами в пору битвы за права роботов? Совсем напротив. И ты знаешь почему. Только предоставь роботам права, и никто не захочет покупать их, а?

— Может быть, вы правы, а может, и нет. Во всяком случае, я хочу поговорить с главой компании по поводу моей совершенно особой заявки. Я никак не добьюсь этого сам, но, возможно, если вы позвоните от моего имени...

— Но, Эндрю, ты же понимаешь, меня они любят так же горячо, как тебя.

— И все же вы возглавляете такую мощную и влиятельную юридическую фирму и являетесь членом благородного и знаменитого семейства. Они не посмеют отмахнуться от вас. А если попытаются сделать это, вы можете им намекнуть, что согласие на встречу со мной может предотвратить намечающуюся новую кампанию «Файнголд энд Чарни» за расширение гражданских прав роботов.

— Но это же ложь, Эндрю, а?

— Да. Пол, и я не очень хорошо умею лгать. Я не способен на это иначе, чем для соблюдения одного из Трех Законов. Поэтому я и прошу вас, чтобы вы позвонили от моего имени.

Пол рассмеялся:

— Ах, Эндрю, Эндрю! Ты не можешь лгать сам, но можешь толкнуть меня на это вместо себя, так что ли? С каждой минутой ты все больше становишься человеком!

Глава 14

Даже используя предположительно всесильное имя Пола, не так легко было устроить эту встречу.

Но непрекращающееся давление и не очень деликатный намек на то, что несколько драгоценных минут Харли Смайт-

Робертсона, потраченных на общение с Эндрю, спасут «Ю. С. Роботс энд Мекэникл Мен» от новой, мучительной тяжбы за гражданские права роботов, принесли свои плоды. И вот в один из ласковых весенних дней Эндрю и Пол вместе пересекли почти всю страну ради того, чтобы достигнуть обширного, растянувшегося на многие мили комплекса строений, штаб-квартиры гигантской компании по роботехнике.

Харли Смайт-Робертсон, потомок обеих семей, основавших «Ю. С. Роботс», декларировал свое происхождение присвоением двойной, через дефис, фамилии. Завидев Эндрю, он заметно помрачнел. Он был близок к пенсионному возрасту и большую часть своего пребывания на посту президента компании посвятил полемике против предоставления прав роботам. Смайт-Робертсон был тощий как скелет мужчина с редкими седыми волосами, зачесанными на макушку. На его лице не было ни следа макияжа. Во время беседы он иногда метал в Эндрю взгляды, исполненные плохо скрытой враждебности.

— И какие новые неприятности вы собираетесь устроить нам, явившись сюда? — сказал Смайт-Робертсон.

— Поверьте, сэр, никогда в мои намерения не входило доставлять вашей компании какие-либо неприятности. Никогда.

— Однако доставляли. И постоянно.

— Единственно, чего я добивался, — это получить от вас то, на что, как я понимал, я имел право.

Реакция Смайт-Робертсона на слова «*имел право*» была такой, будто ему дали пощечину.

— Сколь необычное явление — слышать робота, говорящего о своих правах!

— Но, мистер Смайт-Робертсон, это и очень необычный робот, — сказал Пол.

— Необычный, — кислым тоном повторил Смайт-Робертсон. — Да уж точно, необычный.

— Сэр, больше века назад я узнал от Мервина Менски, бывшего тогда главным робопсихологом компании, что математические расчеты позитронных систем были настолько сложными, что позволяли получать лишь приблизительные выводы и что поэтому границы моих возможностей нельзя было предсказать в полной мере.

— Вы говорите, что это было больше века назад, — сказал Смайт-Робертсон и после минуты колебаний добавил: — *Сэр*. Но сегодня ситуация коренным образом изменилась. Наши роботы создаются с предельной точностью и обучаются только тем навыкам, которые необходимы им в их работе. Мы исключили малейшую непредсказуемость в их натурах.

— Да, — сказал Пол, — я это заметил. И в результате мой секретарь нуждается в том, чтобы его водили за ручку, стоит хоть немного отойти от вложенной в него программы. В искусстве роботехники это не представляется мне шагом вперед.

— А я думаю, вам еще меньше понравилось бы, если бы ваш секретарь стал импровизировать, — возразил Смайт-Робертсон.

— Импровизировать? — сказал Пол. — *Думать* — вот что мне надо от него. Мне нужен секретарь, который обладал бы достаточным интеллектом, чтобы справляться с простыми вещами, порученными ему. Роботы планировались как разумные существа, не так ли? А вы, по-моему, вернулись к весьма ограниченному понятию разумности.

Смайт-Робертсон заерзал на своем стуле, зло посмотрел на Пола, но ничего не сказал.

Эндрю спросил:

— Это правда, сэр, что вы больше не производите таких же гибких и способных приспосабливаться роботов, как, скажем, я?

— Правда. Мы так давно отказались от производства сложных систем, что я затрудняюсь сказать, когда это случилось. Возможно, еще во времена Менски. Это произошло задолго до моего рождения, а я, как видите, уже далеко не юноша.

— И я тоже, — сказал Эндрю. — Работая над своей книгой — вам, я думаю, известно, что я написал книгу о роботехнике и роботах, — я понял, что я самый старый из всех активно действующих роботов.

— Верно, — согласился Смайт-Робертсон, — и не только на сегодняшний день. Вы всегда были практически самым старым, и таковым останетесь. Достигнув двадцати пяти лет, роботы выходят из употребления. Их владельцы имеют право в этот день доставить своего робота в корпорацию и получить взамен новую модель. Если робота взяли в аренду, мы сами отзываем его и осуществляем замену.

— Ни один робот, *из производимых вами сейчас*, не протянет больше двадцати пяти лет, — с удовлетворением заметил Пол, — а Эндрю — робот совсем другого сорта.

— Действительно, другого, — сказал Смайт-Робертсон. — Уж кому, как не мне, знать это.

Эндрю, твердо придерживаясь заранее намеченной цели, сказал:

— Раз я самый старый и самый адаптируемый робот в мире, не сочтете ли вы, что я заслуживаю со стороны корпорации особого отношения к себе?

— Ни в коем случае! — воскликнул Смайт-Робертсон. — Скажу вам прямо, *сэр*, ваша необычайность — это вечная заноза в

теле корпорации. Ваша активность в разных, известных вам делах на протяжении многих лет доставляла нам, как я уже говорил, массу всяких неприятностей. Здесь не разделяют вашего *стремления обладать правами*. Если бы вы были на аренде, а не приобретены в собственность странным образом по недосмотру администрации в давние времена, к нашему величайшему сожалению, мы бы давно отозвали вас и заменили на более послушного робота.

— Да, вы, по крайней мере, откровенны, — сказал Пол.

— А мы и не делаем секрета из нашего отношения ко всему этому. Продажа роботов — наш бизнес, и не в наших интересах участвовать в политических дрязгах. Робот, который считает себя не просто механизмом, а чем-то большим, представляет угрозу благосостоянию нашей компании.

— И поэтому, будь это в ваших силах, вы уничтожили бы меня, — сказал Эндрю. — Я это прекрасно понимаю. Но я — свободный робот, сам владею собой, и вы не можете отозвать меня и совершенно бесполезно пытаться перекупить меня. Меня теперь защищает закон, согласно которому мне нельзя причинять вред, если это вдруг придет вам в голову. Именно поэтому я периодически отдавал себя в ваши руки для очередных поправок в моей конструкции. И поэтому же сегодня я явился к вам с просьбой внести самые дорогостоящие усовершенствования из всех, которые вы когда-либо и кому-либо делали. Я хочу полной замены, мистер Смайт-Робертсон.

Смайт-Робертсон был одновременно поражен и сконфужен, и казалось, молчание будет длиться целую вечность.

Эндрю ждал. Он смотрел мимо Смайт-Робертсона на противоположную стену, с которой в ответ глядел на него голографический портрет — строгое и аскетичное женское лицо, лицо Сьюзен Кэлвин, святой покровительницы робопсихологов. Прошло два века со дня ее смерти, но, окунувшись в ее рабочие записи во время своей работы над книгой, Эндрю почувствовал, что настолько хорошо знает ее, что наполовину мог поверить, будто встречался с нею в жизни.

Наконец заговорил Смайт-Робертсон:

— Вы сказали — полной замены? *Что вы имеете в виду*?

— То, что я сказал. Когда вы отзываете устаревшего робота, вы обеспечиваете его владельца заменой. Вот и я хочу, чтобы вы обеспечили мне замену.

Все еще пребывая в замешательстве, Смайт-Робертсон сказал:

— Но как это сделать? Если мы заменим вас, как сможем мы вернуть робота его владельцу, то есть вам, когда в самом

акте замены будет зафиксировано прекращение вашего существования? — И он зловеще ухмыльнулся.

— По-видимому, Эндрю не совсем точно выразил свою мысль, — вмешался в разговор Пол. — Разрешите мне? Личность Эндрю помещается в его позитронном мозгу, и его нельзя заменить, иначе это будет *уже* другой робот. Таким образом, позитронный мозг — это сам Эндрю Мартин, владелец робота, в котором в настоящее время он размещается. Любой элемент робота можно заменить, не нанося ущерба личности Эндрю Мартина — большая часть их, как вы сами знаете, уже была заменена, а некоторые элементы по нескольку раз за те сто с лишним лет, что прошли с тех пор, как вы произвели Эндрю. Эти подсобные части являются собственностью мозга. Мозг по своему желанию может заменять их в любое время, но сам мозг, его деятельность остаются неизменными. Истинное желание Эндрю на сей раз, мистер Смайт-Робертсон, состоит в том, чтобы переместить мозг в совершенно новый корпус.

— Понятно, — сказал Смайт-Робертсон. — Иными словами — полная модернизация. — Но на его лице при этом снова появилось замешательство. — Разрешите узнать, какое тело ему нужно? Он и так обладает телом, сделанным по последнему слову техники.

— Но у вас в производстве были андроиды, верно? — сказал Эндрю. — Роботы с внешностью людей, вплоть до строения кожи. Мне требуется такое тело, мистер Смайт-Робертсон. Тело андроида.

Тут наступила очередь удивляться Полу.

— Бог мой! — вскричал он. — Эндрю, я представить не мог, что... — Пол чуть не задохнулся.

Смайт-Робертсон застыл в неподвижности.

— Абсолютно невыполнимо! Невозможное требование!

— Почему? — спросил Эндрю. — Я заплачу любую разумную цену, как я платил за каждое усовершенствование уже много раз.

— Мы не производим андроидов, — со всей категоричностью заявил Смайт-Робертсон.

— Производили, я знаю.

— Прежде. Но производство прекращено.

— Возникли технические проблемы? — спросил Пол.

— Ни в коей мере. Экспериментальный выпуск андроидов был вполне успешен, особенно с технической стороны. Их внешность потрясающе повторяла человеческую, и при этом они обладали исключительной прочностью и многоплановостью. Для кожи использовалась углеродистая волокнистая

синтетика, для сухожилий — силикон. В структурах андроидов практически отсутствовал металл — только мозг, естественно, оставался платиноиридиевым, но они были почти такие же прочные, как металлические, а в действительности и еще прочнее, потому что легче.

— И, несмотря на все эти преимущества, вы не стали ими торговать? — спросил Пол.

— Совершенно верно. Мы сделали что-то около дюжины экспериментальных моделей и провели пробную распродажу, после чего решили прекратить дальнейшие работы в этом направлении.

— Почему же?

— Прежде всего, — ответил Смайт-Робертсон, — выпуск андроидов должен был обойтись нам гораздо дороже, чем производство обычных металлических роботов: они так дорого стоили, что превратились бы в предметы роскоши, а спрос на них был бы так ограничен, что на покрытие расходов по созданию производственной линии понадобилось бы много лет. Но не это было главным в возникших затруднениях. Настоящая причина крылась в негативном отношении потребителей. Видите ли, андроиды слишком похожи на людей. Они пробудили древние страхи: а как бы человек не оказался устаревшим; двести лет назад из-за этого было много тревог. Так что не было никакого смысла для нас запускать новую серию роботов, которая изначально обещала нам одни убытки, и к тому же тем самым поднимать новую волну психоза и неразберихи.

— Но корпорация сохранила свои разработки по производству андроидов, верно? — спросил Эндрю.

Смайт-Робертсон пожал плечами:

— Пожалуй, если бы в этом был смысл, мы могли бы производить андроидов.

— Но вы предпочли не делать этого, — сказал Пол. — Вы владеете всей технологией производства, но отказались пользоваться ею. Тогда это не соответствует тому, что вы нам сказали перед этим — что создать андроидное тело для Эндрю *невозможно*.

— Да, технически это возможно. Но это абсолютно противоречит общественным настроениям.

— Почему? Насколько мне известно, нет закона, запрещающего производить андроидов.

— Но мы тем не менее не производим их и не собираемся этим заниматься. Вот почему мы не можем выполнить требование Эндрю Мартина снабдить его андроидным телом. И я полагаю, мы дошли до точки, когда беседу пора закруглять. Поэтому, если не возражаете... — И он приподнялся на своем стуле.

— Еще минутку, будьте любезны, — сказал Пол непринужденным тоном, под мягкой поверхностью которого чувствовалась сталь. Он откашлялся. Смайт-Робертсон сдался с видом, еще более мрачным, чем вначале. Пол сказал: — Мистер Смайт-Робертсон, Эндрю — свободный робот, его права находятся под защитой закона. Вы, конечно, осведомлены об этом.

— Слишком хорошо осведомлен.

— Этот робот, будучи свободным роботом, свободно же предпочел носить одежду. Это привело к тому, что легкомысленные особы порой унижали его, пренебрегая законом, который запрещает унижать роботов. Вы понимаете, что нелегко привлечь к суду за оскорбления, если те, кому следует решать, кто прав, а кто виноват, не относятся с осуждением к этим поступкам.

— Меня это нисколько не удивляет, — сказал Смайт-Робертсон. — В «Ю. С. Роботс» предвидели это с самого начала. Это юридическая фирма вашего отца не видела этого.

— Мой отец умер, — сказал Пол. — Но я вижу здесь прямое оскорбление с определенной целью, и мы готовы принять соответствующие меры.

— О чем это вы толкуете?

— Мой клиент, Эндрю Мартин, — он является клиентом нашей фирмы на протяжении многих лет, — по постановлению Всемирного суда свободный робот. Это означает, что сам Эндрю является его владельцем, и поэтому, как и любой человек, хозяин робота, он наделен всеми правами в отношении своего робота как части своего имущества. Замена робота — это одно из тех самых прав. Как вы упоминали в процессе нашей дискуссии, владелец робота имеет право требовать от «Ю. С. Роботс энд Мекэникл Мен Корпорейшн» замены устаревшего робота. Практически корпорация *настаивает* на проведении такой замены, а если робот арендован, она автоматически отзывает его для этого. Я правильно изложил вашу политику, как вы находите?

— Хм... Да.

— Хорошо. — Пол улыбался и вообще чувствовал себя свободно. Он продолжил: — Итак, позитронный мозг моего клиента выступает владельцем тела моего клиента, а тело это по всем признакам имеет возраст более двадцати пяти лет. Согласно вашим правилам, это тело отслужило свое и мой клиент имеет право на его замену.

— Ну... — покраснев, произнес Смайт-Робертсон. Его мрачное, изможденное лицо стало похоже на маску.

— Позитронный мозг, то есть в настоящее время мой клиент, требует заменить его тело и предлагает за замену любую приемлемую цену.

— Пусть подпишет соответствующий обычный документ, и мы займемся его усовершенствованием.

— Но ему нужно нечто большее, чем обычное усовершенствование. Он требует в замену лучшее из тел, которые в технических возможностях вашей компании, то есть тело андроида.

— У нас его нет.

— Отказывая ему в этом, — мягко продолжал Пол, — вы обрекаете его на дальнейшие унижения, которым его подвергнет любой, кто, распознав в нем робота, будет с презрением третировать его хотя бы за то, что он предпочитает носить одежду и во многих других отношениях ведет себя «по-человечески».

— Это нас не касается, — сказал Смайт-Робертсон.

— Это коснется вас, когда мы возбудим против вас дело за то, что вы отказались предоставить моему клиенту тело, которое помогло бы ему избежать большей части тех унижений, которым он подвержен сейчас.

— Идите и возбуждайте, если хотите. Уж не считаете ли вы, что кому-то захочется пальцем шевельнуть в пользу робота, который хочет выглядеть человеком? Такое может только взбесить людей. Его осудят как самонадеянного выскочку — каковым он и является.

— Не уверен, — возразил Пол. — Согласен, публика в своем большинстве не поддержит обращение робота в суд с таким обвинением. Но, с другой стороны, мистер Смайт-Робертсон, нужно ли напоминать вам, что «Ю. С. Роботс» не пользуется большой любовью у людей? Даже большинство из тех, кто использует роботов в своих интересах и для собственной выгоды, к вам относятся с подозрением. Возможно, это пережитки прошлого, тех времен, когда роботы вызывали паранойю, думаю даже, что так оно и есть. А может быть, это возмущение вашей неограниченной властью, богатством вашей компании, которой так ловко удалось отстоять свою монополию на производство роботов во всем мире в результате долгих и хитрых маневров с патентованием. Но какой бы ни была причина, эта неприязнь существует. И в этой тяжбе наиболее непопулярной стороной, даже в сравнении с роботом, который хочет быть похожим на человека, будет корпорация, которая первой наводнила мир роботами.

Смайт-Робертсон в ярости смотрел на них. Он так стиснул зубы, что все мускулы на его лице отчетливо обрисовались. Он молчал.

А Пол продолжал:

— Кроме того, представьте себе, что подумают о вас люди, когда узнают, что вы способны производить человекоподобных роботов? Судебный иск привлечет особое внимание именно к этой проблеме. В то время как если вы тихо и просто снабдите моего клиента тем, о чем он просит вас...

Казалось, Смайт-Робертсон сейчас взорвется.

— Это уже шантаж, мистер Чарни.

— Напротив. Мы просто пытаемся разъяснить вам, что для вас выгоднее. Быстрое и мирное решение вопроса — вот все, чего мы добиваемся. Но, конечно, если вы принудите нас искать справедливость в суде, тогда разговор пойдет другой. Вот тогда вы окажетесь в щекотливом и весьма неловком положении, особенно если принять во внимание, что мой клиент богат и проживет еще не одно столетие, и у него будут все основания продолжить борьбу хоть до скончания века.

— Но и у нас хватит ресурсов, мистер Чарни.

— Мне это известно. Но выдержите ли вы бесконечную осаду со стороны суда, которая раскроет самые сокровенные тайны вашей компании?.. Предупреждаю в последний раз, мистер Смайт-Робертсон: если вам угодно отклонить вполне разумный запрос моего клиента, воля ваша, тогда мы покидаем вас без дальнейших разговоров. Но мы подадим на вас в суд, мы имеем на это все основания, и сделаем это энергично и открыто, что доставит «Ю. С. Роботс» немало хлопот, так что вы в конце концов убедитесь, что проиграли. Вам по душе пойти на такой риск?

— Ну... — произнес Смайт-Робертсон и замолчал.

— Ладно. Я вижу, вы готовы согласиться, — сказал Пол. — Возможно, вы еще колеблетесь, но в конечном итоге вы пойдете нам навстречу. Можно сказать, мудрое решение. Но есть еще один очень важный момент.

Ярость Смайт-Робертсона, увядая, казалось, перешла в отчаяние. Он даже не пытался высказываться.

А Пол продолжал:

— Позвольте уверить вас, что, если в процессе пересадки позитронного мозга моего клиента из ныне принадлежащего ему тела в органическое, которое вы, несомненно, сделаете для него, будет причинено пусть самое незначительное повреждение мозгу, я не успокоюсь до тех пор, пока не покончу с вашей корпорацией.

— Не можете же вы ожидать от нас гарантий...

— Могу и буду. У вас есть более чем столетний опыт по пересадке позитронного мозга из одного тела в другое. Поэтому

вы можете, ничем не рискуя, с тем же успехом перенести его мозг в тело андроида. И еще раз предупреждаю вас: если хоть одна из связей его платиноиридиевого мозга в результате операции окажется нарушенной, можете быть уверены, я приложу все силы, чтобы настроить общественное мнение против корпорации, в глазах всего мира я выставлю вас виновными в преступлении ради мести.

Жалко было смотреть на извивающегося на своем стуле Смайт-Робертсона, когда он произнес:

— Мы никак не можем дать вам полную гарантию. При любой пересадке присутствует доля риска.

— Однако маловероятная. Много ли вы попортили мозгов при пересадке из одного тела в другое? На такую долю риска мы согласны. Я предупреждаю вас о преднамеренных, злокозненных действиях против моего клиента.

— Мы не настолько глупы, — возразил Смайт-Робертсон. — Хочу сказать вам в заключение: мы доведем это дело до конца, и для этого мы привлечем все наши лучшие силы. Именно так мы действуем всегда и будем действовать так и впоследствии. Вы загнали меня в угол, Чарни, но поймите же, мы не можем дать стопроцентную гарантию успеха. Девяносто девять процентов — это можно, но не сто.

— Ладно, сойдет. Но помните: мы бросим против вас все доступные нам средства, если заподозрим хотя бы малейшее намеренное повреждение у нашего клиента. — Он обратился к Эндрю: — Что скажешь, Эндрю? Это приемлемо для тебя?

Эндрю почти целую минуту колебался, зажатый правилами Первого Закона. Пол заставлял его поддержать ложь, шантаж, унижающие достоинство человека.

Но, по крайней мере, это не влекло за собой никаких физических травм, убеждал он себя. Никаких физических травм.

И он с трудом, едва слышно выдавил из себя:

— Да.

Глава 15

Он чувствовал себя так, как будто его заново сотворили. Проходили дни, недели, месяцы, а Эндрю все никак не мог обрести себя, и даже простейшие действия выполнял неуверенно.

Раньше он никогда не ощущал своего тела. Стоило ему захотеть сделать что-то, и он мгновенно, мягко и машинально выполнял необходимые движения. А теперь... Теперь все время

требовалось сознательное управление телом. *Подними руку*, должен был он сказать себе. *Подними ее вверх. Теперь положи.*

Не то же ли самое происходит с человеческим ребенком, когда он постигает тайны координации движений?

Да, наверное. Ему было больше ста лет, а он чувствовал себя совсем ребенком, овладевая своим новым, пугающим его самого телом.

А тело было изумительное. Они сделали его высоким, но не таким огромным, чтобы подавлять или устрашать окружающих. У него были широкие плечи, тонкая талия, его руки и ноги были упругими и мускулистыми. Он выбрал светло-каштановый цвет для своих волос, поскольку рыжий показался ему слишком вызывающим, белокурый — слишком ярким, черный — мрачным, а волос каких-нибудь других цветов он не видел у людей, разве что белые и серебристые в пожилом возрасте, а таких он не хотел. Его глаза — на самом-то деле фотооптические камеры — тоже были карие с золотыми крапинками. Для своей кожи Эндрю выбрал нейтральный цвет, вернее, смесь разных, наиболее типичных для людей оттенков: потемнее, чем бледно-розовый цвет кожи у членов семьи Чарни, но и не слишком темный. Он постарался, чтобы по цвету кожи его нельзя было отнести ни к какой расе, тем более что ни к какой расе он в действительности и не принадлежал. Он велел, чтобы дизайнеры «Ю. С. Роботс» потрудились и создали для него внешность человека между тридцатью пятью и пятьюдесятью годами: достаточно зрелого, но еще не старого.

Превосходное тело, ничего не скажешь. Он был уверен, что будет счастлив, когда освоится с ним.

Каждый новый день приносил новый успех. Он все лучше овладевал своей элегантной андроидной оболочкой. И все же — как медленно продвигался он вперед, как мучительно долго...

Пол неистовствовал:

— Они повредили тебя, Эндрю. Я подам на них в суд.

— Не стоит, Пол, — возражал Эндрю. — Каки-и-е у в-вас д... до... к-к-аз-зате-ельст... ства... м-м-м...

— Мести?

— Да, м-мести. Я станов-влюсь л-л-лучше, с-с-ильнее. Это просто тр-тр...

— Трясучка?

— Травма. Такое ведь оп-оп... впервые.

Эндрю говорил очень медленно. Речь оказалась удивительно сложной проблемой для него, одной из самых трудных функций, постоянной борьбой за правильное произношение слов. Это стало пыткой для Эндрю, а для слушателей пыткой было

понимать его. Весь его голосовой аппарат заменили новым, совсем не таким, как прежде. Удобный электронный синтезатор, так хорошо имитировавший человеческий голос, уступил место устройству с резонаторами и приспособлениями типа голосовых связок, контролирующих резонаторы и делающих его голос совершенно неотличимым от человеческого. Но пока что Эндрю, как и сразу после операции, с трудом составлял каждый слог, с огромным трудом.

Но он не отчаивался. Да он практически и не способен был отчаиваться; и, кроме того, он понимал, что все это дело времени. Он мог исследовать свой мозг изнутри. Только он это мог, никто другой, и никто другой лучше его не мог знать, что его мозг в целости и сохранности, что пересадка не повредила ему. Мысли свободно текли по нервным каналам его нового тела, хотя оно еще недостаточно быстро реагировало на сигналы. Все параметры его организма были отлажены в совершенстве.

Оставались побочные проблемы. Он понимал, что в принципе у него все в порядке и со временем он полностью овладеет своим новым вместилищем. А сейчас он воспринимал себя как очень юное существо. Как ребенка, новорожденного ребенка.

Прошло несколько месяцев. Координация движений у него становилась все увереннее. Взаимодействие с позитронной системой быстро восстанавливалось.

Но не все было так, как ему хотелось. Он целые часы проводил перед зеркалом, стараясь оценить весь свой репертуар по части выражения лица и движений тела. И увиденное далеко не оправдывало его ожиданий.

Нет, все-таки не совсем человек! Лицо было слишком плотным, и он сомневался, что впоследствии оно станет другим. Он нажимал пальцем на щеку, и она пружинила, но не так, как у человека. Он мог улыбнуться, нахмуриться или насупиться, но и улыбка, и хмурость были какими-то искусственными, вымученными. Он мог послать сигнал «улыбнись» или «нахмурься» или любой другой, и мускулы его лица послушно изображали требуемое, соответственно собрав черты лица в нужную комбинацию по тщательно разработанной программе. Он всегда ощущал механизм, пусть теперь органический, который тяжеловесно погромыхивал под его кожей для придания лицу нужного выражения. Эндрю подозревал, что у людей это происходило совсем иначе.

Слишком запланированными были все его движения. Им недоставало непринужденности, столь свойственной человеку. Он еще надеялся, что со временем это пройдет: он уже далеко шагнул от тех злосчастных дней сразу после операции, когда

он, словно примитивный, допозитронный автомат, неуклюже передвигался по своей комнате, но что-то говорило ему, что в своем новом, таком необыкновенном теле он никогда не сможет передвигаться так естественно, как это само собой получается у людей.

Но в конце-то концов все было не так уж плохо. Сотрудники «Ю. С. Роботс» честно выполнили условия сделки и провели пересадку мозга со всем своим великолепным техническим умением. И Эндрю получил то, чего он добивался. По-настоящему внимательного наблюдателя он не сумел бы обмануть, выдав себя за человека, но никогда не было ни одного робота, который бы так походил на человека, и он, по крайней мере, мог ходить в одежде и не выглядеть в ней смешным из-за несоответствия одежды с металлическим, невыразительным лицом над нею.

Но вот пришел день, когда Эндрю заявил:

— Я снова приступаю к работе.

Пол Чарни засмеялся и сказал:

— Значит, ты поправился. Что ты собираешься делать? Писать следующую книгу?

— Нет, — серьезно ответил Эндрю. — Слишком долго я живу, чтобы одно какое-то дело схватило меня за глотку и не отпускало. В свое время я был художником — я и сейчас иногда балуюсь этим. Потом я занимался историей, и если бы я видел необходимость этого, я написал бы еще одну-две книги. Но я должен двигаться дальше. И теперь, Пол, я хочу стать робобиологом.

— Робопсихологом, ты хочешь сказать?

— Нет. Это означало бы изучение позитронного мозга, а я в данное время не испытываю никакого интереса к этому. А робобиолог, по моим представлениям, имеет дело с деятельностью тела, приданного этому мозгу.

— Не роботехник ли это в таком случае?

— В былые времена — да, роботехник. Но роботехники занимались металлическими телами. А я буду изучать органическое, гуманоидное тело, каковым, насколько мне известно, обладаю только я. Как оно действует, как оно копирует человеческое тело — вот предмет моего исследования. Я хочу больше знать об искусственно созданном теле, чем знают об этом сами создатели андроидов.

— Ты сужаешь таким образом поле своей деятельности, — сказал Пол. — Как художник ты мог выразить все что угодно. Став историком, ты посвятил себя главным образом роботам. А в качестве робобиолога ты будешь занят только самим собой.

Эндрю кивнул:

— Вероятнее всего.

— Так ты собираешься полностью погрузиться в себя?

— Проникновение в самого себя означает начало проникновения в суть самой Вселенной, — ответил Эндрю. — Я верю в это. Новорожденное дитя думает, что оно и есть вся Вселенная, но скоро оно начинает понимать, что это не так. И ему приходится изучать окружающий его мир, искать границы, отделяющие его самого от остального мира, чтобы прийти к пониманию того, кто он и как ему вести себя в этой жизни. До сих пор я был чем-то иным, чем-то механическим и легко поддающимся осмыслению, но теперь я — позитронный мозг, заключенный в почти человеческое тело, и я с трудом постигаю себя. Поэтому я должен учиться. Если это то, что вы, Пол, называете «погружением в себя», пусть будет так. Но я должен это сделать.

Эндрю пришлось начинать с самых азов, потому что он ничего не смыслил в обычной биологии, да и вообще в любой науке, кроме роботехники. Загадкой для него было все: и природа органической жизни, и ее химические и электрические основы. Раньше ему ни к чему были все эти науки. Но теперь, когда он сам стал органическим — ну, хотя бы его тело, — он испытывал огромное желание расширить свои познания о живых существах. Чтобы понять, как дизайнеры, создавшие его андроидное тело, смогли потягаться с природой, придав ему столь человеческие формы, ему сначала нужно было изучить подлинно человеческое тело, его функционирование.

Его теперь постоянно видели в библиотеках университетов и медицинских колледжей, где он, не вставая с места, часами просиживал над электронными справочниками. Он выглядел вполне прилично в своей одежде, и его присутствие ни у кого не вызывало любопытства. Те немногие, кто знали о том, что он робот, не вмешивались в его дела.

Он пристроил к своему коттеджу просторное помещение-лабораторию и оборудовал ее всем необходимым для научных исследований инструментарием. Расширилась и его библиотека. Он поставил перед собой исследовательские проблемы, которыми по целым неделям занимался не отрываясь — его рабочий день составлял двадцать четыре часа, поскольку он по-прежнему не нуждался в сне. Будучи внешне почти человеком, для восстановления и пополнения сил он использовал источники куда более эффективные, чем те, которые были необходимы существам, по образу и подобию которых он был сконструирован.

Секреты дыхания, пищеварения, обмена веществ, деления клеток, кровообращения, температуры тела — словом, весь сложный гомеостаз организма, который обеспечивает жизнь человека на срок в восемьдесят—девяносто, а то и все сто лет, перестали быть загадкой для него. Эндрю глубоко изучил механизмы человеческого тела — поскольку было ясно, что это именно механизмы: совершенно такие же, как продукция «Ю. С. Роботс энд Мекэникл Мен». Это был *органический* механизм, и тем не менее он оставался механизмом, прекрасно устроенным, со своими непререкаемыми законами, ритмами биологического обмена веществ, равновесия и разлада, упадка сил и их восстановления.

Проходили годы, годы, спокойные не только для отшельника Эндрю в его убежище в поместье Мартинов, но и вообще во всем мире. Население Земли стабилизировалось не из-за одного лишь низкого уровня рождаемости, но и в связи с эмиграцией людей в растущие поселения в космосе. Гигантские компьютеры контролировали большую часть экономических процессов на Земле, поддерживая устойчивое равновесие между предложением и спросом в разных регионах планеты, так что прежние циклы взлетов и падений в бизнесе сменились небольшими отклонениями от нормы. Это не была эра динамичного взрыва, но не была она и опасной, беспокойной эрой.

Эндрю едва ли обращал внимание на те изменения, которые происходили за порогом его дома. Для него существовали лишь фундаментальные явления, которые нужно было и которые он хотел изучить, и он их изучал. В те дни только это и имело для него значение. Ему хватало его состояния, сложившегося из доходов от теперь заброшенной им деятельности краснодеревщика, и денег, полученных в наследство от Маленькой Мисс, для поддержания в порядке его тела и для проведения научных исследований.

Он жил замкнуто, абсолютно одиноко — именно так, как сам хотел. Он давно уже в совершенстве овладел своим андроидным телом и теперь нередко совершал длительные прогулки по лесу среди холмов или вдоль пустынного, продуваемого всеми ветрами побережья, где он когда-то гулял с Маленькой Мисс и ее сестрой. Иногда он плавал, — то, что вода была холодная как лед, не было для него помехой, — и даже рисковал сплавать на одинокую, далекую скалу бакланов, куда его посылала Мисс, когда была совсем ребенком. Даже для него это предприятие оказалось не таким уж легким, а большие бакланы были явно недовольны его обществом; но сам он испытал чувство удовлетворения, испробовав свои силы в деле, непосильном для

самых искушенных пловцов-людей. Он благополучно проплыл туда и обратно по холодным бурным волнам океана.

Но свое время Эндрю в основном посвящал научным исследованиям. Бывало так, что он целыми неделями не покидал своего дома.

Но однажды к нему зашел Пол Чарни и сказал:

— Долгонько не видались, Эндрю.

— Действительно.

Они теперь редко виделись, хотя никакого отчуждения между ними не было. Семья Чарни обитала в своем доме недалеко от Эндрю, на берегу океана в Северной Калифорнии, но сам Пол большую часть своего времени проводил в непосредственной близости к Сан-Франциско.

— Ты по-прежнему занят биологическими изысканиями? — спросил Пол.

— Да, главным образом, — ответил Эндрю.

Пол сильно постарел, и это поразило Эндрю. Сам феномен старения человека особенно занимал Эндрю последнее время, и ему казалось, что он понял причины течения процесса старения. И все же, несмотря на то что перед его глазами прошли поколения Мартинов-Чарни: Сэр, затем Маленькая Мисс, Джордж и вот теперь Пол — для него всегда было странным, что люди так быстро седеют, слабеют, сгибаются — словом, стареют. Вот как Пол сейчас. Казалось, его стройная фигура укоротилась, он ссутулился, претерпела изменения и структура его лица: выдался вперед подбородок, а скулы сгладились. Испортилось, по-видимому, и его зрение: вместо глаз у него теперь были блестящие фотооптические камеры, примерно такие же, какими взирал на мир Эндрю. Так что хотя бы в этом они с Полом сблизились.

Пол сказал:

— Очень жаль, что ты теперь не интересуешься историей роботов, как раньше. Нужно было бы дополнить твою книгу еще одной главой.

— Вы о чем, Пол?

— О главе, в которой рассказывалось бы о новой политике, о радикально изменившейся политике «Ю. С. Роботс».

— Я об этом ничего не слыхал. О какой новой политике вы говорите, Пол?

У Пола брови поползли вверх:

— Ты правда ничего не слыхал? Но, Эндрю, они принялись выпускать центральные контрольные установки для своих роботов, гигантские позитронные компьютеры, способные управлять роботами в количестве сразу от двенадцати до тысячи на

любом расстоянии с помощью микроволновых передатчиков. Роботы, которых они теперь производят, совсем не имеют мозга.

— Не имеют мозга? Но как же они...

— Все данные для них обрабатывает гигантский центральный мозг. Так что роботы теперь — это как бы подвижные члены главного мыслительного центра.

— Это что — более эффективно?

— «Ю. С. Роботс» уверяет, что да. Насколько это верно в действительности, я не знаю. Но, по моему глубокому убеждению, все это началось давным-давно и главным образом — из-за тебя. Смайт-Робертсон перед самой своей смертью благословил это направление в роботехнике, понимаешь? Он был болен и стар, но сумел протащить свою идею и утвердить ее. Насколько я могу судить, он хотел быть уверенным в том, что никогда больше компании не придется вступать в конфликт с роботом и терпеть от него неприятности, как это было с тобой. И они занялись отделением мозга от тела. Безмозглому, автоматически действующему роботу никогда не придет в голову добиваться гражданских прав или юридической защиты, а огромный мозг, запертый в ящике, — это не более чем компьютер. И этот мозг никогда не сможет обратиться к председателю правления и потребовать переместить его в новое, улучшенное тело. А роботы-тела, лишенные разума, не могут ничего требовать.

— Но это же шаг назад, большой шаг назад, — сказал Эндрю. — Они отказываются от двухсотлетних достижений роботехники единственно из желания ни в малейшей степени не утруждать себя проблемами политики.

— Да, именно так. — Пол улыбнулся и покачал головой: — Поразительно, Эндрю, какое колоссальное влияние ты оказал на историю и развитие роботехники. Твои художественные наклонности пробудили «Ю. С. Роботс» к большей специализации роботов, потому что они решили, что ты слишком умен и это может испугать людей. И ты же, одержав победу в процессе о статусе свободного робота, тем самым создал прецедент о правах роботов. А твоя настойчивость в обретении андроидного тела привела к тому, что «Ю. С. Роботс» занялась отъединением мозга от тела.

— Боюсь, в конечном итоге корпорация создаст для всего мира один исполинский мозг, контролирующий миллиарды роботов-тел. Все яйца в одной корзине, вот что это будет. Довольно опасно. И ни капли здравого смысла.

— По-моему, ты прав, — сказал Пол. — Это, пожалуй, произойдет лет этак через сто. Так что мне этого не видать.

Он пересек комнату и остановился возле открытой двери, выходящей в разросшийся лес. Мягкий влажный весенний бриз дул с океана, и Пол вздохнул так глубоко, будто хотел выпить его весь. Затем он повернулся лицом к Эндрю, и тому показалось вдруг, что за то время, что Пол был здесь, он постарел еще лет на десять.

— Я, судя по всему, — сказал Пол вдруг осипшим голосом, — едва ли доживу до будущего года.

— Пол!

— Не надо удивляться. Мы ведь смертны, Эндрю, — сказал Пол, пожав плечами. — В этом мы отличаемся от тебя, и тебе пора было бы понять, что это значит.

— Я понимаю. Но...

— Да-да. Знаю. Прости меня, Эндрю. Я знал, как ты был всегда предан нашей семье и как тяжело и грустно для тебя должно быть постоянно наблюдать, как мы вырастаем, становимся все старше, стареем и в конце концов умираем. Должен тебе признаться, это и нам не очень-то нравится, но какой смысл проклинать это. Мы живем вдвое больше, чем жили люди несколько сот лет назад. Это довольно долгий срок, полагаю, достаточный для большинства из нас. Нам нужно просто философски относиться к этому.

— Нет, я не понимаю. Как вы можете оставаться спокойными перед лицом... э-э-э... своей кончины? Абсолютного прекращения всех ваших стремлений, желания достичь цели, учиться, расти?

— Я не был бы так спокоен, будь мне сейчас двадцать или сорок лет. Но мне не двадцать и не сорок. Человек устроен так — и это хорошо, мне кажется, — что, когда он достигает определенного возраста, для него теряет всякое значение то обстоятельство, что он должен скоро умереть. Он уже не стремится к цели, к познанию, он уже не растет. Хорошо это или плохо, но человек прожил свою жизнь, сделал все, что мог, для мира и для себя, время его истекло, и тело знает и приемлет это. Наступает жуткая усталость, Эндрю. Тебе не ясен смысл этого слова, верно, Эндрю? Я знаю, оно непонятно для тебя. Ты не можешь этого понять. Тебе никогда не приходилось уставать, и об усталости ты знаешь чисто теоретически. А у нас иначе. Мы упорно трудимся семьдесят, восемьдесят, а то и сто лет, и вдруг нам становится невмоготу, тогда мы садимся, потом ложимся и, наконец, закрываем глаза, чтобы никогда больше не открыть их. Когда приходит конец, мы знаем, что это *конец*, и не возражаем. Или нам все равно: я не очень уверен, что это

одно и то же, но, может быть, так оно и есть... Не смотри на меня так, Эндрю.

— Смерть для человека — дело естественное, — сказал Эндрю. — Я это понимаю, Пол.

— Нет, не понимаешь. Ничего ты не понимаешь. Ты просто не способен понять такое. Про себя ты думаешь, что смерть — это прискорбная ошибка в нашей конструкции, и тебя удивляет, почему эту ошибку вовремя не обнаружили и не исправили, ведь это же несложно — заменить те части нашего организма, которые износились или вышли из строя, подобно тому как заменяли твои отработавшие части тела. Тебе его даже заменили целиком.

— Но теоретически и вас можно переместить в другое тело...

— Нет, невозможно. Даже теоретически. У нас нет позитронного мозга, а наш нетранспортабелен, так что мы не можем взять и попросить кого-нибудь вынуть нас из отработанного тела и перенести в новенькую, блестящую, прелестную оболочку. Тебе не дано понять, что люди неотвратимо достигают той точки, откуда им возврата уже нет. Ну да ладно. С чего бы вдруг ожидать, что ты поймешь то, что понять нельзя? Я скоро умру, вот и весь разговор. Но в одном хочу уверить тебя, Эндрю: уходя из этого мира, я позабочусь, чтобы ты был обеспечен финансово.

— Но я и так хорошо...

— Да. Знаю. Но иногда перемены совершаются быстро. Нам кажется, что мы живем в надежном мире, но и другие цивилизации так же ощущали себя, однако рано или поздно у них появлялись причины признать, что они заблуждались. Но как бы там ни было, Эндрю, я — последний из Чарни. Кроме тебя, у меня нет наследников. Существуют родственники по боковой линии со стороны сестры моей бабушки, но они не в счет. Я их не знаю, и мне дела нет до них. Я думаю о тебе. Мое личное состояние я переведу на твое имя, и в будущем — насколько это можно предвидеть — экономически ты будешь независим.

— В этом нет необходимости, Пол, — с трудом вымолвил Эндрю. Про себя он согласился с Полом, что не понимает смерти, не способен понять ее. За все эти годы он так и не смог привыкнуть к тому, что Чарни умирали.

— Давай не будем спорить, — сказал Пол. — Я не могу взять деньги с собой, и я не могу придумать, что бы еще я мог сделать с ними — только оставить тебе, так что решено. И я не хочу тратить немногое оставшееся мне время на бесконечные

пререкания по этому поводу. Поговорим лучше еще о чем-нибудь... Над чем ты работаешь сейчас?

— Все еще над биологией.

— Какой раздел биологии?

— *Обмен веществ.*

— Ты имеешь в виду обмен веществ у роботов? Но разве он существует? Может быть, у андроидов? Или у человека?

— Все три вида, — ответил Эндрю. — Своего рода синтез. — Он помолчал немного, потом заговорил. Почему он должен что-то скрывать от Пола? — Я разрабатывал систему, благодаря которой андроиды, то есть я сам, — раз уж существует всего один действующий андроид, не так ли? — смогут получать энергию от окисления углеводов, а не от атомных батареек.

Пол долго, внимательно рассматривал его.

— Ты хочешь сказать, — вымолвил он наконец, — что собираешься наделить андроида способностью дышать и есть совершенно так же, как это делают люди?

— Да.

— Ты никогда прежде не говорил о подобных своих планах, Эндрю! Это что-то новенькое, а?

— Не совсем. По правде говоря, Пол, это послужило главной причиной, побудившей меня заняться биологией.

Пол кивнул с рассеянным видом. Казалось, он едва слышит Эндрю из своего далека и ему очень трудно вникать в смысл того, о чем говорил ему Эндрю.

— И многого ты достиг в этом деле? — помолчав немного, *спросил он.*

— Приближаюсь к этому, — ответил Эндрю. — Надо еще потрудиться, но, думаю, я сумею создать компактную камеру для Эндрю.

— Какой в этом смысл? Ты же понимаешь, что то, что ты изобретаешь сейчас, не будет эффективнее атомных батареек, которые используются твоим телом сейчас.

— Скорее всего не будет, — сказал Эндрю — Но будет достаточно эффективным. По меньшей мере, настолько же эффективным для меня, насколько это эффективно для человека, и это будет в принципе не так уж отличаться от той системы, что осуществляет обмен веществ в организме человека. Главное, что меня не устраивает в атомных батарейках, — это их чужеродность природе человека. Моя энергия, а лучше сказать — сама моя жизнь, извлекается из источника, ничего общего не имеющего с человеком. Я с этим не хочу мириться.

Глава 16

На исследования ушло много времени, но Эндрю это не волновало. Ему ни к чему была спешка с завершением работ. Он хотел все хорошенько проработать, прежде чем запускать в дело. Была и еще одна причина помедлить с окончанием изысканий. Эндрю решил не подвергать свое андроидное тело новым переделкам, пока был жив Пол Чарни.

Пол в открытую не стал критиковать занятия Эндрю, разве что заметил, что новая окислительная камера, изобретенная Эндрю, может оказаться не такой эффективной, как атомные батарейки, которые снабжали энергией тело Эндрю в настоящее время. Но Эндрю понял, что сама идея тревожит Пола. Она была для него слишком дерзкой, слишком странной, слишком прогрессивной. Даже Пол готов был принять прогресс в конструировании роботов лишь до известного предела. Даже Пол!

Хотя тут, подумал Эндрю, отчасти виновата старость. Смелые новые идеи становятся для вас *слишком* смелыми, как бы восприимчивы вы ни были в юные годы к любым динамичным переменам. В старости все новое представляется вам тревожным и угрожающим. Вы чувствуете, как мир мчится мимо вас в безумной гонке, вам хочется замедлить ее бег, хочется, чтобы стремительный прогресс замедлился.

В этом ли одном дело? — думал Эндрю. Становятся ли люди с возрастом более консервативными?

Кажется, так оно и есть. Маленькой Мисс не нравилось, что он надел одежду. Джорджу казалась странной его работа над книгой. Теперь вот Пол... Пол...

Оглядываясь назад, Эндрю вспомнил, как удивлен, даже шокирован был Пол, услышав впервые в кабинете Смайт-Робертсона о том, что Эндрю хочет, чтобы его переместили в андроидное тело. Правда, Пол быстро справился с собой и яростно и блестяще выступил в пользу осуществления этой затеи. Что, впрочем, не значило, что он полностью одобряет ее.

Они разрешали мне делать то, что я считал необходимым, даже в тех случаях, когда сами не были согласны с этим. Они удовлетворяли мои желания, потому что любили меня.

Да, *любили*. Меня, робота.

На какое-то время Эндрю погрузился в размышления об этом, и теплая волна благодарности захлестнула его. Но его немного беспокоило сознание того, что Чарни поддерживал его не по собственным убеждениям, а просто потому, что они всем сердцем, без всяких сомнений доверяли ему и разрешали идти

избранным им самим путем, независимо от того, считали они это правильным или нет.

Так именно Пол добился для него права на приобретение андроидного тела. Но тут и был тот предел, через который Пол не мог переступить, не мог принять дальнейшего пути Эндрю наверх. Его следующий шаг — метаболический конвертер — был для Пола неприемлем.

Ну что ж. Пол проживет недолго. Эндрю подождет.

И он дождался; весть о кончине Пола пришла не так быстро, как предполагал сам Пол. Однако это случилось довольно скоро. Эндрю пригласили на похороны — публичную церемонию, знаменующую собой конец жизни человека; но никого знакомого среди присутствовавших Эндрю не заметил, он чувствовал неловкость, свою неуместность, хотя все были очень вежливы с ним. Эти молодые незнакомцы: друзья Пола, его сотрудники, дальние родственники из семьи Чарни — представлялись Эндрю не более чем тенями, и он стоял среди них, отягощенный двойной болью — потерей доброго своего друга Пола и сознанием того, что оборвалась последняя ниточка, связывавшая его с семьей, которой он был обязан своим местом в жизни.

По сути дела, не осталось ни одного человека в мире, с которым бы его связывали теплые чувства. И Эндрю понял теперь, что характер его привязанности к Мартинам и Чарни весьма отличался от чего-либо, присущего роботам, что его преданность им — не просто скрупулезное выполнение Первого и Второго Законов, что это нечто такое, что вполне можно назвать любовью. Его любовью к ним. В свои ранние годы Эндрю никогда не допустил бы подобных мыслей, даже про себя, но теперь он стал другим.

Со времени смерти Пола Чарни эти мысли неотвратимо вели Эндрю к размышлениям об общей концепции семейных уз — о любви родителей к детям, детей к родителям — и в результате о непрекращающейся смене поколений. Если ты человек, думал Эндрю, то ты одновременно часть большой цепи, которая проходит через безбрежные временные просторы и связывает тебя со всеми, кто был до тебя, и с теми, кто придет за тобой. И понятно, что отдельные, индивидуальные звенья цепи могут исчезнуть, — а по сути, *должны* исчезнуть, — но сама цепь без конца обновляется и не умирает. Умирают люди, исчезают целые семьи, но человеческая раса, вид, продолжается в веках, в миллионах и миллиардах лет, связанная наследованием крови тех, кто был раньше.

Эндрю трудно было понять это чувство принадлежности, чувство родственной связи с бесчисленными предками. У него не было предков, не будет и потомства. Он был уникальным... индивидуум, нечто, возникшее в определенный момент времени вне всякой связи с предшественниками.

Эндрю заметил, что его интересует вопрос, что для него самого значило бы иметь родителей, но единственно, что он смог вообразить, — это туманное видение группы роботов, которые собирают его тело из разрозненных частей на фабрике. А еще — что бы это значило иметь собственного ребенка? Но самое большее, что он мог себе представить, — это стол или шкаф, сделанные его собственными руками.

Но у людей родители не имели ничего общего с группой роботов-сборщиков, а дети совсем не походили на столы или шкафы. Он заблуждался.

Это было тайной для него. И останется тайной навсегда. Он не человек, и откуда же ему знать, что такое семейные связи?

Потом Эндрю подумал о Маленькой Мисс, о Джордже, Поле, и даже о вспыльчивом старом Сэре, и о том, что *они* значили для него. И понял, что и он — одно из звеньев семейной цепи, в конце-то концов, хотя у него и не было родителей и никогда не будет детей. Мартины взяли его к себе и сделали его членом семьи. Он действительно был Мартином. Да, Мартином-приемышем, но мог ли он надеяться на что-либо лучшее? А сколько людей было вокруг, которые не испытали счастья принадлежать к такой любящей семье! Так что, если хорошенько подумать, ему здорово повезло. Оставаясь всего лишь роботом, он узнал прочность и непрерывность семейной жизни, он испытал ее тепло, он испытал любовь.

Но теперь все, кого он *любил*, ушли. И в этом были сразу и горестное чувство, и чувство освобождения. Для него цепь распалась, и никакими силами ее не восстановить. Но теперь, по крайней мере, он мог делать все, что пожелает, не страшась огорчить близких ему людей. Со смертью правнука Сэра Эндрю почувствовал себя вправе продолжить осуществление своего плана по дальнейшему совершенствованию своего андроидного тела. Отчасти это было утешением в его печали.

И тем не менее он был совершенно одинок в этом мире, или так ему казалось, и не из-за того, что его позитронный мозг размещался в единственном андроидном теле, а потому, что он ни с кем не был связан. И весь этот мир имел все основания враждебно относиться к его домогательствам. И тем больше оснований, считал Эндрю, было у него для того, чтобы

продолжать двигаться в том направлении, которое он избрал давно и которое, как он надеялся, обеспечит ему неуязвимость в мире, куда его без его на то согласия так безразлично закинули давным-давно.

Но в действительности Эндрю вовсе не был так одинок, как ему казалось. Мужчины и женщины умирают, но корпорации, как и роботы, продолжают существовать; функционировала и юридическая фирма «Файнголд энд Чарни», хотя ни Файнголдов, ни Чарни не было в живых. У фирмы были свои принципы, и она безупречно и без всяких сантиментов следовала им. Благодаря вложению своих денег в трастовую компанию и доходам, которые фирма выплачивала ему, как наследнику Пола Чарни, Эндрю был по-прежнему богат. Это позволяло ему вносить весьма значительный годовой гонорар в кассу «Файнголд энд Чарни» и таким образом постоянно пользоваться их услугами по части юриспруденции, если того требовали его исследования, в частности, его работа с метаболической камерой.

В связи с этим настал момент для нового визита Эндрю к руководству «Ю. С. Роботс энд Мекэникл Мен».

В третий раз за всю свою долгую жизнь должен был Эндрю встретиться лицом к лицу с руководящими администраторами мощной корпорации по производству роботов. В первый раз, еще во времена Мервина Менски, сам Менски и управляющий Эллиот Смайт прибыли в Калифорнию посмотреть на *него*. Но это было, когда еще был жив Сэр, и величественный старый Сэр мог приказать даже Смайтам и Робертсонам приехать к нему. В следующий раз, позднее, уже Эндрю с Полом пришлось совершить путешествие, чтобы увидеться со Смайт-Робертсоном в его офисе и уладить вопрос о пересадке мозга Эндрю в андроидное тело.

Теперь совсем один Эндрю должен был отправиться на Восток во второй раз. Но теперь его лицо и тело — пусть не внутренние органы — полностью совпадали с человеческими.

«Ю. С. Роботс» сильно изменилась со времени последнего визита Эндрю. Как и все остальные индустриальные предприятия, свои основные производственные мощности корпорация вынесла в космос на большие космические станции. На Земле остался только центр научных исследований, который расположился в прелестном большом парке с просторными зелеными лужайками и могучими деревьями с густыми и раскидистыми кронами.

Да и вся Земля с давно устойчивым населением в миллиард человек, плюс примерно столько же роботов, стала почти повсеместно похожа на парк. Ужасное разрушение среды обитания, постигшее Землю в первые, нездоровые века промышленной революции, в основном осталось тяжелым воспоминанием. Грехи прошлого не были забыты, но жителям обновленной Земли они представлялись нереальными, и с каждым новым поколением люди все с большим трудом верили, что когда-то давно их предки были готовы совершать эти чудовищные и, несомненно, самоубийственные преступления против собственной планеты. А ныне, когда промышленность в основном была переброшена в космос, а людей, оставшихся на Земле, обслуживали экологически безопасные роботы, в игру вступили естественные восстановительные силы природы, и моря стали опять чистыми, прозрачными, небеса — ясными, на месте грязных, насквозь продымленных городов вновь поднялись зеленые леса.

Когда Эндрю приземлился на взлетно-посадочной площадке «Ю. С. Роботс», его приветствовал робот. У него было пустое, плоское, абсолютно невыразительное лицо с красными фотоэлектрическими глазами. Как было известно Эндрю, едва ли тридцать процентов роботов на Земле были наделены собственным мозгом, а этот, судя по всему, был пустышкой, безмозглой металлической куклой, управляемой неподвижным позитронным мыслящим агрегатом, расположенным где-то в глубинах комплекса «Ю. С. Роботс».

— Я Эндрю Мартин, — сказал Эндрю. — У меня назначена встреча с директором Центра Магдеску.

— Да. Следуйте за мной.

Безжизненный. Безмозглый. Просто машина. *Вещь*.

Робот-привратник быстро провел Эндрю по мощеной тропе, плиты которой сверкали изнутри кристаллическими блестками, к ярко освещенной спирали-аппарели и дальше, в многоуровневое здание, покрытое блестящим переливчатым прозрачным куполом. Эндрю, который мало был знаком с современной архитектурой, сооружение показалось чем-то сказочным — легкое, мерцающее, полное воздуха, какое-то нереальное видение.

Его оставили в просторной овальной комнате, устланной светящимся синтетическим материалом, который, куда бы ни ступила нога Эндрю, откликался нежной, приятной музыкальной мелодией. Он заметил, что, когда он шел по прямой, свет был бледно-розовый, а в мелодии звучали стаккато, а когда он шел параллельно стене, свет становился голубым, а мелодия походила на шорох ветра. Он задумался: имеет ли это какой-то смысл, и решил, что не имеет: просто украшение, декоративная завитушка. Эндрю догадывался, что в нынешнюю

тихую, безмятежную эру подобные прелестные, но совершенно лишенные смысла декоративные приемы были общепринятыми.

— Ах, наконец-то, Эндрю Мартин, — произнес довольно низкий голос.

Небольшого роста коренастый человек появился в комнате, как будто по мановению волшебной палочки возник прямо из светящегося ковра. У незнакомца были темные волосы и темное же лицо, короткая острая бородка, казавшаяся лакированной; согласно моде, выше пояса он носил только перевязь. Тело Эндрю было прикрыто более основательно. Он, как и Джордж Чарни, предпочитал стиль «драпери», считая, что мягко ниспадающие складки одежды надежнее скроют ту некоторую неуклюжесть движений, которая, как он считал, ему присуща, и хотя этот стиль вышел из моды уже несколько десятилетий назад, а Эндрю двигался так же легко и грациозно, как любой человек, он остался верен своей привычке одеваться так.

— Доктор Магдеску? — спросил Эндрю.

— Он самый. Он самый.

Элвин Магдеску держался на расстоянии примерно двух метров от Эндрю и рассматривал его с нескрываемым восторгом, как если бы Эндрю был музейным экспонатом.

— Прелестно! Вы — совершеннейшая прелесть!

— Благодарю вас, — довольно холодно отпарировал Эндрю.

Комплимент Магдеску не был воспринят Эндрю как просто приветствие. Это была безличная похвала, достойная прекрасно сконструированной машины; подобные слова, направленные в его адрес, давно уже не доставляли никакого удовольствия Эндрю.

— Как хорошо, что вы приехали! — восклицал Магдеску. — Как мне хотелось увидеть вас! Но я веду себя невежливо. — И он сделал несколько шагов вперед, то ли кланяясь, то ли подпрыгивая на ходу, пока не оказался нос к носу с Эндрю. Он протянул ему свою руку ладонью вверх, выпрямив все пальцы.

Да. Это была новая форма приветствия, заменившая прежнее рукопожатие, которое так много столетий преобладало на Земле. У Эндрю не было привычки пожимать людям руки, не говоря уж об этом новом жесте. Роботу и в голову не могло прийти обменяться с кем-то рукопожатием. Но Магдеску, по-видимому, ожидал ответного шага, и это его желание поубавило обиду на его первые слова. И поэтому Эндрю сделал то, что, как он понял, от него ожидали, и протянул свою руку. Он держал ее над рукой Магдеску и сгибал свои пальцы до тех пор, пока не коснулся ими кончиков пальцев Магдеску.

От соприкосновения их рук у Эндрю появилось странное чувство — чувство равенства с этим человеком. Странное и довольно тревожное, но в то же время ободряющее.

— Привет вам, привет, привет! — сказал Магдеску. Казалось, его распирает от избытка энергии. «Слишком много энергии», — подумал Эндрю. Но шло это от души. — Замечательный Эндрю Мартин! *Пресловутый* Эндрю Мартин!

— Пресловутый?

— Точно. Самое известное изделие за всю нашу историю. Но, должен признаться, называть изделием нечто столь похожее на живое кажется неприличным. Я вас не оскорбил?

— Как можно? Я и *есть* изделие, — ответил Эндрю не очень любезно. Он заметил, что Магдеску очень непоследователен в своем обращении с ним. То коснулся его руки, как если бы они были деловые партнеры-люди, то тут же называет Эндрю *«изделием»*. И еще определяет его как «похожее на живое». Эндрю не питал иллюзий в отношении себя, он понимал, что он есть то, что он есть — *подобие человека*, а не человек, одним словом — гуманоид. «Как живой», а не «живой». *«Изделие»*, а не личность. Но слышать это от других было неприятно.

— Нет, какое достижение с их стороны! Потрясающе! Потрясающе! Ну, совсем как человек!

— Не совсем, — сказал Эндрю.

— Просто как живой, если хорошенько подумать. Удивительно! Какой позор, что Смайт-Робертсон был так настроен против вас. Вы, так ужасающе похожий на человека, вы же настоящее техническое чудо, а он не дал компании развивать дальше производство таких, как вы, роботов. Если бы сотрудникам нашего Центра разрешили продолжить работу, мы могли бы еще и не такого достичь, совершенствуя вас.

— Вы и в настоящее время можете, — сказал Эндрю.

— Боюсь, что не сможем, — возразил Магдеску, и вся его энергия вдруг куда-то подевалась, будто воздух вышел из проколотого воздушного шарика. Его настроение разительно изменилось. Он отпрянул от Эндрю и зигзагами зашагал по комнате, отчего ковер засветился зеленым цветом в сопровождении странного колокольного перезвона. — Мы упустили время, — мрачно заявил Магдеску. — Эра значительного развития робототехники... забудьте о ней, она превратилась в историю. По меньшей мере здесь, у нас. Что-то около ста пятидесяти лет мы свободно использовали роботов на Земле, но все изменилось. Они возвращаются в космос, а у тех, что остаются здесь, нет мозга.

— Но существую я, и я остаюсь на Земле.

— Да, это правда. Но вы же полнейшая аномалия, робот в себе, единственный робот-андроид. Вы не можете служить прототипом для новой серии. Вы — уникальный экземпляр, который они случайно выпустили вопреки своим намерениям, а создав вас, они потом сделали все зависящее от них, чтобы вы оставались единственным в своем роде. Никакой возможности для дальнейшего развития. Никакого продвижения в мастерстве — ни мастерства, ни продвижения вообще. В вас, собственно, от робота ничего и не осталось, вы слишком далеко шагнули за наши горизонты... Да, кстати, зачем вы приехали сюда?

— Качественно повысить свое устройство, — ответил Эндрю.

Магдеску грубо захохотал:

— Но разве вы не слышали, что я тут говорил сейчас? У нас ничего не делается для развития роботехники! Мы с вами находимся в Исследовательском центре, это так, но исследования наши направлены совершенно не туда, куда следовало бы! Мы упрощаем роботов и стремимся приблизить их к обычной машине, и тут являетесь вы, образец самого совершенного робота из всех когда-либо существовавших и даже тех, что когда-либо будут существовать, и просите нас сделать вас еще лучше. Как можем мы выполнить вашу просьбу? Что в наших силах сделать для вас, сверх того, что уже сделано?

— Вот это, — сказал Эндрю и протянул Магдеску дискету.

Директор Центра смотрел на него с опаской, как будто Эндрю положил ему на ладонь медузу или лягушку.

— Что это? — спросил он наконец.

— Расчеты моего дальнейшего совершенствования.

— Расчеты, — ухмыльнулся Магдеску. — Совершенствования?

— Да. Я хочу стать еще меньше роботом, чем сейчас. Если уж я в некотором смысле органический, я хочу, чтобы и источник энергии у меня был органический. И вы способны обеспечить его мне. Необходимые исследования уже проведены.

— Кем?

— Мной.

— Как, вы сами спроектировали механизм вашего усовершенствования? — Магдеску захихикал, потом рассмеялся, потом загоготал как ненормальный. — Замечательно! Приходит робот и протягивает директору Исследовательского центра расчеты собственного совершенствования! И кто их сделал? Да сам робот и сделал! Замечательно! Потрясающе! Знаете ли, когда я был маленьким мальчиком, моя бабушка часто читала мне книгу, древнюю книгу, о которой, боюсь, теперь уже все позабыли, книгу под названием «Алиса в стране чудес». Это о маленькой девочке, которая жила три или четыре столетия назад, она вслед за кроликом нырнула в нору и очутилась в таком мире, где буквально все вокруг абсурдно, но никто в нем не догадывается об этом, и ко всему абсурду они относятся со всей серьезностью. Нечто подобное происходит тут с нами. Вроде продолжения этой книги. Называется *«Элвин в стране чудес»*. Так оно и есть — разыгрываем ее продолжение. — Магдеску говорил чересчур быстро, исступленно. — Мне что, всерьез предлагается принять это, эти ваши расчеты? Или это шутка?

— Нет. Не шутка.

— Не шутка?

— Отнюдь. Уверяю вас, я абсолютно серьезен. Почему бы вам не прокрутить дискету, доктор Магдеску?

— Действительно. Почему бы мне не прокрутить ее? — Он коснулся кнопки в стене, и откуда-то появился столик со сканирующим аппаратом на нем. Магдеску поспешно вставил диск в щель аппарата, тут же зажегся экран. Появилось в ярко-красном цвете имя Эндрю с длинным списком его патентов. Магдеску кивнул и приказал сканнеру продолжать. Целая серия сложных диаграмм замелькала на экране.

Магдеску стоял неподвижно, со все растущим напряжением, сосредоточенно наблюдая за развертывающимися перед ним картинами. То и дело он что-то бормотал себе под нос, теребя свою бородку. Через некоторое время он взглянул на Эндрю со странным блеском в глазах и сказал:

— Это гениально просто. *Гениально!* Признайтесь, неужели вы сами все это сделали?

— Да.

— Трудно в это поверить!

— Правда? Пожалуйста, постарайтесь.

Магдеску бросил на Эндрю острый, недоверчивый взгляд, тот в ответ посмотрел на него спокойно и уверенно. Директор пожал плечами и приказал сканнеру продолжать. Диаграммы следовали одна за другой. На экране был показан полный цикл обмена веществ. Временами Магдеску возвращал просмотренные кадры, чтобы получше разобраться в них. Наконец он остановил сканнер и сказал:

— В ваших диаграммах не совершенствование вас, а нечто гораздо большее. Это в корне меняет всю вашу биологическую программу.

— Да, я знаю.

— Вот это эксперимент! Уникально. Неслыханно. Ничего подобного никогда не делалось и даже не предлагалось. Но зачем это вам?

— У меня есть на то причины, — сказал Эндрю.

— Но достаточно ли серьезно вы обдумали эти причины, как бы важны они ни были? Мне кажется, нет.

Эндрю, как обычно, крепко держал себя в руках.

— Напротив, — сказал он. — То, что вы увидели, доктор Магдеску, это плод моего многолетнего труда.

— Полагаю, это так. С точки зрения технологии это производит огромное впечатление. Это потрясающий проект, и другого слова, кроме как «блестящий», я для него не найду. Но при всем том я могу назвать вам миллион причин, почему вам не следует подвергать себя этим изменениям, и не сыщу ни одной в их пользу. Рискованное это дело. Поверьте: то, что вы предлагаете проделать над собой, далеко выходит за рамки возможного. Последуйте моему совету — оставайтесь таким, какой вы есть.

Примерно этого ожидал от Магдеску и боялся Эндрю. Но не для того он явился сюда, чтобы отказаться от своих намерений.

— Доктор Магдеску, я верю, что вы желаете мне добра. Во всяком случае, я на это надеюсь. И тем не менее настаиваю, чтобы работа была выполнена.

— *Настаиваете*, Эндрю? — спросил Магдеску.

Он выглядел удивленным, будто только теперь до него дошло, что тот, с кем он вел беседу, был роботом, хотя уже в начале разговора он назвал его «изделием, похожим на живое».

— Да, настаиваю. — Эндрю не знал, отражается ли на его лице то нетерпение, которое он сейчас испытывал, но был уверен, что Магдеску разгадал это по его голосу. — Доктор Магдеску, вы упустили из виду один очень важный пункт. У вас нет выбора, вы должны дать согласие на мое требование.

— Ого?!

— Если изобретенные мною устройства можно будет ввести в мое тело, их можно будет использовать и для тела человека. Тенденция к пролонгированию жизни человека путем протезирования уже существует: искусственно созданные сердца, легкие, почки, заменители печени — великое множество заменителей различных органов используются людьми вот уже два или три столетия. Но далеко не все эти устройства достаточно хороши. Некоторые из них оказались вообще непригодными, а другие нуждаются в значительном усовершенствовании. Это и является моей основной задачей — добиться совершенства протезов. Я говорю о границе между органикой и неорганикой, о соединении, которое обеспечит совместимость искусственных органов с органической материей. Это совершенно новый подход. Ни один из существующих протезов не идет ни в какое

сравнение с теми, которые разработал и продолжаю разрабатывать я.

— Довольно дерзкое заявление, — сказал Магдеску.

— Возможно. Но достаточно обнадеживающее, как вы сами могли убедиться, посмотрев мой проект. А доказательством тому может послужить мое намерение предложить себя в качестве первого подопытного в операции по перестройке механизма обмена веществ, несмотря на весь предполагаемый вами риск.

— Все это доказывает только вашу безрассудную храбрость. А вследствие этого можно утверждать, что у вас не все в порядке с параметрами Третьего Закона.

Эндрю продолжал соблюдать спокойствие.

— Вы вправе так смотреть на вещи. Но вас вводит в заблуждение моя внешность. Параметры Третьего Закона у меня в полном порядке, и, если бы в моем требовании корректировки моего устройства скрывался малейший намек на самоубийство, можете быть уверены, я не только не захотел бы, я был бы просто не способен просить вас выполнить ее. Нет, доктор Магдеску, моя метаболическая камера будет работать. Если вы не сделаете ее и не поместите в мое тело, ее сделают где-нибудь еще.

— Где-нибудь еще? Но кто же, кроме нас, может переделать робота? Наша корпорация контролирует полностью всю технологическую информацию, касающуюся производства роботов!

— Не полностью, — возразил Эндрю. — Неужели вы думаете, я спроектировал это устройство, не имея полного представления о том, как работают мои внутренние органы?

Магдеску был ошеломлен.

— Вы хотите сказать, что готовы создать конкурентную компанию роботехников, если мы откажемся выполнить ваше требование?

— Ни в коем случае. Одной вполне достаточно. Но если вы меня к этому принудите, доктор Магдеску, я организую компанию по производству протезов, таких, как мой преобразователь. И она будет работать не на рынок андроидов, доктор Магдеску, так как на этом рынке есть лишь один экземпляр, а на рынок *человеческий*. И тогда, мне кажется, «Ю. С. Роботс энд Мекэникл Мен» пожалеет, что не согласилась сотрудничать со мной, когда я просил об этом.

Наступило продолжительное молчание. Затем глухим голосом Магдеску произнес:

— Пожалуй, я наконец понял, чего вы добиваетесь.

— Надеюсь. Буду предельно точен, — сказал Эндрю. — Дело в том, что все патенты на это устройство и на целую серию других, которые можно создать на основе этого, главного, я контролирую. Я имею юридическую поддержку фирмы «Файнголд энд Чарни», и так будет продолжаться и дальше. И ни с какими трудностями я не столкнусь при вступлении в собственный бизнес, связанный с серийным производством различных протезов, что в конечном итоге принесет человечеству многие из тех преимуществ, которыми пользуются роботы: возможность продлить жизнь, проводить небольшой ремонт тела человека, без всяких нежелательных последствий. Что, по-вашему, будет с «Ю. С. Роботс» в таком случае?

Магдеску кивнул с мрачным видом.

А Эндрю продолжал:

— Во всяком случае, если вы изготовите то устройство, которое я только что вам показал, и введете его в мой организм и согласитесь и в будущем снабжать меня подобными усовершенствованными протезами по моему требованию, которые я еще, возможно, изобрету, я готов на соглашение по лицензированию вашей компании. Но как говорится — услуга за услугу: мне нужны ваши знания по технологии производства роботов-андроидов, хотя, уверен, я и сам мог бы разработать необходимую технологию, если бы вы вынудили меня сделать это, а вам нужны мои разработки. В соглашении, которое я собираюсь предложить вам, «Юнайтед Стейтс Роботс энд Мекэникл Мен» получит право пользоваться всеми моими патентами, которые не только контролируют новую технологию производства человекоподобных роботов, но и полное протезирование людей... Но, естественно, лицензии вы не получите до тех пор, пока успешно не проведете операцию на мне и пока время не покажет, что успех абсолютно несомненен.

Магдеску с грустью произнес:

— Вы продумали все, не так ли?

— Надеюсь.

— Мне не верится, что вы — робот. Вы же дьявольски агрессивны!

— Неужели, доктор Магдеску?

— Требования, условия, угрозы создать конкурирующую фирму... Бог мой, да неужто запреты Первого Закона не действуют на вас?

Эндрю улыбнулся так широко, как только мог.

— Конечно, действуют, — ответил он. — Но в данном случае я не чувствую никаких запретов Первого Закона. Первый Закон запрещает мне причинять вред человеку, и, уверяю вас, я

так же не способен на это, как не способны вы прямо здесь, на моих глазах, отнять свою левую ногу и тут же приставить ее на место. Но почему в нашем споре вдруг возник Первый Закон? Вы — человек, а я — робот, все так, и я вдруг выдвигаю перед вами ряд жестких условий, которые, как я понимаю, вы интерпретируете как требования и угрозы. Мне же они представляются в совершенно ином свете. Я считаю, что я ничем не угрожаю компании, в которой вы служите. Как раз наоборот — я предлагаю ей величайший шанс из всех, какие у нее были в течение многих лет. Что вы на это скажете, доктор Магдеску?

Магдеску облизал губы, дернул себя за бородку, нервно поправил перевязь на своей голой груди.

— Что ж, — сказал он, — вы должны понимать, мистер Мартин, что принимать такие решения не в моей власти. Совет директоров займется вашим предложением, а не простой служащий, вроде меня. На это потребуется время.

— Сколько времени?

— Затрудняюсь ответить. Все, что вы мне сегодня сказали, я передам им, и они рассмотрят вопрос на одном из своих ежемесячных собраний. Потом, полагаю, они создадут рабочий комитет и т. д. Сколько-то времени на все это понадобится.

— Я готов ждать в разумных пределах, — сказал Эндрю. — Но только в разумных пределах, и судить об этом буду я. Вам следовало бы сказать им об этом.

Он поблагодарил Магдеску за беседу и заявил, что готов вернуться на взлетно-посадочную площадку. А в душе с удовлетворением отметил, что сам Пол не сделал бы все это лучше, чем это удалось ему.

Глава 17

Должно быть, Магдеску очень доходчиво рассказал о предложениях Эндрю Совету директоров, и они осознали неотложность дела. Действительно, через некоторое время — вполне в разумных пределах — Эндрю был поставлен в известность, что корпорация хочет сотрудничать с ним. «ЮСРММ» берется сделать метаболическую камеру и поместить ее в андроидное тело Эндрю за свой счет; и она готова начать переговоры о соглашении по лицензированию как производства, так и распространения всех видов протезов — органов человеческого тела, разработкой которых будет заниматься Эндрю.

Под наблюдением Эндрю на заводе в Северной Калифорнии была сконструирована модель преобразователя обмена веществ и испытана сначала на обычном роботе, затем на вновь созданных андроидных телах, не оснащенных позитронным мозгом и имевших внешние системы жизнеобеспечения.

Результаты произвели сильное впечатление буквально на всех. Эндрю объявил, что он наконец готов к операции по внедрению в его тело нового органа.

— Вы абсолютно уверены в этом? — спросил его Магдеску.

Энергичный директор Центра был явно озабочен. Магдеску и Эндрю, работая над проектом, странным образом подружились, причем довольно основательно, за что Эндрю испытывал чувство благодарности, особенно сейчас, когда не осталось никого из семейства Чарни. После смерти Пола Чарни Эндрю понял, что он нуждается в чем-то вроде чувства привязанности к людям. Он осознал, что не может оставаться в полном одиночестве, что одному ему плохо, хотя не знал, почему именно. Мозг робота был устроен таким образом, что он не нуждался ни в каком общении. И Эндрю часто думал, что он во многом больше человек, чем робот, но при этом прекрасно понимал, что существует в условиях странной неопределенности — не человек, не машина, смесь того и другого.

— Да, — ответил он Магдеску. — У меня нет никаких сомнений, что все пройдет хорошо, работа будет проделана мастерски.

— Я говорю не о нашей части работы, — возразил Магдеску, — а о вашей.

— Неужели вы сомневаетесь, что метаболическая камера будет работать?

— Испытания подтвердили ее работоспособность.

— Тогда в чем...

— Я с самого начала был против операции, Эндрю, вы знаете об этом. Но, боюсь, вы так до конца и не поняли почему.

— Да потому, что вы считаете, что перестройка «Ю. С. Роботс» в связи с переходом на производство моих протезов слишком дорого обойдется компании.

— Вот уж нет, ничего похожего! И близко не лежало! Я всей душой за эксперимент ради того, чтобы и дальше экспериментировать! Уж не думаете ли вы, что я против прогресса в этой нашей треклятой корпорации, где я пережил десятилетия глупейшего скрытого сползания в упрощенчество, вплоть до нынешних безмозглых роботов? Нет, Эндрю, я беспокоюсь о *вас*.

— Но если метаболическая камера...

— Да с ней все в порядке! Все в порядке! И никто в этом не сомневается. Но подумайте, Эндрю... мы вскрываем ваше

тело и вынимаем атомные батарейки, на их место помещаем нечто кардинально отличное, новое устройство и начинаем подсоединять его к вашей позитронной системе. Что, если во время этой операции с вашим телом что-то случится? Такая возможность всегда существует — пусть крошечная, но она есть. Вы уже не тот позитронный мозг, который в свое время поместили в металлический корпус. Ваш мозг связан с вашим андроидным обиталищем гораздо более сложным образом. Я знаю, как они должны будут проводить операцию по пересадке: они должны соединить ваши позитронные связи с искусственными нейронами. А вдруг прямо на операционном столе ваше тело начнет плохо функционировать? Или вдруг вообще перестанет функционировать?

— *Умрет*, вы хотите сказать?

— Да, умрет, начнет умирать.

— Рядом на столе будет находиться запасное андроидное тело.

— А если мы не сумеем вовремя переключиться на него? Если вашему позитронному мозгу будет нанесен невосполнимый урон, пока мы будем освобождать его от миллиона соединений, введенных в него еще при Смайт-Робертсоне, и переносить его в запасное тело? Вы — это ваш позитронный мозг, Эндрю. Восстановить мозг — позитронный он или иной какой-нибудь — невозможно. Если в нем что-то повреждено, то это уже навсегда. Если повреждение превысит допустимую грань, вы будете мертвы.

— И вы колеблетесь насчет операции именно поэтому?

— Вы же единственный в своем роде, другого такого нет. И мне ненавистна сама мысль, что я могу потерять вас.

— Но и мне эта мысль ненавистна, Элвин. Но, надеюсь, ничего подобного не случится.

Магдеску побледнел:

— Значит, вы настаиваете на операции?

— Настаиваю. Я безгранично верю в мастерство сотрудников «Ю. С. Роботс».

На этом спор закончился. Магдеску не удалось отговорить его, и Эндрю снова отправился на Восток в Исследовательский центр «Ю. С. Роботс», где уже целое здание было приспособлено под операционную.

Как-то днем перед отъездом он совершил длинную прогулку вдоль побережья под крутыми высокими, массивными скалами, мимо многочисленных луж, образованных прибоем, в которых Маленькая Мисс и Мисс так любили играть в детстве, и долго стоял, уставившись неподвижным взглядом в бурное, темное

море, в простор небосвода, в белые облачка, собравшиеся в темные тучи на западе.

Наступило время заката. Золотая дорожка пролегла по воде. Как это было прекрасно! Какое чудное место этот мир, подумал Эндрю. Море, небо, закат, глянцевые под сверкающими каплями росы листья — все было прекрасно. Все!

Возможно, подумал Эндрю, он единственный робот, способный откликнуться на красоту окружающего мира. Роботы в целом скучный трудолюбивый народ. Они делают свое дело, и все. Такими уж они созданы. Этого от них хотят.

«Вы же единственный в своем роде, другого такого нет», — сказал Магдеску. И был, пожалуй, прав. Такого эстетического восприятия, как у него, не было ни у одного другого робота. Красота трогала его. Он наслаждался ею. Он сам ее создавал.

И не увидеть больше всего этого — как было бы жаль!

Но Эндрю тут же посмеялся над своей глупостью. Жаль? Кого? Если операция пройдет неудачно, он никогда об этом и не узнает. Этот мир и его красота будут потеряны для него, но кому до этого дело? Он прекратит свое существование, станет ни к чему не пригодным. Он будет *мертв*, а после этого что ему до того, что он не будет ощущать всех прелестей этого мира? Это и означало смерть: прекращение всякой деятельности, всех процессов в организме.

Риск, конечно, был. Но он должен был пойти на риск, потому что иначе...

Иначе...

Какое там *иначе*! *Он просто был обязан пойти* на это. Он больше не мог оставаться таким: внешне более или менее человеком, а функций человека — дыхания, приема пищи, обмена веществ, экскреции — лишенным.

Через час Эндрю был уже в пути. Элвин Магдеску, собственной персоной, встречал его на посадочной площадке «Ю. С. Роботс».

— Вы готовы? — спросил он Эндрю.

— Вполне.

— Тогда ладно, тогда и я готов.

Фирма явно не рассчитывала на авось. Они соорудили чудесный операционный театр, оснащенный куда лучше, чем то помещение, в котором производили пересадку его мозга из металлического корпуса в андроидное тело.

Великолепное помещение в форме тетраэдра освещалось сверху крестовидным пучком хромовых светильников сильным, но неярким сиянием. Из одной стены выступала платформа как раз посредине между полом и потолком, делившая зал

почти пополам, а на ней размещалась блестящая прозрачная стерильная сфера, предназначенная для операции. Под платформой с расположенной на ней операционной находились приборы, обеспечивавшие постоянство температуры, влажности, стерильности в операционной: огромный темно-зеленый куб содержал в себе различные насосы, трубы подогрева, резервуары со стерилизаторами, увлажнители и другие аппараты. На другой стороне зала целую стену занимало огромное множество приборов, микрофон, камера и соединенные с ней экраны для трансляции происходящего, чтобы хирурги-консультанты, находящиеся вне операционной, могли контролировать операцию.

— Как вам нравится? — с гордостью спросил Магдеску.

— Производит глубокое впечатление. Очень обнадеживает. И льстит самолюбию.

— Вы же знаете, Эндрю, мы не хотим потерять вас. Вы очень важный... индивидуум.

Эндрю не мог не заметить сомнений в голосе Магдеску перед тем, как он произнес последнее слово. Казалось, Магдеску уже готов был произнести слово *«человек»*, но вовремя поправился. Эндрю слегка улыбнулся, но не произнес ни слова.

Операцию провели на следующее утро, успех был безоговорочный. Не потребовалось ничего из реанимационной аппаратуры, установленной работниками «Ю. С. Роботс». Команда хирургов, строго следуя изобретенным самим Эндрю процедурам, очень быстро справилась с задачей отторжения атомных элементов, установила на их место метаболическую камеру, подключила новые нервные связи и проделала всю эту тщательно отрепетированную работу без сучка без задоринки.

Через полчаса после операции Эндрю уже сидел, исследуя свои позитронные параметры, анализируя захлестнувший его мозг поток данных о его новой системе обмена веществ.

Магдеску стоял у окна и смотрел на него.

— Как вы себя чувствуете?

— Прекрасно. Я же говорил, что все обойдется.

— Да, да.

— Как я уже говорил, моя вера в мастерство работников Центра непоколебима. И теперь, когда все позади, я имею возможность есть.

— Конечно. Во всяком случае, можете глотнуть оливкового масла.

— Вот так еда! Мне говорили, что оливковое масло имеет замечательный вкус.

— Пейте его, сколько хотите. Конечно, периодически будет нужно делать очищение метаболической камеры, как вам известно. Досадная необходимость, я бы сказал, но неизбежная.

— Досадная необходимость, но только в настоящее время, — сказал Эндрю, — можно ведь сделать метаболическую камеру самоочищающейся. У меня уже есть некоторые идеи на этот счет. И еще кое о чем.

— Еще кое о чем? — воскликнул Магдеску. — О чем же?

— О модификации для питания твердой пищей.

— Но в твердой пище есть элементы, не поддающиеся расщеплению, Эндрю, неудобоваримые ингредиенты, их надо выбрасывать из организма.

— Мне это известно.

— Тогда вам придется обзавестись анусом.

— Его эквивалентом.

— Эквивалентом, конечно... Что еще собираетесь вы проделать с собой, Эндрю?

— Все.

— *Все?*

— Все, Элвин.

Элвин подергал себя за бородку и приподнял одну бровь:

— И половые органы тоже?

— А почему бы нет, Элвин, а?

— Но не собираетесь же вы каким-то образом приспособить себя к самовоспроизводству. Это просто невозможно, Эндрю.

Эндрю чуть заметно улыбнулся:

— Насколько мне известно, люди пользуются половыми органами не только для того, чтобы воспроизводить свой род, порой они ни в малейшей степени не заинтересованы в этом. А для самовоспроизводства они практически используют их один раз или два за всю свою жизнь в лучшем случае, а остальное время...

— Да, — сказал Магдеску, — знаю.

— Поймите меня правильно, — продолжал Эндрю, — я не собираюсь вступать в половые сношения с кем-либо. Сомневаюсь, чтобы я захотел этого. Но у меня должны быть все анатомические признаки человека. Я рассматриваю свое тело как канву, по которой я намерен вышивать...

Он не закончил фразу.

Магдеску смотрел на него в ожидании следующего слова. Поняв, что продолжения не последует, он сам закончил его мысль, и на этот раз он произнес то слово, которое за день до операции не мог выдавить из себя.

— Человека, Эндрю?

— Да, человека. Может быть.

Магдеску сказал:

— Вы разочаровываете меня. Это такая жалкая цель. Вы сами, Эндрю, лучше любого человека. Вы совершеннее во всех отношениях. Ваше тело, такое, как оно есть, не подвержено заболеваниям, само поддерживает в себе жизнь, само восстанавливается, оно почти неуязвимо, это сказочный образец биологической инженерии. Ни в каких улучшениях оно не нуждается. Но нет, вам почему-то хочется принимать совершенно бесполезную пищу и затем найти способ испражняться, вам зачем-то понадобились половые органы, хотя вы не способны к продолжению рода и вас не интересует секс. А потом вы пожелаете, чтобы ваше тело пахло, чтобы зубы портились... — Он горестно покачал головой. — Не знаю, Эндрю. Мне кажется, вы стали многое терять с тех пор, как погнались за органической жизнью

— Мой мозг от этого ничуть не пострадал.

— Да, с ним ничего не случилось. Тут я согласен с вами. Но где гарантия, что новые корректировки не повлекут за собой ужасных последствий, как только мы начнем активное вмешательство? Зачем дразнить судьбу? Слишком велика будет плата за ваши совсем незначительные победы.

— Элвин, вы просто не способны взглянуть на это моими глазами.

— Да, скорее всего не способен. Я ведь человек из плоти и крови, и мне не дано восторгаться тем, что я потею, испражняюсь, страдаю от кожных заболеваний и от головных болей. У меня вот бородка, видите? Я ее ношу, потому что каждый Божий день на моем лице вырастают волосы — бесполезные, противные, безобразные волосы, какой-то пережиток человеческой эволюции, Бог знает из какой первобытной эпохи, и передо мной всегда стоит выбор: или с тоской каждый день освобождаться от них, отдавая дань общепринятым требованиям опрятности, или позволить им расти по крайней мере на некоторых частях своего лица, чтобы избавиться от обузы каждодневного бритья. Так что — вам этого не хватает? Волос на вашей физиономии? Щетины, да, Эндрю? Уж не намерены ли вы посвятить свою феноменальную изобретательность в области техники созданию собственной тени?

— Вы ничего не понимаете, — сказал Эндрю.

— Вы это твердите мне без конца. Однако я понимаю вот что: вы создадите патентованное производство различных протезов, что приведет к взрыву в технологии. Чрезвычайно возрастет продолжительность жизни, изменится и сама жизнь

миллионов людей, которые в ином случае подверглись бы уродству, беспомощности старости. Я знаю, что вы и сейчас в деньгах не нуждаетесь, но как только ваши изделия попадут на рынок, вы станете сказочно богаты. Возможно, сами деньги не так прельщают вас, но вместе с ними придет слава, обилие наград, благодарность всего человечества. Завидное положение, Эндрю. Почему бы вам не остановиться на том, что вы уже имеете? Зачем так испытывать судьбу, рискуя потерять все? Откуда такая настойчивость в бесконечных играх с собственным телом?

Эндрю ничего не ответил. Но увещевания Магдеску не заставили его свернуть с избранного пути. Создав основные принципы протезирования, он мог изготовить множество новых приспособлений, которые могли заменить любой человеческий орган. И как и предсказывал Магдеску, на Эндрю буквально посыпались деньги, слава, почести.

Что же касается предупреждения Магдеску о риске, которому подвергает себя Эндрю, — оно не оправдалось. В последующие десятилетия Эндрю не раз подвергался различным операциям, но ни одна из них не нанесла ему никакого вреда, но его андроидное тело все больше приближалось по своим характеристикам к человеческим нормам.

Фирма «Файнголд энд Чарни» помогла ему провести переговоры и заключить соглашение по лицензированию, согласно которому «Ю. С. Роботс энд Мекэникл Мен» производила и продавала разработанные «Лабораториями Эндрю Мартина» патентованные протезы и выплачивала ему соответствующие гонорары. Патенты давали Эндрю исключительные права, в результате чего заключенный с корпорацией контракт был очень выгоден для него. Если раньше само существование Эндрю Мартина вызывало протест и раздражение у руководства «Ю. С. Роботс», теперь это было забыто или, по крайней мере, отложено в сторону. Волей-неволей им приходилось относиться к нему с уважением. Он и компания теперь были партнерами.

«Ю. С. Роботс» построила специальные комплексы для производства изобретенных Эндрю протезов, ее заводы располагались на нескольких континентах и на ближайших к Земле орбитах в космосе. Были приглашены эксперты по маркетингу, чтобы спланировать распространение новой продукции везде — и на Земле, и в космических поселениях. Хирурги — как люди, так и роботы — прошли специальные курсы при протезных заводах «Ю. С. Роботс», их учили там сложным операциям по имплантации протезов.

Спрос на продукцию Эндрю был колоссальный. С самого начала поток гонораров был очень велик, а через несколько лет буквально захлестнул его.

Эндрю теперь владел всем имением Мартинов-Чарни вместе с большей частью прилегающих к нему земель, — прекрасной территорией на холмах, откуда открывался вид на Тихий океан на восемь—десять километров вширь. Он жил в большом доме Сэра, но свой старенький коттедж содержал в порядке — дань сентиментальным воспоминаниям о первых днях независимой жизни в качестве свободного робота.

Чуть в стороне от поместья он построил солидные корпуса «Лабораторий Эндрю Мартина». У него возникали трения с местными властями по поводу строительства, потому что район рассматривался как жилой, а Эндрю замышлял свой исследовательский центр в размерах университетского городка. Возможно, играли свою роль и антироботовские настроения среди оппозиции.

Но когда его прошение было поставлено на обсуждение, его адвокат просто сказал:

— Эндрю Мартин подарил миру протезы почек, сердца, легких, поджелудочной железы. Взамен он просит у вас права продолжать свои работы, оставаясь в своих владениях в мире и покое, поместье, где он живет и трудится вот уже больше ста лет. Кто сможет отказать в столь ничтожной просьбе, с которой к вам обращается величайший благодетель человечества?

После непродолжительных дебатов местные власти дали «добро», и среди темных кипарисов и сосен, там, где когда-то было имение Джералда Мартина, стали подниматься здания исследовательского центра «Лаборатории Эндрю Мартина».

Каждые год или два Эндрю возвращался в операционный зал «Ю. С. Роботс», чтобы внести очередные усовершенствования в свой организм. Некоторые из них были весьма незначительными: новые ногти, например, на ногах и на руках, практически неотличимые от человеческих. Но бывали изменения и позначительнее: новый орган зрения, синтетический по своей природе, тем не менее почти во всех деталях повторяющий глазное яблоко человека.

— Не кляните нас, если выйдете отсюда слепым навсегда, — мрачно предупреждал его Магдеску, когда Эндрю приехал для трансплантации глаз.

— Вы не все взвесили, друг мой, — возразил ему Эндрю. — Худшее, что может случиться со мной, — это необходимость вновь вернуться к фотооптическим камерам. Что бы там ни было, я не рискую потерять зрение.

— Ладно уж, — сказал Магдеску и пожал плечами.

И, естественно, Эндрю был прав. Никто уже больше не оставался навеки слепым. Но искусственные глаза могли быть разных типов: фотооптические камеры, которые составляли часть андроидного тела Эндрю, и новые, синтетические, созданные в «Лабораториях Эндрю Мартина». То, что в течение жизни целого поколения пожилые люди соглашались пользоваться фотооптическими камерами, не имело значения для Эндрю. Они выглядели неестественно, не по-человечески. Ему всегда хотелось иметь настоящие глаза, и теперь он их получил.

Со временем Магдеску перестал ему возражать. Он наконец понял, что Эндрю суждено всегда идти своим путем и нет никакого смысла вмешиваться в планы Эндрю по использованию им все новых протезов для самосовершенствования. Кроме того, Магдеску заметно постарел, и его запальчивость и рвение, так характерные для него в первое время его знакомства с Эндрю, постепенно угасали. И он сам перенес серьезные операции — ему заменили на протезы сначала почки, а потом печень. Скоро наступит пора уйти на пенсию. А потом, через десять—пятнадцать лет, он умрет, говорил себе Эндрю. Уйдет еще один друг, его унесет безжалостная река времени.

Но у самого Эндрю никаких признаков старения не появлялось. Его это даже тревожило какое-то время, и он обсуждал вопрос о том, чтобы с помощью косметики нанести морщинки на лицо — например «гусиные лапки» возле глаз и немного седины. Но, хорошенько подумав, решил, что это было бы просто глупым манерничанием. Совсем другое дело — регулярные изменения в его теле: они нужны были для того, чтобы освободиться от существенных черт робота и по возможности приблизить к человеческому свое физическое состояние. Он не отрицал, что это стало целью его существования, но какой смысл быть человеком в большей степени, чем сам человек. И он понял, что придавать внешние признаки старения его все более человеческому, но все еще андроидному нестареющему телу было бы занятием бессмысленным и глупым.

Не суетность стала причиной такого решения Эндрю — простая логика. Он хорошо знал, что люди делают все возможное, чтобы скрыть следы наступающей старости. Эндрю стало ясно, что смешно, обладая нестареющим телом андроида, намеренно изменить своей природе и придать телу возрастные признаки.

Так он и остался вечно молодым. И никогда не ослабевали его энергия, его силы — он постоянно заботился о поддержании своего тела в полном порядке. Но годы шли, годы летели. Приближалась сто пятидесятая годовщина его появления на свет.

К этому времени Эндрю был не только сказочно богат, но, как предсказывал Элвин Магдеску, и осыпан почестями. Научные общества наперегонки предлагали ему почетные звания и награды; особенно отличалось одно, то, которое посвятило себя новой науке, созданной им робобиологии, как он называл ее, или протезологией — в их интерпретации. Его назначили пожизненным почетным президентом этого общества. Университеты соревновались между собой в присуждении ему ученых степеней. В его доме целая комната — та самая, наверху, где пять поколений назад была его мастерская, — была отдана под мириады дипломов, медалей, адресов, под тома приветственных посланий и другие атрибуты всемирного признания Эндрю величайшим благодетелем человечества.

Желающих выразить свое восхищение вкладом Эндрю стало такое множество, что ему понадобился секретарь, чтобы регистрировать все приглашения на приемы в его честь и принимать награды и степени. Он редко посещал эти церемонии, но его отказы всегда были предельно вежливы, он объяснял их своей занятостью, невозможностью пускаться в долгие и обременительные путешествия. В действительности же большая часть обязанностей, связанных с этим положением, раздражала его, наскучила ему.

Первая почетная степень, присужденная ему одним из крупных университетов, взволновала его и принесла чувство удовлетворения. Не существовало еще ни одного робота, удостоенного такой чести.

Но с появлением пятой, сотой почетной степени они потеряли всякое значение для него. Они больше говорили о дающем, чем о том, кому предназначались. Давным-давно Эндрю разобрался в том, что ему удалось сделать благодаря своему разуму и творческим способностям, и теперь ему хотелось только продолжать начатое в тишине и покое, без всех этих речей в его честь и длинных путешествий. Почести стали для него лишними.

Скука и раздражение были чувствами чисто человеческими, это было известно Эндрю, но последние двадцать или тридцать лет он сам начал испытывать их. Насколько он помнил, раньше от подобных огорчений он был свободен, хотя с самого начала был в нем не свойственный роботам элемент беспокойства, которое в течение долгого времени он предпочитал не замечать. А вот новая для него раздражительность... он предположил, что она появилась в результате обновления его тела. Она не тревожила его, по крайней мере пока.

Когда наступил сто пятидесятый день его рождения и из «Ю. С. Роботс» сообщили, что собираются устроить грандиозный банкет в его честь, Эндрю с досадой в голосе велел своему секретарю отослать приглашение назад.

— Скажите им, что я глубоко тронут и т. д. и т. п., как обычно. И что именно сейчас я занят очень сложным проектом и т. д. и т. п., и еще — что совсем не по мне вся эта шумиха вокруг моего юбилея, но я все равно всем им весьма благодарен, понимаю всю важность мероприятия — и прочее, и прочее, и прочее.

Обычно такого письма хватало, чтобы освободиться от настойчивого приглашения. Но не на этот раз.

Позвонил Элвин Магдеску и сказал:

— Но, Эндрю, вы не можете так поступить.

— Что не могу?

— Плюнуть в лицо «ЮСРММ», отказавшись от приглашения на обед в вашу честь.

— Но, Элвин, я не хочу этого банкета.

— Понимаю. Но вам все равно придется пройти через это испытание. Хоть изредка вы должны вылезать из вашей лаборатории и выслушивать скучные речи о том, какой вы замечательный.

— Мне вполне хватило того, что я получил за последние десятилетия, спасибо.

— Ну, пусть будет еще раз. Вы же не хотите обидеть меня, Эндрю?

— Вас? А вы тут при чем? Какое отношение все это имеет к вам?

Магдеску к этому времени было уже девяносто четыре года, шесть лет назад он ушел на пенсию.

— А такое, — с горечью сказал Магдеску. — Я как раз и предложил устроить банкет. Это возможность проявить мою любовь к вам, проклятой куче металлолома, и одновременно выразить вам благодарность за весь этот фантастический набор протезов Эндрю Мартина, которые и *меня* сделали в некотором роде ходячей кучей металлолома и продлили мою жизнь вплоть до сегодняшнего дня. Я собирался быть распорядителем церемонии, главным тамадой. Эндрю, вы не можете отказаться, иначе вы выставите меня таким глупцом! Вы — лучшее из всего, что было произведено в «Ю. С. Роботс энд Мекэникл Мен», и вы отказываетесь пожертвовать одним-единственным своим вечером, чтобы услышать своими ушами признание этого факта и доставить старому другу капельку наслаждения — всего лишь одну каплю, Эндрю.

Магдеску умолк. Его постаревшее лицо с поседевшей бородкой грустно взирало на Эндрю с экрана.

— Ну ладно... — сконфуженно сказал Эндрю.

И он дал согласие пойти на торжественный обед. Зафрахтованный компанией «Ю. С. Роботс» шикарный флиттер прилетел, взял его на борт и доставил в главное управление корпорации. В огромном зале Большого роботехнического комплекса, отделанном деревянными панелями, собралось по меньшей мере триста человек, все в неудобных старомодных одеждах, которые все еще считались единственно подобающими по случаю подобных грандиозных событий.

И событие это было-таки грандиозным. Присутствовали с полдюжины членов регионального Законодательного собрания, один юрист из Всемирного суда, пять или шесть лауреатов Нобелевской премии и, конечно, целое скопище Робертсонов, Смайтов и Смайт-Робертсонов, и большой набор сановников и знаменитостей всех видов и мастей со всего мира.

— Ну вот и вы, — сказал Магдеску. — Я не был уверен до последней минуты.

Эндрю был потрясен, увидев, каким хрупким и ссутулившимся стал Магдеску, каким он выглядел хилым и изнуренным. Но в его глазах сохранился блеск прежнего задора.

— Знаете, я не смог устоять, — сказал ему Эндрю. — Правда, не смог.

— Я рад, Эндрю. Вы хорошо выглядите.

— И вы тоже, Элвин.

Магдеску грустно улыбнулся:

— В вас все больше и больше человеческого, вы не замечаете? Вы лжете совсем как мы. Как вы непринужденно заливаете, Эндрю! И при этом никаких колебаний!

— Нет таких законов, которые запрещали бы роботу лгать человеку, — сказал Эндрю. — Разве что эта ложь могла бы повредить человеку. Но на мой взгляд, Элвин, вы действительно хорошо выглядите.

— Вы хотите сказать — для человека моего возраста.

— Да, пожалуй, мне следовало сказать «для человека вашего возраста». Если вы настаиваете на точности моих выражений.

В речах, как обычно, прозвучали помпезные выражения восторга и удивления по поводу его многочисленных достижений. Ораторы следовали один за другим, все они казались Эндрю скучными и тяжеловесными, даже те, в чьих выступлениях были и ум и изящество. По стилю выступления отличались одно от другого, но содержание повторялось. Все это Эндрю слышал много-много раз.

Но в каждом выступлении был один, не высказанный вслух подтекст: покровительственное отношение к *роботу*, который так много преуспел в создании удивительных вещей, просто чудо, что он, просто механическая конструкция, оказался способным к творчеству, к мышлению, к воплощению своих замыслов в столь необычайные устройства. В этом наверняка была своя правда, но Эндрю болезненно воспринимал ее и не знал, как от этого избавиться.

Последним должен был говорить Магдеску.

Торжества продолжались уже довольно долго, и Магдеску выглядел бледным и усталым, когда поднялся со своего стула. И Эндрю, сидевший рядом с ним, видел, как он высоко задрал голову, стараясь собраться с силами, как развернул плечи, наполняя воздухом легкие — легкие-протезы из его, Эндрю Мартина, лаборатории.

— Друзья мои, не буду повторяться, чтобы не отнимать лишнего времени у вас. Все мы хорошо знаем, что сделал Эндрю Мартин для человечества. Многие из нас сами воспользовались плодами его труда; я знаю, что вы, сидящие сейчас передо мной, в большинстве своем пользуетесь протезами Эндрю Мартина. В том числе и я. Но еще я хочу сказать, каким большим счастьем и честью для меня была совместная работа с Эндрю с самых первых дней протезологии, хотя я играл весьма скромную роль в создании тех конструкций, которые сегодня имеют такое огромное значение для нашей жизни. И я хочу, чтобы все поняли, что, если бы не Эндрю Мартин, меня бы здесь не было. Я умер бы пятнадцать или двадцать лет назад, впрочем, как и многие из вас, если бы не он и не его удивительные изобретения.

Поэтому, друзья, разрешите провозгласить тост. Поднимем бокалы все вместе и выпьем это замечательное вино в честь замечательного индивидуума, который внес в медицинскую науку такие великие изменения и которому сейчас исполняется сто пятьдесят лет, знаменательный, внушительный возраст... Выпьем же, друзья, за полуторастолетнего робота!

Эндрю никогда не удавалось понять пристрастие к вину или ощутить, в чем его прелесть, но с тех пор, как у него появилась метаболическая камера и другие органы, физиологически, по крайней мере, он мог пить вино. Так что, когда Элвин Магдеску повернулся к нему с сияющими от нахлынувших чувств глазами, с пылающими щеками и с поднятым вверх бокалом, Эндрю в ответ поднял свой бокал и выпил несколькими глотками содержавшийся в нем напиток.

Но на самом деле во всем этом для него было мало радости. Весь этот вечер он просидел с серьезно-безучастным видом, хотя мышцы его лица давно были приспособлены для выражения самых разных чувств, и даже в этот самый торжественный момент с трудом выдавил из себя нечто вроде улыбки. Магдеску хотел сделать приятное для него, но его слова больно задели Эндрю. Ему совсем не хотелось быть полуторастолетним роботом.

Глава 18

Ради протезологии Эндрю наконец покинул Землю. Раньше у него не было желания совершать космические путешествия, да и по Земле он далеко не ездил. Но Земля теперь уже не была центром человеческой цивилизации, и все новшества и главные события происходили во внеземных колониях, особенно на Луне, которая стала больше похожа на Землю, чем сама Земля, кроме разве гравитации. Внутрилунный мир, который начинался с обычных, неотделанных укрытий-пещер в двадцать первом веке, к этому времени превратился в роскошные, ярко освещенные города, густо населенные и быстро растущие. Обитатели Луны, как и все люди повсеместно, нуждались в протезах. Никого больше не устраивали традиционные «семьдесят лет жизни»*, и, если какие-то органы изнашивались, было обычным делом заменять их на протезы.

Но низкая гравитация на Луне, хотя и благоприятная в каких-то отношениях для живущих там людей, порождала массу проблем для хирургов, занимающихся протезированием. Конструкции, обеспечивающие кровоток, или поступление гормонов, или выделение желудочного сока, или другие жизненно важные функции, хорошо действующие в условиях земной гравитации, на Луне с ее притяжением в одну шестую земного не могли работать надежно. Возникли проблемы и с пределом прочности, и с продолжительностью срока службы, и с неполадками в обратной связи.

Многие годы протезисты с Луны упрашивали Эндрю приехать на Луну и самому заняться проблемами адаптации, с которыми они бились уже много времени. И отдел маркетинга «Ю. С. Роботс» на Луне не раз обращался к нему с той же просьбой.

---

* В Библии — нормальная продолжительность человеческой жизни *(Здесь и далее примеч. пер.)*

Ему дважды предлагали поездку, ссылаясь при этом на определенные пункты соглашения с ним, но Эндрю отвечал на предложения, — а это были именно *предложения*, а не приказ, — холодным, решительным отказом, и третьей попытки со стороны корпорации не последовало.

Но доктора с Луны продолжали осыпать его просьбами о помощи. Эндрю все откладывал поездку, пока вдруг сам не задался вопросом: «А почему бы не поехать? Какая необходимость оставаться все время на Земле?»

Там явно нуждались в нем. Никто не отдавал ему приказа отправляться в путь — да теперь никто не осмелился бы приказывать ему, — но он не мог забыть, что попал в этот мир с одним назначением — служить людям; при этом нигде не оговаривалось, что это должны быть люди Земли. Значит, быть посему, решил Эндрю.

Не прошло и часу, как на Луну пошло сообщение о его согласии принять приглашение.

Холодным, дождливым осенним днем Эндрю на флиттере добрался до Сан-Франциско, откуда — подземным туннелем на Западный космодром в районе Невады. Прежде он никогда не ездил подземкой. За последние пятьдесят лет ядерные буровые механизмы проложили в глубоко залегающих скальных породах континента целую сеть широких туннелей, и теперь скоростные поезда, двигаясь по бесшумным, безынерционным колеям, позволяли быстро и просто совершать путешествия на большие расстояния, а на поверхности Земли все вернулось в первозданное состояние. Эндрю показалось, что он очутился на космодроме в Неваде почти сразу после того, как сел в поезд в Сан-Франциско.

Теперь наконец-то в космос. На Луну.

На каждом очередном этапе посадочной процедуры с ним обращались как с прекрасной и очень хрупкой фарфоровой вазой. Важные чины из «Ю. С. Роботс» суетились вокруг него, стараясь помочь во всех мелочах, связанных с проверкой и разрешением на полет.

Их удивил ничтожный багаж Эндрю — всего небольшая сумка с двумя сменами одежды и несколькими голографокубами для чтения в пути, а ведь ему предстояло пробыть на Луне от трех месяцев до года. Но Эндрю просто пожал плечами и сказал, что никогда не брал в путешествия кучу всяких принадлежностей — у него не было никакой нужды в этом. Так оно в действительности и было, только прежние путешествия занимали у него всего несколько дней.

Он должен был пройти тщательную санобработку до посадки на корабль. «Как вы понимаете, на Луне очень строгие правила, — объяснил ему служащий космодрома, пока Эндрю читал длинный список процедур, которым должны подвергнуться все отбывающие пассажиры. — Видите ли, они живут в такой изоляции от всех наших микробов, что боятся эпидемии, если к ним занесут что-нибудь земное, такое, с чем их системы не способны справиться».

Эндрю не счел нужным объяснять, что его андроидное тело не подвержено никаким инфекциям, невосприимчиво ни к каким микроорганизмам. Служащий космодрома отлично знал, конечно, что Эндрю — робот; в его документах при оформлении полета было указано и то, что он робот, и его серийный номер, и все прочее. И не требовалось особого ума, чтобы понять, что роботы, даже андроиды, никак не могут быть переносчиками инфекции.

Но чиновник был бюрократом до мозга костей, и в его обязанности входило следить за тем, чтобы каждый, отправляющийся на Луну, подвергся полной и всесторонней дезинфекции, вне зависимости от того, способно или не способно данное существо быть инфицированным.

Эндрю имел достаточно большой опыт общения с этой частью человечества и знал, что все его возражения будут пустым звуком. И он спокойно, терпеливо дал проделать над собой все эти дурацкие процедуры. Никакого вреда от них не было, а избежать долгих, скучных препирательств с бюрократами они помогли. И, кроме того, он ощущал нечто вроде извращенного удовлетворения от того, что с ним обращались так же, как со всеми.

И вот наконец он на борту корабля.

К нему подошел стюард, чтобы проверить, все ли в порядке с привязными антиперегрузочными ремнями, и протянул ему брошюру о том, что он будет ощущать во время полета — за последние два дня подобные брошюры ему вручали уже в четвертый раз.

Она была составлена так, чтобы вселять уверенность. Небольшой стресс вы переживете в минуты первоначального ускорения, говорилось в ней, но ничего страшного не случится. Когда корабль начнет свободный полет, включатся механизмы, контролирующие гравитацию, они компенсируют нулевое притяжение, так что пассажиры не испытают ощущения свободного падения (если они этого не захотят, в противном случае их ждут в комнате невесомости в кормовой части корабля). В продолжение всего путешествия искусственная сила тяготения на

кораблe будет постоянно, но понемногу уменьшаться, и к моменту прибытия к месту назначения пассажиры успеют привыкнуть к меньшей силе тяжести, которую им предстоит испытывать в период их пребывания на Луне. И так далее, и так далее — советы, как принимать пищу, какие делать упражнения и все прочее — поток бесцветной, успокаивающей информации.

Эндрю просмотрел брошюру одним махом. Его андроидное тело способно было переносить гораздо большие гравитационные нагрузки, чем земное тяготение, и это было сделано не по его просьбе — просто для дизайнеров было намного легче сразу вводить в организм всякие новшества, которые превосходили нормальные человеческие возможности. Как и когда принимать пищу на борту корабля, что у них в меню — все это было абсолютно безразлично для него. То же и с физическими упражнениями. Эндрю нередко получал истинное удовольствие от прогулок быстрым шагом по побережью или от променадов по окружающим поместье лесам, но в регулярных упражнениях для поддержания формы он не нуждался.

Путешествие, таким образом, оказалось для него чем-то вроде сидения в зале ожидания. Никаких проблем с адаптацией к космическому полету не должно было быть; их и не оказалось. Корабль легко оторвался от эстакады, очень скоро атмосфера Земли осталась далеко позади; корабль мягко вошел в темную пустоту космоса и взял свой обычный курс на Луну. Давно уже путешествие в космосе перестало волновать даже тех, кто впервые совершал его, в те дни это было уже делом привычным, впрочем, как того всегда желало большинство людей.

Единственное, что взволновало Эндрю в этом путешествии, — это вид из обзорного окна. Его керамические позвонки содрогнулись, кровь сильнее и быстрее запульсировала в его синтетических артериях, волнение вызвало покалывание в кончиках его искусственных пальцев.

Отсюда, из космоса, Земля показалась ему особенно прекрасной: изумительный голубой диск с белыми полосами облаков. Очертания континентов оказались на удивление размытыми — Эндрю ожидал увидеть их четко очерченными, как на глобусе, а они едва обозначились; на таком удалении особую красоту Земле придавали необычайные завихрения атмосферных облаков над широчайшими просторами морей. И было также странно и поразительно обозревать всю планету целиком: корабль с такой огромной скоростью удалялся от нее, что Земля была видна вся целиком — голубой вращающийся шар, все уменьшающийся на фоне черного, блистающего звездами космоса.

Эндрю ощутил властное желание вырезать медальон с изображением всего того, что он видел: маленькую Землю, затерянную среди гигантских просторов космоса. Можно было бы сделать инкрустации из дерева темных и светлых пород, чтобы отобразить контраст между морем и скоплением облаков, рассуждал он про себя. Он улыбался этим мыслям, потому что впервые за многие годы вспомнил о резьбе по дереву.

Потом была Луна, сверкающая белизной, ее покрытое шрамами лицо становилось все больше. Ее красота — совсем другого рода — поразила его тоже: застывшая, суровая, лишенная воздуха статичность.

Не все пассажиры были согласны с Эндрю.

— Какая она отвратительная! — воскликнула одна из дам, впервые прибывшая на Луну. — Смотришь на нее в полнолуние ночью с Земли и думаешь: какая же она красивая, какая романтичная! И вот прилетаешь сюда, видишь ее прямо перед собой — и ежишься от зрелища этих оспин, расселин, пятен. И полнейшая ее мертвенность!

«Может, вы и ежитесь, — подумал Эндрю, слушая ее, — *но не я».*

Для него отметины на лице Луны были загадочными письменами: отчет вечности, большая поэма, охватывающая миллиарды лет, она вызывала восторг своей необычностью. И никакой «мертвенности» он не находил в ее облике, только чистота, прекрасная суровость и чудное, холодное величие, близкое к святости.

«Но что я понимаю в красоте? — строго спросил себя Эндрю. — *А тем более в святости? Я всего лишь робот. Эстетическое и духовное восприятие, на которое я претендую, на самом деле случайные всплески в моей позитронной нервной системе, недостоверные, несущественные, которые скорее следует отнести к браку в конструкции, чем к особенным моим достоинствам».*

Он отвернулся от окна и остаток пути спокойно сидел, пристегнутый ремнями, ожидая посадки.

Три представителя лунного отделения «Ю. С. Роботс энд Мекэникл Мен» — двое мужчин и одна женщина — встречали Эндрю на космодроме Луна-Сити, чтобы поздравить его с прибытием.

Когда закончились очередные дурацкие бюрократические процедуры в связи с прибытием на Луну и ему позволили сойти с корабля, встречавшие преподнесли ему сюрприз, потрясший его едва ли не больше, чем что-либо другое за всю его долгую жизнь.

Сначала он увидел, что они машут ему руками. Он понял, что это относится к нему, по плакату на груди женщины с надписью: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ЛУНА-СИТИ, ЭНДРЮ МАРТИН!» Но чего он никак не ожидал, это что младший из мужчин подойдет к нему, протянет ему руку и скажет с теплой улыбкой:

— Доктор Мартин, мы просто в восторге, что вы решились приехать к нам!

Доктор Мартин? *Доктор Мартин?!*

Но Эндрю получал только *почетные* докторские степени, и у него самого никогда не хватило бы наглости даже мысленно назвать себя «доктор Мартин». Его удивило бы даже, если бы представитель «Ю. С. Роботс» обратился к нему как к «*мистеру* Мартину».

На Земле его никто не называл «доктор Мартин» или «мистер Мартин», никто и никогда за все сто пятьдесят с лишним лет его жизни не обращался к нему иначе, как «Эндрю».

Все прочее не могло даже в голову прийти кому-нибудь. На приемах, в суде, при вручении очередной награды или почетного диплома его обычно называли «Эндрю Мартин» — дальше этого дело не шло. Довольно часто, даже когда он бывал почетным гостем на разных научных симпозиумах, его и незнакомые люди запросто окликали: «Эндрю!» — и никого, в том числе и его самого, это не шокировало. Большинство людей полагало, что к роботам надо обращаться по производным от их серийных обозначений прозвищам, а не пользоваться самими серийными обозначениями, но фамилию имел редко кто из роботов. С особого благословения Сэра он, как член семьи, получил имя Эндрю Мартин, и *оно стало привычным.*

Но «доктор Мартин» или «мистер Мартин»...

— Что-то не так, сэр? — спросил представитель «Ю. С. Роботс», заметив, что Эндрю *стоит моргая глазами от удивления.*

— Нет-нет, конечно... Только... это... хм...

— Сэр?

От того, что его назвали «сэр», легче ему не стало. Его будто током ударило.

— Что с вами, сэр?

Тут уж все они столпились вокруг него, хмурясь и недоумевая.

Эндрю *спросил:*

— Вам известно, что я робот?

— Ну... — Они переглянулись встревоженно. Все они ужасно волновались. — Да, сэр. Да, известно.

— И вы тем не менее называете меня «доктор Мартин» и «сэр»?

— Ну... Да, конечно. Ваша деятельность, сэр. Ваши потрясающие достижения... Это обычное выражение почтительности... Ведь вы же *Эндрю Мартин,* в конце-то концов!

— Верно, Эндрю Мартин, робот. На Земле не принято обращаться к роботу как к «доктору», или «мистеру», или «сэру». Я к этому не привык. Ничего подобного никогда со мной не случалось. Не было этого — вот и все.

— Это вас... оскорбляет... сэр? — спросила женщина и, казалось, готова была проглотить последнее вылетевшее у нее слово.

— Это удивляет меня. Очень сильно удивляет. На Земле...

— Ах, но ведь здесь же не Земля! — воскликнул старший из мужчин. — У нас здесь совсем другое общество. Вам придется смириться с этим, доктор Мартин. Здесь более свободные и неформальные формы общения, чем на Земле.

— Неформальные? И при этом вы называете робота «доктор»? А я считал, что не связанные формальностями люди называют незнакомцев прямо по имени, а вместо этого вы, приветствуя меня, пользуетесь самым формальным обращением, которое выражает высшую степень почета, присваиваете мне звание, на которое я фактически не имею права... а я не давал вам повода пользоваться им, и...

Напряжение постепенно спадало.

— Мне кажется, — сказала женщина, — я понимаю, в чем дело. Сэр — надеюсь, вы не возражаете против такого обращения к вам, — так вот, сэр, большую часть времени мы обращаемся друг к другу по именам. Меня зовут Сандра, его — Дэвид, а его — Карлос, и наших роботов мы обычно зовем по именам, как это делают люди на Земле. Но вы — особая статья. Вы — знаменитый Эндрю Мартин, сэр. Вы — отец протезологии, величайший творец, сделавший так много для человечества. А неформальными мы бываем между собой, а когда мы... словом, это проявление элементарного уважения, сэр.

— Вы же понимаете, нам трудно так вот запросто подойти к вам и сказать: «Эндрю!» — сказал юноша по имени Карлос. — Хотя вы и... вы...

Он запнулся и замолк.

— Робот? — закончил за него Эндрю.

— Да, робот, — неуверенно сказал Карлос, пряча глаза.

— Но вы же совсем не похожи на робота, — заявил Дэвид. — Правда, не похожи. Мы, конечно, знаем, что вы робот, но все-таки... Я хочу сказать... это... — Он покраснел и тоже отвел глаза.

Снова все запуталось. Что бы они ни сказали, все получалось не так. Эндрю стало жалко их, но одновременно это стало надоедать ему.

— Пусть я не выгляжу роботом, — сказал он, — но вот уже больше ста пятидесяти лет я был и остаюсь роботом, и это вовсе не шокирует меня. И там, откуда я пришел, роботов называют по имени. Насколько я понял, здесь существует такой же обычай, я же в данном случае исключение. Если вы испытываете столь великое уважение к моим успехам, что пребываете в затруднительном положении, я обращаюсь к вашей своевольной неформальности, о которой вы мне говорили. Это мир пионеров, так давайте все будем равными. Раз вы Сандра, и Карлос, и Дэвид, то я Эндрю. Решено?

Теперь они сияли от радости.

— Ну, если вы так считаете, Эндрю... — и Карлос во второй раз протянул ему руку.

После этого все пошло гладко. Некоторые сотрудники «Ю. С. Роботс» называли его «Эндрю», другие — «доктор Мартин», а некоторые как придется — то «Эндрю», то «доктор Мартин».

Эндрю понемногу привыкал к этому. Он понял, что здешняя культура, грубая, но эффективная, содержит меньше разных запретов и устоявшихся социальных шаблонов, чем земная. Дистанция между людьми и роботами, естественно, выдерживалась, но Эндрю благодаря своему андроидному телу и научным подвигам занимал пограничное положение, а на Луне, в этом беспечном обществе, те, кто работал вместе с ним, часто надолго забывали вообще о том, что он — робот.

Что же касается лунных роботов, то они, по-видимому, не замечали в нем никаких признаков робота. Они относились к нему так же раболепно, как и к людям. Для них он всегда оставался «доктором Мартином», и они постоянно кланялись и расшаркивались перед ним.

Сам Эндрю испытывал смешанные чувства. Хотя он и заявил с самого начала, что привык считать себя роботом и не имеет ничего против обращения к нему по имени, он не был уверен, что так оно и есть в действительности.

С одной стороны, такие обращения, как «доктор» или «мистер» вместо обычного «Эндрю», были данью уважения к его прекрасно преобразованному андроидному телу и его позитронному мозгу. Вот уже много лет он стремился к тому, чтобы быть не роботом, похожим на человека, а добиться такого смутного сходства, которое бы предельно приблизило его к человеку, и теперь он, кажется, добился этого.

И все же... и все же...

Как странно было слышать от людей такое исполненное уважения обращение! Ему бывало неловко при этом. Постепенно свыкаясь с этим, он никогда не чувствовал себя до конца свободно.

Эти люди подолгу не вспоминали о том, что он робот, но он-то как был, так и оставался роботом, как бы он ни претендовал на иное — все равно; когда они обращались с ним как с обычным человеком, он чувствовал себя обманщиком.

Эндрю понимал, конечно, что он сам завуалированно попросил их об этом. «Тогда давайте будем равными», — сказал он Сандре, Карлосу и Дэвиду там, на космодроме.

И теперь не проходило дня, чтобы он не поражался собственной дерзости. Равными? *Равными?* Как только у него язык повернулся сказать такое? А ведь прозвучало это как прямое указание, как приказ! И как же легко и небрежно он произнес это — будто человек человеку.

Лицемер, подумал Эндрю.

Самонадеянный лицемер. С манией величия.

Да, да, да. Он смог купить себе человекоподобную внешность, он начинил ее протезами, которые выполняют функции человеческого организма, начинил без разбора — и теми, которые ему действительно были нужны, и абсолютно бесполезными; он мог смотреть человеку в лицо и говорить с ним как с равным, но, несмотря ни на что, он *не был* ему ровней. Такова была реальность, которую Эндрю не мог отрицать.

Перед законом он оставался роботом, и останется им навсегда, какие бы совершенные новшества он ни внедрял в свое тело, пусть самые необычайные. У него не было гражданства. Он не обладал правом голоса. Он не мог занимать никаких постов, пусть даже самых незначительных. Он обладал весьма немногими правами, хотя фирма Чарни так много сделала ради него: у него было право владеть самим собой, право свободно передвигаться, не опасаясь подвергнуться унижениям со стороны любого встречного, и право заниматься бизнесом в своей корпорации. И еще было право — тут уж ничего не поделаешь! — платить налоги!

«Давайте все будем равны», — сказал он, как будто, сказав это, он тем самым и осуществил это. Какая глупость! Какое нахальство!

Но это настроение скоро прошло у него и редко возвращалось. Если не считать этих черных минут, когда он поедом ел себя за собственную дерзость, Эндрю наслаждался своим

пребыванием на Луне, и оно было как никогда продуктивно в его творческой деятельности.

Сама Луна стимулировала мысли, побуждала к творчеству. На Земле цивилизация была зрелой, устоявшейся, а Луна была типичным фронтиром, и, как всякий пограничный мир с его дикой энергией, она взывала к продвижению вперед, к прогрессу.

В подлунных городах жизнь неистовствовала: поселения расширялись, и не было спасения от постоянной трескотни отбойных молотков в процессе создания все новых подземных каверн, так что через шесть месяцев появлялись новые пригороды, готовые к заселению. Темп был взят высокий, и люди на Луне по сравнению с теми, кого знал Эндрю на Земле, были куда активнее и азартнее. Удивительные открытия в области технологий следовали одно за другим. Какая-либо новая идея, предложенная в начале недели, к концу недели становилась законом.

Один из протезологов объяснил ему это так:

— Тут чистая генетика, Эндрю. На Земле те, кому не сиделось на месте, давно нашли применение своей энергии, а мы находимся на краешке цивилизации и изобретаем собственные пути для продвижения вперед и идем вперед, а те, кто остались позади, положили начало расе людей, которые так и будут плестись в хвосте и вести себя по возможности привычным и удобным для них образом. И будущее, по-моему, принадлежит тем, кто живет в космосе. Земля превратится просто в тихую заводь.

— Вы в это по-настоящему верите? — спросил Эндрю.

— Конечно.

Он задумался над тем, что будет с ним в последующие десятилетия и столетия его жизни, если подобные декаданс и упадок и в самом деле обрушатся на его мир. И сразу понял, что ему сравнительно безразлично, если Земля станет тихой заводью, где само слово «прогресс» сделается неприличным. Ему и не нужен прогресс теперь, когда он добился самого желанного. Его тело по существу ничем не отличается от человеческого; у него есть свое поместье; у него есть работа, в которой он достиг небывалых успехов; и он будет жить, как всегда, независимо ни от каких перемен.

А еще он стал подумывать, не остаться ли ему на Луне или даже забраться куда-нибудь подальше в космос. На Земле он был роботом Эндрю, вынужденным всякий раз, когда ему необходимо было получить какое-либо право или привилегию в полном соответствии со своим разумом и тем вкладом, который он внес в человеческое общество, идти в суд и отстаивать их с пеной у рта. Здесь же он мог просто забыть о том, что он робот, и стать членом местного общества в качестве доктора Эндрю Мартина.

И, по всей видимости, такая перспектива никого не волновала здесь. С первых шагов на Луне они практически предлагали ему, если он того хочет, переступить границу, отделяющую робота от человека.

Это было искушение.

Очень сильное искушение.

Месяцы обернулись годами — уже три года Эндрю оставался на Луне, занятый вместе с протезологами Луны реконструированием своих изделий, с тем чтобы искусственные органы «Лабораторий Эндрю Мартина» могли вполне основательно выполнять свои функции в организме человека, живущего в условиях пониженной гравитации.

Это была важная задача, потому что люди, у которых были стандартные, земные модели протезов, страдали, пользуясь ими, хотя сам Эндрю не ощущал неудобств в связи с пониженной гравитацией. Но он мог модифицировать протезы, так что понемногу все проблемы были решены.

По временам Эндрю скучал по своему поместью на Калифорнийском побережье — не столько по своему большому дому, сколько по прохладному лету с его туманами, по высоким секвойям на скалистом берегу, по грохоту прибоя. Но тем не менее Эндрю начало казаться, что он уже постоянный обитатель Луны. Он остался там и на четвертый, и на пятый год.

Как-то он побывал в обзорной сфере на поверхности Луны и увидел Землю во всей ее чудной красе — маленькую на таком расстоянии, но живую, яркую, голубой бриллиант, сверкающий в ночном небе.

«Это мой дом», — подумал он вдруг. Отчизна, исток человечества.

Эндрю почувствовал, что она влечет его к себе, услышал голос, зовущий его домой. Сначала он не понимал, что могло так тянуть его туда. Этот зов казался ему чем-то иррациональным.

Но потом пришло понимание. В основном он закончил работу на Луне. Но не на Земле — там за ним еще оставались долги.

На следующей неделе Эндрю приобрел билет на лайнер, который отправлялся на Землю в конце месяца. А потом вернул билет и сменил его на другой — на более близкий рейс.

Он вернулся на Землю, и она показалась ему уютной, тихой и простой по сравнению с динамичной колонией на Луне. За пять лет его отсутствия ничего значительного здесь не произошло. На подходе к Земле с корабля планета выглядела огромным мирным парком с вкраплениями там и сям маленьких селений и городишек децентрализованной Цивилизации Третьего Тысячелетия.

Первое, что сделал Эндрю после своего прибытия на Землю, — это визит в фирму «Файнголд энд Чарни», чтобы сообщить им о своем возвращении.

Нынешний глава фирмы Саймон Де Лонг поспешил ему навстречу с приветствиями. Де Лонг был младшим клерком при Поле Чарни, неопытным и застенчивым, но это было так давно, и теперь он был зрелым человеком, стал властной, внушительной фигурой, чей взлет на самую вершину «Файнголд энд Чарни» был просто неотвратим. Это был широкоплечий мужчина, мрачный на вид, его черные волосы ниспадали от макушки вниз в модном в последнее время стиле тонзуры.

Лицо Де Лонга выражало удивление.

— Нас известили о вашем возвращении, Эндрю, — сказал он, немного помешкав, как бы в сомнении, а не назвать ли его «мистер Мартин». — Но мы ожидали вас не раньше будущей недели.

— Мне не терпелось, — довольно резко ответил Эндрю. Он хотел поскорее перейти к делу. — На Луне, Саймон, я возглавлял исследовательский отдел и сотрудничал с двадцатью или тридцатью учеными-людьми. Я отдавал приказы, и никто не сомневался в моем праве на это. Многие, обращаясь ко мне, называли меня «доктор Мартин» и относились ко мне с величайшим уважением. Местные роботы вели себя по отношению ко мне как к человеку. Практически во все время моего пребывания на Луне я во всем и для всех *был* человеком.

Де Лонг настороженно посмотрел на него. Он, конечно, понятия не имел, куда клонит Эндрю, и как юрист, естественно, поспешил разобраться в неясном, но уже встревожившем его новом намерении столь важного клиента.

— Это, должно быть, было непривычно для вас, Эндрю, — равнодушным тоном произнес он.

— Да, непривычно, но не неприятно. Не неприятно, Саймон.

— Конечно. Я так и думал. Как интересно.

Эндрю резко заметил:

— Ну да, я снова на Земле, и снова я — робот. Даже не какой-нибудь второстепенный гражданин — вообще не гражданин. Ничто. Это не по мне. Почему, пока я был на Луне, со мной обращались как с человеком, а здесь нет?

Не меняя своего осторожного, ни к чему не обязывающего тона, Де Лонг сказал:

— Но и здесь к вам относятся как к человеку, дорогой мой Эндрю! У вас прекрасный дом, и право собственности на него закреплено за вами. Вы возглавляете большую научную лабораторию. Ваше состояние так велико — просто до умопомрачения, — и никто не оспаривает ваших прав на него. Стоило вам прийти в офис «Файнголд энд Чарни», и, как видите, сам глава его весь к вашим услугам. De facto вас уже давно принимают за человека и на Земле, и на Луне, и люди, и роботы. Чего вы еще хотите?

— Быть человеком только de facto мне недостаточно. Я хочу не только, чтобы ко мне относились как к человеку, я хочу иметь узаконенный статус и права человека. Я хочу быть человеком de jure.

— Ага, — сказал, чувствуя себя весьма неловко, Де Лонг. — Понимаю.

— Понимаете ли, Саймон?

— Конечно. Не думаете же вы, что я незнаком со всей подоплекой истории Эндрю Мартина? Много лет назад Пол Чарни вместе со мной просматривал файлы, поэтапно, шаг за шагом рассказывающие о вашей эволюции от металлического робота, серии... кажется, НДР? — и вплоть до вашего превращения в андроида. И, разумеется, меня информируют о каждом новом изменении в вашем новом теле. Известно мне и обо всех подробностях вашей эволюции в правовом плане — не меньше, чем в физическом, — о том, как вы отстояли свою свободу, а затем и другие гражданские права. И я был бы круглым дураком, Эндрю, если бы не сообразил, что с самого начала вашей целью было превращение робота НДР в человека.

— Наверное, не с самого начала, Саймон. Пожалуй, был довольно продолжительный период, когда я был согласен оставаться лучшим среди роботов, когда я даже себе не осмеливался признаться во всех тех способностях, которыми обладал мой мозг. Но теперь я знаю их. Я равен человеку во всем, что бы вы ни назвали, и превосхожу многих людей. Я хочу полного признания этого по закону, я имею на это право.

— Имеете право?

— Да, имею.

Де Лонг надул губы, нервно потеребил мочку уха, потрогал макушку, с которой были сбриты волосы.

— «Имеете право», — повторил он минуту спустя. — Да-а-а, это совсем другое дело, Эндрю. Нам придется учитывать тот неоспоримый факт, что, как бы близко вы ни стояли по интеллекту к человеку, и по своим возможностям, и даже внешне, вы тем не менее *не* человек.

— В чем же я не человек? — спросил Эндрю. — Внешне я вполне человек, у меня те же органы, что и у протезированного человека. У меня те же умственные способности, высокий интеллект. Мой вклад в культуру человечества в области искусства, литературы и науки не меньше, чем у любого из ныне живущих людей. Что еще может потребоваться?

Де Лонг покраснел:

— Простите меня, Эндрю, но я должен напомнить вам, что вы не входите в генетический фонд человечества. Вы абсолютно не вписываетесь в него. Вы *похожи* на человека, но вы нечто другое... нечто... искусственное.

— Допустим, Саймон. Ну а люди вокруг, тела которых наполовину состоят из протезов? Кстати, из протезов, которые я изобрел для них. Что, разве эти люди, хотя бы отчасти, не представляют собой нечто искусственное?

— Отчасти — да.

— Ну а я отчасти человек.

Глаза Де Лонга вспыхнули.

— В какой части, Эндрю?

— Тут, — показал на свою голову Эндрю. — И тут, — он ткнул пальцем себе в грудь. — Мой ум. Мое сердце. Согласно вашим строгим генетическим канонам, я, может быть, и искусственный, и чужак, и не человек, но по существу-то я человек. И по закону меня можно признать человеком. В те далекие дни, когда вся Земля была поделена на множество государств и в каждом из них существовали свои жесткие правила для получения гражданства, даже тогда французу можно было стать англичанином, или японцу стать бразильцем, пройдя определенные юридические процедуры. Причем бразильских генов в этом японце не было, но он становился бразильцем, потому что закон признал его таковым. То же самое можно проделать и со мной. Меня можно *натурализовать* как человека, как когда-то прежде любой человек мог натурализоваться в качестве гражданина совсем не своей страны.

— Вы все старательно продумали, Эндрю, не так ли?

— Да.

— Очень ловко. Очень, очень ловко. Натурализованный человек. А как насчет Трех Законов?

— При чем тут Три Закона?

— Это неотъемлемая часть вашего мозга. Вряд ли нужно объяснять вам, что это ставит вас в положение вечного прислужника человека и никакое решение суда не избавит вас от этого недуга. Вам некуда деваться от Трех Законов, Эндрю, — разве я не прав?

— В чем-то правы.

— Итак, они остаются при вас, верно? И они по-прежнему будут требовать от вас подчинения всем людям, при необходимости положить жизнь за них, постоянно обуздывать себя, чтобы не причинить им вреда. Вы можете объявить себя человеком, но править вами будут встроенные в ваш мозг нормы поведения, чему ни один человек не может быть подвергнут.

Эндрю кивнул:

— И японцы, которые стали бразильцами, оставались, как и положено японцам, желтокожими, и разрез глаз у них оставался японский, и все другие расовые особенности у этих восточных людей сохранялись, а у бразильцев — выходцев из Европы — ничего подобного не было. Но, несмотря на это, перед бразильским законом они были такими же бразильцами. И я перед человеческим законом буду человеком, несмотря на то что в мой организм введены правила Трех Законов.

— Но само наличие этой структуры в вашем мозгу может привести к непризнанию вас...

— Нет, — возразил Эндрю. — Почему же? Первый Закон говорит, что я не должен причинять вреда человеку или допускать нанесение ущерба ему своим бездействием. Но разве вас не связывают те же обязательства? Каждого цивилизованного человека? Разница здесь только в том, что у меня нет *выбора*, я должен подчиняться Закону, в то время как другие люди могут позволить себе вести себя нецивилизованным образом, если они готовы конфликтовать с полицией. Теперь Второй Закон: он требует от меня подчиняться людям, это верно. Но он не требует от людей отдавать мне приказы, и если я получу полный статус человека, тогда, быть может, будет считаться неучтивостью ставить меня в положение, когда я из-за внедренного в мой мозг правила против собственного желания должен буду выполнять чей-то приказ. Это было бы использованием моей слабости, так сказать. Но наличие у меня этого ограничения не играет решающей роли. Разве мало есть людей с ограничениями разного рода, но никто не считает их из-за этого не людьми. Ну а что касается Третьего Закона, который предостерегает меня от саморазрушения, я бы не сказал, что он является тяжким бременем для любого здравомыслящего существа. Так что, видите, Саймон...

— Да. Да, Эндрю, вижу. — Де Лонг теперь довольно посмеивался. — Согласен. Вы побили меня, сдаюсь. Вы в той же мере человек, как всякий, вы заслуживаете законного признания этого факта.

— Ну тогда, если «Файнголд энд Чарни» начнет процесс...

— Не торопитесь, Эндрю, пожалуйста. Вы задали нам чрезвычайно сложную задачу. Человеческие заблуждения излечиваются не так уж быстро. Любой нашей попытке провозгласить вас человеком будет противостоять колоссальная оппозиция.

— И я так думаю. Но мы уже однажды справились с «колоссальной оппозицией», когда Джордж Чарни и его сын Пол отвоевали мне свободу.

— Да. Но дело в том, что на этот раз нам придется обращаться во Всемирное законодательное собрание, а не в региональное, и добиваться закона, который провозгласит вас человеком. По совести говоря, я настроен не так уж оптимистично.

— Я вам плачу за то, чтобы вы были оптимистом.

— Да. Да, конечно, Эндрю.

— Хорошо. Итак, мы пришли к согласию, что дело может быть сделано. Остается вопрос — как это осуществить. С чего лучше всего начать, как вы считаете?

После небольшого колебания Де Лонг сказал:

— Для начала было бы лучше всего, если бы вы переговорили с кем-нибудь из влиятельных членов Законодательного собрания.

— С кем именно?

— С председателем Комитета по науке и технике, пожалуй.

— Отлично. Не могли бы вы устроить мне встречу с ним?

— Если хотите. Но вряд ли вы нуждаетесь в таком посреднике, как я, Эндрю. Такая известная и досточтимая личность, как вы, может...

— Нет, *вы* устроите эту встречу. (Эндрю и не заметил, что отдал недвусмысленный приказ человеку — так он привык к этому на Луне.) Я хочу, чтобы он знал, что меня поддерживает фирма «Файнголд энд Чарни» в этом деле, поддерживает целиком и полностью.

— Хорошо, тогда...

— Целиком и полностью, Саймон. За прошедшие сто семьдесят три года я вложил в вашу фирму большой капитал. Я мог бы даже сказать, что только благодаря тому, что я постоянно давал работу ей, она достигла своего теперешнего состояния. Я это делал потому, что в прошлом кое-кто из членов этой фирмы хорошо служил мне, и я чувствовал, что я в долгу у фирмы. Теперь у меня нет долгов перед фирмой «Файнголд энд Чарни». Совсем наоборот: сейчас я требую вернуть мне мой долг.

Де Лонг сказал:

— Я постараюсь сделать все возможное.

Глава 19

Председатель Комитета по науке и технике Всемирного законодательного собрания был выходцем из Восточного региона Азии, и это была женщина: маленькая, изящная — не женщина, а эльф, — на самом деле она не была такой хрупкой, как казалось. Ее звали Чи Ли Синг. Ее прозрачные одежды (которые скрывали то, что она хотела скрыть, одним ослепительным блеском) превращали ее в нечто крохотное, элегантное, в безделушку, обернутую в пластик. На восемьдесят четвертом этаже величественной башни из зеленого стекла — Нью-Йоркской штаб-квартиры Всемирного законодательного собрания — на фоне роскошного большого с высокими потолками кабинета она выглядела совсем малюсенькой, такой незначительной. Но при этом она излучала силу, профессионализм и беспредельную компетентность.

Она сказала:

— Я сочувствую вашему желанию получить все права человека. Как вам известно, вероятно, в нашей истории существовали периоды, когда значительная часть населения была лишена прав человека, и эти люди яростно сражались, чтобы получить их, и в итоге победили. Но до обретения свободы эти народы страдали под бременем различных деспотий. А вы, со своей стороны, пользуетесь успехом, достигли многих наград и почестей. Полагаю, вам очень многие завидуют. Так, пожалуйста, расскажите мне, каких еще прав вы ищете, кроме тех, что уже есть у вас?

— Простейшего из простых — права на жизнь, — ответил Эндрю. — Робота в любой момент можно демонтировать.

— И человека в любой момент можно казнить.

— А позвольте спросить, когда же в последний раз имела место такая казнь?

— Ну... — Ли Синг поежилась. — Конечно, смертный приговор в нашей цивилизации выносится нечасто, и давно уже никому его не выносили. Но в истории человечества к нему прибегали несчетное множество раз. И нет никакой принципиальной причины, чтобы в последующие годы не вернуться к этой практике, если граждане Земли и Законодательное собрание найдут это необходимым.

— Хорошо, можно вернуться назад и снова рубить головы друг другу, или убивать электрическим током, или еще как-нибудь, если только такое решение будет принято. Но факт остается фактом: ни одно человеческое существо не подвергалось законной смертной казни так долго, что никто не может вспомнить, когда это было в последний раз, и я не слышал, чтобы хоть кто-нибудь требовал возвращения к экзекуциям. И в то же время даже сейчас, прямо здесь со мной можно покончить одним словом человека, облеченного властью. Ни суда. Ни следствия. Ни апелляций. Вот вы можете нажать на кнопку звонка, вызвать охранника и сказать: «Этот робот вызвал мое неудовольствие. Выведите его вон и демонтируйте». И меня выведут вон и демонтируют — вот и все.

— Это невозможно!

— Уверяю вас, это вполне в рамках закона.

— Но вы — глава большого предприятия... важное лицо... богаты, у вас хорошая репутация...

— Вполне вероятно, что, после того как это будет сделано, моя компания подаст иск в Законодательное собрание в связи с ущербом, понесенным в результате утраты моих услуг. Но меня-то уже не будет, верно? Только законы о частной собственности защищают роботов. Если вы незаконно уничтожите чьего-то робота, его хозяин может потребовать возмещения убытков, взыскать с вас его стоимость, и, может быть, в наказание вы будете оштрафованы. Прекрасно. Просто прекрасно, если вы тот человек, которому возместили все его убытки. Но если вы тот самый робот, которого уничтожили, судебный иск не вернет вам ваше существование? Не так ли, мадам председатель?

— Это просто reductio ad absurdum*. Никому и не снится демонтировать вас... Уничтожить вас.

— По-видимому, да, не снится. Но где закон, обеспечивающий мне заступничество против подобного акта?

— Повторяю: reductio ad absurdum. Вы прожили около двухсот лет, насколько мне известно. Скажите, сколько раз за этот длительный период времени вам угрожало... уничтожение?

— Фактически один раз меня спасли. Но приказ о демонтаже был уже отдан.

— Мне трудно в это поверить, — сказала Чи Ли Синг.

— Это случилось много лет назад. Я тогда был еще в металлическом корпусе и только что обрел свободу.

* Приведение к нелепости при доказательстве *(лат.)*.

— Что и доказывает мою правоту. Теперь-то никто не посмел бы тронуть вас!

— Но я так же не защищен законом сейчас, как и тогда. По закону я, как и прежде, робот. И если кому-то захочется демонтировать меня, мне некуда обратиться... — Эндрю замолчал, не закончив фразу. Если он будет приводить все те же доводы, это ничего ему не даст. Слишком они гипотетические. — Хорошо, предположим, никто не причинит мне вреда. Но даже тогда... даже тогда... — Эндрю отчаянно старался скрыть просительные нотки, но та выразительность лица и голоса, над которыми он так долго бился, теперь его подвели. И в конце концов ему пришлось сдаться: — В действительности дело вот в чем: я очень хочу быть человеком. Я хотел этого все больше и больше на протяжении жизни многих поколений людей, по мере того как я все больше понимал, насколько велики мои способности, насколько широк диапазон возможностей моего мозга... И теперь настоятельная потребность быть человеком захлестывает меня. Я уже не могу воспринимать себя как робота и не хочу, чтобы другие так думали обо мне.

Чи Ли Синг с сочувствием посмотрела на него своими темными глазами.

— Так вот оно что, — сказала она. — И все так просто.

— Просто?

— Стремление принадлежать к человеческому роду. Страстное желание, независимо от иррациональности. Очень по-человечески испытывать такие чувства, Эндрю.

— Благодарю вас.

Уж не относится ли она к нему покровительственно, засомневался он. Он надеялся, что это не так.

Ли Синг сказала:

— Да, я могу представлять ваше дело Законодательному собранию. И полагаю, Законодательное собрание могло бы принять закон, провозглашающий вас человеком. У Законодательного собрания достаточно полномочий, чтобы и каменную статую объявить человеком, стоит ему этого захотеть. Но статуя от этого не перестанет быть статуей. А вы...

— Нет же, это разные вещи. Статуя — неодушевленный кусок камня, а я... я...

— Да, конечно. Это *другое* дело. Я это понимаю. Но члены Законодательного собрания могут посмотреть на это совсем другими глазами. Они не станут принимать закон, который превратил бы статую в живое существо, но у меня большие сомнения и в том, что они примут закон, делающий робота человеком, как бы красноречиво я ни отстаивала ваши интересы

в Законодательном собрании. Законодатели — те же люди, что и все население планеты, и едва ли нужно напоминать вам, что подозрительность и предубеждение против роботов до известных пределов продолжают существовать и в наши дни.

— И даже сейчас существуют?

— Даже сейчас. Так что Законодательное собрание не захочет действовать так, как вам хотелось бы. Мы все охотно признаем, что вы достойны звания человека, что вы заслужили его многократно, но мы побоимся политических последствий создания такого нежелательного прецедента.

— Нежелательный? — воскликнул Эндрю, не сумев скрыть нотки раздражения в своем голосе. — Почему же он нежелательный — ведь я так много сделал для человечества?

— Согласна. Но вы — робот. Я прямо-таки слышу их возгласы: «Только дайте одному роботу статус человека, и они все ринутся с такими же требованиями, и что тогда будет с...»

— Нет, — сказал Эндрю. — Это не так. За много лет до вашего рождения я отправился в суд и добивался провозглашения меня свободным роботом, и какой же крик подняли вокруг этого! Мы сумели выиграть сражение. Но до сих пор я единственный свободный робот во всем мире. Ни один другой робот не потребовал свободы для себя, хотя одному из них, мне, она досталась. И никогда не потребуют. Я уникален, мадам председатель. Я один такой из всех существующих ныне роботов, и поверьте, другого такого уже не появится. Если вы мне не верите, спросите у руководства «Ю. С. Роботс энд Мекэникл Мен», и там скажут, что они никогда не допустят производства роботов с таким интеллектом и трудным характером, таких забияк, каким оказался я.

— «Никогда» — понятие растяжимое, Эндрю. Или вам будет приятнее, если я стану называть вас «мистер Мартин»? Я так и буду вас называть, если хотите. И я с удовольствием поддержу вас в вашем стремлении быть человеком. Но вот увидите: большинство членов Законодательного собрания воспрепятствуют созданию столь пугающего прецедента, даже в том случае, если вы представите им железные гарантии своей уникальности и того, что и прецедентом-то это не станет. Мистер Мартин, я вам сочувствую от всей души, но реальной надежды обещать вам не могу.

— Не можете? Никакой надежды?

Чи Ли Синг откинулась на спинку стула и нахмурилась:

— Все, что я могу, мистер Мартин, это предостеречь вас дружески. Вы должны понять, что, выступая с вашими требованиями, вы навлекаете на себя серьезную опасность. В самом деле, если страсти накалятся, возникнет определенное желание как в стенах Законодательного собрания, так и вне их, — желание демонтировать вас, то самое, о котором вы говорили. Такого робота, как вы, достигшего высочайшего уровня развития, легко могут выдать за нечто весьма опасное, мистер Мартин. Уничтожить вас означало бы избавиться от этой опасности и от той политической дилеммы, которую вы собираетесь навязать моим коллегам. Умоляю вас, хорошенько обдумайте все, прежде чем решиться на этот шаг.

— Но неужели никто при этом не вспомнит, — сказал Эндрю, — что производство протезов, благодаря которому члены Собрания десятилетие за десятилетием продолжают сохранять за собой свои кресла, тогда как по всем правилам им давно полагалось бы сойти в могилу, в полной мере моя заслуга?

— Как бы жестоко ни прозвучали мои слова, должна сказать вам — они не вспомнят об этом. А если и вспомнят, то во вред вам, а не на пользу. Слышали вы когда-нибудь такую поговорку: «Всякое благодеяние наказуемо»?

Эндрю удивился и покачал головой:

— Это выражение бессмысленно, с моей точки зрения.

— Я думаю. Вам все еще не по себе от нашего мелкого иррационализма, не правда ли? А в общем, это означает, что мы порой ополчаемся против тех, кто больше всех сделал нам добра... И не пытайтесь оспаривать это. Вот такие мы — и все тут.

— Очень хорошо. А какое отношение это имеет ко мне?

— Вполне возможно, что будет сказано, что вы изобрели протезологию в своих собственных интересах. Выдвинут такой тезис: вся эта наука была лишь частью широчайшей кампании по роботизации человечества или очеловечивания роботов, в любом случае это злой и порочный замысел.

— Нет, — сказал Эндрю. — Мне никогда не понять такой аргументации.

— Конечно, вам ее не понять. Потому что вы — логически мыслящее существо, за этим следит ваша позитронная система. И, полагаю, никакое новое усовершенствование не сможет превратить ваше мышление в такое же сумасбродное, каким оно бывает порой у нас. Истинная глубина нашей алогичности вне пределов вашего понимания, и я говорю это не с целью покритиковать вас — просто такова реальность. Вы в основном очень похожи на человека, мистер Мартин, но боюсь, вам никогда не понять, как неразумен бывает человек, если на кон поставлены его собственные интересы.

— Но если на кон поставлены их интересы, — возразил Эндрю, — мне кажется, они постараются быть настолько разумными, чтобы...

— Да нет же! Не знаю, как сделать, чтобы вы по-настоящему поняли... Могу только просить вас поверить: то, что я говорю вам, имеет очень веские основания. Примите это на веру, если такое для вас возможно... Вам не приводилось быть объектом политической кампании ненависти, мистер Мартин?

— Да нет, пожалуй, что-то не припоминаю...

— Если б были, помнили бы. Так вот — теперь вы станете им. Если вы сейчас развернете кампанию по признанию вас человеком, вы станете объектом такой клеветы, до масштабов которой не можем додуматься ни вы, ни я, но миллионы людей поверят каждому слову этого потока грязи. Мистер Мартин, примите мой совет: смиритесь с вашим теперешним положением. Будет ужасной ошибкой, если вы сейчас попытаетесь осуществить свои намерения.

— Вы так считаете?

— Да, я так считаю.

И Чи Ли Синг поднялась из-за стола, прошла к окну и стояла там, повернувшись спиной к Эндрю. Яркий свет из окна ярко очерчивал ее фигуру. С того места, где остался сидеть Эндрю, ее нагая фигура в пластиковой обертке казалась фигуркой ребенка или куклы.

Некоторое время он молча смотрел на нее, потом сказал:

— Если я решу сражаться за мой статус человека, несмотря на все, вами сказанное, вы встанете на мою сторону?

Она продолжала глядеть в окно. Эндрю рассматривал ее черные длинные волосы, узкие плечи, нежные руки. Она очень похожа на куклу, подумал он. Но в то же время он прекрасно понимал, что ничего общего с куклой у председателя Комитета по науке и технике, кроме ее наружности, не было. За хрупким фасадом угадывалась реальная сила.

Помедлив немного, она ответила:

— Встану.

— Благодарю вас.

— Настолько, насколько позволят мне мои возможности, — мягко добавила Ли Синг. — Но знайте: если моя поддержка вас когда-нибудь станет помехой для моей политической карьеры, я могу покинуть вас, потому что чувствую, что ваше дело не стало в полной мере моим, оно не затронуло самых глубин моего существа. То есть — что я хочу сказать, мистер Мартин? Меня сильно огорчают ваши трудности, но ломать свою политическую карьеру, свое будущее ради вас я не собираюсь. Я стараюсь быть с вами предельно откровенной.

— Я вам признателен за это и ни о чем более не могу просить вас.

— И все же вы будете *сражаться*? — спросила она.

— Да. Буду. Я буду биться до конца, независимо от последствий. И я рассчитываю на вашу помощь, но только до тех пор, пока вы можете позволить себе это.

Глава 20

Эта битва не стала открытым вызовом. Эндрю разработал ее стратегию и передал ключ к ней Де Лонгу, а Де Лонг предложил тактику сражения, с которой согласился Эндрю. Де Лонг же профессионально оценил операцию как длительную и сложную, требующую терпения.

— У меня его запас бесконечен, — угрюмо произнес Эндрю.

«Файнголд энд Чарни» вступила в кампанию, чтобы сузить, определить границы сражения.

Некто Роджер Хеннесси из Сан-Франциско, который семь лет назад стал обладателем сердца-протеза Эндрю Мартина, поставлял фирме «Файнголд энд Чарни» по контракту, заключенному еще при Поле Чарни, роботов-уборщиков. Совершенно неожиданно «Файнголд энд Чарни» прекратила оплату чеков Хеннесси. Правда, на его счету скопилось уже немало денег, которые находились в обращении, так что от Хеннесси некоторое время ничего не было слышно. Но после того как счета оставались без оплаты в течение пяти-шести месяцев, Хеннесси нашел удобный случай и заглянул в «Файнголд энд Чарни» побеседовать с Саймоном Де Лонгом.

— Уверен, Саймон, что вы пребываете в неведении о том, что у вас что-то не ладится с расчетами по контракту. Я о чем — мои накладные остаются неоплаченными вот уже с декабря и до июня, и...

— Да нет, я в курсе.

— ...это не похоже на «Файнголд энд Чарни», чтобы счета так долго... — Хеннесси смолк и захлопал глазами. — Что вы сказали? Вы *в курсе*, Саймон?

— Да, счета не оплачиваются по моему прямому указанию, так-то вот.

Все еще удивленно тараща глаза на Де Лонга, Хеннесси сказал:

— Я, наверно, стал плохо слышать. Или вы, Саймон, стали плохо соображать. Вы утверждаете, что не стали платить мне намеренно?

— Совершенно верно.

— Но, ради всего святого, почему?

— Потому что мы не хотим платить вам.

— Что значит — не хотите платить? Вы же знаете, сколько лет мои роботы занимаются уборкой этих ваших кабинетов, Саймон? И хоть раз, хотя бы один повод они вам давали, чтобы жаловаться на качество их работы?

— Нет. И мы не собираемся отказываться от ваших услуг. Но платить мы вам больше не будем, Роджер.

Уставившись на Де Лонга, Хеннесси почесал в затылке.

— Уж не поехала ли у вас крыша, а? Сидите здесь, как ни в чем не бывало, и несете прямо мне в лицо несусветную чушь! Вы же и сами понимаете, что несете ахинею, но почему? Что с вами, молодой человек? Бог милостивый, да как у вас язык поворачивается нести всю эту бессмыслицу?

Де Лонг улыбался.

— На это есть свои причины.

— Что за причины, позвольте спросить?

— Мы не собираемся вам платить, потому что не обязаны этого делать. Мы пришли к выводу, что договор с вами больше не действителен, и отныне и всегда ваши роботы будут работать на нас бесплатно, если они останутся здесь работать вообще. Такие вот дела, Роджер. Если вам это не нравится, подайте на нас в суд.

— Что-о-о? — завопил, брызгая слюной, Хеннесси. — Да вы вовсе ошалели! Работать бесплатно? Отказываетесь от оплаты просроченных платежей? Разве вы все тут не *законники*? Так как же вы можете нести тут всю эту дурацкую ерунду? Контракт недействителен? Скажите почему?

— Потому что вы — робот, Роджер. На свете есть только один робот, который имеет право заключать договора, это Эндрю Мартин. Вы, все остальные роботы, не имеете этого права, потому что вы не являетесь свободными роботами и...

Хеннесси вспыхнул весь и вскочил со стула.

— Вы, псих ненормальный, постойте! Да замолчите же! Что вы тут выдумали? Робот? Я? Теперь-то я понял: вы спятили! — Хеннесси разодрал свой богато расшитый нагрудник, чтобы обнажить свою розовую, волосатую грудь. — Это что, по-вашему, грудь робота, молодой человек? А? А? — Хеннесси щипал собственную плоть. — Это что — мясо робота, Саймон? Черт бы меня побрал, если я хоть что-нибудь понимаю, но, слушайте, если вы думаете, что вам пройдет вот так — сидеть тут и делать из меня шута ради собственного удовольствия, напрасно: я на вас такую управу найду, я на вас в суд подам, я на вас живого места не оставлю, видит Бог, отсюда и до самого Марса я...

Де Лонг хохотал.

Хеннесси остановился на полуслове и спросил:

— Что тут, черт возьми, смешного, Саймон?

— Простите. Мне не следовало смеяться. Мне правда чертовски неловко, что я позволил себе так затянуть нашу беседу.

— Да уж, хоть я никогда не ожидал, чтобы у юриста оказалось чувство юмора, но эта шутка тупа, как...

— Однако это не шутка. Мы *действительно* собираемся прекратить выплаты. И мы *действительно* хотим, чтобы вы подали на нас в суд. И мы станем утверждать там, что вы робот и что поэтому вполне законно показать вам длинный коллективный нос с вашим контрактом. И всеми доступными средствами и со всем нашим умением мы будем отстаивать свою позицию.

— Это правда?

— Но мы сильно надеемся — и это входит в наши намерения, — сказал Де Лонг, — проиграть процесс. И тогда, если все получится, мы не только оплатим все ваши просроченные счета, с процентами, накопившимися за все время, но и все судебные издержки. И сугубо между нами скажу вам: вас ждет значительное вознаграждение, компенсация за все те неудобства, с которыми вам, возможно, придется столкнуться. *Очень* значительное вознаграждение.

Хеннесси поправил свой нагрудник и снова сел. Он несколько раз моргнул и потряс головой. Некоторое время он молча смотрел на Де Лонга, потом спокойно сказал:

— Право, Саймон, я сочувствую вашим неприятностям. Вы, видно, и в самом деле совсем спятили. Как мне жаль!

— Да нет же. Я такой, как всегда, и абсолютно в своем уме.

— Ага. Вы уверены?

— Абсолютно.

— Тогда вы, может быть, соблаговолите объяснить мне, в чем тут дело?

— Боюсь, не стоит посвящать вас во все это до окончания процесса. Но могу сказать, Роджер, у нас для этого есть веская причина, о которой вы в свое время узнаете, а пока, надеюсь, вы согласитесь сотрудничать с нами «втемную» хотя бы ради наших длительных деловых отношений. Вы нам нужны в нашей игре, Роджер, а потом мы позаботимся о вас.

Хеннесси кивнул. Ему явно полегчало на душе.

— Это своего рода уловка, да?

— Думаю, можно назвать это так.

— Но вы не скажете мне, что это такое?

— Нет, не теперь. Иначе это слишком походило бы на преступный сговор.

— Но вы же *вступаете* в сговор со мной!

Де Лонг усмехнулся:

— Правда? Пока это выражается в том только, что мы не оплачиваем ваших счетов. Вытерпите это от нас, Роджер, вы не прогадаете. Обещаю вам.

— Ладно, — проворчал Хеннесси.

Счета Хеннесси так и не оплачивались. Через три месяца Хеннесси должным образом известил «Файнголд энд Чарни», что не может больше обслуживать их. Он прекратил действие контракта и подал иск на возмещение убытков. «Файнголд энд Чарни» договорилась о временном обслуживании офиса с другим предприятием по уборке помещений и сообщила в суд, что готова защищать свои интересы.

На суде по делу «Хеннесси против "Файнголд энд Чарни"» защитником от фирмы выступал один из младших компаньонов. Он просто заявил, что, поскольку Хеннесси представляет собою скорее робота, нежели человека, «Файнголд энд Чарни» сочла, что она больше не обязана платить ему по контракту и со своей стороны аннулирует его.

Робот Хеннесси, продолжал адвокат, направлял для работы в офисе команды роботов-уборщиков и в последние месяцы, хотя «Файнголд энд Чарни» не просила его об этом и считала, что платить ему совсем не обязательно и что Хеннесси, будучи роботом, не имеет права требовать от нее оплаты. Роботы, подчеркнул младший компаньон, не наделены теми конституционными правами, которые обеспечивают защиту человеку. Когда возникает конфликт, связанный с контрактом, в котором речь идет о роботах, только мнение их владельца принимается во внимание, но никак не самих роботов.

— Но мой клиент вовсе не робот! — вскричал защитник Хеннесси. — Это же ясно как Божий день, что он такой же «робот», как любой из нас!

— Вашему клиенту, — возразил представитель «Файнголд энд Чарни», — несколько лет назад было имплантировано искусственное сердце-протез. Разве этого не было?

— Ну, предположим. Мне это надо уточнить. Но какое отношение это имеет...

— Уверяю вас, имеет. И я почтительно обращаюсь к суду с просьбой дать определение по данному вопросу.

Судья обратился к Хеннесси:

— Итак, мистер Хеннесси?

— Точно, сэр, у меня сердечный протез. Но что?..

Ответчик от «Файнголд энд Чарни» сказал:

— Ваша честь, наличие механического, искусственного органа такой жизненной важности, как у мистера Хеннесси, по нашему мнению, целиком меняет его статус перед лицом закона. Можно с полным основанием утверждать, что, не будь у него этого роботокомпонента, его уже не было бы в живых. Поэтому мы утверждаем, что Хеннесси, в значительной части оснащенный как робот, является роботом вот уже несколько лет, а из этого мы делаем вывод, что все контракты, которые он заключал в качестве человека, потеряли силу после того, как он получил статус робота.

— Вот оно что! — прогрохотал Хеннесси. — Будь я проклят! Мое сердце превращает меня в робота, так они заявляют? Да? Так? — Он откинул голову назад и расхохотался.

Всеобщий хохот сотряс стены суда. Судья стучал молотком и кричал, но едва ли кто-нибудь слышал его в эти минуты. Но постепенно его слова пробились до слуха присутствующих сквозь весь этот гам. Дело было закрыто, вердикт, само собой разумеется, был в пользу истца. Мистер Роджер Хеннесси, которого суд признал человеком вне всяких сомнений, получил свои гонорары за услуги, проценты и дополнительную компенсацию.

«Файнголд энд Чарни» подала апелляцию.

Дело более тщательно обсуждалось в апелляционном суде: были привлечены эксперты для выработки определения понятия «человек». Проблема рассматривалась всесторонне — и с точки зрения науки, и религии, и философии, и семантики.

В результате вердикт в пользу Хеннесси был утвержден.

«Файнголд энд Чарни» снова подала апелляционную жалобу.

Она вела борьбу искусно и цепко, проигрывая процесс за процессом, но таким образом каждый раз расширяя рамки дела от первоначального «Должна ли фирма платить Хеннесси?» до окончательного «Что есть человек?» И на каждом уровне она добивалась все более обстоятельного решения.

На это ушло несколько лет и миллионы долларов. Наконец дело было передано во Всемирный суд.

Он утвердил первоначальное постановление суда по делу Хеннесси и подтвердил все решения судов, касающиеся статуса человека для тех, кому были имплантированы роботопротезы. Всемирный суд объявил, что статус человека абсолютно, беспрекословно определяется мозгом. Использование вспомо-

гательных приспособлений для поддержания жизни мозга ни в коем случае не должно рассматриваться как аннулирование основных и непреложных человеческих свойств этого мозга. Суд определил, что наличие в человеческом организме роботопротезов не дает оснований считать этого человека роботом.

С вынесением окончательного решения Саймон Де Лонг мог праздновать победу, потерпев все свои «поражения». По этому поводу Эндрю тоже приехал в офис.

— Итак, Эндрю, все разрешилось к нашему полному удовольствию. Мы достигли решения двух главных проблем, которые ставили перед собой. Во-первых, нам удалось внести в закон пункт, по которому статус человека не зависит от количества имплантированных в его организм протезов. Во-вторых, мы сформировали общественное мнение таким образом, что теперь многие выступают за широкое и свободное толкование понятия «человек», так как не существует человека, которому не улыбалась бы перспектива продления жизни с помощью расширенного производства и использования самых разнообразных протезов.

— А как вы считаете, теперь Законодательное собрание даст мне статус человека? — спросил Эндрю.

Де Лонг выглядел несколько смущенным.

— Возможно. А возможно, и нет.

— И это все, что вы можете мне сказать после стольких лет судебных баталий?

— Я хотел бы быть таким оптимистом, каким вы хотите видеть меня, — сказал Де Лонг. — Но настоящая битва еще впереди. Всемирный суд назвал единственный критерий статуса человека.

— Разум.

— Мозг, Эндрю. Именно мозг назвал суд, не разум. Разум — это вещь абстрактная, а мозг — это один из органов человека. Мозг человека имеет клеточное, органическое строение, в то время как у роботов он — платиноиридиевый, позитронный, если он у них вообще есть, и у вас именно позитронный мозг... Нет, Эндрю, не смотрите на меня так. Я понимаю, о чем вы думаете. Но меня заверили, что человечество не располагает знаниями того, как можно продублировать функции органического мозга в искусственно созданной конструкции, по сути своей достаточно близкой к клеточной структуре, чтобы подпадать под данное судебное определение. Ведь даже вы не смогли этого сделать.

— Тогда что мы сейчас должны предпринять?

— Предпринять попытку, конечно же. Член Собрания Ли Синг будет на нашей стороне, и появляются все новые конгрессмены, готовые поддержать нас. Всемирный Координатор несомненно поддержит любое решение большинства Законодательного собрания.

— А за нас большинство?

— Нет, — сказал Де Лонг. — Далеко не большинство. Но оно появилось бы, если бы при открытом обсуждении статуса человека общество распространило бы его на вас. На это мало надежды, я понимаю. Но ведь это вы тот человек, который дал им протезы, от которых теперь зависит сама их жизнь.

Эндрю улыбнулся:

— Вы сказали *«человек»*, не правда ли?

— Да, я сказал именно так. А разве не за это мы бьемся, Эндрю?

— Конечно.

— Так нам надо привыкать и в мыслях называть вас так. И проводить эту идею вширь и вглубь, пока каждый не убедится в ее правомерности. Это будет нелегко, Эндрю. До сих пор нам ничто легко не давалось, и неоткуда взяться уверенности, что все изменится к лучшему. Перевес далеко не в нашу пользу, предупреждаю вас. Но если вы сами не откажетесь от борьбы, мы готовы продолжить игру.

— Я не собираюсь сдаваться, — сказал Эндрю.

Глава 21

Конгрессмен Ли Синг сильно постарела с тех пор, как Эндрю впервые встретил ее. Она больше не носила кокетливое одеяние из сверкающего прозрачного пластика. Теперь на ней было скромное, прямого покроя платье. В ее когда-то блестящих черных волосах появилась седина, и прическа стала гораздо короче.

А Эндрю, естественно, ничуть не изменился. Ни морщинки не было у него на лице; его мягкие, прекрасные волосы оставались каштановыми. И насколько возможно, он был верен в пределах разумного тому свободному стилю, который преобладал еще в те времена, когда он сто лет тому назад, первый раз, примерил на себя одежду.

Кончался очередной год. Пронзительные холодные ветры продували каньоны древних кварталов Нью-Йорка, и мягкие хлопья снега порхали в воздухе над гигантской блестящей башней, в которой размещалось Законодательное собрание. Сезон словесных баталий в Собрании закончился.

Но для Эндрю борьба никогда не кончалась. Споры все шли и шли. Разгневанные, сбитые с толку законодатели пытались всесторонне рассмотреть проблему, а избиратели, неспособные подвести философскую базу под свои позиции, оказались во власти эмоций — изначального страха, сомнений и глубоко укоренившихся предубеждений...

Конгрессмен Ли Синг забрала свой проект закона, внесла в него поправки с учетом замечаний упрямой оппозиции, но она еще не внесла его на повторное рассмотрение Законодательного собрания.

— Как вы считаете, — спросил Эндрю, — на следующей сессии вы предложите свой проект?

— А как бы вы хотели?

— Вы знаете, чего я хочу.

Ли Синг устало кивнула в ответ:

— Я говорила вам как-то, Эндрю, что ваше дело — это фактически не мое дело и что я могу бросить его, если оно будет грозить моей карьере. И представьте себе, оно *грозит* моей карьере, а я до сих пор не оставила вас.

— И вы по-прежнему считаете мое дело не своим делом?

— Нет, оно стало моим. Я уже не сомневаюсь, что вы, Эндрю, человек, возможно, созданный вашими же руками, но все равно человек. И мне понятно, что отказать в статусе человека хотя бы кому-то одному значило бы возродить вероятность отказа в статусе человека великому множеству людей, как это часто бывало в нашем отвратительном прошлом. Мы не имеем права допустить повторения этого. Но при всем том... при этом...

Она запнулась на минутку.

— Продолжайте, — попросил Эндрю. — Тут вы дошли до точки и собираетесь известить меня о том, что, несмотря на все это, вы вынуждены покинуть меня — я угадал, Чи?

— Этого я не говорила. Но следует быть реалистами. Думаю, мы зашли так далеко, как только могли.

— Так что вы не будете выносить на обсуждение переработанный закон.

— Этого я не говорила тоже. После каникул я намерена предпринять новую атаку. Но, говоря по правде, Эндрю, нам не победить. Давайте посчитаем. — Она нажала на кнопку, зажегся экран на стене ее кабинета. — На диаграмме в левом углу, зеленый сектор, показано число тех членов Собрания, которые насмерть стоят против любых послаблений в определении статуса человека. Их примерно сорок процентов: упрямцы, всегда противостоящие тому, что исходит от вас. Красный

сектор — ваши сторонники. Двадцать восемь процентов. Остальные еще не решили, за кого они.

— Они обозначены двумя разными цветами. Почему?

— Желтые — это те, кто не уверен, но склоняется больше в вашу пользу. У этой прослойки двенадцать с половиной процентов. А *синие — не решившиеся, но скорее против* вас. Их девятнадцать с половиной процентов.

— Понятно.

— Так что, чтобы получить большинство, нам надо удержать всех до единого нерешительных из желтого сектора и завоевать более половины тех, кто еще колеблется, но в настоящее время намерен голосовать против вас. Ну и, конечно, плюс двадцать восемь процентов твердо поддерживающих вас. И все-таки, даже если мы сумеем уговорить хотя бы некоторое количество ваших закоренелых противников, боюсь, нам и тогда не хватит голосов, Эндрю.

— Тогда зачем вносить на обсуждение ваш проект закона?

— Я чувствую себя в долгу перед вами. Как видите, из этого ничего не получится, и, боюсь, это будет моя последняя попытка. Не из-за того, что я как бы собираюсь выйти из игры, отнюдь, просто я долго не продержусь на своем посту. То, что я для вас делала, станет петлей на моей шее во время следующих выборов, и, по всей видимости, я потерплю поражение на них. Я не сомневаюсь в этом. Я потеряю свое место.

— Я знаю, — сказал Эндрю, — и это очень расстраивает меня. Из-за вас, не из-за себя. Вы об этом давно догадывались, не правда ли, Чи? И все-таки оставались со мной. Почему? Вы же с самого начала предупредили меня, что бросите мое дело, как только почувствуете угрозу своей карьере. Почему вы не сделали этого?

— Я передумала. Так получается, Эндрю, что предательство ваших интересов — гораздо более высокая цена, чем та, которую я готова заплатить за победу на выборах на следующий срок. В конце-то концов, я просидела в Законодательном собрании ни много ни мало — больше четверти века. Полагаю, этого с меня хватит.

— Но если вы могли передумать, почему другие не передумают?

— Нам удалось перетянуть на свою сторону всех, на кого действуют доводы разума, остальных — большинство, к сожалению, — с места не сдвинешь. Тут дело в глубоко укоренившейся эмоциональной неприязни.

— У них самих или у тех людей, которые голосовали за них?

— И у тех, и у других. Даже более или менее разумные члены Собрания то и дело заявляют, что так хотят их избиратели. Но кажется мне, большинство из них сами ненавидят все связанное так или иначе с роботехникой.

— Но разве эмоции — достаточное основание для законодательных решений?

— О, Эндрю!..

— Да, ужасно наивные вещи я говорю.

— «Наивные» — не то слово. Но вы же понимаете, что они никогда не признаются, что руководствовались своими чувствами при голосовании. Они непременно постараются мотивировать свое решение какими-нибудь разумными доводами — к примеру, экономическими соображениями, либо приведут аналогии из истории Древнего Рима, либо аргументируют его постулатами древней религии, — все что угодно, только не правда. Ну, и что из этого? Важно, как они проголосуют, а не почему проголосуют так, а не иначе.

— Значит, все упирается в структуру мозга, верно?

— Да, в этом проблема.

Эндрю осторожно сказал:

— Не понимаю, почему их так сильно занимает именно это. Ведь главное не в том, из чего сделан мозг, а в том, как он работает. Мыслительные способности, быстрота реакции, сообразительность, способность обобщать жизненный опыт. Почему все рассматривается на уровне противопоставления «органические клетки — позитроны»? Разве нельзя все это перевести к функциональным критериям?

— Функциональным?

— Мой мозг справляется со всем тем, с чем имеет дело законно признанный человеческий мозг, но делает он это лучше, быстрее, многостороннее, более четко и логично. Может быть, это и тревожит их. Но начать прятать свой интеллект мне уже поздно, если действительно в этом причина. Но должны ли мы и дальше считать, что только мозг, состоящий из органических клеток, дает право на юридически узаконенное право считаться человеком? Нельзя ли условием поставить то, что мозг *человека*, из органических клеток он состоит или не из органических, это то, что способно достаточно сложно мыслить?

— Не выйдет.

— Не оттого ли, что при таком определении статуса человека слишком много людей не достигнут требуемого уровня интеллекта? — с горечью ухмыльнулся Эндрю. — Вы это имеете в виду?

— О, Эндрю, Эндрю, Эндрю! Послушайте меня: есть среди нас такие, кто любой ценой хочет сохранить барьер между роботами и людьми. Хотя бы ради собственного самоутверждения, они хотят верить, что принадлежат к истинной и единственной в своем роде расе — человечеству, а роботы — существа низшей категории. Вы потратили столетие, чтобы победить таких противников, и вы добились многого — вы добились такого положения, о котором на заре роботехники и мечтать не приходилось. Но то, к чему вы пришли сейчас, не принесет вам победы. Да, вы поместили себя в такое тело, которое по всем статьям настолько близко к человеческому, что практически не отличается от него. Вы едите, вы дышите, вы потеете. Вы ходите в рестораны и заказываете изысканные блюда и прекрасные вина, как я заметила, хотя не думаю, что это имеет для вас какую-либо ценность, кроме как то впечатление, которое вы производите на окружающих.

— Это достаточно ценно для меня, — сказал Эндрю.

— Ладно. Немало людей также не умеют по достоинству оценить отличные вина, но пьют их из тех же соображений. Все ваши органы созданы искусственным путем, но теперь такие же органы есть и у многих людей. Вполне возможно, что немало людей после всех замен полученных от рождения органов искусственными пребывают теперь почти в таких же телах, как ваше. Но *полной* замены не было ни у кого из них. Ни у кого из них нет мозга-протеза. И не может быть. Так что вы отличаетесь от других только в одном, но это фундаментальное отличие. Ваш мозг создан человеком, человеческий мозг — нет. Ваш мозг сконструирован, их — результат естественного развития. Они были рождены, вас собирали на конвейере. Для любого человека, желающего сохранить барьер между собой и роботами, эти отличия — все равно что стальная стена в пять километров в высоту и в пять километров в толщину.

— Вы не сказали ничего нового для меня. Конечно, мой мозг отличается от их по своему строению. Но функции-то абсолютно те же. Может быть, они различаются количественно, но не качественно. Это мозг, и очень хороший мозг. Они просто используют формулировку «позитронный против клеточного» как предлог для того, чтобы не признать меня человеком, в чем-то отличным от них, но человеком... Нет, Чи, если бы мы могли что-то сделать с источником их враждебного отношения, их ненависти ко мне из-за моего происхождения как робота, — то их непостижимое желание провозгласить себя выше того, кто выше *их*, по здравом размышлении...

— Прожив столько лет, — сказала грустно Ли Синг, — вы, Эндрю, все еще пытаетесь взывать к разуму человека. Бедный Эндрю, не сердитесь на меня, но это робот говорит в вас сейчас.

— Но вы же знаете, у меня от робота почти ничего не осталось.

— Вот, оказывается, осталось.

— Немного — да. А если бы я избавился от этого...

Чи Ли Синг бросила на него испуганный взгляд:

— О чем это вы, Эндрю?

— Не знаю. Но есть идея, — сказал он. — Дело в том, Чи, что мои человеческие чувства в западне моего разума робота. И это делает меня не человеком, это делает меня несчастным роботом. Усовершенствовав свое тело, я не стал человеком. Но можно предпринять еще один шаг... Если бы я мог заставить себя... Если бы я только мог заставить себя...

Глава 22

Если бы только он мог заставить себя.

И он смог наконец.

Эндрю попросил Чи Ли Синг как можно дольше не вносить на рассмотрение Всемирного законодательного собрания ее исправленный проект закона, так как он в ближайшем будущем предпримет шаги, которые в значительной мере могут повлиять на исход голосования. А сейчас, сказал Эндрю, ему не хотелось бы обсуждать подробности. Его планы касаются чисто технического подхода, и она тут наверняка ничего не поймет, да и времени на объяснения у него сейчас нет. Но он убеждал, что в результате это сделает его еще большим человеком. И это было главным для нее, той подробностью, в которой она нуждалась. «Он будет еще больше человеком».

Она обещала ему, что сделает все, что в ее силах, чтобы как можно дальше оттянуть обсуждение, чтобы он успел осуществить свой таинственный замысел, но в голосе ее звучали удивление и заинтересованность.

Эндрю поблагодарил ее и сразу постарался связаться с роботом-хирургом с хорошей репутацией, которого он выбрал для осуществления своих планов. Беседа шла трудно. Эндрю заметил за собой стремление оттянуть решение, печально задавал собеседнику вопросы, отражавшие сумятицу в его душе, а хирург все сильнее смущался необычностью, если не сказать невыполнимостью задачи, которую ставил перед ним Эндрю.

Главным препятствием для него был Первый Закон робототехники, непререкаемый закон, запрещавший причинять какой-либо вред человеку. И в конце концов Эндрю уже не мог оттягивать представление главного довода, позволяющего хирургу-роботу провести операцию, — пришлось признаться в том, чего хирург никак не ожидал: Эндрю сказал ему, что он не человек, что он — нечто другое.

Хирург сказал:

— Боюсь, что неправильно понял вас, сэр. Вы заявляете, что вы сами — робот?

— Совершенно верно, я — робот.

Выражение лица хирурга оставалось бесстрастным и спокойным, как всегда, да оно и не могло быть иным. Но во взгляде его горящих фотоэлектрических глаз каким-то образом отразилось его внутреннее переживание, и Эндрю видел, что позитронный мозг хирурга раздирали тревожные, противоречивые потенциалы.

После минутного замешательства робот сказал:

— Я не буду возражать вам, сэр, но по своему внешнему виду вы ничуть не похожи на робота.

— Правильно. Моя внешность была существенно изменена для того, чтобы меня принимали за человека. Но это не означает, что я человек *в действительности*. Правда, за последние несколько лет я сильно поистратился, чтобы прояснить свой статус, но в результате, несмотря ни на что, остался роботом.

— Никогда бы не подумал, сэр.

— Конечно, вы бы никогда так не подумали.

Эндрю выбрал именно этого хирурга не за его блестящие личные достоинства, не за его острый ум, не за его умение быстро ориентироваться в трудных социальных ситуациях. Все это не имело значения для него. Главным для Эндрю был талант хирурга, а по многочисленным свидетельствам он знал, что этот хирург очень искусен в своем деле. А еще — он был робот. Свой выбор Эндрю мог остановить только на хирурге-роботе, потому что ни один из хирургов-людей не вызывал в нем доверия в связи с его проблемой — ни по способности ее выполнить, ни по подходу к ней. Робот, и только робот мог справиться с его задачей.

И робот возьмется за ее выполнение. Эндрю намеревался убедиться в этом.

— Как я говорил вам, сэр...

— Перестаньте называть меня сэром!

Сбитый с толку робот замолк было, но затем заговорил снова:

— Как я уже говорил вам, мистер Мартин, провести операцию, которую вы задумали, на человеке было бы прямым нарушением Первого Закона, и я никак не мог бы согласиться на нее. Но если вы, как вы утверждаете, робот, тогда возникает другая проблема. Операция может повлечь за собой разрушение имущества, и я не могу делать ее без разрешения вашего хозяина.

— *Я* хозяин, — сказал Эндрю. — Я свободный робот, и у меня есть на этот счет документы.

— Сво-бод-ный робот?

— Послушайте, — сказал Эндрю, его охватила тоска, и его собственный позитронный мозг раздирали противоречивые потенциалы. — Хватит болтать. Я не претендую на звание человека, и очень скоро, во время операции вы сами убедитесь, что я не человек, так что оставим в стороне разговоры о Первом Законе. Второй Закон нам не помеха. Я свободный робот, и вы сделаете все, как я скажу. Вы не будете противиться моим желаниям, ясно? — И он потребовал со всей той твердостью, которую он усвоил в обращении с людьми: — Я приказываю провести эту операцию надо мной.

От внутренней борьбы и путаницы в его мозгу еще более ярко вспыхнули красные глаза хирурга-робота, и довольно долго он не мог говорить.

Эндрю понимал, что должен был испытывать хирург. Перед ним сидел человек, который утверждал, что он не человек; но, возможно, это робот, тогда откуда у него такая властность, властность человека; и в любом варианте — в мозгу хирурга гудело и стонало от непостижимости проблемы.

Если это на деле окажется человек, то хирург не может выполнить приказ, потому что Первый Закон перекрывает Второй. А если он действительно робот, то как быть со Вторым Законом? Разве во Втором Законе говорится что-нибудь о подчинении одного робота другому? Пусть даже приказам свободного робота? А этот робот, хоть и говорит, что он не человек, но выглядит абсолютно как человек. Ситуация сложилась воистину непостижимая. Ее двусмысленность почти губительно отражалась на позитронном мозге хирурга. Свидетельство его визуальных приборов гласило, что перед ним человек, а в то же время его разум переваривал информацию о том, что он не человек. Визуальное восприятие заставляло его оглядываться на Первый и Второй Законы, другие данные — наоборот.

Стало ясно, что такие хаотичные противоречия могут привести к короткому замыканию в мозгу хирурга. Лучший выход для хирурга, надеялся Эндрю, это принять условия Второго Закона: хотя этот гость и утверждает, что он не человек и Первый Закон не имеет к нему отношения, в нем достаточно человеческих черт, чтобы он, хирург, подчинялся его приказу.

После длительных сомнений и колебаний робот-хирург пришел именно к этому решению.

— Очень хорошо, — проговорил он, и в его голосе прозвучали явные нотки облегчения. — Я выполню ваше требование.

— Прекрасно.

— Гонорар будет немаленьким.

— Весьма сожалел бы, если бы это было не так.

Глава 23

Операционная здесь была далеко не такая грандиозная, как в «Ю. С. Роботс энд Мекэникл Мен», где Эндрю в прошлые годы подвергался различным операциям по совершенствованию своего тела, но оборудована она была по последнему слову техники и достаточно хорошо, чтобы справиться с его задачей. Он с удовольствием и удовлетворением рассматривал лазерную установку, пульт с измерительными и контрольными приборами, паутину из трубок и капельниц, и, наконец, главное — возвышение, операционный стол на нем, светильники, инструментарий, белое белье и ослепительные, хромированные инструменты, — все было готово принять необычного пациента.

Сам хирург был великолепен в своем спокойствии. Ясно было, что он уже справился со своими сомнениями, вызванными неординарностью просьбы Эндрю и его двуликостью, и теперь он целиком сосредоточился на своей профессиональной проблеме. Эндрю окончательно убедился в правильности своего выбора: только хирург-робот способен был провести эту операцию.

Но перед самым началом операции он ощутил намек на сомнения — именно намек, не более того. Что, если что-то пойдет не так? Что, если в результате операции он лишится каких-нибудь своих способностей? Что, если он закончит свое существование прямо на операционном столе?

Нет, ничего такого не может быть. Операция пройдет вполне успешно, это очевидно. Но даже если... Нет, этого просто не может быть.

Хирург внимательно наблюдал за ним.

— Вы готовы?

— Абсолютно, — ответил Эндрю. — Приступим.

— Очень хорошо, — флегматично сказал хирург и быстрым, легким движением взял в свою изумительно устроенную правую руку лазерный скальпель.

Эндрю предпочел во время операции оставаться в полном сознании. Он ни на секунду не хотел отключаться. К боли он был безразличен, и ему нужно было знать, что его указаниям следуют беспрекословно. И, конечно, им следовали. Хирург, как всякий робот, по самой своей природе не мог допустить никаких произвольных отклонений от заранее намеченного метода проведения операции.

Но Эндрю оказался совершенно неподготовленным к внезапной слабости и усталости, которые навалились на него после того, как все было сделано.

Ощущений, подобных тем, что он испытывал в период своего выздоровления, никогда прежде у него не бывало — даже после трансплантации его позитронного мозга в андроидное тело.

Он не мог ходить нормально — шаркал и спотыкался на каждом шагу. Ему часто казалось, что пол вот-вот поднимется на дыбы и ударит его по лицу. Порой у него так сильно тряслись руки, что ему трудно было удержать вещь в руках. Зрение, которое всегда было у него безупречным, вдруг затуманивалось на довольно длительное время. А бывало, что при попытке вспомнить чье-нибудь имя он ничего не находил в своем мозгу, только дразнящая пустота тускло мерцала отдельными искорками в отдаленных уголках памяти.

На первой неделе после операции он как-то целое утро потратил на то, чтобы вспомнить полное имя человека, которого он знал как Сэра. Потом вдруг имя всплыло: Джералд Мартин. Но зато Эндрю забыл имя старшей сестры Маленькой Мисс, и прошло несколько мучительных часов, прежде чем вдруг из самых закромов его памяти выплыло имя «Мелисса Мартин». Целых два часа! Это не должно было продолжаться и двух миллисекунд.

Так оно и должно было быть, и *теоретически* он был готов к этому. Но в действительности ощущения оказались далеко за пределами разумного. Непривычно было чувствовать физическую слабость. Такими же непривычными для него были плохая координация движений, замедленные рефлексы, плохое зрение, отдельные выпадения памяти. Унизительно было сознавать себя таким несовершенным существом... таким *человеком*...

«Нет, — подумал он. — *В этом нет ничего унизительного. У тебя все позади. Именно человек чувствует себя несовершенным. И больше всего именно этого ты и хотел: быть человеком. И вот ты наконец человек. Несовершенство, слабость, неуверенность в себе — эти свойства и делают человека человеком. И это же дает ему силы быть выше собственных недостатков.*

Раньше у тебя никогда не было недостатков. Теперь они есть, и пусть будут. Ты достиг того, к чему стремился, и тебе не в чем раскаиваться».

Постепенно, день за днем ему становилось лучше. Очень постепенно.

Первой вернулась в прежнее состояние память. С удовлетворением Эндрю обнаружил, что опять обладает всем объемом своей памяти и может мгновенно вспомнить все что угодно из своего прошлого.

Он сидел в большой комнате дома, когда-то принадлежавшего Джералду Мартину, в большом кресле перед камином, и видения прошлых лет свободной чередой проходили перед его глазами: завод, где его создавали; день его прибытия в дом Мартинов; Маленькая Мисс и Мисс — еще совсем девчушки — и их прогулки по побережью; Сэр и Мэм за обеденным столом; его деревянные поделки и сделанная его руками мебель; день, когда он впервые надел на себя одежду; служащие из «Ю. С. Роботс», приехавшие к ним на Запад, чтобы исследовать его; первое появление в его коттедже Маленького Сэра; женитьба Маленького Сэра и рождение Пола Чарни. И менее приятные образы: эпизод с двумя бездельниками, которые, встретив его, когда он шел в библиотеку, пытались разобрать его на части. И много-много другого из почти двухсотлетнего запаса воспоминаний.

Все сохранилось. Его умственные способности ослабевали ненадолго, убедился он с огромным облегчением.

И пол уже не становился на дыбы, чтобы ударить его по физиономии. И зрение больше не вытворяло никаких фокусов. При ходьбе он уже не опасался споткнуться и упасть. В основном он снова стал самим собой.

И все-таки какая-то слабость оставалась в нем, или ему это так казалось: постоянная, хроническая слабость, желание присесть, отдохнуть, прежде чем приступить к следующему какому-либо занятию.

Возможно, это было плодом его воображения. Хирург сказал, что он хорошо идет на поправку.

Эндрю знал о синдроме, который называется *ипохондрией*, при котором вы находите в себе симптомы болезней, которых в действительности у вас нет. Он слышал, что люди частенько находили у себя симптомы, которые потом не подтверждались никакими анализами, и чем больше они думали о всевозможных

болезнях, которыми они якобы больны, тем больше симптомов этих болезней они находили у себя. Такие люди назывались ипохондриками.

Эндрю спрашивал себя, неужели в результате его долгого, упорного стремления стать человеком он стал ипохондриком. При этой мысли он не смог сдержать улыбку. По всей видимости, так оно и случилось, решил он. Его собственные наблюдения не подтверждали нарушения его основных рефлексов, никаких отступлений от нормы ни в одном из его органов. И все же... и все же он чувствовал такую *усталость*...

Это игра воображения. Эндрю приказал себе выбросить из головы всякую мысль об усталости. Однако, усталый или не усталый, он отправился на другой конец континента в огромную башню из зеленого стекла, во Всемирное законодательное собрание в Нью-Йорке нанести визит Чи Ли Синг.

Он вошел в ее высокий большой кабинет, и она машинально, как любому другому гостю, предложила ему сесть по другую сторону ее стола. Но Эндрю всегда, побуждаемый какой-то непонятной вежливостью, всегда оставался стоять в ее присутствии, и он не захотел садиться сейчас — сейчас в особенности. Иначе он сразу же разоблачил бы себя. Но спустя минуту или две он почувствовал, что продолжать стоять ему не так-то легко, и он как можно незаметнее прислонился к стене.

Ли Синг сказала:

— Окончательное голосование состоится на этой неделе, Эндрю. Я старалась еще отложить его, но я исчерпала все свои возможности в парламентских дебатах и теперь ничего не могу поделать. Закон проголосуют, и мы потерпим поражение... Такие вот дела, Эндрю.

— Очень благодарен вам за то, что сумели притормозить процесс. Мне хватило этого времени, и я снова вступаю в игру, чтобы выиграть ее.

Ли Синг с тревогой посмотрела на него.

— О какой игре вы говорите, Эндрю? — И продолжила с дрожью в голосе: — Последние месяцы вы окружали себя такой таинственностью! Туманно намекая на какие-то свои планы, вы никому не позволили узнать, в чем они состоят.

— Я не мог, Чи. Если бы я сказал вам или кому-нибудь из «Файнголд энд Чарни» хоть слово о них, вы бы меня остановили. Я в этом уверен. Вы бы *могли* остановить меня, приказав просто оставить все как есть. Второй Закон! — у меня нет сил сопротивляться ему. То же самое мог сделать и Саймон Де Лонг. Поэтому я молчал о своих планах, пока не привел их в исполнение.

— И что вы наделали, Эндрю? — очень тихо, почти с угрозой спросила Чи Ли Синг.

Эндрю сказал:

— Мы пришли к выводу, что все дело в моем мозге — «позитронный мозг против органического мозга». Но какова была истинная подоплека? Мой разум? Нет. Да, я неординарно мыслю, но этого и добивались мои дизайнеры, когда создавали меня, а потом они уничтожили мои матрицы. Все последующие роботы обладали выдающимися способностями, но только в той области деятельности, к которой они были предназначены, во всем другом они были довольно глупыми созданиями. В той же мере, в какой глуп компьютер, независимо от того, что он во много триллионов раз быстрее, чем человек, может сложить столбик чисел. Так что не мой разум вызывает зависть у людей, отнюдь. Существует огромное множество людей, способных обвести меня вокруг пальца.

— Эндрю...

— Позвольте мне закончить, Чи. Обещаю, я скоро доберусь до главного.

Он немного изменил свое положение, надеясь, что Ли Синг не заметит, что у него нет сил дольше нескольких минут подряд стоять, не опираясь на стену. Но тут же заподозрил, что она не упустила это из виду. Она обеспокоенно, нерешительно посматривала на него.

Он продолжал:

— Что составляет наибольшую разницу между моим позитронным мозгом и мозгом человека? То, что мой мозг *бессмертен*. Все наши неприятности происходят от этого, понимаете? Откуда иначе этот интерес к тому, как выглядит твой мозг, или из чего он сделан, или как он появился на свет? Да дело в том, что клетки человеческого мозга умирают. *Должны* умереть. Нет способа избежать этого. Любой другой орган можно излечить, заменить на другой, искусственный, но мозг не заменишь, не изменив при этом, а то и вовсе не уничтожив саму личность. Органический мозг должен в конечном счете умереть. А мой позитронный...

Выражение лица Ли Синг менялось по мере рассказа Эндрю. Сейчас оно выражало ужас.

Эндрю стало ясно, что она начала понимать содеянное им. Но он хотел, чтобы она выслушала его до конца. И он безжалостно продолжил:

— Моя позитронная система действует без малого два столетия — и никаких признаков износа, никаких нежелательных изменений, и она может просуществовать века. А может — до

бесконечности, кто знает? Самой науке о роботехнике всего каких-нибудь триста лет, откуда же знать, какой срок деятельности отпущен позитронному мозгу. Практически мой мозг бессмертен. И не *это ли* основной барьер, который отделяет меня от человеческой расы? Люди терпят бессмертие роботов, потому что это свойство машины существовать долгое время, и никто из людей не боится этого. Но человек не способен смириться с мыслью, что человек не может быть бессмертным, он покорно принимает свою недолговечность, пока знает, что это общая судьба всех людей. Но стоит одному кому-нибудь обрести бессмертие, как каждый почувствует себя жертвой несправедливости. Вот почему, Чи, они отказывались признать меня человеком.

Ли Синг раздраженно спросила:

— Вы обещали добраться до главного. Так говорите же о главном. Я хочу знать, что вы сделали с собой, Эндрю?

— Я решил проблему.

— Решили? Каким образом?

— Много лет назад, когда мой позитронный мозг переместили в это андроидное тело, его подсоединили к органическим нервным волокнам, но тщательно изолировали от обменных процессов, иначе в конечном итоге это привело бы к его разрушению. И вот я прошел еще одну, последнюю операцию, чтобы изменить связи «мозг-тело». Изоляцию сняли. Мой мозг теперь подвержен тем же процессам старения, как и любая органическая субстанция. Теперь моя нервная система устроена так, что энергия из нее будет утекать — медленно, очень медленно.

Некоторое время морщинистое лицо Ли Синг ничего не выражало. Потом она поджала губы, стиснула кулаки.

— Вы хотите сказать, что все устроили для того, чтобы *умереть*? Нет! Нет, вы не могли сделать это! Это же нарушение Третьего Закона.

— Это не совсем так, Чи, — сказал Эндрю. — Существует не один способ умереть, Чи, и Третий Закон их не различает. А я различаю. Я решил поставить его перед выбором между смертью тела и смертью своих надежд и мечтаний. Позволить жить телу ценой гибели чего-то более существенного — вот в чем состоит нарушение Третьего Закона. Я мог бы жить вечно роботом. Но я предпочитаю умереть человеком.

— Эндрю! Нет! — вскричала Ли Синг. С поразительной для нее скоростью она выскочила из-за стола, схватила его руку, будто хотела встряхнуть его. Но она просто так сильно сжала ее, что ее пальцы глубоко утонули в его податливой синтетической плоти. — Эндрю, это вовсе не то, к чему вы стремились. Это ваша грубая оплошность. Верните себя в прежнее состояние.

— Не могу. Разрушено слишком многое. Операция необратима.

— И что же теперь?

— У меня остается еще год жизни примерно. Я еще протяну до двухсотой годовщины своего возникновения. Признаюсь — это моя слабость заставила меня так протянуть время. А потом — естественная смерть, Чи. Других роботов демонтируют, выводят из рабочего состояния, и на этом они бесследно кончаются. Я — первый робот, который умрет, если, конечно, я к тому времени еще буду чувствовать себя роботом.

— Не могу поверить всему этому, Эндрю. Что хорошего вы тут нашли? Вы разрушили себя — и ради чего? Ради чего? Не стоило делать это.

— А я считаю, что стоило.

— Тогда вы дурак, Эндрю!

— Нет, — мягко возразил он. — Если я наконец получу статус человека, тогда стоило, стоило того. А если я не получу этого статуса, ну что ж, тогда, по крайней мере, очень скоро придет конец моим бесплодным усилиям и страданиям, даже ради этого стоило сделать операцию.

— Страдания?

— Да, страдания. А вы считали, что я не способен страдать, Чи?

Ли Синг вдруг так повела себя, что Эндрю онемел от изумления.

Ли Синг вдруг тихо заплакала.

Глава 24

Странно, но последний в долгой жизни Эндрю драматический его поступок произвел большой фурор во всем мире. Ничто из прежних деяний Эндрю не подвигнуло людей отказаться от их протеста против придания ему статуса человека. Но в конце концов Эндрю даже смерть призвал себе в союзники, решился умереть только ради того, чтобы его признали человеком, и слишком велика была его жертва, чтобы отвергнуть ее.

Новость облетела весь мир с ураганной скоростью. Все говорили только об этом. Статья закона, которой он так долго добивался, прошла во Всемирном законодательном собрании без сучка без задоринки. Никто не осмелился проголосовать

против. Не было, по сути дела, и обсуждения. В нем уже не было никакой нужды. Дело было беспрецедентное, но в этот единственный раз о прецеденте вообще речи не шло.

Сама церемония была специально приурочена к двухсотлетнему юбилею Эндрю. Всемирный Координатор должен был публично поставить свою подпись под актом, что должно было подтвердить его законность; церемонию решили транслировать по всемирному телевидению и ретранслировать в колонии на Луне и на других планетах.

Эндрю сидел в инвалидном кресле. Он еще мог передвигаться на своих ногах, но очень неуверенно, и его смущало, что миллиарды людей увидят, какой он дряхлый.

И миллиарды людей действительно смотрели эту передачу.

Церемония была простой и не заняла много времени. Всемирный Координатор — или, вернее, его электронный двойник, так как Эндрю оставался у себя дома, в Калифорнии, а Координатор находился в Нью-Йорке, — начал так:

— Эндрю Мартин, это особый день не только для вас, но и для всей человеческой расы. Никогда прежде не было такого дня. Но ведь и такого, как вы, никогда прежде не существовало.

Пятьдесят лет назад в вашу честь состоялась церемония по случаю вашего стопятидесятилетия в штаб-квартире «Юнайтед Стейтс Роботс энд Мекэникл Мен». Помнится, что в тот день один из ораторов провозгласил вас полуторастолетним роботом. В то время такое заявление было оправданным. Но как мы знаем теперь, оно было в некотором роде ущербным. И мир предпринял известные всем шаги, чтобы внести поправки к нему, и сегодня эти поправки вступят в действие. — Координатор бросил взгляд на Эндрю и улыбнулся. На возвышении перед ним лежал документ. Всемирный Координатор склонился над ним и поставил свою подпись внизу.

Затем, подняв очи горе, он со всей надлежащей данному случаю торжественностью произнес:

— Свершилось. Решение принято и отмене не подлежит. Пятьдесят лет отделяют день вашего полуторастолетия от сегодняшнего дня. Там остался статус робота, с которым вы явились в этот мир и которым вас величали тогда. Сейчас мы отбираем у вас этот статус. Вы больше не робот. Документ, который я только что подписал, все преображает. Сегодня, мистер Мартин, мы провозглашаем вас... Двухсотлетним Человеком.

И Эндрю, улыбаясь в ответ, протянул руку как бы для того, чтобы пожать руку Координатора, пренебрегая расстоянием в целый континент, которое в действительности разделяло их.

Жест был тщательно отрепетирован — все было учтено до миллиметра. И миллиардам зрителей показалось, что две руки и в самом деле сомкнулись на мгновение в теплом, человеческом пожатии.

Глава 25

Смутным воспоминанием стала церемония, состоявшаяся несколько месяцев назад. Теперь близился конец. Эндрю лежал в своей кровати в большом доме над Тихим океаном и его мысли медленно затуманивались.

Он отчаянно цеплялся за них.

Человек! Он наконец был человеком, настоящим человеком! Многие десятилетия одолевал он ступень за ступенью в своем восхождении из состояния робота к своему нынешнему состоянию, не совсем осознавая размеры своих притязаний поначалу, но постепенно все ближе подходя к осознанию подлинной их цели, которая в конце концов стала ужасно важной для него. Он достиг почти невозможного, совершенно уникального во всей истории человечества.

И он хотел, чтобы последняя его мысль была об этом. Он хотел исчезнуть... умереть с этой мыслью.

Эндрю в последний раз открыл глаза и разглядел Ли Синг торжественно застывшую возле его ложа. Были и другие люди, собравшиеся, чтобы быть рядом с ним в последние часы его жизни — так поступал и он, когда умирали Сэр и Маленькая Мисс, — но окружающие казались ему всего лишь смутными тенями. Он уже забывал лица, имена — все и всех. Память о его двухсотлетней жизни покидала его.

Пусть уходит. Пусть уходит все, думал он.

И только стройная фигурка Ли Синг выделялась на этом сером фоне. Последний друг. Как много их было у него за эти двести лет, но все они уже ушли, осталась только она одна. Эндрю медленно протянул ей свою дрожащую руку и едва почувствовал ее легкое пожатие. Она что-то сказала ему, но он уже не различал слов.

Она таяла у него в глазах, и последние мысли тонкой струйкой утекали во тьму.

Ему стало холодно... очень холодно... и Ли Синг пропадала.. исчезала в темном тумане, который теперь поглощал его.

И вдруг вспыхнуло последнее мимолетное видение и на какой-то миг задержалось в его сознании перед тем, как все кончилось. Он увидел мерцающий образ той, кто первой узнала

в нем его истинное лицо за двести лет до этого момента. Сияние света и тепла исходило от нее. Ее блестящие, золотые волосы сияли, как ослепительный рассвет. Она улыбалась ему, тянулась к нему...

— Эндрю, — сказала она, — идем, Эндрю. Ну. Идем же. Ты ведь знаешь меня.

— Маленькая Мисс, — прошептал он так тихо, что никто не услышал.

И он закрыл глаза, и тьма поглотила его, и он — теперь уже настоящий человек — без раскаяния отдался ей.

БЕЗОБРАЗНЫЙ МАЛЫШ

Мартину Гарри Гринбергу
с двойной любовью

«Один в полумраке спящего кубрика, он казался еще больше — казался гигантом, старым, как сам Отец-Время, великий утешитель, сошедший в это тихое, как склеп, место, чтобы терпеливыми глазами созерцать краткую победу сна. Но он был лишь сыном времени — последним, кто остался из позабытого, исчезнувшего поколения».

Джозеф Конрад. «Негр с "Нарцисса"».

Пролог

СЕРЕБРИСТОЕ ОБЛАКО

Ночью пришел снег — мелкий, тонкий как туман, гонимый западным ветром. Этот снег проделал, должно быть, длинный путь. От него еще пахло морем — теперь этот запах поднимался от всей широкой голой тундры, пригретой первыми лучами солнца.

Серебристое Облако видел море единственный раз, давным-давно, мальчишкой, когда Люди еще охотились на западных землях. Море было огромное, темное и неспокойное, а иногда, освещенное солнцем, горело как жидкий огонь. Войти в него значило умереть, но смотреть на него было увлекательно. Серебристое Облако знал, что больше никогда не увидит моря. Приморские земли теперь заняли Чужие, а Люди отступают, с каждым годом все дальше и дальше уходя в ту сторону, где родится солнце. Даже если Чужие вдруг исчезнут так же внезапно, как появились, ему, понимал Серебристое Облако, к морю вернуться не суждено. Слишком стар он, слишком сильно хромает, слишком близок его конец. Племени понадобилась бы половина человеческой жизни, а то и больше, чтобы вернуться вспять по пройденному пути. У Серебристого Облака не было в запасе половины жизни. Ему осталось от силы два-три года, если посчастливится.

Однако все устроено правильно. Он видел море когда-то — никто во всем племени не мог сказать того же о себе. Никогда Серебристое Облако не забудет его запаха, его великой, накатывающей на берег силы. Сейчас он стоял на пригорке над стоянкой, глядя на нежданно побелевший простор, и раздувал ноздри, глубоко вдыхая мускусный запах моря, поднимающийся к нему от тающего снега. На миг Серебристое Облако вновь почувствовал себя молодым.

Всего лишь на миг.

— Ты не сказал, что будет снег, когда мы прошлым вечером разбивали лагерь, Серебристое Облако, — сказал кто-то у него за спиной.

Это был голос Ведуньи. Зачем она притащилась за ним? Он пришел сюда, чтобы побыть одному в тихий час рассвета. И меньше всего хотел, чтобы именно она докучала ему в его уединении.

— Разве снег — такое большое событие, что я должен каждый раз предупреждать о нем? — повернулся он к Ведунье.

— Теперь пятая неделя лета, Серебристое Облако.

— Снег может пойти и летом, женщина.

— На пятой-то неделе?

— На любой неделе. Я помню годы, когда снег шел все лето — день за днем. Сквозь него светило яркое летнее солнце, и все-таки он шел. И было это на западных землях, где летом теплее, чем здесь.

— Это было давным-давно, когда я еще не родилась. Теперь стало теплее — все так говорят, и это похоже на правду. Тебе следовало сказать нам, что будет снег, Серебристое Облако.

— Разве это снег? Припорошило чуть-чуть, вот и все.

— Мы достали бы спальные полости.

— Из-за того, что чуть-чуть присыпало снежком?

— Да. Кому же охота просыпаться со снегом на лице? Надо было сказать.

— Я не думал, что это так важно, — раздраженно ответил Серебристое Облако.

— Все равно надо было сказать. Если ты знал, конечно, что снег пойдет.

Ведунья не сводила с него злобных, враждебных глаз. С годами она становилась все докучливее. Серебристое Облако помнил то время, когда она была красивой стройной девушкой по имени Быстрая Река, с густой гривой темных волос и грудями как спелые дыни. Все мужчины племени желали ее — и он тоже, что скрывать. Но теперь она пережила свою тридцатую зиму, волосы ее повисли седыми космами, груди иссохли, мужчины больше не глядят на нее, и она переменила имя на Ведунью и напускает на себя важность, точно сама Богиня вселилась в нее.

— Я знал, что будет снег, — сердито ответил Серебристое Облако. — Но я знал и то, что о нем не стоит даже и говорить. Я чую снег старой раной на бедре, я всегда знаю, когда он будет.

— Не знаю, так ли это.

— Так, значит, я лгу?

— Тебе надо было сказать нам, что будет снег, если ты о нем знал. Тебе бы тоже не помешало укрыться полостью, как и всем остальным. Тебе особенно.

— Ну так убейте меня. Я сознаюсь во всем. Я не почувствовал, что будет снег, потому и не предупредил вас, и вы проснулись со снегом на лице. Это великий грех. Зови же Тех, Кто Убивает, пусть они отведут меня за холм и ударят двенадцать раз дубинкой из бивня. Думаешь, мне не все равно, Ведунья? Я прожил сорок зим и больше. Я очень стар и очень устал. Если ты, Ведунья, хочешь возглавить племя, я с радостью уступлю тебе...

— Полно, Серебристое Облако.

— Ты этого хочешь, верно? День ото дня твоя великая мудрость сияет все ярче, а я только старею. Займи мое место. Вот. И вот. — Он развязал свою медвежью мантию, знак своей власти, и швырнул женщине. — Бери! И шапку с перьями бери, и палицу из бивня, и все остальное. Спустимся вниз и скажем об этом всем. Мое время прошло, теперь главой племени можешь стать ты. Бери его! Оно твое!

— Ты говоришь пустое, и твои слова неискренни. Ты отдашь свою шапку с перьями и костяную палицу лишь тогда, когда мы найдем тебя однажды утром холодным и окостенелым — ни днем раньше. — Она сунула ему обратно медвежий плащ. — Избавь меня от своих громких слов. У меня нет никакого желания занять твое место — ни теперь, ни после твоей смерти. Сам знаешь.

— Тогда зачем ты пришла докучать мне этим несчастным снегопадом?

— Потому что у нас пятая неделя лета.

— Ну и что? Мы уже говорили об этом. Снег может пойти в любое время года, и ты это прекрасно знаешь.

— Я смотрела памятные зарубки. Снега в такую пору не бывало со времен моего детства.

— Ты смотрела зарубки? — опешил Серебристое Облако. — Когда — утром?

— Когда же еще? Я проснулась, увидела снег, и это испугало меня. Я пошла к Хранительнице Прошлого и попросила показать мне зарубки. Мы считали вместе. Семнадцать лет прошло с тех пор, как в последний раз выпадал снег на пятой неделе лета. А знаешь, что в то лето случилось? Шестеро наших погибло, охотясь на носорога, а еще четверых растоптали мамонты. Десять смертей за одно лето.

— Зачем ты мне это говоришь, Ведунья?

— Затем, что хочу спросить — не считаешь ли ты этот снег дурным предзнаменованием?

— Я считаю, что снег — это снег, и больше ничего.

— Не значит ли он, что Богиня гневается на нас?

— Спрашивай у Богини, не у меня. Богиня в последнее время не часто говорит со мной.

Ведунья сделала нетерпеливую гримасу.

— Не шути, Серебристое Облако. Вдруг снег означает, что нас тут ждет какая-то опасность?

— Смотри, — ответил он, обводя широким жестом долину и тундру. — Ты видишь там какую-то опасность? Я вижу немного снега, да. Совсем немного. И вижу, как Люди встают с улыбкой и берутся за дела, готовясь начать новый, добрый день. Вот что вижу я, Ведунья. Если ты видишь знаки гнева Богини — укажи мне их.

В самом деле, картина внизу казалась восхитительно мирной. В главном стойбище женщины и девушки разводили утренний костер. Мальчики, еще не доросшие до того, чтобы охотиться, бродили вокруг, разгребая тонкий снежок — собирали хворост и сухой дерн для костра. Левее, на том участке, где помещались матери, кормили младенцев: Источник Молока, эта неутомимая женщина, держала у каждой груди по ребенку. Глубокая Вода собирала малышей в круг для игры, успокаивая Меченого Небесным Огнем, который упал и ушиб коленку. Дальше хлопотали три жрицы — они уже сложили из камней алтарь-пирамиду, и теперь одна возлагала подношение из ягод, другая лила на жертвенный камень кровь убитого накануне волка, третья разводила огонь. По другую сторону Оседлавший Мамонта уже разложил свои инструменты и обтачивал кремневые наконечники с присущим ему искусством, хотя руки слушались его все хуже и хуже. Лунная Плясунья и одна из ее дочек сидели рядом с ним и тоже занимались привычной работой — жевали шкуры, чтобы размягчить их и потом сделать из них одежду. А далеко на горизонте рассеялись по тундре охотники с копьями и дротиками наготове. Их неровный длинный след — отпечатки пяток и вывернутых наружу пальцев, ведущий от стойбища, — еще виднелся на быстро тающем снегу.

Да, картина была мирной. Все казалось обыденным и привычным — еще один день начинается в жизни народа, старого, как само время, и предназначенного существовать до конца времен. При чем здесь какой-то снег, выпавший среди лета? Жизнь сурова — снег выпадает и будет выпадать круглый год; Богиня никогда не обещала, что летом снега не будет, хоть и была в этом милостива к ним в последние годы.

Странно, как это он, Серебристое Облако, не почувствовал, что ночью пойдет снег. А может, почувствовал, но не придал этому значения? В последнее время его одолевали самые разные боли: все труднее было определить, которая что означает.

Тем не менее все как будто хорошо.

— Я спущусь, — сказал вождь Ведунье. — Я пришел сюда только для того, чтобы побыть одному, но вижу, что это мне не удастся.

— Позволь мне помочь тебе, — сказала она.

Серебристое Облако яростно оттолкнул протянутую ему руку.

— Я что, женщина, по-твоему, калека? Убери свои руки!

— Как скажешь, Серебристое Облако, — пожала плечами та.

Но спускаться с холма было трудно и утомительно — снег предательски скрывал из виду мелкие камушки, заставляя оступаться и скользить. Не пройдя и десяти шагов, Серебристое Облако пожалел, что гордость не позволяет ему принять помощь Ведуньи. Но делать нечего. Против его легкой хромоты никто не возражал, но, если он начнет пользоваться чужой помощью, спускаясь под горку, все подумают, что ему пора на покой. Да, стариков почитали, но долго с ними не нянчились. В свое время Серебристое Облако помогал упокоиться другим старикам. Печальное это было дело — рыть им норы в снегу и потом стоять рядом, пока холод не убаюкает их навеки. Ему не хотелось, чтобы и с ним поступили так же — пусть его время придет само, не надо его торопить. И так уж недолго ждать.

Он слегка запыхался, пока сошел вниз, и весь взмок под своим серым медвежьим плащом. Но не так уж все плохо. Он пока еще держится на ногах.

Ноздри его щекотал запах стряпни. Слышался детский смех и пронзительные вопли младенцев. Солнце быстро поднималось. Чувство благополучия переполнило вождя.

Через три дня настанет Праздник Лета, когда ему придется танцевать в кругу и принести в жертву молодого буйвола и помазать его кровью избранную деву года. А потом уйти с девой и соединиться с ней, чтобы обеспечить успех осенней охоты. Серебристое Облако слегка беспокоило приближение празднества — он опасался, не помешает ли ему хромота исполнить свой танец и не дрогнет ли его рука при заклании, как дрогнула однажды у него на глазах рука другого стареющего вождя. Что же до девы, он и тут был не совсем уверен в себе. Но в это теплое утро все его страхи как рукой сняло. Ведунья — просто старая дура, которую пугает все на свете. Снег не

означает ничего плохого. Ничего! День хороший и ясный. У Людей впереди славное лето, что будет разгораться все жарче и жарче.

Жаль, что Праздник Лета не сегодня, подумал вождь, когда его дух вознесся так высоко, а тело, хотя бы ненадолго, обрело прежнюю бодрость. Танец — буйвол — соитие с девой...

— Серебристое Облако! Серебристое Облако! — послышалось вдруг с равнины. Хриплые, отрывистые тревожные призывы неслись издали, с той стороны, где жрицы возвели свой алтарь.

Что это? Охотники вернулись так скоро? И в такой спешке?

Серебристое Облако заслонил глаза ладонью, глядя против солнца. Да — Волчье Дерево и Расколотая Гора во всю мочь бежали к стойбищу, на бегу призывая вождя. Волчье Дерево махал копьем как безумный, а Расколотая Гора и вовсе, кажется, был безоружен.

Они ворвались в стойбище и упали у ног Серебристого Облака, хрипя, стеная и задыхаясь. Эти двое были самыми сильными и резвыми мужчинами племени — как видно, они бежали во весь дух с самого места своей охоты и теперь совсем изнемогли.

Тревога обуяла Серебристое Облако, и краткий миг покоя и радости покинул его.

— Что такое? — спросил он, не дав охотникам отдышаться. — Почему вы вернулись так рано?

Расколотая Гора указал в ту сторону, откуда они прибежали. Рука у него тряслась, как у старца, и зубы стучали.

— Чужие! — выпалил он.

— Как? Где?

Расколотая Гора только тряс головой, не в силах говорить.

— Мы их не видели, — с огромным усилием выговорил Волчье Дерево. — Видели только их следы.

— На снегу?

— Да, на снегу. — Волчье Дерево стоял на коленях, свесив голову на грудь, и дышал так тяжело, что, казалось, его тело до пояса сотрясают судороги. Пересилив себя, он заговорил вновь: — Следы. Ступни узкие и длинные. Вот такие. — Он изобразил в воздухе очертания следа. — Это Чужие, нет сомнений.

— Сколько их?

Волчье Дерево покачал головой, глаза его закрылись. Теперь дар речи обрел Расколотая Гора.

— Много. — Растопырив пальцы на руках, он вновь и вновь выбрасывал вперед ладони. — Больше нас. Вдвое, втрое, вчетверо больше. Идут с юга на север.

— И немного к западу, — мрачно заметил Волчье Дерево.

— Значит, прямо на нас?

— Может быть. Не уверен.

— Я думаю, что на нас, — сказал Расколотая Гора. — Или мы движемся к ним. Можем наткнуться прямо на них, если не остережемся.

— Чужие здесь? — промолвил Серебристое Облако, словно сам с собой. — Но ведь они не любят открытых равнин. Это не их земля. Им тут нечего делать. Им следовало сидеть у моря. Ты уверен, что это их следы, Волчье Дерево? Ты, Расколотая Гора?

Охотники кивнули.

— Они пересекают нашу тропу, но не думаю, что они выйдут на нас, — сказал Волчье Дерево.

— А я думаю — выйдут, — сказал Расколотая Гора.

— Думаю, они не знают, что мы здесь.

— А я думаю — знают.

Серебристое Облако вцепился себе в бороду. Удар, какой удар. Он глядел на восток, будто ожидая, если вглядится как следует, увидеть там Чужих, пересекающих тропу его племени, но видел только свет восходящего солнца.

Потом он встретился глазами с Ведуньей.

Он ждал, что она посмотрит на него победно, злорадно. Вышло ведь, что снег в середине лета предвещал-таки беду. А он, Серебристое Облако, не только не сумел предсказать снегопада, но и неправильно истолковал его зловещий смысл.

«Что я тебе говорила, — с полным правом могла бы сказать Ведунья. — Пришла большая беда, и ты больше не годишься в вожди».

Но, к удивлению Серебристого Облака, Ведунья не испытывала никакого злорадства. Она потемнела от горя, и тихие слезы струились у нее по щекам.

Она почти с нежностью протянула к нему руку.

— Серебристое Облако. Ох, Серебристое Облако.

А ведь она не о себе плачет. И не о племени. Она плачет обо мне, с изумлением понял вождь.

Глава 1

ЛЮБОВЬ

1

Эдит Феллоуз оправила свою сестринскую форму, как всегда перед этой наглухо запертой дверью, и переступила невидимую черту, отделявшую существующий мир от

несуществующего. В руках она держала блокнот и авторучку, хотя теперь почти не делала заметок — разве только при крайней необходимости.

На этот раз при ней был еще и чемоданчик. «Несу игры мальчику», — с улыбкой сказала она охраннику, который давно уже и не думал ни о чем ее спрашивать. Он приветливо помахал ей через барьер безопасности.

А мальчик, как всегда, почувствовал, что она вошла в его мирок, и подбежал, крича, как обычно, мягко и невнятно:

— Мисс Феллоуз, мисс Феллоуз!

— Тимми, — ответила она, нежно взъерошив его лохматые темные волосы на странной формы головенке. — Что с тобой?

— Где Джерри? Он сегодня больше не придет со мной играть?

— Сегодня нет.

— Я жалею, что так получилось.

— Я знаю, Тимми.

— А Джерри...

— Забудь пока про Джерри, Тимми. Ты из-за него плакал? Из-за того, что его нет?

Мальчик отвел глаза.

— Не только из-за него, мисс Феллоуз. Мне опять снился сон.

— Тот же самый? — Мисс Феллоуз плотно сжала губы. Конечно, происшествие с Джерри неминуемо должно было вызвать этот сон.

— Да, тот же, — кивнул мальчик.

— Очень было страшно?

— Да, очень. Я был там снаружи. Там были дети, много детей. Джерри тоже был. Они все на меня смотрели. Некоторые смеялись, некоторые показывали на меня и корчили рожи, но другие были хорошие. Они сказали: иди сюда, иди, ты можешь, Тимми. Просто шагай. Иди, иди все время — и выйдешь. Я и пошел. Прямо взял и вышел отсюда наружу. И сказал: ну, теперь давайте играть, но они стали расплываться, и я их больше не видел, а меня стало тянуть обратно сюда. Я не мог остановиться. Меня все тянуло, и вокруг сделалась черная стена, и я не мог шевельнуться, я завяз, я...

— Ох, как страшно. Мне очень жаль, что тебе это снилось, Тимми, — ты знаешь, как жаль.

Он попробовал улыбнуться, показав свои чересчур большие зубы, — так что казалось, будто его челюсти еще сильнее выпячиваются вперед, чем на самом деле.

— А когда я вырасту большой, чтобы выйти отсюда, мисс Феллоуз? Выйти взаправду, а не только во сне?

— Скоро, — ответила она, и сердце у нее разрывалось. — Скоро.

Она протянула мальчику руку. Ей нравилось теплое прикосновение его сухой шершавой ладошки. Он потянул ее за собой, ведя через все три комнаты Первой секции стасиса — достаточно удобные, но ставшие ему тюрьмой на все семь лет его жизни. (Семь ли? Кто может знать?)

Он подвел мисс Феллоуз к единственному окошку, выходящему на заросший кустами пустырь существующего мира, сейчас скрытый ночной тьмой. Днем там были видны забор и доска с надписью, грозившей страшными карами любому, кто вздумает войти сюда без разрешения. Тимми прижал нос к стеклу.

— Расскажите еще раз, что там, снаружи, мисс Феллоуз.

— Там хорошо. Лучше, чем здесь, — грустно сказала она.

И опять, как столько раз за три последних года, стала следить за ним краешком глаза, глядя на профиль маленького узника, прилипшего к окну. Над покатым лбом вихрами торчали густые жесткие волосы — ей никогда не удавалось толком их причесать. Задняя часть черепа выпирала несуразной глыбой — голова из-за этого казалась слишком тяжелой и как будто перевешивала, заставляя тело сутулиться. Над глазами уже выступали тяжелые валики надбровных дуг. Большой рот выдавался гораздо дальше вперед, чем широкий сплюснутый нос, а подбородка не было вообще — челюсть плавно уходила назад. Мальчик был невысок для своих лет, почти карлик, несмотря на мощное не по годам сложение, а ножки были короткие и кривые. Родимое пятно — красная метина в виде зигзага молнии — резко выделялось на его широкой скуле.

Ужасно безобразный был мальчик — а Эдит Феллоуз любила его больше всех на свете.

Он не видел ее лица, и она могла не скрывать, как дрожат у нее губы.

Его хотят убить. К этому все сводится. Он совсем малыш и еще беспомощнее обыкновенного ребенка, а его собираются послать на смерть.

Но этого не будет. Она сделает все, чтобы этому помешать. Все. Мисс Феллоуз сознавала, что преступает свой долг — а она еще никогда в жизни не нарушала того, что считала своим долгом. Но теперь ей было все равно. Да, бесспорно, у нее есть долг перед компанией, но есть долг и перед Тимми, не говоря уже о долге перед самой собой. И она не сомневалась относительно того, какой долг стоит на первом месте, какой на втором, а какой на третьем.

Она открыла свой чемоданчик.

И достала пальтишко, вязаную шапочку с ушами и все остальное.

Тимми смотрел уже не в окно, а на нее. Какие большущие у него глаза, какие лучистые, какие серьезные.

— Что это за вещи, мисс Феллоуз?

— Это одежда. Одежда, которую носят снаружи. Поди сюда, Тимми.

2

Она была, собственно, только третьей из претенденток на это место, с которыми беседовал Хоскинс, а отдел кадров рекомендовал двух первых. Но Джеральд Хоскинс был не из тех начальников, которые настолько доверяют своему аппарату, что не дают себе труда проверять его. Кое-кто в компании считал, что это его основной недостаток как руководителя. Порой Хоскинс с ними соглашался, но с этими тремя женщинами решил все же побеседовать лично.

Первую Сэм Айкман, начальник отдела кадров «Стасис текнолоджиз, лимитед», оценил в три звездочки, что уже само по себе внушило Хоскинсу легкое подозрение — Айкман имел слабость к твердым волевым профессионалам. Если бы им требовался специалист по взрывным работам или человек, способный управиться с беспорядочным потоком позитронов, — тогда дело другое. Но Хоскинс не был убежден, что излюбленный тип Сэма годится для той работы, что имелась в виду сейчас.

Даму звали Мериэнн Левиен, и она была настоящая тигрица. Лет под сорок, стройная, тонкая, подтянутая и элегантная. Не красавица — так ее, пожалуй, нельзя было назвать, — но потрясающая женщина, просто потрясающая.

У нее были великолепные высокие скулы, иссиня-черные, туго зачесанные назад волосы и холодные блестящие глаза, от которых ничто не могло ускользнуть. Свой элегантный деловой костюм густого шоколадного цвета с золотой искрой она, наверное, приобрела позавчера в Париже или Сан-Франциско, а скромненькая брошь у ворота — золотые висюльки с жемчугом — показалась Хоскинсу не тем украшением, которое надевают, идя устраиваться на работу, особенно на такую работу. Левиен скорее отвечала образу напористой моложавой администраторши, которая метит в совет директоров, чем представлению Хоскинса о сестре милосердия.

Но она действительно была сестрой милосердия, хотя этот факт бледнел на фоне ее последующих достижений. Ее анкета

просто ошеломляла. Докторская степень по эвристической педагогике и восстановительному воспитанию. Помощница заведующего специальным отделением Хьюстонской детской клиники. Консультант Федеральной комиссии Катцина по корректирующему образованию. Шесть лет исследований в области применения компьютерной техники для обучения детей-аутиков и библиография программных средств в милю длиной.

Как раз то, что требуется «Стасис текнолоджиз, лимитед»!

По крайней мере, Сэм Айкман, похоже, считал именно так.

— Вы должны понять, — сказал Хоскинс, — что мы попросим вас отказаться от всех ваших занятий на стороне, от ваших вашингтонских и хьюстонских обязанностей, от любой консультационной деятельности, требующей отлучек. Вам придется сидеть здесь, как на привязи, весь день напролет в течение нескольких лет, занимаясь лишь одной, узкоспециальной работой.

— Я понимаю, — ответила она, не моргнув и глазом.

— Я вижу, вы только за последние восемнадцать месяцев побывали на конференциях в Сан-Паулу, Виннипеге, Мельбурне, Сан-Диего и Балтиморе, а еще на пяти конференциях, которые вы не смогли посетить, зачитывались ваши доклады.

— Верно.

— И все же вы полностью уверены, что готовы отказаться от активной деятельности, отраженной в вашей анкете, ради замкнутого существования, которое ожидает вас здесь?

Она ответила ему холодным решительным взглядом.

— Не только готова, но и стремлюсь к этому.

Хоскинс уловил в ее словах некоторую фальшь.

— Может быть, остановимся на этом чуть подробнее? Возможно, вы не совсем представляете себе, насколько... э-э... монашескую жизнь ведем мы здесь. И какая ответственность будет возложена на вас лично.

— Думаю, что представляю, доктор Хоскинс.

— И все же готовы и стремитесь?

— Возможно, я просто уже не так стремлюсь мотаться между Виннипегом, Мельбурном и Сан-Паулу, как бывало раньше.

— Так сказать, кончился завод, доктор Левиен?

На губах у нее мелькнула улыбка — первое проявление человечности, которое подметил в ней Хоскинс с тех пор, как она вошла в кабинет. Мелькнула и пропала.

— Можно и так сказать, доктор Хоскинс.

— А как бы выразились вы?

Вопрос вызвал у нее некоторое замешательство, но она перевела дыхание и обрела привычную невозмутимость без видимого усилия.

— «Кончился завод» — это, пожалуй, слишком сильное определение для моей нынешней ориентации. Скажем лучше, что я хочу сосредоточить свою энергию — которую, как видите, расходовала в широком диапазоне — на чем-нибудь одном, повысив тем самым ее концентрацию.

— Ах так. Прекрасно. — Хоскинс смотрел на нее со смесью благоговения и ужаса. Тембр ее контральто был безупречен; брови строго симметричны; сидела она, держась прямо, как струна, в самой изящной из всех мыслимых поз. Превосходная женщина во всех отношениях, но какая-то ненастоящая. Помолчав немного, он спросил: — Но что же все-таки привлекает вас в этой работе, кроме желания сконцентрировать на ней свою энергию?

— Меня увлекает сама суть эксперимента.

— Ага. Подробнее, пожалуйста.

— Всем хорошим детским писателям известно, что мир детства в корне отличается от мира взрослых, — это чуждые друг другу миры, ценности и реалии которых совершенно различны. Взрослея, большинство из нас настолько бесповоротно переходит из одного мира в другой, что забывает тот мир, который мы покинули. Работая с детьми, я всегда старалась проникнуть в ход их мыслей и понять их чуждую нам природу настолько полно, насколько позволит мне моя взрослость.

— Вы считаете, что дети — чуждые нам существа? — спросил Хоскинс, стараясь не слишком проявлять свое удивление.

— Образно говоря, да. Не буквально, конечно.

— Конечно. — Он снова, нахмурясь, просмотрел ее анкету. — Вы ведь не были замужем, нет?

— Нет, — холодно ответила она.

— И детей, полагаю, тоже не заводили?

— Я серьезно рассматривала такой вариант несколько лет назад, но приемных детей, которыми обеспечивает меня работа, оказалось вполне достаточно.

— Да. Полагаю, что достаточно. Однако вы только что сказали, что рассматриваете мир детства как нечто в корне чуждое нам. Как соотнести это с моим вопросом о том, чем привлекает вас наше предложение?

— Если верить предварительным сведениям, которые я получила о вашем выдающемся эксперименте, под мою опеку поступит ребенок, в буквальном смысле слова прибывший из чуждого мира... не в смысле пространства, а в смысле времени;

однако экзистенциальная ситуация остается той же. Очень хотелось бы выяснить, чем конкретно этот ребенок фундаментально отличается от нас, и такое параллактическое* смещение могло бы впоследствии помочь мне в моей работе.

Хоскинс не сводил с нее глаз.

Нет, решил он. Она не настоящая. Это просто искусно сделанный андроид. Медикопедагогический робот. Правда, роботов такого качества пока еще не делают — это факт. Значит, она все-таки сделана из плоти и крови, хотя по ней этого и не видно.

— Возможно, вам придется нелегко, — сказал он. — Могут возникнуть трудности в общении. У ребенка скорее всего плохо развита речь — весьма вероятно, что он вообще не владеет речью.

— Он?

— Он или она — нам это пока неизвестно. Полагаю, вы знаете, что ребенок прибудет сюда не раньше чем через три недели, плюс-минус пара дней, а до того момента мы о нем практически ничего сказать не можем.

Ее это не беспокоило.

— Я отдаю себе отчет во всем этом. Ребенок может оказаться дефективным в речевом, физическом и даже интеллектуальном плане.

— Да — очень возможно, что ваш подопечный будет походить на умственно отсталого ребенка нашего времени. Мы этого просто не знаем. Нам неизвестно, кого мы вам вручаем.

— Я готова к любой неожиданности. Как раз неизвестность и привлекает меня, доктор Хоскинс.

Он ей верил. Подводные камни будущей работы не пугали ее. Она охотно шла на риск, не очень задумываясь о последствиях.

Понятно, почему она произвела такое впечатление на Сэма Айкмана.

Хоскинс снова умолк, чтобы дать слово ей. Мериэнн Левиен не замедлила этим воспользоваться.

Она достала из своего «дипломата» мини-компьютер величиной с большую монету.

— Я захватила с собой программу, над которой работаю с тех пор, как узнала по электронной почте о том, что вы ищете специалиста для этой работы. Я использовала в ней свой опыт работы с умственно отсталыми детьми в Перу семь лет назад;

---

* Параллакс — видимое изменение положения предмета вследствие перемещения глаза наблюдателя.

здесь шесть алгоритмов, уточняющих и модифицирующих способы общения. Они, как правило, не затрагивают обычные речевые каналы мозга...

— Благодарю вас... — прервал Хоскинс, глядя на машинку так, точно Левиен протягивала ему бомбу. — Однако юридические тонкости не позволяют мне знакомиться с вашими материалами, пока вы не являетесь официально сотрудником «Стасис текнолоджиз». Когда мы заключим контракт, я, естественно, с удовольствием подробно поговорю с вами о вашем труде, но до тех пор...

— Разумеется, — ответила она с легкой краской на безукоризненном лице. Она поняла, что совершила тактическую ошибку: поторопилась, пережала. Хоскинс наблюдал, как эффективно она стала исправлять оплошность. — Я полностью понимаю ситуацию. Я поступила неразумно, пренебрегая формальностями. Но вы, надеюсь, поняли, доктор Хоскинс, что за моим тщательно отделанным фасадом скрывается исследователь, со всем пылом студента-выпускника жаждущий раскрыть тайны Вселенной. И порой я, хоть и знаю, что положено и что не положено, могу нарушить протокол из одного лишь горячего нетерпения проникнуть в суть...

Хоскинс улыбнулся. Хоскинс кивнул. Хоскинс сказал:

— Разумеется, доктор Левиен. Избыток энтузиазма — это не грех. Наша беседа была весьма содержательной. Мы уведомим вас, как только примем решение.

Она, как видно, удивилась тому, что он не принял ее на работу сразу, однако у нее достало здравого смысла ограничиться «благодарю вас» и «до свидания». У двери она задержалась, одарила Хоскинса прощальной высоковольтной улыбкой и вышла, запечатлев свой обжигающий образ на его сетчатке.

Уфф, подумал Хоскинс.

Достал платок и вытер лоб.

3

Вторая кандидатка отличалась от Мериэнн Левиен почти во всем. Во-первых, она была на двадцать лет старше; во-вторых, в ней не было ничего элегантного, холодного, ошарашивающего, ослепительного или андроидного. Звали ее Дороти Ньюкомб. Солидная, полная, почти грузная, она не носила бижутерии и одевалась просто, даже чересчур. У нее были мягкие манеры и приятное добродушное лицо.

Ее как будто окружала золотистая аура материнской любви. Она походила на идеальную бабушку ребячьей мечты. С трудом верилось, что эта простая добрая женщина получила требуемую подготовку по педиатрии, физиологии и биохимии. Однако анкета утверждала, что это так. Кроме того, миссис Ньюкомб владела еще одной редкой специальностью — у нее была степень по медицинской антропологии. При всех чудесах цивилизации двадцать первого века на Земле еще встречались первобытные племена, и Дороти Ньюкомб работала с ними в шести или семи точках планеты — в Африке, Южной Америке, Полинезии, Юго-Восточной Азии. Неудивительно, что Сэм Айкман одобрил и ее кандидатуру. Женщина, с которой можно лепить богиню материнства, имеющая притом опыт работы с детьми отсталых обществ...

Она показалась Хоскинсу подходящей во всех отношениях. После подавляющей, сверхсовершенной, вселяющей трепет Мериэнн Левиен ему было с ней так легко, что он с трудом поборол желание принять ее на работу прямо так, безо всякого собеседования. Уже не впервые Хоскинс позволил бы себе поддаться внезапному порыву чувств.

Но он поборол свой порыв.

И что же? Не продлилось собеседование и пяти минут, как выяснилось, что Дороти Ньюкомб, к удивлению и огорчению Хоскинса, им не подходит.

До этого рокового мгновения все шло отлично. С ней было хорошо и приятно. И детей она несомненно любила: у нее было трое своих, а до этого она, старшая в большой семье, где постоянно болела мать, привыкла нянчить братишек и сестренок, с тех пор как себя помнила. Профессиональная подготовка тоже была на высоте. Больницы и клиники, в которых она работала, давали ей похвальные рекомендации; она с честью переносила труднейшие, самые невероятные условия жизни в первобытных племенах; ей нравилось работать с трудными детьми всякого рода и не терпелось заняться уникальной задачей, которую обещал проект «Стасис текнолоджиз».

Но затем разговор зашел о том, почему она хочет уйти со своей теперешней работы — с видной и, наверное, хорошо оплачиваемой должности главной сестры в детском лечебном центре одного южного штата — и затвориться в засекреченной, тщательно охраняемой «Стасис текнолоджиз». Тут Дороти Ньюкомб сказала:

— Я знаю, что от многого отказываюсь, переходя к вам. Но многое и приобретаю. Я не только буду заниматься своей любимой работой в таких обстоятельствах, в которых никому еще не приходилось, но еще и этот противный Брюс Маннхейм наконец отвяжется от меня.

Хоскинса прохватило холодком.

— Брюс Маннхейм? Адвокат по правам детей?

— А разве есть другой?

Хоскинс затаил дыхание. Маннхейм! Этот краснобай! Этот возмутитель спокойствия! Как только Дороти Ньюкомб угораздило с ним связаться? Совершенно неожиданно и крайне нежелательно.

— Значит, у вас, — осторожно начал он, — имеются какие-то разногласия с Брюсом Маннхеймом?

— Разногласия? — засмеялась она. — Да уж. Он возбудил дело против нашей больницы. А точнее, против меня. Я ведь одна из ответчиков по делу. Полгода уже как мучаемся.

У Хоскинса засосало под ложечкой, и он стал рыться в бумагах на столе, пытаясь восстановить равновесие.

— Отдел кадров об этом не упоминает.

— А меня никто не спрашивал. Я, конечно, ничего не хочу скрывать, иначе сейчас бы тоже промолчала. Просто об этом не заходила речь.

— Так вот, сейчас я вас спрашиваю, миссис Ньюкомб. В чем там у вас дело?

— Вы же знаете, какой Маннхейм демагог. Знаете, как он раздувает самые невинные факты, лишь бы показать всем, что он заботится о благе детей.

Вряд ли следовало распространяться о своем мнении там, где дело касалось Брюса Маннхейма. Хоскинс осторожно сказал:

— Да, многие о нем так отзываются.

— Как вы дипломатичны, доктор Хоскинс. Думаете, он и ваш кабинет нашпиговал «клопами»?

— Едва ли. Но я не совсем разделяю вашу очевидную неприязнь к Маннхейму и его идеям. Собственно говоря, я не составил себе о нем определенного мнения, поскольку не слишком слежу за его деятельностью. — Это была явная ложь, и Хоскинсу стало неловко. В первом же докладе по текущему проекту говорилось: «Соблюдать осторожность на каждом шагу, чтобы не прицепился клещ вроде Брюса Маннхейма». Но беседу вел он, а не миссис Ньюкомб — он не обязан говорить ей больше того, что считает нужным. — Знаю только, что он повсюду громогласно провозглашает свои идеи на предмет того, как должны воспитываться дети, находящиеся на попечении общества. Судить, верны его идеи или нет, не в моей компетенции. Итак, по поводу вашего процесса, миссис Ньюкомб...

— Мы подбирали на улице детей, которые в большинстве своем — наркоманы в третьем, а то и в четвертом поколении. Врожденная наркомания. Печальнее их судьбы ничего невозможно представить. Вы ведь знакомы с распространенной теорией, что наркомания, как и большинство физиологических аддиктивных проявлений, зависит от определенной генетической предрасположенности?

— Разумеется.

— Ну так вот, мы проводили генетические исследования на этих детях, а также на их родителях и родителях родителей, если тех удавалось найти. Мы пытаемся открыть и выделить ген предрасположенности к наркотикам, если такой существует, в надежде, что когда-нибудь сможем от него избавиться.

— Мне кажется, это хорошая мысль, — сказал Хоскинс.

— Всем так кажется — кроме Брюса Маннхейма. Послушать его, так мы занимаемся какой-то генной хирургией, а не прощупываем потихоньку хромосомы этих детишек — что там и как. У нас чисто исследовательская работа, никаких генетических модификаций. А он добился в суде шестнадцати различных запретов, которые связали нас по рукам и ногам. Прямо хоть плачь. Мы пытались ему объяснить, но он и слушать не хочет. Искажает наши же показания, чтобы на их основе начать новый процесс. А вы знаете, как в суде реагируют на обвинения в использовании детей для эксперимента.

— Боюсь, что знаю, — печально сказал Хоскинс. — Значит, ваша больница тратит силы и средства на защиту, вместо того чтобы...

— Не просто больница. Он обвиняет определенных лиц. И я одна из них. Одна из девяти, которых он обвинил в жестоком обращении с детьми — к такому выводу он пришел, изучив якобы нашу работу. — Она возмущалась, но не без юмора, глаза смотрели весело, и объемистая грудь колыхалась от смеха. — Подумать только — это я-то жестоко обращаюсь с детьми!

— Да, в это невозможно поверить, — посочувствовал Хоскинс, но сердце у него сжалось. Он по-прежнему был убежден, что эта женщина подходит им идеально. Но как он мог принять на работу человека, уже ставшего мишенью грозного Брюса Маннхейма? Вокруг проекта и так будет достаточно полемики, и Маннхейм, безусловно, вскорости сунет к ним нос, каких бы мер предосторожности они ни принимали. Иметь при этом в штате Дороти Ньюкомб значило напрашиваться на неприятности самого худшего толка. Хоскинс уже воображал себе пресс-конференцию, которую созовет Брюс Маннхейм. Он оповестит всех, что «Стасис технолоджиз» приняла на работу женщину, которая обвиняется по делу о жестоком обращении с детьми

в другом научном учреждении — а в устах Маннхейма «обвиняется» прозвучит все равно что «осуждена». И эту-то женщину взяли, чтобы растить и лелеять несчастное дитя, трагическую жертву беспрецедентного похищения нового вида!

Ну нет. Хоскинс просто не мог ее принять.

Он с трудом заставил себя задавать ей вопросы еще минут пять. Беседа как будто по-прежнему шла мило и дружески, но была уже просто волокитой, и Хоскинс знал, что Дороти Ньюкомб это знает. В конце концов он поблагодарил ее за откровенность, дал высокую оценку ее квалификации и заверил, что вскоре уведомит ее, а она улыбнулась и сказала, что ей было очень приятно, — и у Хоскинса не осталось сомнений: она знает, что не получит этой работы.

Как только миссис Ньюкомб ушла, Хоскинс позвонил Сэму Айкману.

— Бога ради, Сэм, почему ты не сказал мне, что Брюс Маннхейм шьет дело Дороти Ньюкомб?

Лицо Айкмана на экране отразило изумление, граничащее с шоком.

— А он шьет?

— Так она говорит. Жестокое обращение с детьми, связанное с родом ее работы.

— Надо же. Надо же, — сказал потрясенный Айкман. Теперь он был более ошарашен, нежели удивлен. — О черт, Джерри, я и понятия не имел, что у нее этакое приданое. А ведь мы очень внимательно ее расспрашивали, уверяю тебя. Выходит, недостаточно внимательно.

— Нам только и не хватало взять на это место женщину, которая уже на крючке у Маннхейма.

— А ведь отличная тетка, правда? Живое воплощение материнства.

— Да уж, воплощение. С железной гарантией, что маннхеймовские стервятники слетятся к нам, как только он узнает, что она здесь. Или ты другого мнения, Сэм?

— Выходит, Мериэнн Левиен — так, что ли?

— Я еще не со всеми побеседовал. Но Левиен, кажется, подойдет.

— Еще бы, — ухмыльнулся Айкман.

4

Эдит Феллоуз не могла знать, что она только третья в списке кандидаток — но, узнав, не удивилась бы. Она привыкла, что ее недооценивают. В ней не было ничего показного, ничего

эффектного, ничего такого, что достигало бы превосходной степени. Она не была ни потрясающей красавицей, ни отъявленной уродкой, ни слишком страстной, ни загадочно безразличной натурой, не обладала ни острой проницательностью, ни особыми талантами. Всю жизнь окружающие воспринимали ее как должное. Но сама она, будучи твердой, уравновешенной женщиной, прекрасно знала себе цену и, в общем и целом, жила до сих пор сносной, наполненной жизнью — в общем и целом.

Городок компании «Стасис текнолоджиз» показался ей таинственным. Хотя серые коробки корпусов среди приветливых газонов, обсаженных редкими деревцами, были такими же, как в тысяче других научных центров — мисс Феллоуз знала, что там, внутри, происходят странные вещи, выше ее понимания, нечто такое, во что она и поверить не могла. Мысль о том, что она, возможно, будет работать в одном из этих зданий, казалась ей невероятной.

Мисс Феллоуз, подобно большинству людей, имела самое смутное представление о «Стасис текнолоджиз» и о том, каким образом она достигает своих удивительных успехов. Но, разумеется, слышала о детеныше динозавра, доставленном сюда из прошлого. Когда мисс Феллоуз преодолела первоначальный скептицизм, это событие стало казаться ей настоящим чудом. Правда, из телепередачи, объяснявшей, как «Стасис текнолоджиз» доставила ископаемую рептилию из прошлого, она ничего не поняла. А потом экспедиция на луны Юпитера отодвинула «Стасис» вместе с ее динозавром на последние страницы газет, и мисс Феллоуз забыла о них. Динозавр оказался всего лишь одним из недолговечных чудес их чудотворного века.

Однако на этот раз «Стасис» собиралась перенести из прошлого ребенка — человеческое дитя, дитя доисторического человека. О ребенке нужно было кому-то заботиться.

Мисс Феллоуз сумела бы.

Ей хотелось бы этим заняться.

У нее это получилось бы лучше, чем у кого бы то ни было. Обязательно получилось бы.

Предупреждали, что работа будет невероятно сложной, сопряженной с неожиданностями и риском. Мисс Феллоуз это не пугало. Она всегда избегала как раз несложной, простой, монотонной работы.

В объявлении компании приглашались женщины со знанием физиологии и биохимии, любящие детей. Эдит Феллоуз отвечала всем этим требованиям.

Любовь к детям была заложена в ней изначально — она просто не понимала, как может не любить детей нормальный человек. Особенно женщина.

Физиология входила в курс подготовки медсестер, а биохимией мисс Феллоуз в свое время занялась по собственной инициативе — поскольку она собиралась работать с больными детьми, и недоношенными, и имеющими врожденные дефекты, то нелишне было разобраться, как и чем лучше всего поставить этих крох на ноги.

Незаурядная, трудная задача, уход за необычным ребенком — да, это по ней. Жалованье предлагалось тоже феноменальное — одно это могло бы заинтересовать ее, хотя она никогда особенно не гналась за деньгами. И потом, ей хотелось чего-то нового. Привычный распорядок детской больницы начинал надоедать ей, даже вызывать раздражение. Ужасно, когда работа тебе противна, думала она, — особенно такая работа, как у меня. Наверное, нужна перемена.

Уход за доисторическим ребенком...

Да. Это то, что надо.

— Доктор Хоскинс ждет вас, — сказала секретарша.

Электронная дверь бесшумно скользнула вбок. Мисс Феллоуз вошла в неожиданно скромный кабинет, где был обыкновенный стол с обыкновенным компьютером, а за столом сидел обыкновенный человек лет пятидесяти с редеющими светлыми волосами, полным лицом и намечающимся двойным подбородком. Рот углами вниз придавал владельцу более угрюмый вид, чем ему бы, возможно, хотелось. Табличка на столе гласила:

Джеральд А. Хоскинс, доктор физ. наук
Директор-распорядитель

Надпись не столько вселила в мисс Феллоуз почтение, сколько развеселила. Неужели компания так велика, что директор-распорядитель должен напоминать окружающим, кто он такой, ставя именную табличку на собственный стол? И почему он считает нужным оповещать всех о том, что он доктор физических наук? Ведь здесь, наверное, все имеют степень, и не одну? Может быть, он таким образом дает понять, что он не просто чиновник, а еще и ученый? Само собой разумеется, что руководитель фирмы с такой специализацией, как «Стасис технолоджиз», должен быть ученым — незачем тыкать этим в глаза.

Впрочем, не беда. У человека бывают слабости и похуже, чем подчеркивание собственной важности.

Перед Хоскинсом лежали какие-то бумаги. Ее анкета, предположила мисс Феллоуз, результаты предварительного собеседования и прочее. Он переводил взгляд то на нее, то на бумаги, откровенно, даже слишком откровенно, оценивая ее. Мисс Феллоуз невольно застыла, лицо ее порозовело, и на щеке дернулся мускул.

Он думает, что у меня слишком массивные брови и нос немного набок, сказала она себе.

И одернула себя — ведь это просто смешно. Какое ему дело до того, какой у тебя нос, какие брови или какую обувь ты носишь. Просто непривычно и немного неудобно, когда тебя так разглядывает мужчина. Медсестра в своей форме для большинства мужчин невидима. Сейчас мисс Феллоуз была без формы, но она долгие годы старалась стать невидимой для мужчин и в обычном платье, в чем, кажется, и преуспела. Столь пристальное внимание к ее особе стесняло больше, чем было необходимо.

— У вас просто замечательная анкета, мисс Феллоуз, — сказал Хоскинс.

Она улыбнулась, но промолчала. А что тут говорить? Соглашаться? Возражать?

— И все ваши руководители превосходно вас рекомендуют. Причем почти в одинаковых выражениях, известно вам это? Полнейшая поглощенность работой, глубокая преданность долгу, исключительная надежность в критические моменты, высокое профессиональное мастерство...

— Я человек трудолюбивый, доктор Хоскинс, и, как правило, знаю, что делаю. Все остальное, по-моему, — только более красочные определения для этих двух основных качеств.

— Допустим. — Он взглянул ей в глаза, и она вдруг поняла, что это человек сильный, целеустремленный, упорно доводящий любое дело до конца. Для руководителя это, пожалуй, и хорошо — только вот тем, кто у него работает, приходится, наверно, несладко. Время покажет, подумала мисс Феллоуз, и спокойно выдержала его взгляд. Наконец он сказал: — Не вижу никакой необходимости расспрашивать вас о вашей подготовке — этим достаточно подробно занимались на предыдущих собеседованиях, которые вы прошли с честью. Я хочу обговорить с вами только два момента.

Она молча ждала продолжения.

— Во-первых, я хотел бы знать: не случалось ли вам заниматься чем-нибудь таким, что имело бы отношение... ну, скажем, к политике? К политическим конфликтам?

— Я совсем не занимаюсь политикой, доктор Хоскинс. Я голосую, когда считаю, что сто́ит за кого-то голосовать, а это не часто бывает. Но не подписываю петиций и не участвую в демонстрациях, если вас это интересует.

— Не совсем это. Мне бы следовало сказать — профессиональные конфликты, а не политические. Все, что касается отношения к детям.

— Я знаю только один способ отношения к детям: отдавать все силы ради их благополучия, как я его понимаю. Сожалею, если это звучит наивно, но...

— Я не совсем это имел в виду, — улыбнулся Хоскинс. — Я хотел спросить... — Он облизнул губы. — Меня интересуют дела вроде тех, что ведет Брюс Маннхейм. Бурные дебаты относительно того, как обращаются с детьми в некоторых общественных учреждениях. Понимаете, мисс Феллоуз?

— Я работала в основном со слабыми детьми и детьми-инвалидами, доктор Хоскинс. И старалась, чтобы они выжили и окрепли. Здесь особенно не о чем дискутировать, не так ли?

— Значит, вы никогда по роду работы не сталкивались с так называемыми детскими адвокатами вроде Брюса Маннхейма?

— Никогда. О мистере Маннхейме я, кажется, читала в газетах, но ни разу не имела дела ни с ним, ни с другими адвокатами. Если бы я встретила его на улице, то не узнала бы. И у меня нет определенного мнения о его деятельности — ни за, ни против.

Хоскинс вздохнул с облегчением.

— Поймите меня правильно — я не противник Брюса Маннхейма или тех идей, которые он защищает. Но неблагоприятная для нас огласка очень усложнила бы нашу работу.

— Ну конечно. Мне бы тоже меньше всего этого хотелось.

— Вот и хорошо. Можно двигаться дальше. Мой следующий вопрос касается той работы, которой мы от вас потребуем. Как вы думаете, мисс Феллоуз, сможете вы полюбить трудного, неординарного, возможно, непослушного и даже противного ребенка?

— Полюбить? А не просто ухаживать за ним?

— Полюбить. Заменить ему родителей. Стать, так сказать, ему матерью, мисс Феллоуз. Даже без «так сказать» — просто стать. Это будет самое одинокое дитя в истории человечества. Ему понадобится не просто няня — ему понадобится мать. Готовы ли вы взять на себя такое бремя? Хотите ли вы взять его на себя?

Он снова пристально посмотрел на нее, словно хотел разглядеть насквозь. И снова она, не поколебавшись, выдержала его взгляд.

— Вы говорите, он будет трудный, неординарный и — как это? — противный? Почему противный?

— Как вам известно, речь идет о доисторическом ребенке. Он — или она, этого мы еще не знаем — очень может быть более диким, чем отпрыск самого дикого племени современной Земли. Возможно, он будет вести себя скорее как звереныш, чем как дитя человека. Как дикий, свирепый звереныш. Вот что я имел в виду, мисс Феллоуз.

— Я занималась не только недоношенными, доктор Хоскинс. Мне приходилось работать и с психически неуравновешенными детьми. А среди них попадались довольно крепкие орешки.

— Возможно, не такие крепкие, как этот.

— Что ж, посмотрим.

— Дикарь, весьма вероятно, притом несчастный, одинокий и озлобленный. Испуганный, заброшенный в невиданный мир. Оторванный от всего родного и помещенный почти в полную изоляцию — настоящее перемещенное лицо. Вам знакомо это выражение, мисс Феллоуз? Оно относится к середине прошлого века, ко времени второй мировой войны. Перемещенные лица — это беженцы, которые скитались по всей Европе...

— Теперь нет войны, доктор Хоскинс.

— Конечно. Но ребенок этого не почувствует. Он будет страдать от разрыва со своим привычным миром — это будет самое настоящее перемещенное лицо, к тому же совсем маленькое.

— Какого возраста?

— Пока что масса груза, которую мы черпаем из прошлого за один раз, не должна превышать сорока килограмм. Сюда входит не только живое существо, но и неодушевленная среда, захватываемая вместе с ним. Так что ребенок будет маленький, совсем маленький.

— Младенец?

— Мы не уверены. Надеемся доставить ребенка шести-семи лет, но он может быть и значительно меньше.

— Значит, вы просто захватите того, кто попадется?

— Поговорим о любви, мисс Феллоуз, — поморщился Хоскинс. — О любви к этому ребенку. Гарантирую вам, что она будет нелегкой. Вы ведь по-настоящему любите детей? Не так, как это обычно понимают? Не потому, что этого требует от вас профессиональный долг? Я хочу, чтобы вы вникли в значение этого слова, в значение понятий: любовь, материнство, в то, что такое нерассуждающая, то есть материнская, любовь.

— Мне кажется, я знаю, что это за любовь.

— В вашей биографии сказано, что вы были замужем, но уже много лет живете одна.

Мисс Феллоуз вспыхнула.

— Да, я была замужем. Недолго и очень давно.

— И у вас не было детей.

— Брак и распался в основном потому, что я не могла иметь детей.

— Вот как, — смутился Хоскинс.

— Наш век, разумеется, предлагает много вариантов решения этой проблемы: внеутробное развитие, имплантация, суррогатное материнство. Но муж не соглашался ни на что, кроме традиционного метода, объединяющего гены. Требовалось, чтобы ребенок был полностью наш — его и мой — и чтобы я носила его положенные девять месяцев. Но я не могла, а он не был в состоянии заставить себя пойти на иной вариант — и мы расстались.

— Сожалею. И вы так больше и не вышли замуж.

— Первый опыт оказался достаточно болезненным, — ровным, лишенным эмоций голосом ответила она. — Я не была уверена, что во второй раз не будет еще хуже, и не решалась рисковать. Но это не значит, что я не умею любить детей, доктор Хоскинс. Нет необходимости говорить, что я и профессию свою выбрала, чтобы заполнить огромную пустоту, которую наш брак оставил у меня... в душе, если хотите. Так что вместо одного или двоих я любила десятки детей. Сотни. Как будто они были мои.

— И не все они были милыми крошками.

— Нет, не все.

— Вы любили их не за то, что у них носик кнопочкой и они так прелестно агукают? Вы принимали их такими, какие они есть — хорошеньких и безобразных, тихих и буйных? Не рассуждая?

— Не рассуждая. Дети есть дети, доктор Хоскинс. Некрасивым и нехорошим помощь как раз нужна больше, чем другим. А помочь ребенку можно, только полюбив его.

Хоскинс на минуту задумался, а мисс Феллоуз приуныла. Она-то приготовилась беседовать о том, что она умеет, о своем исследовании по электролитической неустойчивости, о нейрорецепторах, о физиотерапии. А он об этом и спрашивать не стал. Целиком сосредоточился на том, способна ли она полюбить несчастного дикаренка — вообще полюбить ребенка, если на то пошло — как будто это самое главное. Да еще спросил, совсем уж ни к селу ни к городу, не сделала ли она чего-нибудь такого, что может вызвать политические дрязги. Ее квалификация, как видно, его не очень интересует. У него, как видно, есть еще кто-то на примете, и сейчас он вежливо откажет ей — вот только придумает, как это сделать тактично.

— И как скоро вы сможете уволиться со своей работы? — спросил Хоскинс.

— Значит, вы меня принимаете? — опешила она. — Прямо так, сразу?

Хоскинс усмехнулся, и его широкое лицо приобрело симпатичное рассеянное выражение.

— Зачем бы вам иначе увольняться?

— Разве это не должен утверждать никакой комитет?

— Комитет — это я, мисс Феллоуз. Самый главный комитет, за которым последнее слово. А я решения принимаю быстро. Я знаю, кого я ищу — и вот, кажется, нашел. Могу, конечно, и ошибаться.

— А если вы действительно ошибаетесь?

— Так же быстро и перестроюсь, уверяю вас. Мы не можем позволить себе ошибаться, осуществляя этот проект. Тут на карту поставлена жизнь — жизнь человека, жизнь ребенка. Из чистого научного любопытства мы собираемся сотворить с этим ребенком такое, что многие сочтут чудовищным. У меня нет иллюзий на этот счет. Сам я нисколько не думаю о себе, как о чудовище — как и никто из нас, — и не питаю никаких угрызений совести по поводу наших намерений. Верю, что наш эксперимент впоследствии пойдет малышу только на пользу. Но отдаю себе отчет, что другие будут в корне со мной несогласны. Поэтому мы хотим, чтобы за малышом, пока он пребывает в нашей эре, был наилучший уход. Если окажется, что вы ему такой уход обеспечить не в состоянии, вас незамедлительно заменят, мисс Феллоуз, — деликатнее выразиться не могу. Мы здесь не сентиментальничаем и не намерены рисковать ничем, насколько это в нашей власти. Так что вы пока принимаетесь с испытательным сроком. Мы требуем, чтобы вы полностью порвали с вашей теперешней жизнью, не гарантируя при этом, что не расстанемся с вами через неделю, а то и в первый же день. Ну как, согласны?

— Вам не откажешь в прямоте, доктор Хоскинс.

— Да, иногда это со мной бывает. Итак, мисс Феллоуз? Что скажете?

— Я тоже не люблю рисковать.

— Это отказ? — потемнел Хоскинс.

— Нет, доктор Хоскинс, это согласие. Если бы я хоть на минуту усомнилась, подхожу ли для этой работы, то вообще не пришла бы сюда. Но я подхожу. Эта работа как раз для меня.

И вам не придется пожалеть о своем решении, можете быть уверены. Когда мне начинать?

— Сейчас стасис устанавливается на критический уровень. Захват думаем произвести ровно через две недели, пятнадцатого, в семь тридцать вечера. Вам нужно будет в этот момент присутствовать здесь, с тем чтобы сразу же приступить. Постарайтесь за это время развязаться со всеми своими делами во внешнем мире. Вы ведь понимаете, что будете жить здесь постоянно, не так ли? Постоянно — значит круглосуточно, хотя бы на первых порах. Вы уже ознакомились с этим условием, верно?

— Да.

— Значит, мы поняли друг друга.

Нет, подумала она. Совсем не поняли. Но это неважно. Свои проблемы мы как-нибудь уладим. Ребенок — вот что важно. А все остальное второстепенно — что бы там ни было.

Интермедия первая

ВЕДУНЬЯ

Была середина дня, и предчувствие беды охватило все становище. Охотники вернулись с равнины, не успев даже выследить дичь, — что уж говорить об охоте. Они так и держались всемером, отдельно от других, тревожась о том, что их ждет в случае войны. Жрицы Богини достали три священных медвежьих черепа и, расставив их на камнях алтаря, пали перед ними нагие, помазав себя медвежьим жиром, волчьей кровью и медом. При этом они пели особую песнь, моля ниспослать им мудрость в час великой беды. Матери собрали детей себе под крыло, точно в любой миг ждали нападения Чужих. Малыши постарше боязливо и растерянно выглядывали за пределы своего тесного кружка.

Старики же, мудрые и достойные старейшины племени, собрались на небольшом пригорке за стойбищем — обсудить, что делать дальше. Там были Серебристое Облако, и Оседлавший Мамонта, и одноглазый, сгорбленный Отважный Лев, и толстый, вялый Мускусный Бык. От их решения будет зависеть судьба племени.

Когда Чужие вторглись в охотничьи угодья племени на западе и выяснилось, что прогнать их не удастся, старейшины решили, что лучше всего отойти на восток. «Богиня отдает западные земли Чужим, — молвил Мускусный Бык, — но холодные земли на востоке принадлежат нам. Богиня велит нам уйти туда и жить там в мире». Остальные согласились с ним. Жрицы же, бросив гадальные камни, подтвердили, что мужчины рассудили верно.

И Люди откочевали на восток. Но теперь оказалось, что Чужие есть и тут.

«Что нам делать теперь?» — думала Ведунья.

Можно было бы отойти на юг, в теплые страны. Но там скорее всего тоже полно Чужих. Тогда на север, в страшные ледяные поля? Чужим там, конечно, не выжить. Но и нам тоже, подозревала Ведунья. И нам тоже.

Великая печаль одолела ее. Они проделали долгий путь. Трудный поход утомил ее. Серебристое Облако, знала она, тоже устал, и многие другие. Пора было отдохнуть, запасти мяса и орехов на будущую зиму, набраться сил. Но похоже, им снова придется отправиться в путь, не зная ни отдыха, ни покоя. Почему так? Неужели в этой широкой пустыне нет для них места, где можно остановиться и перевести дух?

У Ведуньи не было ответа ни на этот вопрос, ни на другие. Несмотря на гордое имя, которым она себя назвала, Ведунья не умела сказать, почему Чужие без конца преследуют их, как не умела разгадать и загадку собственной жизни.

Она одна во всем племени не имела ни места, ни определенных обязанностей. В юности она предназначалась в матери, как и большинство девушек, но не спешила выбрать себе пару, предпочитая вольную разгульную жизнь, — иногда даже ходила с мужчинами на охоту. Когда наконец на двадцатом году, в очень позднем возрасте, она выбрала себе воина по имени Темный Ветер, из ее чрева выходили только мертвые дети. А потом она лишилась и Темного Ветра — черная лихорадка унесла его в один день.

Она еще сохранила свою красоту, но, несмотря на это, после смерти Темного Ветра ни один из холостяков племени не захотел ее. Они знали, что ее чрево убивает детей — зачем же брать такую в жены? А безвременная смерть Темного Ветра подтвердила, что эта женщина приносит несчастье. И она навсегда осталась одна, без мужчины — она, у которой когда-то было столько парней. Никогда уже ей не стать матерью.

Не могла она теперь стать и жрицей — это значило бы оскорбить Богиню, если бы ее служительницей стала бесплодная женщина. И потом, обучение жреческим тайнам следовало начинать, когда первая кровь исходит из лона. Немыслимо было для пожилой двадцатипятилетней женщины, родившей пятерых мертвых детей, сделаться жрицей Богини.

Итак, Ведунья не стала ни матерью, ни жрицей — а значит, не стала никем. Она делала то, что полагалось женщине: скоблила шкуры, готовила еду, ходила за больными и смотрела за детьми — но у нее не было пары, она не принадлежала ни к одному из сообществ и была в племени почти чужой. Единственной ее надеждой было то, что Хранительница Прошлого умрет и тогда она, Ведунья, станет летописицей племени. Хранительница Прошлого, тоже не мать и не жрица, была самой близкой подругой Ведуньи. Однако в свои сорок лет, старше всех женщин в племени, она по-прежнему оставалась бодрой и гладкой — а Ведунья, на восемь лет моложе ее, уже превратилась в старуху и начинала думать, что ей суждено одряхлеть и умереть задолго до того, как Хранительница Прошлого отдаст свои зарубки другой и уйдет к Богине.

Печальной была жизнь Ведуньи, но она не показывала другим своего горя. Пусть ее боятся, пусть не любят — она не позволит, чтобы ее жалели.

Теперь она, как обычно, стояла одна, глядя на плотные кучки, в которые сбились другие. Они так же бессильны против Чужих, как и она, но они хоть вместе и согревают друг друга.

— Вот кого нам надо! — крикнул Пылающее Око. — Ведунья пойдет с нами и тоже будет сражаться с Чужими.

— Ведунья! Ведунья! — хрипло заорали охотники.

Насмехаются, конечно. Разве не всегда так было? Разве каждый из этих мужчин не отверг ее, когда она после смерти Темного Ветра надеялась найти себе нового мужа?

Но она все-таки подошла и свирепо усмехнулась им, сидевшим на мерзлой земле.

— Да. Это хорошая мысль. Я могу сражаться не хуже любого из вас.

И она так быстро, что никто не успел ее остановить, протянула руку и схватила копье Пылающего Ока. Он яростно заворчал и вскочил, чтобы отнять копье, но Ведунья, ловко, по-охотничьи перехватив древко, кольнула владельца в живот кремневым наконечником. Тот выпучил глаза — мало того, что женщина осквернила его копье, как бы она его этим копьем не проткнула.

— Отдай, — пробурчал он.

— А она умеет с ним управляться, Пылающее Око, — заметил Волчье Дерево.

— Да, и колоть им тоже умею.

— Дай сюда!

Ведунья снова кольнула Пылающее Око и подумала, что его сейчас хватит удар: он весь побагровел, и пот с него лил градом.

Все вокруг смеялись. Он рванулся за копьем, но Ведунья отскочила. Обозленный охотник плюнул в нее и показал стиснутыми руками демонский знак. Ведунья ухмыльнулась:

— Покажи еще раз, и я смою этот знак твоей кровью.

— Ну полно, Ведунья, — кисло сказал Пылающее Око, стараясь держать себя в руках. — Ты ведь знаешь, тебе не годится трогать копье. Нам и так грозит беда, незачем тебе новую накликать.

— Ты же сам звал меня сражаться. Значит, мне понадобится копье. Твое мне как раз подойдет, а ты себе сделай новое, если хочешь.

Мужчины снова засмеялись, но каким-то странным смехом.

Ведунья сделала выпад, и Пылающее Око, ругаясь, еле избежал удара. Он было снова пошел на нее, явно намереваясь отнять копье силой. Ведунья замахнулась всерьез, и он отскочил, злой и немного испуганный.

Ведунья и вспомнить не могла, когда так веселилась в последний раз. Пылающее Око был самый сильный воин в племени и самый красивый — плечи широкие, как у мамонта, а темные глаза так и горят, словно угли, под нависшим лбом. В молодости она много раз спала с ним и надеялась, что он возьмет ее, когда Темный Ветер умер. Но он первый отверг ее. Он сказал, что не хочет другой подруги, кроме Источника Молока. Сказал, что ему нравятся женщины, которые умеют рожать. Тем и кончилось между ними.

— На, — смягчилась наконец Ведунья, воткнув копье в землю. Остатки ночного снега исчезли под полуденным солнцем, и земля была мягкая. Пылающее Око с рычанием схватил свое оружие.

— Так и убил бы тебя, — сказал он, грозя им Ведунье.

— Давай. — Она раскинула руки и выпятила грудь. — Бей сюда. Убей женщину, Пылающее Око. Это будет славный подвиг.

— Может, тогда нам улыбнется счастье, — ответил охотник, но копье опустил. — Только тронь его еще раз, Ведунья, — я свяжу тебя и оставлю на съедение медведю. Поняла?

— Побереги угрозы для Чужих, — равнодушно ответила она. — Их будет потруднее напугать, чем меня, да и я тебя не боюсь.

— Ты ведь как-то раз видела Чужого совсем близко? — спросил Расколотая Гора.

— Да, было, — ответила Ведунья, хмурясь при одном воспоминании об этом.

— Как от него пахло вблизи? — спросил Молодой Олень. — Смердело, небось?

— Как от дохлой гиены, — кивнула Ведунья. — Как от падали, которая гнила целый месяц и еще полмесяца. А какой он был урод! Вы и представить себе не можете. Лицо плоское, точно его кто приплюснул, вот так, — энергично изобразила она. — А зубки мелкие, как у ребенка. Уши маленькие, смешные, и нос крошечный. А уж руки-то, ноги, — содрогнулась она. — Мерзость да и только. Точно у паука. Длинные, тонкие.

Все смотрели на нее с почтением, даже Пылающее Око. Больше никто из племени, даже Серебристое Облако, не сталкивался лицом к лицу с Чужим так близко, что мог бы потрогать его. Некоторым довелось видеть Чужих издали, мельком, когда племя еще жило на западных землях, но Ведунья встретила Чужого в лесу.

Это случилось давно — тогда она еще была озорной девятнадцатилетней девчонкой и делала все по-своему. Охотники запретили ей, наконец, ходить с ними, и однажды утром она в мрачном расположении духа, одна, забрела далеко от стойбища. К полудню в белоствольной березовой рощице она нашла чудесное круглое озерцо, окруженное скалами, сняла с себя шкуры и выкупалась в холодной голубой воде — а выйдя, вдруг обнаружила, что Чужой, бесспорно Чужой, стоит не дальше чем в десяти шагах и смотрит на нее.

Он был высокий — невероятно высокий, прямо как дерево, и очень тонкий, с узкими плечами и впалой грудью. Казалось, он слабее женщины, несмотря на свой рост. И ей еще не доводилось видеть такого странного лица — очень бледного, с нежными, как у ребенка, чертами. Челюсти у него были такие слабые, что непонятно было, как же он жует свое мясо, зато под плоским, сплющенным лицом уродливо торчал тяжелый подбородок. Глаза были большие, странного водянистого цвета, а лоб круто поднимался вверх без всякого намека на надбровные дуги.

В общем, Чужой показался ей в высшей степени безобразным — настоящий демон. Но не опасным. При нем незаметно было никакого оружия, и он ей вроде бы улыбался — по крайней мере, скалил свои мелкие зубки.

А она, совсем нагая, в полном расцвете своей юной красоты, не стыдясь, стояла перед ним, и в голову ей закралась мысль: вот если бы этот мужчина позвал ее, и обнял ее, и любил бы ее так, как Чужие любят своих женщин. Она хотела его, хотя он и был такой чудной и безобразный. Почему? Наверное, потому, что он был не такой, как она; он был новый; он был Чужой. Да, ей хотелось бы отдаться ему. А потом она ушла бы

с ним, и стала бы жить с ним, и сама бы стала Чужой, потому что ей надоели мужчины своего племени и хотелось чего-то нового. Да. Да.

Чего бояться? Чужих считали страшными демонами, но в этом человеке не было ничего от демона — просто у него странное лицо, и он слишком высокий и тонкий. Совсем не страшный. Просто другой.

— Меня зовут Быстрая Река, — сказала она — так она звалась в те дни. — А кто ты?

Чужой не ответил и сделал горлом звук, как будто смеется.

Смеется?!

— Я тебе нравлюсь? — спросила она. — Все в племени считают меня красивой. А ты?

Она провела руками по своим длинным густым волосам, мокрым от купания. Она изогнулась и потянулась, показывая ему, какие у нее полные груди, какие сильные, округлые руки и бедра, какая крепкая шея. Она подошла к нему на несколько шагов, улыбаясь и напевая воркующую песенку желания.

Он широко раскрыл глаза и замотал головой. Он вытянул руку ладонью вперед и стал делать пальцами какие-то знаки — без сомнения, колдовские, демонские. Он попятился от нее прочь.

— Ты ведь не боишься меня? Я хочу только поиграть. Иди сюда, Чужой, — усмехнулась она. — Послушай, не надо от меня пятиться! Я не причиню тебе вреда. Ты понимаешь, что я говорю? — Она говорила очень громко, очень четко, делая большие промежутки между словами. А он все пятился. Тогда она приподняла руками свои груди, предлагая ему себя этим понятным всем жестом.

И он наконец-то понял.

Он зарычал, как загнанный в ловушку зверь. В глазах у него появился испуг. Губы растянулись в гримасе — какой? Страха? Или отвращения?

Да, поняла она, это отвращение.

Наверное, я кажусь ему такой же безобразной, как и он мне.

Чужой повернулся и напролом кинулся прочь, не разбирая дороги, круша березовую поросль.

— Погоди! — закричала она. — Чужой! Чужой, вернись! Не убегай, Чужой!

Но он уже скрылся из виду. Впервые в жизни мужчина от нее отказался, и это ошеломило ее, сбило с толку, просто потрясло. Ну пусть он Чужой, пусть она показалась ему несуразной

и неприглядной — неужто она так противна, что он взвыл, скорчил гримасу и убежал от нее?

Нет. Он, должно быть, еще мальчишка, хоть и вымахал такой длинный.

В ту ночь она вернулась в племя, решившись наконец выбрать в мужья кого-нибудь из своих, и когда вскоре Темный Ветер предложил ей разделить с ним спальную полость, она согласилась не колеблясь.

— Да, — сказала Ведунья охотникам. — Уж я-то знаю, какие они, Чужие. И когда дойдет до битвы, я встану рядом с вами и буду убивать этих мерзких тварей, гнусных, как демоны — да они и есть демоны.

— Глядите, — сказал Волчье Дерево. — Старики спускаются с холма.

В самом деле, старики сходили вниз. Впереди шел Серебристое Облако — он сильно прихрамывал, но старался это скрыть, а за ним тащились трое других. Ведунья проводила их взглядом — они прошествовали прямо к алтарю Богини. Серебристое Облако долго совещался со жрицами. Вот они качают головами, а вот кивают. И Серебристое Облако выступает вперед вместе со старшей жрицей, чтобы объявить о решении совета.

Вождь сказал, что Праздника Лета в этом году не будет — во всяком случае, он откладывается. Богиня выразила им свое неудовольствие, приведя Чужих так близко к их стойбищу, да еще на восточных землях, где Чужих быть не должно. Стало быть, Люди в чем-то провинились; стало быть, эта местность им не подходит. Поэтому Люди сегодня же покинут эти края и совершат паломничество к Слиянию Трех Рек, откуда они пришли и где в прошлом году на пути к востоку воздвигли дивный алтарь в честь Богини. И там они будут молить Богиню указать им, в чем их вина.

— Да ведь на это уйдет много недель! — застонала Ведунья. — И совсем не надо нам идти в ту сторону! Мы вернемся на те же земли, откуда ушли и где полным-полно Чужих!

Серебристое Облако пронзил ее ледяным взглядом.

— Богиня обещала нам эту землю, где нет Чужих. И вот мы пришли и видим, что они уже здесь. Так не должно быть. Надо просить Богиню указать нам путь.

— Тогда уйдем на юг и спросим Богиню там. Там хотя бы тепло, и мы сумеем найти хорошее место для стойбища, где Чужие не будут нам докучать.

— Кто же тебя неволит, Ведунья, — отправляйся на юг. Но мы все нынче уходим к Слиянию Трех Рек.

— А Чужие? — крикнула она.

— Чужие не посмеют приблизиться к алтарю Богини. Но если ты их боишься — ступай на юг! Ступай на юг, Ведунья!

Кто-то засмеялся — Пылающее Око. Тогда и другие охотники начали смеяться, а с ними и кое-кто из матерей. Вскоре все вокруг хохотали, тыча в нее пальцами.

Жаль, что у нее нет сейчас в руках копья Пылающего Ока. Всех бы поубивала, и никто бы ее не остановил.

— Ступай на юг, Ведунья! — кричали они. — Ступай на юг, Ведунья.

Ведунья проглотила готовое сорваться проклятие, поняв, что они не шутят. Если она даст волю своему гневу, ее запросто могут изгнать из племени. Десять лет назад она бы этому порадовалась, но теперь ей за тридцать, и она уже старая. Изгнание обрекло бы ее на смерть.

Она пробурчала что-то себе под нос и отвернулась от пронизывающих глаз Серебристого Облака.

— Хорошо, — хлопнул в ладоши вождь. — Собирайтесь! Снимаем стойбище! Надо уйти отсюда до темноты.

Глава 2

ПРИБЫТИЕ

5

Все это время Эдит Феллоуз была ужасно занята. Труднее всего оказалось уволиться из больницы. Предупреждать об уходе всего за две недели не только противоречило всем правилам, но и было совершенно у них не принято. Однако администрация пошла навстречу мисс Феллоуз, поскольку та дала понять, что уходит с большой неохотой и лишь потому, что ей представилась возможность участвовать в каком-то небывалом научном эксперименте.

Мисс Феллоуз не скрывала, что будет работать в «Стасис технолоджиз».

— Будете ухаживать за динозавриком? — посмеялось начальство.

— Нет, за другим существом, которое мне гораздо более знакомо.

В подробности она не вдавалась — доктор Хоскинс запретил. Но тем, кто работал с Эдит Феллоуз и знал ее, нетрудно было догадаться, что работа как-то связана с детьми. И раз она устраивается в научный центр, знаменитый тем, что доставил динозавра из мезозойской эры — значит, там и теперь готовится

что-то в этом роде: например, извлечение из прошлого доисторического ребенка. Мисс Феллоуз ничего не подтверждала и не отрицала, но ее шефы и так знали. И, конечно, согласились отпустить ее.

Однако ей пришлось несколько дней работать почти круглые сутки: устранять недоделки, приводить в порядок свои последние рапортички, составлять перечень дел для своей преемницы, отделять свое личное лабораторное оборудование от больничного. Все это было достаточно напряженно, но не сказать, чтобы тяжело. По-настоящему трудно было прощаться с детьми. Им не верилось, что она уходит.

— Вы ведь вернетесь через недельку или две, мисс Феллоуз? — спрашивали они, окружив ее. — Вы ведь просто в отпуск, да? Отдохнуть немного? А куда вы едете, мисс Феллоуз?

Кое-кого из ребят она знала со дня их рождения. Теперь им было по пять, шесть, семь лет. Большинство из них лечилось амбулаторно, но некоторые постоянно находились в больнице, и она годами занималась ими.

Тяжело было говорить им, что она уходит, очень тяжело.

Но мисс Феллоуз заставляла себя быть твердой. Теперь в ней нуждается другой малыш, совсем особенный малыш, судьба которого не имела себе равных в истории Вселенной. Мисс Феллоуз знала, что должна уйти туда, где она нужнее.

Она закрыла свою квартирку в южной части города, отобрала немного вещей, чтобы взять с собой на новое место, а остальные сдала на хранение. Это не отняло много времени, за неимением цветов, которые надо поливать, кошек и прочей живности. У нее не было привязанностей помимо работы: дети, всегда только дети — для цветов и зверюшек не оставалось места.

Договор о найме квартиры она благоразумно продлила на неопределенное время, поскольку очень серьезно отнеслась к предупреждению Хоскинса о том, что они могут расстаться с ней в любой момент. Могло случиться и так, что ей самой захочется уйти: возможно, работа ей не подойдет, возможно, роль в эксперименте не удовлетворит ее, возможно, она очень скоро поймет, что совершила огромную ошибку. Поэтому мисс Феллоуз не сжигала за собой мостов: в любое время она сможет вернуться в свою больницу, к своим детишкам, к себе домой.

За эти две недели она, при всей своей занятости, несколько раз ездила в «Стасис текнолоджиз», чтобы помочь приготовиться к встрече маленького гостя из прошлого. Ей дали в подчинение трех санитаров, двух молодых людей и женщину, и она

снабдила своих помощников обширным списком всего, что им понадобится — лекарства, продукты, даже инкубатор.

— Инкубатор? — спросил Хоскинс.

— Инкубатор.

— Мы не собираемся доставлять вам недоношенного, мисс Феллоуз.

— Вы не можете знать, кто вам попадется — сами говорили. А вдруг ребенок будет болен, вдруг он будет слабеньким, вдруг он заболеет, как только в его организм попадут современные микробы. Мне нужен инкубатор — хотя бы для страховки.

— Ладно. Будет инкубатор.

— И стерильная камера, подходящая по размеру для здорового активного ребенка, если он окажется слишком большим для инкубатора.

— Мисс Феллоуз, пожалуйста, будьте благоразумны. Наш бюджет...

— Стерильная камера. Пока мы не уверимся, что наш воздух не вредит ребенку.

— Боюсь, что воздействия воздуха не избежать. Он вдохнет наш зараженный микробами воздух, как только появится здесь. Нельзя осуществить стасис в стерильных условиях, как хотелось бы вам. Нет такой возможности, мисс Феллоуз.

— Изыщите ее.

Хоскинс посмотрел на нее взглядом, который она уже знала, как его патентованный способ дать понять, что глупостей он не потерпит.

— На этот раз я не уступлю, мисс Феллоуз. Ценю ваше желание уберечь ребенка от всех мыслимых опасностей. Но вы не имеете понятия о том, как устроена наша аппаратура, а посему вам придется просто смириться с тем, что мы не сможем немедленно поместить ребенка в стерильно чистый изолятор. Просто не сможем.

— А если ребенок заболеет и умрет?

— Наш динозавр пока вполне здоров.

— Вряд ли рептилии, доисторические или современные, подвержены заражению нашими микроорганизмами. Но сейчас это будет человек, а не динозавр, доктор Хоскинс. Особь нашего вида.

— Я это уже сообразил, мисс Феллоуз.

— Поэтому я и прошу вас.

— А я вам говорю — нет. Приходится идти на некоторый риск, в который входит и микробная инфекция. Мы готовы оказать любую медицинскую помощь, если это случится. Но

чудотворной магической среды, безопасной на все сто процентов, не будет. Не будет. — Хоскинс смягчился. — Мисс Феллоуз, я вам вот что скажу. У меня у самого есть сын, мальчуган, который не дорос еще и до детского садика. Да-да, в моем-то возрасте — и это самое замечательное, что произошло в моей жизни. Так вот, я хочу, чтобы вы знали, мисс Феллоуз: меня так же волнует благополучие малыша, который прибудет сюда на будущей неделе, как благополучие моего Джерри. И я так же убежден, что все будет хорошо, как если бы речь шла о моем сыне.

Мисс Феллоуз логика Хоскинса показалась не слишком убедительной, но ей стало ясно, что тут его не собьешь, а повлиять на него нечем — разве что пригрозить, что уйдет. Но эту угрозу она решила приберечь напоследок. Это ее единственное оружие, и сейчас еще не время прибегать к нему.

Так же бесповоротно отказал ей Хоскинс в предварительном осмотре помещения для ребенка.

— Это зона стасиса, — сказал он, — и в ней идет непрерывный отсчет. В это время туда никому нельзя входить. Никому. Ни вам, ни мне, ни президенту Соединенных Штатов. Как нельзя и прерывать отсчет ради того, чтобы сводить вас на экскурсию.

— Но если там чего-то недостает...

— Там всего достаточно, мисс Феллоуз. Более чем достаточно. Положитесь на меня.

— Но я предпочла бы...

— Нет уж. Положитесь на меня.

Жалкая отговорка. Но она почему-то все же полагалась на него.

Она не знала, какой Хоскинс ученый, несмотря на хвастливую табличку с «доктором физики», но одно было несомненно: руководитель он требовательный. Будь он тряпкой, он не стал бы главным лицом в «Стасис технолоджиз».

6

Ровно в пять вечера пятнадцатого числа у мисс Феллоуз зазвонил телефон. Звонил Фил Брайс, помощник Хоскинса.

— Пошел финальный трехчасовой отсчет, мисс Феллоуз, все на мази. Мы пришлем за вами машину ровно в семь.

— Я и сама могу добраться, спасибо.

— Доктор Хоскинс распорядился послать за вами машину. Она придет ровно в семь.

Мисс Феллоуз вздохнула. Что толку спорить?

7

Шел мелкий дождик, вечер был серый и унылый. Строения «Стасис технолоджиз» казались еще безобразнее, чем всегда, — какие-то сараи, лишенные даже подобия красоты и благородства линий, состряпанные наспех времянки.

Индустриальный, безрадостный, бесчеловечный пейзаж. Мисс Феллоуз провела всю жизнь в больничной обстановке, но по сравнению с этими корпусами любая больница сошла бы за обитель радости и веселья. И эти служащие с табличками на груди, неприветливо спешащие по своим делам, замкнутые лица, приглушенные голоса, эта атмосфера почти боевой готовности...

Что я здесь делаю? — спросила себя мисс Феллоуз. — Зачем я только с ними связалась?

— Сюда, пожалуйста, мисс Феллоуз, — сказал Брайс.

Ей кивали, с ней здоровались. В представлении как будто никто не нуждался. Все мужчины и женщины, похоже, знали, кто она и чем должна заниматься. На ней, правда, теперь тоже была табличка, но на табличку никто не смотрел. Все и так знали, что она — няня для малыша. Ей казалось, что она быстро, как на лыжах, скользит по этим коридорам, где все сметано на живую нитку, приближаясь к центру эксперимента, в котором никогда еще не была.

Они спустились по гремучей металлической лестнице в тоннель без окон, освещенный лампами дневного света, и, пройдя бесконечно долгий путь под землей, оказались перед стальной дверью, окрашенной в черное, по которой переливался муаровый узор защитного поля.

— Поднесите свою табличку к двери, мисс Феллоуз, — сказал Брайс.

— Неужели это действительно необхо...

— Прошу вас, мисс Феллоуз.

Дверь открылась. За ней была еще одна лестница. Они стали подниматься по ней все выше и выше, делая витки вокруг огромного сводчатого помещения, потом прошли через холл в другую дверь — неужели так надо?

Наконец они вышли на балкон над каким-то большим залом. Внизу, под ними, виднелась громаднейшая, изогнутая полукругом приборная доска — нечто среднее между пультом управления космического корабля и рабочей панелью гигантского компьютера, если не декорация для съемок какой-нибудь бездарной научно-фантастической эпопеи. Около нее беспорядочно сновали техники, жестикулируя, как на сцене. Тянули куда-то толстенный черный кабель, который потом, посовещавшись и

покивав головами, вернули на место. Сияли прожекторы, на огромных экранах отсчитывались цифры.

Доктор Хоскинс стоял на балконе недалеко от них, но только мельком взглянул в их сторону, пробормотав «мисс Феллоуз», — рассеянный, поглощенный своими мыслями, почти отсутствующий.

Он даже не предложил ей сесть, хотя на галерее в четырепять рядов стояли складные стулья. Она сама нашла себе стул и придвинула его к перилам, чтобы лучше видеть.

Внизу, как раз под ней, в темном до сих пор углу зала, внезапно вспыхнул свет.

Мисс Феллоуз посмотрела туда и увидела несколько разгороженных комнат без потолка — гигантский кукольный домик, открытый сверху для обозрения.

В одной комнатке она разглядела микроволновую печь и холодильник, в другой была ванная. В маленькой клетушке находилось разное медицинское оборудование, очень ей знакомое — она узнавала все, что заказывала ассистентам Хоскинса, включая инкубатор.

А предмет, который виднелся в соседней комнате, мог быть только кроватью — маленькой кроваткой.

Мужчины и женщины с табличками компании на груди начали заполнять балкон, занимая места рядом с мисс Феллоуз. Она узнала нескольких специалистов по стасису, которых ей представили в предыдущие визиты, но не могла вспомнить ни единого имени. Остальные были совершенно незнакомы, но улыбались и кивали ей, будто она проработала здесь много лет.

Потом она увидела человека, которого знала и в лицо, и по имени, — красивого худощавого мужчину лет пятидесяти пяти с щегольскими седыми усиками и внимательными глазами, которым до всего было дело.

Кандид Девени! Научный обозреватель Международных Теленовостей!

Мисс Феллоуз не так уж часто смотрела телевизор — пару часов в неделю, а то и меньше. Бывали недели, когда она вообще забывала его включать. Ей вполне хватало книг, а работа зачастую так поглощала, что и в книгах не было нужды. Но Кандид Девени был единственным, кого она знала на телеэкране. В мире то и дело происходили необычайно интересные события — нельзя было ограничиться одним печатным словом и не увидеть их своими глазами. Например, высадка на Марсе, или показ маленького динозавра, или зрелище ядерного взрыва высоко над Восточным полушарием, или тот маленький, но опасный астероид, что в позапрошлом году шел курсом столкновения с

Землей. И все эти события на экране освещал Кандид Девени. Он неизменно присутствовал при всех крупных научных открытиях. Его сегодняшнее присутствие здесь невольно взволновало мисс Феллоуз. Ее сердце забилось чуть быстрее от сознания, что происходит нечто действительно из ряда вон выходящее — ведь Девени почтил их своим присутствием. Подумать только — она могла бы дотронуться до самого Кандида Девени, да еще в такой знаменательный момент.

Тут она отругала себя за глупость. Девени, в конце концов, всего лишь репортер. Почему она должна питать к нему почтение только из-за того, что видела его в телевизоре?

Почтение должно вызывать скорее то, что сейчас люди проникнут в давно ушедшее время и доставят оттуда в двадцать первый век маленького человечка. И она — неотъемлемая часть этого предприятия. Она, а не Кандид Девени. Если на то пошло, это его должно волновать ее присутствие, а не наоборот.

Хоскинс подошел поздороваться с Девени и стал рассказывать ему о проекте. Мисс Феллоуз насторожила слух.

— Я не переставал думать о том, что вы тут поделываете, со времен моего последнего визита сюда, когда доставили динозавра, — говорил Девени. — И меня мучил один вопрос — вопрос избирательности.

— Я вас слушаю, — сказал Хоскинс.

— Вы можете проникнуть во время только до определенного предела — это понятно. Чем дальше, тем хуже видимость, тем больше расходуется энергии, и наконец резерв энергии исчерпывается. Это мне легко понять. Но вы не можете попасть во время также и *ближе* определенного предела — вот что озадачивает, и не только меня. То есть: если вы можете достать из прошлого то, что было сто миллионов лет назад, то могли бы, казалось, достать что-нибудь с гораздо меньшими усилиями из прошлого вторника. Однако вы говорите, что не можете попасть в прошлый вторник и вообще в любое близкое к нам прошлое. Почему же?

— Могу представить это в менее парадоксальном виде, Девени, если вы разрешите мне воспользоваться аналогией.

(Он обращается к нему «Девени»! — подумала мисс Феллоуз. Словно профессор колледжа, снисходительно объясняющий что-то студенту.)

— Непременно воспользуйтесь — лишь бы польза была.

— Так вот: вы не сможете читать книгу с обычным шрифтом, если ее держат на расстоянии шести футов от вас, верно? Но на расстоянии в один фут вы ее читаете свободно. Казалось

бы, чем ближе, тем лучше — но если вы приблизите книгу на дюйм к глазам, то у вас опять ничего не получится. Человеческий глаз просто не способен фокусироваться на таком расстоянии. Значит, в данном случае расстояние ограничивается и ближним, и дальним пределами. Слишком далеко и слишком близко — одинаково плохо.

— Хм-м, — сказал Девени.

— Возьмем другой пример. Ваше правое плечо отстоит примерно на тридцать дюймов от кончика указательного пальца вашей правой руки, и вы спокойно можете дотронуться пальцем до плеча. Ваш правый локоть наполовину ближе к правому указательному пальцу, чем правое плечо. По законам логики до него легче достать, чем до плеча. А теперь попробуйте, дотроньтесь правым указательным пальцем до правого локтя. Тот же случай: он слишком близок.

— Можно мне использовать ваши аналогии в своей передаче?

— Ну конечно. Все, что хотите. Полная свобода. Все, что мы хотим взамен, — это чтобы весь мир заглянул нам через плечо. Тут будет на что посмотреть.

Мисс Феллоуз снова поймала себя на том, что невольно восхищается спокойной уверенностью Хоскинса. В нем чувствовалась сила.

— И как глубоко вы намерены копнуть сегодня?

— На сорок тысяч лет.

У мисс Феллоуз захватило дыхание.

На сорок тысяч лет?!

8

До сих пор она не задумывалась над этим. Ее слишком заботило другое — расставание с больницей и устройство здесь. Сейчас она вдруг обнаружила, что так и не дала себе труда как следует поразмыслить об эксперименте.

Нет, она, конечно, знала, что «Стасис» собирается взять из прошлого ребенка и доставить сюда, и знала — хотя и не помнила, откуда почерпнула эту информацию, — что ребенок будет взят из доисторической эры.

Но «доисторическая эра» — понятие растяжимое. Основная часть Европы могла бы считаться «доисторической» еще три тысячи лет назад. На земном шаре сохранились места, где люди до сих пор ведут доисторический образ жизни. Мисс Феллоуз предполагала, когда ей вообще случалось думать об этом, что

ребенка возьмут из какого-нибудь кочевого, доземледельческого общества, существовавшего тысяч пять, ну пусть десять, лет назад.

Но сорок тысяч?

К этому она не подготовилась. Да будет ли ее подопечный вообще похож на человека? Существовало ли такое явление, как гомо сапиенс, сорок тысяч лет назад?

Мисс Феллоуз хотелось бы вспомнить хоть что-нибудь из курса антропологии, который она когда-то слушала в колледже, но вспоминались, как нарочно, лишь какие-то обрывки, притом, как опасалась она, в безнадежно искаженном виде.

Перед появлением истинного человека существовали неандертальцы — так, кажется? Примитивные существа, полуживотные. А до них Землю населяли еще более примитивные питекантропы вместе с другими, которые назывались не менее сложно. Были и еще какие-то разновидности полулюдей или недолюдей — жалкие голые полуобезьяны, с натяжкой могущие считаться нашими далекими предками. Но в какое время жили все эти древние люди? Двадцать тысяч лет назад? Или пятьдесят? Или сто?

Мисс Феллоуз решительно не могла заключить их в какие-то хронологические рамки.

Боже праведный, неужели мне предстоит ухаживать за маленькой обезьянкой?

Ее пробрала дрожь. Хороша же она будет со своими инкубаторами и стерильными камерами, если ей на руки свалится что-то вроде шимпанзе. А что, разве нет? Злобный, волосатый звереныш с когтями и клыками, которому место скорее в зоопарке, чем под опекой квалифицированной...

Впрочем, кто знает — может, неандертальцы, питекантропы и прочие ранние формы человечества жили больше миллиона лет назад, и ей достанется всего лишь маленький дикарь. Ей и раньше приходилось иметь дело с маленькими дикарями.

Но это такая необъятная бездна времени — сорок тысяч лет. Ее огромность ошеломляла.

Сорок тысяч лет?

Сорок тысяч?

9

Напряжение нарастало. Хаотический балет внизу прекратился, и техники у пульта почти перестали шевелиться, общаясь друг с другом посредством едва заметных знаков: дернут бровью или постучат пальцем по запястью.

Кто-то тихо и монотонно произносил в микрофон короткие фразы, в которых мисс Феллоуз не видела смысла — в основном цифры, перемежаемые какими-то шифрованными, непонятными словами.

Девени сел на стул рядом с ней Хоскинс сидел по другую сторону. Облокотившись о перила и внимательно следя за тем, что происходит, репортер спросил:

— А мы что-нибудь увидим, доктор Хоскинс? Я хочу сказать — видовые эффекты будут?

— Что? Нет. Ничего такого, пока дело не будет сделано. Мы ведем поиск приблизительно по принципу радара, только вместо радиоволн у нас мезоны. Мезонное сканирование, с настройкой и перенастройкой, идет уже несколько недель. Мезоны при условии верной направленности достигают нужной эпохи. Некоторые сигналы возвращаются обратно, их приходится анализировать и вновь направлять в прошлое, используя для повышения точности следующей попытки — и так до тех пор, пока не приблизимся к желаемому уровню точности.

— Работа, как видно, не из легких. А как вы определяете, что достигли нужного уровня?

Хоскинс улыбнулся своей быстрой и холодной, как фотовспышка, улыбкой.

— Мы этим занимаемся уже пятнадцать лет, а то и двадцать пять, если учесть работу в нашей прежней компании, где мы разработали многие основные принципы, но не сумели достичь надежности на практике. Да, это тяжелая работа, Девени. Тяжелая и рискованная.

Человек у микрофона поднял руку.

— Рискованная? — переспросил Девени.

— Мы не любим неудач. Лично я, во всяком случае, не люблю. А неудача подстерегает нас на каждом шагу. Ведь мы работаем в вероятностной сфере. Количественные эффекты и все такое. Лучшее, на что мы можем надеяться, — это подобие искомого результата. Этого недостаточно, но это лучшее, на что мы можем надеяться.

— Однако сейчас вы как будто уверены в успехе.

— Да. Мы уже много недель сосредоточены на этом моменте прошлого — проверяем, перепроверяем с поправкой на наши временные сдвиги, вычисляем параллаксы, выискиваем все мыслимые релятивистские искажения, добиваемся уверенности в том, что можем управлять потоком времени с достаточной точностью. И думаем, что у нас получится. Сказал бы даже — знаем.

Но лоб его блестел от испарины.

В помещении повисла жуткая тишина, нарушаемая только взволнованным дыханием. Мисс Феллоуз непроизвольно привстала и ухватилась за перила балкона.

Но смотреть было не на что.

— Внимание, — спокойно сказал человек у микрофона.

Тишина достигла наивысшей точки. Это была полнейшая, небывалая тишина — мисс Феллоуз и представить себе не могла бы, что такое возможно в помещении, где полно народу. Но длилось это не дольше мгновения.

Потом из кукольного домика раздался вопль перепуганного ребенка — жуткий, пронзительный вопль, от которого хочется заткнуть руками уши.

В нем звучал ужас — полнейший ужас.

Крик потрясения и отчаяния, невероятно сильный и громкий, выражал такой неприкрытый ужас, что брала оторопь.

Голова мисс Феллоуз сама повернулась в ту сторону, откуда доносился крик.

Хоскинс стукнул кулаком по перилам и сдавленно, с дрожащим в голосе торжеством, сказал:

— Есть!

10

Они бросились по короткой винтовой лесенке вниз, в машинный зал — Хоскинс впереди, Девени следом, а мисс Феллоуз, непрошеная, за репортером. Пускай это вопиющее нарушение правил — но она слышала, как он кричит, этот ребенок.

У меня есть такое же право находиться там, как и у Кандида Девени, сказала она себе.

Хоскинс, спустившись с лестницы, оглянулся и как будто немного удивился тому, что мисс Феллоуз последовала за ним, — но не слишком. И ничего ей не сказал.

В машинном зале парило теперь совсем другое настроение. Техники, только что погрузившие свой ковш в прошлое и извлекшие оттуда то, что хотели, совершенно обессилели и тихо стояли, почти не в себе, рядом со своими приборами. Хоскинс не обращал на них никакого внимания, точно они были винтиками отработавшего свое механизма.

Со стороны кукольного домика звучал тихий зуммер.

— Идемте туда, — сказал Хоскинс.

— В стасисное поле? — замялся Девени.

— Это совершенно безопасно — я проделывал это тысячу раз. Когда пересекаете границу поля, возникает несколько странное ощущение, но оно тут же проходит и не оставляет следов. Положитесь на меня.

И он молча переступил через порог открытой двери. Девени, напряженно улыбаясь и явно затаив дыхание, последовал за ним.

— Вы тоже, мисс Феллоуз. Прошу! — Хоскинс нетерпеливо поманил ее пальцем.

Она кивнула и вошла. Чувство перехода ни с чем нельзя было сравнить — как будто сквозь нее прошла волна, пощекотав ее внутри.

Но за порогом никаких необычных ощущений не последовало. Все было нормально. Мисс Феллоуз уловила чистый свежий запах свежеоструганных стен, а еще пахло землей и как будто лесом.

Панические вопли уже прекратились. В стасисном поле стояла тишина. Потом мисс Феллоуз услышала шлепанье ног, царапанье по дереву — и какой-то тихий стон.

— Где ребенок? — с беспокойством спросила она.

Хоскинс проверял какие-то диски и шкалы у самого входа. Девени пялился на него, как идиот. Ни один из них как будто не торопился взглянуть на ребенка — на ребенка, которого вся эта сложная и запутанная аппаратура только что выдернула из немыслимо древней эры.

Им что, нет до него дела, этим дуракам?

Мисс Феллоуз, никого не спрашивая, прошла за поворот коридора в комнату с кроваткой.

Ребенок был там. Мальчик. Очень маленький, очень грязный, очень тощенький, очень странный с виду.

Ему было года три — если больше, то ненамного. Он был голенький. Покрытая грязью грудка вздымалась и опадала. По полу широким полукругом была рассыпана груда земли, перемешанной с камушками и пучками сухой травы, точно в комнату вывалили целый бушель сора. От груды шел густой земляной дух с примесью какого-то зловония. Мисс Феллоуз заметила, что у загорелых босых ног мальчика ползают большие темные муравьи и пара мохнатых паучков.

Хоскинс проследил за ее исполненным ужаса взглядом и сказал с внезапным раздражением:

— Нельзя извлечь мальчика из времени чистеньким, мисс Феллоуз. Для страховки приходится прихватить и некоторую прослойку. Или вы предпочли бы, чтобы он прибыл сюда без одной ноги, а то и с половиной головы?

— Прошу вас! — возмущенно вскричала мисс Феллоуз. — Мы что, так и будем здесь стоять? Бедный ребенок напуган. И весь перепачкался.

Это было очень мягко сказано. Никогда ей не приходилось видеть такого запущенного ребенка. Его не мыли уже добрых несколько недель — а может, и никогда не мыли. От него скверно пахло. Все тело покрывала толстая корка сала и грязи, а на бедре виднелась глубокая свежая царапина, вполне способная воспалиться.

— Ну-ка, дай на тебя посмотреть, — пробормотал Хоскинс, осторожно шагнув вперед.

Мальчик скорчился, прижал локти к бокам, втянул голову в плечи, приняв бессознательную защитную позу, и быстро попятился назад. В глазах у него был страх и вызов. Наткнувшись на стенку и поняв, что дальше хода нет, он приподнял верхнюю губу и зашипел, словно кот. Звук был жуткий — какой-то дикий, звериный.

Мисс Феллоуз ощутила холодную волну шока. И это — ее питомец? Вот этот звереныш?

Все ее страхи оправдывались.

И дело еще хуже, чем она думала. В нем нет почти ничего человеческого. Какое-то мерзкое маленькое чудовище.

Хоскинс быстро подошел, схватил мальчика за руки, скрестив их у него на животе, и тут же поднял его в воздух — лягающегося, вырывающегося и вопящего.

Ребенок выл, как бес — крик вырывался из него с поразительной силой. Мисс Феллоуз обнаружила, что вся дрожит, и заставила себя успокоиться. Что за ужасный, раздирающий уши крик. Просто нечеловеческий. Не верилось, что такой маленький мальчик может издавать такие мощные звуки.

Хоскинс, держа его на вытянутых руках, в полной растерянности смотрел на мисс Феллоуз.

— Да-да, держите его. Не отпускайте. Смотрите, чтобы он не задел вас ногтями, когда брыкается. Несите его в ванную и давайте помоем его. Первое, что ему нужно, — это хорошая теплая ванна.

Хоскинс кивнул. Как ни мал был мальчик, держать его таким образом было трудновато. Казалось бы, что взрослый мужчина легко может сладить с малым ребенком, но в этом ребенке жила могучая дикая сила. И он, без сомнения, полагал, что борется за свою жизнь.

— Наполняйте ванну, мисс Феллоуз! — возопил Хоскинс. — Поскорей!

В стасисной зоне теперь стало людно. Мисс Феллоуз узнала в толпе трех своих ассистентов и распорядилась:

— Эллиот — пустите воду. Мортенсон, мне нужны антибиотики, чтобы обработать эту рану на ноге. Несите-ка в ванную всю антисептическую аптечку. Стретфорд, найдите уборщиков и уберите отсюда весь этот мусор!

Все занялись делом. Теперь, когда мисс Феллоуз начала распоряжаться, первоначальные шок и ужас отпустили ее и к ней вернулась некоторая профессиональная уверенность. Да, ее ждут трудности. Но она ведь специалистка по трудным случаям и справлялась не с одним за годы своей службы.

Явились рабочие с контейнерами и начали собирать в них землю, унося их потом куда-то в заднюю комнату. Хоскинс крикнул им:

— Помните — чтобы ни соринки не выносилось из пузыря!

Мисс Феллоуз прошла вслед за Хоскинсом и знаком велела ему опустить ребенка в ванну, которую Эллиот поспешно наполнял теплой водой. Уже не растерянная зрительница, а умелая и опытная медсестра сосредоточилась и окинула ребенка холодным взглядом медика, точно увидев его впервые.

Увиденное напугало ее с новой силой. Какой-то миг она с трудом владела собой, раздираемая неуправляемыми эмоциями. За грязью, брыканием и криками она разглядела самого мальчика.

Первое впечатление того суматошного момента было правильным. Это был самый безобразный мальчик, которого ей приходилось видеть. Он был ужасный урод — от бесформенной головы до кривых ног.

У него было необычайно мощное тело, очень выпуклая грудь и широкие плечи. Ну, пусть — это еще не так бросалось в глаза. Но этот длинный здоровенный череп! Нависший покатый лоб! Большая картофелина вместо носа, с темными зияющими ноздрями, настолько же глядящими наружу, насколько и вниз! Глазищи в толстенных костяных глазницах! Срезанный подбородок, короткая шея, карликовые ручки и ножки!

Сорок тысяч лет, напомнила себе мисс Феллоуз.

Он не человек. Не настоящий человек.

Он животное. Самые худшие ее опасения осуществились. Маленькая обезьяна, вот кто он такой. Что-то вроде шимпанзе. Вот за кем ей придется ухаживать, вот за что ей платят такие деньги! Но разве она справится? Что она понимает в уходе за детенышами диких доисторических обезьян?

И все-таки...

Возможно, она ошибается. Она от всей души надеялась на это. В сверкающих злых глазищах мальчика определенно виднелся проблеск человеческого разума. Светло-коричневую, почти медного цвета кожу покрывал только легкий золотистый пушок, а не жесткая густая шерстка, как у детеныша обезьяны. И лицо, хоть и безобразное, безусловно не было обезьяньим. Преодолев впечатление от его внешности, можно было разглядеть, что он всего лишь маленький мальчик.

Мальчик. Да, безобразный, да, странненький, маленький, грязный, перепуганный человечек с кривыми ножками, неправильной головой, с каким-то недоразумением вместо подбородка, с загрязненным порезом на ноге и с красным родимым пятном на щеке — точь-в-точь зигзаг молнии.

Да, он не похож ни на кого из виденных ею детей, но она все же попробует считать его человеком — бедного, напуганного малютку, украденного из прошлого. Может быть, у нее и получится — может быть.

Но до чего он безобразен, Господи! О Боже, Боже, Боже, разве мыслимо полюбить такое безобразное существо? Мисс Феллоуз очень сомневалась, что ей это удастся, несмотря на все, что она наговорила Хоскинсу. И эта мысль мучила ее.

Ванна наполнялась. Эллиот, сильный чернявый мужчина с огромными крепкими ручищами, забрал мальчика у Хоскинса и наполовину окунул его в воду, а тот отчаянно извивался. Мортенсон, второй санитар, вкатил аптечную тележку. Мисс Феллоуз выдавила в ванну полтюбика антисептического мыла, и вода покрылась желтой пузырящейся пеной. Пузыри на мгновение отвлекли ребенка, и он перестал выть и лягаться — но только на мгновение. Потом он, видимо, вспомнил, что с ним происходит нечто ужасное, и опять начал вырываться.

— Скользкий, паршивец, — засмеялся Эллиот. — Чуть я его не упустил.

— Смотрите, чтобы этого не случилось, — строго предупредила мисс Феллоуз. — О Господи, сколько грязи! Осторожно — держите, держите!

Мерзкое это было занятие. Даже с помощью двух мужчин мисс Феллоуз еле-еле удавалось справиться с ребенком. Он не переставал извиваться, дергаться, лягаться, царапаться и орать. Она не знала, что́ он так защищает — жизнь или просто достоинство, но ей редко попадался такой неуступчивый пациент. Он обливал их мыльной грязной водой, и Эллиот уже не смеялся: мальчишка вцепился ногтями ему в руку, и под черной курчавой порослью появилась широкая красная борозда. Мисс Феллоуз начинала подумывать, не дать ли ребенку успокоительного,

чтобы довести дело до конца — она смотрела на это как на последнюю, крайнюю меру.

— Введите себе антибиотик, когда закончим, — сказала она Эллиоту. — Царапина скверная. Кто знает, какие доисторические микробы могут быть у него под ногтями.

Она совсем забыла свое прежнее требование, чтобы ребенка поместили в стерильную, лишенную бактерий среду. Мальчик был такой сильный, такой живой, такой злющий — а она-то воображала себе слабое, уязвимое существо.

Однако он тоже уязвим, сказала она себе, несмотря на то что так дерется. Надо будет тщательно понаблюдать за ним первые несколько дней, пока не выявится, не подхватил ли он какую-нибудь инфекцию, к которой у него нет врожденного иммунитета.

— Выньте его на минутку из ванны, Эллиот, — сказала она. — Мортенсон, давайте подольем чистой воды. О Господи, Господи, до чего же грязный ребенок!

Казалось, что этому мытью не будет конца. Мисс Феллоуз работала молча, постепенно распаляясь. Ее настроение изменилось, уступив место раздражению и даже гневу. Она не думала больше о том, как интересно будет справиться с трудной задачей. Теперь, подогреваемая бешеной защитой и криками мальчишки, промокшая до нитки, как и ее помощники, она утверждалась в мысли, что Хоскинс обманул ее, заставив взяться за работу, смысла которой она не понимала.

Да, он намекнул, что ребенок будет не из приятных. Но это не означало, что он будет отталкивающе безобразен и неукротим, словно зверь из джунглей. И от него несло вонью, которую вода и мыло смягчали лишь мало-помалу.

По мере продолжения битвы ее все больше одолевало желание швырнуть мальчишку — прямо как есть, мокрого и намыленного — доктору Хоскинсу, повернуться и уйти. Но мисс Феллоуз знала, что не сможет. В конце концов, это вопрос ее профессионального престижа. Как бы там ни было, она ведь согласилась на эту работу. Придется ее исполнять. Она призналась себе, что Хоскинс ни в чем ее не обманывал. Он сказал ей, что работа будет тяжелая. Сказал, что ребенок будет трудный, необычный, непослушный, а может быть, и противный. Так и сказал. И спросил — сумеет ли она полюбить ребенка, не рассуждая, несмотря ни на какой скошенный подбородок или нависший лоб. А она ответила — да, да, да, я на все готова. Что подумает доктор Хоскинс, если она сейчас уйдет? Он посмотрит на нее холодно и проницательно, будто говоря: «Значит, я был прав. Вы способны ухаживать только за милыми крошками, а, мисс Феллоуз?»

Она взглянула на него. Хоскинс стоял чуть поодаль, хладнокровно, почти с улыбкой, наблюдая за ними. Когда он встретился с ней глазами, улыбка стала еще заметнее, будто он читал ее мысли, видел, что она вся кипит и чувствует себя преданной — и веселился.

Вот возьму и уйду, подумала она в новом приступе ярости.

Но не теперь. А когда наведу здесь порядок. Уйти раньше было бы низко. Сначала немного цивилизую этого гадкого маленького дикаря, а там Хоскинс пусть ищет другую нянчиться с ним.

11

Битва у ванны увенчалась победой трех взрослых над малым напуганным ребенком. Во всяком случае, верхний слой грязи смыли, и кожа мальчика приобрела приемлемый розовый оттенок. Он перестал вопить от страха и только неуверенно хныкал.

Борьба утомила его. Он стал наблюдать за тем, что происходит вокруг, испуганно и подозрительно переводя глаза с одного лица на другое.

Он весь дрожал — не столько от страха, сколько от холода после купания, сообразила мисс Феллоуз. Несмотря на крепкое сложение, он был ужасно тощий — ни капли жира, а ручки и ножки как былинки. А смытая грязь, видимо, служила ему теплоизоляцией.

— Принесите-ка ему ночную рубашку! — приказала мисс Феллоуз.

Рубашку тут же принесли. Как видно, все было наготове, но делалось только по ее команде, будто Хоскинс намеренно устранился и предоставил действовать ей, чтобы ее испытать.

— Давайте я подержу его опять, мисс Феллоуз, — сказал силач Эллиот. — Вам самой не надеть.

— Вы правы. Спасибо, Эллиот.

Мальчик широко раскрыл глаза при виде рубашки, подозревая в ней новое орудие пытки. Но бой на этот раз был не столь долгим и ожесточенным, как в ванне. Эллиот ухватил малыша своими ручищами за тонкие ручки и вздернул их вверх, а мисс Феллоуз ловко натянула розовую фланелевую рубашонку на уродливую голову.

Мальчик издал тихий недоуменный звук и крепко стиснул рукой ворот рубашки, собрав покатый лобик в глубокие морщины.

Потом заворчал и с силой дернул рубашку, словно хотел сорвать ее с себя.

Мисс Феллоуз звонко шлепнула его по руке. Доктор Хоскинс позади удивленно вскрикнул, но она не обратила на него внимания.

Мальчик надулся, но не заплакал, а только уставился на мисс Феллоуз, как будто шлепок совсем не обидел его, а показался чем-то знакомым, чего и следовало ожидать. Глаза у него были больше, чем у всех знакомых ей детей, темные, блестящие и пугающие.

Он стал медленно водить своими широкими коротенькими пальцами по непривычной фланели, но рвать ее больше не пытался.

Ну и что дальше? — в отчаянии подумала мисс Феллоуз.

Все застыли, будто в стоп-кадре, ожидая ее решения, — даже безобразный мальчуган.

В уме у нее разворачивался длинный перечень того, что следовало сделать — не обязательно в порядке первостепенной важности:

Обработать царапину, чтобы не воспалилась.

Подстричь ногти на руках и ногах.

Анализ крови. Состояние иммунной системы?

Вакцинация? Превентивный курс антибиотиков?

Подстричь волосы.

Анализ кала. Кишечные паразиты?

Осмотр полости рта.

Рентген грудной клетки. И общий костный рентген.

И еще с полдюжины пунктов разной степени важности. Но потом она сообразила, что сейчас нужнее всего — по крайней мере, малышу — и спросила:

— Есть тут еда? Молоко?

Было все. Мисс Стретфорд, ее третья помощница, привезла сверкающую столовую тележку. В холодильном отделении мисс Феллоуз нашла три кварты молока, нашла подогреватель и разные укрепляющие добавки — витамины, медно-кобальтово-железный сироп. С ними сейчас некогда возиться. В другом отделении имелся набор детского питания в самонагревающихся банках.

Но начинать следовало с молока, с простого молока. Что бы он ни ел там у себя — полусырое мясо, коренья, дикие ягоды, насекомых, — молоко наверняка входило в детскую диету. Мисс Феллоуз предполагала, что у дикарей принято кормить детей грудью как можно дольше.

Но чашки дикарям скорее всего неизвестны. Мисс Феллоуз налила немного молока в блюдечко и сунула на пару секунд в микроволновую печку, чтобы подогреть.

Все смотрели на нее — Хоскинс, Кандид Девени, трое помощников и те, кто сумел протолкаться в зону стасиса. Смотрел на нее и мальчик.

— Умница, — сказала она ему. — Молодец. — Потом осторожно взяла блюдечко, поднесла ко рту и сделала вид, что лакает молоко.

Мальчик следил за ней — но понял ли он?

— Пей, — сказала она. — Вот как надо. — И еще раз показала, будто лакает. Она чувствовала себя немного нелепо — ну и пусть. Она будет делать все, что считает нужным. Надо же показать мальчику, как пить.

— Теперь ты.

Она поднесла ему блюдечко так, что мальчику оставалось только дотянуться до него ртом и лакать. Малыш сосредоточенно смотрел на блюдце без всяких признаков понимания.

— Пей, — сказала мисс Феллоуз, — пей. — И снова показала, как шевелить языком.

Ответа не было — он только смотрел. И его снова била дрожь, хотя в комнате было тепло и ночной рубашки вполне хватало.

Пора переходить к решительным мерам, подумала мисс Феллоуз.

Она поставила блюдце на пол, схватила мальчика за руку, обмакнула свои пальцы в молоко и помазала его по губам. Молоко потекло по скошенному подбородку.

Мальчик тоненько вскрикнул, как прежде не делал — можно было подумать, что он неприятно поражен. Потом облизнул мокрые губы. Распробовал. Снова высунул язык.

Что это — он улыбается?

Да. Во всяком случае, очень похоже на улыбку. Мисс Феллоуз отступила назад.

— Молоко. Это молоко. Попей еще.

Мальчик с опаской подошел к блюдечку. Наклонился, потом посмотрел вверх, оглянулся через плечо — не подстерегает ли там какой враг. Но сзади никого не было. Он присел — неловко, неуклюже, нагнул голову и начал лакать — сначала осторожно, потом с возрастающей жадностью. Он лакал, как кошка. Он хлюпал. Он и не думал брать блюдечко в руки — лакал, скорчившись на полу, как зверек.

Мисс Феллоуз стало противно, хотя она сама же учила его лакать. Ей хотелось думать о нем, как о человеке, о человеческом детеныше, а он все время вел себя, как звереныш, и это было ей ненавистно. Просто ненавистно. Она знала, что это написано у нее на лице, но ничего не могла с собой поделать. Ну почему он такой? Пусть он родился в доисторическую эпоху — сорок тысяч лет назад! — но неужели только из-за этого он непременно должен походить на обезьяну? Ведь он человек? Да или нет? Что за ребенка ей подсунули?

— А няня знает, доктор Хоскинс? — спросил Кандид Девени, уловив, должно быть, выражение ее лица.

— Что я должна знать?

Девени замялся, но Хоскинс, снова со скрытым весельем, сказал:

— Не уверен. Почему бы вам самому ей не сказать?

— *Что это за тайны? — спросила она. — Ну, говорите, если* я должна что-то знать!

— Я просто хотел спросить, мисс, — известно ли вам, что вы первая цивилизованная женщина в истории, которой предстоит ухаживать за маленьким неандертальцем?

Интермедия вторая

ЖРИЦА

Настало четвертое утро их похода на запад, их паломничества к Слиянию Трех Рек. Сухой холодный ветер дул с севера с тех самых пор, как Серебристое Облако распорядился снимать стойбище и пускаться в обратный путь по их длинному следу через голую равнину. Иногда ветер приносил порывами холодный жесткий снег и кружил его белыми вихрями над головой — это в середине-то лета! Воистину Богиня прогневалась на них. Но за что? Что они сделали?

На ночь Люди забирались в ямы и расселины при луне, заливающей небо потоками холодного белого света. Не было пещер, в которых можно укрыться. Самые предприимчивые собирали сучья и ветки и сообща строили себе односкатные шалаши, но большинство слишком уставало от дневного перехода и добычи еды, чтобы делать лишние усилия.

Настал и минул день летнего празднества — и впервые на памяти Людей Праздник Лета не состоялся. Но жрицу заботило не это.

— Когда настанут холодные месяцы, мы будем голодать, — угрюмо сказала она Хранительнице Прошлого. — Пренебречь Праздником Лета — это не шутка. Разве бывало раньше, чтобы мы не делали в этот день нужных наблюдений?

— Мы не пренебрегли Праздником Лета, — возразила Хранительница Прошлого. — Мы просто отложили его до той поры, пока не получим указания Богини.

— Указание Богини! Указание Богини! — плюнула жрица. — Что это возомнил Серебристое Облако? Только я могу знать, что укажет Богиня. И мне не нужно для этого возвращаться к Слиянию Трех Рек.

— А Серебристое Облако возвращается.

— Из чистой трусости. Он боится Чужих и хочет убежать от них, раз они опередили нас.

— Теперь они и впереди, и сзади. Больше нам от них не укрыться. Кругом они. И нас не так много, чтобы сражаться. Что делать? Богиня должна указать нам, как поступить.

— Да, — хмуро согласилась жрица. — Пожалуй, это правда.

— И если ты сама не посоветуешь нам от лица Богини, каким путем надо следовать...

— Довольно, Хранительница Прошлого. Я поняла тебя.

— Хорошо. Не забывай же об этом.

Жрица неприветливо фыркнула, отошла к огню и стала там, обхватив себя руками.

Они с Хранительницей Прошлого препирались неисчислимое количество лет и с годами не стали больше любить друг друга. Хранительница Прошлого считала себя какой-то особенной, оттого что все помнила (не без помощи связки палочек с зарубками) и была знатоком обычаев. В общем, она и вправду не простая женщина, неохотно признала жрица — но все-таки не святая. Это я святая. Она всего лишь летописица — я же говорю с Богиней, и Богиня иногда говорит со мной.

И все же, согласилась жрица, распахивая меховую накидку, чтобы теплый розовый отсвет огня охватил ее поджарое коренастое тело, все же Хранительница Прошлого права. Все дело в Чужих, в этих высоких, проворных, отвратительно плосколицых существах, что пришли ниоткуда и рассеялись повсюду, захватывая себе лучшие пещеры, лучшие охотничьи угодья и самые сладкие побеги трав. Жрица слышала от безродных бродяг, попадавшихся на тропе племени, жуткие истории о стычках Чужих с Людьми, о гнусных бойнях, о жестоких поражениях. У Чужих оружие было лучше, и они изготавливали его в невероятных количествах, да и в битве были проворнее: говорили, что они движутся, как тени, и в бою оказываются со всех

сторон сразу. Пока что Серебристому Облаку удавалось избегать подобного — он умело водил племя по широкой равнине, не допуская столкновений с опасными пришельцами. Но долго ли еще это будет ему удаваться?

Да, лучше уж совершить паломничество — вдруг Богиня даст нам совет, сказала себе жрица.

Кроме того, Серебристое Облако очень убедительно толковал вопрос с религиозной стороны. Праздник Лета — это высшая точка года, когда солнце греет и дни стоят долгие. Это праздник в честь Богини, в ознаменование ее милостей — им они заранее благодарят Богиню за благосклонность к ним в оставшиеся недели лета, когда идет охота и сборы на зиму.

Как можно отмечать Праздник Лета, хотел бы знать Серебристое Облако, если Богиня столь явно недовольна ими?

И потом, как можно было отметить Праздник Лета, если Серебристое Облако наотрез отказался принимать в нем участие? Обряд требовал участия мужчины, и притом самого могущественного в племени. Это он должен был исполнить танец благодарения перед алтарем Богини. Он должен был принести в жертву буйвола, он должен был обнять избранную деву и посвятить ее в таинства Великой Матери. Прочие священные празднества племени входили в обязанности трех жриц, но тут они никак не могли обойтись своими силами. Вождь должен был исполнить свое. Если Серебристое Облако отказывался принять участие, праздник не мог состояться. Так-то вот. Жрицу это смущало, но решение принимал Серебристое Облако.

Жрица отвернулась от костра. Пора было готовить алтарь для утренних молений.

— Жрицы! — позвала она. — Вы обе! За работу!

Когда-то у них у всех были имена, но теперь они — просто жрицы. Начиная служить Богине, отказываешься от своего имени. У Богини нет имени — и ее служительницы тоже безымянны.

Старшая жрица еще помнила имя младшей, потому что была ей родной матерью и сама назвала ее Утренней Зарей, но уже много лет не произносила ее имени вслух. Для нее и для всех остальных дочь, когда-то Утренняя Заря, стала теперь просто жрицей. Так же как и вторая по старшинству, чье имя старшая жрица запамятовала — то ли Одинокая Птичка, то ли Быстрая Лисица. Одна из этих двоих умерла, а другая сделалась жрицей, и старшая жрица с годами стала их путать.

Что до собственного имени, то оно совершенно вылетело у нее из головы. Она забыла его давным-давно и редко вспоминала о нем. Она была жрица и только жрица. Иногда, лежа в

ожидании сна, она невольно спрашивала себя, как же ее звали раньше. Был в ее имени солнечный свет? Или золотистые крылья? Или сверкающая вода? Ей точно помнилось, что в имени было что-то яркое. Но оно исчезло навсегда. И она чувствовала себя виноватой даже оттого, что думала о нем. И никого нельзя было спросить. Жрице грешно даже упоминать имя, данное ей при рождении. Когда ей случалось вспоминать о нем, она тут же делала знак очищения и приносила покаяние.

Она была второй по старшинству женщиной в племени. Шло ее сороковое лето. Только Хранительница Прошлого была старше, и то на неполный год. Но жрица оставалась сильной и здоровой — она рассчитывала прожить еще десять или пятнадцать, а то и все двадцать, если посчастливится. Мать ее дожила до глубокой старости, пережив свой шестидесятый год, и бабушка тоже. Долголетие было у них в роду.

— Будем ли мы сегодня совершать полный обряд? — спросила младшая жрица, пока они собирали камни и складывали алтарь.

— Конечно, — раздраженно ответила старшая. — Почему бы нет?

— Потому что Серебристое Облако хочет, чтобы мы ушли сразу же после еды. Он говорит, что сегодня надо пройти больше, чем мы проходили за последние три дня.

— Серебристое Облако! Серебристое Облако! Он говорит то, он говорит это, а мы скачем, как лягушки, по его указке. Он, может, и торопится, но Богине спешить некуда. Мы совершим обряд полностью.

Она разожгла священный огонь. Вторая жрица достала свой мешочек из волчьей шкуры, где хранились ароматные травы, и стала сыпать их в огонь. Разноцветные языки пламени взметнулись ввысь. Младшая жрица принесла каменную чашу, наполненную кровью от вчерашней охоты, и плеснула на жертвенный камень.

Старшая достала из медвежьей шкуры три священных медвежьих черепа, величайшую реликвию племени, и расставила их по трем плоским камням, чтобы они не коснулись земли.

Племя хранило эти черепа много поколений — так долго, что даже Хранительница Прошлого не знала сколько. Великие герои давних лет убили этих медведей в одиночной схватке, и черепа передавались от одной жрицы к другой. Медведь был Зверь-Отец, великая животворящая сила, зажигающая жизнь во чреве Матери. Потому-то жрица и следила за тем, чтобы черепа не коснулись земли — иначе они оплодотворят Мать, а сейчас не время для этого. Дети, зачатые в середине лета, родятся

в темные дни поздней зимы, когда еды всего меньше. Временем зачатия должна быть осень, чтобы дети рождались весной.

Жрица возложила руки на каждый череп поочередно, любовно лаская свод, отполированный руками многих поколений жриц и блестящий, как лед. По ее рукам и плечам прошла дрожь — это стихийная сила Отца проникала из черепов в ее тело.

Она погладила сверкающие клыки, обвела пальцами темные глазницы.

Сила Отца открывала путь, позволяя Силе Матери войти в душу жрицы. Одна сила была неразлучна с другой. Нельзя было вызвать одну из сил, не ощущая присутствия другой.

— Благодарим тебя, Богиня, — промолвила жрица. — Благодарим тебя за плоды земные и за мясо зверей, а более всего благодарны мы тебе за плоды чрев наших. — Жрица быстро коснулась грудей, живота и лона и зарылась пальцами в твердую промерзшую землю. Пусть земля нынче холодна — все равно она грудь Матери, и жрица отдавала ей дань своей любви. Две другие жрицы делали то же, что и она.

Жрица закрыла глаза. Она видела, как круглится до самого горизонта великая материнская грудь. Она чувствовала душой присутствие Богини, материнскую Силу.

— Благослови нас, — молилась жрица. — Помилуй нас. Даруй нам любовь свою.

Взрыв хриплого смеха грубо вырвал ее из состояния отрешенности. Это мальчишки играют в свои буйные игры. Жрица заставила себя не обращать на них внимания. Они тоже созданы Богиней, какими бы грубыми, жестокими и глупыми они ни были.

Богиня создала женщин, чтобы они рожали детей, и питали, и любили их, а мужчин — чтобы охотились, добывали еду и сражались. У каждого пола — свои задачи, на которые не смеет посягнуть другой пол. В этом смысл Праздника Лета — соединение мужчины и женщины во славу Богини. И если мальчишки так грубы и непочтительны, то это Богиня создала их такими. Пусть их смеются. Пусть бегают друг за дружкой и лупят палками, догнав. Так и должно быть.

Завершив долгий обряд, жрица поднялась, раскидала палкой костер и собрала священные камни. Поцеловала медвежьи черепа и снова завернула их в мех.

Поодаль она заметила Серебристое Облако, который стоял, нетерпеливо сложив руки, точно не мог дождаться, когда они

закончат. Чуть поближе Ведунья собрала в круг стайку малышей, разучивая с ними песенку.

Как трогательно, подумала жрица. Ведунья, бесплодная Ведунья, притворяется, будто она тоже мать. Да, Богиня сурово обошлась с Ведуньей.

— Все, наконец? — крикнул Серебристое Облако. — Можно отправляться в путь, жрица?

— Да, можно.

Ведунья подошла к ней, следом несколько детишек — Нежный Цветок, Меченый Небесным Огнем и еще кто-то.

— Можно мне поговорить с тобой, жрица? — спросила Ведунья.

— Серебристое Облако хочет, чтобы мы собирались и уходили.

— Всего один миг.

— Хорошо, говори.

Надоедливая женщина эта Ведунья. Жрица никогда не любила ее. Да и никто не любил. Да, Ведунья была умна, от нее исходила темная сила, и нельзя было не питать к ней некоторого почтения, но она отличалась вредным, тяжелым нравом. Ведунья прожила трудную жизнь, и жрица жалела ее — она рожала мертвых детей, она потеряла мужа, но лучше держаться от нее подальше. Ведунью окружало злосчастье, немилость Богини.

— Верно ли то, что я слышала, — спокойно начала Ведунья, — будто мы, придя к Слиянию Трех Рек, принесем там особую жертву?

— Да, мы принесем жертву. Какой смысл в паломничестве, если мы, придя к святому месту, не предложим ничего в дар Богине?

— Но это будет особая жертва?

Терпение жрицы быстро истощалось.

— Что за особая жертва, Ведунья? Почему особая? Мне некогда разгадывать загадки.

— В жертву будет принесено дитя?

Слова Ведуньи ошеломили жрицу не меньше, чем если бы та бросила ей в лицо пригоршню снега.

— Что? Кто это сказал?

— Я слышала разговор мужчин. У Слияния Трех Рек мы отдадим Богине дитя, чтобы она прогнала Чужих. Серебристое Облако уже принял решение, посовещавшись будто бы с тобой. Это правда, жрица?

В груди у жрицы стучало, и в ушах отдавался гром. Ее охватила слабость, голова пошла кругом, и она с трудом устояла

на ногах, принудив себя по-прежнему смотреть Ведунье в глаза. Она сделала глубокий вдох, наполнив легкие — еще раз, еще, еще — пока не обрела некоторого подобия самообладания. И произнесла ледяным голосом:

— Это безумие, Ведунья. Богиня дарует детей, а не отнимает их.

— Иногда отнимает.

— Да. Знаю, — немного смягчилась жрица. — Пути Богини выше нашего разумения. Но мы не убиваем детей, чтобы принести ей в жертву. Только животных, детей — никогда. Никогда такого не бывало.

— Но и Чужие никогда еще не угрожали нам всерьез.

— Жертвоприношение детей не спасет нас от Чужих.

— Говорят, вы с Серебристым Облаком решили, будто спасет.

— Кто бы это ни говорил, он лжет, — запальчиво ответила жрица. — Мне ничего об этом неизвестно. Ничего! Это все вздор, Ведунья. Этому не бывать. Обещаю тебе. Никаких детских жертв. Можешь быть совершенно уверена.

— Поклянись. Поклянись Богиней. Нет, — Ведунья взяла за руки Меченого Небесным Огнем и Нежный Цветок. — Поклянись душами этого мальчика и этой девочки.

— Достаточно моего слова.

— Ты не станешь клясться?

— Моего слова довольно. Я не обязана клясться тебе. Ни Богиней, ни задком Нежного Цветка, ничем. Мы не дикари, Ведунья. Мы не убиваем детей. И довольно с тебя.

Недоверчивая Ведунья все же уступила и отошла.

Жрица осталась одна и задумалась.

Принести в жертву дитя? И они поверили? Они и вправду думают, что это поможет? Разве это может помочь?

Одобрила бы Богиня такую жертву? Жрица попробовала поразмыслить над этим. Если бы они принесли в жертву маленькую жизнь, вернули Богине то, что она дала, — убедило бы это Богиню помочь своим Людям в час испытаний?

Нет. Нет. Нет. Как ни посмотри, жрица не видела в этом никакого смысла.

Где Серебристое Облако? А, вот он — рассматривает наконечники для стрел, изготовленные Оседлавшим Мамонта. Жрица отвела его в сторону и потихоньку сказала:

— Ответь мне, только честно. Собираешься ли ты принести в жертву дитя, когда мы придем к Слиянию Трех Рек?

— Ты лишилась ума, жрица?

— Ведунья сказала, что мужчины поговаривают об этом. Будто ты уже решил, а я дала согласие.

— И что же — ты согласна?

— Конечно, нет.

— И в остальных россказнях столько же правды. Принести в жертву дитя, жрица? И ты могла поверить, что я...

— У меня было сомнение.

— Как ты можешь говорить такое?

— Отменил же ты Праздник Лета.

— Что с тобой, жрица? Ты не видишь разницы между тем, что я отложил праздник, и убиением ребенка?

— Есть люди, которые думают, что и то, и другое одинаково плохо.

— Если и есть такие, то они не в своем уме. У меня нет подобного намерения, и можешь сказать Ведунье, что... — Он изменился в лице. — Ты же не думаешь, что это принесло бы нам какую-то пользу? Ты же не считаешь...

— Нет. Конечно, нет. Теперь это ты заговорил так, словно лишился разума. Не будь смешным. Ничего такого мне бы и в голову не пришло. Я хотела узнать, есть ли в слухах сколько-нибудь правды, вот и все.

— Теперь ты знаешь. Ни слова правды в них нет.

И все же вождь был какой-то странный. Его негодование утихло, и он ушел в себя. Жрица не знала, как истолковать его задумчивость. О чем это он думает?

Праведная Богиня, уж не о возможности ли такого жертвоприношения вдруг задумался он? Неужели это я подала ему такую чудовищную мысль?

Нет, решила она, нет. Не может быть. Она хорошо знала Серебристое Облако. Он тверд, неуступчив, он может быть жесток — но только не это. Не дитя.

— Я хочу, чтобы ты понял меня до конца, — сказала жрица со всей отпущенной ей силой. — В племени могут найтись такие мужчины, которые сочтут полезным принести дитя в жертву Богине, и, пожалуй, Серебристое Облако, им и тебя удастся уговорить на это, прежде чем мы придем к Слиянию Трех Рек. Но я этого не допущу. Я прокляну самым страшным проклятием Богини любого мужчину, который только заикнется об этом. Это будет проклятие Медведя, самое черное из всех, что я знаю. Я не колеблясь отторгну его от лица Богини. Я...

— Потише, жрица. Ты негодуешь попусту. Никто не говорил о детской жертве ни слова. Придя к Слиянию Трех Рек, мы добудем каменного козла, или серну, или хорошего красного лося и поднесем их мясо Богине, как делали всегда — вот и все.

Так что успокойся. Успокойся. Ты поднимешь невиданный шум из-за того, что я и сам никогда бы не позволил. Ты знаешь, что не позволил бы, жрица.

— Хорошо, — сказала она. — Каменный козел. Или серна.

— То-то же. — Серебристое Облако усмехнулся и ласково потрепал ее по плечу. Она почувствовала себя полной дурой. Как ей только могло прийти в голову, что Серебристое Облако способен замышлять такое зверство?

Она ушла к ручейку, опустилась на колени и смочила холодной водой раскалывающуюся от боли голову.

Позже, когда племя уже было в пути, жрица поравнялась с Ведуньей и сказала:

— Я говорила с Серебристым Облаком. Он знает о детской жертве не больше, чем я. И такого же мнения, как и я. Как и ты. Никогда он этого не допустит.

— Есть люди, которые думают иначе.

— Кто же это?

— Я не стану называть имен. Но они думают, что Богиня не будет довольна, пока мы не отдадим ей кого-нибудь из наших детей.

— Если они думают так, то не имеют никакого понятия о Богине. Забудь об этом, Ведунья, хорошо? Это лишь пустая болтовня. Болтовня глупцов.

— Будем надеяться, — мрачно и пророчески изрекла Ведунья.

Они все шли и шли, и постепенно жрица выбросила все это из головы. Отказ Ведуньи назвать кого-либо возбудил ее подозрения. Вполне возможно, что называть было некого. Может, эта женщина сама все выдумала; может, она повредилась умом, и ей не мешало бы совершить свое особое паломничество, чтобы очистить неспокойную душу от столь возмутительных видений. Детская жертва! Надо же выдумать такое.

Жрица позабыла. Недели шли за неделями, и Люди продолжали свой путь на запад, в остывающее лето, к Слиянию Трех Рек.

Наконец они вышли на пологий склон над Тремя Реками. Долгий обратный поход почти завершился. Тропа вилась по склону, а внизу, в туманной долине, сияли воды Трех Рек.

День уже клонился к вечеру, пора было подумать о ночлеге. И тут случилось странное.

Жрица шла в голове отряда, между Волчьим Деревом и Пылающим Оком, которые несли свертки со священными предметами. И вдруг прямо у тропы что-то вспыхнуло и заискрилось. Жрица увидела красные и зеленые блики, сверкающие

петли, ослепительно белый стержень. Белое сияние крутилось в воздухе, как вихрь.

На него было больно смотреть. Жрица заслонила глаза рукой. Все вокруг кричали от страха.

Потом свет исчез — так же внезапно, как и появился. Воздух очистился. Жрица моргала, глаза у нее болели, в голове помутилось.

— Что это было? — спрашивали Люди.

— Что будет с нами?

— Спаси нас, Серебристое Облако!

— Жрица! Жрица, скажи нам, что это!

Жрица облизнула губы.

— Это Богиня прошла мимо нас, — наспех придумала она. — Это был край ее одежды.

— Да, — заговорили все. — Это была Богиня. Она. Так и есть.

Люди застыли как вкопанные, ожидая — не вернется ли Богиня. Но ничего больше не случилось.

Тут Ведунья закричала:

— Да, это была Богиня, и она взяла Меченого Небесным Огнем!

— Что?

— Он шел здесь, сразу за мной, когда появился свет. А теперь он пропал.

— Как пропал? Куда? Почему?

— Ищите! — завопил кто-то. — Ищите все! Меченый! Меченый!

Поднялась невообразимая суматоха. Люди бросались туда-сюда, не зная зачем — лишь бы не стоять на месте. Серебристое Облако призывал к тишине и спокойствию. Больше всех всполошились матери: их пронзительные крики перекрывали общий шум, и они с плачем метались вокруг, простирая руки.

Жрица не сразу вспомнила, которая из них мать Меченого — ну да, это Алая Дымка Восхода четыре лета назад родила мальчика с родимым пятном. Но матери племени растили детей сообща, и они не слишком заботились о том, кого которая родила: Источник Молока, Белый Снег и Замерзшее Озеро были так же потрясены загадочным исчезновением мальчика, как и Алая Дымка Восхода.

— Должно быть, он сбился с тропы, — сказал Расколотая Гора. — Я поищу его.

— Он был здесь, — отрезала Ведунья. — Это свет поглотил его.

— Ты сама видела?

— Он был позади меня, когда это случилось. Но не настолько позади, чтобы потеряться. Это свет его взял. Свет.

Расколотая Гора все же настоял на том, чтобы вернуться и поискать, — но поиски ни к чему не привели. Они не нашли ни единого следа, и уже становилось совсем темно.

— Надо идти, — сказал Серебристое Облако. — Здесь не место для ночлега.

— Но Меченый...

— Он ушел от нас, — безжалостно отрезал Серебристое Облако. — Ушел со светом Богини.

— Свет Богини! Свет Богини!

Все тронулись в путь. Жрица была поражена до глубины души. Она смотрела в тот слепящий свет, и глаза еще болели, а когда она закрывала их, перед ней плавали багровые пятна. Но вправду ли это была Богиня? Жрица не знала. Раньше она никогда не видела такого света — и надеялась, что больше не увидит.

— Значит, Богиня все же захотела взять одного из наших детей, — сказала Ведунья. — Так, так, так.

— Ты ничего не понимаешь в таких вещах! — обрушилась на нее жрица. — Ровно ничего!

Но что, если та права? А ведь это вполне возможно. И даже очень вероятно. Такой ослепительный свет мог быть только знамением Богини.

Богине потребовалось дитя? Зачем? Какой в этом смысл?

Нам никогда не понять ее, решила жрица глубокой ночью, размышляя на все лады о странном событии. Она Богиня, а мы лишь ее создания. И Меченый Небесным Огнем исчез. Это выше всякого понимания, но да будет так. Ей вспомнились слухи о том, что Серебристое Облако собирается принести в жертву дитя, когда они придут к Слиянию Трех Рек. Теперь хотя бы перестанут говорить об этом. Они почти у цели, и Богиня взяла к себе дитя без их участия. Жрица надеялась, что Богиня удовлетворится этим. В племени не так много детей, чтобы они могли пожертвовать ей еще одного.

Глава 3

УЗНАВАНИЕ

12

Неандерталец? Получеловек? Мисс Феллоуз не верила своим ушам, ее обуревал гнев, и она все яснее сознавала, что ее предали. Неужели ребенок в самом деле неандерталец? Если Девени сказал правду, то ее худшие опасения осуществились.

Она свирепо, но пока еще сдерживаясь, обратилась к Хоскинсу:

— Вы могли бы сказать мне об этом заранее, доктор.

— Зачем? Не все ли вам равно?

— Вы говорили, что это будет ребенок, а не маленькое животное.

— Это и есть ребенок, мисс Феллоуз. Разве вы думаете иначе?

— Это неандерталец.

— Ну конечно, — не понял Хоскинс. — Вы ведь знаете, в каком направлении работает «Стасис текнолоджиз». Не хотите же вы сказать, будто не знали, что ребенка возьмут из доисторической эры. Мы с вами это обговаривали.

— Про доисторическую эру я знала. Но неандерталец? Я ожидала, что мой питомец будет человеком.

— Неандертальцы и были людьми, — начал раздражаться Хоскинс. — Более или менее.

— Так ли это? — спросила мисс Феллоуз у Девени.

— Что ж — большинство палеоантропологов в последние шестьдесят—семьдесят лет соглашаются с тем, что неандертальцев безусловно можно считать разновидностью гомо сапиенс, мисс Феллоуз. То ли это архаическая ветвь нашего вида, то ли подвид — так сказать, провинциальные кузены, но определенно близкая родня, определенные люди...

— Оставим это пока, Девени, — нетерпеливо вмешался Хоскинс. — Подойдем к делу с другой стороны. Мисс Феллоуз, у вас когда-нибудь был щенок или котенок?

— В детстве — да, но какое это имеет отношение...

— Когда у вас был щенок или котенок, вы заботились о нем? Вы любили его?

— Конечно. Но...

— А он был человек, мисс Феллоуз?

— Это было домашнее животное, доктор. А сейчас речь не о них. Я говорю с профессиональной точки зрения. Вы нанимаете квалифицированную медсестру с большим опытом в современной педиатрии ухаживать за...

— Ну а если бы это был детеныш шимпанзе? Разве вас бы это оттолкнуло? Если бы я попросил вас заняться им, неужели бы вы с отвращением отказались? А этот ребенок — не шимпанзе. Он вообще не относится к человекообразным обезьянам. Он маленький человек.

— Маленький неандерталец.

— Я и говорю — человек. Странного вида и дикий, как я вас и предупреждал. Трудный случай. Вы опытная медсестра, мисс

Феллоуз, с превосходным послужным списком. Вас как будто не должны смущать трудные случаи? Разве вы когда-нибудь отказывались ухаживать за ребенком-уродом?

Мисс Феллоуз, не находя больше аргументов в свою защиту, сказала с гораздо меньшим пылом:

— Вы могли бы сказать мне заранее.

— И вы бы отказались от места — так?

— Ну-у...

— Вы же знали, что речь идет о тысячелетиях.

— «Тысячелетия» могут означать и три тысячи лет. Только сегодня вечером, когда вы с мистером Девени обсуждали проект и прозвучала фраза «сорок тысяч лет», я начала отдавать себе отчет, что же тут готовится на самом деле. И даже тогда не осознавала, что речь идет о неандертальце. Я не специалист по... палеоантропологии — я правильно произношу, мистер Девени? И не так хорошо ориентируюсь в хронологической таблице эволюции человека, как вы.

— Вы не ответили на мой вопрос, — сказал Хоскинс. — Если бы вы знали это заранее, отказались бы вы от места или нет?

— Не могу сказать точно.

— Хотите отказаться сейчас? У нас, знаете ли, есть и другие квалифицированные кандидатки. Так как же?

Хоскинс не сводил с нее холодного взгляда, Девени наблюдал за ней из дальнего угла комнаты, а маленький неандерталец, вылизав блюдечко досуха, с мокрой мордочкой, так и ел ее своими глазищами.

Мисс Феллоуз, в свою очередь, смотрела на безобразного мальчика, и в ушах у нее звучали собственные слова: «Неандерталец? Я ожидала, что мой питомец будет человеком».

Мальчик показал на молоко, потом на блюдце — и вдруг разразился сериями отрывистых резких звуков, повторяющихся снова и снова. Звуки, странно сдавленные, гортанные, перемежались прищелкиванием языка.

— Да он говорит! — удивилась мисс Феллоуз.

— Как будто да, — согласился Хоскинс. — Или просит, чтобы ему дали еще поесть — на это и кошка способна.

— Нет-нет, он говорит.

— В этом еще надо разобраться. Это весьма дискуссионный вопрос — владели ли неандертальцы настоящей речью. Мы надеемся выяснить и это, в том числе, во время эксперимента.

Ребенок снова защелкал и заработал горлом, переводя взгляд с мисс Феллоуз то на молоко, то на пустое блюдце.

— Вот вам и ответ, — сказала она. — Он безусловно говорит.

— Если так, то он человек — что скажете, мисс Феллоуз?

Она оставила вопрос без ответа — слишком сложная тема, чтобы заниматься ею сейчас. К ней обращался голодный ребенок, и она пошла налить ему молока.

Хоскинс поймал ее за руку и повернул к себе.

— Минутку, мисс Феллоуз. Прежде чем продолжать, я должен знать — остаетесь вы у нас или нет.

Она раздраженно освободилась.

— А если нет, вы его голодом уморите? Он просит еще молока, а вы мне мешаете его покормить.

— Действуйте, но мне нужен ваш ответ.

— Останусь до поры до времени.

Она подлила молока в блюдце. Мальчик стал на четвереньки, сунулся в свою плошку и начал так лакать и чавкать, словно несколько дней не пил и не ел. При этом он издавал горлом воркующие звуки.

Звереныш, и больше ничего, подумала мисс Феллоуз. Звереныш!

Ее пробрала дрожь, которую она подавила только усилием воли.

13

— Пожалуй, мы оставим вас вдвоем с мальчиком, мисс Феллоуз, — сказал Хоскинс. — Он порядком намучился — лучше убрать всех отсюда и дать вам попробовать его уложить.

— Согласна.

Он показал ей на открытую дверь кукольного домика, металлическую и овальную, как люк подводной лодки.

— Это единственный вход в Первую секцию стасиса. Он будет постоянно заперт и постоянно под охраной. Мы запрем за собой дверь, как только выйдем отсюда. Завтра мы с вами поучимся, как обращаться с замком, который, конечно, будет настроен на ваши отпечатки пальцев, как уже настроен на мои. Сверху, — он показал в пространство над лишенным потолка домиком, — помещение тоже охраняется сетью датчиков, и если произойдет что-либо нежелательное, сразу поднимется тревога.

— А что такого может произойти?

— Попытка вторжения, например.

— Но кому нужно...

— Здесь у нас находится маленький неандерталец, живший в сорокатысячном году до нашей эры, — ответил Хоскинс с плохо сдерживаемым нетерпением. — Вам это кажется невероятным, но сюда может ворваться кто угодно — от голливудских

продюсеров и ученых-конкурентов до самозваных защитников прав детей, о которых мы с вами говорили в прошлый раз.

Брюс Маннхейм, подумала мисс Феллоуз. Он по-настоящему опасается Маннхейма. Не пустое любопытство заставило его спросить, не сталкивалась ли я с Маннхеймом в своей работе.

— Ребенка, конечно же, нужно охранять, — сказала она. И вдруг посмотрела вверх, где не было потолка, вспомнив, как сама заглядывала в домик с балкона. — Я что же, буду выставлена на всеобщее обозрение? — негодующе спросила она.

— Нет-нет, — улыбнулся Хоскинс. Улыбка была добрая и чуточку снисходительная, как показалось мисс Феллоуз. Чопорная леди со стародевичьими замашками волнуется, что за ней будут подглядывать. Но с какой стати она должна одеваться и раздеваться на виду у посторонних? — Ваше уединение будет строго соблюдаться, уверяю вас. Положитесь на меня, мисс Феллоуз.

Опять он за свое. Это его излюбленная фраза, и он, должно быть, говорит ее всем, с кем имеет дело. Не очень-то большое доверие внушают эти слова. Чем чаще он их произносил, тем меньше мисс Феллоуз на него полагалась.

— Если кому-то можно входить на балкон и смотреть вниз, то я не вижу...

— Доступ на балкон будет строго воспрещен. Исключение делается только для техников, которым может понадобиться поработать с силовым кабелем — в случае такой необходимости вас тут же предупредят. Датчики, о которых я говорил, передают свои электронные сигналы непосредственно в компьютер. Мы не собираемся за вами шпионить. Итак, вы остаетесь с мальчиком на ночь, договорились? И на каждую последующую ночь впредь до дальнейших указаний.

— Очень хорошо.

— Днем вас будут подменять в любое удобное для вас время. Завтра же составим расписание. Мортенсон, Эллиот и мисс Стретфорд будут дежурить по скользящему графику, сменяя вас, как только вы захотите отлучиться. Мальчик все время должен быть под надзором. Абсолютно необходимо, чтобы он все время оставался в зоне стасиса и чтобы вы постоянно знали, где он находится.

Мисс Феллоуз недоуменно обвела глазами кукольный домик.

— Но почему это так необходимо, доктор Хоскинс? Разве мальчик настолько опасен?

— Тут все дело в энергии, мисс Феллоуз. Существуют законы ее сохранения — если хотите, я объясню, но думаю, что вам сейчас не до того. Надо просто запомнить, что ему ни в коем случае нельзя выходить отсюда. Ни в коем случае. Даже на минуту. Даже по самой веской причине. Даже ради спасения его жизни. Больше скажу — даже ради спасения вашей жизни, мисс Феллоуз. Ясно?

Мисс Феллоуз несколько театрально вскинула подбородок.

— Я не совсем понимаю, что такое законы сохранения, но приказы я понимаю, доктор Хоскинс. Мальчик останется в комнатах, если на то есть разумное основание — а оно, очевидно, есть. Я готова соблюдать это требование даже с риском для собственной жизни, как это ни мелодраматично. В профессии медсестры долг стоит превыше самосохранения.

— Хорошо. Вы можете всегда позвонить по внутренней связи, если вам кто-то понадобится. Спокойной ночи, мисс Феллоуз.

И они с Девени ушли. Все остальные к тому времени тоже разошлись. Дверь захлопнулась, и мисс Феллоуз показалось, что она слышит щелканье электронных замков.

Ее заперли одну с маленьким дикарем из сорокатысячного года до нашей эры.

Она посмотрела на мальчика. Он тоже поглядывал на нее, и в блюдце еще оставалось молоко. Мисс Феллоуз стала показывать ему знаками, как взять блюдечко и поднести ко рту, но ее пантомима не имела успеха. Он только смотрел во все глаза, не пытаясь подражать ей. Тогда она проделала это сама — поднесла блюдечко к губам и сделала вид, что лакает.

— А теперь ты попробуй.

Он все смотрел на нее и дрожал.

— Это нетрудно. Я покажу тебе. Дай-ка мне ручки.

И она тихо-тихо взяла его за руки.

Он заворчал — жутко было это слышать от такого малыша — и с пугающей силой вырвался от нее. Лицо выражало гнев и страх, и родимое пятно-молния пылало на свежеотмытой коже.

Совсем недавно его вот так же схватил доктор Хоскинс, и перекрестил его руки на животе, и оторвал его от земли. В мальчике, конечно, еще живо воспоминание об этих недобрых мужских руках.

— Нет, — сказала мисс Феллоуз так мягко, как только могла. — Я не сделаю тебе больно. Просто хочу показать, как держать блюдечко.

Он испуганно следил, не сделает ли она какого-нибудь опасного движения. Мисс Феллоуз снова медленно протянула к нему руки, но он замотал головой и отдернул свои.

— Ну хорошо. Тогда я подержу блюдце, а ты просто лакай из него. Не будешь хотя бы есть с полу, как звереныш.

Она подлила еще молока, взяла блюдечко, подняла на уровень его рта и стала ждать.

Стала ждать.

Мальчик щелкал языком и курлыкал горлом, давая понять, что он голоден, но к блюдечку не шел.

Потом взглянул своими большими глазами прямо на мисс Феллоуз и произнес что-то такое, чего она, кажется, еще от него не слышала.

Что бы это значило? «Поставь блюдечко, глупая старуха, чтобы я мог поесть»?

— Ну-ну, малыш. Нельзя есть на полу, хорошие маленькие человечки так не делают.

Он снова что-то печально прощелкал, не сводя с нее глаз.

— Вот так, смотри, — она согнулась чуть ли не вдвое, нагнула голову и с трудом — у нее рот не выдавался вперед так, как у мальчика — отпила молока со своей стороны блюдечка, продолжая держать его перед ребенком. Он пристально наблюдал за ней из-за своего края, стоя совсем близко.

Ну и глазищи, подумала она.

— Вот так... — и отпила еще немного.

Мальчик подошел и, не берясь руками за блюдечко, так что мисс Феллоуз приходилось по-прежнему держать его, осторожно тронул молоко языком, потом осмелел и начал пить стоя.

Мисс Феллоуз попробовала потихоньку опустить блюдечко.

Мальчик недовольно заворчал и ухватился за блюдце руками, чтобы удержать его у рта. Она быстро отняла свои руки. Теперь ребенок держал блюдце сам и жадно лакал из него.

— Отлично, малыш. Замечательно!

Он осушил блюдце, а потом нечаянно уронил его на пол, и оно разлетелось на куски. Мальчик посмотрел на мисс Феллоуз с явным испугом, раскаянием, а то и с боязнью. И захныкал.

— Это только блюдце, малыш, — улыбнулась она. — Ничего страшного. У нас их много. И молока тоже много.

Она отбросила осколки ногой — потом нужно будет обязательно убрать, о них можно порезаться, но пока пусть подождут — достала такое же новое блюдце из нижнего отделения тележки и показала мальчику.

Он перестал хныкать и улыбнулся ей.

Улыбнулся по-настоящему, впервые с тех пор, как появился здесь. Улыбка была изумительно широкая — ну и ротик, и вправду до ушей! — и просто ослепительная, словно солнышко проглянуло сквозь тучи.

Мисс Феллоуз улыбнулась в ответ и осторожно протянула руку — потрогать его, погладить по голове. Очень медленно, чтобы мальчик мог следить за ее рукой и убедиться, что она ничего плохого не замышляет.

Он задрожал, но остался на месте, глядя на нее снизу вверх, и ей удалось чуть-чуть погладить его, а потом он робко отпрянул назад, как испуганный зверек.

Мисс Феллоуз вспыхнула, поймав себя на этом слове.

Прекрати. Ты не должна о нем так думать. Он не животное, несмотря на свою наружность. Он мальчик, маленький мальчик, испуганный мальчик, испуганный человечек.

Но какими жесткими показались ей его волосы, когда она дотронулась до них. Какие они свалявшиеся, грубые, густые.

Очень странные волосы. Очень-очень странные.

14

— Надо будет показать тебе, как пользоваться туалетом. Как ты думаешь, получится у нас?

Она говорила спокойно и ласково — слов мальчик, конечно, не понимает, но она надеялась, что ровная интонация успокоит его.

Мальчик снова защелкал языком. Просит еще молока? Или речь совсем не о том? Мисс Феллоуз надеялась, что все звуки, которые он произносит, записываются на пленку. Скорее всего так и делается, но надо будет завтра сказать об этом Хоскинсу. Хотелось бы ей понимать то, что говорит мальчик, хотелось бы выучить его язык, если получится. И если, конечно, это и вправду язык, а не просто инстинктивные звуки, которые и животным доступны. Мисс Феллоуз намеревалась выучить мальчика говорить по-английски, но если из этого ничего не выйдет, то надо будет самой попробовать освоить его наречие.

Странное занятие — учить неандертальский. Но она в свое время проделывала не менее странные вещи ради того, чтобы наладить общение с неполноценными детьми.

— Можно взять тебя за руку? — спросила она и протянула ему свою. Мальчик посмотрел на нее так, будто впервые видел. Она не убирала руки. Мальчик нахмурился и несмело стал тянуть к ней свою чуть дрожащую ручонку.

— Правильно. Возьми меня за руку.

Дрожащая ручонка остановилась в дюйме от ее ладони, но тут мужество изменило мальчику, и он отдернул руку, будто обжегшись.

— Ладно, — спокойно сказала мисс Феллоуз, — потом попробуем еще. Хочешь посидеть тут? — И похлопала по кровати.

Ответа не было.

Она показала, будто садится.

Непонимающий взгляд.

Тогда она не без труда села сама на низенькую кроватку и похлопала рядом с собой.

— Вот сюда, — улыбнулась она как можно ласковее и убедительнее. — Садись рядом, хочешь?

Молчание. Пристальный взгляд. Потом опять щелканье и какие-то ворчливые звуки — на этот раз определенно новые. У него как будто приличный запас щелканья, ворчанья и курлыканья. Это безусловно язык. Вот одно открытие уже и состоялось: доктор Хоскинс сказал, что никто не знает, был ли у неандертальцев язык, а она с ходу открыла, что был.

Ну не то чтобы открыла, поправилась она. Это только гипотеза. Но правдоподобная.

— Сядешь? Нет?

Щелкает. Мисс Феллоуз попыталась ему подражать, но у нее это получилось плохо — ничего похожего на его беглую четкость. Мальчик посмотрел на нее не то удивленно, не то с усмешкой — выражение его лица было трудно разгадывать. Но, похоже, ее ответное щелканье вдохновило его. Наверное, я сказала что-то ужасно скверное, подумала мисс Феллоуз, о чем нельзя говорить вслух. А скорее всего это просто бессвязный лепет. Он, наверное, думает, что я дурочка.

Мальчик снова прощелкал и проворчал что-то — тихо, спокойно, почти задумчиво.

Она пощелкала в ответ и скопировала его ворчанье — ворчать было легче, чем щелкать. Мальчик снова уставился на нее — серьезно и вдумчиво, как любой ребенок, столкнувшийся с ненормальным взрослым.

Нет, это просто смешно, сказала она себе. Надо придерживаться английского. Он никогда ничему не научится, если я буду нести какую-то идиотскую чушь якобы на его языке.

— Сядь, — сказала она, как если бы обращалась к щенку. — Сядь! Нет? Нет так нет. Туалет? Давай руку, я покажу тебе, как пользоваться туалетом. Тоже нет? Нельзя ходить прямо на пол, знаешь ли. Это не сорокатысячный год до нашей эры, и если ты привык рыть ямки в земле, то здесь у тебя не получится. Пол деревянный. Давай ручку, пойдем. Нет? Попозже? — Она обнаружила, что заговаривается.

Дело в том, что она совсем вымоталась. Становилось поздно, а она с самого утра была взвинчена. А теперь вот, как во сне, сидит в кукольном домике и учит маленькую обезьянку с выпирающими бровями и огромными глазищами пить молоко из блюдечка, ходить в туалет и садиться на кроватку.

Нет, строго поправила она себя. Не обезьянку.

Никогда не называй его так — даже про себя!

— Дай ручку! — снова сказала она.

И он почти послушался. Почти.

Медленно тянулись часы, а дело почти не двигалось с места. У мисс Феллоуз ничего не получалось ни с туалетом, ни с кроваткой. Видно было, что мальчик тоже устал. Он зевал. Глазки заволокло, и они закрывались сами. Внезапно он улегся прямо на голый пол и свернулся калачиком под кроватью.

Мисс Феллоуз опустилась на колени и заглянула к нему. Он посмотрел на нее блестящими глазами и защелкал.

— Ладно, — сказала она. — Если ты находишь, что там безопаснее, спи там.

Она подождала немного, пока не услышала ровного сонного дыхания. Как он, должно быть, устал! Попал за сорок тысяч лет от дома, в страшное чужое место, где яркий свет, и твердый пол, и люди совсем не такие, к которым он привык — и вот пожалуйста, свернулся и спит. Мисс Феллоуз позавидовала этому чудесному свойству адаптации. Дети так эластичны, так хорошо приспосабливаются к самым страшным переменам...

Она выключила свет, прикрыла дверь в спальню мальчика и сама легла на койку, которую поставили для нее в большой комнате.

Вверху ничего не было, кроме темноты. Мисс Феллоуз впилась в нее глазами, опасаясь, не подглядывает ли кто с балкона. Нет, невозможно понять. Она знала, что это глупо, что уже поздно и там никого нет. За ней наблюдают только электронные глаза датчиков. И все-таки... не иметь никакой возможности уединиться...

Вероятно, все здесь снимается на пленку — идет непрерывная видеозапись всего, что происходит в стасисной зоне. Напрасно она согласилась на эту работу, не настояв сначала, чтобы Хоскинс показал ей, где она будет жить.

Положитесь на меня, сказал он.

Положилась, называется.

Ну, на одну ночь сойдет. Однако завтра ее жилье, по меньшей мере, подведут под крышу. И потом, пусть эти глупые

мужчины повесят здесь зеркало, поставят комод побольше и сделают отдельную ванную, если хотят, чтобы она здесь ночевала.

15

Заснуть оказалось трудно. Несмотря на усталость, она лежала с открытыми глазами в том состоянии абсолютной бессонницы, которая бывает только при крайнем изнеможении. И напряженно вслушивалась, готовая уловить малейший звук из соседней комнаты.

Он ведь не сможет убежать, нет?

Стены голые и очень высокие, но вдруг ребенок умеет лазить, как обезьяна?

Лазить по отвесной стене без всяких зацепок? И ты опять подумала о нем «обезьяна».

Нет, по стене ему не влезть. Это исключено. И потом, там на балконе неусыпные датчики Хоскинса. Они обязательно поднимут тревогу, если мальчик начнет лазить по стенам среди ночи.

Обязательно.

Сколько всего, о чем я не потрудилась узнать, подумала мисс Феллоуз.

А что, если он опасен, вдруг пришло ей на ум. Физически опасен?

Она вспомнила, какого труда стоило его вымыть. Она видела, как сначала Хоскинс, а потом Эллиот едва его удерживали. Такое малое дитя — и такая сила. А как он разодрал руку Эллиоту?

Что, если он войдет сюда...

Нет, сказала себе мисс Феллоуз. Он меня не тронет.

Хоскинс, безусловно, не оставил бы ее здесь одну, с датчиками или без датчиков, будь хоть какая-то опасность.

Все ее страхи просто смехотворны. Ребенку всего три года, от силы четыре. Однако ногти она ему не успела подстричь. Если он накинется на нее с ногтями и зубами, пока она спит...

У нее участилось дыхание. Смешно, просто смешно — и все же...

Она сознавала, что ходит по кругу, не в силах остановиться на чем-нибудь одном. Кто он — опасная злая обезьянка или перепуганный ребенок, оторванный от родных? Уж или то, или другое, сказала она себе. А если и то, и другое? Даже испуганный ребенок может поранить, если ударит достаточно сильно. Мисс Феллоуз вспомнилось несколько скверных историй из

больничной практики, когда дети в бешенстве бросались на медиков, причиняя им серьезные увечья.

Она не смела уснуть. Просто не смела.

Она лежала, глядя вверх, болезненно насторожив слух. И вот услышала.

Мальчик плакал.

Не вопил от страха или злости, не выл, не визжал, а тихо плакал — и эти рыдания покинутого ребенка надрывали сердце.

Все сомнения мисс Феллоуз как рукой сняло, и она впервые с болью подумала: бедняжка! Бедненький, как ему страшно!

Он обыкновенный малыш. Разве важно, какая у него голова или волосы? Он сиротка, который осиротел так, как не доводилось еще никому. Хоскинс верно сказал при их первой встрече: «Это будет самое одинокое дитя в истории человечества». Ведь он лишился не только отца и матери, но и всех своих сородичей — всех до единого. Его бессердечно вырвали из родного времени, и теперь он один такой на целом свете.

Последний. Единственный.

Жалость росла и крепла в душе мисс Феллоуз, и ей стало стыдно за собственное бессердечие: за неприязнь, которую она себе позволила, за раздражение, вызванное его дикими замашками. Как могла она быть такой жестокой? Вести себя так непрофессионально? Мало того, что ребенка похитили — он еще должен терпеть брезгливость от той, которая призвана заботиться о нем и наставлять его в пугающей новой жизни.

Старательно оправив ночную рубашку — датчики над головой, не могла она забыть об этих дурацких датчиках! — мисс Феллоуз встала с постели и на цыпочках вошла в комнату мальчика.

— Малыш, — позвала она шепотом, — малыш. — И, опустившись на колени, протянула руку, чтобы нащупать его под кроватью. Но тут ей подумалось — мысль была некрасивая, но здравая, рожденная долгим опытом работы с душевнобольными детьми, — что мальчик может и укусить. Она убрала руку, зажгла ночник и отодвинула кровать от стенки.

Бедняжка скорчился в уголку, подтянув колени к подбородку, и глядел на нее влажными тревожными глазами.

При слабом свете не так бросалось в глаза его уродство, грубые черты лица, бесформенная голова.

— Бедняжка, — прошептала мисс Феллоуз. — Испугался, бедненький.

И погладила его по голове, по этому жесткому свалявшемуся колтуну, который всего несколько часов назад вызвал в ней такое отвращение. Теперь ощущение было просто не совсем

привычным. Мальчик застыл при ее первом прикосновении, но потом успокоился.

— Бедненький. Иди ко мне.

Он тихо щелкнул языком и жалобно заурчал.

Она села рядом с ним на полу и снова стала гладить его по голове, медленно и мерно. Напряжение мало-помалу отпускало малыша. Может быть, в их суровой доисторической жизни никто не гладил его по головке, и ему это понравилось. Мисс Феллоуз ласково перебирала его волосы, приглаживала, расчесывала пальцами — и снова водила рукой ото лба к затылку — медленно-медленно, будто гипнотизируя.

Потом погладила его по щеке, по плечу. Мальчик не противился.

Она стала тихо напевать нежную, протяжную песенку без слов, которую знала с детства, которой убаюкивала стольких страдающих детей.

Мальчик задрал голову, глядя в полумраке на ее рот, откуда исходили такие звуки.

Она, продолжая напевать, притянула его поближе к себе. Он покорился. Она медленно положила руку ему на голову и склонила ее к себе на плечо. Приподняла его и плавно, не торопясь, посадила себе на колени.

И стала тихонько покачиваться, повторяя все ту же протяжную, напевную мелодию.

В какой-то миг мальчик перестал плакать.

Вскоре по его ровному, блаженному дыханию мисс Феллоуз поняла, что он спит.

С бесконечной осторожностью она встала, придвинула кроватку обратно, толкая ее коленом, и уложила на нее мальчика. Укрыла его (укрывался ли он раньше чем-нибудь? В кровати, уж конечно, он не спал), подоткнула одеяльце и постояла над ним. Во сне его личико казалось удивительно мирным.

И его безобразие почему-то почти уже не пугало ее. Нет, правда.

Она на цыпочках пошла к двери, но остановилась и подумала: а вдруг он проснется?

Он разволнуется еще пуще, видя, что его утешительницы нет рядом, и не зная, где она. Его может охватить паника, и он совершенно обезумеет.

Мисс Феллоуз нерешительно, борясь со своими сомнениями, стояла над кроваткой, глядя на спящего мальчика. Потом вздохнула. Видно, другого выхода нет. И осторожно улеглась рядом с ним.

Кроватка была ей мала. Пришлось поджать ноги, левый локоть упирался в стенку, а чтобы не потревожить мальчика, она приняла исключительно сложную, неудобную позу. И лежала без сна, скрюченная, чувствуя себя Алисой, отпившей из бутылочки «Выпей меня». Что ж, видно, этой ночью ей не придется поспать. Ничего, это только начало, потом пойдет полегче. Есть вещи и поважнее сна.

Ребенок нашарил во сне ее руку, проверяя, тут ли она, и ухватился за нее своей шершавой ручонкой.

Мисс Феллоуз улыбнулась.

16

Она проснулась, как от толчка, не понимая, где она и почему все тело так застыло и болит. Здесь непривычно пахло чужим человеком и чье-то тело непривычно прижималось к ней.

Она чуть не завопила во весь голос и только усилием воли подавила вопль до слабого всхлипа.

Ребенок сидел в постели, глядя на нее во все глаза. Безобразный малыш, мальчик из прошлого. Маленький неандерталец.

Мисс Феллоуз не сразу вспомнила, почему она спит с ним рядом. Потом память вернулась. Значит, ей все-таки удалось уснуть, несмотря ни на что. И теперь уже утро.

Медленно, не сводя глаз с ребенка, она спустила на пол ногу, потом другую, приготовясь быстро вскочить, если мальчик запаникует.

И с беспокойством взглянула вверх. Не следят ли за ней? Не снимают ли скрытой камерой, как она, заспанная, вылезает из постели?

К ее губам прикоснулись коротенькие пальцы, и мальчик сказал что-то: два коротких щелчка и ворчание.

Мисс Феллоуз невольно отпрянула, и по ней пробежала дрожь. Она ненавидела себя за это, но справиться с собой не могла: уж очень безобразен был мальчик при свете дня.

А он снова заговорил: открыл рот и показал, как будто из него что-то выходит.

Догадаться было нетрудно. Мисс Феллоуз дрожащим голосом спросила:

— Ты хочешь, чтобы я спела еще? Да?

Мальчик не ответил и только пристально смотрел на ее губы.

Нетвердо, слегка фальшивя, мисс Феллоуз снова завела ту же песенку, что пела ночью. Безобразный малыш заулыбался. Он, как видно, узнал мелодию и стал раскачиваться почти что

в такт, размахивая руками и курлыкая — может быть, он так смеется?

Мисс Феллоуз вздохнула про себя. Имеет власть музыка освободить истерзанную грудь... Что ж, лишь бы польза была.

— Подожди-ка, — сказала она. — Дай я приведу себя в порядок. Я мигом. А потом приготовлю тебе завтрак.

Она ополоснула лицо и причесалась, непрерывно ощущая отсутствие потолка и присутствие электронных глаз — с ума сойти можно. А если глаза не только электронные?

Мальчик так и сидел в кровати, провожая ее взглядом. Он успокоился. Дикая ожесточенность его первых часов в двадцать первом веке казалась чем-то далеким. Мисс Феллоуз каждый раз, видя его, махала ему рукой. Потом и он помахал в ответ — неуклюжим, но прелестным жестом, от которого у нее по спине прошел холодок удивления и восторга. Закончив свой туалет, она сказала:

— Сдается мне, ты не прочь съесть что-нибудь посолиднее. Как насчет овсянки с молоком?

Он улыбнулся, как будто почти понял ее.

Приготовить кашу в микроволновой печке было минутным делом, и она позвала мальчика есть.

Осталось неясным, понял он ее жест или просто пошел на запах, но он вылез из кроватки и заковылял к ней. Ножки у него были очень короткие по сравнению с массивным туловищем и потому казались еще кривее, чем есть.

Мальчик посмотрел на пол, ожидая, очевидно, что она поставит миску с овсянкой туда.

— Нет, — сказала она. — Ты у нас теперь цивилизованный мальчик. Во всяком случае, будешь им. А цивилизованные мальчики с полу не едят.

Щелканье и ворчание.

— Я знаю, ты не понимаешь, что я говорю. Но рано или поздно поймешь. Не думаю, что я сумею выучить твой язык, но почти уверена, что ты сумеешь выучить мой. — Она достала из ящика ложку и показала ему. — Ложка.

Мальчик внимательно посмотрел на нее, но не выказал интереса.

— Чтобы есть. Ложка.

Она набрала ложкой овсянки и поднесла ко рту. Мальчик раскрыл глаза, ноздри у него раздулись еще шире, и он издал долгий ноющий звук: мисс Феллоуз заподозрила, что это возмущение голодного, у которого кто-то другой ворует еду.

Она сделала вид, будто глотает, и удовлетворенно облизнулась. Мальчик наблюдал за ней круглыми несчастными глазами, и видно было, что он не понимает.

— А теперь ты попробуй. — Она стряхнула кашу с ложки обратно — пусть видит, что она ничего не съела. Потом снова зачерпнула каши и поднесла ложку к нему.

Он отпрянул в тревоге, словно ложка была каким-то неизвестным оружием, сморщил свое коричневое личико и не то всхлипнул, не то заворчал.

— Смотри: ложка. Каша. Рот.

Нет. Он не желал признавать ложку, несмотря на голод. Ну, всему свое время, подумала мисс Феллоуз и отложила ее.

— Но мисочку придется взять в руки. Ты знаешь, как это делается. Есть на четвереньках с пола мы больше не будем. — Она протянула ему мисочку. Мальчик покосился сначала на нее, потом на пол.

— Возьми в руки.

Щелканье. Кажется, что-то знакомое, хотя она и не уверена. Хоскинс непременно должен записывать все эти звуки! Если запись еще не ведется.

— Возьми, — твердо повторила мисс Феллоуз. — И держи.

Он понял. Взял у нее миску, окунув большие пальцы в кашу, и поднес ко рту. Ел он неуклюже и невероятно перемазался, но в основном каша попадала куда надо.

Он быстро все усваивает — если не скован страхом. Вряд ли он еще когда-нибудь будет лакать свою еду, стоя на четвереньках.

Она присмотрелась к нему, пока он ел. Кажется, вполне здоровый, крепкий и сильный ребенок. Глаза блестят, на лице румянец, никаких признаков лихорадки или нездоровья. Пока он как будто отлично переносит последствия своего необыкновенного путешествия.

Разбираясь не лучше любого другого в показателях роста неандертальских детей, мисс Феллоуз тем не менее начинала думать, что мальчик, пожалуй, старше, чем ей показалось — он определенно ближе к четырем годам, чем к трем. Хотя он и мал ростом, но физиологически более развит, чем современный трехлетний ребенок. Кое-что, конечно, можно приписать условиям, в которых он жил в своем каменном веке. (Каменный век? Да, конечно. Неандертальцы жили в каменном веке. Она почти уверена. Как много ей надо будет узнать, когда представится случай!)

Молоко мисс Феллоуз на этот раз попробовала дать в стакане. Мальчик быстро усвоил, что стакан надо держать руками — ему

для этого требовались обе руки, но так держат стакан все дети его возраста — и стакан не показался ему столь угрожающим, как ложка. Но отверстие было слишком мало, чтобы он мог просунуть туда свою мордашку, и мальчик заныл на высокой недовольной ноте, в которой проскальзывали сердитые тона. Мисс Феллоуз, управляя его руками, поднесла стакан краем ко рту.

Он снова вывозился, но молоко в основном опять-таки попало куда надо. А к перемазанным рожицам ей не привыкать.

Проблема с туалетом, к удивлению и огромному облегчению мисс Феллоуз, решилась куда легче. Сначала мальчик решил, что унитаз — это нечто вроде ручейка, в котором не худо бы поплескаться, и мисс Феллоуз испугалась было, что он туда залезет. Но она удержала его, поставила впереди, задрала ему рубашку — и мальчик мигом понял, что от него требуется.

Она невольно погладила его по головке.

— Вот молодец. Вот умница.

И мальчик, к большой ее радости, улыбнулся ей.

Мисс Феллоуз с удовольствием убеждалась в том, что утро обещает множество открытий и ей, и мальчику. Он узнавал, что такое ложка, стакан и унитаз, а она узнавала его. И открывала вполне человеческую сущность под его безобразной — ух, какой безобразной, — личиной.

Она улыбнулась в ответ, и он просиял, как всякий ребенок, который видит, что его улыбке рады.

Нет, он не обычный ребенок, напомнила она себе. Было бы ошибкой строить себе какие-то иллюзии на этот счет.

Но когда он улыбается, его вполне можно выносить. Нет, в самом деле.

Глава 4

ИЗУЧЕНИЕ

17

Позднее утро. Мисс Феллоуз опять выкупала мальчика, со значительно меньшим сражением, чем вчера, и тщательно осмотрела его. На нем были порезы и царапины, которых не мог не приобрести мальчик, живший в первобытных условиях, но ни признаков болезни, ни серьезных повреждений не нашлось. Ей удалось даже, набравшись терпения и все время напевая успокоительную песенку, подстричь ему ногти

на руках. С ногтями на ногах придется подождать. Ни у нее, ни у мальчика не осталось сил еще и на педикюр.

Занимаясь всем этим, мисс Феллоуз не заметила, как открылась дверь в стасисную зону, но вскоре увидела, что рядом молча, скрестив руки, стоит Хоскинс, вошедший, наверное, несколько минут назад.

— Можно войти? — спросил он.

— Вы как будто уже вошли, разве нет?

— Я хотел сказать — в рабочую зону. Вы не ответили, когда я вызывал вас по селектору.

— Я была занята. Наверное, нужно говорить погромче Но входите же, входите!

Мальчик при появлении Хоскинса отпрянул, забеспокоился и собрался было скрыться в другую комнату, но мисс Феллоуз улыбнулась и поманила его. Он вернулся и прижался к ней, обхватив ее своими кривыми ножонками (до чего же они у него худющие!).

На лице у Хоскинса появилось выражение, сходное с почтением.

— Вы очень многого достигли, мисс Феллоуз!

— Мисочка горячей овсянки может творить чудеса.

— Он к вам, кажется, уже очень привязался.

— Я знаю, как делать то, что мне положено, доктор Хоскинс. Неужели это так удивительно?

— Я не хотел вас обидеть... — покраснел тот.

— Ну конечно. Я понимаю. Вчера вы здесь видели дикого звереныша, а сейчас он...

— Совсем не звереныш.

— Да. Совсем не звереныш. — Мисс Феллоуз замялась. — Но поначалу у меня были сомнения на этот счет.

— Думаете, я забыл? Вы были просто вне себя.

— Теперь я успокоилась, а тогда реагировала слишком бурно. Он мне и вправду показался на первый взгляд обезьяньим детенышем, а я ни к чему такому не была готова. Но он удивительно быстро приспосабливается. Он не обезьяна, доктор Хоскинс. Он вполне разумное создание. Мы очень хорошо поладили.

— Рад это слышать. Значит, вы решили остаться?

— Разве в этом кто-то сомневался, доктор Хоскинс? — с металлом в голосе ответила она.

— Пожалуй, нет, — пожал плечами тот. — Знаете, мисс Феллоуз, не вы одна вчера были чуточку не в себе. Думаю, вы представляете, какие колоссальные усилия вложили мы в этот

проект и как много зависело от его успеха. Теперь же, добившись успеха, потрясающего успеха, мы чувствуем некоторое отупение. Как человек, который собрал все силы, чтобы взломать дверь, преграждающую ему путь. И вот он бросается на эту дверь, а она вдруг уступает без всякого усилия, и он вваливается туда, куда так мечтал попасть. И стоит, и смущенно озирается кругом, и говорит себе: «Ну вот я и здесь, а что дальше?»

— Хороший вопрос, доктор Хоскинс. Итак, что же дальше? Вы будете водить сюда всевозможных специалистов, чтобы показать им мальчика, не так ли? Специалистов по доисторическим временам и так далее?

— Конечно.

— И, полагаю, надо будет произвести полный медицинский осмотр.

— Да, разумеется. Хотя мальчуган вроде бы в порядке? На вид?

— На вид — да. Он крепкий парнишка. Но я не доктор — мальчику нужно пройти терапевтическое обследование. Одно дело — казаться здоровым, другое — быть здоровым. У него может быть множество паразитов — амебы, простейшие и прочие. Может, они для него безвредны, а может, и нет. И если они не угрожают его здоровью, то могут угрожать нашему.

— Мы уже подумали об этом. Днем придет доктор Джекобс, чтобы провести предварительное обследование. С этим врачом вы будете работать в течение всего эксперимента. Если доктор Джекобс не слишком выведет мальчика из колеи, то к вам зайдет еще доктор Макинтайр из Смитсоновского института для первого антропологического обследования. Ну и пресса, конечно.

— Пресса? — опешила мисс Феллоуз. — Какая еще пресса? Кто? Когда?

— Ну, они захотят увидеть мальчика как можно скорее, мисс Феллоуз. Кандид Девени уже всех оповестил. К концу дня в нашу дверь будут ломиться все газеты и телестанции мира.

Мисс Феллоуз посмотрела на ребенка и оберегающим жестом обняла его за плечи. Он вздрогнул — совсем чуть-чуть, — но не сделал попытки освободиться.

— Значит, в это тесное помещение набьются журналисты и люди с камерами? В первый же день?

— Да, мы, кажется, не подумали...

— Да, вы не подумали. Это очевидно. Послушайте, доктор Хоскинс, — это ваш маленький неандерталец, и вы вольны делать с ним что угодно. Но никакой прессы, пока он не пройдет

медосмотр и не получит справки о том, что здоров — это как минимум. А еще лучше — пока он здесь немного не адаптируется. Вы понимаете меня, правда?

— Мисс Феллоуз, вы же знаете, что реклама имеет первостепенную важность...

— Первостепенную, да. Вот будет реклама, если ребенок умрет в приступе панического страха прямо перед камерой!

— Мисс Феллоуз!

— Или если подцепит насморк от кого-нибудь из ваших драгоценных репортеров. Я пыталась довести до вас, когда просила о стерильной среде, что у него может быть нулевая сопротивляемость к нашим микроорганизмам. Нулевая. Ни антител, ни врожденного иммунитета, ничего, что помешало бы...

— Прошу вас, мисс Феллоуз...

— А если он их всех наделит какой-нибудь заразой каменного века, против которой нет иммунитета у нас?

— Хорошо, хорошо, мисс Феллоуз. До меня уже дошло.

— Хочу полностью удостовериться, что это так. Говорю вам — пусть ваша пресса подождет. Сначала нужно сделать ему все прививки, какие только возможно. Плохо уже то, что он вчера контактировал с таким количеством людей, но толпу репортеров я сюда не пущу — ни сегодня, ни завтра. Если хотят, пусть пока фотографируют его сверху, не входя в стасисную зону — как если бы он был новорожденным, и пусть при этом ведут себя тихо. Позже можно будет составить график съемки. И кстати о верхе. Я все-таки не в восторге оттого, что все время на виду. И хочу, чтобы в моей комнате сделали крышу — хотя бы просто из брезента. Не нужно пока, чтобы тут суетились рабочие. Думаю, что и весь кукольный домик спокойно можно покрыть потолком.

— Однако вы не стесняетесь, — улыбнулся Хоскинс. — Вы очень напористая женщина, мисс Феллоуз. — В его голосе звучало восхищение, смешанное с изрядной дозой раздражения.

— Напористая? Наверное. Во всяком случае, когда речь идет о моих детях.

18

Доктор Джекобс был кряжистым человеком лет шестидесяти, с грубыми чертами лица и седыми волосами, подстриженными ежиком, по-военному. Его властные, не терпящие возражений, резковатые манеры тоже, казалось бы, больше подходили военному врачу, чем педиатру. Но мисс Феллоуз из долгого

опыта знала, что дети не против резкости, если под ней чувствуется доброта. На то и доктор, чтобы командовать, этого от него и ждут. Ласку, нежность, утешение дети ищут у других, а доктор — это божество, разрешающее все вопросы, излечивающее все болезни.

Интересно, кто занимался врачеванием в родном племени мальчика сорок тысяч лет назад? Колдун, конечно. Жуткая личность с костью в носу и с глазами, обведенными красной краской — он ставил диагноз, прыгая вокруг костра, пылающего синим, зеленым и алым пламенем. А как бы выглядел доктор Джекобс с костью в носу и с медвежьей шкурой на плечах вместо прозаического белого халата?

Доктор коротко, уважительно пожал сестре руку.

— Я слышал о вас много хорошего, Феллоуз.

— Хочу надеяться.

— Вы работали у Галлахера в «Вэлли дженерал», верно? Хоскинс говорил. Отличный парень Галлахер. Догматик, сукин сын, но хотя бы догмы у него верные. Сколько вы проработали у него в отделении?

— Три с половиной года.

— Он вам понравился?

— Не особенно. Я слышала, как он говорил молодой сестре вещи, которые считаю неподобающими. Но сработались мы хорошо. Я многому у него научилась.

— Да, он соображает. Жаль, конечно, что он так ведет себя с сестрами. А у вас с ним, случайно, ничего такого не было?

— У меня? Нет. Ничего подобного.

— Да, я так и думал, что с вами он бы не решился и пробовать.

Что он, собственно, хотел этим сказать? Что она не во вкусе Галлахера? Она вообще ни в чьем вкусе и довольствуется этим уже много лет. Впрочем, неважно.

Доктор, похоже, помнил всю ее анкету наизусть. Он говорил о разных больницах, упоминал разных докторов, с небрежной фамильярностью отзывался о главных медсестрах и советах директоров. У него явно были обширные связи. Мисс Феллоуз знала о нем только то, что он занимает какую-то высокую должность в государственном медицинском центре и, кроме того, имеет немалую частную практику. Их пути никогда не пересекались. Если Хоскинс счел нужным показать доктору ее анкету, он мог бы и ей показать анкету доктора. Впрочем, это тоже не столь важно.

— Ну что ж, пожалуй, пора взглянуть на вашего маленького неандертальца, — сказал Джекобс. — Где он прячется?

Она показала на соседнюю комнату. Мальчик то и дело робко выглядывал оттуда, показывая то жесткий вихор, то краешек глаза.

— Стесняется? Санитары говорят по-другому. Будто бы он дикий, как настоящая обезьянка.

— Это уже позади. Первый приступ ужаса прошел — теперь он просто боится и чувствует себя покинутым.

— Оно и неудивительно. Однако пора за работу. Позовите его, пожалуйста. Или приведите сами.

— Попробую позвать. Ты можешь выйти, Тимми. Это доктор Джекобс. Он ничего тебе не сделает.

Тимми?

Это еще откуда? Она и сама не знала.

Имя как-то неожиданно выплыло из ее подсознания. Она в жизни не знала ни одного Тимми. Но ведь надо же как-то называть мальчика? Вот она и назвала. Тимоти, сокращенно — Тимми. Так тому и быть. Настоящее человеческое имя. Тимми.

— Тимми? — снова с удовольствием выговорила она, радуясь, что теперь у него есть имя. Он для нее больше не «ребенок», не «неандерталец», не «безобразный малыш». Он — Тимми. Он — личность. У него есть имя.

Но Тимми в ответ на ее призыв скрылся обратно в комнату.

— Нельзя же весь день на него тратить, — нетерпеливо сказал Джекобс. — Пойдите-ка, Феллоуз, приведите его.

И надел на лицо марлевую маску — чтобы обезопасить не только Тимми, но и себя скорее всего.

Это была ошибка. Тимми выглянул, увидел маску и взвыл так, точно ему явился демон из кошмарных снов его каменного века. Когда мисс Феллоуз появилась на пороге, мальчик кинулся от нее, словно зверек, убегающий от своего хозяина в дальний угол клетки, и прижался к стенке, дрожа крупной дрожью.

— Тимми, Тимми...

Бесполезно. Он не подпустит ее к себе, пока Джекобс здесь. Мальчик неплохо выдерживал присутствие Хоскинса, но Джекобс, видимо, напугал его до полусмерти. Вот и провалилась ее теория о том, что дети предпочитают властных и по-военному резковатых докторов. К этому ребенку, во всяком случае, она не подходит.

Мисс Феллоуз позвонила и вызвала Мортенсона с Эллиотом.

— Кажется, нам требуется помощь.

Двое здоровенных санитаров нерешительно переглянулись. Левый рукав белой куртки Эллиота заметно вздувался — это, конечно, повязка на том месте, где вчера его поцарапал Тимми.

— Ну, полно вам, — сказала мисс Феллоуз. — Это всего лишь малый ребенок.

Но мальчик в приступе ужаса снова вернулся в свое дикое состояние. Мисс Феллоуз, с Мортенсоном и Эллиотом на флангах, пыталась поймать его, но он носился по комнате с проворством настоящей обезьяны — попробуй излови. Наконец Мортенсон, совершив прыжок, перехватил мальчишку и оторвал от пола, а Эллиот опасливо ухватил его за лодыжки, чтобы не лягался. Мисс Феллоуз, подойдя, сказала мягко:

— Все хорошо, Тимми, — никто тебе ничего плохого не сделает...

С тем же успехом она могла бы сказать: «Положись на меня». Мальчик бешено отбивался, почти с тем же пылом, что и вчера во время купания.

Мисс Феллоуз, преодолев неловкость, попыталась успокоить его давешней колыбельной песенкой. Никакого толку.

— Придется дать успокоительного, — подошел доктор Джекобс. — Господи, что за уродец.

Мисс Феллоуз взъярилась так, как будто речь шла о ее собственном ребенке. Как доктор смеет говорить такое! Как он смеет!

— У него классическое неандертальское лицо, — отрезала она. — По неандертальским понятиям он просто красавец. — А это откуда взялось? Она понятия не имела о типах неандертальских лиц и о нормах неандертальской красоты. — Не хотелось бы прибегать к успокоительному, но если нет другого выхода...

— Думаю, что нет. Из осмотра ничего не выйдет, если держать его вот так, силой.

Это верно. Непохоже, чтобы мальчик проявил энтузиазм, когда ему станут прижимать шпателем язык или светить в глаза. Он не даст ни взять у себя кровь, ни измерить температуру — даже на расстоянии, с помощью термопары. Мисс Феллоуз неохотно кивнула.

Джекобс достал из своего чемоданчика ультразвуковую ампулу с транквилизатором и активировал ее.

— Вы же не знаете, какую дозу ему дать, — сказала мисс Феллоуз.

— Эта доза рассчитана на вес до тридцати килограммов, — удивился доктор. — В пределах нормы.

— Доза рассчитана на вес человека, доктор. А это неандертальский мальчик. У нас нет никаких сведений об их кровообращении.

Собственные рассуждения испугали ее. Как ни печально, она снова проводит черту между людьми и неандертальцами и никак не выработает твердого взгляда на мальчика. Он — человек, с жаром сказала она себе. Человек, человек, человек! Он Тимми, он человек.

Но Джекобса, как видно, мало занимал этот вопрос.

— Будь он даже детенышем гориллы или орангутанга, Феллоуз, я считал бы дозу верной. Человек он или неандерталец — кровеносная система тут ни при чем. Значение имеет только масса тела. Ладно, возьмем половинную дозу. Чтоб уж совсем не рисковать хоскинсовским сокровищем.

Не только хоскинсовским, к удивлению своему подумала мисс Феллоуз.

Джекобс уменьшил дозу и приложил ампулу к предплечью мальчика. Раздалось легкое жужжание, и транквилизатор тут же начал делать свое дело.

— Ну вот. Теперь возьмем немного палеолитической крови и доисторической мочи. Кал на анализ брали, Феллоуз?

— У него еще не было стула, доктор Джекобс. Смещение, вызванное путешествием во времени...

— Когда это случится, соскоблите немного с пола и дайте мне знать, хорошо?

— Он ходит в туалет, доктор, — возмутилась мисс Феллоуз.

Джекобс удивился и, похоже, рассердился, но потом засмеялся.

— Да вы прямо горой за него стоите, как я погляжу.

— Да. А разве это плохо?

— Пожалуй, нет. Ну хорошо, когда мальчик пойдет в туалет и у него будет стул, возьмите немного на анализ. Полагаю, он пока еще не спускает за собой, а, Феллоуз?

На этот раз Эллиот с Мортенсоном тоже засмеялись. Мисс Феллоуз к ним не присоединилась.

Тимми, кажется, уснул — терпел все, не пошевелившись. Джекобс без труда открыл ему рот, чтобы осмотреть зубы. Мисс Феллоуз, которая их тоже еще не видела, смотрела доктору через плечо, опасаясь, что у мальчика окажутся острые обезьяньи клыки. Но нет, ничего похожего. Зубы великоваты, крупнее, чем у современных детей, и, видимо, крепче — но красивой формы, ровные. Превосходные зубы. И определенно человеческие: ни устрашающих торчащих резцов, ни собачьих клыков. Мисс Феллоуз глубоко, с облегчением вздохнула.

Джекобс закрыл мальчику рот, заглянул ему в уши, приподнял веки. Осмотрел ладони и подошвы ног, простукал грудь,

прощупал живот, согнул и разогнул руки и ноги, попробовал бицепсы и бедренные мышцы.

— Он просто маленькое динамо, в чем вы и сами имели случай убедиться. Мал для своего возраста и весит чуть меньше нормы, но это не результат недоедания. Сделав анализ кала, я смогу выяснить, чем он питался, но диета скорее всего была высокопротеиновой и низкокрахмальной — именно этого следует ожидать от охотников и собирателей, живших в неблагоприятном климате.

— В неблагоприятном?

— Обледенение, — слегка покровительственно сказал Джекобс. — Ледниковый период — именно на него приходится большая часть неандертальской эпохи.

«Вы-то откуда знаете? — воинственно подумала мисс Феллоуз. — Вы что, там были? Или вы антрополог?»

Но придержала язык. Доктор Джекобс все время, как нарочно, гладит ее против шерсти, но им, как-никак, работать вместе и нужно поддерживать вежливые отношения. Хотя бы ради Тимми.

19

На середине осмотра Тимми зашевелился и стал беспокоен. Вскоре стало ясно, что действие транквилизатора кончается. Значит, ему действительно следовало дать нормальную для ребенка его массы дозу, как и настаивал Джекобс, — мисс Феллоуз перестраховалась. В чем бы Тимми ни отличался от современного ребенка, на седатив он реагировал точно так же. Он обретал все больше человеческих качеств по мере того, как мисс Феллоуз лучше узнавала его.

Но Джекобс уже сделал все, что мог сделать в данный момент, собрался и ушел, обещав вернуться через пару дней, если анализы покажут что-либо необычное.

— Хотите, чтобы мы остались? — спросил Мортенсон.

— Нет необходимости. Оставьте меня с мальчиком.

Тимми успокоился, как только они ушли. К мисс Феллоуз он, как видно, уже привык и нервничал только в присутствии других. Со временем пройдет и это.

— Вот видишь, Тимми, ничего страшного не случилось. Немножко тебя постукали, немножко помяли — но нам ведь столько надо узнать о тебе, понимаешь?

Он молча, внимательно смотрел на нее.

— Ты понимаешь, да, Тимми?

Он проворчал какое-то двусложное слово, которое, к ее изумлению, показалось ей похожим на «Тимми»

Возможно ли? Он уже знает свое имя?

— Скажи еще раз! Тимми. Тимми.

Он снова пробормотал свои два слога. На этот раз это уже не показалось мисс Феллоуз таким похожим на «Тимми». Возможно, она просто фантазирует, принимая желаемое за действительное. Однако гипотезу стоило проверить Она сказала, указывая на мальчика:

— Тимми — это ты. Тимми. Тимми. Тимми.

Он молча смотрел на нее.

— А я... — она указала на себя и на мгновение замялась. «Мисс Феллоуз» уж слишком длинно. Но «Эдит» не годится. «Няня»? Нет, тоже не пойдет. Придется остановиться на «мисс Феллоуз». — Я — мисс Феллоуз. Ты — Тимми. Я — мисс Феллоуз. Ты — Тимми. — Она повторила это еще раза три-четыре. Мальчик не отвечал. — Ты, наверное, думаешь, что я сумасшедшая? — посмеялась она собственной глупости. — Говорю что-то непонятное, тычу пальцем, пою. А у тебя на уме сейчас только ленч, правда, Тимми? Правда? Ленч? Еда? Голодный?

Мальчик снова пробурчал два слога и для пущей убедительности пощелкал языком.

— Да, ты голодный. Пора скушать что-нибудь высокопротеиновое и низкокрахмальное. Фирменное блюдо ледникового периода, да, Тимми? Ну, посмотрим, что у нас тут есть.

20

После ленча пришел доктор Макинтайр из Смитсоновского антропологического института. Перед этим Хоскинс предусмотрительно позвонил по селектору, чтобы спросить у мисс Феллоуз, как она думает — выдержит ли мальчик второй визит почти сразу же после первого? Она посмотрела на Тимми. Он поел с большим аппетитом — выпил целую бутылку синтезированного витаминного напитка, рекомендованного доктором Джекобсом, и умял еще тарелку овсянки с ломтиком тоста, первой твердой пищей, которую мисс Феллоуз рискнула ему дать. Теперь он, спокойный и довольный жизнью, сидел на краешке кровати, ритмично стукая пятками снизу по матрасу — обыкновенный мальчишка после сытного завтрака.

— Ну как, Тимми? Выдержишь еще один осмотр?

Она, конечно, не рассчитывала, что он ей ответит, и щелканье языком едва ли могло сойти за ответ. Мальчик не смотрел

на нее и продолжал болтать ногами — наверно, говорил сам с собой. Однако настроение у него определенно хорошее.

— По-моему, можно рискнуть, — сказала она Хоскинсу.

— Хорошо. А как это вы его назвали? Тимми? Что это значит?

— Его так зовут.

— Он что, сказал вам, как его зовут? — опешил Хоскинс.

— Нет, конечно. Просто я зову его «Тимми».

— Ага, — неловко помолчав, сказал Хоскинс. — Вы его зовете «Тимми».

— Надо же как-то его называть, доктор Хоскинс.

— Ну да. Да. Тимми.

— Тимми, — решительно подтвердила мисс Феллоуз.

— Тимми. Ну что ж, хорошо. Так я посылаю к вам доктора Макинтайра, если все в порядке. Посмотреть на Тимми.

Доктор Макинтайр оказался гораздо стройнее, моднее и моложе, чем представлялось мисс Феллоуз, — не старше тридцати — тридцати пяти лет. Небольшого роста, хрупкий, с красивыми золотистыми волосами и светлыми, тонкими, почти невидимыми бровями, он двигался так четко, изящно и выверенно, точно следовал указаниям какого-то внутреннего хореографа. Его утонченная элегантность озадачила мисс Феллоуз: она никак не ожидала, что палеоантрополог может так выглядеть. Ученый заинтриговал даже Тимми — уж очень он отличался от всех мужчин, с которыми до сих пор сталкивался мальчик на новом месте. Тимми удивленно таращил глаза, как будто Макинтайр был божеством, сошедшим со звезд.

Макинтайра же Тимми так потряс, что он почти лишился дара речи. И надолго застыл в дверях, уставившись на Тимми так же, как Тимми на него. Потом отошел на несколько шагов влево и посмотрел оттуда; перешел на другую сторону комнаты и опять стал смотреть.

Мисс Феллоуз довольно холодно произнесла:

— Доктор Макинтайр, это Тимми. Тимми — доктор Макинтайр. Доктор пришел тебя изучать. Ты тоже можешь изучать его, если хочешь.

Бледные щеки Макинтайра вспыхнули.

— Глазам своим не верю, — охрипшим от волнения голосом сказал он. — Просто никак не могу поверить. Неандерталец чистой воды! Живой, у меня перед глазами — настоящий неандерталец! Извините меня, мисс Феллоуз. Вы должны понять — это так поразительно, так феноменально, так потрясает...

Он чуть не плакал — подобная несдержанность вызывала в ней неловкость и немного раздражала. Но потом мисс Феллоуз сменила гнев на милость и даже растрогалась. Она представила

себя на месте историка, который получил вдруг возможность побеседовать с Авраамом Линкольном, Юлием Цезарем или Александром Великим; или на месте богослова, которому вдруг показали подлинные каменные скрижали, принесенные Моисеем с вершины Синая. Естественно, они бы были потрясены. Еще бы — потратить годы на изучение того, что едва известно из древних источников, пытаться понять, восстановить в уме утраченную реальность — и вдруг оказаться лицом к лицу с предметом своей науки, с чем-то подлинным...

Но Макинтайр оправился быстро. Своим легким грациозным шагом он пересек комнату и опустился на колени прямо перед Тимми, глядя на него снизу вверх. Тимми нисколько не испугался — он впервые отнесся так спокойно к новому человеку. Наоборот, он улыбался, мурлыкал что-то себе под нос и покачивался из стороны в сторону, точно к нему пришел в гости любимый дядюшка. В глазах светился живой интерес — кажется, палеонтолог совершенно его заворожил.

— Какой он красивый, мисс Феллоуз! — после долгого молчания сказал ученый.

— Красивый? Пока что мне не часто доводилось это слышать.

— Но это так, это так! Какое чудное неандертальское личико! Надбровные дуги еще не развились, но их уже ни с чем не спутаешь. Платицефалический череп. Удлиненная затылочная область. Можно потрогать его лицо, мисс Феллоуз? Я осторожно. Не хочу его пугать, но хотелось бы кое-что проверить относительно костной структуры...

— Кажется, он тоже не прочь вас потрогать, — сказала мисс Феллоуз.

И в самом деле, Тимми тянулся ручонкой ко лбу Макинтайра. Ученый подался ему навстречу, и Тимми запустил пальцы в его блестящие золотистые волосы и стал гладить их, точно в жизни не видывал такого чуда. Потом вдруг намотал прядку на палец и потянул — весьма чувствительно.

Макинтайр вскрикнул, покраснел и отдернул голову.

— По-моему, ему хочется получить ваш локон, — сказала мисс Феллоуз.

— Только не таким способом. Дайте-ка мне ножницы. — Макинтайр, уже посмеиваясь, отстриг себе клок волос надо лбом и подал шелковистую прядку Тимми, который просиял и закурлыкал от удовольствия. — Скажите, мисс Феллоуз, а у кого-нибудь из тех, кто приходил сюда, были светлые волосы?

Она задумалась. Хоскинс — Девени — Эллиот — Мортенсон — Стретфорд — доктор Джекобс... нет, все они или шатены, или

брюнеты, или седые. У нее самой волосы были каштановые с проседью.

— Нет, не припомню. Должно быть, вы первый.

— Может быть, первый в его жизни? Мы, конечно, не знаем, какого цвета волосы у неандертальцев. На всех макетах они обычно изображаются темными — наверно, потому, что неандертальцев принято считать примитивными обезьяноподобными существами, а у большинства крупных современных обезьян темная шерсть. Но темные волосы чаще встречаются в теплых краях, чем у жителей северных областей, а неандертальцы, безусловно, были приспособлены к сильным холодам. Так что они с тем же успехом могли быть и светловолосыми — как, скажем, русские, шведы или финны.

— Но его реакция на ваши волосы, доктор Макинтайр...

— Да. Их вид, безусловно, для него необычен. Ну что ж, возможно, в его племени все были темноволосыми — а возможно, и во всей местности, где они обитали. Да и в его смуглой коже нет ничего нордического. Нельзя, конечно, делать выводы на основе одного-единственного ребенка. Но то, что у нас есть хотя бы этот ребенок — это просто чудо, мисс Феллоуз! До сих пор не верится...

Мисс Феллоуз испугалась, что Макинтайр опять впадет в экстаз, но он держал себя в руках. Он провел кончиками пальцев по щекам Тимми, по его покатому лбу, срезанному подбородку, бормоча себе что-то под нос — очевидно, научные термины, не предназначенные для посторонних ушей.

Тимми вынес его осмотр вполне благодушно.

А потом разразился пространным монологом в форме щелканья и ворчания — это он впервые заговорил с тех пор, как пришел Макинтайр.

Палеонтолог, пунцовый от волнения, посмотрел на мисс Феллоуз:

— Вы слышали? Он раньше произносил что-либо подобное?

— Конечно. Он все время говорит.

— Говорит?

— А что же он, по-вашему, делает? Он говорит нам что-то.

— То есть это вы так предполагаете.

— Нет, — с досадой ответила мисс Феллоуз. — Он разговаривает, доктор Макинтайр. По-неандертальски. В его речи есть много одинаковых фраз. Я пыталась выделить их и даже воспроизвести, но пока безуспешно.

— Что это за фразы, мисс Феллоуз?

— Он щелкает языком и ворчит в определенном порядке. Кое-что я уже различаю. Один набор звуков говорит о том, что

он голоден. Другой обозначает нетерпение или беспокойство. Третий — страх. Я знаю, что эти мои толкования нельзя назвать научными, но я безотлучно нахожусь при мальчике со времени его прибытия, и у меня есть опыт общения с детьми, у которых нарушена речь. Я всегда слушала их очень внимательно.

— Да, конечно. — Макинтайр был настроен скептически. — Это очень важно, мисс Феллоуз. Его щелканье и ворчание записывается на пленку?

— Не знаю. Надеюсь, что да. — Она вспомнила, что хотела спросить об этом Хоскинса, да позабыла.

Тимми снова что-то сказал — на этот раз с другой интонацией, более напевно, почти жалобно.

— Видите, доктор Макинтайр? Раньше он этого не говорил. По-моему, он опять хочет поиграть с вашими волосами.

— Вы ведь просто угадываете, не так ли?

— Конечно. Я пока еще не очень бегло говорю по-неандертальски. Но посмотрите — он тянется к вам снова.

Макинтайру, как видно, не очень-то хотелось, чтобы его опять таскали за волосы. Он улыбнулся и взамен протянул Тимми палец, но мальчика это не устроило, что он и высказал, прощелкав несколько длинных фраз, прерываемых тремя еще незнакомыми пронзительными звуками — не то ворчанием, не то воем.

— Кажется, вы правы, мисс Феллоуз! — вскричал взволнованный Макинтайр. — В самом деле похоже на осмысленную речь! Определенно. Как вы думаете, сколько лет ребенку?

— Между тремя и четырьмя годами. На мой взгляд, ближе к четырем. Вы напрасно удивляетесь, что он так хорошо говорит. Четырехлетки уже вполне владеют речью. Если у вас есть дети...

— Дочка. Ей почти три и действительно есть что сказать, но ведь этот ребенок — неандерталец.

— Какое это имеет значение? Почему бы неандертальскому ребенку его возраста тоже не уметь говорить?

— Пока что у нас нет оснований предполагать, мисс Феллоуз, что неандертальцы какого бы то ни было возраста вообще владели речью в нашем понимании. И потому-то звуки, которые произносит этот ребенок, имеют такую огромную важность для науки о доисторическом человеке. Если это действительно речь, то есть осмысленные звуковые построения с четкой грамматической структурой...

— Ну конечно же, это речь! — взорвалась мисс Феллоуз. — Именно речь и отличает человека от животных, не так ли? И вы хотите, чтобы я поверила, будто этот мальчик — не человек?

— Неандертальцы, бесспорно, были людьми, мисс Феллоуз, — мне ли отрицать. Но это не значит, что они владели разговорной речью.

— Что? Как же это возможно — быть людьми и при этом не уметь говорить?

Макинтайр испустил глубокий вздох, давая понять, что его терпение на исходе. Подобные вздохи были слишком хорошо знакомы мисс Феллоуз. Всю свою жизнь она работала с людьми, которые считали, что она знает меньше их, поскольку она «всего лишь» медсестра. Это было не так — по крайней мере, в больнице. Но здесь не больница, и о неандертальцах она действительно ничего не знает, а этот светловолосый молодой человек — специалист по ним. Мисс Феллоуз придала лицу выражение заинтересованного внимания.

— Мисс Феллоуз, — начал Макинтайр, явно собираясь прочесть лекцию, — чтобы живое существо могло говорить, ему недостаточно обладать определенным уровнем умственного развития — необходима еще и физическая способность к произнесению сложных звуков. Собаки — вполне разумные существа, владеющие обширным словарем, но одно дело знать, что такое «сидеть» и «апорт», а другое — уметь произнести эти самые «сидеть» и «апорт», и ни одна собака от сотворения мира не сумела еще произнести ничего, кроме «гав». И вы, конечно, знаете, что шимпанзе и гориллы легко обучаются языку жестов, но слова выговаривают не лучше, чем собаки. У них для этого просто нет нужного анатомического оснащения.

— Я этого не знала.

— Человеческая речь — очень сложное явление. — Макинтайр похлопал себя по горлу. — А ключ к ней — крохотная U-образная косточка, называемая подъязычной, поскольку располагается у корня языка. Она управляет одиннадцатью мелкими мускулами, которые приводят в движение язык, нижнюю челюсть, а также поднимают и опускают гортань, производя гласные и согласные, собственно и образующие речь. У обезьян же подъязычной косточки нет, поэтому они могут только ворчать и шипеть.

— А как же попугаи и майны? Они ведь выговаривают слова. Выходит, у них есть подъязычная косточка, а у шимпанзе нет?

— Птицы типа попугаев и майн просто подражают звукам, которые издают люди, используя для этого совершенно иной анатомический аппарат. Но это нельзя назвать речью. У птиц отсутствует понимание, они сами не знают, что говорят. Просто проигрывают то, что слышат.

— Ну хорошо — а у неандертальцев была подъязычная косточка? Она должна была присутствовать, раз их считают людьми.

— Мы в этом не уверены. Надо учесть следующее: во-первых, общее число неандертальских скелетов, найденных начиная с 1856 года, не превышает двухсот, и многие из них фрагментарны или претерпели серьезные повреждения. А во-вторых, подъязычная косточка очень мала и с другими костями не связана — только с мышцами гортани. Когда тело разлагается, подъязычная кость отваливается и легко может затеряться. Из всех исследованных нами ископаемых неандертальцев только у одного — у одного, мисс Феллоуз! — подъязычная кость была на месте.

— Но если она имелась у одного, то должна была иметься и у всех?

— Весьма вероятно, — кивнул Макинтайр. — Но мы ни разу не видели гортани неандертальца — ведь мягкие ткани, естественно, не сохранились. И не знаем, для чего служила неандертальцам подъязычная кость. Несмотря на нее, мы не можем сказать с уверенностью, владели неандертальцы речью или нет. Все, что мы можем сказать, — это что анатомия голосового аппарата неандертальцев скорее всего была схожа с современной. Скорее всего. Но была ли она достаточно развита, чтобы выговаривать доступные пониманию слова — или был ли их мозг достаточно развит, чтобы овладеть понятием речи...

Тимми снова защелкал и заворчал.

— Послушайте его, — торжествующе сказала мисс Феллоуз. — Вот вам и ответ! У неандертальцев прекрасный язык, и мальчик очень хорошо говорит на нем. А в скором времени заговорит и по-английски, доктор Макинтайр. Я уверена. И тогда отпадет необходимость в спорах, владели неандертальцы речью или нет.

21

Макинтайр, кажется, собрался разрешить все неандертальские загадки разом. Он щелкал языком, надеясь, что Тимми ему ответит; он извлек из портфеля цветные пластмассовые кубики — принадлежность какого-то теста на умственное развитие — и пытался заставить Тимми расположить их по цвету и по размеру; он предложил мальчику цветные карандаши и бумагу и стал ждать результата, но Тимми не проявил интереса к рисованию; он велел мисс Феллоуз поводить Тимми за руку по комнате и фотографировал мальчика в движении. Он желал бы провести еще какие-то тесты, но Тимми был иного мнения

на этот счет. Как только Макинтайр начал строить конструкцию из катушек на стержнях, похожую на игрушку, но на самом деле предназначенную для проверки координации, Тимми уселся на пол и громко заревел.

Это был его первый нормальный плач, без рыданий и стонов — всем известный рев ребенка, который очень устал и от которого слишком много хотят. Мисс Феллоуз слушала его с удовольствием, хотя само зрелище ее поразило: какой большой у Тимми рот, когда он его разевает во всю ширь, а нос как будто еще увеличился, а эти толстые надбровные дуги так сильно выступают, когда мальчик судорожно зажмуривает глаза. Искаженное плачем лицо Тимми приобретало ужасающе нечеловеческий вид.

Зато его рев, эти изливающие душу рулады — если не смотреть на Тимми, легко было поверить, что это верещит и барабанит пятками по полу обыкновенный четырехлетка в остром приступе недовольства жизнью.

— Чем это я его так допек? — спросил Макинтайр.

— Наверное, злоупотребили его вниманием. Перестали быть занятным. Он еще маленький, доктор Макинтайр. Нельзя же бесконечно его мучить. И потом, этот малыш, должна вам напомнить, пережил недавно серьезную травму, расставшись со всем, что ему было близко и понятно.

— Но я же его не мучил — а впрочем, все возможно. Прошу прощения. Эй, Тимми, видишь — волосы? Блестят-то как? Хочешь поиграть? Хочешь потаскать меня за волосы?

Макинтайр подставил Тимми свою золотистую голову, но тот заверещал пуще прежнего.

— Не хочет он сейчас играть с вашими волосами, доктор Макинтайр, — неприязненно сказала мисс Феллоуз. — А если он в них вцепится, то вы, думаю, пожалеете. Оставьте-ка лучше его. У вас будет вполне достаточно времени, чтобы его обследовать.

— И то верно. — Пристыженный палеоантрополог встал. — Поймите, мисс Феллоуз, мне как будто вручили заветную книгу, в которой заключены все тайны времен, и я хочу прочесть ее немедленно — с начала и до конца.

— Понимаю. Но боюсь, что ваша книга проголодалась, капризничает и ей кое-куда нужно.

— Ну да. Да, конечно.

Макинтайр стал торопливо собирать свое имущество. Когда он взялся за катушки на палочках, мисс Феллоуз спросила:

— Вы не оставите нам одну?

— Хотите сами провести с ним тест?

— Мне ваши тесты ни к чему, доктор. Я и так вижу, что он умный мальчик. Но ему понадобятся игрушки, вот с этой и начнем.

Макинтайр снова вспыхнул. Как он легко краснеет, подумала мисс Феллоуз.

— Ну конечно, берите.

— И кстати о книгах, доктор Макинтайр, — не подберете ли вы мне что-нибудь о неандертальцах? Два-три пособия, чтобы я могла получить самые элементарные сведения, которые мне никто не потрудился дать? Не обязательно популярные — я вполне могу читать научную литературу. Меня интересует, как жили неандертальцы, чем они питались, что нам было известно о них до сих пор. Это возможно?

— Завтра же пришлю вам все, что нужно. Но должен вас предупредить, мисс Феллоуз, — нам почти ничего неизвестно о неандертальцах, мы как раз собираемся узнать все у Тимми в рамках этого проекта.

— Всему свое время. — Она усмехнулась. — Не терпится за него взяться, да?

— Ну еще бы.

— Что ж, боюсь, придется запастись терпением. Я не дам вам мучить ребенка. Мы и так уж сегодня утомили его визитами — больше этого не повторится.

Смущенный Макинтайр криво улыбнулся и пошел к выходу.

— Да, доктор, когда будете подбирать для меня книги...

— Да?

— Хорошо бы найти такую, где рассматриваются родственные связи между неандертальцем и человеком — то есть современным человеком. В чем различие, в чем сходство. Эволюционная схема, как мы ее понимаем. Это меня больше всего интересует. — Глаза мисс Феллоуз сердито вспыхнули. — Они ведь люди, правда, доктор Макинтайр? Немного не такие, как мы, но разница не так уж велика. Правда?

— Да, это в общем-то верно, хотя...

— Нет. Никаких «хотя». Никакие они не обезьяны — это я уже знаю. Тимми — не какое-нибудь там недостающее звено. Он маленький человек. Заранее спасибо за книги, доктор Макинтайр. До скорого свидания.

Палеонтолог ушел. Рев Тимми сразу же перешел в неуверенное нытье, а потом и совсем затих.

Мисс Феллоуз взяла его на руки. Он, весь дрожа, прижался к ней.

— Да, — ласково сказала она. — Да-да-да, день был трудный. Слишком трудный. А ты ведь еще малыш. И совсем один на свете.

Потерявший свой дом, потерявший все, что близко и дорого.

— Были ли у тебя братья и сестры? — спросила мисс Феллоуз, не ожидая, конечно, ответа, просто успокаивая мальчика ласковой интонацией. — Какая у тебя была мать? Какой отец? А друзья, с которыми ты играл? Никого не осталось. Никого. Наверное, они уже кажутся тебе сном. Долго ли еще ты будешь помнить их, хотела бы я знать?

Потерянный малыш. Мой малыш.

— Как насчет теплого молочка? — сказала она. — А потом, пожалуй, надо лечь спать.

Интермедия третья

У СЛИЯНИЯ ТРЕХ РЕК

Ночью Серебристому Облаку приснилось море.

Во сне он снова был мальчиком, всего на пару лет постарше Меченого Небесным Огнем, которого Богиня унесла в вихре света. Он стоял у кромки моря, чувствуя на губах странный мокрый ветер. С ним были отец и мать, Высокое Дерево и Прекрасный Цветок, и они держали его за руки, осторожно подталкивая к воде.

— Нет! — говорил он. — Оно холодное. Я боюсь.

— Оно не причинит тебе вреда, — сказал Высокое Дерево.

Но это была неправда. Никто никогда не входил в море. Это знал каждый ребенок, только научившийся понимать. Море убивало. Море мигом отнимет жизнь и выбросит тебя на берег, пустого и тихого. Только в прошлом году один воин, Добытчик Пяти Мамонтов, поскользнулся на заснеженном утесе и упал в море, а когда его вскоре вынесло на берег, он был мертв, и его похоронили в расщелине скалы неподалеку от места, где он упал, и всю ночь пели погребальные песни и жгли разноцветные костры. А теперь родные отец и мать ведут его, Серебристое Облако, в море. Они хотят, чтобы он умер так же, как Добытчик Пяти Мамонтов? Он им надоел? Почему они так поступают?

— Море сделает тебя сильным, — сказала Прекрасный Цветок. — Море сделает тебя мужчиной.

— Но Добытчик Пяти Мамонтов умер в нем!

— Потому что пришло его время. Море позвало его и взяло к себе. Но тебе еще не время умирать, мальчик. И тебе нечего бояться.

Так ли это? Можно ли им верить?

Ведь это отец и мать. Зачем им нужно, чтобы он умирал?

Серебристое Облако крепко сжал их руки и сделал вместе с ними шаг вперед, к самому краю моря.

Никогда еще он не подходил к нему так близко, хотя их племя издавна жило на приморской равнине, кочуя по берегу вслед за дичью. И теперь он смотрел на море с любопытством и страхом. Оно лежало перед ним как огромный, могучий плоский зверь, темный и блестящий. От него шел рокот, а по краю оно дробилось и вздувалось белой пеной. Там и сям вода взмывала высоко в воздух и разбивалась о прибрежные камни. Раньше Серебристое Облако, стоя на утесе вроде того, с которого сорвался Добытчик Пяти Мамонтов, иногда смотрел далеко в море и видел там красивых зверей, плавающих между льдинами. Звери были не такие, как сухопутные мамонты, овцебыки и носороги — они были гладкие и блестящие и плавали в море легко, как птицы летают в воздухе.

Прошлой весной один такой морской зверь вышел на берег, и охотники напали на него и убили, и в племени был большой пир. Какое нежное было мясо! Какое необыкновенное! А толстый мех такой чудесный, мягкий-мягкий. Высокое Дерево сделал из этого роскошного темного меха плащ Прекрасному Цветку, и она с гордостью носила его по праздникам.

Может, теперь они собираются отдать его морю в обмен на тот мех? Может, так?

— Еще шаг, мальчик, — сказал ему Высокое Дерево. — Не бойся.

Серебристое Облако посмотрел на отца — тот улыбался.

Придется довериться отцу. Серебристое Облако ступил вперед, крепко держа родителей за руки, и край моря охватил его лодыжки. Мальчик ожидал, что вода будет холодной, но нет — она была теплой, она жгла, как огонь. Потом он перестал чувствовать жжение. Море отхлынуло и вернулось, выше прежнего, покрыло его колени, бедра, живот. Высокое Дерево и Прекрасный Цветок шли все дальше, ведя его за собой. Дно моря было мягкое, как мех морского зверя, и словно шевелилось под ногами.

Мальчик уже вошел в море по грудь, и оно грело его, как теплое одеяло.

— Ты еще чувствуешь ногами дно? — спросил Высокое Дерево.

— Да. Да.

— Хорошо. Теперь нагнись. Погрузи голову в море. Омой морем лицо.

Серебристое Облако послушался. Море сомкнулось над ним, словно покрыло снежным пологом. Снег тоже перестает быть холодным, когда зароешься в него поглубже. Он начинает греть, как огонь, а если останешься в нем надолго, то уснешь, будто укрытый теплой полостью. Одна девочка постарше его рассказывала, что видела, как старушку из их племени, у которой ноги не стали ходить, а глаза — видеть, увели и положили в снег. Она закрыла глаза и отошла ко сну — так мирно и спокойно.

Вот так и я усну сейчас в море, подумал Серебристое Облако, пришел мой конец. Но смерть почему-то уже не пугала его. Он поднял голову — посмотреть, окунулись ли отец с матерью тоже, но их не оказалось рядом, к его удивлению. Их нигде не было видно. Он был совсем один. Издалека донесся голос отца:

— Теперь выходи из моря, мальчик. Повернись и выходи на берег.

Да. Так он и сделает.

Он пошел к берегу, чувствуя, как с каждым шагом меняется его тело. Он все рос — и ввысь, и вширь, и понял, что превращается в мужчину, с каждым мигом становится старше. Плечи раздавались, грудь выпячивалась колесом, ноги обрастали мясом и крепли. Он ступил на каменистый берег воином в расцвете сил и глянул на свое нагое тело — это было тело мужчины, темное и волосатое. Он засмеялся. Он потер грудь и похлопал себя по ляжкам. Вдали виднелись огни стойбища, и он побежал к ним, чтобы всем рассказать, какое диво с ним случилось.

Но на бегу с ним происходило не менее странное: он продолжал стареть с каждым шагом. Время держало его крепко и не хотело отпускать. Детство он оставил в море и вышел в расцвете мужества — а теперь он задыхался, потом стал ловить ртом воздух и бежал уже трусцой, а там перешел и на шаг. Потом захромал и стал спотыкаться — что-то сделалось с левым бедром, вся нога отказывала и болела. Он взглянул на нее — она была вся в крови, словно зверь разодрал ее когтями. Да, вспомнил Серебристое Облако, мы охотились, и снежный барс бросился на меня сверху.

Как трудно стало идти. Как я стар и как устал. Не могу больше держаться прямо. И все волосы на теле поседели.

Все у него теперь болело. Он чувствовал, как уходит из него сила. Какой странный, тревожный сон! Сначала мальчик вошел в море, потом вырос и быстро состарился, и вот он умирает в чужом краю далеко от моря, где земля холодная и твердая и дует сухой ветер, и нет никого из близких вокруг. Где Высокое Дерево, где Прекрасный Цветок — где Серебристое Облако?

— Помогите, — закричал он во сне и сел. — Море убило меня! Море... море...

Рядом кто-то был. Он моргнул и приоткрыл глаза. Около него на коленях стояла Ведунья и с беспокойством смотрела на него. Серебристое Облако попытался овладеть собой. Он трясся, как больная старуха, и грудь у него тяжело вздымалась. Никто не должен видеть его таким — никто. Вождь нашарил свой посох, оперся на него и неловко встал.

— Сон, — пробормотал он. — Дурной сон. Надо сейчас же принести жертву. Где жрица? Найди мне жрицу!

— Она ушла. Ушла приводить в порядок алтарь.

— Какой алтарь? Где?

— У Трех Рек. Что с тобой, Серебристое Облако? Ты как будто все позабыл.

— Это из-за сна. — Он шагнул вперед, опираясь на посох. В голове понемногу прояснялось. Внизу, в долине, сливались три реки.

Да. Долгое паломничество, повернувшее племя вспять, завершилось. Они разбили стан на длинном пологом плато, которое спускалось к долине Трех Рек. В туманном рассветном сумраке Серебристое Облако различал эти реки — самая большая неспешно текла с севера, неся на себе обильный груз льда, а две более узкие и быстрые речки впадали в нее под острым углом с востока и запада.

В прошлом году — а казалось, что давным-давно — они стояли здесь много недель, и это было голодное время, пока Богиня не сотворила чуда и не послала им стадо северных оленей, тоже до того обессиленных голодом, что охотникам легко удалось отогнать десяток к обрыву. Какая прекрасная добыча им досталась! В благодарность они построили Богине у слияния рек великолепный алтарь из самых больших глыб, какие только смогли поднять, и украсили его особенным блестящим камнем, который откалывали от скалы тонкими пластами. А потом двинулись дальше, продолжая свой долгий путь на восток.

И вот они вернулись сюда.

— Я не вижу там жрицы, — сказал вождь Ведунье.

— Она должна быть у алтаря.

— Я вижу алтарь, но не вижу жрицы.

— Твои глаза уже никуда не годятся, Серебристое Облако. Дай-ка я посмотрю. — Ведунья стала впереди него, глядя в покрытую туманом долину.

— Да, ты прав, ее там нет, — озабоченно сказала она. — Должно быть, уже возвращается. А говорила, что проведет там все утро, молясь и очищая алтарь.

— Серебристое Облако! Серебристое Облако!

— Жрица? Что с то...

Жрица бегом поднималась по тропе, ведущей из долины. Лицо ее пылало, одежды сбились, и она так тяжело дышала, будто всю дорогу так и бежала бегом.

— Что? Что такое, жрица?

— Чужие!

— Где?

— Повсюду вокруг алтаря. Я их не видела, но их следы везде. Длинные ступни — я их знаю. Они везде на мокрой земле. Следы свежие, Серебристое Облако. Их там внизу полно. Мы пришли в самую гущу Чужих!

Глава 5

НЕПОНИМАНИЕ

22

— Ну, как там наш мальчик? — спросил Хоскинс, зайдя к ним на следующее утро.

— Почему бы вам самому не посмотреть, доктор?

Хоскинс ответил шутливо, но с долей раздражения:

— А почему вы все время называете меня «доктор»?

— Потому что вы доктор, насколько я знаю, — сказала она, вспомнив горделивого «доктора физ. наук» на табличке в его кабинете.

— У меня степень по физике, вот и все.

— Степень есть степень.

— А вы привыкли обращаться к своим шефам «доктор», верно? Особенно к мужчинам?

Мисс Феллоуз опешила. Да, Хоскинс попал в точку: все руководящие лица в больницах, где она работала, имели степень по медицине. Большинство, хотя и далеко не все, были мужчинами. И у нее вошло в привычку вставлять «доктор» в каждую фразу при разговоре с теми, кому она подчинялась.

Ее муж тоже был доктором — доктором физики, как и Хоскинс. Интересно, если бы их брак продержался подольше, она бы и его тоже называла доктором, как Хоскинса? Странная мысль. Она теперь редко вспоминала о муже: самый факт ее замужества, того, что у нее был муж, казался ей чем-то далеким и неправдоподобным. Ведь это было так давно и длилось так недолго.

— А как бы вы хотели, чтобы я вас называла? — спросила она. — Мистер Хоскинс?

— Здесь почти все зовут меня «Джерри».

— Нет, я не смогу.

— Не сможете?

— Это неудобно.

— Неудобно, — задумчиво повторил Хоскинс. — Неудобно называть меня «Джерри». — Он внимательно присмотрелся к мисс Феллоуз, точно видел ее впервые, и его широкая физиономия расплылась в приветливой улыбке. — Экие у вас официальные манеры. Я и не предполагал, насколько официальные. Хорошо: можете по-прежнему звать меня «доктор Хоскинс», если вам так удобнее. А я буду звать вас «мисс Феллоуз».

К чему это он? Уж не собирался ли он перейти на «Эдит»?

Так ее никто не называл. Почти никто: и пяти человек на всем свете не наберется. А так она была «мисс Феллоуз» даже для себя самой, когда думала о себе в третьем лице, что случалось нечасто. Просто привычка — она над этим никогда не задумывалась. Но теперь ей пришло в голову, что думать так о себе очень странно. Это слишком строго, слишком чопорно. Кажется, я с годами стала чудаковатой, сама того не заметив, подумала она.

Хоскинс продолжал смотреть на нее с улыбкой.

А ведь он очень милый, вдруг осознала она, очень симпатичный. Раньше она этого тоже не замечала. В предыдущие их встречи он представлялся ей собранным, сдержанным, неуступчивым — лишь изредка проглядывало в нем нечто человеческое. Но, возможно, таким его делало напряжение последних дней перед экспериментом; теперь же, когда изъятие из времени состоялось и успех проекта обеспечен, Хоскинс отошел, помягчел, вернулся к своему обычному состоянию. И оказался очень славным.

Мисс Феллоуз вдруг стало интересно, женат Хоскинс или нет.

То, что она хоть на миг позволила себе такую мысль, удивило и смутило ее. Ведь он же говорил ей недавно, что у него есть сын. Маленький мальчик, который едва научился ходить.

Конечно же, Хоскинс женат. Конечно же. Что это взбрело ей в голову? Мисс Феллоуз в ужасе отогнала от себя неподобающую мысль и позвала:

— Тимми! Тимми, иди сюда!

Мальчик, как и Хоскинс, пребывал в жизнерадостном, общительном настроении. Он хорошо выспался, хорошо поел и сейчас выскочил из спальни, нисколько не стесняясь Хоскинса — наоборот, храбро подошел к директору и защелкал.

— Вы думаете, он говорит что-то, мисс Феллоуз? Не просто издает звуки, чтобы послушать самого себя?

— А как же иначе, доктор? Вот и доктор Макинтайр спрашивал у меня то же самое, когда услышал Тимми. Как можно сомневаться в том, что это язык — к тому же весьма сложный?

— Доктор Макинтайр очень консервативен и не делает поспешных выводов.

— Я тоже не делаю. Однако это настоящий язык — или я уж не знаю, как люди разговаривают.

— Будем надеяться, мисс Феллоуз. Непременно будем надеяться. Если мы не найдем способа общаться с Тимми, вряд ли затраты по его доставке оправдают себя. Мы, естественно, хотим, чтобы он рассказал нам о своем мире все, что возможно.

— Расскажет, доктор. Не на своем языке, так на нашем. Мне сдается, он выучит наш язык задолго до того, как мы с вами освоим неандертальский.

— Возможно, вы и правы, мисс Феллоуз. Время покажет, не так ли? Время покажет. — Хоскинс присел, чтобы сравняться с Тимми, ухватил мальчика за ребрышки и легонько пощекотал — видно было, что он умеет обращаться с детьми. Тимми это понравилось. — Крепкий какой парнишка. Сильная порода. Значит, английский будем учить, да, Тимми? А потом ты продиктуешь нам книжку о жизни в палеолите, и все захотят ее прочесть, и она станет первоклассным бестселлером — вот и оправдаешь наши капиталовложения, а, Тимми? — Хоскинс посмотрел на мисс Феллоуз. — Нет нужды говорить вам, сколько всего зависит от этого мальчика. Дело не только в деньгах, но и в будущем нашей научной работы.

— Да, я представляю себе.

Хоскинс потрепал Тимми за вихры и встал.

— Годами мы работали на нищенском бюджете, собирая свои фонды с миру по нитке. Вы не поверите, во что обходится энергия, необходимая для поддержания одного-единственного мгновения стасиса — ее хватило бы, чтобы снабжать большой город несколько дней. И энергия — лишь часть наших расходов. Мы уже раз десять были на грани краха. Чтобы спастись, нам пришлось вложить все силы в одно большое шоу. Все или ничего. А когда я говорю «все силы», это что-нибудь да значит. И Тимми нас спас. Он прославит «Стасис текнолоджиз». Мы на коне, мисс Феллоуз, на коне!

— А я думала, вы уже прославились, когда доставили сюда маленького динозавра.

— Мы тоже так думали. Но он как-то не захватил воображения публики.

— Как? Динозавр?

— Ну, добудь мы взрослого бронтозавра или леденящего кровь тираннозавра, это бы еще ничего, — засмеялся Хоскинс. — Но вы же знаете, что нам связывает руки предельная масса груза. Не говоря уж о том, что мы не сумели бы управиться с тираннозавром. Надо будет сводить вас на днях посмотреть нашего малыша.

— Да, хорошо бы.

— Он очень милый.

— Милый? Это динозавр-то?

— А вот увидите сами. Славный такой динозаврик. К несчастью, публику милашки-динозаврики не очень волнуют. «Как интересно, — говорят люди, — ученые взяли из доисторического времени маленького динозавра». А потом они видят этого динозавра в телевизоре и теряют к нему всякий интерес — он ведь не вдвое выше дома и огонь не изрыгает. Но мальчик-неандерталец, настоящий доисторический человек — это существо, пусть и непохожее на нас, но все же такое, с которым каждый может себя отождествить и которому каждый посочувствует. В нем наше спасение. Слышишь, Тимми? Ты — наш спаситель. Если бы эта затея провалилась, мне пришел бы конец. Это уж точно. Как и всей нашей корпорации.

— Понимаю.

— Ну, теперь-то все в порядке. Скоро у нас будет много денег — со всех сторон обещают. Все прекрасно, мисс Феллоуз. Лишь бы Тимми был здоров и весел, да еще обучить бы его парочке фраз: «Здравствуйте, я Тимми из каменного века...»

— Или что-то в этом роде, — сухо сказала мисс Феллоуз.

— Да, что-то в этом роде. Главное — чтобы он был здоров и весел. Если с ним что-нибудь случится, мисс Феллоуз, я за нас и гроша ломаного не дам. Так что вы становитесь центральной фигурой всего предприятия, понимаете? От вас зависит создать для Тимми благоприятную, здоровую атмосферу. Ваше слово — закон: что Тимми понадобится, то он и получит. Вчера вы были совершенно правы, не разрешив репортерам накинуться на него так рано.

— Спасибо.

— Однако, как вы понимаете, пресс-конференцию все же придется провести как можно раньше — в наших общих интересах поскорее разрекламировать эксперимент с Тимми. — И Хоскинс вдруг утратил часть своего обаяния, вновь превратившись в должностное лицо, которое говорит «положитесь на меня», но полагаться на него не хочется.

— Значит ли это, что вы намерены привести их сегодня? — холодно осведомилась мисс Феллоуз.

— Ну, если вы считаете, что он готов...

— Нет, не считаю. Пока нет.

— Ваше слово — закон. — Хоскинс провел языком по губам. — Вы сами скажете когда.

— Хорошо.

— А заранее не сможете сказать, хотя бы примерно? Что, если мы соберем пресс-конференцию завтра? Или послезавтра?

— Давайте подождем, доктор, хорошо? Пока я просто не хочу подвергать Тимми такому стрессу. Он еще, так сказать, не отдышался, не пришел в себя — или как там еще говорится. Он сделал большие успехи по сравнению с первоначальным паническим состоянием, но в любой миг может превратиться в то дикое, перепуганное существо, которое вы видели в первый вечер. Даже доктор Макинтайр через некоторое время вывел его из терпения.

— Нельзя же бесконечно отказывать прессе, мисс Феллоуз, — забеспокоился Хоскинс.

— Я не говорю, что бесконечно. Я говорю о нескольких днях. Два, три, четыре дня — вы позволите мне самой судить, доктор Хоскинс? Ведь мое слово — закон?

— Закон, — не слишком воодушевленно подтвердил Хоскинс и, помолчав, спросил: — Вы ведь не выходили из зоны стасиса с той первой ночи, мисс Феллоуз? Ни на минуту?

— Нет! — с негодованием ответила она. — Я знаю свои обязанности, доктор Хоскинс, и если вы думаете...

— Что вы, мисс Феллоуз. — Он с улыбкой вскинул ладонь. — Я ничего такого не хотел сказать. Я к тому, что мы вовсе не собираемся держать вас взаперти с мальчишкой круглые сутки и без выходных. Конечно, в первые критические дни лучше было находиться при нем безотлучно — я так и сказал при собеседовании, что для начала вам придется дежурить постоянно. Но Тимми как будто отлично адаптируется, и вам нужно будет составить свой распорядок дня, включив туда время отдыха. Мисс Стретфорд будет подменять вас сначала на часок, а там, глядишь, и на целый день.

— Как скажете.

— Что-то не вижу энтузиазма, мисс Феллоуз. Не знал, что вы такой трудоголик.

— Это не совсем верно. Просто Тимми сейчас в ужасно шатком состоянии. Он сбит с толку, одинок, оторван от близких — и очень нуждается в любви и в защите, пока не свыкнется с тем, что с ним сталось. Не хотелось бы оставлять его — даже ненадолго.

— Похвально, похвально. Но теперь, когда самое трудное позади, вам надо понемногу начинать выходить, хотя бы на короткое время.

— Если вы так считаете, доктор...

— Да, думаю, так будет лучше. Для вашей же пользы, мисс Феллоуз. Надо дать себе передышку. И потом, я бы не хотел, чтобы Тимми целиком и полностью зависел от вас. Кто знает, какие чувства может породить в нем ваша неотлучная забота. Что, если вам вдруг необходимо будет выйти, а мальчик этого не перенесет? Создалась бы нездоровая обстановка, вы не находите?

— Да, здесь вы правы, — кивнула мисс Феллоуз.

— Вот и хорошо. Проведем небольшой эксперимент? Вызовем мисс Стретфорд и оставим ее с Тимми на пару часов, а сами пойдем на экскурсию — я покажу вам все наше хозяйство.

— Ну-у...

— Не хочется, да? Послушайте, мы дадим вам вызывное устройство. Если у мисс Стретфорд возникнет хоть малейшая проблема, вы вернетесь сюда в течение пяти минут. Положитесь на меня.

— Ну хорошо, — смягчилась мисс Феллоуз. Приходилось признать, что Хоскинс рассуждает здраво. Теперь, когда она помогла Тимми пережить первые два дня, не мешало бы проверить, как он сумеет выдержать ее недолгое отсутствие. — Я согласна попробовать. Покажите мне вашего динозавра.

— Все покажу. И флору, и фауну, и минералы. — Хоскинс взглянул на часы. — Даю вам... ну, скажем, полтора часа, чтобы вы закончили здесь все дела и дали указания мисс Стретфорд. Потом зайду за вами и поведу вас на экскурсию.

— Дайте лучше два часа, — прикинула мисс Феллоуз.

— Два? Прекрасно. Буду здесь ровно в одиннадцать, так что не прощаюсь. Итак, никаких проблем?

— Нет. Мне прямо не терпится все посмотреть. Ты сможешь ненадолго обойтись без меня, правда, Тимми?

Малыш защелкал.

— Видите, доктор? Он понимает, что я задаю ему вопрос, и отвечает, хоть и не знает, о чем я спросила. У него умная головка.

— Ну еще бы. — Хоскинс кивнул, улыбнулся и вышел.

Мисс Феллоуз напевала себе под нос, управляясь с утренними делами. Она сказала правду — ей не терпелось выйти из стасисной зоны. Как ни дорог был ей Тимми, разрядка тоже требовалась.

А может, ей просто хочется побыть в обществе Хоскинса?

Право же — смешно, конечно, так думать, но она как будто идет на свидание.

У него маленький сын, сурово одернула себя мисс Феллоуз. Значит, и жена наверняка есть — молодая и красивая.

И все-таки к приходу Хоскинса она сменила свою сестринскую форму на платье. Платье, разумеется, было строгое — других у мисс Феллоуз не водилось, — но она уже много лет не чувствовала себя такой женственной.

Хоскинс сделал ей вежливый комплимент, который она приняла также согласно правилам хорошего тона, подумав, что это превосходное вступление. И спохватилась: вступление к чему?

23

Мисс Феллоуз попрощалась с Тимми, заверив его, что скоро вернется. Договорилась с мисс Стретфорд, что́ и когда дать ему на ленч. Молодой санитарке было немного страшновато оставаться наедине с Тимми. Ее, правда, успокаивало то, что Мортенсон будет поблизости на случай осложнений. Мисс Феллоуз убедилась, что эту женщину больше беспокоит, не начал бы Тимми буянить, чем то, как он будет чувствовать себя под ее опекой. Возможно, ее лучше перевести на другую работу, но пока делать нечего — придется оставить Тимми на нее. Сигналка в сумочке быстро оповестит мисс Феллоуз, если что-то пойдет неладно.

Они с Хоскинсом вышли. У Тимми вырвался один-единственный всхлип, выражавший не то удивление, не то отчаяние.

— Не волнуйся, Тимми! Я вернусь! Вернусь!

Ей просто необходима разрядка. Чем скорее, тем лучше — и для мальчика, и для нее.

Хоскинс вел ее куда-то вверх по бесконечным ярко освещенным переходам, по гулким сводчатым залам и мрачным железным лестницам — она уже проходила здесь в ночь прибытия Тимми, но казалось, это было так давно, что вспоминалось скорее как сон, чем как происходившее на самом деле. Вскоре они вышли наружу, зажмурились от сияния ясного, золотого дня и нырнули в другой корпус амбарного вида, точно такой же, как тот, где находилась стасисная зона Тимми

— Это наша старая стасисная лаборатория, — сказал Хоскинс. — Отсюда-то все и начиналось.

Снова контрольно-пропускные пункты, снова гремучие лестницы, затхлые переходы и унылые сводчатые залы. Наконец они добрались до старой лаборатории, гораздо более оживленной, чем новая. Здесь сновали туда-сюда мужчины и женщины в белых халатах с папками, бумагами, дискетами в руках. Хоскинс многих окликал по имени, ему отвечали тем же. Мисс Феллоуз коробило от такой фамильярности.

Но ведь здесь не больница, сказала она себе. Они здесь просто служащие — это совсем другое.

— Фауна, флора, минералы, — сказал Хоскинс. — Как обещал. Фауна у нас вот здесь — это самые примечательные наши экспонаты. После Тимми, конечно.

Отсек был поделен на многочисленные камеры, в каждой из которых помещался стасисный пузырь чуть поменьше того, в котором жил Тимми. Хоскинс повел мисс Феллоуз к одному из смотровых окошек, и она заглянула внутрь.

Увидела она там, как ей поначалу показалось, хвостатого чешуйчатого цыпленка. Он нервно и возбужденно носился на двух тонких ножках от стены к стене, поглядывая по сторонам. Однако цыпленок этот был необыкновенный: вместо крыльев у него по бокам болтались две ручонки с когтями наподобие пальцев, которые все время сжимались и разжимались. Глаза светились нездешним алым огнем, а маленькую изящную головку венчал костяной гребешок вроде петушиного, только ярко-голубой. Тело, зеленое в более темную полоску, отливало чешуйчатым блеском, как у рептилии. Тонкий змеиный хвост нервно вихлялся из стороны в сторону.

— А вот и наш динозавр, — сказал Хоскинс. — Наша гордость и утеха — после Тимми.

— Динозавр? Вот это?

— Я же говорил вам, что он маленький. Вы бы хотели, чтобы он был гигантом, да, мисс Феллоуз?

— Наверное, — усмехнулась она — Это же естественно. Когда речь заходит о динозаврах, все сразу представляют себе нечто громадное. А этот совсем крошечный.

— Мы за таким и охотились, уверяю вас. Представьте, что получилось бы, если бы в стасис свалился, скажем, взрослый стегозавр и начал бы топотать по лаборатории. Впрочем, и в шести округах не набралось бы столько энергии, чтобы создать стасисное поле для этакой громадины. И технология перемеще-

ния значительных масс у нас недостаточно разработана, будь даже нужное количество энергии.

Мисс Феллоуз продолжала смотреть, чувствуя на спине холодок. Подумать только — живой динозавр! Фантастика!

Но до чего же крошечный — просто какая-то ощипанная птичка или редкая ящерица...

— Почему же он динозавр, если он такой маленький?

— Величина — не главный фактор, мисс Феллоуз. Динозавром животное делает строение скелета, тазовых костей в основном. У современных рептилий конечности растут вбок, вот так. Вспомните, как передвигается крокодил или ящерица. Они скорее переваливаются, чем шагают, верно? И нет таких крокодилов, которые ходили бы на задних лапах. А у динозавров строение таза такое же, как у птиц. Всем известно, что многие динозавры передвигались на двух ногах — как страусы, например, или длинноногие болотные птицы, — да и у нас ноги приделаны к туловищу тем же манером. Даже у четвероногих динозавров, которые держались поближе к земле, ноги растут из таза прямо, а не в стороны, как у ящерицы. Это совершенно другая эволюционная модель — линия ведет от динозавров сначала к птицам, а потом к млекопитающим. Но родоначальники-ящеры вымерли. Единственными пресмыкающимися, пережившими Великий Мор в конце мезозоя, стали те, с другим строением таза.

— Понятно. Значит, динозавры были и большие, и маленькие. Просто наше воображение пленяют как раз большие.

— Верно. На них-то все и таращат глаза в музеях. Но многие виды ростом не превышали нескольких футов. Например, вот этот.

— *Теперь я понимаю, почему интерес к нему так быстро* остыл. Он не пугает. Не внушает трепета.

— У широкой публики интерес, может, и остыл. Но уверяю вас, мисс Феллоуз, для ученых этот парень — просто находка. Его исследуют день и ночь напролет и уже сделали несколько интереснейших открытий. Удалось, например, установить, что кровь у него не полностью холодная. Это подтверждает одну из самых спорных гипотез относительно динозавров. Не в пример современным рептилиям, наш динозавр умеет поднять температуру своего тела выше температуры окружающей среды. Нельзя сказать, чтобы метод, который он использует для этого, был совершенным, но само наличие такой способности вместе со строением скелета подтверждает существование прямой эволюционной линии, ведущей к птицам и млекопитающим. Существо, на которое вы смотрите, — один из самых отдаленных наших предков, мисс Феллоуз.

— Если так, то не нарушили ли вы процесс эволюции, забрав динозавра из его эры? А вдруг он — ключевое звено в эволюционной цепи?

— Боюсь, что эволюция — не такое простое дело, — засмеялся Хоскинс. — Нет, мы не рискуем нарушить эволюционный процесс. То, что мы все еще здесь после того, как извлекли этого парня из прошлого за миллион лет до нас, достаточное тому доказательство.

— Да, пожалуй. Это самец или самка?

— Самец, к сожалению. Сразу после его появления мы начали искать другого динозавра того же вида — вдруг окажется самкой. Но поиск иголки в стогу сена по сравнению с этим детская игра.

— А зачем вам самка?

Хоскинс с усмешкой ответил:

— Появился бы неплохой шанс получить оплодотворенные яйца и вывести динозавров прямо в лаборатории.

— Да, *конечно.* — *Мисс Феллоуз стало неловко за свой глупый* вопрос.

— А теперь перейдем вот сюда. Это секция трилобитов. Знаете, кто такие трилобиты, мисс Феллоуз?

Она не ответила, продолжая смотреть на маленького динозавра, который с надрывающим душу упорством бегал по своей тюрьме, от стенки к стенке. Перед тем как повернуть, он неизменно натыкался на стену и отскакивал от нее. Он был слишком глуп, чтобы понять, почему это нельзя все время бежать вперед и вперед, в сырые болота и знойные леса его родины.

Мисс Феллоуз подумала о Тимми, прикованном к своим комнатушкам.

— Я спросил, мисс Феллоуз, — знаете ли вы, кто такие трилобиты?

— Что? Ах да. Нечто вроде ископаемых омаров, мне кажется.

— Ну, не совсем. Это действительно ракообразные ископаемые, но на омаров они совершенно не похожи. Как не похожи, впрочем, ни на кого из ныне живущих существ. Когда-то они были доминирующей формой жизни на Земле, венцом творения. Было это полмиллиарда лет назад. Тогда трилобиты кишели повсюду, миллионами ползали по дну всех океанов. А потом вымерли — и никто не знает почему. Они не оставили после себя преемников, не передали никому своего генетического наследия. Жили, плодились и размножались, а потом исчезли, словно и не бывало, оставив нам огромное количество окаменелых останков.

Мисс Феллоуз заглянула в аквариум к трилобитам и увидела шесть или семь медлительных серо-зеленых существ трех-четырех дюймов длиной, копошащихся в иле. Нечто подобное можно наблюдать на морском берегу во время отлива. Узкое овальное твердое туловище делилось на три продольные части: центральная приподнята, а по бокам две доли поменьше, утыканные мелкими шипами. Огромные темные глаза фасеточные, как у насекомых. Один из трилобитов выпустил с боков два ряда крохотных ножек и медленно-медленно пополз по дну аквариума.

Венец творенья. Доминирующая форма жизни своего времени.

Человек в белом халате подкатил к ним тележку с каким-то сложным, незнакомым прибором, дружески поздоровался с Хоскинсом и улыбнулся мисс Феллоуз.

— Это Том Дуэйн из Вашингтонского университета, — сказал Хоскинс. — Один из наших трилобитчиков, а вообще-то ядерный химик. Том, познакомьтесь — это дипломированная медсестра Эдит Феллоуз, превосходная женщина, которая присматривает за нашим новеньким крошкой-неандертальцем.

Дуэйн опять улыбнулся ей, теперь уже как знакомой.

— Большая честь познакомиться с вами, доктор Феллоуз. Вам досталась работа не из легких.

— Просто мисс Феллоуз, — сказала она, стараясь, чтобы это прозвучало не слишком натянуто. — А что общего у химика-ядерщика с трилобитами, если не секрет?

— Я, собственно, занимаюсь не трилобитами как таковыми, а исследую химический состав воды, в которой их доставили.

— Том делает изотопные замеры растворенного в воде кислорода, — пояснил Хоскинс.

— А зачем?

— Это первобытная вода, — ответил Дуэйн, — ей по меньшей мере полмиллиарда лет, а то и все шестьсот миллионов. Изотопный анализ дает нам среднюю температуру тогдашнего океана — могу и подробнее объяснить, если хотите, — а зная температуру океана, мы можем вычислить и другие показатели древнего климата планеты. Во времена расцвета трилобитов океан покрывал почти всю Землю.

— Вот видите, мисс Феллоуз, Тому трилобиты ни к чему. Эта гадость только засоряет его драгоценную первобытную воду. Тем, кто изучает самих трилобитов, легче живется — знай вскрывай, всего-то и нужно, что скальпель и микроскоп. А бедняге Тому каждый раз приходится везти сюда масс-спектрограф

— Но почему? Разве нельзя...

— Нельзя. Ничего нельзя брать из стасисного пузыря, и это правило не обойдешь. Здесь все дело в балансе темпорального потенциала.

— Баланс темпорального потенциала, — повторила мисс Феллоуз, словно Хоскинс говорил по-латыни.

— Проблема сохранения энергии. Любой объект, путешествующий во времени, пересекает линии темпоральной энергии и накапливает потенциал. Внутри стасиса этот потенциал нейтрализуется — внутри стасиса мы и должны держать объект.

— Ага, — сказала мисс Феллоуз. Физика никогда не занимала большого места в ее образовании, она имела о ней самое смутное понятие. Возможно, так мисс Феллоуз отгораживалась от невеселых воспоминаний о своем замужестве. Бывший ее муж любил распространяться о поэзии, тайне, волшебстве и красоте, заключенных в физике. Возможно, в физике все это действительно есть — но мисс Феллоуз избегала задумываться над чем-либо, связанным с ее мужем.

— Ну что, пойдем дальше и оставим Тома с его трилобитами? — спросил Хоскинс.

В других опечатанных камерах содержались образцы первобытной флоры — чешуйчатые растеньица, причудливые и некрасивые, — а также лежали груды горной породы, на взгляд мисс Феллоуз ничем не отличавшейся от камней двадцать первого века. Это был ботанический и минеральный отдел коллекции. Фауна, флора и минералы, как и говорил Хоскинс, — здесь была впечатляюще представлена вся естественная история прошлого, причем у каждого экспоната имелся свой исследователь. Лаборатория напоминала музей — оживший музей, ставший центром активнейшей научной работы.

— И все это находится в вашем ведении, доктор Хоскинс?

— Непосредственно нет, мисс Феллоуз. У меня, благодарение небу, есть заместители. Мне и руководства корпорацией хватает выше головы.

— Но ведь вы не бизнесмен, — сказала она, вспомнив хвастливую табличку с «доктором физики». — Вы ученый, которого обстоятельства вынудили стать руководителем корпорации, ведь так?

— «Обстоятельства вынудили» — это вы верно сказали, — задумчиво кивнул он. — Начинал я как теоретик. Темой моей диссертации была природа времени, техника мезонного внутритемпорального поиска и тому подобное. Когда мы создали эту компанию, у меня и в мыслях не было возглавлять что-либо, кроме теоретических разработок. Но потом у нас возникли проблемы. Не технические — просто к нам явились банкиры и

высказали все, что они думают, о нашем способе вести дела. После этого в компании начались кадровые перестановки на высшем уровне. Одно к одному, приходят ко мне и говорят: «Будешь директором-распорядителем, Джерри, один ты можешь навести тут порядок», — и я был таким дураком, что поверил, ну а потом, — усмехнулся он, — я оказался за красивым столом красного дерева. Роюсь в бумажках, подписываю докладные, провожу совещания, указываю всем, что им надо делать. Минут десять в день остается на то, чтобы подумать о собственной научной работе.

Мисс Феллоуз вдруг ощутила к нему глубокое сочувствие. Она поняла наконец, в чем смысл той таблички с «доктором физики». Это не хвастовство. Хоскинс держит ее там лишь для того, чтобы напоминать самому себе, кто он на самом деле.

Как это грустно, подумала она.

— А если бы не ваши деловые обязанности, — спросила она, — чем бы вы тогда занялись?

— Темпоральными рейсами на короткие расстояния, точно знаю. Стал бы разрабатывать метод поиска объектов, которые находятся к нам ближе нынешнего предела в десять тысяч лет. Уже получены многообещающие предварительные результаты, но дальше мы пока не продвинулись. Не позволяют ресурсы — ни финансовые, ни технические, — задерживает график очередности, так что приходится пока ограничиваться достигнутым. Но если бы мы могли забросить наш ковш в историческую эпоху, мисс Феллоуз, — если бы могли проникнуть в фараоновский Египет, в Вавилон, в Древний Рим или Грецию...

Хоскинс не договорил. В одной из отдаленных секций поднялся шум, там звучал на повышенных тонах чей-то пронзительный голос. Хоскинс нахмурился, поспешно извинился и бросился туда.

Мисс Феллоуз, чуть ли не бегом, последовала за ним — ей не очень-то хотелось оставаться одной среди всего этого нагромождения ушедших веков.

Пожилой мужчина с седой бородкой, в обычном костюме, весь красный от гнева, спорил с молодым лаборантом в белом халате, украшенном красной с золотом монограммой «Стасис текнолоджиз».

— Мне нужно закончить исключительно важное исследование, — сердито говорил пожилой. — Понимаете вы или нет?

— Что тут происходит? — подоспел Хоскинс.

— Попытка выноса экспоната, доктор Хоскинс, — сказал лаборант.

— Из стасиса? — поднял брови Хоскинс. — Вы серьезно? Не могу поверить, доктор Адамевский.

Пожилой показал на ближайший стасисный пузырь. Мисс Феллоуз, проследив за его рукой, увидела там только небольшой лабораторный стол, на котором лежал ничем не примечательный камень, окруженный стеклянными бутылочками — очевидно, с реагентами.

— Мне еще многое нужно проделать, чтобы убедиться... — начал Адамевский.

— Доктор Хоскинс, — прервал его лаборант, — профессор Адамевский с самого начала знал, что этот образец медного колчедана пробудет здесь только две недели — и сегодня срок истекает.

— Две недели! — возмутился Адамевский. — Разве можно сказать заранее, сколько времени займут исследования? Что, Рентген открыл свои лучи за две недели? Или Резерфорд за две недели решил загадку атомного ядра?

— Но на этот экспонат выделялось только две недели, — настаивал лаборант. — И профессор это знал.

— Ну и что же? Я не мог тогда предугадать, что не сумею закончить свою работу в такой короткий срок. Я не предсказываю будущего, доктор Хоскинс. Две недели, три, четыре — главное, чтобы задача была решена, не так ли?

— Задача состоит в том, профессор, — сказал Хоскинс, — что наши возможности ограничены. Стасисных пузырей у нас не так много, а работы непочатый край. Так что экспонаты приходится постоянно менять. Ваш медный колчедан отправится туда, откуда был взят. На этот пузырь у нас записана целая очередь.

— Вот и пусть пользуются, — горячился Адамевский. — А я заберу свой экспонат и закончу работу у себя в университете. Затем сразу же верну вам образец.

— Вы же знаете, что это невозможно.

— Кусок медного колчедана! Камень весом три килограмма, не имеющий никакой ценности! Почему невозможно?

— Нельзя расходовать энергию! И вы это знаете. Ничего нового я вам не сказал, так что не надо, пожалуйста, притворяться.

— Все дело в том, доктор Хоскинс, — сказал лаборант, — что он хотел вынести образец тайком, а я чуть не проколол стасис, не зная, что профессор еще внутри.

Настало гробовое молчание.

Потом Хоскинс осведомился, холодно и официально:

— Это так, профессор?

— Не вижу ничего плохого... — смущенно начал Адамевский.

— Ах, ничего плохого? — Хоскинс потряс головой. Видно было, что он с трудом сдерживает гнев.

Рядом со стасисной камерой, где хранился колчедан профессора Адамевского, торчал красный рубильник. От него тянулся в камеру нейлоновый шнур. Хоскинс протянул руку и решительно дернул за рубильник.

У мисс Феллоуз захватило дух: вокруг камня вспыхнул яркий свет, на долю мгновения окружив его ослепительным красно-зеленым ореолом. Не успела мисс Феллоуз зажмуриться, как свет погас — а вместе с ним исчез камень. Исчез, как не бывало. Стол опустел.

— Что вы сделали... — в ярости и разочаровании ахнул Адамевский.

— Можете очистить камеру, профессор, — прервал Хоскинс. — Ваше разрешение на работу в стасисе аннулируется.

— Подождите. Вы не можете...

— Извините, профессор, могу. И сделаю. Вы нарушили самый строгий наш запрет.

— *Я обращусь в международную ассоциацию...*

— Обращайтесь куда хотите. И увидите, что в подобном случае никто не заставит меня изменить свое решение. — Хоскинс, оставив профессора протестовать попусту, подчеркнуто повернулся к мисс Феллоуз. Она наблюдала за всей этой сценой с возрастающей неловкостью, надеясь, что ее сигналка сработает и даст ей предлог уйти.

Хоскинс весь побелел от гнева.

— Сожалею, что нам пришлось прервать экскурсию столь неприятным образом, мисс Феллоуз. Но иногда подобное случается. Если хотите посмотреть еще что-нибудь... если у вас есть вопросы...

— С вашего разрешения, доктор, — по-моему, я видела достаточно. Пора, пожалуй, вернуться к Тимми.

— Но вы ведь вышли всего...

— Наверное, мне все равно пора.

Хоскинс в нерешительности шевельнул губами и наконец сказал:

— Может быть, вы свяжетесь с мисс Стретфорд и спросите, как там Тимми? И если все в порядке, задержитесь еще ненадолго? Я хотел бы пригласить вас на ленч, мисс Феллоуз.

24

Они направились в столовую компании и прошли в нишу, предназначенную для руководящего состава. Хоскинс расклонивался на все стороны и непринужденно представлял всем мисс Феллоуз, она же чувствовала себя крайне неловко.

«Что они подумают, увидев нас вместе?» — беспокоилась она и отчаянно старалась придать себе самый деловой вид. Сейчас она жалела, что сняла сестринскую форму. Форма была ее броней, форма демонстрировала миру профессию, а не личность.

В меню столовой никаких деликатесов не предлагалось. Салаты, сандвичи, фрукты, рогалики — вот и все. Это и к лучшему — мисс Феллоуз не привыкла к изысканным обедам, да еще в середине дня. Много лет проработав в больнице, она предпочитала столовскую пищу всякой другой. И сейчас поставила на поднос самое простое: зеленый салат с клубникой и апельсинами, пару ломтиков ржаного хлеба, бутылочку пахты. Сев за столик, она спросила Хоскинса:

— И часто у вас бывают такие случаи? Как с профессором?

— Это было нечто новенькое. Нам, конечно, часто приходится доказывать людям, что нельзя уносить с собой экспонаты по истечении установленного срока, но впервые кто-то попытался сделать это на самом деле.

— Могло бы произойти что-то ужасное с... э-э... с балансом темпорального потенциала?

— Совершенно верно, — сказал Хоскинс, довольный тем, что она правильно запомнила термин. — Мы, разумеется, постарались предусмотреть подобные случайности, и у нас имеются аварийные источники энергии, чтобы возместить утечку в случае изъятия объекта из стасиса. Но нам вовсе не улыбается израсходовать годовой запас энергии за долю секунды. Мы не можем себе этого позволить: случись такое, и нам придется на много месяцев остановить всю работу, пока не возместим издержки. Да еще, в довершение всего, сам профессор находился в камере в момент прокола стасиса.

— А с ним что могло произойти в таком случае?

— Мы проводили опыты с неодушевленными предметами — ну, и с мышами тоже. Все, что находится в пузыре в момент его прокола, исчезает.

— *То есть возвращается обратно в прошлое?*

— Очевидно. Все это, так сказать, уносит с собой объект, который мгновенно выталкивается в свое естественное время. Такова, во всяком случае, теория, и у нас нет оснований в ней сомневаться: объект, который возвращается на свое место в пространственно-временной матрице, создает вокруг себя такое мощное силовое поле, что захватывает все находящиеся вблизи. Ограничение массы действует, похоже, только в одном

направлении. Окажись в той камере с колчеданом слон — и его затянуло бы в прошлое вместе с камнем. Даже и думать не хочется, что сталось бы тогда с законом сохранения энергии.

— Но лабораторный стол остался на месте, — заметила мисс Феллоуз.

— Да, — усмехнулся Хоскинс. — И пол тоже, и окна. Некоторые ограничения все же существуют. Здание наши возвратные рейсы, как видите, не снесли. Поле не обладает достаточной силой для захвата того, что закреплено на месте. Оно уносит лишь то, что плохо лежит. Поэтому внутри стасиса у нас все к чему-то приделано, и это тоже стоит нам немалой возни.

— Но профессор ни к чему не был приделан.

— Вот именно. Этот идиот улетел бы со своим камнем прямо в плиоцен.

— Вот был бы ужас.

— Надо полагать. Я бы, впрочем, не стал его слишком оплакивать. Раз он такой дурак, что нарушает правила и в итоге оказывается в неподходящее время в неподходящем месте, то так ему и надо. Но в конечном счете пострадали бы мы. Представляете, какое дело раздули бы против нас?

— Но если бы он погиб из-за собственной неосмотрительности...

— Не будьте наивной, мисс Феллоуз. Десятки лет всевозможные идиоты в этой стране совершают неосмотрительные поступки, а их адвокаты всю ответственность вешают на других. Пьяный падает под поезд в метро, взломщик проваливается в люк на крыше и ломает шею, школьник цепляется сзади к автобусу и срывается — думаете, им не присуждают огромных сумм в возмещение ущерба? Наследники Адамевского заявили бы, что это мы допустили халатность, не убедившись перед проколом стасиса, что пузырь пуст. И суд согласился бы с ними, невзирая на то что профессору никак не следовало пробираться тайком в пузырь, чтобы украсть оттуда экспонат. Даже если бы мы выиграли процесс, мисс Феллоуз, — представляете, как бы эта история подействовала на общественное мнение, получи она только огласку? Симпатичный старый ученый погибает от несчастного случая в стасисе! Жуткие опасности, которыми грозит путешествие во времени! Неизвестно, чем еще оно чревато! А вдруг стасис можно использовать для создания смертоносных лучей? Что за ужасные эксперименты производятся за этой стеной? Запретить их! Запретить немедля! Понимаете? Нас бы моментально сделали монстрами в глазах публики, и все наши субсидии исчезли бы, как дым, — Хоскинс щелкнул пальцами и стал хмуро копаться вилкой в тарелке.

— А вернуть его нельзя было бы? — спросила мисс Феллоуз. — Тем же способом, каким сюда доставили камень?

— Нет. При возвращении объекта его координаты теряются, если не позаботиться о том, чтобы их сохранить. В данном случае этого не производилось — да мы, впрочем, вообще никогда не делаем этого. Нет необходимости. Чтобы найти профессора, пришлось бы вновь искать определенный объект в эпохе пятимиллионной давности — это все равно что закидывать удочку в бездну океана, надеясь выловить одну определенную рыбу. О Господи, просто взбеситься можно, как подумаешь, сколько предосторожностей приходится принимать во избежание подобных случаев. Каждый стасисный пузырь оборудован собственным устройством для прокола — это необходимо, поскольку каждый пузырь имеет определенную настройку и не должен зависеть от других. Так вот: прокол производится в самую последнюю минуту. Кроме того, мы намеренно устроили так, чтобы прокол нельзя было произвести иначе, чем опустив рубильник — вы видели, как я это сделал, да? — а рубильник предусмотрительно помещен за пределами стасиса. Его можно опустить, только приложив значительное физическое усилие — случайно этого не сделаешь.

— Значит, профессору Адамевскому пришлось бы остаться в этом, как его? В плиоцене?

— Иного выбора бы не было.

— А плиоцен был пять миллионов лет назад?

— Начался-то он почти за десять миллионов лет до нас. И продолжался миллионов восемь. Но тот камень был взят пять миллионов лет назад.

— Как вы думаете, долго бы профессор протянул там?

Хоскинс беспомощно воздел руки.

— Ну, климат там был не столь суров, как позднее, в ледниковый период, откуда явился ваш Тимми, и атмосфера, пожалуй, схожа с той, которой мы дышим сегодня — если исключить, разумеется, всю ту дрянь, что мы напустили в воздух за последние двести лет. Так что если Адамевский понимает что-нибудь в охоте и в сборе съедобных растений, что весьма сомнительно, то он какое-то время продержался бы. Я бы сказал — от двух недель до двух месяцев.

— А если бы он встретил там какую-нибудь плиоценовую женщину, и приглянулся бы ей, и она научила бы его добывать себе еду? — Потом у мисс Феллоуз зародилась еще более фантастическая мысль: — Он мог бы даже сойтись с ней, и у них появились бы дети — совершенно новая генетическая линия, в которой гены современного мужчины соединились бы с генами

доисторической женщины? Разве это не повлияло бы на весь ход истории? Мы подверглись бы большому риску, окажись профессор в прошлом, не так ли?

Хоскинс с трудом удержался, чтобы не прыснуть. Мисс Феллоуз вспыхнула.

— Я сказала что-то очень глупое, доктор?

— Глупое? — еле выговорил он. — Ну, это слишком грубо. Наивное, скорее. Мисс Феллоуз, ни одна женщина не поджидала в плиоцене нашего доктора Адамевского, чтобы зажить с ним своим домком. Для него бы там вообще не нашлось подходящей партии.

— Понятно.

— Я подзабыл уже подробности истории первобытного человека, которую раньше знал хорошо, но могу вам сказать точно: Адамевский не нашел бы там ничего похожего на гомо сапиенс. Лучшее, на что он мог бы надеяться, — это австралопитеки четырех футов ростом, поросшие шерстью с ног до головы. Человек в нашем понятии просто не появился еще в то время. И сомневаюсь, что даже столь страстный мужчина, как профессор Адамевский, — Хоскинс снова подавил взрыв смеха, — сумел бы настолько влюбиться в самку плиоценового гоминида, чтобы вступить с ней в сексуальные отношения. Разве что встретил бы плиоценовую Елену Троянскую — так сказать, обезьяну, ради которой снарядили тысячу кораблей...

— Да-да, я поняла, — чопорно сказала мисс Феллоуз, жалея, что завела этот разговор. — Но я и раньше, когда вы показывали мне динозавра, спрашивала вас, почему все эти перемещения во времени не влияют на ход истории. Я понимаю теперь, что профессор не смог бы создать семью в плиоцене, но если бы кто-то попал в такое время, когда люди уже существовали — ну, скажем, за двадцать тысяч лет назад...

— Ну что ж, тогда бы временна́я линия несколько нарушилась, — признал Хоскинс. — Но не думаю, чтобы слишком.

— Значит, стасис не может изменить историю?

— Теоретически, наверное, может. Практически нет — разве что случится нечто из ряда вон выходящее. Из стасиса постоянно что-то уходит — молекулы воздуха, пыль, бактерии. Десять процентов всей потребляемой нами энергии расходуется только на покрытие таких микропотерь. Перемещение крупных объектов во времени компенсируется аналогичным образом. Возьмем плиоценовый колчедан Адамевского. За те две недели, что камень лежал тут у нас, какая-нибудь, к примеру, букашка, которая могла бы под ним приютиться, не нашла себе приюта и погибла. Это действительно могло бы вызвать целую серию

перемен вдоль временно́й линии. Но согласно математическим законам стасиса подобные серии стремятся к пределу. Разница со временем сглаживается, и все возвращается в прежнее русло.

— Время само излечивает свои раны?

— Можно и так выразиться. Если изъять из прошлого человека или отправить человека туда, рана будет глубже. Если это средний человек, она все же затянется сама собой, согласно расчетам. А ведь нам пишет много народу, требуя доставить в наше время Авраама Линкольна, Магомета или Александра Великого. Наша техника пока недостаточно развита для этого, но даже будь она развита, вряд ли мы стали бы это делать. Если бы нам удалось закинуть свой невод в столь близкое прошлое и выловить оттуда человека, подобного названным мной, то изменение реальности, вызванное удалением одного из творцов истории, было бы слишком глубоким, чтобы пройти бесследно. Но можно вычислить, насколько серьезной будет ожидаемая перемена, и держаться в пределах безопасности.

— Значит, Тимми...

— Нет, тут нам нечего опасаться. Маленький мальчик, принадлежавший к подвиду человечества, который все равно вымрет в ближайшие пять—десять тысяч лет, вряд ли изменит историю из-за того, что попал в наше время. Здесь реальности ничто не угрожает. — Хоскинс бросил на нее острый взгляд. — Пусть вас это не волнует.

— Я и не волнуюсь. Просто пытаюсь понять, как здесь все устроено.

— Аплодирую вам за это.

Мисс Феллоуз отпила большой глоток пахты.

— Если нет никакого риска в том, что неандертальского ребенка взяли в нашу время, нельзя ли потом будет взять еще одного?

— Отчего же. Но нам, по-моему, и одного достаточно. Если Тимми поможет нам узнать все, что мы хотели бы знать...

— И все же неплохо было бы взять второго — не в научных целях, а чтобы Тимми было с кем играть.

— Что?

Эта идея вспыхнула в голове у мисс Феллоуз так же внезапно, как имя «Тимми» — импульс, озарение. Она и сама удивилась. Но раз начала, надо продолжать.

— На мой взгляд, Тимми — нормальный, здоровый во всех отношениях ребенок. Ребенок своего времени, разумеется, но на свой лад он незаурядный мальчик.

— Я того же мнения, мисс Феллоуз.

— Однако сейчас его нормальное развитие может нарушиться.

— Это почему же?

— Ребенку для развития нужны стимулы, а наш живет в одиночном заключении. Я сделаю все, что в моих силах, но я не смогу заполнить всю социальную матрицу. Проще говоря, доктор Хоскинс, ему нужен сверстник для игры.

Хоскинс медленно кивнул.

— Но Тимми, к несчастью, одинок. Бедный малыш.

Мисс Феллоуз не сводила с Хоскинса глаз в надежде, что верно выбрала момент.

— Нам бы еще одного маленького неандертальца, чтобы они жили вместе...

— Да, это было бы идеально, мисс Феллоуз. Но об этом не может быть и речи.

— Почему? — встревожилась она.

— При всем нашем горячем желании — хочу надеяться, что оно у нас есть. Чтобы найти еще одного неандертальца возраста Тимми, нужно невероятное везение — это очень малонаселенная эра, мисс Феллоуз. У неандертальцев нет большого города, в котором можно запустить наш ковш и утащить ребенка — и потом, нечестно было бы увеличивать риск, держа в стасисе еще одно человеческое существо.

Мисс Феллоуз отложила ложку и энергично, преисполненная новых мыслей, сказала:

— В таком случае, доктор Хоскинс, сделаем по-другому. Нельзя доставить другого мальчика-неандертальца — и не надо. Я, к слову сказать, не уверена, что справилась бы с двумя. Ну а если — попозже, когда Тимми адаптируется в современной жизни — если просто привести ему кого-нибудь поиграть?

— Как? Человеческое дитя? — опешил Хоскинс.

— Другого ребенка, — сердито ответила мисс Феллоуз. — Тимми — человек.

— Конечно — я просто не так выразился. Но разве это мыслимо?

— А что тут такого? Ничего страшного в своей идее я не нахожу. Вы изъяли ребенка из времени и сделали пожизненным узником. Разве вы не обязаны хоть что-то для него сделать? Доктор Хоскинс, если в нашем времени есть человек, который может считаться его отцом — в любом смысле, кроме биологического, — то это вы. Почему же вы не хотите сделать ради него такой малости?

— Отцом? — переспросил Хоскинс, несколько нетвердо поднимаясь с места. — Мисс Феллоуз, отведу-ка я вас обратно, если вы не против.

Они вернулись в кукольный домик, он же Первая секция стасиса, так и не нарушив обоюдного холодного молчания.

25

Макинтайр, как и обещал, прислал вскоре целую кипу книг о неандертальцах. Мисс Феллоуз тут же зарылась в них, будто снова училась в школе медсестер и через пару дней ей предстоял решающий экзамен.

Оказалось, что останки первого неандертальца нашли в середине девятнадцатого века рабочие известковой каменоломни близ Дюссельдорфа, в Германии, в долине реки Неандер — по-немецки «Неандерталь». Очищая глыбу известняка в пещере, на высоте шестидесяти футов над уровнем долины, рабочие обнаружили там человеческий череп, а потом и прочие кости.

Горняки отдали череп и кости местному школьному учителю, который отвез их в Бонн доктору Герману Шаафхаузену, известному анатому. Находка поразила Шаафхаузена. Череп имел сходство с человеческим, но многим от него и отличался: он был длинным, узким, с покатым лбом и чрезвычайно развитыми надбровными дугами. Найденные вместе с черепом бедренные кости были такими толстыми и тяжелыми, что едва походили на кости человека.

Но Шаафхаузен все же счел неандертальскую находку останками человека, жившего, однако, в глубокой древности. И в своем докладе на научной конференции в 1857 году назвал находку «древнейшим свидетельством о первых обитателях Европы».

Мисс Феллоуз посмотрела на Тимми, который возился с игрушкой в дальнем углу.

— Послушай только. «Древнейшее свидетельство о первых обитателях Европы». Он это сказал о ком-то из твоих сородичей, Тимми.

На Тимми это не произвело впечатления. Он что-то безразлично прощелкал и вернулся к своей игре.

Мисс Феллоуз стала читать дальше и вскоре удостоверилась в том, что смутно знала и раньше: неандертальцы, бесспорно древнейшие обитатели Европы, были все же далеко не самыми древними.

За неандертальской находкой последовали другие, обнаруженные в девятнадцатом веке в разных частях Европы — еще более древние скелеты человекоподобных существ с покатыми лбами, выпуклыми надбровными дугами и — еще одна характерная черта — со срезанными подбородками. Ученые, споря о

значении этих находок, вскоре сошлись на том (поскольку дарвиновская теория эволюции получила уже широкое применение), что экспонаты неандертальского типа — это останки полуживотного доисторического предка человека, стоящего в эволюционной таблице где-то на полпути между обезьяной и человеком.

— Полуживотного? — фыркнула мисс Феллоуз. — Это еще как посмотреть, правда, Тимми?

Но затем были найдены и другие виды ископаемого человека — на Яве, в Китае, в той же Европе, — которые были более примитивными, чем неандертальцы. А в двадцатом веке, с появлением более надежных методов датировки ископаемых, выяснилось, что неандертальцы занимали сравнительно недавнюю графу эволюционной таблицы. Яванскому и китайскому человеку было по крайней мере полмиллиона лет, а то и больше, неандертальцы же появились на сцене не ранее ста пятидесяти тысяч лет назад. Они обитали почти по всей Европе и на Ближнем Востоке в течение примерно сотни тысячелетий, процветая вплоть до тридцать пятого тысячелетия доисторической эры. А потом исчезли — их повсеместно сменил современный вид человека, существовавший, очевидно, уже тогда, когда появились первые неандертальцы. Видимо, современный вид тысячелетиями жил бок о бок с неандертальцами, мирно или не очень, а потом у этого вида произошел внезапный демографический взрыв, и он совершенно вытеснил другую разновидность человечества.

Существовало несколько различных теорий, объяснявших, почему внезапно вымерли неандертальцы. Но все ученые сходились в одном — этот вид исчез с лица Земли в поздний ледниковый период.

Итак, неандертальцы вовсе не были полуживотными предками современного человека. Они вообще не были его предками. А были просто другой разновидностью, во многом отличавшейся от своих современников, доживших до наших дней. Дальние родственники, так сказать. Две эти расы в ледниковый период существовали параллельно, и их сосуществование было нелегким. И лишь одна раса пережила эпоху, когда Европу покрывали сплошные ледовые поля.

— Значит, ты все-таки человек, Тимми. Я в этом и не сомневалась (нет, не совсем так; был такой момент в начале их знакомства, которого мисс Феллоуз все еще стыдилась), а здесь это написано черным по белому. Просто ты выглядишь немножко необычно, а в остальном такой же человек, как и я. И как любой другой.

Тимми щелкал и бормотал.

— Да-да. Ты тоже так думаешь, правда?

Однако была, была разница...

Мисс Феллоуз перелистывала страницы. Как, собственно, они выглядели, неандертальцы? Поначалу об этом шли горячие споры, поскольку ископаемых останков было немного, а один скелет, как выяснилось, принадлежал калеке, страдавшему артритом, чем искажал представление о его соплеменниках. Но постепенно, с обнаружением новых ископаемых скелетов, портрет неандертальца стал более четким.

Неандертальцы были ниже современных людей — рост самых высоких мужчин не превышал пять футов четыре дюйма — и отличались очень крепким сложением, широкими плечами и выпуклой грудью. Покатый лоб, огромные надбровные дуги, закругленная нижняя челюсть вместо подбородка. Большой широкий нос с низкой переносицей, рот, по-обезьяньи выступающий вперед. Плоская и очень широкая ступня с короткими пальцами. Кости тоже широкие, тяжелые, мускулатура, по-видимому, прекрасно развитая. Ноги по сравнению с торсом короткие и скорее всего кривые от природы, колени постоянно согнуты — должно быть, неандертальцы при ходьбе волочили ноги.

Да, не красавцы — по современным понятиям.

Но люди. Безусловно люди. Если бы неандертальца побрить, постричь, надеть на него рубашку с джинсами — он мог бы спокойно выйти на улицу, не привлекая внимания.

— А послушай-ка это, Тимми! — Мисс Феллоуз нашла нужное место и прочла вслух: «Мозг неандертальца был большим. На это указывает объем найденных черепов, или вместимость черепа в кубических сантиметрах. У современного гомо сапиенс средняя вместимость черепа — 1400—1500 кубических сантиметров, а у некоторых людей она составляет всего 1100—1200 $см^3$. Средний объем черепа неандертальца — 1600 у мужчин и 1350 у женщин. Это выше средних показателей гомо сапиенс». — Мисс Феллоуз хмыкнула. — Что ты на это скажешь, Тимми? «Выше средних показателей гомо сапиенс».

Тимми улыбнулся ей, как будто понял, но она не обольщалась на этот счет.

— Знаю — значение имеет не размер черепа, а качество мозга, который находится внутри. У слонов черепа больше, чем у всех остальных, однако алгеброй они не владеют. Я, правда, тоже не владею, зато умею читать и водить машину — покажите-ка мне слона, который бы это сумел! Ты думаешь, Тимми, я глупая, что так с тобой рассуждаю? — Мальчик, серьезно глядя

на нее, щелкнул пару раз в ответ. — Но надо же тебе с кем-то поговорить. И мне тоже. Поди-ка сюда. — Она поманила его, но он остался на месте. — Поди ко мне, Тимми. Я тебе что-то покажу.

Но мальчик не двинулся с места. Она просто нафантазировала себе, что он начинает понимать ее слова; на самом деле это вовсе не так.

Она сама подошла к Тимми, села с ним рядом и показала ему картинку в книге: художник восстановил на ней лицо неандертальца, уже седеющего, с характерным выступающим ртом, сплющенным носом и лохматой бородой. Голова сидела на плечах с наклоном вперед, губы вздернулись, обнажив зубы. Дикое обличье, даже, пожалуй, звериное — тут не поспоришь.

Но глаза безусловно умные, и есть в них что-то, как бы это сказать — трагическое? Страдание, боль?

Неандерталец смотрел с портрета, словно глядел сквозь толщу тысячелетий в мир, где нет больше его сородичей, кроме одного-единственного мальчугана, да и тот здесь оказался непонятно зачем.

— Ну как, Тимми? Узнаешь? Похож он на кого-нибудь из твоих?

Тимми щелкнул что-то, глядя в книгу без всякого интереса.

Мисс Феллоуз постучала пальцем по картинке, а потом положила на нее руку Тимми, чтобы привлечь его внимание.

Но он не понимал. Картинка ни о чем ему не говорила.

Он равнодушно провел рукой по раскрытой книге, будто его в ней занимала только гладкость бумаги. Потом взялся за уголок страницы и потянул, отрывая ее от переплета.

— Нельзя! — крикнула мисс Феллоуз, быстрым рефлекторным движением оттолкнув руку Тимми, и шлепнула по ней. Шлепок был легкий, но определенно выражающий неодобрение.

Тимми бешено сверкнул на нее глазами, зарычал, скрючил пальцы, как когти, и снова схватился за книгу.

Мисс Феллоуз отдернула ее.

Мальчик встал на четвереньки и зарычал на нее. Страшно зарычал, глубоким нечеловеческим рыком, и при этом не сводил с нее глаз, вздернув губы и оскалив зубы в яростной гримасе.

— Ох, Тимми, Тимми. — На глазах мисс Феллоуз навернулись слезы, и ее охватило отчаяние, чувство поражения, чуть ли не ужас.

Подумать только — стоит на четвереньках и рычит, как дикий дверь. Рычит на нее, точно вот-вот прыгнет и вцепится ей

в горло, как только что вцепился в книгу, стараясь вырвать страницу.

Ох, Тимми...

Но потом она заставила себя успокоиться. Нельзя так реагировать на вспышку ребячьей злости. Чего она, собственно, ожидала? Ему от силы четыре года, он родом из первобытного племени и в жизни не видывал книг. И она хочет, чтобы он взял книгу в руки с почтительным трепетом и вежливо поблагодарил свою наставницу за то, что она предоставила его юному пытливому уму столь ценный источник знания?

Мисс Феллоуз напомнила себе, что даже современные четырехлетние дети из хороших интеллигентных семей, случается, выдирают из книг страницы. А также рычат, ворчат и злятся, когда их за это шлепают по рукам. И никто из-за этого не считает, что они дикие звери... во всяком случае, не в таком возрасте. Вот и Тимми не зверь, а просто малыш, маленький дикарь, заточенный в мир, которого никак не поймет.

Мисс Феллоуз убрала присланные Макинтайром книги в свой шкафчик, а вернувшись к Тимми, увидела, что тот успокоился и занялся своей игрушкой, как ни в чем не бывало.

Сердце мисс Феллоуз переполнилось любовью. Ей хотелось попросить у мальчика прощения за то, что она опять с такой легкостью отреклась от него. Но что толку? Он все равно не поймет.

Лучше по-другому.

— А не скушать ли нам овсянки, Тимми, как ты думаешь?

Глава 6
ОГЛАСКА

26

В тот же день к ним пришел Макинтайр со вторым визитом.

— Спасибо за книги, доктор, — сказала ему мисс Феллоуз. — Хочу заверить вас, что очень старательно готовила домашнее задание.

Макинтайр улыбнулся своей аккуратной, не слишком открытой улыбочкой.

— Рад был вам помочь, мисс Феллоуз.

— Но мне хотелось бы узнать у вас кое-что. Я буду, конечно, продолжать чтение, но раз уж вы здесь, то я подумала...

Палеонтолог улыбнулся еще более кисло. Ему не терпелось дорваться до маленького неандертальца, и он совсем не горел желанием отвечать на вопросы любознательной няни. Но мисс Феллоуз после их прошлого фиаско решила, что не позволит больше Макинтайру доводить Тимми до слез своей неуемной пытливостью. Сеанс будет идти неспешно, в ритме, установленном мисс Феллоуз — или вообще не состоится. Ее слово — закон; так сказал Хоскинс, но она присвоила эту фразу себе.

— Пожалуйста, спрашивайте, мисс Феллоуз, — если вы не нашли этого в книгах...

— Это фундаментальный вопрос, и он беспокоит меня с тех пор, как я начала работать с Тимми. Все мы согласны, что неандертальцы были людьми. Но мне хотелось бы знать — насколько? Насколько близко они стояли к нам, в чем сходство, в чем различие. Меня интересуют не физические различия — они достаточно очевидны и описаны в книгах. А вот есть ли разница в духовном и умственном развитии — ведь это и делает человека человеком?

— Это я как раз и пытаюсь выяснить, мисс Феллоуз. Тесты, которые я хочу предложить Тимми, как раз и должны...

— Я понимаю. Вы мне скажите, что известно на данном этапе.

Макинтайр раздраженно скривил губы и провел рукой по своим блестящим золотистым волосам.

— О чем именно известно?

— Сегодня я узнала, что обе расы, неандертальцы и прототип современного человека — я правильно называю их расами? — жили бок о бок в Европе и на Ближнем Востоке около сотни тысячелетий в течение ледникового периода...

— «Расы» — не совсем точное слово, мисс Феллоуз. Человеческие расы в том смысле, который мы сегодня придаем этому термину, гораздо теснее связаны друг с другом, чем мы с неандертальцами. «Подвид» будет более точно. Неандертальцы относились к подвиду гомо сапиенс неандерталенсис, а мы — к подвиду гомо сапиенс сапиенс.

— Хорошо. И все-таки они уживались.

— Очевидно, да — по крайней мере, в некоторых регионах, там, где теплее; более холодные области неандертальцы, вероятно, оставляли за собой, поскольку лучше были приспособлены к их климату. Речь идет, конечно, об очень маленьких, широко разбросанных группировках. Отдельное неандертальское племя вполне могло веками не встречаться с гомо сапиенс сапиенс. Но в некоторых местах подвиды могли жить и в тесном соседстве, особенно в конце ледникового периода, когда наши предки начали все плотнее заселять Европу.

— Значит, неандертальцы определенно не были нашими предками?

— О нет. Это была особая группа, боковая эволюционная ветвь — на этом сейчас сходятся почти все ученые. Они были достаточно близки к гомо сапиенс сапиенс, чтобы вступать в брачные отношения — по ископаемым находкам нам известно, что такое случалось, — но в основном держались обособленно, сохраняя свой генофонд, и почти ничего не внесли в копилку генов современного человечества.

— Отрезанный ломоть. Деревенские кузены.

— Неплохое определение, — согласился Макинтайр.

— Спасибо. Они уступали в разуме гомо сапиенс сапиенс?

— Вот этого я вам не скажу, — снова стал терять терпение Макинтайр, — пока вы не разрешите мне серьезно протестировать Тимми на предмет его умственного развития...

— Ну а как вы сами думаете — на данный момент?

— Да, уступали.

— Из чего вы это заключаете? Сапиентистские предрассудки?

Легко краснеющий Макинтайр вспыхнул.

— Вы спросили мое мнение, не дав мне шанса получить единственное реальное доказательство, недоступное до сих пор науке. Каким же может быть мое мнение, как не предубежденным? Я говорю то, что знаю.

— Да-да, понимаю. Но ведь вы на что-то опираетесь, так? На что же?

— Мустьерская культура — так называется у нас культура неандертальцев, — сдерживаясь, начал Макинтайр, — была невысокой и почти не развивалась на протяжении многих сотен веков. На неандертальских стоянках мы находим лишь самые простые кремневые орудия, почти не меняющиеся с течением времени. В то же время ветвь сапиенс сапиенс постоянно совершенствует свою технику в течение всего палеолита, что продолжает делать и по сей день — вот почему представители сапиенс сапиенс извлекли из прошлого ребенка-неандертальца, а не наоборот. — Макинтайр перевел дух. — Неандертальское искусство также нам неизвестно: ни изваяний, ни наскальной живописи, ни предметов, которые можно было бы счесть культовыми. Между тем какой-то культ у них был, поскольку были найдены неандертальские погребения — а вид, который хоронит своих мертвецов, определенно должен верить в некую загробную жизнь, а значит — и в неких высших существ. Но

немногие известные нам стоянки неандертальцев свидетельствуют лишь о простейшем племенном укладе, основанном на охоте и собирательстве. И, как я уже говорил, нет полной уверенности в том, что физиология неандертальцев позволяла им пользоваться речью. Неясно также, обладали ли они достаточным умственным развитием, даже если гортань и язык позволяли им формировать звуки.

Мисс Феллоуз приуныла и покосилась на Тимми, радуясь, что он не понимает слов Макинтайра.

— Так вы думаете, что они были умственно неполноценной расой? По сравнению с гомо сапиенс сапиенс, хочу я сказать?

— Так приходится заключить на основе того, что нам было известно до сих пор. С другой стороны, это не совсем честно. Может быть, неандертальцы просто не нуждались в тех пустячках и побрякушках, которым подвид сапиенс сапиенс придавал такое значение. Мустьерские орудия при всей своей простоте прекрасно приспособлены для надобностей племени — для того, чтобы убивать мелкую дичь, размягчать мясо, выскабливать шкуры, валить деревья и так далее. А что касается живописи и скульптуры, то неандертальцы могли просто считать подобное занятие кощунством. Это вполне вероятно. Как вам известно, были гораздо более поздние культуры, в которых запрещалось изображать все живое.

— И все-таки вы считаете неандертальцев отсталой расой — то есть отсталым видом.

— Да. Хотя и признаю, что это предубеждение, чистейшее предубеждение. Ведь я-то принадлежу к роду гомо сапиенс сапиенс. Хочу быть справедливым к неандертальцам, но не могу не считать их низшей, отсталой разновидностью человечества, которую наши сородичи обогнали во всем и постепенно уничтожили. Но что касается физического превосходства — тут дело другое. В условиях того времени неандертальцы вполне могли считаться высшим видом. Они превосходили нас как раз тем, что делает их такими безобразными в наших глазах.

— Например?

— Например нос, — кивнул Макинтайр на Тимми. — Нос у него гораздо больше, чем у современного ребенка.

— Это верно.

— Он может показаться безобразным — такой широкий, толстый, вывернутый наружу.

— Да, может показаться, — сухо подтвердила мисс Феллоуз.

— А теперь вспомним, в каком климате жил обитатель палеолита. Почти вся Европа была покрыта вечной мерзлотой. Постоянные холода, сухие ветры на центральных равнинах.

Снег мог пойти в любое время года. А вы знаете, что значит дышать по-настоящему холодным воздухом. Однако нос служит человеку и для того, чтобы подогревать и увлажнять воздух, поступающий в легкие. И чем больше нос, тем лучше согревается воздух.

— Нос работает, как радиатор, да?

— Вот именно. Лицо неандертальца устроено так, чтобы помешать холодному воздуху воздействовать на легкие, а также и на мозг: не забывайте, что питающие мозг артерии расположены как раз позади носовых пазух. Большой вывернутый нос, чрезвычайно обширные гайморовы полости, крупный диаметр сосудов, питающих лицо, — все это приспособлено к ледниковому периоду, и благодаря всему этому неандертальцы гораздо легче переносили холод, чем наши предки. Затем сильная мускулатура, крепкое сложение...

— Выходит, так называемый звериный облик — всего лишь следствие отбора, эволюционный отклик на суровые условия выживания в ледниковой Европе?

— Совершенно верно.

— Но если неандертальцы были так хорошо приспособлены для выживания, почему же они тогда вымерли? Лишились своих преимуществ в связи с переменой климата?

— Вымирание неандертальцев, — тяжело вздохнул Макинтайр, — это настолько противоречивый, настолько спорный вопрос...

— Ну а ваше мнение? Уничтожил неандертальцев более развитый вид, пользуясь отсталостью, которую вы им приписываете? Или их генетические особенности исчезли при смешении с другой ветвью? Или это был комплекс...

— Мисс Феллоуз, — не выдержал наконец Макинтайр, — с вашего разрешения, меня ждет работа. Как мне ни хотелось бы поговорить с вами о неандертальцах, у нас здесь все-таки находится настоящий живой неандерталец, которым следует заняться, а время у меня ограничено...

— Что ж, приступайте, доктор Макинтайр, — смирилась мисс Феллоуз. — Изучайте Тимми сколько угодно. Мы можем и после поговорить. Только не изводите его так, как в прошлый раз.

27

Пришло время для первой пресс-конференции, для первого появления Тимми на публике. Мисс Феллоуз оттягивала это событие, сколько могла, но Хоскинс настаивал. Реклама, не уставал он повторять, имеет исключительно важное значение

для финансирования проекта. Теперь, когда мальчик определенно в хорошей форме, не собирается вроде бы слечь с инфекцией двадцать первого века и в состоянии выдержать встречу с журналистами, тянуть больше нечего. Закон, который выражался в слове мисс Феллоуз, тут, похоже, не действовал. Хоскинс на этот раз не желал слышать «нет».

— Тогда ограничим встречу до пяти минут, — сказала мисс Феллоуз.

— Они просят пятнадцать.

— Они могут и полтора дня запросить, доктор Хоскинс. Но пять минут — это предельное время, которое я считаю допустимым.

— Десять, мисс Феллоуз.

Она видела, что Хоскинс настроен решительно.

— Десять — это абсолютный предел. Если мальчик будет проявлять беспокойство, придется сократить.

— Ясное дело, он будет проявлять беспокойство. Не могу же я выгонять репортеров, как только он захнычет.

— Захнычет — это еще полбеды. А если у него начнется истерика, опасная для жизни психосоматическая реакция, вызванная массовым вторжением в его жизненное пространство? Вы же помните, как он буйствовал в ночь прибытия.

— Он тогда напугался до полусмерти.

— А вы думаете, наставленные на него телекамеры не испугают его? Или горячий яркий свет? Или незнакомые люди, которые громко кричат?

— Мисс Феллоуз...

— Сколько человек вы собираетесь сюда впустить?

— Ну, скажем, с дюжину, — прикинул Хоскинс.

— Не больше трех.

— Мисс Феллоуз!

— Стасисный пузырь невелик. Это убежище Тимми. Если сюда вторгнется стадо бабуинов...

— Это будут научные обозреватели, такие, как Кандид Девени.

— Вот и чудесно. Трое.

— Неужели вам непременно надо создавать трудности?

— Мне надо думать о ребенке. Вы мне за это платите, это я и делаю. Если со мной так трудно работать, можете уволить меня.

Это вырвалось у мисс Феллоуз неожиданно, и ее кольнула тревога. Что, если Хоскинс поймает ее на слове? Ее выгонит, а кого-нибудь из отвергнутых претенденток — такие безусловно были — возьмет смотреть за Тимми?

Но Хоскинса ее слова встревожили не меньше.

— Я совсем этого не хочу, мисс Феллоуз, — сами прекрасно знаете.

— Тогда послушайте меня. Им должно быть известно, что такое пресс-пул, не так ли? Пусть ваши бесценные репортеры изберут трех представителей для встречи с Тимми. Точнее, эти трое будут стоять за дверью стасиса, а я им Тимми покажу. Они смогут поделиться информацией с остальными. Скажите им, что делегация больше трех человек опасна для здоровья и психики мальчика.

— Четверо, мисс Феллоуз?

— Трое.

— Да они же разорвут меня, если...

— Трое.

Хоскинс пристально посмотрел на нее и начал смеяться.

— Ладно, мисс Феллоуз. Вы победили. Трое так трое. Но чтобы встреча продолжалась десять минут. Я скажу им — если недовольны, жалуйтесь няне Тимми, а не мне.

28

В тот же день явились представители прессы: Джон Андерхилл из «Таймс», Стэн Вашингтон из телекомпании «Глоб-Нет» и Маргарет Энн Кроуфорд из «Рейтер».

Мисс Феллоуз с Тимми на руках стояла на самой границе стасиса, мальчик изо всех сил прижимался к ней, а репортеры снаружи командовали, куда повернуться. Мисс Феллоуз старательно вертела Тимми и так и сяк, чтобы его лицо попало в кадр в разных ракурсах.

— Это мальчик или девочка? — спросила дама из «Рейтер».

— Мальчик, — кратко ответила мисс Феллоуз.

— А он похож на человека, — заметил Андерхилл.

— Он и есть человек.

— Нам сказали, что он неандерталец, а вы говорите — человек.

— Уверяю вас, — вдруг ответил Хоскинс из-за плеча мисс Феллоуз, — никакого обмана тут нет. Мальчик — настоящий гомо сапиенс неандерталенсис.

— А гомо сапиенс неандерталенсис, — уточнила мисс Феллоуз, — это подвид гомо сапиенс. Этот мальчик — такой же человек, как и мы с вами.

— Однако с обезьяньей мордочкой, — сказал Вашингтон. — Маленькая обезьяна, вот он кто. А как он ведет себя, сестра? Тоже как обезьяна?

— Как всякий маленький мальчик, — отрезала мисс Феллоуз, грудью вставая на защиту Тимми. Он совсем вжался ей в плечо, тихонько прищелкивая от страха. — Он вовсе не обезьяна. Черты его лица характерны для неандертальской ветви человечества. Его поведение ничем не отличается от поведения нормального ребенка. Он разумен и послушен, когда его не пугают шумные незнакомые люди. Зовут его Тимоти — Тимми — и совершенно ошибочно рассматривать его как...

— Тимоти? — переспросил представитель «Таймс». — Почему вы называете его именно так?

— Никакой особой причины нет, — покраснела мисс Феллоуз. — Просто имя.

— Оно что, было пришито к его рукаву, когда он прибыл? — спросил Вашингтон.

— Это я его так назвала.

— Тимми, мальчик-обезьяна.

Трое репортеров рассмеялись. Гнев мисс Феллоуз вырос до такой степени, что она боялась не сдержаться.

— Опустите его на пол, хорошо? — попросила дама из «Рейтер». — Посмотрим, как он ходит.

— Ребенок слишком испуган. — Они что, думают, будто Тимми при ходьбе опирается об пол костяшками пальцев? — Он вне себя от страха. Разве вы не видите?

Тимми в самом деле дышал все прерывистей, явно собираясь с силами для хорошего рева, и наконец заверещал, перемежая вопли каскадами ворчанья и щелканья. Мисс Феллоуз чувствовала, как он дрожит. Смех, жаркий свет, вопросы — все это приводило его в ужас.

— Мисс Феллоуз, мисс Феллоуз...

— Довольно! — крикнула она. — Пресс-конференция окончена! — Повернулась, прижимая к себе Тимми, и ушла в другую комнату, мимо Хоскинса, лицо которого выражало неодобрение; он, однако, нашел в себе силы кивнуть ей и улыбнуться.

Не прошло и пары минут, как мальчик успокоился — дрожь потихоньку унималась, и страх сходил с лица.

«Пресс-конференция! — с горечью подумала мисс Феллоуз. — С четырехлетним ребенком! Бедный ты мой страдалец. Что еще тебя ждет впереди?»

Она снова вышла и прикрыла за собой дверь, вся пылая негодованием. Трое журналистов так и стояли кучкой у пузыря. Мисс Феллоуз переступила границу стасиса и подошла к ним.

— Что вам еще нужно? Теперь мне весь день придется восстанавливать душевное равновесие мальчика, которое вы нарушили. Почему вы не уходите?

— У нас еще есть несколько вопросов, мисс Феллоуз. Если вы не против...

Мисс Феллоуз взглянула на Хоскинса в поисках поддержки. Он пожал плечами и слабо улыбнулся, как бы советуя ей быть терпеливой.

— Мы бы хотели немного узнать о вас, мисс Феллоуз, — чем вы занимались раньше, — сказала корреспондентка «Рейтер».

— Мы можем, если хотите, снабдить вас копиями отзывов о прежней работе мисс Феллоуз, — торопливо вставил Хоскинс.

— Да, пожалуйста.

— Она тоже занимается путешествиями во времени?

— Мисс Феллоуз — опытнейшая медсестра. Ее приняли в «Стасис текнолоджиз» исключительно для ухода за Тимми.

— Что же вы собираетесь делать с вашим Тимми дальше? — спросил корреспондент «Таймс».

— С моей точки зрения, главной целью неандертальского проекта было доказать, что наш ковш может проникнуть в сравнительно недавний период палеолита с достаточной точностью, чтобы доставить оттуда живой организм. Наши предыдущие успехи, как вам известно, были связаны с эпохой, существовавшей миллионы лет назад, а здесь — всего сорок тысяч лет. Нам это удалось, и теперь мы продолжаем совершенствовать процесс, стремясь проникнуть в еще более близкое прошлое. И кроме того, разумеется, мы получили живого ребенка-неандертальца, то есть существо, предшествовавшее человеку, а возможно, даже имеющее право называться человеком. Антропологи и физиологи питают к нему, естественно, большой интерес и очень интенсивно исследуют его.

— И сколько вы намерены держать его здесь?

— До тех пор, пока нас больше интересует он, чем занимаемая им площадь. Вероятно, довольно долго.

— А нельзя ли вывести его наружу, — спросил тележурналист, — чтобы мы могли показать его в прямом эфире и дать нашим зрителям настоящее шоу?

Мисс Феллоуз громко откашлялась, но Хоскинс опередил ее.

— К сожалению, ребенка нельзя выводить из стасиса.

— А что такое, собственно, стасис? — спросила миссис Кроуфорд.

— О, — сверкнул своей короткой улыбкой Хоскинс, — это очень долго объяснять — мне кажется, вашей аудитории это ни к чему. Могу сказать коротко: в стасисе времени в нашем

понимании не существует. Эти комнаты находятся внутри невидимого пузыря, который не является частью нашей Вселенной, а представляет собой замкнутую неприкосновенную сферу. Только с помощью стасиса стало возможно извлечь ребенка из прошлого.

— Минуточку, — возразил Андерхилл из «Таймс». — Замкнутая, неприкосновенная сфера? Но сестра постоянно ходит туда и обратно.

— Вы можете проделать то же самое, — заметил Хоскинс. — Любой из нас движется параллельно темпоральным силовым линиям и не вызывает особого притока или утечки энергии. Ребенок же прибыл из далекого прошлого. Для того чтобы перевести его в нашу Вселенную и в наше время, понадобилось бы столько энергии, что здесь у нас сгорела бы вся проводка, а возможно, и во всем городе отключилось бы электричество Вместе с мальчиком сюда поступило много мусора — грязь, веточки, галька и так далее. Так вот, все это до последней соринки хранится в стасисной зоне. При случае мы отправим мусор обратно, но из стасиса его вынести не осмелимся.

Журналисты торопливо строчили, записывая за Хоскинсом. Мисс Феллоуз подозревала, что они не слишком понимают смысл сказанного и знают, что их аудитория тоже не поймет. Зато звучит по-научному — как раз то, что надо.

— Вы согласны дать вечером интервью по нашим каналам, доктор Хоскинс? — спросил телевизионщик.

— Думаю, договоримся, — тут же ответил Хоскинс.

— Только без мальчика, — сказала мисс Феллоуз.

— Да, без мальчика. Если у вас есть еще вопросы, буду счастлив ответить. Только, пожалуйста, не здесь...

Мисс Феллоуз без сожаления проводила их глазами, закрыла дверь, послушала, как щелкают электронные замки, и постояла на пороге, раздумывая над тем, что только что узнала.

Снова эта история с темпоральным потенциалом, с наплывом энергии, снова эта боязнь, как бы не ушло из стасиса то, что прибыло из прошлого. Она вспомнила, как был взволнован Хоскинс, когда профессор Адамевский попытался вынести из своей рабочей камеры образец породы, вспомнила объяснения, которые Хоскинс ей дал. Тогда они тут же забылись, но сейчас перед мисс Феллоуз с потрясающей ясностью предстало то, чему она раньше не придала значения.

Никогда Тимми не увидит того мира, в который его забросили без его участия и согласия. Пока он живет в двадцать первом веке, весь его мир будет заключаться в стасисном пузыре.

Тимми — узник и останется узником. Не по прихоти Хоскинса, а по неумолимым законам науки, извлекшей мальчика из родного времени. Не потому, что Хоскинс не хочет выпустить Тимми из стасиса, а потому, что просто не может.

Ей вспомнилось, что говорил Хоскинс в ночь прибытия Тимми: «Надо просто запомнить, что ему ни в коем случае нельзя выходить отсюда. Даже на минутку. Даже по самой веской причине. Даже ради спасения его жизни. Даже ради спасения вашей жизни, мисс Феллоуз».

Тогда мисс Феллоуз не очень-то прислушалась к его поверхностным объяснениям. «Тут все дело в энергии, — сказал он, — в законах ее сохранения». Тогда ее голова была занята другими, гораздо более важными делами. Но сейчас ей стало ясно как день: мир, в котором будет жить Тимми, навсегда ограничен стенами кукольного домика.

Бедный ребенок. Бедный, бедный ребенок.

Да он же плачет, вдруг спохватилась она, и поспешила в спальню утешить его.

29

Хоскинс собирался открыть заседание совета директоров, когда зазвонил телефон. Что там еще, с раздражением подумал он.

Телефон продолжал звонить.

— Прошу меня извинить, — сказал Хоскинс собравшимся и отключил видеосвязь, оставив только звук. — Хоскинс слушает.

— Доктор Хоскинс, это Брюс Маннхейм. Из Попечительства по правам детей — знаете, наверное.

Хоскинс поперхнулся.

— Да, мистер Маннхейм. Чем могу быть полезен?

— Смотрел ваше вчерашнее интервью. Мальчик-неандерталец. Чудеса, чудеса — что только не под силу науке!

— А-а, спасибо. Но...

— Но эта ситуация, безусловно, порождает определенные морально-этические проблемы. Вы и сами, думаю, понимаете. Взять ребенка чуждой нам культуры из естественной семейной обстановки и поместить в нашей эре... Надо бы нам с вами обсудить это, доктор Хоскинс.

— Хорошо, обсудим. Но только в данный момент...

— О нет, не сейчас, — беззаботно воскликнул Маннхейм. — У меня и в мыслях этого не было. Я просто хотел, чтобы мы назначили время для более обстоятельного разговора.

— Конечно, — возвел глаза к потолку Хоскинс. — Конечно, мистер Маннхейм. Если вы оставите свой номер моему секретарю, она вскоре свяжется с вами, и мы назначим встречу.

— Отлично, доктор Хоскинс. Большое спасибо.

Хоскинс повесил трубку и обвел комнату унылым взором.

— Брюс Маннхейм, — простонал он. — Знаменитый адвокат по детским правам. Желает побеседовать со мной о мальчике. Боже мой, Боже! Это было все равно неизбежно, правда? Ну, вот и началось.

30

В последующие недели мисс Феллоуз почувствовала, что становится неотъемлемой частью «Стасис текнолоджиз». Ей выделили небольшой кабинет с ее фамилией на двери, поближе к кукольному домику, как она неизменно называла стасисный пузырь Тимми. Предыдущий контракт аннулировали, и Хоскинс предложил ей другой, где оклад был гораздо выше. Им с Хоскинсом, как видно, не суждено было жить в мире и в ладу, но она явно завоевала его уважение. Кукольный домик по ее требованию покрыли потолком, в меблировку внесли необходимые дополнения, оборудовали вторую ванную, и мисс Феллоуз было теперь где разместить свои вещи.

Хоскинс сказал, что ей могут дать квартиру на территории компании и ей не обязательно теперь дежурить круглыми сутками, но она отказалась.

— Когда Тимми спит, мне лучше быть поблизости. Он почти каждую ночь просыпается с плачем. Наверное, ему снятся очень яркие сны, и притом страшные. Я умею его успокоить, но не думаю, что это удастся кому-нибудь еще.

Иногда мисс Феллоуз все-таки покидала Тимми — больше потому, что считала нужным, чем по желанию. Она ездила в город по разным мелким делам — внести деньги в банк, купить Тимми какую-нибудь одежку или игрушку, даже сходила один раз в кино. Но каждый раз она беспокоилась о Тимми, и ей не терпелось вернуться. Тимми стал для нее всем. Раньше, работая в больнице, она никогда по-настоящему не замечала, как поглощает работа всю ее жизнь и как непрочны ее связи с внешним миром. Теперь, когда она стала жить там же, где и работала, это проявилось до конца. Ей не очень и хотелось поддерживать с миром связь, даже ради своих немногих подруг — почти все они тоже были медсестрами. Вполне достаточно было поговорить с ними по телефону — навещать их она не стремилась.

Во время своих вылазок в город мисс Феллоуз начала замечать и то, что дошла до крайности в своей привязанности к

Тимми. Однажды, глядя на какого-то встречного мальчика, она поняла, что ей противны его высокий крутой лобик, заметный подбородок, плоские надбровья, невыразительный носик кнопкой. Пришлось встряхнуться, чтобы избавиться от наваждения.

Когда она начала принимать Тимми таким, как есть, не видя в нем больше ничего особенно странного и непривычного, Тимми тоже начал быстро осваиваться со своей новой жизнью. Он уже не так стеснялся незнакомых людей, его уже не мучили страшные сны, а с мисс Феллоуз он чувствовал себя как с родной матерью. Мальчик сам одевался и раздевался и бывал очень доволен своим умением, натянув на себя комбинезончик. Он научился пить из стакана и управляться, хоть и неуклюже, с пластмассовой вилкой.

Он даже пробовал говорить по-английски.

Мисс Феллоуз так и не сумела расшифровать ворчаще-щелкающий язык Тимми. Хотя Хоскинс действительно записывал все на пленку и мисс Феллоуз без конца прослушивала эти записи, перевести высказывания Тимми в слова не удавалось. Щелканье и ворчанье — больше ничего. Мальчик произносил одни звуки, когда был голоден, другие — когда уставал, третьи — когда боялся. Но, как и сказал с самого начала Хоскинс, даже кошки и собаки издают определенные звуки в определенных ситуациях, однако никому еще не удавалось составить словарь кошачьего или собачьего языка.

А может быть, и она, и все остальные просто не способны распознать лингвистические построения неандертальцев? Мисс Феллоуз не изменяла уверенность, что язык все же существует, только он столь далек от современных языков, что ни один из ныне живущих не в силах разобраться в нем. Но в минуты уныния она сомневалась в том, что Тимми способен усвоить другой язык — уж слишком далеко остались неандертальцы на тропе эволюции, чтобы им наверняка хватило разума для речевого общения, и Тимми, годы формирования которого прошли среди людей, говоривших на простейшем, примитивнейшем языке, может быть, уже поздно овладевать чем-то более сложным.

Она много читала об одичавших детях, выращенных животными и проживших в таком состоянии долгое время. Выяснилось, что даже когда таких детей находили и возвращали к цивилизации, почти никто из них не научился произносить ничего, кроме самых простых звуков. Видимо, даже при наличии физиологических и умственных способностей нужны еще и стимулы к освоению речи, причем в первые годы жизни — иначе ребенок так и не научится говорить.

Мисс Феллоуз ужасно хотелось, чтобы Тимми доказал ей с доктором Макинтайром, что они ошибаются. Тогда уже никто бы не сомневался в том, что он — человек. А что же еще отличает человека от животного, как не умение говорить?

— Молоко, — показывала она. — Стакан молока.

Тимми прощелкал фразу, которая, по мнению мисс Феллоуз, означала, что он голоден.

— Да. Голодный. Хочешь молока?

Никакого ответа.

Она пробовала по-другому:

— Тимми — ты. Ты — Тимми.

Он смотрел на ее указательный палец и молчал.

— Ходить. Есть. Смеяться. Я — мисс Феллоуз. Ты — Тимми.

Ничего в ответ.

Это бесполезно, отчаивалась она. Бесполезно, бесполезно!

— Говорить? Пить? Есть? Смеяться?

— Есть, — сказал вдруг Тимми.

Она так опешила, что чуть не выронила тарелку с едой, которую собиралась ему подать.

— Скажи еще раз!

— Есть.

Тот же звук, не совсем понятно — что-то вроде «йессь». Последней согласной каждый раз не хватало. Но смысл был верный!

Она подняла тарелку выше, чем он мог достать.

— Йессь! — настойчиво повторил мальчик.

— Есть? Хочешь есть?

— Йессь!! — нетерпеливо повторил Тимми.

— На. На, Тимми, ешь. Ешь свою еду!

— Йессь, — удовлетворенно сказал Тимми, хватая вилку и приступая к делу.

— Вкусно? — спросила мисс Феллоуз потом. — Понравился завтрак?

Нет, уж слишком много она от него хочет. Но теперь-то она не сдастся. За одним словом могут последовать и другие. Должны последовать!

— Тимми, — показала она на мальчика.

— Мм-м, — сказал он.

А если он так произносит «Тимми»?

— Тимми хочет еще есть? Есть?

Она показала на него, потом на свой рот и сделала вид, будто жует. Он не ответил, да и зачем? Он уже наелся.

Но он знает, что он — Тимми. Знает или нет?

— Тимми, — снова показала она на него.

— Мм-м, — сказал он и похлопал себя по груди.

Тут уж ошибки быть не могло. Мисс Феллоуз захлебывалась от гордости, от радости, от изумления — от всего вместе. На миг ей показалось, что она сейчас расплачется. Потом она бросилась к селектору.

— Доктор Хоскинс! Вы не могли бы зайти сюда? И за доктором Макинтайром тоже пошлите!

31

— Это опять Брюс Маннхейм, доктор Хоскинс.

Хоскинс поглядел на телефонную трубку так, словно она обратилась в змею. Третий звонок от Маннхейма меньше чем за три недели! Но ответить попытался бодро.

— Да, мистер Маннхейм! Хорошо, что позвонили!

— Просто хотел вам сказать, что обсудил результаты нашей дружественной беседы со своими консультантами.

— Да? — уже не столь бодро сказал Хоскинс. Он не считал их беседу такой уж дружественной. По его мнению, Маннхейм совал свой нос куда не следует и вел себя бесцеремонно, просто возмутительно.

— Я сообщил им, что вы весьма удовлетворительно ответили на мои предварительные вопросы.

— Рад слышать.

— Наше общее мнение таково, что сейчас нет необходимости предпринимать какие-либо действия в связи с неандертальским мальчиком, но нам придется держать ситуацию под контролем, пока мы не изучим вопрос поглубже. Я позвоню вам на будущей неделе и перечислю дополнительные аспекты, на которые нужно обратить внимание. Вам это, думаю, будет небезынтересно.

— Да-да. Большое спасибо, мистер Маннхейм.

Хоскинс закрыл глаза и стал делать глубокие вдохи и выдохи.

Большое спасибо, мистер Маннхейм. Как любезно, что вы разрешаете нам пока продолжать работу. Пока вы не изучили вопрос поглубже. Спасибо. Большое спасибо. Очень-очень вам благодарен.

32

День, когда Тимми впервые заговорил по-английски, стал счастливым для мисс Феллоуз. Но за ним настали другие, гораздо менее счастливые.

Ведь Тимми был не просто мальчик, которого ей поручили опекать. Он был небывалый научный экспонат, и ученые всего мира дрались за право изучать его. Доктор Джекобс и доктор

Макинтайр представляли собой только гребень волны, которая вскоре нахлынула.

Джекобс и Макинтайр, само собой, остались на месте. Им повезло первыми дорваться до Тимми, и они не уступали своего первенства, но при этом сознавали, что монополизировать мальчика им не удастся. В двери «Стасис текнолоджиз» ломилась орда антропологов, физиологов, историков культуры и разных других специалистов, каждый со своей программой исследований.

То, что Тимми научился говорить по-английски, взволновало их еще пуще. Некоторые, как видно, возомнили, что теперь мальчик готов ответить на все их вопросы о жизни в палеолите: «На каких животных охотилось твое племя? Какую религию оно исповедовало? Кочевали ли вы в связи со сменой времен года? Воевали ли племена между собой? Воевал ли ваш подвид с другим подвидом?»

Тимми был единственным источником информации. Ученые умы пенились от вопросов, на которые мог ответить один Тимми. Скажи, скажи, скажи! Мы хотим узнать все о твоем народе. Какие у вас были родственные связи — тотемные животные — лингвистические группы — астрономические представления — ремесла?

Но увы — задать Тимми все эти превосходные и крайне важные вопросы вряд ли было возможно, ибо английский язык Тимми, хоть и улучшался с каждым днем, ограничивался пока фразами: «Тимми сейчас есть» и «Человек сейчас уйти».

Кроме того, мисс Феллоуз единственная более или менее понимала, что говорит Тимми. Остальные, даже те, что виделись с мальчиком практически каждый день, ничего не могли разобрать в его невнятном, сдавленном выговоре. Видимо, прежние гипотезы о неспособности неандертальцев говорить были в чем-то верны: хотя неандертальцы явно обладали необходимым умственным развитием и анатомическим аппаратом, позволяющим выговаривать слова, их язык и гортань были все же недостаточно совершенны для воспроизводства звуков, из которых состоит современная речь. У Тимми, во всяком случае, не получалось. Даже мисс Феллоуз приходилось напрягаться, чтобы понять его.

Тяжко приходилось и Тимми, и мисс Феллоуз, и особенно ученым, которым не терпелось расспросить мальчика. Еще острее стало ощущаться, на какое одиночество обречен Тимми. Даже теперь, когда мальчик учится общаться со своими тюремщиками (а кто же мы, как не тюремщики? — твердила себе мисс Феллоуз), он должен лезть из кожи вон, чтобы сказать

самое простое единственному человеку, который хотя бы частично понимает его.

Как ему, должно быть, тоскливо!

И как пугает его и сбивает с толку вся эта суета вокруг него!

Мисс Феллоуз защищала мальчика, как только могла. Она не желала признавать, что ее работа — всего лишь часть научного эксперимента. Хотя бы и так, но объект этого эксперимента — несчастный ребенок, и она не позволит обращаться с ним, как с подопытным кроликом.

Физиологи прописывали Тимми особую диету. Она покупала ему игрушки. У нее без конца требовали кровь на анализ, рентгеновские снимки, даже волосы Тимми. Она разучивала с ним песенки и детские стишки. Тимми подвергали утомительным для обеих сторон тестам на координацию, на рефлексы, на остроту зрения и слуха, на сообразительность. После них мисс Феллоуз обнимала и гладила его, пока он не успокаивался.

У Тимми оставалось все меньше и меньше свободного времени.

Мисс Феллоуз настаивала на строгом ограничении этой ежедневной инквизиции и часто, хотя и не всегда, добивалась успеха. Исследователи, безусловно, считали ее цербером, преграждающим путь науке, вздорной и упрямой женщиной. Мисс Феллоуз это не беспокоило. Пусть думают что хотят — она отстаивает интересы Тимми, а не свои.

Хоскинс мог сойти за союзника. Он был в кукольном домике почти ежедневно. Мисс Феллоуз было ясно, что он пользуется любым случаем отдохнуть от своей все более трудной роли главы «Стасис текнолоджиз» и что он питает сентиментальную привязанность к мальчику, вызвавшему весь этот фурор. А еще мисс Феллоуз казалось, что Хоскинсу доставляет удовольствие поговорить с ней.

Теперь она уже кое-что о нем знала. Он разработал метод анализа отражения направленного в прошлое мезонного луча; он был одним из тех, кто изобрел метод создания стасиса. За сухими манерами делового человека он скрывал свою доброту, которой иначе пользовались бы все и каждый — и он действительно был женат и счастлив в браке.

Однажды Хоскинс застал мисс Феллоуз в тот самый момент, когда она взорвалась.

Это был плохой, очень плохой день. Прибыла новая группа физиологов из Калифорнии, желая немедленно снять с Тимми целую кучу обмеров, связанных с осанкой и строением таза. Для этого они привезли с собой разные хитрые конструкции из холодных железных палок, куда то и дело заталкивали Тимми.

А Тимми вовсе не хотелось, чтобы его куда-то заталкивали и притискивали к холодным железным палкам. Мисс Феллоуз смотрела, как они орудуют с Тимми, будто с морской свинкой, и в ней нарастала жажда убийства.

— Хватит! — вскричала она наконец. — Вон отсюда!

Ученые уставились на нее, раскрыв рты.

— Вон, я сказала! Обследование окончено! Мальчик устал. Довольно выворачивать ему ноги и напрягать спину. Не видите — он плачет? Вон! Вон!

— Но, мисс Феллоуз...

Она молча начала собирать их инструменты, и физиологи бросились отнимать у нее свои сокровища. Она указала на дверь, и они убрались, бормоча что-то под нос.

Мисс Феллоуз, вне себя от бешенства, смотрела им вслед с порога, гадая, каких еще мучителей сулит им сегодняшнее расписание, а позади рыдал Тимми. Потом она вдруг заметила, что пришел Хоскинс.

— Какая-то проблема? — спросил он.

— Как вы догадались? — огрызнулась мисс Феллоуз. Она позвала Тимми, он подбежал и повис на ней, обхватив ее ногами. Мальчик шептал что-то, совсем тихо и неразборчиво. Она прижала его к себе.

— Не слишком-то у него счастливый вид, — мрачно сказал Хоскинс.

— А вам бы хорошо было на его месте? Каждый день то кровь берут, то обмеряют, то проверяют. Вы бы посмотрели, что с ним вытворяли сейчас — видно, хотели понять, как у него ноги приделаны к туловищу. И режим питания изменили. Джекобс с понедельника посадил его на синтетическую диету — я бы этим и свинью не стала кормить.

— Доктор Джекобс говорил, что это укрепит мальчика, и он будет лучше выдерживать...

— Что выдерживать? Обследования?

— Не забывайте, мисс Феллоуз, что главная цель эксперимента — узнать все, что только возможно...

— Я-то не забываю, доктор. Не забывайте и вы, что он не хомячок, не морская свинка и даже не шимпанзе, а человек.

— Никто и не отрицает. Но...

— Но никто и не принимает во внимание, — снова прервала она, — что мальчик — человек, более того — ребенок. Вам он, наверное, представляется какой-то обезьянкой в комбинезоне, и вы думаете, что...

— Мы совсем не считаем его...

— Нет, считаете! Считаете! Доктор Хоскинс, я настаиваю. Вы говорили, что Тимми прославил вашу компанию. Если вы

хоть сколько-нибудь благодарны ему за это, не подпускайте вы никого к бедному ребенку, пока он не подрастет хоть немножко для того, чтобы понять, чего от него хотят. После тяжелых обследований ему снятся кошмары, он не может спать, кричит иногда часами. И вот что, — взъярилась она, — больше я сюда никого не пущу. Никого!

Она сознавала, что говорит все громче и громче, что уже кричит, но ничего не могла с собой поделать.

Хоскинс горестно смотрел на нее.

— Извините, — сказала она немного потише, остыв наконец. — Я не хотела так орать.

— Я понимаю, вы расстроены. И понимаю почему.

— Спасибо.

— Доктор Джекобс заверил меня, что мальчик вполне здоров и ему нисколько не вредят обследования, которым он... подвергается.

— Пусть доктор Джекобс хоть раз переночует здесь, тогда он заговорит по-другому. — Хоскинс опешил, и мисс Феллоуз вспыхнула от смущения, поняв, что нечаянно сказала нечто двусмысленное. — Пусть послушает, как мальчик плачет в темноте. Пусть посмотрит, как я бегу к нему, и укачиваю, и пою ему колыбельные. Ему не вредят обследования, доктор Хоскинс? Если они ему не навредили, так только потому, что этот мальчик провел раннее детство в невообразимо тяжелых условиях и как-то ухитрился выжить. Ребенок, переживший зиму ледникового периода, переживет, возможно, и людей в белых халатах, которые его щупают и тискают. Но это не значит, что подобные истязания ему на пользу.

— Надо будет обсудить график исследований на следующем заседании администрации.

— Обсудите. Следует напомнить всем, что Тимми имеет право на человеческое обращение — на человеческое.

Хоскинс улыбнулся, и мисс Феллоуз вопросительно посмотрела на него.

— Я просто подумал, как вы изменились с того дня, когда так сердились на меня за то, что я вам подкинул неандертальца. Даже уйти хотели, помните?

— Я все равно бы не ушла, — мягко сказала мисс Феллоуз.

— «Останусь до поры до времени», сказали вы тогда. Именно так. Вы были в полном расстройстве. Мне пришлось убеждать вас, что вы будете ухаживать за настоящим ребенком, а не за маленьким приматом, которому место в зоопарке.

Мисс Феллоуз, опустив глаза, тихо сказала:

— Наверное, с первого взгляда я не поняла... — и посмотрела на Тимми, который так и висел на ней. Он уже почти успокоился. Мисс Феллоуз потрепала его по спинке и послала поиграть. Тимми открыл дверь в детскую, и Хоскинс улыбнулся изобилию игрушек, которое увидел там.

— Целый магазин.

— Бедный малыш заслужил их. Игрушки — это все, что у него есть, он их заработал своими страданиями.

— Конечно, конечно. Можно и побольше приобрести. Я вам пришлю бланк заказа. Все, что ему, по-вашему, хочется...

— Вы ведь любите Тимми, правда? — тепло улыбнулась мисс Феллоуз.

— Как же его не любить? Такой славный парнишка. Такой храбрый.

— Да, он храбрый.

— Вы тоже храбрая, мисс Феллоуз.

Она не нашлась что сказать, и они оба помолчали. Хоскинс немного ослабил узду, в которой держал себя, и в глазах появилось выражение глубокой усталости.

— Вы совсем измотаны, доктор Хоскинс, — с искренним сочувствием сказала мисс Феллоуз.

— Правда? — Он не слишком убедительно рассмеялся. — Надо будет потренироваться принимать бодрый вид.

— Происходит что-то такое, о чем мне следует знать?

— Да нет! — как будто удивился он. — Почему вы так подумали? Работа у меня ответственная, вот и все. Не то что сложная — против сложности я не возражаю. Просто нелюбимая. Мне бы назад в лабораторию... — Он потряс головой. — Впрочем, к чему это я. Ваши жалобы я учту, мисс Феллоуз. Посмотрим — может быть, мы сумеем разгрузить график обследований Тимми. Насколько имеем право, конечно, — учитывая ценность того, что можем от него узнать. Уверен, что вы меня правильно поняли.

— Разумеется, — суховато ответила мисс Феллоуз.

Интермедия четвертая

ВОИНЫ

Светало. Небо было свинцово-серым, а резкий ветер дул сразу с двух сторон. Белый ломтик луны еще висел вверху, как костяной нож. Воины племени готовились спуститься по склону к алтарю из блестящего камня, у Слияния Трех Рек.

Ведунья наблюдала за мужчинами издали, жалея, что ей нельзя пойти с ними.

Самое заманчивое всегда достается мужчинам, притом одним и тем же — молодым и полным сил. Старики вроде Серебристого Облака, Мускусного Быка и Отважного Льва выносят суждения и отдают приказы, но настоящим делом занимаются только молодые: Волчье Дерево, Расколотая Гора, Пылающее Око, Поймавший Птицу и еще трое-четверо. Только они и живут по-настоящему, думала Ведунья, отчаянно завидуя им.

Когда на равнине появлялась дичь, мужчины становились охотниками. Они острили копья и обматывали лодыжки волчьим мехом, чтобы придать себе быстроту и свирепость. А потом они шли и гнали мамонтов к обрыву, или, окружив злополучного, отбившегося от стада носорога, кололи его, пока не упадет, или бросали путы с грузом в ноги быстрому северному оленю, чтобы свалить его. А потом они несли или волокли свою добычу в стойбище, радостно распевая и приплясывая, и все выходили им навстречу, и восхваляли их, выкликая их имена, а когда варили свежее мясо, охотникам подносили самое вкусное — сердце или мозги.

Когда кто-нибудь совершал тяжелую провинность или следовало отправить в иной мир престарелого вождя, мужчины становились Теми, Кто Убивает. Они надевали маски из медвежьей шкуры, брали в руки смертные дубинки из бивня и уходили со своей жертвой подальше от глаз племени, и делали свое дело. А потом возвращались, шествуя друг за другом медленной вереницей, и пели Песнь Иного Мира, которую дозволялось петь только Тем, Кто Убивает.

Когда же поблизости появлялись враги, приходило время мужчинам становиться воинами, раскрашивать плечи синими полосами, а чресла — красными и заворачиваться в желтые львиные шкуры. Этим они и занимались сейчас, а Ведунья им горько завидовала.

Мужчины нагишом, отпуская шутки и смеясь, стояли в кругу, а старый искусник Оседлавший Мамонта готовил краску. Мужчины раскрашивали тело только в случае войны, а с тех пор как племя воевало в последний раз, прошло уже много времени, и краску пришлось замешивать заново. На это требовалось время. Но Оседлавший Мамонта умел скоблить камни и смешивать полученный порошок с антилопьим жиром так, чтобы краска хорошо держалась на коже. Он сидел, скрестив ноги, и работал, а остальные ждали его. Оседлавший Мамонта сыпал красители из полых костей, где хранил их, в каменный сосуд и растирал там жиром. Вот и готово. Оседлавший Мамонта

протянул горшок с красной краской Расколотой Горе, а горшок с синей — Молодому Оленю. Все остальные стали в ряд для раскраски.

Смех и шутки стали еще громче. Мужчин пугало то, что им предстояло, оттого они и смеялись так много. Красильщики пользовались кисточками из лисьего хвоста, и всех разбирало еще пуще, потому что от кисточек было щекотно. Раскрашивать тело выше пояса было легко: одну узкую синюю полоску поперек спины, другую — поперек груди, потом синий знак Богини на горло — там, где выпирает, — и еще один над сердцем. Общее веселье возбуждала раскраска того, что ниже пояса. Сначала тело опоясывалось широкой красной полосой — спереди через низ живота, как раз над мужскими органами, а сзади по верху ягодиц; потом проводились полоски вокруг ляжек, пониже члена; и, наконец, самое смешное — полоса Богини вдоль члена и два красных мазка на том круглом, что под ним. Расколотая Гора не жалел краски, и мужчины притворялись, будто им донельзя щекотно. А может, и не притворялись.

Раскрасили бы и меня заодно, думала Ведунья. У меня нет того, что есть у мужчин, но можно провести красную полосу вокруг лона и покрасить кончики грудей, и будет то же самое. Потому что я такой же воин, как и они. Точно такой же.

Вот двое воинов почти и закончили — раскрасили всех, кроме самих себя. Теперь Расколотая Гора раскрасил внизу Молодого Оленя, а Молодой Олень раскрасил вверху Расколотую Гору. Все повязали набедренные повязки, набросили на плечи львиные мантии, взяли копья и приготовились идти в бой.

Нет, еще не совсем приготовились. Их еще должна напутствовать жрица перед тремя медвежьими черепами. Ведунья видела, что две младшие жрицы уже расставляют черепа поперек тропы, а старшая облачается в особые одежды для напутствия воинов.

Ведунья посмотрела вниз, на алтарь из блестящего камня у Слияния Трех Рек. Там никого не было.

Все кончится ничем, если Чужие куда-то ушли. Жрица заявила, что следы вокруг алтаря были свежие, но что понимает жрица? Она не охотник. Может, этим следам уже три дня, и Чужие теперь далеко.

Сейчас бы сойти поскорей к алтарю да исполнить обряды, которые Серебристое Облако почитает необходимыми; тогда им можно было бы повернуть обратно на восток, в холодную пустую страну, куда Чужие заходят редко, и жить дальше. Если воины спустятся вниз лишь затем, чтобы разнюхать, нет ли там

Чужих, и убедятся, что их там нет, то Серебристое Облако понапрасну тратит время. Лето идет, день убывает. Не сегодня-завтра может пойти снег. Людям нужно поскорей проделать то, ради чего они пришли сюда, и поискать пристанище, где пережить трудные месяцы.

Но жрица скорее всего права, и Чужие где-то поблизости. Будет война, и их мужчины погибнут — а может, и не только мужчины.

Сзади подошла Хранительница Прошлого и шепнула на ухо Ведунье:

— Богиня очень немилостива к нам последнее время. Мы пришли сюда поклониться ей, а она сначала взяла у нас мальчика, а потом завела нас в самую гущу Чужих.

— Я Чужих не видела, — вздернула плечами Ведунья. — Мы здесь уже два дня, и никто не видел Чужих.

— Но они здесь. Они затаились и поджидают нас внизу, чтобы напасть. Я знаю.

— Откуда?

— Видела сон. Они были невидимы, как духи тумана, потом стали едва видны, как тени, а потом стали возникать повсюду из-под земли и убивать нас.

— Еще один страшный сон, — скрипуче рассмеялась Ведунья.

— Еще один?

— Позапрошлой ночью Серебристому Облаку снилось, будто он мальчиком входит в море, а выйдя из него, стареет с каждым шагом и наконец становится дряхлым, согбенным и слабым. Это сон о смерти. А тебе вот снится, будто Чужие поджидают нас у алтаря.

— И Богиня, взяв Меченого Небесным Огнем, ничем не дала нам знать, довольна ли она теперь, — кивнула Хранительница Прошлого. — Нам бы следовало уйти отсюда, не вознося молений у этого алтаря.

— Но Серебристое Облако думает иначе.

— Годы сделали его слабым и робким.

— Ты что, хотела бы править вместо него? — рявкнула Ведунья.

— Я? — улыбнулась Хранительница Прошлого. — Нет, Ведунья. Мне совсем не хотелось бы стать вождем. Если и есть на свете женщина, которая желает этого в глубине души, то это ты, Ведунья. Меня же подобное бремя не привлекает. И тем не менее Серебристому Облаку, пожалуй, пришла пора сложить свою палицу, шапку и мантию.

— Нет.

— Он стар и все больше сдает. В глазах у него усталость.

— Он силен и мудр, — не слишком убежденно возразила Ведунья.

— Ты сама знаешь, что это неправда.

— Неправда? Неправда?

— Потише, женщина. Только ударь меня, и я скину тебя с горы.

— Ты назвала меня лгуньей.

— Я сказала, что ты говоришь неправду.

— Это одно и то же.

— Лгунья, которая лжет даже себе самой, не лгунья, а дура. Ты знаешь, и я знаю, и жрица знает, что Серебристое Облако больше не годится в вожди. Каждая из нас думала об этом и сказала себе так. А когда это начнут понимать и мужчины, останется призвать Тех, Кто Убивает.

— Может, и так, — нехотя согласилась Ведунья.

— Тогда почему ты его защищаешь?

— Мне жаль его. Я не хочу, чтобы он умирал.

— Нежное у тебя сердце. Только ведь вождь знает, что его ждет. Помнишь — когда вождем был Черный Снег, у него разлилась зеленая желчь, и ничего не помогло; тогда он собрал всех и сказал, что его время пришло. Разве он поколебался хоть на миг? Так было и с Высоким Деревом, отцом Серебристого Облака, когда я была маленькой, а тебя еще и на свете не было. Высокое Дерево был великий вождь, но однажды он сказал, что уже стар и не может больше править, и к ночи его не стало. Так же будет и с Серебристым Облаком.

— Нет. Не теперь еще.

— Даже если он доведет нас до беды? — холодно сказала Хранительница Прошлого. — Если уже не довел. Не нужно было нам приходить сюда — теперь я понимаю это, хотя раньше не понимала. Зачем ты за него заступаешься? Кто он тебе? Ты же всегда его недолюбливала.

— Если Серебристое Облако умрет, кто будет вождем, по-твоему?

— Думаю, что Пылающее Око.

— Вот-вот, Пылающее Око! — мстительно усмехнулась Ведунья. — Знаешь, Хранительница Прошлого, уж лучше я останусь при старом рохле Серебристом Облаке и умру под копьями Чужих, чем проживу еще десять лет при Пылающем Оке!

— Ага! Теперь я поняла. Твоя мелкая неприязнь заслоняет тебе рассудок, ты даже жизнью готова ради нее пожертвовать. Это глупо! Это просто дурь!

— Ты доведешь меня — я тебя все-таки стукну.

— Но разве ты не понимаешь...

— Нет. Не понимаю. Подожди-ка! Посмотри вниз!

Пока они разговаривали, жрица благословила воинов, и те, размалеванные и готовые к бою, спустились к алтарю из блестящего камня. Они встали перед ним плечом к плечу, потрясая копьями и свирепо поглядывая по сторонам.

И тут, словно духи тумана из сна Хранительницы Прошлого, откуда ни возьмись появились Чужие.

Где они были раньше? Наверное, таились в густом кустарнике на берегу одной из рек, невидимые сверху, а может, сами обратились в кусты путем волшебства, пока им не пришло время выйти.

Их было восемь или десять. Нет, больше — Ведунья попыталась их сосчитать, но ей не хватило обеих рук, а Чужих оставалось еще на одну руку или больше. В племени же было только девять воинов.

Будет бойня. Серебристое Облако послал всех молодых мужчин племени на смерть.

— Экие уроды! — прошептала Хранительница Прошлого на ухо Ведунье, до боли вцепившись ей в руку. — Только в страшном сне и привидятся! Даже в моем сне они были не такие мерзкие.

— Чужие как Чужие, — ответила Ведунья. — Такие они и есть.

— Ты-то их раньше видела, а я нет. Фу, какие плоские рожи! А шеи-то какие тощие, а руки, ноги — как у пауков!

— Это точно.

— Смотри, смотри!

Теперь на взгорье над алтарем собралось все племя, неотрывно наблюдая за тем, что происходит внизу. Ведунья слышала рядом хриплое, тяжелое дыхание Серебристого Облака. Плакал ребенок, не удержались от слез и некоторые матери.

А внизу шло действо, напоминающее танец.

Воины племени так и стояли плечом к плечу у алтаря, не уступая ни пяди, как бы ни хотелось им кинуться наутек.

Чужие выстроились в ряд шагах в двадцати от них, тоже плечом к плечу — высокие, чудные и плосколицые.

Никто не нападал.

Воины той и другой стороны просто стояли и свирепо глядели друг на друга через разделяющую их ничейную землю, но никто не трогался с места — казалось, будто они не дышат, будто окаменели. Неужели Чужие тоже боятся воевать? А говорили, что они — беспощадные убийцы. И их настолько больше воинов племени, сколько пальцев на одной руке. Но все оставались на своих местах, никто и не думал начинать.

Первым нарушил молчание Пылающее Око. Он сделал шаг вперед, и все воины шагнули за ним.

Он потряс копьем и, злобно глядя на Чужих, испустил низкий долгий звук, который донесся до стоявших на горе:

— У-у-у-у.

Чужие хмуро переглянулись, не зная, видно, как быть дальше. Один из них тоже шагнул вперед, и вся шеренга последовала за ним. Он тоже потряс копьем.

— У-у-у.

— У-у-у.

— У-у-у.

Ведунья и Хранительница Прошлого изумленно переглянулись. Что за дурацкие крики? Разве так надо начинать бой? Кто его знает — может, и так. Все равно глупо.

Мужчины, вероятно, тоже не знали, как им следует начинать. Ведь эти воины еще ни разу не сражались с Чужими, сообразила Ведунья, даже в глаза их не видывали. Она единственная из племени однажды встретила Чужого у ледового озерца. Тогда Чужой повернулся и убежал от нее.

Теперь Чужие тоже стояли как неприкаянные и повторяли глупые крики воинов племени. А ведь Чужих больше, и оружие у них лучше.

Почему? Или эти страшные Чужие — из породы трусов?

— У-у-у.

— У-у-у.

— У-у-у.

— Послушайте только, — ухмыльнулась Ведунья. — Прямо как совы.

Внизу кое-что переменилось. Воины племени чуть-чуть развернули свою линию и стали теперь слегка под углом к алтарю. Чужие развернулись под тем же углом, чтобы по-прежнему стоять к ним лицом.

И те, и другие продолжали пугать друг друга криками. Обе шеренги чуть-чуть продвинулись вперед, а потом снова отступили. Воины потрясали копьями, но ни одного копья не было брошено.

— Да они боятся друг друга! — удивилась Хранительница Прошлого.

— У-у-у.

— У-у-у.

— Напасть бы им, — бормотала Ведунья. — Чужие бы мигом бросились бежать!

— У-у-у.

— У-у-у.

— Точно совы, — сказала Хранительница Прошлого.

Зрелище было невыносимое. Такое противостояние могло длиться без конца. Ведунья не выдержала. Она подошла к Оседлавшему Мамонта, который так и сидел рядом с горшками, наполненными краской, и сбросила с себя одежду. Оседлавший Мамонта удивленно уставился на нее.

— Дай мне краски.

— Но нельзя же тебе...

— Можно.

Ведунья нагнулась, схватила горшок с синей краской и поспешно наляпала ее на обе груди. Потом взяла красную и нарисовала большой треугольник в низу живота, нанеся один мазок на темные волосы лобка. Все теперь смотрели на нее. Ведунья не стала просить Оседлавшего Мамонта нарисовать ей полосы на спине — он вряд ли согласится, а ей не хотелось тратить время на споры с ним. Спину раскрашивать не обязательно. Она не собирается поворачиваться к врагу спиной.

«Чужие! — яростно твердила она про себя. — Трусы вы, все до одного».

К ней шел Серебристое Облако, осторожно припадая на больную ногу.

— Что ты делаешь, Ведунья?

— Иду воевать за тебя на твою войну, — ответила она, снова набросила на себя шкуру и пошла вниз, к алтарю из блестящего камня.

Глава 7

СОПРОТИВЛЕНИЕ

33

— Послушаем еще раз, что тебе наговорил этот ублюдок, Джерри? — предложил Сэм Айкман.

Хоскинс сунул в щель кассету, и на экране в конце стола заседаний появилось лицо Брюса Маннхейма — проигрывалась запись его телефонного разговора с Хоскинсом. Мигающая зеленая розетка в правом нижнем углу экрана указывала, что запись сделана с ведома и согласия того, кто звонил.

Маннхейм был моложавый, полнолицый, с плотно прилегающими к голове волнами густых рыжих волос и румянцем во всю щеку. Несмотря на то что бороды уже несколько лет как вышли из моды, оставшись популярными лишь у очень юных

или совсем пожилых, он носил короткую аккуратную эспаньолку и усы щеточкой.

У известного детского адвоката был очень искренний, очень серьезный вид, крайне раздражавший Хоскинса.

— Наша последняя беседа, доктор Хоскинс, — сказал Маннхейм на экране, — не может считаться плодотворной, и я больше не могу верить вам на слово, когда вы говорите, что мальчик содержится в приемлемых условиях.

— Почему? — спросил Хоскинс, тоже с экрана. — Разве мое слово перестало считаться достоверным?

— Не в том дело, доктор. У нас нет оснований сомневаться в вашем слове. Но и нет оснований принимать его за чистую монету — некоторые из моих консультантов считают, что до сего момента я слишком полагался на вашу собственную оценку состояния, в котором находится мальчик. И не провел обследования лично.

— Можно подумать, что у нас тут не ребенок, а тайный склад оружия, мистер Маннхейм.

Маннхейм улыбнулся, но улыбка не отразилась в его бледно-серых глазах.

— Прошу вас, войдите в мое положение. Я испытываю значительное давление со стороны того сектора общественного мнения, который представляю. Несмотря на все ваши публикации и передачи, многие люди придерживаются мнения, что с ребенком, доставленным сюда таким образом и приговоренным, так сказать, к одиночному заключению на неопределенный срок, поступают жестоко и бесчеловечно.

— Мы с вами все это не раз обсуждали, — сказал Хоскинс, — и вы знаете, что ребенок получает у нас наилучший уход. При нем дежурят круглые сутки, его каждый день осматривает врач, его диета идеально сбалансирована и уже сотворила чудеса с его здоровьем. Было бы безумием с нашей стороны обращаться с мальчиком по-другому, а мы, какие ни есть, все-таки не сумасшедшие.

— Да, я признаю — вы мне все это говорили. Но вы не допускаете к себе никого со стороны, кто мог бы проверить ваши утверждения. А меня каждый день бомбардируют письмами и звонками — люди протестуют, требуют...

— А не потому ли на вас давят, мистер Маннхейм, — без церемоний сказал Хоскинс, — что вы сами заварили эту кашу, и теперь ваша аудитория возвращает вам частицу того пыла, который вы столь щедро расточали?

— Так его, Джерри-бой! — сказал Чарли Мак-Дермотт, ревизор.

— Уж слишком в лоб, — сказал Нед Кессиди. Он был юрисконсультом и всегда стоял за благоразумие.

Запись продолжалась:

— ...никакого отношения, доктор Хоскинс. Главное заключается в том, что ребенка оторвали от дома и семьи...

— Неандертальского ребенка, мистер Маннхейм. Неандертальцы были примитивными дикими кочевниками. Неизвестно, имелось ли у них что-то похожее на дом и существовали ли у них даже семейные отношения в нашем понятии. Очень вероятно, что мы избавили этого ребенка от жалкого, скотского, убогого существования, а не похитили, как это представляется вам, из идиллической, прямо с рождественской открытки, семейки эпохи плейстоцена.

— Вы хотите сказать, что неандертальцы были животными? Что ребенок, доставленный вами из плейстоцена, — просто обезьянка, которая ходит на двух ногах?

— Разумеется, нет. Ничего подобного мы не утверждаем. Неандертальцы были людьми, хотя и примитивными — это несомненно...

— Ибо если вы клоните к тому, что ваш пленник не человек и поэтому не имеет человеческих прав, то разрешите подчеркнуть, доктор Хоскинс, — ученые единодушно сходятся на том, что гомо неандерталенсис является подвидом гомо сапиенс, так что...

— Господи Иисусе Христе, — взорвался Хоскинс, — да вы слушаете меня или нет? Я же только что сказал — мы согласны с тем, что Тимми человек.

— Тимми?

— Да, мы его тут так окрестили. Это было во всех газетах.

— И это, возможно, ошибка, — вставил Нед Кессиди. — Имя помогает созданию образа. Даем ему имя, публика начинает представлять его себе как живого, и случись потом с ним что-нибудь...

— Он и так живой, Нед, — сказал Хоскинс. — И ничего с ним не случится.

— Отлично, доктор, — продолжал с экрана Маннхейм. — Мы оба согласны с тем, что речь идет о маленьком человеке. Нет у нас расхождений и в другом основном пункте, то есть в том, что вы взяли ребенка к себе самовольно, не имея на него законных прав. А проще говоря, просто похитили его.

— Законных прав? Каких таких прав? Скажите мне, какой закон я нарушил. Покажите мне плейстоценовый суд, перед которым я должен предстать!

— Если у жителей эпохи плейстоцена не было судов, это еще не значит, что у них нет прав, — невозмутимо ответил Маннхейм. — Как видите, я употребил настоящее время, хотя этот народ и вымер. Теперь, когда путешествия во времени стали реальностью, все времена сделались настоящими. Раз мы способны вмешиваться в жизнь людей, живших сорок тысяч лет назад, приходится признать за этими людьми те же права и привилегии, которые мы почитаем неотъемлемой принадлежностью нашего общества. Не станете же вы убеждать меня в том, что «Стасис текнолоджиз» имеет право проникнуть в современную бразильскую, заирскую или индонезийскую деревню и утащить оттуда первого попавшегося ребенка исключительно ради...

— Наш эксперимент уникален, он имеет огромное научное значение, мистер Маннхейм! — с пеной у рта завопил Хоскинс.

— А теперь, кажется, это вы меня не слушаете, доктор Хоскинс. Я обсуждаю не ваши мотивы, а законность ваших действий. Даже ради науки — было бы допустимо забрать ребенка из деревни современного отсталого племени, привезти его сюда и предоставить антропологам его изучать, невзирая на чувства его родителей или опекунов?

— Разумеется, нет.

— А с племенами прошлого, выходит, такое дозволено?

— Аналогия неуместна. Прошлое — это закрытая книга. Ребенок, который сейчас находится у нас, мистер Маннхейм, умер сорок тысяч лет назад.

Нед Кессиди ахнул и энергично замотал головой, увидев здесь, вероятно, вопиюще неверный с юридической точки зрения ход, которого ни в коем случае не следовало делать.

— Вот как, — сказал Маннхейм. — Ребенок мертв, но тем не менее получает круглосуточный уход? Бросьте, доктор Хоскинс. Ваши рассуждения абсурдны. С наступлением эры путешествий во времени такие старые понятия, как «живой» и «мертвый», утрачивают свою ценность. Вы раскрыли ту закрытую книгу, о которой говорили, и уже не в силах самовольно закрыть ее. Нравится вам это или нет, мы с вами живем в эпоху парадоксов. Ребенок этот живехонек, раз вы перенесли его из того времени в наше, и мы оба сошлись на том, что он человек и с ним нужно обращаться так же, как со всяким ребенком. Что и возвращает нас к вопросу об условиях, в которых он здесь у нас живет. Называйте это как хотите: жертвой похищения, объектом уникального научного эксперимента, гостем, поневоле попавшим в нашу эру. Выберите любой семантический ярлык — *факт останется фактом: вы самовольно изъяли*

ребенка из его родной среды без согласия заинтересованных лиц и держите его практически в заключении. Мы так и будем с вами ходить по кругу? Существует только один выход, и вы знаете какой. Я представляю заинтересованную общественность, и мне поручено удостовериться в том, что права этого несчастного ребенка надлежащим образом соблюдаются.

— Возражаю против слова «несчастный». Я неоднократно говорил вам, что...

— Хорошо. Беру это слово назад, если оно вам так неприятно. Но мое заявление остается в силе.

— Чего вы, собственно, от нас хотите, мистер Маннхейм? — спросил Хоскинс, не скрывая, что его терпение на исходе.

— Я уже говорил. Дайте нам провести обследование, чтобы мы сами могли убедиться, в каких условиях содержится ребенок.

Хоскинс на экране на миг закрыл глаза.

— Вы настаиваете на этом? Другой вариант вас не устроит? Вам непременно надо прийти и проверить все лично?

— Ответ вам известен.

— В таком случае, мистер Маннхейм, я перезвоню позднее. До сих пор мы допускали к Тимми только специалистов, ученых — я не уверен, что вы относитесь к этой категории. Мне тоже надо посовещаться со своими консультантами. Спасибо, что позвонили, мистер Маннхейм, приятно было поговорить с вами.

Экран погас. Хоскинс посмотрел вокруг.

— Итак, вы все поняли, в чем проблема. Он, точно бульдог, вцепился мне в штанину и не отцепится, как бы я ни старался его стряхнуть.

— А если и стряхнешь, — сказал Нед Кессиди, — он кинется снова и на этот раз, чего доброго, вцепится в ногу, а не в штанину.

— Что ты хочешь сказать, Нед?

— То, что придется разрешить ему это обследование. В виде жеста доброй воли.

— Это твое мнение как юриста?

Кессиди кивнул:

— Ты обороняешься от этого парня уже несколько недель, так? Он звонит, ты ему заговариваешь зубы, он снова звонит, ты снова как-то ухитряешься опровергнуть его аргументы, и так далее, и так далее. Но вечно так продолжаться не может. Он такой же упрямый, как и ты — вся разница в том, что его упрямство *выглядит как борьба за правое дело*, а твое — как

сознательная обструкция. Он ведь впервые попросил, чтобы его допустили сюда, верно?

— Верно.

— Вот видишь? Он каждый раз выдумывает что-нибудь новенькое. Ты не отделаешься еще одним пресс-коммюнике или интервью с Кандидом Девени. Маннхейм выступит с публичным заявлением, что мы скрываем правду и здесь происходит нечто ужасное. Пусть придет и посмотрит мальчишку. Авось потом заткнется до окончания проекта.

Сэм Айкман покачал головой:

— Не вижу никакого смысла уступать этому нахалу, Нед Мы что, держим парнишку закованным в чулане, или он у нас кожа да кости, весь в цинге и болячках, или ревет ревмя день и ночь? Если верить Джерри, парень цветет, набирает вес и вроде бы даже немного выучился по-английски. Ему никогда еще не жилось так хорошо — это должно быть ясно всем, даже и Брюсу Маннхейму.

— Вот-вот, — сказал Кессиди. — Нам нечего скрывать. Зачем же позволять Маннхейму утверждать обратное?

— Резонно, — сказал Хоскинс. — Но я хочу слышать мнение всех. Приглашать Маннхейма посмотреть на Тимми или нет?

— По мне, пусть он идет к черту, — сказал Сэм Айкман. — Репей несчастный. Нет никакой причины уступать ему.

— Я за Неда, — сказал Фрэнк Брютон. — Пусть приходит, и покончим с этим.

— Рискованно, — сказал Чарли Мак-Дермотт. — Впусти его только, и неизвестно, к чему еще он привяжется. Нед правильно сказал — он всегда выдумывает что-то новенькое. Если мы допустим его к мальчику, он все равно с нашей шеи не слезет и повернет дело так, что станет еще хуже. Я говорю «нет».

— А вы, Елена? — спросил Хоскинс Елену Седдлер, заведующую снабжением.

— Я за то, чтобы пустить его. Нед верно сказал — нам нечего скрывать. Нельзя, чтобы этот человек бесконечно цеплялся к нам. Когда он здесь побывает, его слово в худшем случае будет стоять против нашего, а у нас есть отснятые с Тимми пленки, которые докажут всему миру, что правы мы, а не Маннхейм.

Хоскинс хмуро кивнул:

— Двое за, двое против. Значит, мой голос решающий. Ладно. Пусть будет так. Скажу Маннхейму — пусть приходит.

— Джерри, а ты уверен, что... — начал Айкман.

— Да. Он мне нравится не больше, чем тебе, Сэм, и мне не больше вашего хочется пускать его сюда даже на пару минут, чтобы он тут разнюхивал. Ты правильно сказал — это репей. Вот потому-то я и решил, что лучше ему уступить. Пусть он увидит, что Тимми процветает. Пусть познакомится с мисс Феллоуз и сам посмотрит, подвергается ли мальчик жестокому обращению. Я согласен с Недом — этот визит может заткнуть Маннхейму рот. А не получится — что ж, хуже нам не станет: он так и будет разводить агитацию и поднимать вой, а мы так и будем все отрицать. Но если мы ему просто откажем, он обвинит нас в самых фантастических грехах, и одному Богу известно, как мы будем оправдываться. Поэтому я голосую за то, чтобы бросить бульдогу кость. Так у нас появляется шанс, а иначе мы тонем. Маннхейм получит приглашение — решено. Совещание окончено.

34

Мисс Феллоуз купала Тимми в ванне, когда в комнате рядом зажужжал селектор. Она недовольно нахмурилась, не решаясь отойти от мальчика. Купание давно уже превратилось у него из мучения в удовольствие. Он больше не боялся лежать, погрузившись наполовину в теплую воду, и видно было, что ему нравится не только купание, но и то чудесное ощущение, когда выходишь из ванны чистым, розовым и приятно пахнущим. Ну и поплескаться тоже хорошо, конечно.

Чем дольше Тимми жил здесь, тем больше он становился похож на обыкновенного мальчика.

Но мисс Феллоуз все же не хотелось оставлять его в ванне без присмотра. Нет, она не опасалась, что Тимми утонет — дети его возраста обычно не тонут в ваннах, и у мальчика хороший инстинкт самосохранения. Но вдруг он решит вылезти самостоятельно, поскользнется и упадет.

— Я сейчас приду, Тимми, — сказала она. — А ты сиди в ванне, хорошо?

Он кивнул.

— В ванне сиди, не выходи, понял?

— Да, мисс Феллоуз.

Никто на свете не сумел бы распознать в звуках, которые произнес Тимми, «да, мисс Феллоуз». Никто, кроме самой мисс Феллоуз.

Немного все же беспокоясь, она поспешила к селектору и спросила:

— Кто это?

— Это доктор Хоскинс, мисс Феллоуз. Хотел спросить вас, сможет ли Тимми сегодня выдержать еще один визит.

— Но ведь у него эти полдня были свободны. Я как раз купаю его в ванне. А после ванны к нам никто никогда не ходит.

— Знаю, но это особый случай.

Мисс Феллоуз прислушалась, что происходит в ванной. Тимми плескался вовсю, вполне счастливый, по-видимому, — он так и заливался смехом.

— У вас каждый случай особый, доктор Хоскинс, — с укором сказала она. — Если бы я впускала всех, у кого особый случай, мальчик не знал бы покоя ни днем ни ночью.

— Это действительно особый случай, мисс Феллоуз.

— И все-таки я против. Должно же у Тимми быть свободное время, как у всех. И с вашего разрешения, доктор Хоскинс, я хотела бы вернуться в ванную, пока...

— Посетитель — Брюс Маннхейм, мисс Феллоуз.

— Что?

— Вы же знаете — он надоедает нам своими вечными дутыми обвинениями и напыщенными речами чуть ли не с того момента, как мы объявили о прибытии Тимми? Знаете, правда?

— Да, кажется. — Мисс Феллоуз не слишком обращала на это внимание.

— Он звонит через два дня на третий, чтобы указать нам на очередное наше преступление. Наконец я спросил, чего он, собственно, хочет — и он сказал, что желает лично проверить, как живется Тимми. Инспекцию произвести, точно у нас тут склад снарядов. Мы посовещались и без особого энтузиазма все же решили, что отказ принесет больше вреда, чем пользы. Боюсь, что выбора нет, мисс Феллоуз. Придется его впустить.

— Сегодня?

— Часа через два. Уж очень он настаивает.

— Могли бы предупредить меня пораньше.

— Предупредил бы, если б мог, мисс Феллоуз, но Маннхейм застал меня врасплох, когда я позвонил ему сказать, что мы согласны. Сказал, что приедет прямо сейчас, а на мой ответ, что сейчас вряд ли получится, снова начал изливать свои подозрения и обвинения. Наверное, думает, что мы нарочно тянем время — хотим, чтобы у Тимми сошли рубцы от порки или что-то в этом роде. Правда, он еще сказал, что завтра у него ежемесячный совет директоров и ему, мол, представляется удобный случай доложить им, в каком состоянии Тимми, ну и... Я знаю, мисс Феллоуз, что слишком поздно предупреждаю вас. Пожалуйста, не сердитесь, хорошо? Ну пожалуйста.

Мисс Феллоуз стало искренне жаль его. С одной стороны — напористый демагог, с другой — сварливая мегера-нянька. Бедный, как он устал.

— Хорошо, доктор Хоскинс. Один раз не в счет. Постараюсь замазать рубцы гримом до его прихода. — И она ушла в ванную, не дослушав благодарностей Хоскинса, еще несшихся из селектора. Тимми вел ожесточенный морской бой между зеленой пластмассовой уткой и ярко-красным морским чудищем. Утка, похоже, побеждала.

— Скоро у тебя будут гости, — сказала мисс Феллоуз, кипя от злости. — Придут проверять, как мы тут с тобой обращаемся. Надо же додуматься до такого!

Тимми непонимающе смотрел на нее. Его новообретаемый словарь был далеко не столь богат, и мисс Феллоуз, конечно, это понимала.

— Кто придет? — спросил он.

— Мужчина. Гость.

— Хороший?

— Будем надеяться. А теперь вылезай — пора вытираться.

— Еще ванна! Еще ванна!

— Еще ванна будет завтра. Ну-ка, Тимми, вылезай!

Мальчик неохотно встал. Мисс Феллоуз вынула его из ванны, завернув в полотенце, и быстро осмотрела. Нет, рубцов от плетки не видать. Вообще никаких повреждений. Мальчик в прекрасной форме, особенно если сравнить его с тем грязным, запущенным, исцарапанным детенышем, который выпал из стасисного ковша вместе с кучей грязи, камней, травы и муравьев в ту первую жуткую ночь.

Сейчас Тимми пышет здоровьем. Он набрал несколько фунтов, расчесы зажили, а коллекция царапин давно исчезла. Волосы и ногти аккуратно подстрижены. Пусть-ка Брюс Маннхейм попробует к чему-нибудь придраться. Пусть только попробует!

Обычно после ванны она надевала на Тимми пижамку, но сегодня у них гость — не простой гость. Здесь нужен вечерний туалет — вроде бордового комбинезона с красными пуговицами.

Тимми заулыбался, увидев свой любимый наряд.

— Надо, пожалуй, закусить до гостей. Что скажешь, Тимми?

Ее все еще трясло от гнева.

Брюс Маннхейм, свирепо думала она. Этот бездельник. Этот беспокойный тип. Называет себя детским адвокатом! А кто его просил кого-то защищать? Профессиональный агитатор, вот он кто. Смутьян!

— Мисс Феллоуз, — снова сказал Хоскинс по селектору.

— Что, доктор? Ведь мистер Маннхейм должен прийти только через полчаса?

— Он приехал раньше. Боюсь, что это в его стиле. — В голосе Хоскинса звучала какая-то странная робость. — И боюсь, что он приехал не один, хотя об этом ничего не было сказано.

— *Двое посетителей — это слишком,* — *непреклонно* отрезала мисс Феллоуз.

— Знаю. Знаю. Ну пожалуйста, мисс Феллоуз. Я понятия не имел, что он привезет еще кого-то. Но Маннхейм настаивает, чтобы его спутница пошла с ним. И раз уж мы так далеко зашли, то стоит ли обижать его — понимаете?

Ну вот, снова просьбы и мольбы. Этот Маннхейм на него просто ужас нагоняет. Куда девался тот сильный, непреклонный доктор Хоскинс, которого она знает?

— А кто это с ним? Что за нежданная гостья?

— Его сотрудница, консультант его организации. Может быть, вы ее даже знаете — наверняка знаете. Она специалист по детям-инвалидам, во всех правительственных комиссиях участвует, во всех учреждениях заседает — высокого полета птица. Знаете, она даже претендовала на ваше место, но мы сочли — я счел, — что в ней маловато тепла и доброты для такой работы. Зовут ее Мериэнн Левиен. По-моему, довольно опасная особа. Ее ни в коем случае нельзя прогонять с порога, раз уж она здесь.

Мисс Феллоуз в ужасе зажала рот рукой.

Мериэнн Левиен! Господи, помоги мне. Помоги нам всем.

35

Овальная дверь кукольного домика открылась, и вошел Хоскинс, а за ним еще двое. Хоскинс выглядел ужасно. Его полные щеки как будто опали, все лицо стало свинцово-серым — он сразу постарел на десять лет. В глазах стояло какое-то покорное, почти затравленное выражение, поразившее и испугавшее мисс Феллоуз.

Она с трудом узнала Хоскинса. Что с ним такое?

— Это Эдит Феллоуз, няня Тимми, — пробормотал он. — Брюс Маннхейм, мисс Феллоуз. Мериэнн Левиен.

— А это Тимми? — спросил Маннхейм.

— Да, — бодро воскликнула мисс Феллоуз, стараясь прикрыть внезапную растерянность Хоскинса. — Это Тимми!

Мальчик был в задней комнате, служившей ему спальней и детской, но, когда услышал, что пришли гости, выглянул и направился к ним уверенной, развалистой, небрежной походочкой, вызвавшей молчаливый восторг мисс Феллоуз.

Ну-ка, покажи им, Тимми! Здесь плохо с тобой обращаются, да? Ты прячешься под кроватью, дрожа от страха и горя?

Мальчик, очень представительный в своем лучшем комбинезоне, подошел к незнакомцам и воззрился на них, не скрывая любопытства.

Молодец, подумала мисс Феллоуз. Работаешь в нашу пользу.

— Так, значит, ты Тимми.

— Тимми, — сказал Тимми, хотя одна только мисс Феллоуз поняла, что он сказал.

Мальчик потянулся к Маннхейму. Тот, наверное, подумал, что Тимми хочет поздороваться, и протянул ему руку, но Тимми не знал, что такое рукопожатие. Он не взял руки Маннхейма и нетерпеливо замахал своей, стараясь до чего-то дотянуться. Адвокат недоумевал.

— Ваши волосы, — сказала мисс Феллоуз. — Подозреваю, что он раньше не видел рыжеволосых. Должно быть, в неандертальские времена их не было, и сюда такие люди тоже не приходили. Светлые волосы производят на него прямо-таки чарующее впечатление.

— Ага, вот в чем дело.

Маннхейм усмехнулся, опустился на колени, и Тимми немедленно запустил пальцы в густую, пружинистую копну его волос. Мальчику были в новинку не только рыжие, но и курчавые волосы, и он внимательно исследовал это явление.

Маннхейм терпел это вполне добродушно. Вообще он оказался совсем не таким, как воображала мисс Феллоуз. Она представляла себе радикала с огнем в глазах и пеной у рта, который тут же начнет изрыгать обличения, лозунги и бескомпромиссные требования реформ. А увидела перед собой весьма приятного, вдумчивого и серьезного человека, моложе, чем она думала, — и он мигом подружился с Тимми.

Однако Мериэнн Левиен была особой совершенно другого плана. Даже Тимми, устав заниматься волосами Маннхейма и обратив внимание на гостью, явно пришел в недоумение.

Мисс Феллоуз невзлюбила Левиен с первого взгляда. Она подозревала, что именно неожиданное появление этой дамы так выбило Хоскинса из колеи, а не Брюс Маннхейм.

Что она, собственно, здесь делает? И как собирается нам навредить?

Левиен была широко известна среди сотрудников детских учреждений как амбициозная, агрессивная, неуступчивая женщина, притом искусная карьеристка, хорошо умеющая себя подать. Мисс Феллоуз никогда с ней раньше не сталкивалась,

но грозный, непреклонный вид Левиен полностью подтверждал ее репутацию.

Она больше походила на актрису или на деловую женщину — или на актрису, играющую роль деловой женщины, — чем на специалиста по детским вопросам. На ней было облегающее блестящее платье из плотной металлической ткани, на груди сиял огромный золотой диск в форме солнца, широкий лоб украшала повязка, сплетенная из золотых нитей. Темные блестящие волосы, гладко зачесанные назад, придавали ей еще более эффектный вид. Губы ярко-красные, глаза густо подведены, а вокруг — незримое облако духов.

Мисс Феллоуз неприязненно смотрела на нее. Непонятно, как это доктор Хоскинс мог хотя бы на мгновение увидеть в этой женщине будущую няню Тимми. Она решительно во всем отличалась от мисс Феллоуз. А зачем, интересно, Мериэнн Левиен понадобилось это место? Работа, которая требует уединения и полной самоотдачи? Ведь Левиен, как известно, всегда в движении, постоянно носится по свету, посещая научные сборища, где высказывает мнения, которые знающие люди считают спорными и внушающими тревогу. У нее полно ошеломляющих идей насчет того, как использовать современную технику для реабилитации детей-инвалидов — она уверена, что эта футуристическая чудо-машинерия призвана заменить прозаическую любовь и преданность, которой до сих пор как-то обходилось человечество.

Левиен еще и ловкий политик — умеет затесаться в нужную комиссию, консультирует влиятельные объединения, суется всюду, где можно выделиться. Очень заметная личность — идет в своей карьере вверх, как ракета. Если она претендовала на место, которое в конечном счете заняла мисс Феллоуз, — значит, рассматривала его как трамплин к новым высотам.

«А я, наверное, очень старомодна, — подумала мисс Феллоуз. — Я хотела всего лишь помочь ребенку, который больше всех остальных нуждается в любви и ласке».

Тимми потянулся к блестящему металлом платью гостьи. Глаза его сияли от восторга.

— Красиво, — сказал он.

Левиен поспешно отступила назад.

— Что он сказал?

— Восхищается вашим платьем, — ответила мисс Феллоуз. — Он просто хотел его потрогать.

— Нет, лучше не надо. Его легко испортить.

— Тогда будьте начеку. Он очень проворный.

— Красиво, — сказал Тимми. — Хочу!

— Нет, Тимми. Нет. Нельзя трогать.

— Хочу!

— Извини, но нельзя. Не-льзя.

Тимми с грустью посмотрел на свою няню, но оставил свои попытки потрогать платье.

— Так он вас понимает? — спросил Маннхейм.

— Как видите, платья он не трогает, — улыбнулась мисс Феллоуз.

— И вы его тоже понимаете?

— Да, зачастую. Почти всегда.

— Вот сейчас он что-то проворчал, — сказала Левиен. — Как по-вашему, что это могло значить?

— Он сказал «красиво» — про ваше платье. Потом сказал «хочу» — хочу потрогать.

— Так он говорил по-английски? — удивился Маннхейм. — Никогда бы не догадался.

— У него не слишком хорошее произношение — здесь, возможно, какая-то физиологическая причина. Но я его понимаю. В его словаре что-то около сотни английских слов, а то и побольше. Он каждый день усваивает что-то новое — теперь уже самостоятельно. Ему, как видите, почти четыре года. И хотя он поздно начал обучаться, его лингвистические способности соответствуют возрасту, и учится он быстро.

— Вы считаете, что у ребенка-неандертальца лингвистические способности такие же, как у человека? — спросила Левиен.

— Но он человек.

— Да, конечно, — но все же другого подвида, не так ли? И резонно предположить, что в умственном отношении он так же отличается от нас, как и в физическом. Чрезвычайно примитивное строение его лица...

— Не такое уж оно примитивное, мисс Левиен, — резко ответила мисс Феллоуз. — Посмотрите на шимпанзе и увидите, что такое настоящее человекообразное. У Тимми присутствуют некоторые анатомические различия, но...

— Это вы сказали «человекообразное», а не я, — заметила Левиен.

— Но вы подумали.

— Мисс Феллоуз! Доктор Левиен! Прошу вас, не увлекайтесь!

Доктор Левиен? Мисс Феллоуз быстро взглянула на Хоскинса. Ну что ж, все может быть.

— Вот эти комнаты, — посмотрел вокруг Маннхейм, — и представляют собой всю среду обитания мальчика?

— Да, это так, — ответила мисс Феллоуз. — Там его спальня и комната для игр, здесь он ест, вот тут его ванная. Здесь помещаюсь я, а дальше кладовые.

— И он никогда не выходит из этого замкнутого пространства?

— Нет. Это стасисный пузырь. Он не может из него выйти.

— Похоже на тюремное заключение, вы не находите?

— Заключение продиктовано абсолютной необходимостью, — с излишней поспешностью вмешался Хоскинс. — Оно обусловлено техническими причинами, связано с темпоральным потенциалом, создавшимся при доставке мальчика из прошлого. Могу объяснить подробнее, если вам нужна полная картина. Но если быть кратким, то стоимость энергии, которую израсходовал бы мальчик, выходя из зоны стасиса, была бы непомерно высока.

— И вы, чтобы сэкономить немного денег, намерены вечно держать ребенка в этих комнатушках? — спросила Левиен.

— Вы ошибаетесь, говоря «немного денег», доктор Левиен, — еще больше засуетился Хоскинс. — Я сказал, что цена была бы непомерно высока, а следовало бы сказать, что такому количеству энергии вообще нет цены. Городскому энергетическому запасу был бы нанесен такой ущерб, что у местного коммунального хозяйства возникли бы непреодолимые проблемы. Вы, я, мисс Феллоуз свободно пересекаем границу стасиса, но для Тимми это просто невозможно. Просто невозможно.

— Если наука могла взять ребенка из прошлого за сорок тысяч лет до нас, — изрекла Левиен, — наука могла бы также изобрести, как этому ребенку выйти и побегать в холле, когда захочется.

— Хотел бы я, чтобы это было так, доктор Левиен, — сказал Хоскинс.

— Значит, ребенок обречен оставаться в этих комнатах, — заключил Маннхейм, — и, если я правильно понял, над решением этой проблемы никто не работает?

— Вы поняли правильно. Я попытался объяснить вам, что в условиях реального мира, диктующего нам свои законы, эту проблему решить невозможно. Мы хотим, чтобы мальчику было хорошо, но просто не можем тратить силы на заведомо неразрешимые задачи. Повторяю, что позднее могу дать вам полный научный анализ, если вы желаете это проверить.

Маннхейм кивнул, как будто вычеркнув строку из списка, который держал в голове.

— Какую диету получает мальчик? — спросила Левиен.

— Хотите осмотреть кладовую? — не слишком радушно предложила мисс Феллоуз.

— Да, собственно... мне бы хотелось.

Мисс Феллоуз широким жестом пригласила ее к холодильникам.

Смотри, смотри, подумала она. Полагаю, это доставит тебе удовольствие.

Левиен и в самом деле, кажется, была довольна, обнаружив целый набор бутылочек, ампул, капельниц и мензурок для смешивания — всю эту кухню синтетической диеты, которую мисс Феллоуз отказывалась считать здоровой пищей, а доктор Джекобс и его помощники упорно внедряли, несмотря на ее энергичные протесты. Левиен обследовала запасы съедобных химикалий с заметным одобрением. Этакое суперфутуристическое питание как раз по ней, сердито подумала мисс Феллоуз. Если она вообще что-нибудь ест.

— Здесь у меня никаких замечаний нет, — сказала Левиен через некоторое время. — Ваши диетологи, кажется, знают, что делают.

— Да, мальчик выглядит здоровым, — согласился Маннхейм. — Но меня беспокоит его вынужденное одиночество.

— Вот-вот, — прощебетала Левиен. — Меня оно тоже крайне беспокоит.

— Достаточно плохо уже и то, что Тимми лишен родных для него внутриплеменных отношений — но то, что он лишен вообще всякого общества, внушает мне сильнейшую тревогу.

— А мое общество разве не в счет, мистер Маннхейм? — несколько резко осведомилась мисс Феллоуз. — Я, как вам известно, почти все время нахожусь при нем.

— Я имел в виду общество сверстников, с которыми он мог бы играть. Ведь этот эксперимент рассчитан на длительное время, доктор Хоскинс?

— Мы надеемся узнать от Тимми массу вещей о той эпохе, из которой он прибыл. И когда он станет лучше говорить по-английски — мисс Феллоуз уверяет, что он говорит уже довольно бегло, хотя и не все могут его понять. .

— Другими словами, вы собираетесь продержать его здесь несколько лет, доктор Хоскинс? — уточнила Левиен.

— Да, возможно

— И он так и будет прикован к этим комнатушкам? — подхватил Маннхейм — И лишен общества ровесников? Разве это жизнь для такого здорового, растущего мальчика, доктор Хоскинс?

Хоскинс переводил взгляд с одного на другую, затравленный и сбитый с толку.

— Мисс Феллоуз уже предлагала подыскать Тимми приятеля. Уверяю вас, мы совсем не намерены калечить Тимми ни эмоционально, ни еще как-нибудь.

Мисс Феллоуз удивленно посмотрела на Хоскинса. Да, она это предлагала, но тем дело и кончилось. Со времен их неоконченного разговора в столовой Хоскинс ни одним намеком не ответил на ее просьбу подыскать Тимми товарища. Он отмел эту идею как неосуществимую и вообще казался таким ошарашенным ею, что мисс Феллоуз опасалась заговорить об этом повторно. Да и Тимми пока что вполне обходился без компании. Однако его няня, заглядывая вперед, понимала, что Тимми быстро привыкает к современной жизни и скоро придется вновь поднять этот вопрос.

Теперь его поднял Маннхейм, за что мисс Феллоуз была ему безмерно благодарна. Детский адвокат абсолютно прав. Нельзя держать Тимми здесь в одиночку, словно обезьяну в клетке. Тимми не обезьяна. И даже горилла или шимпанзе не выдержит долго без общества себе подобных.

— Ну что ж, — сказал Маннхейм, — если вы уже задумывались над этим, хотелось бы знать, что предпринято вами в этом направлении. — Его тон стал чуть менее дружелюбным, чем раньше.

— Что касается доставки сюда второго неандертальца, — заволновался Хоскинс, — как предложила поначалу мисс Феллоуз, то должен вам сказать, что мы просто не намерены...

— Второй неандерталец? Нет-нет, доктор Хоскинс. Мы этого вовсе не желаем.

— Достаточно и того, что один уже сидит у вас здесь, — сказала Левиен. — Второй пленник только усугубит проблему.

Хоскинс бросил на нее злобный взгляд. По лицу у него струился пот.

— Я же сказал, что мы не намерены доставлять сюда второго неандертальца, — процедил он сквозь зубы. — Мы никогда даже не обсуждали этот вопрос. Ни разу! На то есть целая дюжина разных причин. Когда мисс Феллоуз впервые заговорила об этом, я сказал ей...

Маннхейм и Левиен переглянулись, обеспокоенные внезапной вспышкой Хоскинса. Даже Тимми немного заволновался и покрепче прижался к мисс Феллоуз в поисках защиты.

— Мы все согласны, доктор Хоскинс, — спокойно сказал Маннхейм, — что второй неандерталец — идея неудачная, и никто

на этом не настаивает. Мы просто хотели выяснить, нельзя ли подобрать Тимми в друзья... как бы это сказать? Не «человеческое дитя», ведь Тимми тоже человек. Современного ребенка. Нашего маленького современника.

— Ребенка, который мог бы посещать Тимми регулярно, — добавила Левиен, — и стимулировать его дальнейшую социокультурную ассимиляцию, которую мы все признаем необходимой.

— Минутку, — рявкнул Хоскинс. — Какую такую ассимиляцию? По-вашему, Тимми в будущем поселится в уютном пригороде? Получит американское гражданство? Начнет ходить в церковь, обретет положение в обществе, женится? Позвольте вам напомнить, что это дитя столь отдаленной эпохи, которую даже варварской нельзя назвать, — дитя каменного века, член общества, которое вы сами, доктор Левиен, довольно точно определили как чуждое нам. И вы полагаете, что он станет...

— Дело не в гипотетическом будущем гражданстве Тимми, — невозмутимо прервала Левиен, — и не в том, будет ли он посещать церковь. Не нужно прибегать к reductio ad absurdum*, доктор Хоскинс. Тимми еще ребенок, и нас с мистером Маннхеймом волнует, каким будет его детство. Условия, в которых он содержится теперь, неприемлемы. Я уверена, что они считались бы неприемлемыми и в том обществе, откуда происходит Тимми, каким бы чуждым в других отношениях оно нам ни было. Любое известное нам человеческое общество, как бы ни отличались его парадигмы и параметры от наших, обеспечивало своим детям оптимальное вхождение в свою социальную матрицу. Мы не можем считать, что жизнь, которую сейчас ведет Тимми, обеспечивает ему вхождение в социальную матрицу.

— В переводе на язык, понятный простому физику, — раздраженно сказал Хоскинс, — это, очевидно, означает, доктор Левиен, что Тимми, по вашему мнению, нужен товарищ.

— Не «по моему мнению». Просто нужен.

— Боюсь, что мы твердо убеждены в том, что мальчику необходимо детское общество, — сказал Маннхейм — не столь воинственно, как Левиен.

— Твердо убеждены, — уныло повторил Хоскинс.

— Это лишь первый необходимейший шаг, — сказала Левиен. — Не думайте, будто мы намерены считать долгое заточение ребенка в нашей эре приемлемым или допустимым. Но в данный момент мы согласны отложить другие наши первостепенные

* Доведение до абсурда *(лат.)*, как прием в споре

требования и разрешить вам продолжать эксперимент — не так ли, мистер Маннхейм?

— Разрешить?! — вскричал Хоскинс.

— С условием, — безмятежно продолжала Левиен, — что Тимми предоставят возможность регулярного здорового контакта с детьми его возрастной группы.

Хоскинс посмотрел на мисс Феллоуз в поисках заступничества, но она ничем не могла ему помочь.

— Я вынуждена с этим согласиться, доктор Хоскинс, — сказала она, чувствуя себя предательницей. — Я и сама все время так думала, а теперь вопрос стоит особенно остро. Мальчик очень хорошо развивается, но вскоре жизнь в социальном вакууме начнет вредно сказываться на нем. И если нельзя ожидать поступления детей его собственного подвида...

«И ты, Брут!» — сказал ей взгляд Хоскинса.

Наступила минутная тишина. Тимми, которого все больше беспокоил шумный спор, еще теснее прижался к мисс Феллоуз.

— Таковы ваши условия, мистер Маннхейм? Доктор Левиен? — спросил наконец Хоскинс. — Товарищ для Тимми — или вы напустите на меня орды протестующих граждан?

— Мы вам не угрожаем, доктор Хоскинс. Но даже вашей мисс Феллоуз ясно, что наши рекомендации следует удовлетворить.

— Так-так. И вы думаете, что так просто будет найти людей, которые охотно отпустят своих малых детей играть с мальчиком-неандертальцем? После всех измышлений о диких, злобных и примитивных пещерных людях, которые сейчас в ходу?

— Ну, это не более трудно, чем доставить маленького неандертальца в двадцать первый век, — сказал Маннхейм. — Мне думается, даже намного легче.

— Могу себе представить, что скажет на это наш совет. Одна только страховка — если и найдется такой сумасшедший, что пустит своего ребенка в стасисный пузырь к Тимми...

— Тимми совсем не выглядит свирепым, — сказал Маннхейм. — На мой взгляд, он славный мальчик. Что скажете, мисс Феллоуз?

— Мисс Феллоуз уже дала понять, — с ехидной сладостью ввернула Левиен, — что Тимми следует считать полноценным человеком, который лишь несколько отличается от нас в физическом плане.

— И вы, конечно, с радостью отпустили бы своих детей поиграть с ним, — сказал Хоскинс. — Только вот детей у вас нет, правда, доктор Левиен? Ну конечно же. А у вас, Маннхейм? У вас мальчика для нас не найдется?

Уязвленный Маннхейм холодно произнес:

— При чем здесь это, доктор Хоскинс? Уверяю вас, если бы мне посчастливилось иметь детей, я не замедлил бы предложить свою помощь. Я понимаю, доктор, — вас возмущает вмешательство посторонних. Но вы, переместив Тимми в нашу эру, слишком много взяли на себя. Пришло время рассчитываться за свой поступок. Нельзя держать ребенка в одиночном заключении только лишь потому, что вы ведете с ним научный эксперимент. Нельзя, доктор Хоскинс.

Хоскинс закрыл глаза и сделал несколько глубоких вдохов.

— Ну хорошо. Довольно. Сдаюсь. Мы добудем Тимми товарища. Где бы то ни было и как бы то ни было. — В его глазах внезапно вспыхнула ярость. — У меня, не в пример вам всем, ребенок есть. И если понадобится, я приведу к Тимми его. Родного сына приведу, если надо. Довольно с вас такой гарантии? Тимми больше не будет одиноким и несчастным. Это вас устроит? Устроит? Теперь, когда мы это уладили, будут у вас еще какие-нибудь требования? Или нам можно спокойно продолжать работу?

Интермедия пятая

ЧУЖИЕ

Спускаясь с горы, Ведунья чувствовала, как боевая раскраска жжет ее тело огнем под одеждой. Если бы она осмелилась, то спустилась бы вниз голой, чтобы показать всем краску на своем теле — и Чужим, и своим. Особенно своим. Пусть знают, что женщина может носить краску не хуже мужчин — и если мужчины не желают нанести удар по врагу, женщина сделает это за них.

Но она не осмелилась. Женщина должна прикрывать себя внизу, если только не предлагает себя в брачном обряде — таково правило. Будь у Ведуньи набедренная повязка, как у мужчин, она могла бы идти в бой хотя бы с обнаженной грудью, чтобы враг видел краску на груди. Но у нее не было набедренной повязки. Была только хламида, которая скрывала все тело. Ну что ж — Ведунья распахнет ее, оказавшись перед Чужими, и они увидят по раскраске, что перед ними воин, хотя бы и с женской грудью.

Ведунья слышала, как кричит далеко позади Серебристое Облако, но не обращала на него внимания.

Теперь ее уже заметили и воины, по-прежнему стоявшие как вкопанные перед шеренгой Чужих. Повернув головы, они в изумлении уставились на Ведунью.

— Назад, Ведунья, — крикнул Пылающее Око. — Тут женщине не место.

— Ты называешь меня женщиной, Пылающее Око? Сам ты женщина! Все вы женщины! Я не вижу здесь воинов. Ступай сам назад, если боишься драться.

— Что она здесь делает? — неизвестно у кого спросил Волчье Дерево.

— Она обезумела, — сказал Молодой Олень. — И всегда была безумна.

— Уходи, Ведунья! — закричали все. — Убирайся! Здесь война! Война!

Но теперь уж никто был не в силах ее прогнать. Их сердитые крики звучали в ее ушах, как жужжание безобидных мух.

Ведунья спустилась с горы и направилась к алтарю. Земля здесь из-за близости трех рек была рыхлой — должно быть, под ней струилась вода. На каждом шагу босые ноги Ведуньи глубоко уходили в холодную, сырую, податливую почву.

За спиной у нее поднималось солнце, перевалив через гребень горы, на которой племя разбило свой стан. Белый ломоть луны скрылся из глаз. Навстречу женщине дул резкий, сильный ветер, будто хлеща ее по лицу. Она все шла и шла вперед, пока не приблизилась к воинам.

Никто не шевелился. Чужие застыли как статуи.

Ближе всех к Ведунье стоял Поймавший Птицу.

— Дай мне копье, — сказала она ему.

— Уйди, — ответил Поймавший Птицу таким голосом, будто его душили.

— Мне нужно копье. Хочешь, чтобы я вышла против Чужих без копья?

— Уйди!!

— Смотри! На мне боевая раскраска! — Ведунья распахнула свою накидку и показала груди, щедро намазанные синей краской. — Нынче я воин. А воину нужно копье!

— Ну так сделай его сама.

Ведунья плюнула и отошла от него.

— Ты, Молодой Олень! Дай мне свое копье. Оно тебе ни к чему.

— Ты обезумела.

Волчье Дерево протянул руку и схватил Ведунью за локоть.

— Послушай, тебе не подобает быть здесь. Здесь будет война.

— Война? Когда же она будет? Вы стоите и кричите на них, словно глупцы, и они отвечают вам тем же. Они такие же трусы, как и вы. Почему вы не нападаете?

— Тебе не понять, — с презрением ответил Волчье Дерево.

— Где уж мне.

Бесполезно было просить у них копье. Все равно не дадут — вон как вцепились каждый в свое древко, не иначе вспомнили, как она однажды стащила копье Пылающего Ока и ему же угрожала. Это считалось осквернением. Пылающему Оку пришлось делать себе тогда новое копье. Мускусный Бык сказал ему, что нельзя идти в бой с копьем, которого коснулась женщина, и Пылающее Око сжег старое копье и вырезал новое, все время ругаясь при этом. Но что толку в новом копье, спрашивала себя Ведунья, если у Пылающего Ока не хватает духу пустить его в дело?

— Ладно. Обойдусь и без копья.

Ведунья повернулась и подошла на несколько шагов к шеренге Чужих, которые смотрели на нее так, словно она демон о трех головах и шести клыках.

— Эй, вы! Чужие! Смотрите сюда! Смотрите на меня! — Она снова распахнула накидку и показала им свои размалеванные груди. — Я — воин Богини. Вот что означает эта раскраска. А Богиня приказывает вам уйти отсюда. Это ее алтарь. Мы построили его для нее. Вам здесь нечего делать.

Чужие все так же пялили на нее глаза.

Ведунья смерила их взглядом с ног до головы. Все они были высокие и бледные. Густые черные волосы сзади спадали им до плеч, но спереди были коротко подрезаны, будто Чужие нарочно выставляли напоказ свои безобразные, плоские и высокие лбы.

Руки и ноги у них были длинные и тонкие, рты маленькие, носишки просто смешные, а подбородки омерзительно торчали внизу. Челюсти, похоже, слабые, глаза какие-то бесцветные. Их вид пробудил в Ведунье старые воспоминания, и она снова увидела перед собой тощего, длинного Чужого, которого встретила у озерца в скалах давным-давно, когда была еще девушкой. Эти выглядели точно так же, как тот. Ведунья не могла отличить их ни друг от друга, ни от того, что встретила когда-то. Ей казалось, что тот, из леса, сейчас тоже здесь. Но ведь это невозможно — эти все молоды, а тот должен быть стар, почти так же стар, как она.

— Ну и уроды же вы, — сказала Ведунья. — Бледные мерзкие твари. Чего вы скалитесь? Чего рыщете у алтаря Богини?

Богиня никогда вас не создавала! Вас сотворила из носорожьего помета бежавшая мимо гиена!

Чужие таращили на нее глаза в полном недоумении. Ведунья опять шагнула вперед и сделала рубящий жест, словно отметая Чужих прочь от алтаря.

Один из Чужих заговорил.

Так, по крайней мере, это выглядело. Он стал издавать какие-то низкие, густые звуки, точно язык у него был приделан не так, как надо. Никакого смысла в этих звуках не было.

— Ты что, говорить не умеешь? — сказала Ведунья. — Ничего нельзя понять. Пусть говорит кто-нибудь другой, раз у тебя не выходит.

Чужой заговорил снова, так же непонятно, как и раньше.

— *Нет. Не понимаю я тебя.*

Она подошла поближе и заглянула в конец вражеской шеренги.

— Вот ты, — показала она на одного из воинов. — Может, ты лучше умеешь говорить? — И хлопнула в ладоши. Тот, выпучив глаза, промямлил что-то.

— Говори слова! — приказала Ведунья. — Не бормочи, что попало! Ба! Да вы что, все умом повредились? — Она опять ткнула пальцем в прежнего: — Говори! Словами! Вы не умеете говорить словами, что ли?

Чужой снова произнес свои звуки.

— Мало того, что вы уроды, вы еще и полоумные, — потрясла головой Ведунья. — Гиены вас делали из носорожьего помета.

Ошарашенные мужчины словно окаменели.

Ведунья прошла мимо них к алтарю. Со всех сторон шумели, высоко взлетая, воды трех рек. Люди построили алтарь на том самом месте, где они сливаются, на встающей из воды скале. Жрица работала в брызгах ледяной воды, размещая камни как надо и украшая их блестящими пластинами. Подойдя ближе, Ведунья различила линии Богини, нацарапанные жрицей на камне: пять туда, три сюда, три в другую сторону. Однако с ними что-то произошло. Кто-то другой начертил вокруг каждой группы линий круг, врезав его глубоко в камень, и нарисовал там краской чужие мерзкие знаки, извилистые и скрюченные — только в дурном сне такие привидятся. Были там нарисованы и фигурки животных: мамонт с большой, горбом, головой, волк и еще один зверь, неизвестный Ведунье. Работа Чужих, не иначе. Люди раскрашивали только себя, когда приходила нужда — они никогда не рисовали знаков на скалах. Никогда. А уж рисовать животных и вовсе глупо. Духи зверей, которых ты

рисуешь, прогневаются, и тебе никогда уже не добыть такого зверя на охоте.

— Что вы сделали, гнусные твари? Вы осквернили алтарь Богини. Богини. — И Ведунья повторила погромче, видя, что ее не понимают: — Алтарь Богини.

Чужие пялились на нее и пожимали плечами.

Ведунья показала на землю и на небо — общепринятый знак Богини. Коснулась грудей, чрева, лона: она ведь создана по образу Богини, и они ее обязательно поймут. Обязательно.

Но Чужие не поняли.

— У вас что, вовсе нет разума? — крикнула Ведунья. — Глупцы! Глупцы! Глупые твари!

Она полезла на скалу, скользя по мокрым камням, и чуть не упала в бурлящую воду. Тут бы ей и конец, но она ухватилась за выступ скалы и удержалась. Добравшись до алтаря, Ведунья постучала пальцем по изображению мамонта.

— Не годится! Плохо! Кощунство! — И потерла рисунок мокрым пальцем, размазав краску.

Чужие заволновались — начали переглядываться, переговариваться и топтаться на месте.

— Вашей мазне здесь не место! — кричала Ведунья. — Это наш алтарь! Мы построили его для Богини! И пришли сюда поклониться ей и испросить ее совета. — Ведунья принялась усердно скрести рисунок, пока не уничтожила его окончательно, и хотела было взяться за другие, но не смогла до них дотянуться. Только паучьи лапы Чужих могли так высоко достать.

Но Ведунья была довольна уже и тем, что выразила свое мнение. Она слезла со скалы и снова пошла к воинам.

— Поняли? — спросила она Чужих. — Это наш алтарь! Наш! — И бесстрашно подошла к ним вплотную. Они забеспокоились, но никто не поднял на нее копья. Так Ведунья и знала: они ее боятся. Ведь она святая, руководимая Богиней, — они не посмеют противиться ей.

Ведунья свирепо глядела на Чужих снизу вверх. Они возвышались над ней, как деревья, как горы. Она указала на запад.

— Ступайте обратно в свою страну. Оставьте нас в покое. Дайте нам с миром принести свою жертву, гнусные зловонные твари! Тупоголовые! Безмозглые! — И она толкнула одного из Чужих в ту сторону, куда показывала. Он отпрянул от нее и отступил назад. Она махнула рукой, прогоняя его.

— Иди, иди! Уходите все!

И Ведунья завертелась вихрем, крича на Чужих, толкая их. Они шарахались от нее, словно от чумы. Ведунья не отставала, махала руками, вопила, упорно оттесняя Чужих от алтаря.

Потом остановилась и стала смотреть им вслед. Чужие отошли сотни на полторы шагов туда, где одна из малых рек делала изгиб и бежала дальше меж двух скалистых стен, и стали там. Ведунья впервые разглядела поблизости их стойбище — в поросшей кустами лощине стояла кучка женщин, детей и стариков.

Вот и хорошо, подумала Ведунья. Они отошли от алтаря — это все, на что она могла надеяться. Довольно и этого, и все это совершила она одна — но в ней все время горел огонь Богини, иначе бы ей не добиться успеха.

Ведунья пошла обратно к своим воинам и бросила им торжествующе:

— И копья не понадобилось.

— Ты просто обезумела! — покачал головой Молодой Олень, но в глазах его было восхищение.

Глава 8

СНЫ

36

В тот же вечер, когда Маннхейм и Левиен давно уже ушли, измученный и мрачный Хоскинс вернулся в кукольный домик.

— Тимми спит? — спросил он.

— Насилу уснул, — кивнула мисс Феллоуз. — Мне пришлось его долго укачивать. — Она отложила книгу, которую читала, и не слишком приветливо посмотрела на Хоскинса. День был тяжелый, беспокойный, и она предпочла бы, чтобы ее оставили наконец в покое.

— Жаль, что все происходило так бурно.

— Да, крику было много. Больше, чем следовало бы допускать при ребенке. Вам не кажется, что эту дискуссию можно было провести в другом месте?

— Извините меня. Я, наверное, выпустил из рук вожжи. Этот человек меня с ума сведет.

— Да нет, он не такой страшный, как я ожидала. Мне кажется, он действительно принимает близко к сердцу судьбу Тимми.

— Бесспорно. Но явиться сюда непрошеным и указывать нам...

— Мальчику и в самом деле нужен товарищ.

Хоскинс приуныл, словно испугался, что весь этот спор начнется снова, но вовремя взял себя в руки.

— Да, нужен, — спокойно ответил он. — Не стану с вами спорить. Но где мы его возьмем? Это огромная проблема.

— А вы серьезно собираетесь привести сюда сына, если не получится ниаче?

Хоскинс опешил. Мисс Феллоуз подумала, не слишком ли далеко она зашла, но она ведь не приглашала Хоскинса возвращаться сюда.

— Серьезно ли? Ну конечно, серьезно — если больше никого не найдем. Думаете, я боюсь, как бы Тимми не обидел моего мальчика? Вот жена — та может воспротивиться. Сочтет, что это рискованно. Многие ведь смотрят на Тимми как на что-то вроде обезьяны. Как на маленького дикаря, который жил в пещере и ел сырое мясо.

— А что, если устроить с ним телевизионное интервью в прямом эфире? — предложила мисс Феллоуз, сама себе удивляясь. Но если это поможет преодолеть предрассудки, создавшиеся вокруг мальчика, стоит выдержать даже вторжение репортеров. — Теперь он говорит по-английски, и если люди об этом узнают...

— Не думаю, что это улучшит положение, мисс Феллоуз.

— Почему?

— Знаете, он не очень-то хорошо говорит по-английски.

— Что вы? — тут же вознегодовала она. — У него изумительный словарный запас, если учесть, как поздно он начал. И он каждый день усваивает новые слова.

— Вы единственная, кто его понимает, — устало сказал Хоскинс. — Для остальных он говорит все равно что по-неандертальски. Ничего нельзя разобрать.

— Значит, вы просто невнимательно слушаете.

— Все может быть, — вяло согласился Хоскинс, пожав плечами, и погрузился в глубокую задумчивость. Мисс Феллоуз снова раскрыла книгу там, где остановилась, надеясь, что Хоскинс поймет намек. Но он остался сидеть.

— Если б сюда еще не впуталась эта подлая женщина! — внезапно взорвался он.

— Мериэнн Левиен?

— Ну да, этот робот.

— Разве она робот?

— Не настоящий, конечно, — устало усмехнулся Хоскинс. — Просто очень его напоминает. В той комнате у нас мальчик из прошлого, а мне на голову сваливается женщина, точно прямиком из будущего. Век бы ее не видать. Маннхейм сам по

себе не так уж плох — он просто из тех взбалмошных, социально озабоченных господ, которым неймется усовершенствовать мир по своему разумению. Этакий возвышенный служитель добра. Но Левиен, эта хромированная сука — вы уж извините меня, мисс Феллоуз...

— Но она такая и есть.

— Вы правда так думаете?

Мисс Феллоуз кивнула:

— Трудно поверить, что такую женщину собирались принять для ухода за Тимми.

— Она явилась одной из первых. Так и рвалась сюда, прямо невтерпеж ей было.

— Но она ведь совсем не подходит.

— У нее потрясающая анкета. Меня удержало только личное впечатление от нее. Она очень удивилась, что мы ее не взяли. А потом, значит, как ни печально, связалась с шайкой Маннхейма. Думаю, нарочно, чтобы отомстить мне за то, что я не принял ее на работу. Это в ее духе. Нет фурии в аду, столь злой... и так далее. Теперь она будет постоянно шпынять Маннхейма, и задурит ему голову своим жаргоном, как будто ему собственной психобелиберды недостаточно, и будет натравливать его на меня, и подогревать... — Хоскинс уже почти кричал.

— Но ведь Маннхейм сказал только, что Тимми очень одинок и с этим надо что-то делать, — неуступчиво заметила мисс Феллоуз.

— Сделаем и без него.

— И почему вы думаете, что Левиен мстит, если она просто указывает...

— Да потому что она мстит! — вскричал Хоскинс еще громче прежнего. — Потому что она хотела заниматься этим проектом с самого начала, а раз у нее не получилось, хочет устроить нам веселую жизнь. Она не знает пощады. Маннхейм по сравнению с ней просто тряпка. Им можно управлять, если нажимать на нужные кнопки. Его можно ублаготворить, постоянно заверяя в своих добрых намерениях и вежливо соглашаясь с его указаниями. А вот Левиен захочет проводить инспекции каждый вторник, раз уж тон задает она — и потребует перемен. Она нас возьмет в оборот. Своим чередом Тимми понадобится психотерапия, или ортодонтия, или пластическая операция, чтобы он похорошел и стал похож на гомо сапиенс. Она будет лезть, и лезть, и лезть, и соваться без конца, используя пропагандистскую машину Маннхейма, чтобы нас давить, чтобы выставлять безумными злодеями-учеными, которые хладнокровно истязают невинное дитя... — Хоскинс покосился на закрытую дверь в

спальню Тимми и сурово продолжал: — Маннхейм — просто игрушка в руках этой женщины. Она, наверное, и спит с ним — совершенно им овладела. Он против нее не устоит.

— Как вы можете! — ахнула мисс Феллоуз.

— А что я такое сказал?

— Что он и она... что она воспользовалась... У вас же нет никаких доказательств, что это так. И говорить это было излишне, доктор Хоскинс. Совершенно излишне.

— Правда? — Хоскинс сразу остыл и пристыженно усмехнулся. — Да, наверно. Вы правы. Не знаю, с кем там спит Маннхейм, и знать не хочу. И Левиен тоже. Мне просто хочется, чтобы они отцепились от нас и дали спокойно работать, мисс Феллоуз. Вы же знаете. И знаете, что я сделал все, чтобы Тимми у нас было хорошо. Но я так устал... так чертовски устал...

Мисс Феллоуз в порыве сочувствия встала и взяла его за руки. Руки Хоскинса были холодными, и она подержала их немного, словно желая перелить в них чуть-чуть жизни и энергии.

— Когда вы в последний раз были в отпуске, доктор Хоскинс?

— Отпуск? — бледно усмехнулся он. — Я уже забыл, что это значит.

— Может быть, в этом все и дело.

— Да не могу я. Просто не могу. Отвернись я только, мисс Феллоуз, и здесь все пойдет кувырком. Дюжина Адамевских попытается стащить экспонаты из стасиса. Наши сотрудники начнут ставить эксперименты без разрешения, творя Бог знает что и Бог знает на какие деньги. Накупят оборудования, которое мы не можем себе позволить, для проектов, у которых нет будущего. У нас тут полно правонарушителей, и я единственный полицейский. Пока мы не закончим эту фазу работы, уйти я не смею.

— Устройте себе хотя бы уик-энд. Вам нужен отдых.

— Знаю. Господи, мне ли не знать! Спасибо, что принимаете это так близко к сердцу, мисс Феллоуз. Спасибо вам за все. В этой научной психушке вы одна из немногих столпов здравого смысла и надежности.

— Так вы постараетесь немного отдохнуть?

— Постараюсь.

— Начните прямо сейчас. Скоро шесть. Дома вас ждут жена и сынишка.

— Да. Пойду-ка я отсюда. Еще раз спасибо за все, мисс Феллоуз. Спасибо. Спасибо.

37

Ночью ее разбудили рыдания в комнате Тимми — в первый раз за много дней.

Мисс Феллоуз быстро встала с постели и пошла к нему — она давно овладела искусством просыпаться на детский плач.

— Тимми, — окликнула она и включила ночник. Мальчик сидел в кровати, глядя прямо перед собой широко раскрытыми глазами, и странно, тоненько подвывал — так он плакал. На приход няни он не откликнулся, как будто и не видел ее.

— Тимми, это я, мисс Феллоуз. — Она присела рядом с мальчиком и обняла его за плечи. — Все хорошо, Тимми. Все хорошо.

Плач мало-помалу прекратился.

Тимми посмотрел на нее так, словно видел впервые в жизни. Глаза у него остекленели, губы судорожно искривились. Пятно в виде молнии на щеке так и пылало в полутьме. Мисс Феллоуз в последнее время почти перестала его замечать, но в этот миг пятно на мертвенно-бледном лице выделялось ярко, как никогда.

Кажется, мальчик еще не проснулся.

— Тимми?

Он защелкал по-неандертальски, как будто говорил не столько с ней, сколько сквозь нее, обращаясь к кому-то невидимому позади.

Мисс Феллоуз прижала Тимми и стала качать, повторяя его имя, мурлыча ему ласковые слова. Тельце мальчика оцепенело, точно его околдовали, и он все щелкал, временами рыча по-звериному, как делал в первые дни. Страшно было слышать, как он возвращается вспять к своему первобытному «я».

— Ну-ну, Тимми, маленький, мальчик мой, все хорошо, все славно. Не надо бояться. Хочешь молочка, Тимми?

Напряженность стала ослабевать — мальчик просыпался.

— Мисс... Феллоуз, — спотыкаясь, проговорил он.

— Молочка? Выпьем теплого молочка, Тимми?

— Молоко. Да. Хочу молока.

— Пошли. — Она вынула его из кроватки и отнесла на кухню — не годилось сейчас оставлять его одного. Усадив его на табуретку около холодильника, мисс Феллоуз достала бутылку молока и на минуту поставила ее в подогреватель.

— Что с тобой случилось? — спросила она Тимми, пока он пил. — Сон? Плохой сон, Тимми?

Он кивнул, не отрываясь от молока — пришлось подождать, пока он допьет.

— Сон, — подтвердил он — это было одно из самых новых его слов. — Плохой. Плохой сон.

— Сны — это неправда. — Поймет ли он? — Не надо бояться снов, Тимми.

— Плохой... — Мальчик был серьезен, и его пробирала дрожь, хотя в кукольном домике было тепло, как всегда.

— А теперь обратно в кровать. — Мисс Феллоуз отнесла его в спальню и уложила. — Что же тебе снилось, Тимми? Можешь рассказать?

Он снова принялся щелкать, вставив в свою длинную фразу два коротких горловых звука.

Возвращается к своим прежним ночным страхам? Или ему просто не хватает слов, чтобы рассказать свой сон по-английски?

— Снаружи, — сказал он наконец.

Он так плохо выговаривал, что мисс Феллоуз усомнилась, правильно ли расслышала.

— Ты сказал — снаружи?

— Снаружи.

Да, как будто правильно.

— За пузырем? — показала мисс Феллоуз. — Вон там?

— Снаружи, — кивнул мальчик.

— Тебе снилось, что ты был снаружи?

— Да, — энергично кивнул он.

— А что ты там видел?

Тимми защелкал.

— Я не понимаю.

Он защелкал погромче.

— Нет, Тимми. Так не годится. Надо говорить, как я. По-твоему я не понимаю. Когда тебе снилось, что ты снаружи — что ты там видел?

— Ничего. Пусто.

Пусто. Что ж, неудивительно. Мальчик не знает, что находится там, снаружи. В единственное окошко кукольного домика ему видно только немного травы и забор с непонятной вывеской.

— Много — пусто.

— Совсем ничего не видел?

Щелканье.

Может быть, он во сне вернулся в свой мир и видел картины ледникового периода — снежные сугробы, огромных неуклюжих лохматых зверей, людей, одетых в шкуры? У него нет английских слов, чтобы описать все это, и он пользуется единственным доступным ему языком.

— Снаружи, — повторил он. — Много — пусто.

— Страшно? — подсказала мисс Феллоуз.

— Пусто. Тимми один.

Да, подумала она. Тимми один. Бедный ты, бедный.

Она обняла его, снова укрыла, потому что одеяльце уже сбилось, и дала ему любимую игрушку — зеленое бесформенное животное с болтающимися ногами, предположительно динозавра. Доктор Макинтайр при виде этого зверя нахмурился и прочел ей небольшую палеонтологическую лекцию о том, что ошибочно считать первобытного человека современником динозавров — это, мол, распространенная ошибка, но ведь мезозойская эра окончилась за миллион лет до появления на эволюционной сцене первых человекообразных приматов. Мисс Феллоуз ответила, что она это знает, а Тимми — нет и очень любит своего динозавра. Вот и теперь мальчик прижал игрушку к себе, а мисс Феллоуз постояла над ним, пока он опять не уснул.

Пусть тебе больше не снятся плохие сны, пожелала она в душе. Пусть не снится больше огромная пустота, где Тимми совсем один.

И вернулась в свою постель. Часы на тумбочке показывали без четверти пять. Уже почти утро — мисс Феллоуз сомневалась, сможет ли уснуть. Скорее всего будет лежать без сна, прислушиваясь, как там Тимми, и так дождется рассвета.

Но она ошибалась. Ее быстро сморило, и на этот раз сон приснился ей.

Во сне она тоже лежала в постели, но не в кукольном домике, а в своей квартире на другом конце города, где не бывала уже много месяцев. И кто-то стучался в дверь: громко, настойчиво, нетерпеливо. Мисс Феллоуз встала, накинула халат и включила смотровой экран. В холле перед дверью квартиры стоял мужчина, еще молодой, с коротко стриженными рыжими волосами и рыжеватой бородкой.

Брюс Маннхейм.

— Эдит? — сказал он. — Эдит, мне нужно тебя видеть. — Он улыбнулся. Ее руки слегка дрожали, пока она отпирала замки. Он маячил в полутемном холле — выше ростом, чем ей помнилось, широкоплечий, крепкий, мужественный.

— Эдит. О, Эдит, как долго мы не виделись...

И он обнял ее — прямо в холле, на глазах у соседей, которые стояли у своих дверей, показывали на них пальцами и перешептывались. Подхватил ее на руки, как она недавно Тимми, и внес в квартиру, не переставая шептать ее имя.

— Брюс, — сказала она. И, спохватившись, что произнесла это вслух, проснулась и села, зажав руками рот. Щеки от смущения пылали так, что даже больно. Обрывки сна продолжали прокручиваться во взбудораженной голове. Нелепость сновидения, его откровенный школьнический эротизм поразили и возмутили мисс Феллоуз. Она не могла и припомнить, когда в последний раз видела подобный сон.

И подумать только — не кто-нибудь, а Брюс Маннхейм в роли ее романтического героя!

Мисс Феллоуз не удержалась от смеха.

Вот был бы поражен доктор Хоскинс, если б узнал! Его надежная, положительная мисс Феллоуз вступает в интимные отношения с врагом, хотя бы и во сне.

Как смешно — как нелепо...

И как мелодраматично, оборвала она себя.

Аура сна еще окружала ее. Некоторые подробности стерлись, но другие вставали перед ней так ярко, словно она еще спала. Страстное объятие, горячий неистовый шепот: «Эдит... Как долго мы не виделись, Эдит...»

Жалкие фантазии старой девы. Какая гадость. Мисс Феллоуз вдруг затрясло, и она с трудом поборола слезы. Сон больше ничуть не казался ей смешным. Она чувствовала себя замаранной. Что за вторжение в ее мозг, в ее чистую замкнутую жизнь? Откуда это? Почему? Она избавилась от подобных желаний много лет назад, хотелось бы думать. И устроила себе жизнь, в которой беспокойным желаниям не было места. Жизнь девственницы, жизнь старой девы — хотя, строго говоря, не была ни той ни другой. Она ведь все же побывала замужем, пусть и неполный год. Но эта глава ее жизни давно закрыта. Она жила, как на острове, внутри себя, посвятив себя своей работе, своим детям. А теперь вдруг это...

Но это ведь только сон, сказала она себе. А сны — неправда, как она сама недавно говорила Тимми.

Только сон. Всего лишь сон. Спящий разум дает волю самым разным мыслям. Чего только не всплывает на волне подсознания. Сон ничего не значит — просто Брюс Маннхейм побывал здесь вчера и произвел на нее некоторое впечатление, которое спящее сознание удивительным, невероятным образом преобразовало в маленький сценарий. Ведь Маннхейм самое малое на десять лет моложе ее. И хотя внешность у него приятная, мисс Феллоуз он не показался каким-то особенно привлекательным — даже в мечтах. Просто еще один мужчина, с которым она познакомилась. Иногда мужчины, несмотря ни на что, все-таки привлекали ее. Например, Хоскинс. Да, она питает бессмысленную, бесплодную слабость к счастливому в браке мужчине, с которым ей выпало работать. В этом чувстве есть хоть что-то реальное, но в том, что ей приснилось, — ничего.

Это только сон, повторила мисс Феллоуз, только сон, только сон.

Лучше всего уснуть опять, решила она. Может быть, к утру она забудет, что ей снилось.

Она закрыла глаза и вскоре уснула. Тень сна все же осталась при ней, когда в начале седьмого она проснулась, услышав, как зашевелился Тимми. Осталось смутное, унизительное воспоминание: нетерпеливый стук в дверь, взволнованное приветствие, страстное объятие. Но теперь все это казалось ей просто глупым.

38

После всех разговоров о необходимости общества для Тимми мисс Феллоуз ожидала, что Хоскинс тут же подберет ему товарища — хотя бы ради того, чтобы задобрить могущественные силы, представленные Маннхеймом и Левиен. Однако, к ее удивлению, шли недели, но ничего подобного не происходило. Должно быть, Хоскинсу, как он и предвидел, крайне трудно оказалось залучить чьего-нибудь ребенка в стасисный пузырь. Как Хоскинсу при этом удавалось обороняться от Маннхейма, мисс Феллоуз не знала.

Самого Хоскинса она почти не видела. Он, очевидно, был слишком занят другими своими обязанностями — мисс Феллоуз лишь пару раз встретила его в коридоре. Руководство компанией, естественно, с лихвой заполняло все его время. У мисс Феллоуз из обрывков чужих разговоров сложилось впечатление, что Хоскинс в своей гонке к небывалым в истории достижениям вынужден постоянно обуздывать целый штат нервных гениев, жаждущих Нобелевских премий.

Что ж, пусть будет, как есть. У него свои проблемы, у нее свои.

И худшая из них — растущее одиночество Тимми. Мисс Феллоуз пыталась быть для мальчика всем: няней, воспитательницей и приемной матерью, но ее на все не хватало. Тимми снова и снова снился тот же сон — не каждую ночь, но настолько часто, что мисс Феллоуз начала вести ему счет: сон о большом пустом пространстве за кукольным домиком, куда Тимми никогда не выпустят. Иногда он был там один, иногда его окружали таинственные призрачные фигуры. Поскольку английский язык Тимми еще не вышел из зачаточной стадии, мисс Феллоуз никак не могла понять, что же символизирует эта большая пустота: потерянный ледниковый век или представление Тимми о чужой новой эре, в которую он попал. Как бы

там ни было, пустота его пугала, и он часто просыпался в слезах. Не требовалось иметь степень по психиатрии, чтобы истолковать этот сон как мощный симптом изоляции Тимми, его растущей депрессии.

Днем он надолго впадал в состояние мрачной, пассивной отрешенности или молча часами смотрел в окно кукольного домика, в котором почти ничего не было видно — смотрел в большую пустоту своего сна, то ли ностальгически вспоминая холодные ледяные равнины своего раннего детства, то ли гадая, что же находится за стенами его ограниченного мирка. А мисс Феллоуз в ярости вопрошала себя: почему же Тимми не приводят друга? Почему?

Она подумывала, не связаться ли ей самой с Маннхеймом — сказать ему, что для Тимми ничего не делается, и попросить нажать на Хоскинса. Но это уж слишком походило бы на предательство. При всей своей привязанности к Тимми, она все-таки не могла решиться на такие действия за спиной у Хоскинса. И выжидала, накапливая гнев.

Физиологи уже узнали о мальчике все, что им было нужно, только что вскрывать его не стали — очевидно, это не входило в программу исследований. Поэтому их визиты сократились: заходил кто-нибудь раз в неделю измерить рост Тимми, задать несколько стандартных вопросов и сделать несколько снимков, вот и все. Исчезли иглы для инъекций и взятия анализов, специальные диеты больше не считались обязательными, и почти прекратились долгие, утомительные анатомические исследования суставов, связок и костей.

Тем лучше — но если физиологи теряли интерес к мальчику, то психологи только начинали входить во вкус. По мнению мисс Феллоуз, эти были ничуть не лучше своих предшественников, а то и похуже. Тимми теперь приходилось преодолевать разные препятствия, чтобы добраться до воды и пищи: поднимать перегородки, отодвигать брусья, дергать за веревочки. Легкие разряды тока заставляли его хныкать от испуга и неожиданности или рычать самым первобытным образом. Все это в высшей степени раздражало мисс Феллоуз.

К Хоскинсу обращаться ей не хотелось, вообще не хотелось встречаться с ним. Он избегал ее не без причины, и мисс Феллоуз боялась, что, обратившись к нему с новыми требованиями, при малейшем сопротивлении с его стороны сорвется, вспылит и уйдет с работы. Доводить до этого было нежелательно. Ради Тимми она обязана оставаться здесь.

Но почему же этот человек вдруг взял и бросил Тимми? Откуда такое безразличие? Или он таким образом отгораживается от

жалоб и требований Брюса Маннхейма? Но это же глупо. От того, что он устранился, страдает один только Тимми. Глупо, глупо, глупо.

Мисс Феллоуз по мере своих сил охраняла Тимми от ученых, но полностью оградить его не могла. В конце концов, это все-таки научный эксперимент. Поэтому загадки, головоломки и легкие разряды тока продолжались.

А тут еще целая армия антропологов рвалась допросить Тимми о жизни в палеолите. Но хотя Тимми на удивление хорошо овладел английским — на свой лад, — их все же ожидало разочарование. Спрашивать они могли обо всем что угодно — но ответить Тимми мог, только если понимал вопрос и если у него еще сохранялись воспоминания о данной стороне доисторической жизни.

К тому времени когда пребывание Тимми в современности стало исчисляться уже не неделями, а месяцами, его речь значительно улучшилась и все продолжала совершенствоваться. Он так и не избавился от своего мягкого невнятного выговора, который мисс Феллоуз считала очень милым, но говорил и понимал практически на уровне современного ребенка своего возраста. Иногда, разволновавшись, мальчик еще прибегал к щелканью языком и урчанию, но это случалось все реже и реже. Он, по-видимому, начал уже забывать, как жил до своего появления в двадцать первом веке — прежняя жизнь возвращалась к нему только в снах, в которые мисс Феллоуз не было доступа. Кто знает, какие громады мамонтов и мастодонтов населяли сны, какие таинственные доисторические сцены разыгрывались в голове неандертальского мальчика?

К удивлению мисс Феллоуз, по-прежнему только она одна с некоторой уверенностью могла разобрать, что Тимми говорит. Остальные, часто бывающие в стасисном пузыре — ее помощники Мортенсон, Эллиот и Стретфорд, доктор Макинтайр, доктор Джекобс — улавливали пару фраз, но с большим трудом, и, как правило, перевирали смысл его слов. Мисс Феллоуз не могла понять — почему. Да, поначалу мальчику было трудновато правильно выговаривать слова — но сейчас-то он говорит очень бегло. Ей, по крайней мере, так казалось. Но постепенно пришлось признать, что только круглосуточное общение с Тимми позволяет ей понимать его. Ее ухо автоматически сглаживало разницу между тем, как Тимми говорит, и тем, как это следовало бы сказать. Он все-таки отличался от современных детей — по крайней мере в том, что касается разговорной речи. Понимал он почти все, что ему говорили, и научился отвечать правильными предложениями. Но его язык, губы, гортань и, как полагала мисс Феллоуз, подъязычная косточка были недостаточно приспособлены к тонкостям современного английского, и результат получался плачевный.

Мисс Феллоуз защищала Тимми перед другими:

— А вы никогда не слышали, как француз пытается выговорить «the»? Или как англичанин пытается говорить по-французски? А все эти буквы русского алфавита, на которых язык сломать можно? Люди разных лингвистических групп от рождения пользуются различными языковыми мускулами, и большинство просто не способно потом перестроиться. Отсюда и акценты. У Тимми ярко выраженный неандертальский акцент, но со временем он сгладится.

А пока этого не произойдет, она незаменима, убедилась мисс Феллоуз. Ведь она не просто няня, а еще и переводчица при Тимми, необходимое звено, через которое ученые только и могут получить сведения о доисторическом мире. Без ее посредничества им нечего и мечтать добиться вразумительных ответов на свои вопросы. Ее помощь необходима для достижения полной научной ценности эксперимента. Таким образом мисс Феллоуз, неожиданно для окружающих и для себя самой, заняла решающую роль в изучении далекого прошлого человечества.

К несчастью, все, кто спрашивал Тимми, остались в основном не удовлетворены его откровениями. Не потому, что он уклонялся от сотрудничества — просто он провел в неандертальском мире всего три-четыре года, которые к тому же были первыми годами его жизни. Мало кто из его сверстников любой эпохи был бы способен связно рассказать о том обществе, в котором жил.

То, что все-таки удавалось вытянуть из Тимми, антропологи уже и сами подозревали — и, возможно, так задавали свои вопросы через мисс Феллоуз, что сами подсказывали мальчику ответы.

— Спросите его, велико ли было их племя, — говорили, например, они.

— Не думаю, что ему известно слово «племя».

— Ну, тогда сколько людей было в той группе, в которой он жил.

Мисс Феллоуз спросила. (Недавно она начала учить Тимми считать.) Мальчик пришел в замешательство и ответил:

— Много. — «Много» в словаре Тимми означало любое число больше трех — все равно сколько.

— Ну а сколько? — Мисс Феллоуз взяла Тимми за руку и стала перебирать его пальцы. — Вот столько?

— Больше.

— Намного больше?

Мальчик сосредоточился. Он закрыл глаза, словно всматриваясь в тот, другой мир, выставил вперед ладони и стал сгибать и разгибать пальцы.

— Он показывает количество людей, мисс Феллоуз?

— По-моему, да. И каждое движение, наверно, означает «пять».

— Я насчитал три раза на каждой руке. Значит, в племени было тридцать человек?

— А по-моему, сорок.

— Спросите еще разок.

— Тимми, скажи еще раз: сколько человек было в твоей группе?

— В группе, мисс Феллоуз?

— Ну там, где ты жил. Твои друзья, родные — сколько их было?

— Друзья? Родные? — протянул Тимми, не очень, по-видимому, понимая, что это такое. Потом перевел взгляд на руки и снова стал быстро сгибать и разгибать пальцы — может быть, он так считал, а может быть, показывал что-то совсем другое. Сколько раз он это проделал, подсчету не поддавалось: то ли восемь, то ли десять.

— Видели? — спросила мисс Феллоуз. — На этот раз получается восемьдесят, девяносто или сто. Если он действительно отвечает на ваш вопрос.

— Раньше было меньше.

— Знаю — а теперь вот так.

— Но это невозможно. В первобытном племени не могло быть больше тридцати человек — это максимум.

Мисс Феллоуз пожала плечами. Если им надо подтасовать показания под свои теории, это не ее проблема.

— Пишите тридцать. Вы хотели получить статистическую справку у ребенка, которому в ту пору было три года. Он просто угадывает, и что самое удивительное — угадывает верно, что нам от него надо. А может, и нет. Откуда нам знать, умеет ли он считать? Что ему вообще доступно понятие о количестве?

— Но ведь он понимает, что такое «сколько»?

— Так же, как любой пятилетний ребенок. Попробуйте спросите пятилетнего мальчика, сколько народу живет на его улице, и услышите, что он вам ответит.

— Но...

Ответы на другие вопросы были почти такими же неопределенными. Структура племени? Мисс Феллоуз удалось вытянуть из Тимми после многотрудных словесных ухищрений, что в племени был «большой человек», должно быть, вождь. Неудивительно — ведь племена исторической эпохи всегда имели вождей, почему бы не быть вождю и в неандертальском племени? Она спросила, знает ли Тимми имя большого человека, и Тимми защелкал. Как бы ни назывался вождь, мальчик не умел перевести его имя на английский или хотя бы подобрать фонетический эквивалент — приходилось прибегать к неандертальской речи. Была ли у вождя жена? — интересовались ученые. Тимми не знал, что такое жена. Как выбирали вождя? Тимми не мог ответить. Религиозные верования и обряды? Мисс Феллоуз посредством весьма ненаучных подсказок сумела получить у мальчика описание некого священного места из камней, куда Тимми запрещалось подходить, причем культ, кажется, отправляла верховная жрица: мисс Феллоуз была уверена, что жрица, а не жрец, потому что Тимми все время показывал на нее; но вот понял ли Тимми, чего именно она от него добивалась, осталось загадкой.

— Вот если бы им удалось доставить сюда ребенка постарше! — сокрушались антропологи. — Или, скажем, взрослого неандертальца! С ума можно сойти, когда единственный источник информации — маленький несмышленыш.

— Наверное, — не слишком горячо сочувствовала им мисс Феллоуз. — Но вам, кроме этого несмышленыша, неандертальцев больше не видать. Вам и во сне не могло присниться, что когда-нибудь вообще доведется беседовать с неандертальцем.

— Да, это так — но если бы все-таки...

— Если бы да кабы. — И мисс Феллоуз объявляла, что на сегодня беседа с Тимми окончена.

39

Однажды утром в кукольный домик без предупреждения вдруг явился Хоскинс.

— Можно с вами поговорить, мисс Феллоуз?

Знакомая робость в его голосе заставляла предположить, что Хоскинс чувствует себя крайне неловко. Что ж, есть отчего, холодно подумала мисс Феллоуз.

Она вышла к нему, оправляя свою сестринскую форму, и смущенно остановилась: Хоскинс был не один. На пороге стасисной зоны нерешительно стояла женщина среднего роста, бледная и тонкая. Светлые волосы и бледность придавали ей хрупкий вид. Голубые, очень светлые глаза с беспокойством смотрели куда-то за плечо мисс Феллоуз — они старательно

что-то высматривали, обегая комнату, как будто их обладательница ожидала, что из детской Тимми вот-вот выскочит свирепая горилла.

— Мисс Феллоуз, — сказал Хоскинс, — это моя жена Аннет. Ты можешь войти, дорогая. Это совершенно безопасно. На пороге ты ощутишь легкое неудобство, но оно тут же пройдет. Познакомься с мисс Феллоуз: она заботится о мальчике с той самой ночи, как он сюда прибыл.

Значит, это его жена? Мисс Феллоуз не такой ее себе представляла — впрочем, она никогда особенно не задумывалась над тем, какая у Хоскинса жена. Может быть, ей казалось, что та посолиднее, не такая нервная, как эта женщина, которой явно не по себе. Хотя почему? Такой волевой мужчина, как Хоскинс, как раз и мог предпочесть слабую женщину — закон противоположностей. Что ж, вольному воля. С другой стороны, мисс Феллоуз скорее могла бы вообразить, что жена Хоскинса молода — из тех молодых, элегантных, блестящих женщин, на которых обычно женятся вторым браком удачливые бизнесмены вроде Хоскинса. Аннет Хоскинс не совсем подходила под эту категорию. Да, она гораздо моложе Хоскинса и моложе мисс Феллоуз, если на то пошло, но уже не первой молодости: ей лет сорок или около того.

Мисс Феллоуз взяла себя в руки и поздоровалась:

— Доброе утро, миссис Хоскинс. Рада с вами познакомиться.

— Аннет.

— Простите?

— Называйте меня Аннет, мисс Феллоуз. Меня все так зовут. А ваше имя...

— Что делает Тимми, мисс Феллоуз? — торопливо вмешался Хоскинс. — Спит? Я хотел бы познакомить его с женой.

— Он у себя в комнате. Читает.

У Аннет вырвался короткий, почти издевательский смешок.

— Как, он умеет читать?

— Детские книжки, миссис Хоскинс, с надписями под картинками. Тимми еще не дозрел до настоящего чтения, но с удовольствием смотрит картинки. Сейчас он сидит над книжкой о жизни на Крайнем Севере. Эскимосы, охота на моржа, иглу и прочее. Он каждый день ее читает.

Мисс Феллоуз понимала, что назвать занятие Тимми чтением можно лишь с большой натяжкой. Строго говоря, это был самый настоящий обман. Тимми, насколько ей было известно, просто смотрел картинки. То, что было напечатано под ними, он воспринимал чисто декоративно, как непонятные маленькие знаки, и пока что не проявлял к ним никакого любопытства — а может, и никогда не проявит. Но картинки он все-таки смотрел и, видимо, понимал их содержание. Это уже очень близко к настоящему чтению, и было бы неплохо, учитывая цель разговора, дать понять жене Хоскинса, будто Тимми в самом деле умеет читать. Сам-то Хоскинс, конечно, знает правду.

Глава компании заговорил бодрым, искусственно приподнятым тоном:

— Ну не удивительно ли, мисс Феллоуз? Помните, каким он попал сюда? Помните этого дикого, грязного, злобного доисторического детеныша?

Как будто я могу забыть, подумала мисс Феллоуз.

— И вот вам пожалуйста — сидит себе тихонько и читает книжку про эскимосов... — Хоскинс так и сиял от почти отцовской гордости. — Ну, не чудо ли? Не замечательно ли это? Как прекрасно развивается мальчик под вашей опекой!

Мисс Феллоуз подозрительно прислушивалась. С чего это Хоскинс так распинается? Куда он клонит? Он-то знает, что Тимми не умеет читать. Зачем он после такого долгого перерыва привел сюда жену, зачем так неискренне разглагольствует о чудесном развитии Тимми?

И вдруг поняла.

— Я должен извиниться за то, что так редко бывал у вас последнее время, — более нормальным голосом сказал Хоскинс. — Я, как вы и сами, наверное, догадывались, разрывался между тысячей разных дел. И не последнее из них — наш друг мистер Брюс Маннхейм.

— Да, я так и думала.

— Он звонит мне чуть ли не каждую неделю с тех пор, как здесь побывал. Спрашивает о том и о сем, трясется над Тимми так, словно мальчик — его родной сын, а я директор школы, в которую Маннхейм его определил — этакого жуткого заведения из романа Диккенса.

— Наверное, его особенно интересует, как обстоит дело с товарищем для Тимми?

— Да, это особенно.

— А что вы предпринимаете в этом направлении, доктор Хоскинс?

— Из сил выбиваюсь, — содрогнулся тот. — Мы опросили по крайней мере с полдюжины детишек, кандидатов в друзья Тимми — и с их родителями, естественно, беседовали тоже.

Для мисс Феллоуз это было внове.

— И что же?

— Если быть кратким, то двое мальчишек нам как будто подошли, но их родители требовали от нас таких несусветных

условий и оговорок, что мы не в состоянии были их выполнить. Был еще один подходящий мальчик, и мы совсем уж собрались привести его с пробным визитом к Тимми, но в последний момент снова возникли условия и оговорки. Родители пришли с адвокатом, который хотел, чтобы мы подписали обязательство, связали себя хитроумным контрактом и так далее и так далее, наши же юристы сочли эти условия невыполнимыми. Во всех остальных случаях дело до гарантий не доходило, поскольку родителей интересовала только оплата. Однако их детки показались нам маленькими громилами, от которых Тимми будет больше вреда, чем пользы. И мы их, естественно, отвергли.

— Другими словами, у вас никого не осталось.

Хоскинс облизнул губы.

— В конечном счете мы решили обойтись своими силами и взять ребенка кого-нибудь из сотрудников. Вот он, этот сотрудник, перед вами — это я.

— Так это будет ваш сын?

— Вы же помните — когда здесь были Маннхейм и доктор Левиен, я сказал сгоряча, что, если будет нужно, приведу сюда своего сына? Вот до этого и дошло. Я человек слова, мисс Феллоуз, в чем вы, думаю, уже убедились. Я не стал бы просить никого из сотрудников компании сделать то, на что не пошел бы сам. И решил, что мой Джерри станет тем другим, в котором так нуждается Тимми. Но принять такое решение единолично я не могу.

— И вы привели сюда миссис Хоскинс, чтобы она сама могла убедиться, не угрожает ли Джерри опасность со стороны Тимми.

— Да, мисс Феллоуз, — с глубокой благодарностью сказал Хоскинс. — Да, совершенно верно.

Мисс Феллоуз снова взглянула на его жену. Та, закусив губу, не спускала глаз с двери, за которой затаился ужасный неандерталец.

Должно быть, она думает, что Тимми обезьяна, вроде гориллы или шимпанзе, которая того и гляди набросится на ее драгоценное чадо и разорвет его на части.

— Вывести ей Тимми? — ледяным тоном осведомилась мисс Феллоуз.

Миссис Хоскинс, и без того взвинченная, заметно напряглась.

— Да, пожалуйста... мисс Феллоуз.

Та кивнула.

— Тимми? Тимми, выйди-ка сюда на минутку. У нас гости.

Тимми застенчиво выглянул в дверь.

— Все в порядке, Тимми. Это доктор Хоскинс и его жена. Выходи-ка.

Мальчик вышел. Выглядел он вполне прилично, за что мисс Феллоуз мысленно возблагодарила небо. На нем был синий комбинезончик в крупный зеленый горошек, второй его любимый наряд, а волосы, которые мисс Феллоуз тщательно причесала час назад, еще не успели растрепаться. В руке он держал свою тоненькую книжку.

Тимми всматривался в посетителей широко раскрытыми глазами. Он, конечно, узнал доктора Хоскинса, даже после долгого перерыва, но не знал, как отнестись к его жене. Ее напряженность и подозрительность явно настораживали мальчика. Сработали его первобытные рефлексы — инстинкты, можно сказать. Наступило неловкое молчание.

Потом Тимми улыбнулся.

Чудная получилась улыбка — от уха до уха. Один только Тимми умел так улыбаться. Мисс Феллоуз так и захотелось подхватить Тимми за это на руки и прижать к груди. Какой он милый, когда улыбается! Прелестный доверчивый малыш. Малыш, который вышел из детской поздороваться с гостями. Разве сможет Аннет Хоскинс устоять против такой улыбки?

— Ох, — произнесла Аннет так, будто обнаружила в супе таракана. — Я даже не думала, что он так выглядит.

Мисс Феллоуз свирепо нахмурилась.

— У него только лицо такое, — сказал Хоскинс. — Ниже он выглядит как обычный мускулистый мальчишка — почти.

— Но это лицо, Джералд, — этот огромный рот, большущий нос, выпирающие брови — и подбородок. Джералд, он такой безобразный, такой страшный.

— Он понимает почти все, что вы говорите, — прошипела мисс Феллоуз.

Миссис Хоскинс кивнула, но остановиться не могла.

— Вблизи он выглядит совсем не так, как по телевизору. Он гораздо больше похож на человека, когда...

— Он человек, миссис Хоскинс, — заверила мисс Феллоуз. Ей уже надоело всем это повторять. — Просто он принадлежит к другой ветви человечества — к той, что давно вымерла.

Хоскинс, почувствовав, видимо, в тоне мисс Феллоуз плохо скрытое бешенство, торопливо сказал жене:

— Ты бы поговорила с Тимми, дорогая. Познакомилась бы с ним поближе. Ты ведь за этим и пришла.

— Да-да. — Аннет собрала все свое мужество и сказала тонким напряженным голосом: — Здравствуй, Тимми. Я миссис Хоскинс.

— Здравствуйте, — ответил Тимми и протянул ей руку, как учила его мисс Феллоуз.

Аннет покосилась на мужа. Тот кивнул, воздев глаза к потолку.

Аннет нерешительно взяла руку Тимми, словно здороваясь с дрессированным шимпанзе в цирке, быстро пожала ее и поскорей отпустила.

— Здравствуйте, миссис Хоскинс, — повторил Тимми, — очень приятно.

— Что он сказал? — спросила Аннет. — Он ведь что-то сказал?

— Сказал «здравствуйте» и «очень приятно».

— Так он говорит? Говорит по-английски?

— Говорит, и понимает содержание детских книжек, и ест ножом и вилкой, и сам умеет одеваться и раздеваться. Ничего удивительного в этом нет. Он нормальный мальчик, миссис Хоскинс, и ему уже больше пяти лет — скорее пять с половиной.

— Вы не знаете точно, сколько?

— Можем только догадываться. Когда он здесь появился, у него с собой не было метрики.

— Джералд, я что-то не совсем уверена. Джерри нет еще и пяти.

— Я знаю, сколько лет нашему сыну, дорогая, — холодно сказал Хоскинс, — но Джерри для своего возраста крупный мальчик, больше Тимми. Слушай, Аннет, если бы я считал, что здесь есть какой-то риск — хоть малейший...

— Ну, не знаю, не знаю. Как можно быть уверенным, что это не опасно?

— Если вы хотите знать, не опасно ли вашему сыну играть с Тимми, то это безусловно не опасно, миссис Хоскинс, — сказала мисс Феллоуз. — Тимми хороший мальчик.

— Но он же... дикарь.

Крепко держится ярлык «мальчик-обезьяна», приклеенный Тимми журналистами! Неужто люди не способны думать самостоятельно?

— Вовсе он не дикарь, — внушала собеседнице мисс Феллоуз. — Разве дикарь вышел бы из комнаты с книжкой и протянул бы вам руку? Разве дикарь улыбнулся бы вам, поздоровался бы и сказал, что ему очень приятно? Вот он, перед вами, миссис Хоскинс. Что же вы о нем скажете?

— Не могу привыкнуть к его лицу. Это не лицо человека.

Мисс Феллоуз не могла позволить себе взорваться и сказала, едва сдерживаясь:

— Я уже объясняла — он такой же человек, как и мы. И совсем не дикарь. Он очень спокойный и рассудительный для пятилетнего ребенка. Вы поступаете очень великодушно, миссис Хоскинс, разрешая вашему сынишке приходить играть с Тимми, и уверяю вас — тут нечего бояться.

— Я не говорила, что согласна, — возразила миссис Хоскинс с некоторым жаром.

— Аннет, — в отчаянии вымолвил Хоскинс.

— Не говорила!

(Почему бы вам тогда не убраться отсюда, чтобы Тимми снова мог заняться книжкой?)

Мисс Феллоуз с трудом сохраняла самообладание. Пусть этим занимается Хоскинс — это его жена.

— Поговори с мальчиком, Аннет, — сказал он. — Познакомься с ним. На это ведь ты согласна?

— Да, пожалуй. Тимми? — осторожно сказала она.

Мальчик поднял на нее глаза, но улыбаться больше не стал — он уже понял по интонациям Аннет, что эта женщина ему не друг. Миссис Хоскинс же улыбнулась, но не слишком убедительно.

— Сколько тебе лет, Тимми?

— Он не очень хорошо умеет считать, — спокойно заметила мисс Феллоуз. Но Тимми, к ее удивлению, показал руку с пятью растопыренными пальцами и крикнул:

— Пять!

— Он показал пять пальцев и сказал «пять», вы слышали?

— Да, кажется, слышал, — сказал Хоскинс.

— Пять, — подхватила миссис Хоскинс, стараясь теперь завязать с Тимми контакт. — Это очень хорошо. Моему мальчику Джерри тоже скоро пять. Если я приведу Джерри сюда, ты будешь хорошо себя вести?

— Хорошо, — сказал Тимми.

— Хорошо, — перевела мисс Феллоуз. — Он вас понял и обещает быть хорошим.

Миссис Хоскинс кивнула и сказала вполголоса:

— Ростом он мал, но выглядит очень сильным.

— Он никогда никого не обижал, — мисс Феллоуз скромно умолчала об ожесточенной битве в ту далекую первую ночь. — Он очень, очень хороший мальчик — уж поверьте мне, миссис Хоскинс. Тимми, своди миссис Хоскинс в свою комнату. Покажи ей свои игрушки и книжки. И свой платяной шкаф. — (Докажи ей, что ты обыкновенный мальчик, Тимми. Заставь ее забыть о твоих бровях и отсутствии подбородка.)

Тимми подал Аннет руку, и она взяла ее, поколебавшись только миг. Впервые с тех пор как она вошла в стасис, на лице у нее показалось нечто напоминающее естественную улыбку.

Они вдвоем ушли в комнату Тимми и закрыли за собой дверь.

— Это должно подействовать, — тихо сказал Хоскинс мисс Феллоуз. — Тимми ее завоюет.

— Ну конечно.

— Она не вздорная женщина, поверьте. И не пустоголовая. Просто Джерри ей очень дорог.

— Естественно.

— Он наш единственный ребенок. В первые годы брака у нас были проблемы с рождением детей, и только потом получилось.

— Да, понимаю. — Мисс Феллоуз нисколько не хотелось знать, какие у мистера и миссис Хоскинс были проблемы с деторождением и каким образом они сумели их преодолеть.

— И вот, как видите — несмотря на то что я обо всем поговорил с Аннет, несмотря на то что она знает, какие трудности создает мне Маннхейм с приспешниками, и сознает, насколько важно покончить с изоляцией Тимми, она все же опасается подвергнуть Джерри риску...

— Никакого риска здесь нет, доктор Хоскинс.

— Я знаю это и вы знаете, но пока этого не поймет Аннет...

Дверь детской открылась, и вышла миссис Хоскинс. Тимми выглянул вслед с опаской, и у мисс Феллоуз упало сердце: наверное, между ними что-то произошло.

Но нет — миссис Хоскинс улыбалась.

— Очень славная комнатка. И мальчик сам умеет складывать свои одежки — он мне показывал. Хотела бы я, чтобы у Джерри получалось хоть наполовину так хорошо. А в каком порядке Тимми держит свои игрушки...

Мисс Феллоуз перевела дух.

— Ну так как же — попробуем? — спросил Хоскинс жену.

— Да, думаю, попробовать можно.

Интермедия шестая
ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Над стойбищем Чужих у речки, к западу от алтаря Богини, поднимался дым. У подножия пологого склона на востоке, откуда недавно спустились Люди, Серебристое Облако видел дым своего костра. Перед алтарем огонь не горел. Противостоящие племена как будто заключили негласное соглашение, что алтарь — ничей. Никто из противников не смеет к нему приближаться. Днем и ночью часовые обоих племен стерегли, чтобы никто не нарушал договора.

Серебристое Облако стоял один, опершись на копье. Уже смеркалось — а ведь день, казалось, только начался. Год шел своим чередом — ночь опускалась все раньше и раньше, утро занималось все позже и позже; день сжимался с двух сторон. Скоро настанет время долгих снегов, когда одни только глупцы выходят на холод — время забираться в укрытие, жить тем, что запасено осенью, и ждать весны.

А мы так и не умилостивили Богиню, не получили ее совета, сокрушался Серебристое Облако. Но как же быть, если Чужие постоянно торчат у алтаря и не пускают нас к нему?

— Серебристое Облако! Будет снег или нет? — донес до него ветер голос Ведуньи. Они стояли наискосок от вождя, на берегу — Ведунья, жрица и Хранительница Прошлого, и уже долго о чем-то говорили. Серебристое Облако нахмурился. От этих троих ничего, кроме худого, не дождешься. Великую силу дала Богиня этим трем женщинам. Серебристое Облако побаивался их, но понимал, как много значит каждая из них в жизни племени.

— Будет ли снег, Серебристое Облако? Скажи нам.

Вождь пожал плечами, потом потер колено и кивнул. Старая рана разболелась не на шутку, как всегда с приближением снега. Но теперь ее жгло, как никогда.

Вчера снег шел около часа и позавчера недолго, и вот опять собирается. Плохо, когда он начинает падать каждый день. Вчерашний снег еще лежал. Ветер — северный, демонский — подхватывал и кружил его, швыряя в лицо Серебристому Облаку.

Надо уходить, подумал вождь. Надо искать пристанище на зиму.

Ведунья направлялась к нему, оставив двух других — значит, жди беды. Со времен своей смелой вылазки у алтаря Ведунья стала напускать на себя такую важность, словно это она вождь, а не он. Никто больше не отваживался насмехаться над ней или косо глядеть на нее с того памятного дня, когда она покрыла тело боевой раскраской и бросила вызов чужим воинам. Ведунья всегда чудила и всегда была злой, но теперь ее причуды и злость перешли некую грань, за которую никому не было доступа.

— Все идет по-прежнему, Серебристое Облако, — сказала она, — ничего не меняется. И приближается снежная пора.

— Знаю.

— Нужно напасть на Чужих и покончить с этим.

— Их слишком много, сама знаешь. — Они уже не в первый раз говорили об этом.

— Не так уж и много. Мы могли бы их одолеть, а вместо этого сидим и бездействуем. Они боятся нас, мы боимся их, и никто не двигается с места. Долго ли еще ты будешь держать нас тут?

— Пока не поклонимся Богине у алтаря и не узнаем, какова ее воля.

— Тогда надо напасть первыми.

Серебристое Облако посмотрел ей в глаза. Они его пугали — это были не глаза женщины и даже не глаза воина, а точно два отшлифованных камня.

— Ты же была с мужчинами внизу. И видела, что они не хотят наносить первый удар. Хочешь сражаться с Чужими одна, Ведунья?

— Ты вождь. Прикажи им сражаться. А я буду сражаться с ними рядом.

— Тогда все погибнут.

— Если мы останемся здесь дожидаться зимы, мы тоже погибнем.

Серебристое Облако мрачно кивнул. Верно: здесь больше нельзя оставаться. Он понимал это не хуже Ведуньи.

И знал, что сюда, наверное, вообще не следовало приходить — хотя никому бы в этом не признался.

— Не можем мы уйти, Ведунья, не совершив моления у алтаря...

— Уйти нельзя, и остаться нельзя, и к алтарю попасть тоже нельзя. Плохо дело, Серебристое Облако.

— Хорошего мало.

— Говорила я, что не надо сюда приходить. Я тебе это сразу сказала, как только ты объявил, что отменяешь Праздник Лета.

— Помню, Ведунья. Но мы все же пришли сюда. И не уйдем, пока не исполним обряд, ради которого пришли. Нельзя уйти просто так, не услышав голоса Богини.

— Да. Я согласна с тобой. Я не хотела идти сюда, но, раз уж мы пришли, надо поклониться Богине, как ты говоришь. Тут я не спорю.

Серебристое Облако был благодарен и за это.

— Но если нам нельзя здесь больше оставаться из-за снега, и нельзя уйти, не исполнив обряда, а Чужие мешают нам его исполнить, осквернив алтарь своим присутствием — значит, надо прогнать Чужих. Очень просто.

— Они перебьют нас, если мы на них нападем.

— Нас убьет зима, если мы не сделаем этого.

— Мы с тобой ходим по кругу и никуда так не придем. — Серебристое Облако сурово смотрел на Ведунью — она непреклонна, но не предлагает иного выхода, кроме верной гибели от рук врага.

Да, из этого круга не выйдешь. Уйти нельзя и остаться нельзя. Он отменил Праздник Лета ради обряда, который считал необходимым совершить здесь. Если он отменит и этот обряд из-за Чужих, то окажется, что они не почтили Богиню ни летом, ни осенью, и гнев ее обрушится на Людей полной мерой. Люди будут голодать и обвинять во всем вождя. Серебристое Облако знал, что ему грозит опасность быть низложенным, если он в скором времени не поправит дела. А такого явления, как бывший вождь, у Людей не существовало. Обычай был предельно прост: сложить с себя полномочия вождя означало распроститься с жизнью.

Старую рану на ноге жгло огнем. Может, не так уж и плохо было бы отойти в сторону и уступить свое бремя другому, навсегда отделавшись от боли и от усталости.

Подошла жрица.

— Убедила тебя Ведунья в том, что надо напасть первыми?

— Нет.

— Ты так боишься смерти?

— Твой вопрос глупее, чем ты думаешь, жрица, — засмеялся Серебристое Облако. — Я боюсь, что умрешь ты, и Источник Молока, и Отважный Лев, и Белый Снег, и все остальные. Я должен печься о том, чтобы Люди были живы, а не вести их на верную смерть.

— Приближается снежная пора. Она тоже убьет нас, если мы останемся под открытым небом.

— Знаю, знаю, — со вздохом ответил вождь.

— Я не хотела этого паломничества, — сказала жрица. — Помнишь? Я сказала, что нет нужды возвращаться обратно, чтобы узнать волю Богини. Но Хранительница Прошлого убедила меня не мешать тебе.

— Помню, — терпеливо ответил Серебристое Облако. — Но не все ли теперь равно? Мы уже здесь. Как ты думаешь, можем мы уйти, не поговорив с Богиней?

— Может быть, Богиня уже сказала свое слово. Может быть, она дает нам понять, что глупцы с глупцом во главе заслуживают смерти. В таком случае лучше умереть сражаясь, чем тонуть в снегу и в бесплодных разговорах. Или ты думаешь...

— Смотрите, — прервала их Ведунья. — К нам идет Чужой!

Серебристое Облако резко обернулся. В самом деле, высокий молодой воин с копьем, обвязанным рыжим мехом, вышел из вражеского стана и шел к ним. Когда он проходил мимо алтаря, стоявший на страже Расколотая Гора погрозил ему оружием, но посланник сказал что-то стражу и миновал его, не останавливаясь

Пылающее Око и Волчье Дерево выбежали, тыча пальцами в сторону Чужого, как будто Серебристое Облако сам его не видел. Они потрясали копьями, показывая, что готовы наброситься на пришельца. Серебристое Облако сердито отогнал их прочь. Неужто они думают, что Чужой пришел воевать в одиночку? Скорее всего он пришел говорить с ними — не иначе.

Только как же я буду говорить с ним? — недоумевал вождь.

Посланник шел по заснеженной земле, держась извилистой тропы, огибавшей заболоченные места, к тому месту на берегу, где стоял Серебристое Облако с Ведуньей и жрицей Подойдя, он поднял копье, явно приветствуя их, и плавно помахал им из стороны в сторону.

Серебристое Облако в ответ немного приподнял от земли свое копье и опустил снова, ожидая, что будет дальше.

Чужой начал испускать звуки, которые напомнили вождю стоны раненого зверя.

— Ему что, худо? — спросил вождь Ведунью.

— Он говорит тебе что-то. Они так говорят.

— Говорит? Это же полная бессмыслица.

— Они так говорят, — повторила Ведунья. — Я уверена.

— Ладно Тогда скажи мне, что он говорит.

— Откуда мне знать?

— Ты же у нас Ведунья.

— Я ведаю только то, что знаю. А языка Чужих я не знаю.

— Значит, есть что-то, чего ты не знаешь? Я впервые слышу это от тебя, Ведунья.

Ведунья криво улыбнулась и промолчала.

Чужой снова заговорил. Голос его звучал пронзительно, и видно было, что он напрягается, стараясь донести до них смысл своих слов, будто говорил с детьми. Но никакого смысла в его речах не было. Серебристое Облако смотрел Чужому прямо в рот, но не мог разобрать ни единого слова. Звуки, которые издавал Чужой, не были словами.

— Можешь ты говорить как следует? — спросил вождь. — Я ничего не понимаю из твоих завываний.

Чужой подался вперед, вытянул шею и приложил руку к уху, словно глухой, хотя Серебристое Облако говорил очень громко. Чудной у него был вид, когда он стоял вот так. Чужой,

очень высокий, немыслимо высокий, прямо до небес, стал, согнувшись, похож на большую, длинную болотную птицу. Серебристое Облако глядел на него как зачарованный. И как он только держит равновесие? Как не падает, стоя на своих длинных и тонких ногах? И как не ломается пополам, когда наклоняется? А уж урод-то — бледный, как призрак, и подо ртом что-то торчит, и все личико какое-то мелкое.

— Я тебя спрашиваю — умеешь ты говорить как следует? Говори словами, если хочешь, чтобы я понял тебя!

— Он и говорит словами, — сказала вдруг Ведунья. — У него свои слова. — Ее саму поразила эта новая, открытая ею истина. — У Чужих другой язык, не такой, как у нас.

— Что? — опешил Серебристое Облако. — Как же так? Существует только один язык, Ведунья. Есть слова, которые можно понять, и есть бессмыслица, которую понять нельзя. Мы не понимаем его, поэтому все, что он говорит, — бессмыслица. Как может существовать еще какой-то язык? Небо есть небо. Гора есть гора. Вода есть вода, снег есть снег. Все это знают. Как можно называть все это другими именами?

— Два народа — два языка. У нас один язык, у них другой.

От этой мысли у Серебристого Облака разболелась голова. Нельзя было не признать, что какой-то смысл в ней есть. Два народа — два языка, почему бы и нет? Но привыкнуть к этой новой мысли сразу было очень трудно. Такие мысли требуют обдумывания в тишине. Вождь отложил решение на потом и снова вернул свое внимание Чужому.

Тот все говорил, так же непонятно, как и прежде, но теперь еще и помогал себе жестами — стремился передать смысл своего послания хотя бы так, видя, что слова не помогают. Концом копья, обернутым в мех, он показал на алтарь; потом показал на холмы с восточной стороны, откуда пришли Люди; потом на запад, в сторону моря, на земли, теперь полностью принадлежащие Чужим. Снова на алтарь, на Серебристое Облако, на себя, на алтарь.

— Жрица! — сказал Серебристое Облако. — Понимаешь ли ты хоть что-нибудь?

— Он хочет, чтобы мы ушли, а алтарь остался им, — незамедлительно ответила жрица.

Серебристое Облако не совсем был согласен с ней. Посланник слишком много показывал в разные стороны. Если бы он, вождь, хотел сказать Чужим, чтобы те ушли, он просто показал бы на алтарь, на Чужих и на запад, а потом махнул бы рукой — уходите, мол, откуда пришли. И всякий, в ком есть хоть крупица разума, его бы понял.

Почему бы не попробовать сделать это сейчас? И вождь попробовал.

Чужой терпеливо смотрел на него, словно на ребенка, прервавшего длинной путаной речью умный разговор взрослых. И когда Серебристое Облако закончил свое, снова повторил все свои прежние жесты.

— По-моему, он хочет сказать, — предположила Ведунья, — что мы можем вместе пользоваться алтарем, вместе молиться.

— Делить алтарь со всякой дрянью? — вскричала жрица. — Алтарь наш!

— Ты это хочешь сказать? — обратился Серебристое Облако к Чужому, говоря как можно громче и медленнее. — Что мы можем вместе молиться у алтаря? Нет, это не годится. Алтарь принадлежит Богине, а вы не ее дети. Или это не так? И вы тоже дети Богини? — И вождь стал ждать ответа, надеясь, что поймет его.

Но Чужой ответил опять по-своему, непонятно, и снова показал копьем на то, на что показывал прежде.

— Без толку все это, — сказал Серебристое Облако. — Без толку, без толку, без толку. Я не понимаю тебя, а ты — меня. Ничего не поделаешь. Ведунья и жрица думают, что понимают тебя, но это не так, не совсем так. Обе слышат то, что хотят услышать.

— Давай я попробую научить его нашему языку, — предложила Ведунья. — Или сама выучу его язык.

— Держись от него подальше, — сказала жрица. — Он нечист, а здесь священная земля.

— Но если бы мы сумели договориться...

— Бесполезно, — сказал Серебристое Облако. — Даже если те звуки, что он издает, и вправду язык, тебе никогда не понять его. Как это возможно? Все равно что учиться рычать по-медвежьи или учить медведя говорить по-человечески. Ничего у тебя не выйдет.

— Старики всегда говорят, что ничего не выйдет, — возразила Ведунья.

— Старики? Старики? — вскричал вождь.

Чужой снова показывал копьем и говорил свое. Наверное, пытался в последний раз передать Серебристому Облаку то, что хотел, — но так же непонятно, как и прежде. Великая печаль охватила вождя — не только оттого, что Ведунья назвала его стариком, и жестоко болит нога, и приближается снежная пора, а Люди еще не сделали запасов на зиму. А оттого, что этот долговязый человек-журавль, по всему видно, пришел к нему с миром, а он, вождь, не может понять его и не может сделать

так, чтобы тот его понял. Не удалось им сойти с мертвой точки — между ними словно глухая стена.

Чужой окончил свою речь и ждал ответа.

— Прости, — сказал ему Серебристое Облако. — Не понимаю я тебя. Все дело в том, что я не говорю по-вашему, а ты, судя по всему, по-нашему.

— Так ты согласен с тем, что у него свой язык? — возликовала Ведунья.

— Да, — пробурчал вождь. — А толку-то что?

Переговоры завершились. Чужой, с недовольным и суровым видом, повернулся и быстро пошел к своему стойбищу. Серебристое Облако смотрел ему вслед, изумляясь его размашистой, расхлябанной походке. Просто чудо, что у Чужого при ходьбе не отваливаются руки и ноги — до того он хлипкий, до того неладно сложен. Просто чудо, как держится его голова на такой тонкой шее. Серебристое Облако был благодарен за то, что у него самого такое крепкое, плотно сбитое тело — пускай даже оно теперь стало уставать и болеть. Зато оно хорошо служило ему долгие годы. Богиня его создала, это тело. Вождь жалел Чужих за хлипкость и уродство.

Посланник снова поравнялся с Расколотой Горой, охранявшим алтарь, и тот снова замахнулся на него копьем и вызывающе зашипел. Чужой не обратил на него внимания. Расколотая Гора посмотрел на вождя, ища указаний, и тот покачал головой, веля воину успокоиться. Чужой скрылся в своем стойбище.

Вот и все. Ничего не получилось.

Серебристое Облако терзали сомнения. Все его последние действия кончаются ничем. Богиню они не почтили, мальчик словно растаял в воздухе, алтарь, к которому они так долго шли, недоступен, и зима приближается; а сегодня он вдобавок не сумел договориться с Чужим. Ведунья, конечно, права, как ни печально: он слишком стар, чтобы править. Пора уступить, предоставить Тем, Кто Убивает, сделать свое дело и погрузиться в сон, которому нет конца.

А вождем вместо него станет Пылающее Око. Пусть он и заботится о том, что делать дальше.

Но одна лишь мысль об этом вызвала гнев у старого вождя. Пылающее Око — глупец. И будет творить глупости, как и все глупцы. Грешно было бы оставлять племя на Пылающее Око.

Кто же тогда? Расколотая Гора? Волчье Дерево? Молодой Олень? Все глупцы. Ни одному из них не доверил бы он племя. Может, с годами они и поумнеют, но Серебристое Облако не слишком полагался на это.

Кому же быть вождем после него?

Пусть решает Богиня, когда меня не станет, подумал Серебристое Облако. Тогда это будет ее дело — не мое.

Нет, он не отречется. Подождет, пока смерть сама не придет за ним. Серебристое Облако признавал, что и сам он глупец — иначе они не попали бы в это безвыходное положение — но все же не столь глуп, как молодежь, так что лучше уж ему побыть вождем еще немного.

— Что будем делать теперь, Серебристое Облако? — спросила Ведунья.

— Ничего. Что мы можем сделать?

Серебристое Облако вернулся в стойбище и сел у огня. К нему подошла девчушка — он позабыл ее имя. Старик притянул ее к себе, и они долго сидели вместе, глядя на скачущие языки пламени. Близость ребенка немного развеяла печаль вождя. От этой девчушки когда-нибудь, когда его давно уже не будет на свете, народятся новые Люди. Эта мысль утешала: пусть умирают вожди, пусть умирают воины, пусть все рано или поздно умрут — Люди будут всегда, во все времена. Да. Отрадно сознавать это.

Вскоре начал падать снег и шел почти всю ночь.

Глава 9

СТАНОВЛЕНИЕ

40

Через три дня Хоскинс зашел к мисс Феллоуз и сказал:

— Все в порядке. Жена больше не против того, чтобы Джерри пришел к Тимми, а Нед Кессиди сочинил страховое соглашение, к которому вроде бы ни один законник не придерется.

— Что предусматривает это страхование, доктор Хоскинс?

— Разные виды повреждений.

— Которые Тимми может причинить Джерри?

— Ну да, — на Хоскинса снова нашел приступ робости.

Мисс Феллоуз тут же ощетинилась:

— Неужели вы серьезно считаете, что это может произойти? А ваша жена?

— Если бы мы в самом деле беспокоились, то не пустили бы Джерри сюда. Жена поначалу, как вам известно, сомневалась, но Тимми быстро расположил ее к себе. И все-таки, когда встречаются двое незнакомых мальчишек, мисс Феллоуз, всегда

есть вероятность, что один наподдаст другому — не мне вам рассказывать.

— Конечно. Но родители не оформляют страховых соглашений, отпуская своего ребенка играть с другими детьми.

— Вы не поняли, — засмеялся Хоскинс. — Это компания настаивает на страховке, а не мы. Это мы с Аннет обязуемся не предъявлять «Стасис текнолоджиз» претензий в случае чего. Отказываемся от страховки, мисс Феллоуз.

— Ах вот как, — смягчилась она. — Когда же вы приведете Джерри?

— Ничего, если завтра утром?

41

Мисс Феллоуз дождалась завтрака и только тогда сообщила Тимми новость. Она не стала ничего говорить накануне, боясь, что волнение не даст Тимми спать и он вдруг выкинет что-нибудь не то, когда придет Джерри.

— Сегодня, Тимми, к тебе придет друг.

— Друг?

— Другой мальчик. Он будет играть с тобой.

— Мальчик? Такой же, как я?

— Да, такой же, как ты. — В истинном смысле это действительно так, воинственно подумала мисс Феллоуз. — Его зовут Джерри. Он сын доктора Хоскинса.

— Сын? — не понял Тимми.

— Доктор Хоскинс его отец, — пояснила мисс Феллоуз, как будто это могло помочь.

— Отец.

— Отец — сын. — Она показала рукой сначала высоко, потом пониже. — Отец — большой мужчина, а сын — маленький мальчик.

Тимми все еще недоумевал. Множество житейских понятий, которые, казалось бы, сами собой разумеются, было чуждо ему. Ведь он жил в изоляции стасисного пузыря. Но должен же он знать, что такое родители. Или он и это забыл? Мисс Феллоуз уже не впервые ощутила приступ ненависти к Джералду Хоскинсу и ко всей «Стасис текнолоджиз» за то, что они вырвали мальчика из родного времени и пространства. И почти согласилась со сторонниками Брюса Манхейма в том, что здесь имел место случай изощренного издевательства над ребенком.

Порывшись в книжках Тимми, мисс Феллоуз нашла одну из самых любимых — рассказ о Вильгельме Телле. Какой смысл

извлекал мальчик из самой истории, оставалось для мисс Феллоуз загадкой, но книжка была богато и живо иллюстрирована — Тимми то и дело перелистывал ее, поглаживая яркие картинки. Мисс Феллоуз открыла ее на развороте, где изображалось, как Телль сбивает яблоко с головы сына стрелой из арбалета, и показала сначала на лучника в средневековом костюме, потом на мальчика, в которого он целил.

— Отец — сын, отец — сын.

Тимми вдумчиво кивнул.

Интересно, что он извлек из ее объяснений? Что доктор Хоскинс — красавец с длинными волосами, в странном наряде и с машиной неизвестного назначения в руках? Или что кто-то придет сюда сбивать яблоки у него, Тимми, с головы? Пожалуй, не стоило в такой момент озадачивать мальчика абстрактными понятиями «отец» и «сын».

Ну ничего — главное, что у Тимми появится друг.

— Он придет, когда мы позавтракаем, — сказала мисс Феллоуз. — Он очень хороший мальчик. — Она искренне надеялась, что это так. — И ты покажешь ему, что ты тоже хороший мальчик, правда?

— Да. Хороший мальчик.

— Ты будешь его другом, а он будет твоим другом.

— Друг. Хороший мальчик.

Глазенки у Тимми сияли, но понял ли он хоть что-нибудь?

По мере приближения визита Джерри мисс Феллоуз все сильнее одолевали всевозможные дурные предчувствия и в голову приходили различные проблемы, которых она не предусмотрела раньше.

А ну-ка перестань, сказала она себе.

Ты ведь уже много месяцев делала, чтобы это произошло — ради Тимми. Вот время и пришло, и незачем волноваться. Совершенно незачем.

— Мисс Феллоуз? — сказал Хоскинс по селектору.

— Вот и они, — сказала она Тимми. — Джерри пришел.

К ее удивлению, Тимми юркнул к себе в комнату и стал опасливо выглядывать оттуда в приоткрытую дверь. Недобрый знак.

— Тимми, — начала она, но тут на пороге появилось все семейство Хоскинсов.

— Вот и мой Джерри, — сказал отец. — Поздоровайся с мисс Феллоуз, Джерри.

За юбку Аннет цеплялся круглолицый, большеглазый, бледненький мальчуган с длинными, взлохмаченными рыжеватыми

волосами, очень похожий на отца — ни дать ни взять Джералд Хоскинс в пятилетнем возрасте.

— Поздоровайся, — повторил Хоскинс построже.

— Здравствуйте, — чуть слышно вымолвил Джерри и еще глубже зарылся в мамину юбку.

Мисс Феллоуз улыбнулась ему как можно теплее и приветливее.

— Здравствуй, Джерри. Входи, пожалуйста. Тут живет Тимми, он будет с тобой дружить.

Джерри смотрел на нее так, будто ему гораздо больше хотелось бы сбежать.

— Перенеси его через порог, — чуть нетерпеливо сказал Хоскинс жене.

Она с видимым усилием взяла мальчика на руки — Джерри был велик для своих лет — и переступила с ним через порог. Джерри заметно поежился, испытав ощущение перехода в стасис.

— Ему не по себе, Джералд, — сказала миссис Хоскинс.

— Вижу. Ему нужно время, чтобы обвыкнуться. Поставь его.

Аннет Хоскинс обвела глазами комнату. Мускулы ее рук были напряжены. Несмотря на то что Тимми в прошлое посещение расположил ее к себе, сейчас она явно не на шутку беспокоилась. Еще бы — ее драгоценную крошку впускают в клетку к обезьяне.

— Поставь его на пол, Аннет.

Она кивнула и послушалась. Сын спрятался за нее, беспокойно поглядывая на пару глаз, следивших за ним из соседней комнаты.

— Выходи, Тимми, — сказала мисс Феллоуз. — Это твой новый друг Джерри. Он очень хочет с тобой познакомиться. Не бойся.

Тимми медленно вышел. Джерри съежился. Хоскинс нагнулся и отцепил его пальцы от юбки Аннет.

— Отойди, Аннет, — сказал он драматическим шепотом. — Бога ради, дай ребятам шанс.

Мальчишки уставились друг на друга, стоя почти что нос к носу. Джерри, хотя и младше Тимми на несколько месяцев, был на дюйм повыше его. И на фоне пряменького Джерри с красиво посаженной головой Тимми вдруг показался мисс Феллоуз почти таким же карикатурным, как в первые дни.

У нее задрожали губы.

Молчаливое созерцание длилось довольно долго. Наконец тишину нарушил тонкий голосок маленького неандертальца:

— Меня зовут Тимми.

И он вдруг сунулся прямо в лицо пришельцу, словно хотел разглядеть его поближе.

Испуганный Джерри сильно отпихнул его, Тимми шлепнулся, и оба громко разревелись. Миссис Хоскинс схватила своего сына, а мисс Феллоуз, красная от подавленного гнева, быстро подняла Тимми и стала успокаивать. «Звереныш! — яростно повторяла она про себя. — Злюка противная!»

Да нет, это, пожалуй, слишком. Тимми напугал Джерри, и тот защищался, как умел. Ничего страшного не случилось. Примерно этого и следовало ожидать.

— Ну-ну, — воскликнул Хоскинс.

— Я знала, что это неудачная затея, — сказала Аннет. — Они инстинктивно невзлюбили друг друга.

— Инстинкт здесь ни при чем, — твердо возразила мисс Феллоуз.

— Конечно, ни при чем, — поддержал Хоскинс. — Двое ребят всегда могут поначалу не понравиться один другому. Поставь Джерри — пусть осваивается с ситуацией.

— А если этот пещерный мальчик даст ему сдачи?

— Ну и правильно сделает. Джерри сам сумеет за себя постоять. А если он этого не умеет, то самое время поучиться. Нам надо просто предоставить его самому себе.

Аннет колебалась.

— Нам с тобой лучше уйти, — сказал ей муж. — Мисс Феллоуз сама с ними управится. А через часок она приведет Джерри ко мне в кабинет, и я отправлю его домой.

42

Этот час тянулся долго. Тимми забился в дальний угол и оттуда враждебно зыркал на Джерри, словно желая изничтожить его взглядом. Прятаться в свою комнату, как часто делал в минуту тревоги, он явно не намеревался — очевидно, решил, что неразумно отступать, сдавая таким образом часть территории врагу.

Джерри прижался в противоположном углу и плакал оттого, что ушла мама. Он был так несчастен, что мисс Феллоуз, рискуя усугубить недовольство Тимми, подошла к гостю и стала утешать его: мама близко, она совсем не бросила его, и скоро Джерри опять ее увидит.

— Сейчас хочу! — сказал Джерри.

(Ты, наверное, думаешь, что тебя здесь оставили жить насовсем, правда, малыш? Что ты теперь будешь жить в кукольном домике с одним только Тимми. И тебе это, конечно же, очень не нравится — не больше, чем Тимми, должно быть.)

— Домой хочу! — сказал Джерри. — Прямо сейчас!

— Ты скоро пойдешь домой, Джерри. Ты к нам только в гости пришел.

Джерри замахнулся на нее кулачками.

— Ну нет, — сказала мисс Феллоуз, ловко ухватив его за пояс и держа на вытянутых руках, чтобы он не мог ее достать. — Нет, Джерри, драться нельзя. А леденец хочешь?

— Нет! Нет! Нет!

— А мне кажется, хочешь, — засмеялась мисс Феллоуз. — Постой-ка тут, я тебе принесу.

Она отперла тайник, где держала конфеты, — на Тимми, как выяснилось, нельзя было полагаться в отношении их сохранности — и достала огромный, круглый зеленый леденец на палочке, едва помещающийся во рту. Джерри широко раскрыл глаза и тут же перестал ныть.

— Так я и думала, — усмехнулась мисс Феллоуз, протягивая ему леденец, который он тут же запихал в рот без всякого труда.

За спиной у нее заворчал Тимми.

— Знаю, знаю, тебе тоже хочется. Я про тебя не забыла, Тимми. — Она достала другой леденец, оранжевый, и протянула своему питомцу. Тот со злостью выхватил у нее конфетку, будто сидящий в клетке зверек.

Мисс Феллоуз забеспокоилась. Она не ожидала, что визит пройдет гладко, но пробуждение в Тимми дикарских замашек встревожило ее.

Нет, не дикарских — это слишком сильно сказано. Следует помнить, что Джерри начал первый. Тимми, в конце концов, представился ему самым вежливым, цивилизованным манером. А Джерри его толкнул. Очень возможно, что Тимми считает ворчание и рычание единственным достойным ответом на подобное поведение.

Теперь оба сердито зыркали друг на друга поверх своих леденцов. Да, убедилась мисс Феллоуз, от первого часа их знакомства ничего хорошего ждать не приходится.

Но ей такая ситуация была не внове и нисколько ее не смущала. Она присутствовала при многих детских баталиях и не раз наблюдала, как они кончались сначала перемирием, а там и дружбой. Главное здесь — терпение, как и почти всегда с детьми, и проблема со временем разрешится сама собой.

— Как насчет кубиков? — спросила она. — Тимми, хочешь поиграть с кубиками?

Тимми мрачно, исподлобья, поглядел на нее — она решила, что это знак согласия, хотя полной уверенности не было.

— Вот и хорошо. — И она принесла из детской кубики — превосходные гладенькие кубики, которые приятно щелкали, когда их складывали, и мелодично играли, когда складывались грани одного цвета. Мисс Феллоуз положила их посреди комнаты. — А можно Джерри тоже поиграть твоими кубиками, Тимми?

Тимми что-то пробурчал.

— Можно? Вот умница. Я знала, что ты позволишь. Иди сюда, Джерри. Тимми даст тебе поиграть своими кубиками.

Джерри нерешительно подошел. Тимми уже уселся на полу, отобрав себе свои любимые кубики. Джерри следил за ним с безопасного расстояния. Мисс Феллоуз подошла и ласково, но решительно усадила и его.

— Играй, Джерри. Все в порядке. Тимми не против.

Джерри поднял на нее глаза, явно сомневаясь на этот счет.

Потом осторожно взял один кубик. Тимми забурчал погромче, но, уловив предостерегающий взгляд мисс Феллоуз, остался на месте. Джерри взял еще кубик. И еще. Тимми схватил сразу два и спрятал себе за спину. Джерри взял следующий.

Они мигом разобрали всю кучу примерно поровну, и Тимми стал играть со своими в одном углу, а Джерри — в другом, поближе к двери. Они так старательно не замечали друг друга, словно находились на разных планетах. Ни один даже не смотрел в сторону другого.

Зато они занимаются одинаковой игрой — начало положено.

Мисс Феллоуз села в сторонке и предоставила мальчиков самим себе. Время от времени она поглядывала на них — не решится ли кто нарушить невидимую преграду, воздвигнутую ими посреди комнаты. Но нет: каждый продолжал заниматься своим делом. Они так старались не обращать друг на друга внимания, что, наверное, даже устали. Тимми соорудил из своих кубиков неровный квадрат, открытый с двух углов. Замысел Джерри был гораздо сложнее — после недолгих проб и ошибок у него получилась стройная пирамида.

Мисс Феллоуз немного обескуражило явное первенство Джерри. Еще один пример умственного превосходства гомо сапиенс сапиенс над гомо сапиенс неандерталенсис? Может быть. А может быть, у Джерри дома есть такие же кубики, и отец — ученый, физик — научил мальчика, как строить красивые пирамидки. Бедному Тимми, у которого отца нет, с Джерри не тягаться — мисс Феллоуз не обучала его искусству строительства из кубиков, ей это просто в голову не пришло. Она была вполне довольна тем, что Тимми, почти инстинктивно, сам догадался, как надо играть с кубиками. Теперь ей, разочарованной поражением Тимми, хотелось думать, что доктор Хоскинс потратил немало усилий, обучая сына строить разные фигуры. Она просто надеялась, что это так.

— Мальчики, хотите молока? — спросила она на исходе часа.

Мальчики хотели — но, получив молоко, проявили не больше охоты к общению, чем раньше. Каждый удалился в свой угол и пил там. Мисс Феллоуз с неудовольствием отметила, насколько ловчее, чем Тимми, пьет из стакана Джерри.

Прекрати, одернула она себя. У Джерри были все возможности этому научиться, а у Тимми нет. Джерри не свалился в этот мир в возрасте четырех лет, не имея понятия о том, что и как делают живущие в нем люди.

И все-таки, отводя Джерри в кабинет Хоскинса, мисс Феллоуз так и не смогла побороть до конца своего угнетенного настроения.

— Ну, как там дела? — спросил Хоскинс.

— Начало положено. Только начало, но ведь с чего-то надо начинать.

— Не дрались больше?

— Нет. — Она рассказала ему про кубики, умолчав об архитектурном превосходстве Джерри. — Они терпели друг друга — иначе при всем желании не скажешь. Тимми держался на своей территории, а Джерри на своей. Нужно время, чтобы они почувствовали друг к другу симпатию.

— Да, я уверен, — безразлично произнес Хоскинс, которому явно не терпелось, чтобы она ушла. Он даже сыну не сказал ни слова, когда тот вошел. На столе у него громоздились распечатки, видеоленты, магнитные диски.

— Новый эксперимент? — отважилась спросить мисс Феллоуз.

— В общем, да. Скорее усовершенствование старого. Собираемся проникнуть в более близкое прошлое. Вот-вот должны начать интертемпоральный поиск на ближней дистанции.

— Интер... темпоральный?

— Расширяем свои границы. Сейчас мы оперируем в пределах десяти тысяч лет, а следующий шаг, похоже, значительно улучшит наши показатели.

Мисс Феллоуз слушала его рассеянно — сейчас ее мысли были заняты только Тимми и Джерри.

— Другими словами, — весело продолжал Хоскинс, — мы ожидаем, что нам удастся проникнуть в прошлое на тысячу лет — а то и ближе, мисс Феллоуз! Больше того — предельная масса груза тоже увеличится. Прежние сорок килограммов становятся достоянием истории. Теперь мы, возможно, сумеем взять восемьдесят, а то и все сто килограммов.

— Очень рада за вас, доктор Хоскинс, — ответила мисс Феллоуз без особого пыла, но Хоскинс не обратил внимания на ее тон.

— Да-да. Спасибо, мисс Феллоуз. — Физик посмотрел на сына, точно впервые заметил его, и небрежно притянул к себе. — Через пару дней мы опять приведем Джерри и посмотрим, не пойдут ли у них дела получше — да, мисс Феллоуз?

— Да, конечно. — Она помедлила.

— Что-нибудь еще?

Да, было кое-что. Ей хотелось сказать, как она благодарна ему за то, что он позволил Джерри приходить к Тимми — пусть даже первый визит не совсем удался. Она знала, что первая настороженность пройдет, страх и неуверенность исчезнут и мальчики постепенно подружатся. Согласие Тимми, хотя и неохотное, поделиться кубиками сказало ей об этом. А друг Тимми нужнее всего. Присутствие Джерри со временем сотворит с Тимми чудеса: он раскроется, научится общаться со сверстниками, станет тем, кем должен стать. Да. Наконец-то Тимми сможет стать Тимми. Это не удалось бы ему, живи он в одиночестве — при всей любви и заботе мисс Феллоуз. И она искренне, почти до слез, была благодарна Хоскинсу за то, что он привел к Тимми Джерри.

Но она не могла заставить себя это высказать. Не могла подыскать слов. Официальный тон Хоскинса, его отстраненность, его поглощенность распечатками и дискетами нового эксперимента воздвигли между ними барьер. Возможно, Хоскинс до сих пор помнит, как они однажды завтракали вместе и как она сказала, что он для Тимми все равно что отец — в любом смысле, кроме биологического, — что жестоко лишать Тимми общества и он просто обязан дать мальчику друга. Вот он и привел своего настоящего сына. Может быть, Хоскинс этим пытался доказать, что он одновременно и хороший отец Тимми, и вовсе ему не отец. И то, и другое. И за его поступком кроется тайная обида. Поэтому мисс Феллоуз сказала только:

— Я так рада, что вы позволили своему мальчику прийти сюда. Спасибо вам. Большое спасибо, доктор Хоскинс.

А он сказал только:

— Ничего, ничего. Не стоит, мисс Феллоуз.

43

Посещения Джерри стали входить в привычку. Через три дня он пришел к ним во второй раз, еще через четыре — в третий. Второй визит продолжался столько же, сколько и первый, третий растянулся до двух часов — и все последующие стали длиться столько же.

Мальчики больше не таращились друг на дружку, как в первый раз, и никто никого не толкал. Встретились они довольно неприветливо, когда Джерри — уже без родителей — снова перенесли через порог стасиса, но мисс Феллоуз быстро сказала: «А вот и твой новый друг Джерри», — и Тимми кивнул, признав Джерри без всяких признаков вражды. Джерри становился для него таким же фактом жизни в пузыре, как визиты антропологов или осмотры доктора Джекобса.

— Поздоровайся, Тимми.

— Здравствуй.

— Джерри?

— Здравствуй, Тимми.

— Ты тоже, Тимми, скажи: «Здравствуй, Джерри».

— Здравствуй, Джерри, — помолчав, сказал тот.

— Здравствуй, Тимми.

— Здравствуй, Джерри.

— Здравствуй, Тимми.

— Здравствуй, Джерри.

Так они и продолжали, пре́вратив это в игру. Обоим было смешно. Мисс Феллоуз переполнило чувство облегчения. Раз мальчишки вместе дурачатся, они не станут тыкать друг друга кулаками, как только она отвернется. Раз они вместе смеются, между ними не будет ненависти.

— Здравствуй, Тимми.

— Здравствуй, Джерри.

И еще: Джерри, кажется, без труда понимает Тимми. Конечно, «здравствуй, Джерри» не Бог весть какая сложная фраза, но многие взрослые посетители вообще ни звука не могли понять из того, что говорил Тимми. А у Джерри нет взрослых предрассудков относительно произношения, и косноязычная речь Тимми не представляет для него тайны.

— Хотите снова поиграть с кубиками? — спросила мисс Феллоуз.

Энергичные кивки. Она вынесла кубики из детской и высыпала на пол.

Мальчики быстро поделили их на две почти равные кучки и проворно принялись за работу. На этот раз они не стали

расходиться по разным углам, а строили бок о бок, молча, не обращая особого внимания на то, что делает другой, но и не стесняясь своим соседством.

Очень хорошо.

Не очень хорошо было то, что кубики они поделили не так ровно, как показалось мисс Феллоуз на первый взгляд. Джерри присвоил себе гораздо больше половины — почти что две трети, и снова быстро возводил пирамиду — теперь дело у него шло легче, поскольку строительного материала было больше.

Тимми же складывал что-то вроде буквы Х, но ему не хватало кубиков, чтобы завершить свой проект. Мисс Феллоуз заметила задумчивый взгляд, который он бросил на кучу кубиков Джерри, и приготовилась вмешаться в случае стычки. Но Тимми и не пытался забрать у Джерри кубики — просто смотрел на них.

Похвальная сдержанность? Вежливость хорошо воспитанного мальчика по отношению к гостю?

Или в нежелании Тимми взять у Джерри кубики есть нечто более тревожное? Начать с того, что Тимми отнюдь нельзя назвать воспитанным мальчиком — мисс Феллоуз не питала иллюзий на этот счет. Она приложила все свое умение и усердие, чтобы воспитать его вежливым и уступчивым, но было бы безумием считать Тимми образцом хороших манер. Тимми — дитя первобытного общества, где манеры в современном понимании скорее всего были неизвестны. А потом его перенесли из родного племени в изоляцию стасисного пузыря, где он не имел возможности приобрести те социальные навыки, которые обычно приобретают уже дети его возраста. Кстати, его современные сверстники вежливостью тоже не отличаются.

Если Тимми не забирает у Джерри нужные ему кубики — свои же кубики, в конце концов, — то скорее всего не потому, что он такой хороший, а потому, что просто побаивается Джерри. Боится взять у него кубики, как сделал бы любой мальчишка на его месте.

Неужто Тимми так напугал тот толчок при первой встрече? Или есть другая причина — более глубокая, более темная, истоки которой кроются в забытой истории первых дней человечества?

44

Однажды вечером, когда Тимми уже отправился спать, зазвонил телефон и телефонистка компании сказала:

— Мисс Феллоуз, с вами хочет говорить Брюс Маннхейм.

С ней? — вскинула брови мисс Феллоуз. Ей сюда еще никто не звонил извне. Она по собственной воле отрезала себя от внешнего мира — иначе ей покою бы не было от журналистов, от любопытных, от ненормальных и фанатиков — и от таких, как Брюс Маннхейм. Однако вот он у телефона. Как он только ухитрился пробиться к ней за спиной у Хоскинса? Нет, он, должно быть, звонит с ведома и согласия директора.

— Слушаю, мистер Маннхейм. Как поживаете?

— Прекрасно, мисс Феллоуз, прекрасно. Доктор Хоскинс говорит, что Тимми обрел наконец друга?

— Да, мистер Маннхейм. И это сын доктора Хоскинса.

— Да, я знаю. Мы все считаем, что доктор Хоскинс поступил просто превосходно. И как же там у вас дела?

— В общем, хорошо, — чуть поколебавшись, сказала мисс Феллоуз.

— Ребята поладили?

— Да, конечно. Поначалу не обошлось без трений, как это часто бывает — и надо сказать, что виноват был не столько Тимми, сколько Джерри; Тимми принял Джерри очень радушно, хотя никогда раньше не видел своих современных сверстников.

— А Джерри, выходит, увидев неандертальца, повел себя не столь хорошо?

— Не знаю, значило ли тут что-нибудь то, что Тимми неандерталец, мистер Маннхейм. Мальчик просто нервничал. Я бы назвала это нормальной реакцией одного ребенка на другого, без всякого антропологического оттенка. Джерри мог бы так же толкнуть любого другого мальчишку. Но теперь ничего такого не бывает. Между ними полное согласие.

— Рад слышать. Тимми, должно быть, цветет?

— Да, он прекрасно себя чувствует.

Наступила пауза. Мисс Феллоуз надеялась, что адвокат не собирается сказать, будто снова добился допуска в кукольный домик с целью проверить, как Тимми общается с другом. Тимми ни к чему лишние посетители, и совсем не нужно, чтобы посторонний присутствовал при встречах Тимми и Джерри. Их отношения пока складывались мирно, как она и сказала Маннхейму, но были потенциально неустойчивы, и присутствие незнакомца могло бы их испортить.

Но Маннхейм, кажется, не собирался приходить — он сказал:

— Я просто хотел сказать вам, мисс Феллоуз, как довольны мы тем, что у Тимми такая умелая воспитательница.

— Вы очень любезны.

— Мальчик испытал опасное потрясение и все же прекрасно адаптируется — до сих пор. Честь за это следует воздать в основном вам.

(Почему он сказал «до сих пор»?)

— Мы предпочли бы, конечно, чтобы Тимми остался жить естественной жизнью среди своего народа, — продолжал Маннхейм. — Но раз уж получилось по-иному, отрадно сознавать, что ухаживать за ним доверили такой преданной, ответственной женщине, как вы, и что вы окружили мальчика своей заботой с самого его прибытия в нашу эру. Вы сотворили чудо — иначе не скажешь.

— Вы очень любезны, что так говорите, — снова, уже смущенно, сказала мисс Феллоуз. Она никогда не гналась за похвалами, а Маннхейм на них уж чересчур щедр.

— Доктор Левиен думает так же, как я.

— Да? Приятно слышать, — холодно сказала мисс Феллоуз.

— Мне хотелось бы оставить вам свой номер телефона.

(Зачем?)

— Я всегда могу связаться с вами через доктора Хоскинса, — заметила она.

— Конечно. Но может случиться и так, что вы захотите связаться со мной без посредников.

(Почему? Почему? Что он хочет сказать?)

— Что ж, возможно...

— Я чувствую, что мы с вами — естественные союзники в этом деле, мисс Феллоуз. Нас искренне заботит прежде всего одно: благополучие Тимми. Какими бы ни были наши взгляды на воспитание детей, на политику и на все остальное, нам обоим глубоко небезразличен Тимми. Так вот, если вам нужно будет поговорить со мной о Тимми, если в «Стасис текнолоджиз» произойдут какие-то неблагоприятные для него перемены...

(Ага. Хочешь, чтобы я на тебя шпионила?)

— Я уверена, что все будет по-прежнему благополучно, мистер Маннхейм.

— Конечно, конечно. Но все же...

И Маннхейм все-таки дал ей свой телефон, а она его записала, сама не зная зачем.

Так, на всякий случай.

На случай чего?

45

— Джерри придет сегодня, мисс Феллоуз? — спросил Тимми.

— Он придет завтра.

Мальчик был явно разочарован. Круглая мордашка сморщилась, нависший лобик нахмурился.

— А почему не сегодня?

— Сегодня не его день, Тимми. Джерри сегодня идет в другое место.

— Куда?

— Так, в одно место. — Как объяснить Тимми, что такое детский сад? Что подумает Тимми, когда узнает, что другие дети, много детей, играют вместе в разные игры, со смехом гоняются друг за другом по школьному двору и малюют на бумаге восхитительно липкими красками?

— Джерри придет завтра.

— Я хотел бы, чтобы он приходил каждый день.

— Я тоже. — (Но так ли это? Правду ли она сказала?)

46

Она страдала не оттого, что у Тимми появился друг, а оттого, что этот друг становился слишком самоуверенным, слишком агрессивным. Джерри уже совершенно избавился от своей первоначальной робости и стал заметно доминировать.

Немаловажно было то, что он выше Тимми, а теперь он как будто стал расти еще быстрей — разница в росте составляла уже около полутора дюймов, да и весил Джерри больше. Он был проворнее, сильнее, и — как ни огорчительно для мисс Феллоуз — возможно, и умнее Тимми. Он куда быстрее разбирался в новых игрушках и сразу придумывал, как интереснее их использовать. Когда мисс Феллоуз давала им карандаши, краски или пластилин, Джерри рисовал осмысленные картинки или лепил фигурки, у Тимми же получалось нечто бесформенное. У Тимми явно отсутствовали художественные наклонности — он не умел даже того, чего следовало бы ожидать от нормально развитого ребенка его возраста.

Джерри каждый день ходит в детский сад, возражала себе мисс Феллоуз. Там он и научился пользоваться карандашами, красками и пластилином.

Но у Тимми тоже было все это задолго до появления Джерри. Он ничего не сумел освоить, однако тогда это не беспокоило мисс Феллоуз — она еще не сравнивала Тимми с другими детьми и делала скидку на то, что первые годы его жизни были сплошным пробелом.

Теперь же ей вспомнилось то, о чем говорилось в книгах доктора Макинтайра. Что не обнаружено никаких следов неандертальского искусства. Ни наскальной живописи, ни статуэток, ни резьбы на камне.

А вдруг они действительно были низшим подвидом? Оттого они и вымерли, когда появились мы.

Мисс Феллоуз не хотелось об этом думать.

А Джерри два раза в неделю распоряжался у них, словно у себя дома. «Давай складывать кубики», — говорил он Тимми, или «давай рисовать», или «давай смотреть диафильмы». И Тимми подчинялся, никогда не предлагая взамен ничего своего, делая все, как Джерри скажет. Джерри окончательно обрек Тимми на вторую роль. Мисс Феллоуз мирилась с этим только потому, что Тимми ждал очередного прихода своего друга со все более пылким восторгом.

Джерри — это все, что у него есть, печально признавала она.

Однажды, наблюдая за ними, она подумала вдруг: оба они дети Хоскинса — один от жены, другой от стасиса. В то время как я ..

Боже, пристыженно ахнула она, прижимая кулаки к вискам, да я ревную!

Глава 10

ПОСТИЖЕНИЕ

47

— Мисс Феллоуз, — спросил Тимми, — а когда я пойду в школу?

Вопрос обрушился на нее, как гром с ясного неба.

Она взглянула в вопрошающие карие глаза и провела рукой по густой шапке жестких волос, машинально разглаживая торчащие вихры. Тимми вечно ходил растрепанный. Мисс Феллоуз стригла его сама, и он беспокойно ерзал под ножницами. Приглашать к Тимми парикмахера ей не хотелось; и какой бы неумелой ни была ее стрижка, она все-таки маскировала покатый лоб и выпирающий затылок.

— Где ты слышал про школу, Тимми? — осторожно спросила мисс Феллоуз.

— Джерри ходит в школу.

Ну конечно. От кого он мог это слышать, как не от Джерри?

— Джерри ходит в дет-ский сад, — необычайно четко выговорил Тимми. — И не только туда. Он ходит с мамой в магазин. Ходит в кино. В зоопарк. Везде ходит там, снаружи. А я когда выйду наружу, мисс Феллоуз?

У нее закололо сердце.

Так она и знала, что Джерри будет говорить с Тимми о внешнем мире. Ведь эти двое общались свободно и понимали друг друга без труда. Естественно, что Джерри, посланец таинственного запретного мира за пределами стасиса, хотел рассказать о нем Тимми. Это было неизбежно.

Но Тимми в тот мир путь закрыт.

Мисс Феллоуз заговорила с деланной веселостью, стараясь развеять грусть, которую, должно быть, чувствовал Тимми:

— Да зачем же тебе выходить туда, Тимми? Что тебе там делать? Знаешь, как там холодно бывает зимой?

— Холодно? — Он не понял — не знал этого слова. И ему ли бояться холода — мальчику, который учился ходить на заснеженных равнинах ледниковой Европы?

— Как в холодильнике. Выйдешь — и сразу нос начинает болеть, и уши тоже. Но это зимой. А летом снаружи очень жарко. Как в печке. Все потеют и жалуются на жару. А еще бывает дождь. С неба на тебя льется вода, одежда промокает, и делается очень противно.

Мисс Феллоуз сознавала весь цинизм своих слов и сама ему ужасалась. Говорить мальчику, который никогда не выйдет из своего заточения, о мелких несовершенствах внешнего мира — все равно что уверять слепого ребенка, будто форма и цвет окружающих его вещей только утомляют и раздражают глаз и вообще смотреть особенно не на что.

Но Тимми пропустил мимо ушей все ее жалкие ухищрения.

— Джерри говорит, они в школе играют в такие игры, которых у меня нет. У них есть диафильмы и музыка. Он говорит, что в детском саду много детей. Он говорит... — Тимми запнулся, потом с торжеством растопырил пальцы на обеих руках. — Он говорит, вот сколько.

— У тебя тоже есть диафильмы.

— У меня мало. Джерри говорит, он за один день смотрит больше диафильмов, чем я за все время.

— Мы тебе достанем еще диафильмы — очень хорошие. И пленки с музыкой.

— Правда?

— Сегодня же достану.

— И про сорок разбойников тоже?

— Джерри слышал эту сказку в детском саду, да?

— Там разбойники в пещере и такие кувшины... большие. А кто такие разбойники?

— Ну, это такие люди, которые отнимают все у других людей.

— А-а.

— Я принесу тебе диафильм про сорок разбойников. Это очень известная сказка. А есть еще и другие. «Синдбад-мореход», например, который объехал весь мир и все повидал. — Тут мисс Феллоуз прикусила язык, но Тимми не уловил в ее словах ничего огорчительного. — А еще я принесу тебе «Путешествия Гулливера». Он попал в страну крошечных человечков, а потом в страну великанов... — Она снова осеклась. Одни только путешественники, жадно поглощающие впечатления от невиданных стран. Впрочем, может быть, это и хорошо — скрасить Тимми его заточение рассказами о дальних странствиях. Он не первый затворник, который будет упиваться такими историями. — Есть еще рассказ об Одиссее, который сражался на войне, а потом десять лет добирался домой, к своей семье. — И ее сердце снова сжалось. И Гулливер, и Синдбад, и Одиссей, и Тимми — все они странники в чужих мирах, и она не может не сознавать этого. Неужели все великие повести человечества говорят только о странниках, заброшенных на чужбину и стремящихся вернуться домой?

А у Тимми глаза так и загорелись.

— И вы можете достать эти фильмы прямо сейчас? Правда?

На время он утешился.

48

Мисс Феллоуз заказала все мифологические и сказочные диафильмы, которые только были в каталоге. Получилась целая гора — выше Тимми. В дни, когда Джерри не приходил, Тимми смотрел их часами.

Трудно сказать, что он понимал в них. В лентах было множество понятий, образов и мест, о которых Тимми почти не имел представления. Но много ли понимает в тех же историях любой ребенок пяти-шести лет? Взрослому не дано проникнуть в детский разум, чтобы судить об этом с уверенностью. Мисс Феллоуз сама любила в детстве эти истории, хотя не слишком вникала в их смысл, как и другие дети за сотни, а то и тысячи лет до нее. То, что дети не совсем понимают, они восполняют своим воображением. Мисс Феллоуз надеялась, что это относится и к Тимми.

Преодолев свои сомнения по поводу Гулливера, Синдбада и Одиссея, она больше не пыталась исключить из растущей фильмотеки Тимми то, что могло напомнить мальчику о его собственной судьбе. Дети, как ей было известно, гораздо менее подвержены тревожным мыслям, чем это кажется взрослым. Если мальчику порой и приснится страшный сон, большого вреда от этого не будет. Ни один ребенок еще не умер от страха, слушая сказку о трех медведях, хотя это самая настоящая история ужасов. Кровожадные волки, чудища и жуткие тролли детских сказок не оставляют в душе глубоких отметин, и все дети любят слушать про них.

Может быть, сказочный бука — угрюмый, лохматый, со злыми глазами — отложился в родовой памяти человечества с тех времен, когда в Европе обитали неандертальцы? Такая теория существовала — о ней упоминалось в одной из книг доктора Макинтайра. Огорчился бы Тимми, если бы узнал, что принадлежит к племени, которое оставило в народных сказках образ чего-то страшного и отвратительного? Да нет, ему бы это просто не пришло в голову. Только чересчур образованные взрослые могут додуматься до такого. Тимми бука заворожит так же, как и всех ребят, и мальчик будет в сладостном ужасе забиваться под одеяло, видя в темноте его очертания. Не существует и одного шанса на миллиард, что он извлечет из страшных сказок какие-то истины о собственном происхождении.

И диафильмы продолжали поступать, а Тимми продолжал их смотреть один за другим без перерыва — точно прорвалась некая плотина и вся полноводная река людского воображения хлынула в душу мальчика. Тезей и Минотавр, Персей и Горгона, царь Мидас, все превращающий в золото, Крысолов из Гамельна, подвиги Геракла, Беллерофонт и Химера, Алиса в Зазеркалье, Джек и бобовый стебель, Алладин и волшебная лампа, рыбак и джинн, Гулливер в Лилипутии и у Гуингмов, история Одина и Тора, битва между Озирисом и Сетом, странствия Одиссея, путешествия капитана Немо — историям не было конца, и Тимми жадно поглощал их. Должно быть, в голове у него настоящая путаница. Отличает ли он одну историю от другой, может ли вспомнить час спустя, о чем в ней говорилось? Мисс Феллоуз этого не знала и не пыталась выяснить. Пока что она просто позволила Тимми окунуться в этот бурный поток, напитать им свой ум, проникнуть в волшебный мир сказки — ведь в реальный мир, где есть дома, самолеты, скоростные шоссе и люди, ему никогда не попасть.

Когда Тимми уставал смотреть диафильмы, она ему читала. Сказки были те же самые, но теперь Тимми создавал в уме собственные картинки.

Все это не могло не повлиять на мальчика. Мисс Феллоуз не раз слышала, как он пересказывает свои диафильмы Джерри —

Синдбад у него путешествовал на подводной лодке, а Геракла связывали лилипуты. А Джерри внимательно слушал — ему это нравилось не меньше, чем Тимми рассказывать.

Мисс Феллоуз позаботилась о том, чтобы все рассказы Тимми записывались на пленку. Эти записи — самое красноречивое свидетельство его умственного развития. Пусть-ка те, кто считает неандертальцев косматыми полулюдьми, послушают, как Тимми рассказывает о приключениях Тезея в лабиринте — даже если главным героем он считает Минотавра.

49

Но были еще сны. Теперь, когда мир за пределами стасиса становился для Тимми реальным, они стали сниться ему чаще.

Сон, насколько могла судить мисс Феллоуз, был всегда один и тот же — сон о внешнем мире. Тимми не хватало слов, чтобы рассказать его. Во сне он неизменно оказывался снаружи, в том большом пустом пространстве, о котором так часто говорил няне. Только теперь пространство перестало быть пустым. Его населяли дети и разные смутные беспорядочные образы — и то, что переваривал мозг Тимми из полупонятного чтения, и позабытые неандертальские картины.

Но дети во сне избегали его, а предметы ускользали, когда Тимми хотел взять их в руки. Он был в том мире, но не принадлежал ему. Он бродил в пустоте своего сна такой же абсолютно одинокий, каким просыпался у себя в комнате — почти всегда с плачем.

Мисс Феллоуз не всегда теперь была рядом с Тимми, когда он плакал по ночам. Три-четыре раза в неделю она стала ночевать в своей служебной квартире, которую давно уже предлагал ей Хоскинс. Ей казалось, что пора уже отучать Тимми от привычки к ее постоянному присутствию. В первые ночи вина за то, что она бросила Тимми, почти не давала ей спать, но мальчик ничего не говорил ей поутру по поводу ее отсутствия. Может быть, он ожидал, что его рано или поздно оставят одного. И мисс Феллоуз со временем позволила себе успокоиться, когда ночевала не в кукольном домике. Оказывается, не только Тимми следовало отучать от старых привычек.

Каждое утро она подробно записывала его сны, стараясь смотреть на них лишь как на ценный материал для психологических исследований, как на один из самых весомых вкладов в итоги эксперимента. Но бывали ночи, когда и она плакала, одна у себя в комнате.

50

Однажды, когда мисс Феллоуз читала Тимми «Тысячу и одну ночь», самые любимые его сказки, мальчик тихонько взял ее за подбородок и поднял ее голову от книги.

— Вы всегда мне читаете эту сказку одинаково. А откуда вы знаете, какие слова надо говорить, мисс Феллоуз?

— Я просто читаю то, что здесь написано.

— Я знаю. А как это — читать?

— Ну-у... — Вопрос был такой капитальный, что мисс Феллоуз не сразу нашлась с ответом. Обычно дети, начинающие учиться читать, уже догадываются интуитивно, в чем суть этого процесса, и легко переходят к следующему шагу — к расшифровке печатных символов. Но незнание Тимми имело более глубокие корни, чем незнание обычного ребенка четырех-пяти лет, который вдруг обнаруживает, что есть такая вещь, как чтение, и что он тоже когда-нибудь научится читать. Тимми было чуждо само понятие чтения.

— Ты видел, что в твоих книжках — не в фильмах, а в книжках — внизу под картинками есть такие знаки?

— Да, — сказал Тимми. — Слова.

— А в книге, которую читаю я, одни только слова, без картинок. Вот эти знаки — слова. Я смотрю на знаки и слышу у себя в голове слова. Вот это и значит читать — когда превращаешь знаки на странице в слова.

— Можно посмотреть?

Она дала Тимми книгу. Он повернул ее сначала боком, потом вверх ногами. Мисс Феллоуз засмеялась и вернула книгу в правильное положение.

— Знаки имеют смысл только тогда, когда ты смотришь на них вот так.

Тимми кивнул, уткнулся в книгу носом — едва ли он мог так хоть что-нибудь разобрать — и долго, с любопытством смотрел в нее. Потом немного отодвинулся и ради эксперимента снова повернул книгу боком. Мисс Феллоуз не стала вмешиваться, и Тимми вскоре исправил дело.

— Некоторые знаки одинаковые, — сказал он спустя долгое время.

— Да-да, — засмеялась мисс Феллоуз, довольная его сообразительностью. — Верно, Тимми!

— А откуда вы знаете, какие знаки какое слово означают?

— Этому нужно учиться.

— Ведь слов так много! Как можно выучить столько знаков?

— Маленькие знаки складываются в большие. Большие знаки — это слова, маленькие называются «буквы». И этих маленьких знаков не так уж много — всего двадцать шесть. — Она пять раз показала ему пальцы одной руки, и потом еще один палец. — Все слова складываются из этих немногих знаков — букв, которые только переставляются по-разному.

— Покажите как!

— Вот, смотри. — Она нашла на странице слово «Синдбад». — Вот эти семь маленьких значков между пробелами означают «Синдбад». Это звук «с», это «и», это «н». — Она произносила звуки, а не названия букв. — Читаешь их один за другим и складываешь вместе — С-и-н-д-б-а-д.

Неужели мальчик понимает?

— Синдбад, — тихонько повторил Тимми, показав слово пальцем на странице.

— А это слово «сад». Видишь, оно начинается с того же знака, что и «Синдбад». Ссс. Буква «эс». А это «а» и «д», тоже из Синдбада, только теперь они стоят в слове «сад».

Тимми растерянно уставился в книгу.

— Могу показать тебе все знаки, — предложила мисс Феллоуз. — Хочешь?

— Да, это хорошая игра.

— Тогда дай мне листок бумаги и карандаш. И себе карандаш возьми.

Тимми уселся рядом с ней. Мисс Феллоуз стала писать «а, б, в» и изобразила весь алфавит, выстроив его в две длинные колонки. Тимми, зажав карандаш в кулаке, тоже нарисовал заглавную «А» с длинными вихлястыми ногами, которая заняла всю страницу, не оставив места другим буквам.

— Смотри — это первый знак...

Мисс Феллоуз, к стыду своему, никогда даже не думала о том, что Тимми может сам научиться читать. Несмотря на свой жадный интерес к картинкам и диафильмам, мальчик впервые по-настоящему заинтересовался печатными знаками. Может быть, и это подсказал ему Джерри? Не забыть бы спросить Джерри, когда он придет, не начал ли он учиться читать. Но факт остается фактом — мисс Феллоуз a priori* отказалась от мысли научить тому же Тимми.

Расовые предрассудки, и больше ничего. Даже прожив так долго рядом с Тимми, видя, как растет, развивается и расцветает его ум, она продолжала считать его кем-то не совсем равным человеку. Во всяком случае, кем-то слишком примитивным и отсталым, чтобы постичь такую трудную науку, как чтение.

* a priori *(лат.)* — не пробуя.

Вот и теперь, показывая Тимми буквы на своем листке, произнося их и помогая мальчику вырисовывать их на свой лад, мисс Феллоуз не верила всерьез, что из этого выйдет какой-то толк.

Не верила до тех пор, пока Тимми не начал читать ей вслух.

Это произошло много недель спустя. Тимми сидел с книжкой у нее на коленях и смотрел картинки — как она полагала.

И вдруг он провел пальцем по строчке и с остановками, но уверенно произнес:

— Собака — погналась — за кошкой.

Мисс Феллоуз дремала и не обратила внимания на его слова.

— Что ты сказал, Тимми?

— Кошка — залезла — на дерево.

— Нет, ты что-то другое сказал.

— Ну да, раньше я сказал «Собака погналась за кошкой». Как тут написано.

— Что-о? — Дремоту мисс Феллоуз как рукой сняло, и она взглянула на страницу тонкой книжечки, которую смотрел мальчик.

Надпись под левой картинкой гласила: «Собака погналась за кошкой».

Надпись под правой — «Кошка залезла на дерево».

Тимми прочел эти надписи слово в слово. Он читает!

Изумленная мисс Феллоуз так резко вскочила на ноги, что ребенок покатился на пол. Он решил, видно, что это новая игра, и ухмыльнулся няне, но она тут же подняла его.

— И давно ты умеешь читать?

— Всегда умел, — пожал плечами Тимми.

— Нет, правда.

— Не знаю. Я смотрел на знаки и услышал слова, как вы говорили.

— Ну-ка, прочти мне вот это. — Мисс Феллоуз наугад взяла другую книжку из стопки и раскрыла ее посередине. Тимми уставился в нее, сосредоточенно хмурясь — от этого его надбровья выступили еще резче — провел языком по губам и медленно, запинаясь, выговорил:

— Тогда поезд завс... засв... завси...

— Поезд засвистел! — подхватила мисс Феллоуз. — Ты читаешь, Тимми! Ты в самом деле умеешь читать! — Вне себя от

волнения, она подхватила мальчика на руки и стала танцевать с ним по комнате, а он изумленно таращил на нее глаза.

— Ты умеешь читать! Ты умеешь читать!

Мальчик-обезьяна, да? Пещерный ребенок? Низший подвид человечества? Кошка залезла на дерево. Поезд засвистел. Покажите-ка мне шимпанзе, который сможет это прочесть! Покажите-ка мне такую гориллу! Поезд засвистел. Ох, Тимми, Тимми!

— Мисс Феллоуз? — мальчика немножко пугало неистовство няни.

Она засмеялась и опустила его на пол.

Скорее, скорее поделиться своим открытием. Теперь от нее зависит, будет Тимми счастлив или нет. Диафильмы недолго будут развлекать его — скоро он их перерастет. Зато перед ним откроется все богатство книжного мира. Если Тимми не может выйти в мир из стасисного пузыря, то мир может прийти к Тимми — в книгах. Мальчик должен получить полноценное образование. Уж это-то они обязаны ему дать.

— Сиди читай, — сказала она. — Я на минутку схожу к доктору Хоскинсу.

Преодолев кошачьи лазы и запутанные переходы стасисной зоны, мисс Феллоуз добралась до административного крыла. Секретарша Хоскинса удивленно посмотрела на нее, когда она ворвалась в приемную.

— Доктор Хоскинс у себя?

— Да, мисс Феллоуз, но он не ожидает...

— Я знаю. Но мне нужно его видеть.

— Что-нибудь случилось?

— Нет, просто у меня новость. Изумительная новость. Пожалуйста, скажите ему, что я пришла.

Секретарша нажала на кнопку.

— К вам мисс Феллоуз, доктор Хоскинс. Но вы ей не назначали.

(С каких это пор ей надо записываться на прием к Хоскинсу?)

Наступила неловкая пауза. Мисс Феллоуз спрашивала себя, не придется ли устраивать сцену, чтобы попасть к Хоскинсу. Чем бы он там ни был занят, ее сообщение все равно важнее.

— Пусть войдет, — сказал Хоскинс по селектору.

Дверь откатилась в сторону. Хоскинс встал из-за своего стола с табличкой навстречу мисс Феллоуз, такой же красный и взволнованный, как она, словно разделял ее триумфально-восторженное настроение.

— Значит, вы уже слышали? — спросил он. — Да нет, откуда. Так вот: нам удалось. Удалось!

— Что удалось?

— Мы начали вести интертемпоральный поиск на ближней дистанции.

Его так радовал собственный успех, что мисс Феллоуз позволила своей сногсшибательной новости временно отойти на задний план.

— Так вы проникли в исторические времена?

— Вот именно. Сейчас мы держим в фокусе обитателя четырнадцатого века. Вы только вообразите! Скоро запустим средневековый проект. Ох, мисс Феллоуз, знали бы вы, как я рад буду избавиться от этого вечного мезозоя — от всех этих трилобитов, образцов породы, гербариев и прочего, отправить палеонтологов по домам и пригласить наконец-то историков... Но ведь вы пришли мне что-то сказать? А я-то мелю языком, не даю вам слова вставить. Говорите же, мисс Феллоуз! Говорите! Поистине, вы застали меня в прекрасном настроении. Просите у меня что хотите.

— Приятно слышать, — улыбнулась она. — Я как раз хотела спросить, нельзя ли пригласить к Тимми учителей.

— Учителей?

— Да. Я свою скромную задачу выполнила, теперь мне остается отойти в сторонку и уступить место настоящим преподавателям.

— Но что они должны преподавать?

— Все. Историю, географию, естествознание, арифметику, грамматику — все, что входит в школьный курс. Мы должны устроить для Тимми школу, чтобы он выучился всему, что следует знать.

Хоскинс уставился на нее так, точно она говорила по-китайски.

— Хотите, чтобы он изучал дроби? А также историю Соединенных Штатов? Первые поселенцы, американская революция?

— Почему бы и нет?

— Что ж, попробовать можно — добавим заодно тригонометрию и высшую математику, если хотите. Только вот способен ли он воспринять все это, мисс Феллоуз? Тимми — потрясающий парень, спору нет. Но мы не должны забывать, что он всего лишь неандерталец.

— Всего лишь?

— Их умственные способности были очень ограничены, судя по...

— Он уже умеет читать, доктор Хоскинс

У Хоскинса отвалилась челюсть.

— Что?

— «Кошка залезла на дерево». Он мне сейчас прочел это вслух. «Поезд засвистел». Я наугад открыла книгу, и он мне прочел эту фразу.

— Умеет читать? Неужели?

— Я показала ему буквы и объяснила, как они складываются в слова. До остального он дошел сам, и в удивительно короткий срок. Не могу дождаться момента, когда об этом узнает доктор Макинтайр и вся прочая компания. Вот вам и ограниченные способности неандертальцев, доктор Хоскинс. Тимми уже читает детские книжки. А погодите, придет время — и он начнет читать книжки без картинок, газеты, журналы, учебники...

— Право, не знаю, мисс Феллоуз... — погрустнел внезапно Хоскинс.

— Вы только что сказали, будто я могу просить все, что хочу...

— Да, знаю — и мне не следовало так говорить.

— Неужели учитель для Тимми — такой уж большой расход?

— Дело не в расходах. И это просто чудо, что Тимми умеет читать. Просто изумительно. Я говорю искренне и хочу сейчас же посмотреть, как он это делает. Но вот вы говорите, что ему надо устроить школу... Говорите о предметах, которые он со временем будет изучать... А времени-то осталось не так уж много, мисс Феллоуз.

— То есть как? — заморгала глазами она.

— Вы же должны понимать, что эксперимент с Тимми не может продолжаться до бесконечности.

Ее охватил ужас, и пол у нее под ногами словно обратился в зыбучий песок.

О чем это Хоскинс? Она, наверное, не совсем поняла его. «Эксперимент не может продолжаться до бесконечности». Почему? Что случилось?

В мучительном озарении предстал перед ней профессор Адамевский со своим минералом, который через две недели отправили назад, чтобы очистить камеру стасиса для нового экспоната.

— Вы собираетесь отправить Тимми обратно? — еле слышно спросила она.

— Боюсь, что да.

— Но ведь это мальчик, доктор Хоскинс, — не камень.

— Все равно, — отвел глаза Хоскинс. — Не следует придавать ему слишком большого значения, знаете ли. Мы узнали от него почти все, что было возможно. Он не помнит ничего такого о неандертальской жизни, что было бы по-настоящему ценным для науки. Антропологи не очень-то понимают то, что

он говорит, а вопросы, заданные ему через вас, не дали значительных результатов, так что...

— Я не верю, — онемевшими губами сказала мисс Феллоуз.

— Прошу вас, мисс Феллоуз. Это, конечно, произойдет не сегодня, но все же от этого не уйти. — Он обвел рукой свой заваленный стол. — Теперь, когда мы вот-вот начнем доставлять сюда людей исторической эпохи, нам понадобится все стасисное пространство, которое у нас есть.

У мисс Феллоуз это не укладывалось в голове.

— Но как же можно...

— Пожалуйста, не расстраивайтесь, мисс Феллоуз.

— Он единственный живой неандерталец на свете, а вы собираетесь отправить его назад?

— Я уже сказал. Мы узнали о нем все, что могли. Надо двигаться дальше.

— Нет.

— Мисс Феллоуз, прошу вас, прошу. Я знаю, вы сильно привязаны к мальчику. И кто вас упрекнет? Он сногсшибательный парень. И вы столько времени день и ночь находились при нем. Но ведь вы профессионал, мисс Феллоуз. Вы должны понимать, что дети, за которыми вы ухаживаете, приходят и уходят, и нечего надеяться удержать их навсегда. Это для вас не новость. Кроме того, Тимми вас покинет не сейчас — может быть, до той поры пройдет еще много месяцев. И если вы хотите, чтобы к нему тем временем ходил учитель — мы, конечно, сделаем все, что можно.

Она продолжала тупо смотреть на него.

— Вам что-нибудь дать, мисс Феллоуз?

— Нет, — прошептала она. — Ничего мне не надо. — Вся дрожа, она встала и, точно в кошмарном сне, побрела к выходу. Подождала, пока откроется дверь, и прошла через приемную, глядя прямо перед собой невидящими глазами.

Тимми отправляют обратно?

Обратно?

Что они все, с ума посходили? Тимми больше не неандерталец — разве только с виду. Он хороший, славный мальчик, он ходит в зеленом комбинезоне, любит диафильмы и сказки «Тысяча и одна ночь». Он наводит вечером порядок у себя в комнате. Он умеет пользоваться ложкой, ножом и вилкой. Он умеет *читать*.

И его собираются отослать назад в ледниковый период, где он будет блуждать в одиночку по забытой Богом тундре?

Но так же нельзя. Он не выживет, вернувшись в свой старый мир. Он больше к нему не подходит. Он не умеет

ничего, что должен уметь неандерталец — зато научился многому такому, что в неандертальском мире абсолютно бесполезно.

Он погибнет там.

Нет, Тимми, — сказала себе мисс Феллоуз, собрав все свои душевные силы, — ты не погибнешь. Нет.

51

Теперь она знала, зачем Маннхейм оставил ей свой телефон. В свое время она не поняла, но Маннхейм, как видно, смотрел в будущее и предвидел, что случится нечто, представляющее угрозу для Тимми. Он предвидел, а она нет. Она просто закрывала на все глаза. Просто не обращала внимания на очевидные факты, неумолимо подводящие к истине, которую только что открыл ей Хоскинс. Позволяла себе верить, вопреки фактам и рассудку, что Тимми так и будет жить в двадцать первом веке до конца своих дней.

Но Маннхейм знал, что это не так.

И, видимо, все это время ждал ее звонка.

— Мне нужно немедленно увидеться с вами, — сказала она.

— Приехать к вам в «Стасис»?

— Нет. Встретимся где-нибудь в городе — скажите сами где.

Встретились они в ресторанчике у реки — Маннхейм сказал, что там их никто не побеспокоит — в дождливый будний день. Маннхейм уже сидел там, когда мисс Феллоуз пришла. Их свидание представлялось ей чем-то подпольным и несколько скандальным: подумать только, она завтракает с человеком, который постоянно преследует ее начальника. Да просто с мужчиной, если на то пошло. С едва знакомым ей мужчиной, молодым и привлекательным. Подобные поступки совсем не в духе Эдит Феллоуз. Тем более если вспомнить ее давний сон, когда Маннхейм стучался к ней в дверь и потом подхватывал ее на руки...

Но ведь свидание у них не любовное. Сон — это только сон, мимолетная игра подсознания. Мисс Феллоуз нисколько не тянет к Маннхейму — просто у нее к нему дело. Дело жизни и смерти.

Нервно перелистывая меню, она обдумывала, с чего начать.

— Как поживает Тимми? — спросил Маннхейм.

— Чудесно, чудесно. Вы не поверите, как хорошо он развивается.

— Растет и крепнет?

— С каждым днем. А еще он научился читать.

— Да ну! — поморгал глазами Маннхейм. Какая у него хорошая улыбка. И почему доктор Хоскинс считает его каким-то монстром? — Изумительный успех, правда? Пари держу, антропологи прямо остолбенели.

Она кивнула, глядя в меню невидящими глазами. Дождь усиливался и барабанил в окно ресторана с какой-то зловещей силой. В зале, кроме них, почти никого не было.

— Мне здесь особенно нравится цыпленок в красном вине, — сказал Маннхейм. — И лазанья у них хорошая. А может быть, хотите телятины?

— Мне все равно. Я возьму то же, что и вы, мистер Маннхейм.

Он как-то странно посмотрел на нее.

— Зовите меня Брюсом. Пожалуйста. Бутылку вина?

— Вина? Боюсь, я не пью вина. Но вы возьмите себе, если хотите.

Он снова посмотрел на нее — и вдруг спросил, перекрывая шум дождя:

— Что случилось, Эдит?

Эдит?!

Она на миг лишилась дара речи.

Ну-ну, Эдит. Возьми себя в руки, Эдит! Не то он сочтет тебя косноязычной идиоткой.

— Тимми хотят отправить назад, — сказала она.

— Назад? В его время?

— Да. В его родную эру, в неандертальские времена. В ледниковый период.

Маннхейм просиял:

— Но это же замечательно! Лучшая новость за неделю!

— Как вы не понимаете, — ужаснулась она.

— Что тут непонятного? Наш грустный маленький пленник наконец-то вернется к своим — к отцу, матери, братьям и сестрам, в родной и любимый мир. Это надо отметить. Официант! Официант! Бутылочку кьянти — нет, пожалуй, полбутылки, дама не пьет.

Мисс Феллоуз не находила слов.

— Почему вы так встревожены, мисс Феллоуз... Эдит? Разве вы не хотите, чтобы Тимми вернулся домой?

— Но ведь... — беспомощно жестикулировала она.

— Я, кажется, понял. — Маннхейм перегнулся через стол, полный внимания и сочувствия. — Вы так долго заботились о нем, что теперь вам трудно с ним расстаться. Между вами и Тимми такие крепкие узы, что вы испытали настоящий шок, узнав о его возвращении. Вполне понимаю ваши чувства.

— Мои чувства — лишь часть проблемы, притом очень малая.

— В чем же тогда проблема?

Официант подал вино, устроив целое маленькое представление: продемонстрировал Маннхейму этикетку, вынул пробку, плеснул немного в бокал. Маннхейм кивнул и спросил мисс Феллоуз:

— Вы уверены, что не хотите немного выпить, Эдит? В такой скверный ненастный день...

— Нет-нет, — тихо, почти шепотом, ответила она. — Но вы, пожалуйста, пейте, не обращайте на меня внимания.

Официант наполнил бокал Маннхейма и ушел.

— Итак, Тимми...

— Он погибнет, если вернется туда — разве вам непонятно?

Маннхейм так резко поставил бокал, что вино выплеснулось на скатерть.

— Вы хотите сказать, что обратный рейс в прошлое опасен для жизни?

— Дело не в этом. Насколько я знаю, это не смертельно. Смертельно только для Тимми. Ведь мы же его цивилизовали. Он научился завязывать шнурки и резать мясо ножом. Он чистит зубы утром и вечером. Он спит в кровати и каждый день принимает душ. Он смотрит диафильмы и уже читает легкие книжки. Какой ему от всего этого прок в палеолите?

— Начинаю, кажется, понимать, — посерьезнел Маннхейм.

— Да он и забыл, должно быть, что когда-то жил в палеолите, если что-то и помнил. Он прибыл к нам совсем маленьким. Там о нем, наверное, заботились родители или те, кто их заменял. Вряд ли трех-четырехлетний ребенок, хотя бы и неандертальский, сам охотился и сам добывал себе еду. А если Тимми в том возрасте что-то и знал, то он уже несколько лет живет в других условиях — ничего уже не помнит.

— Но ведь если он вернется в свое племя, там его, конечно, примут и вновь научат всему...

— Примут ли? Он уже не слишком хорошо стал говорить на родном языке и думает не так, как они. От него странно пахнет, потому что он слишком чистый. Его, чего доброго, еще убьют — как по-вашему?

Маннхейм задумчиво смотрел в свой бокал.

— Кроме того, — продолжала мисс Феллоуз, — кто может гарантировать, что он вообще попадет в свое время? Я не очень-то разбираюсь в том, как совершаются подобные путешествия, — думаю, что и работники «Стасиса» не слишком хорошо разбираются в этом. Окажется ли он, вернувшись, в том же

мгновении, из которого был взят? Если так, то он вернется, став на три года старше, и сородичи могут его не признать. Они подумают, что это какой-то демон. А если он вернется на то же место, но три года спустя? Тогда окажется, что племя давно ушло куда-нибудь. Они, конечно, были кочевниками... И когда Тимми очутится в прошлом, там некому будет его встретить. Он будет совсем один в суровой, враждебной среде, в холодном климате. Маленький мальчик один на один с ледниковым периодом. Понимаете теперь, мистер Маннхейм?

— Да, — сказал он. — Понимаю. — И надолго замолчал, как будто прикидывая что-то в уме.

— Когда его собираются отправлять, не знаете?

— Через несколько месяцев — так сказал доктор Хоскинс. Но что значит «несколько» — два или шесть — не знаю.

— В любом случае времени у нас мало. Придется организовать кампанию по спасению Тимми — письма в газеты, демонстрации, обращение в суд. Может быть, побудить конгресс заняться расследованием всей деятельности «Стасис текнолоджиз». Было бы очень хорошо, если бы вы подтвердили, что Тимми — человек в полном смысле слова, засняв для этого на видеопленку, как он читает и сам обслуживает себя. Правда, вам тогда пришлось бы отказаться от места и расстаться с Тимми — вы на это не пойдете, да и нам это не с руки. Да, задача. С другой стороны...

— Нет. Это не поможет.

— Что не поможет? — удивился Маннхейм.

— Вся ваша кампания. Слишком поздно. Как только вы начнете протестовать, устраивать демонстрации и подавать в суд, доктор Хоскинс просто опустит рубильник — и прощай, Тимми. Там всего-то и нужно, что дернуть за рубильник — и все, что есть в пузыре, отправится туда, откуда пришло. В «Стасис» не станут ждать решения суда, которое запретит им действовать. Они тут же решат вопрос в рабочем порядке.

— Не посмеют.

— Это вы так думаете. У них уже решено закончить эксперимент с Тимми. Его стасисная квартира понадобилась для другого жильца. Вы их не знаете — они не станут сентиментальничать. Хоскинс, в общем, порядочный человек — но если ему придется выбирать между Тимми и будущим «Стасис текнолоджиз», он даже не задумается. А если Тимми отправят назад, его уже не вернешь. Fait accompli*. Найти его в прошлом вторично будет невозможно. От запрета суда не будет никакой

* Свершившийся факт (*фр.*)

пользы. Тому, кто жил сорок тысяч лет назад и умер задолго до зарождения цивилизации, наш суд не защита.

Маннхейм медленно кивнул и задумчиво отпил вина. Подоспел официант с блокнотом наготове, но Маннхейм отослал его, махнув рукой.

— Есть только один выход, — сказал он.

— Какой же?

— У нас есть в Канаде семья, которая с радостью примет Тимми. И в Англии, и в Новой Зеландии. Это сердечные, добрые люди. Наша организация будет оплачивать ваше пребывание при Тимми в качестве няни. Правда, вам придется полностью порвать с теперешней жизнью и начать все сызнова в другой стране — но, насколько я вас понимаю, ради Тимми вы...

— Нет. Это невозможно.

— Невозможно?

— Совершенно невозможно.

— Понятно, — нахмурился Маннхейм, которому совершенно ничего не было понятно. — Ну что ж, Эдит, — если вы не хотите уезжать, а я вполне вас понимаю — можем ли мы рассчитывать хотя бы на то, что вы поможете устроить побег Тимми из стасисной зоны?

— Я бы не стала колебаться с отъездом, если он нужен для спасения Тимми. Ради Тимми я пошла бы на все и уехала куда угодно. Это его невозможно вывести из стасисной зоны.

— Неужели она так строго охраняется? Уверяю вас, мы найдем способ обойти охрану и разработаем абсолютно надежный план того, как забрать у вас Тимми и вывести его из здания.

— Это невозможно с научной точки зрения.

— С научной?

— Это связано с темпоральным потенциалом, с энергетическими темпоральными линиями. Если удалить из стасиса массу, равную массе Тимми, во всем городе перегорит электричество. Так мне сказал Хоскинс, и у меня нет оснований ему не верить. Вместе с Тимми из прошлого захватили кучу грязи, камушков и травы — и даже этот мусор никто не смеет выбросить. Он так и хранится на задах стасисного пузыря. Кроме того, я не знаю даже, не опасен ли выход из стасиса для самого Тимми. Могу только догадываться. По моему разумению, темпоральная сила должна подействовать и на него при переходе в нашу Вселенную. Потому что пузырь к нашей Вселенной не относится. Это некое отдельное пространство. Перемена чувствуется, когда входишь в дверь — помните? И потому ваш план похитить Тимми из стасиса и отправить куда-нибудь за море — это

слишком большой риск. Не для вас и не для меня, но, возможно, для Тимми.

— Ну, не знаю, — приуныл Маннхейм. — Я предлагаю действовать законным путем и раздуть пожар в защиту Тимми, а вы говорите, что это бесполезно, что они просто нажмут на рубильник, как только мы начнем. Тогда я предлагаю совершенно незаконный путь — выкрасть Тимми из стасиса и увезти его за пределы юрисдикции Хоскинса, а вы говорите, что и этого нельзя — физика не позволяет. Эдит, я хочу помочь, но вы перекрыли мне все пути, и я пока больше ничего не могу придумать.

— Я тоже, — горестно сказала она.

И они замолчали, а дождь стучал по окнам ресторана.

Глава 11

УХОД

52

Теперь в «Стасис текнолоджиз» только и говорили, что о средневековом проекте. Все сознавали, что он знаменует новую фазу путешествий во времени. Уникальная операция, подготавливаемая «Стасис текнолоджиз», откроет двери в историческое прошлое, и двадцать первый век узнает массу нового о древних временах, капитально пополнит сокровищницу своих знаний. Да и не только знаний, говорили многие: если можно брать из древних веков людей, почему бы не прихватить заодно произведения искусства, редкие книги и манускрипты, различные ценности? За одну ночь фонды музеев всего мира могли бы возрасти вдвое, втрое, вчетверо! Притом все экспонаты будут в превосходном состоянии — и никаких затрат, кроме энергетических.

В компании все молились, чтобы средневековый проект прошел без сучка без задоринки. Все, кроме Эдит Феллоуз. Та молилась, чтобы он провалился. Чтобы теория Хоскинса оказалась неверной или аппаратура подвела. Это была последняя соломинка, за которую она цеплялась, последняя надежда на то, что Тимми останется в живых. Если не удастся доставить сюда жителя четырнадцатого века, не понадобится и освобождать пузырь, занимаемый Тимми. И все пойдет по-старому.

Итак, она надеялась на неудачу проекта, а весь остальной мир надеялся на его успех. И мисс Феллоуз, вопреки рассудку, ненавидела за это весь мир. Шумиха вокруг средневекового

проекта достигла наивысшего накала. Проект становился навязчивой идеей и у прессы, и у публики. «Стасис текнолоджиз» давно уже не предпринимала ничего такого, что могло бы привлечь всеобщее внимание. Еще один камень или новая древняя рыбина никого уже не волновали. Маленький динозавр в свое время всколыхнул общий интерес, но потом о нем забыли. Что до Тимми-неандертальца, пещерного мальчика Тимми, то он удержал бы внимание публики несколько дольше, будь он тем диким обезьяньим детенышем, которого все ожидали. Но оказалось, что маленький неандерталец из «Стасис текнолоджиз» — совсем не обезьяний детеныш, а просто безобразный мальчик. Безобразный мальчик, который носит комбинезон и читает книжки с картинками — что же тут интересного? Никакого доисторического колорита. Если бы Тимми яростно ревел, бил себя кулаками в грудь, издавал первобытные вопли — тогда другое дело. Но это было не в стиле Тимми.

Житель же исторической эпохи — взрослый человек из прошлого, который своими глазами видел Жанну д'Арк, Ричарда Львиное Сердце или Саладина, который говорит на понятном языке, который может оживить страницы истории, — это совсем другое.

Недели шли за неделями, и срок приближался.

Настал решающий день осуществления средневекового проекта.

Хоскинс и его команда за три года, прошедшие с прибытия Тимми, хорошо уяснили себе значение широковещательных средств массовой информации. На этот раз дело не ограничится горсточкой наблюдателей на балконе — на этот раз «Стасис текнолоджиз» устроит представление для всего человечества.

Ожидание сводило мисс Феллоуз с ума. Скорее бы все это кончилось. Скорее бы узнать, удался проект или провалился. Мисс Феллоуз собиралась присутствовать при последнем, решающем нажатии на кнопку. Только бы новая санитарка пришла бы наконец подменить ее. Новенькую звали Менди Террис, ее взяли на прошлой неделе вместо мисс Стретфорд, которая нашла себе более выгодное место в другом штате.

— Мисс Феллоуз?

Она обернулась, надеясь, что это Менди, но это была секретарша Хоскинса, которая привела Джерри, как полагалось по расписанию. Сдав мальчика, она убежала — ей тоже хотелось занять место получше, чтобы не упустить подробностей

исторического события. Джерри, смущенный чем-то, бочком подошел к мисс Феллоуз.

— Мисс Феллоуз!

— Что, Джерри?

Мальчик достал из кармана потрепанную газетную вырезку.

— Это ведь Тимми на фотографии, правда?

Мисс Феллоуз посмотрела. Да, это Тимми ухмыляется со снимка. Сенсационный средневековый проект несколько оживил в прессе интерес к Тимми. Его сфотографировали недавно, в третью годовщину его прибытия. Праздновался «день рождения» Тимми, его символическое рождение в двадцать первом веке. Присутствовало несколько ученых, несколько репортеров, Джерри и Тимми. На снимке Тимми держал в руках полученного им в числе других подарков блестящего игрушечного робота.

— Да, ну и что? — сказала мисс Феллоуз.

Джерри пристально смотрел на нее.

— Тут сказано, что Тимми — мальчик-обезьяна. Они не должны были так писать, правда?

— Что-о? — Она выхватила вырезку у юного Хоскинса и прочла надпись под снимком, которую не удосужилась прочесть раньше:

«Доисторический мальчик-обезьяна получает на день рождения игрушечного робота».

Мальчик-обезьяна, мальчик-обезьяна, доисторический мальчик-обезьяна. Глаза мисс Феллоуз наполнились горячими слезами ярости. Она разодрала клочок газеты на мелкие куски и швырнула их на пол.

— Почему вы это сделали, мисс Феллоуз? Потому что там сказано, что Тимми — мальчик-обезьяна? Он ведь не обезьяна, нет? Или да?

Она схватила мальчишку за руку, с трудом удерживаясь от желания встряхнуть его как следует.

— Нет, он не обезьяна! И я не хочу даже слышать от тебя таких слов. Понятно? Это плохие слова, и ты не должен их говорить.

Испуганный Джерри освободился. У мисс Феллоуз колотилось сердце, и она никак не могла взять себя в руки.

— Иди поиграй с Тимми, — сказала она. — У него есть новая книжка, он тебе покажет.

— Вы мне сделали больно.

— Извини, я не хотела.

— Я скажу па...

— Ступай к Тимми! Быстро! Я уже извинилась.

Мальчик шагнул в дверь пузыря, сердито оглянувшись на нее. С другой стороны как раз послышались шаги Менди Террис. Давно пора, подумала мисс Феллоуз.

— Вы, кажется, немного опоздали? — сказала она, стараясь не повышать голоса. — Джерри Хоскинс уже пришел играть с Тимми.

— Да, знаю, мисс Феллоуз. Я спешила, но кругом столько народу, такая суматоха. .

— Знаю. Ну а теперь...

— Вам, наверное, не терпится пойти посмотреть? — Хорошенькая пустышка Менди явно завидовала ей. — Надо же, чтобы мне выпало дежурить именно сегодня...

— Увидите все в выпуске вечерних новостей, — пресекла ее мисс Феллоуз. — Пойдемте-ка внутрь. — Она впервые оставляла Менди Террис наедине с Тимми. — С мальчиками у вас никаких хлопот не будет. Я оставила им молока и все игрушки, которые могут понадобиться. Предоставьте их по возможности самим себе.

— Понятно. А еще надо следить, чтобы Тимми не вышел наружу. Я знаю, как это важно.

— Хорошо, входите же.

Мисс Феллоуз открыла дверь пузыря и пропустила Менди. Тимми и Джерри играли в задней комнате и не обратили на них внимания. Мисс Феллоуз показала Менди, что делать в последующие два часа, как заполнять бланк заказа, как вести запись. И собралась уходить. Девушка крикнула ей вслед:

— Надеюсь, вам достанется хорошее место! Ух, хоть бы получилось!

Мисс Феллоуз, боясь сказать что-нибудь не то, заторопилась прочь.

Но поскольку она задержалась, ей не досталось хорошего места. Пришлось довольствоваться настенным экраном в конференц-зале, о чем она горько сожалела. Будь она у пульта, доберись до какого-нибудь чувствительного прибора — кто знает, может, и удалось бы совершить саботаж.

Но нет, это просто безумие. Мисс Феллоуз отогнала от себя эти глупые мысли.

Таким путем ничего не достигнешь. Они исправили бы повреждение и повторили бы попытку снова. А она навсегда лишилась бы доступа к Тимми.

Помощи ждать неоткуда.

Разве только эксперимент не удастся сам по себе — провалится с треском, окажется в корне невозможным.

И пока шел отсчет, она пристально смотрела на гигантский экран, ища на лицах техников беспокойство или неуверенность — любой знак того, что дело не ладится.

Но нет, никто не проявлял неуверенности. Никто особенно не беспокоился. Они многократно испытывали свое оборудование, репетировали тысячу раз — они убедились в том, что их добыча от них не уйдет.

Отсчет дошел до нулевой точки.

И эксперимент удался — спокойно и без всяких эффектов.

В новом, специально созданном стасисном отсеке стоял бородатый, сгорбленный крестьянин неопределенного возраста в грязных лохмотьях и деревянных башмаках, в немом ужасе взирая на происшедшую с ним безумную перемену.

И пока весь мир ликовал, мисс Феллоуз будто окаменела от горя. Ее толкали, пихали, чуть ли не сбивали с ног. Все кругом торжествовали победу, и только ее пригибало к земле поражение.

Громкоговоритель три раза выкрикнул ее имя, прежде чем до нее дошло, что обращаются к ней.

— Мисс Феллоуз, мисс Феллоуз. Вас срочно вызывают в Первую секцию стасиса. Мисс Феллоуз...

Что там случилось?

— Пропустите! — крикнула она и под непрекращающиеся призывы громкоговорителя стала с бешеной энергией пробиваться через толпу, колотя встречных кулаками, расталкивая локтями. Медленно, как в страшном сне, она продвигалась к двери.

— Мисс Феллоуз, пожалуйста... Мисс Феллоуз, это срочно...

53

Заплаканная Менди Террис встречала ее у входа в стасис.

— Не знаю, как это случилось. Я только вышла в коридор посмотреть на монитор, который там поставили. На одну минуту. И не успела оглянуться... А вы говорили, — внезапно перешла она в наступление, — что с ними не будет никаких хлопот! Говорили, чтобы я их оставила в покое!

Растрепанная и дрожащая с головы до ног мисс Феллоуз вскричала, сверкая глазами:

— Где Тимми?

Мортенсон смазывал йодом руку вопящего Джерри Эллиот тоже был здесь и готовил противостолбнячный укол Одежда Джерри была испачкана кровью

— Он меня укусил, мисс Феллоуз, — вне себя провизжал мальчик. — Укусил!

Но мисс Феллоуз на него и не смотрела.

— Что вы сделали с Тимми?

— Заперла в ванной, — сказала Менди. — Бросила это маленькое чудовище туда и стульями загородила.

Мисс Феллоуз влетела в кукольный домик, почти не заметив волны, пронизавшей ее на пороге, раскидала стулья и стала возиться с защелкой. Прошла целая вечность, пока она сумела открыть дверь ванной.

Ну наконец-то. Ее безобразный, несчастный малыш сидел, съежившись, в углу.

— Не надо меня сечь, мисс Феллоуз, — прошептал Тимми. Глаза у него покраснели, губы дрожали. — Я не хотел его трогать. Вы не будете меня сечь, нет?

— Ох, Тимми, кто тебе сказал это слово? — Мисс Феллоуз крепко прижала мальчика к груди.

— Она. Новенькая. Она сказала, вы будете меня бить длинным кнутом, снова и снова...

— Это неправда. Никто тебя бить не будет. Но что случилось? Что случилось, Тимми?

Тимми поднял на нее свои глазищи и тихо сказал:

— Он меня обозвал обезьяной.

— Что?!

— Он сказал, что я не настоящий мальчик, что он это в газете прочел. Сказал, я просто животное. — Тимми изо всех сил старался сдержать слезы, но они все-таки хлынули. Мальчик всхлипывал, но мисс Феллоуз отчетливо понимала каждое его слово: — Он сказал, что больше не будет играть с обезьяной. А я сказал, что я не обезьяна. Это правда. Я знаю, какие обезьяны.

— Тимми, Тимми...

— А он сказал, что на меня смотреть противно. Что я страшный и безобразный. Он все говорил это и говорил, я и укусил его.

Теперь они плакали оба.

— Это неправда, — рыдая, выговорила мисс Феллоуз. — Ты сам знаешь, Тимми. Ты настоящий мальчик. Самый настоящий, лучший мальчик на свете. И никто, никто не отнимет тебя у меня.

Она снова вышла из стасиса. Эллиот и Мортенсон все еще суетились около Джерри, перевязывая его. Менди Террис нигде не было видно.

— Уберите отсюда этого ребенка, — сказала мисс Феллоуз. — Отведите его к отцу в кабинет и заканчивайте свои процедуры там. А если увидите мисс Террис, скажите ей, что она может получить расчетный чек и убираться вон.

Они кивнули и попятились, как будто она изрыгала огонь.

Мисс Феллоуз повернулась и ушла в кукольный домик к Тимми.

54

Она решилась. Решение пришло к ней само собой: она вдруг просто поняла, что надо делать, и стала действовать без дальнейших колебаний. Возможно, ее и ждут какие-то неизвестные опасности, но придется рискнуть. Если она ничего не предпримет, Тимми непременно отправят в прошлое на верную смерть. С одной стороны верная смерть — с другой надежда. Выбирать легко. И нет больше времени раздумывать и передумывать теперь, когда родного сына Хоскинса так изувечили.

Нет, это нужно сделать сегодня же ночью, пока все празднуют успех средневекового проекта.

Мисс Феллоуз хотелось бы позвонить Брюсу Маннхейму, уведомить его, но она не осмелилась. Вдруг в компьютеры на телефонной станции заложена охранная программа — ее могут подслушать и сообщить о том, что она замышляет. Она свяжется с Маннхеймом потом, когда дело будет сделано. Он не рассердится, если она разбудит его среди ночи — не тот случай. И выполнит свою часть работы.

Полночь самое подходящее время, подумала она. Уйти в такой поздний час, а потом вернуться будет нетрудно. Она часто возвращалась сюда ночью, даже когда собиралась ночевать у себя и уходила с вечера. Охранник хорошо ее знает, и ему даже в голову не придет допрашивать ее. И на ее чемоданчик он вряд ли обратит внимание. Мисс Феллоуз прорепетировала, как она скажет: «Игры для мальчика» и спокойно улыбнется.

Игры для мальчика? Это ночью-то?

Но кто в ней усомнится? Всем известно, что она живет одним только Тимми. Если она среди ночи несет ему какие-то игры — значит, так и надо. С чего охраннику беспокоиться?

Он и вправду не стал беспокоиться.

— Добрый вечер, мисс Феллоуз. Большой день сегодня, а?

— Да, большой день. Тут игры для мальчика, — она взмахнула чемоданчиком и улыбнулась, проходя через барьер безопасности.

Тимми еще не спал, когда она вошла в кукольный домик.

— Мисс Феллоуз, мисс Феллоуз...

Она изо всех сил старалась вести себя нормально, чтобы не напугать его. Тимми спал? Немножко, сказал мальчик. Ему приснился всегдашний сон и разбудил его. Мисс Феллоуз немного посидела с ним, расспросила про сон, а Тимми огорченно спрашивал ее про Джерри. Она заставляла себя быть терпеливой. Кто заподозрит ее? Она имеет полное право здесь находиться. И мало кто увидит, как она будет уходить, и никто не спросит, что за сверток она несет. Тимми будет вести себя тихо, и дело будет сделано. А когда оно будет сделано, обратно уже ничего не вернешь. Ее оставят в покое. Их обоих оставят в покое. Даже если от того, что она сделает, погаснет электричество во всех шести округах, потом уже незачем будет возвращать Тимми обратно.

Она открыла чемоданчик.

И достала пальтишко, вязаную шапочку с ушами и все остальное.

Тимми спросил, растерянно и даже боязливо.

— Зачем вы на меня это надеваете, мисс Феллоуз?

— Хочу вывести тебя наружу, Тимми, чтобы ты увидел то, что тебе только снилось.

— Наружу? — он просиял, но в глазах был и страх.

— Не надо бояться. Ведь ты со мной. Ты не будешь бояться, пока ты со мной, правда, Тимми?

— Не буду, мисс Феллоуз. — Он прижался к ней своей бесформенной головенкой, и она, обняв его, ощутила, как стучит его сердце.

Она взяла мальчика на руки, отключила сигнализацию, тихонько открыла дверь.

И вскрикнула.

На пороге, прямо перед ней, стоял Джералд Хоскинс.

55

С ним было еще двое мужчин. Хоскинс уставился на мисс Феллоуз, не менее пораженный, чем она.

Мисс Феллоуз опомнилась первая и попыталась проскочить мимо него в коридор, но даже мгновенное замешательство позволило Хоскинсу ее удержать. Он сгреб ее и швырнул обратно в пузырь, прямо на комод. Сделал двум сопровождающим знак войти и устремил на нее тяжелый взгляд, загораживая дверь.

— Не ожидал от вас. Вы что, окончательно свихнулись?

Мисс Феллоуз, вовремя выставив плечо, уберегла Тимми от удара и теперь стояла, прижав мальчика к себе и с вызовом

глядя на Хоскинса. Но когда она заговорила, в ее голосе звучал не вызов, а мольба:

— Ну что такого случится, если я вынесу его, доктор Хоскинс? Неужели потеря энергии значит больше, чем человеческая жизнь?

Хоскинс кивнул сопровождающим, и они стали по бокам мисс Феллоуз, готовые остановить ее, если понадобится. Потом подошел и забрал у нее Тимми.

— Из-за того, что вы собирались сделать, отключится электричество на участке огромного размера. Весь город назавтра выйдет из строя. Станут компьютеры, перестанет работать сигнализация, сотрутся массивы информации и мало ли что еще. На нас обрушатся тысячи судебных исков. Нам это обойдется в миллионы, да что там миллионы — тут пахнет банкротством. В любом случае «Стасис технолоджиз» ждут страшные убытки и полный крах в глазах общественности. Что скажут люди, когда узнают, что всему виной сентиментальная няня, потерявшая голову из-за мальчика-обезьяны?

— Обезьяны! — в бессильном гневе повторила мисс Феллоуз.

— Вы же знаете, что так его называют репортеры, и публика считает его именно таким. Им не понять, что такое неандерталец на самом деле. Никогда они этого не поймут.

Один из сопровождавших Хоскинса вышел наружу, вернулся и стал протягивать нейлоновый шнур в скобы, помещенные вверху на стене.

Мисс Феллоуз ахнула, вспомнив шнур, привязанный к рычагу у той камеры, где когда-то лежал камень профессора Адамевского.

— Нет! — крикнула она. — Вы не сделаете этого!

Хоскинс опустил Тимми на пол и осторожно снял с него пальтишко.

— Постой-ка тут, Тимми. С тобой ничего не случится. Мы только выйдем на минутку, и все. Ладно?

Тимми, белый как мел, безмолвно кивнул.

Хоскинс вытолкал мисс Феллоуз из кукольного домика. У нее не было сил сопротивляться. Она тупо смотрела на красный рубильник у входа. Странно, как она не замечала его раньше, не сознавала его значения.

Меч палача, подумала она.

— Простите, мисс Феллоуз, — говорил Хоскинс. — Я избавил бы вас от этого, если бы мог. Я нарочно назначил операцию на полночь, чтобы вы узнали о ней, когда уже все будет кончено.

— Вы это сделали потому, что вашего сына поранили, — устало прошептала она. — А ведь это Джерри довел Тимми до того, что тот набросился на него.

— Случай с Джерри тут ни при чем.

— Я другого мнения, — ледяным тоном сказала мисс Феллоуз.

— Я говорю правду, поверьте. Я понимаю, что виноват был Джерри. Ну, может быть, этот случай немного и ускорил дело. Слухи о нем просочились наружу. Как могло быть иначе, если сегодня здесь так и кишели репортеры. Теперь мы услышим и про недосмотр, и про дикого неандертальца, и разную прочую чушь, которая только испортит впечатление от нашего успешного эксперимента. Лучше уж покончить с неандертальским проектом немедленно. Тимми все равно скоро бы нас покинул. Лучше отправить его сегодня же и тем лишить поживы любителей сенсаций.

— Это ведь не камень обратно швырнуть. Вы убиваете человека.

— Нет, не убиваем. Нет оснований считать, что обратный рейс опасен. Тимми очутится примерно на том же месте, откуда мы его взяли, примерно десять недель спустя с момента своего исчезновения — плюс минус пара недель, учитывая энтропический сдвиг и прочие тонкости. Он даже ничего не почувствует. Просто вернется домой — маленький неандерталец вернется в неандертальский мир. Он больше не будет ни затворником, ни чужаком. Сможет снова жить на свободе.

— Сможет ли? Ему от силы семь лет, он привык, что о нем заботятся, кормят, одевают, что у него есть крыша над головой. А теперь он окажется один в ледниковом веке. Вы не подумали о том, что племя за десять недель могло и откочевать? Они ведь не сидят на месте — они следуют за дичью, идут своей тропой. А если они каким-то чудом все еще там — думаете, они узнают его? Мальчика, который за десять недель вырос на три года? Да они с воплями кинутся прочь. Мальчик останется один и вынужден будет сам заботиться о себе. Откуда ему знать, как это делать?

Хоскинс качал головой, сохраняя на лице холодное, каменное, неумолимое выражение.

— Он найдет свое племя, и оно примет его обратно. Я совершенно в этом уверен. Положитесь на меня, мисс Феллоуз.

— На *вас*? — с тоской сказала она.

— Пожалуйста, — сказал он с внезапной болью в голосе. — У нас нет другого выхода. Простите, мисс Феллоуз. Поверьте — мне гораздо хуже, чем вы думаете. Но мальчик должен вернуться, и это все. Не делайте мою задачу еще тяжелей, чем она есть.

Мисс Феллоуз молча, пристально посмотрела ему в глаза долгим страшным взглядом и наконец печально сказала:

— Что ж, хорошо. Дайте мне по крайней мере с ним попрощаться. Оставьте меня с ним на пять минут. Уж в этом вы мне не откажете, правда?

Хоскинс поколебался и кивнул.

— Идите.

56

Тимми подбежал к ней — в последний раз — и мисс Феллоуз в последний раз прижала его к себе.

На миг она забылась в этом объятии. Потом подтянула ногой стул, придвинула его к стене, села.

— Не бойся, Тимми.

— Я не боюсь, когда вы здесь, мисс Феллоуз. Тот человек злится на меня?

— Нет. Он просто ничего не понимает, Тимми. Ты знаешь, что такое «мама»?

— Мама, как у Джерри?

— Ну да. Как у Джерри. Ты знаешь, что это значит?

— Мама — это тетя, которая заботится о тебе, и она очень добрая, и делает хорошее.

— Верно. Так и есть. А ты хотел бы, Тимми, чтобы у тебя была мама?

Тимми поднял голову, чтобы взглянуть на нее, протянул руку и медленно погладил ее по щеке, как она часто гладила его.

— А вы разве не моя мама?

— Ох, Тимми.

— Вы не сердитесь, что я так сказал?

— Нет. Конечно, нет.

— Потому что я знаю — вас зовут мисс Феллоуз, но иногда, про себя, я называю вас «мама». Как Джерри свою, только он вслух говорит. Можно мне вас так называть про себя?

— Можно. Можно, Тимми. И я больше никогда тебя не брошу и никому не дам тебя в обиду. Я всегда буду заботиться о тебе. Скажи мне «мама», чтобы я слышала.

— Мама, — успокоенно сказал Тимми, прижимаясь к ней щекой. Она поднялась с ним на руках и встала на стул. Хоскинс, помнится, говорил, что все незакрепленные предметы уносит в прошлое вместе с отправляемым объектом. В кукольном домике одни вещи были закреплены, другие нет — например, стул,

на котором она стояла. Значит, стул исчезнет. Пусть — это неважно. Исчезнут еще какие-то вещи. Она не знала, что захватит силовое поле времени, а что нет. Не имеет значения. Это не ее проблема.

— Эй! — завопил Хоскинс снаружи.

Она улыбнулась. Прижала Тимми покрепче, протянула свободную руку и всей своей тяжестью повисла на шнуре, натянутом между двумя скобами.

Стасис лопнул, и комната опустела.

Эпилог

МЕЧЕНЫЙ НЕБЕСНЫМ ОГНЕМ

Серебристое Облако подошел к жрице, которая, сидя на корточках, чертила на снегу магические круги.

— Мне надо поговорить с тобой.

— Так говори, — ответила она, продолжая свое занятие.

— Можешь ты ненадолго перестать чертить?

— Круги охраняют нас.

— Все равно перестань. Встань и посмотри на меня. Это важно.

Жрица хмуро, недовольно посмотрела на него и медленно поднялась. Вождю показалось, что он слышит хруст ее костей.

Снегопад на время прекратился, и солнце, уже низкое, светило над горизонтом.

— Говори же, — сказала жрица.

— Нам нужно уходить отсюда.

— Конечно. Всем это и так давно известно.

— И мы уйдем. Вот что я хотел сказать тебе. Уйдем сегодня же.

Жрица задумчиво почесала себе поясницу.

— Нам так и не удалось помолиться у алтаря.

— Да, не удалось.

— А ведь мы за этим сюда и пришли. Если уйдем, не помолившись — после того как отменили Праздник Лета — Богиня прогневается на нас.

— Богиня уже прогневалась, — раздраженно сказал Серебристое Облако. — И мы это знаем. Она послала на берег Чужих, которые не пускают нас к алтарю. Поэтому нам и нельзя помолиться. И оставаться тоже нельзя. Здесь нет хорошего укрытия, мало еды, а зима вот-вот настанет.

— Тебе уже давно следовало признаться себе в этом, Серебристое Облако.

— Да, следовало. Что ж, признаюсь хотя бы сейчас. Когда мы кончим говорить, я отдам приказ снимать стойбище, ты совершишь напутственные обряды, и мы уйдем. Ты поняла?

Жрица, посмотрев на него долгим взглядом, сказала:

— Я поняла. Но ты после этого не можешь оставаться вождем, Серебристое Облако.

— Знаю. Те, Кто Убивает, соберутся и сделают свое дело. Можете оставить меня в жертву Богине. Новый вождь поведет вас по этой горе на восток — искать убежища.

— Да, — сказала жрица, не очень взволнованная всем этим. — Кто же будет вождем после тебя? Пылающее Око? Расколотая Гора?

— Кто захочет.

— А если захочет не один?

— Тогда им придется сразиться,— пожал плечами вождь.

— Нет, это неправильно. Ты должен выбрать сам.

— Нет. Мудрость покинула меня. Мой век истек. Иди, готовься, жрица. Я все сказал.

И вождь отошел. Жрица окликнула его, но он не отзывался. Она бросила в него снежком, попала в плечо, но вождь не оглянулся. Он больше ни с кем не хотел говорить. Это его последний день, и он хотел одного — побыть в тишине и покое до тех пор, пока за ним не придут Те, Кто Убивает, с дубинкой из бивня. Завтра у него больше не будет болеть нога, и кто-то другой примет на себя бремя его власти.

Он стоял один, глядя на алтарь, у которого его народ так и не смог помолиться.

У реки собралось несколько Чужих — все вооруженные, воины. Что им надо? Молодой Олень, стоявший на страже у алтаря, беспокойно шагал взад-вперед. Уж не думают ли Чужие напасть и взять алтарь с боем?

Такое уж мое счастье, подумал Серебристое Облако. Сидели мы, сидели здесь неделя за неделей, сторожа друг друга, и никто не осмеливался захватить алтарь. Но стоило мне решиться уйти и оставить это место за ними, как они тут же приготовились отнимать его силой. А мы не можем с ними объясниться, поэтому придется драться, и многие погибнут. Погибнут напрасно. Если бы они дождались завтрашнего дня, алтарь достался бы им без боя — ведь мы бы ушли.

— Пылающее Око! — позвал он. — Волчье Дерево!

Те подбежали, и вождь показал им, что происходит у алтаря.

— Они собираются начать бой? — спросил Волчье Дерево.

— Это одной Богине ведомо, мальчик. Однако приготовьтесь на всякий случай. Скажите остальным. Всем скажите — даже

старикам. — Серебристое Облако поднял копье. — Я буду сражаться рядом с вами, если они нападут.

— Ты, Серебристое Облако? — недоверчиво спросил Пылающее Око.

— Почему нет? Думаешь, я забыл, как это делается?

Лучше умереть в бою, сказал он себе, чем под дубинкой Тех, Кто Убивает. Хотя он предпочел бы, чтобы сражение не состоялось и Люди ушли отсюда мирно.

Пылающее Око и Волчье Дерево побежали поднимать тревогу.

И вдруг, откуда ни возьмись, к вождю бросилась возбужденная Ведунья. Утром она в одиночку, как делала часто, ушла побродить по восточному склону, откуда они спустились. Эта женщина с каждым днем делалась все чуднее и чуднее.

— Серебристое Облако! Смотри! Смотри!

— Куда мне смотреть? — обернулся он к ней.

— На гору! — показала она назад. — Видишь там свет?

— Где? — Он всматривался, прищурив глаза, но ничего необыкновенного не видел.

— На тропе, по которой мы пришли. Видишь?

— Нет... Да, вижу! Вижу!

По спине вождя прошел холодок. Он уже видел однажды этот свет. Воздух наверху мерцал, ослепительно вспыхивая красным и зеленым огнем. Сверкающие кольца и петли плясали, свиваясь в венки. А в середине пылал белый огонь, такой яркий, что на него трудно было смотреть.

Такой же свет явился им, когда они спускались сюда с горы много недель назад. Когда Богиня взяла мальчика — Меченого Небесным Огнем.

Серебристое Облако стал шептать молитву. Позади него запела жрица, и двое младших подхватили ее песнь.

— Что это за свет, Серебристое Облако? — спрашивал кто-то. — Скажи нам! Скажи!

Серебристое Облако отмахнулся и медленно, скованно, как будто он долго шел по снегу и ноги у него окоченели, начал подниматься в гору.

Он должен подойти поближе. Он должен видеть.

— Богиня снова нам явилась, — прошептала одна из женщин.

Серебристое Облако все шел вперед и слышал, что следом идут другие. Оглянувшись на алтарь, он увидел, что и Чужие заметили на горе знамение — они покинули берег и тоже медленно всходили вверх, охваченные таким же, как и он, неодолимым стремлением: подойти и увидеть.

— Там Богиня! — застонала женщина. — Я вижу ее. Я вижу ее!

— Да, Богиня!

— Богиня в образе Чужой!

— Богиня в образе Чужой! Смотрите! Смотрите!

Серебристое Облако сощурил глаза, пытаясь рассмотреть то, что видели другие. Но свет был слишком ярок — странный свет, разноцветный вихрь с ослепительно белой сердцевиной.

Потом свет начал меркнуть, и Серебристое Облако увидел Богиню.

Она спокойно стояла на склоне, там, где только что горел нездешний свет. Такая же, как Чужие, да — очень высокая и тонкая, бледнолицая, светловолосая, с красными губами и круглым гладким лбом. На ней были белые одежды, каких Серебристое Облако никогда еще не видел.

А на руках она держала дитя. Дитя Людей.

Богиня тихо и медленно сходила с горы к собравшимся у подножия. Серебристое Облако шел ей навстречу. Теперь по левую руку от него шла Ведунья, по правую — жрица, позади — Хранительница Прошлого. Женщины жались поближе к нему, охваченные таким же трепетом, как и он, надеясь, что священная особа вождя защитит их перед лицом Богини.

Богиня была уже совсем близко.

Какое странное у нее лицо! Хотя это бесспорно лицо Чужой, как оно прекрасно, как покойно. Богиня улыбалась, и глаза ее радостно сияли.

Такой же радостью сияли и глаза мальчика у нее на руках — большого мальчика в необычайных одеждах.

— Метка на лице, — сказала Ведунья. — Видите? Знак небесного огня! Вы все знаете, кто этот ребенок. Где Алая Дымка Восхода? Смотри, Алая Дымка Восхода, Богиня вернула тебе твоего пропавшего сына — Меченого Небесным Огнем!

— Но Меченый Небесным Огнем был маленький, а этот...

— Посмотри на пятно! Пятно на его лице!

— Меченый Небесным Огнем! — поднялся крик со всех сторон.

Да, подумал Серебристое Облако. Должно быть, это он и есть. Какой счастливый у него вид! Улыбается, машет им, зовет их. За несколько недель он вырос на несколько лет. Богиня явила чудо, и все же это несомненно Меченый Небесным Огнем, возвращенный им. Где был этот мальчик? И почему возвращен? Кто знает... Велики и непостижимы деяния Богини.

— Смотри, — шепнула Хранительница Прошлого. — Чужие идут.

Вождь оглянулся. Да, враг шел за ними по пятам, но не собирался воевать — видно было по лицам. На гору всходили не только воины, но и все их племя: женщины, дети и старики. Их так же, как и Людей, ошеломило явление Богини, они так же благоговели и так же преклонялись перед ней.

Богиня ждала, все еще держа на руках Меченого Небесным Огнем, и улыбалась. От нее и от мальчика исходил золотистый свет.

Серебристое Облако упал перед ними на колени. Радость переполняла его, на глаза навернулись непривычные слезы — он не мог не преклонить колен, не мог не возблагодарить. Рядом с ним опустились жрица и Ведунья; посмотрев вокруг, он увидел, что и другие пали, чтобы поклониться Ей — и свои, и Чужие. Бок о бок, позабыв о вражде, падали они на колени в снег, возводя взоры к сияющей фигуре с улыбающимся ребенком на руках, которая стояла среди них, словно вестница весны и мира.

Содержание

Позитронный человек, роман, *перевод Б. Клюевой* 5

Безобразный малыш, роман, *перевод Н. Виленской* 213

ПОЗИТРОННЫЙ ЧЕЛОВЕК

БЕЗОБРАЗНЫЙ МАЛЫШ

VERBA VOLANT, SCRIPTA MANENT
POLARIS publishers